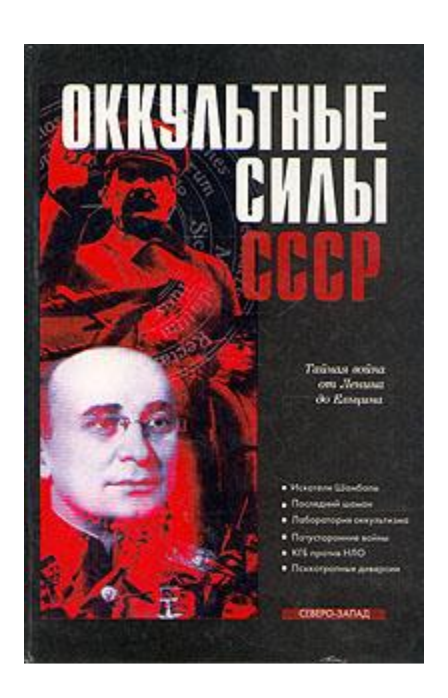
Колпакиди Александр

Оккультные силы СССР

Андрей Балабуха. Естествознание в мире мифов

Если волшебным ключом к первому тому «Спецслужб России» послужило слово «тайна» (и к нему, клятвенно заверяю, мы вернемся еще не раз), то сегодня придется воспользоваться другим, не менее емким и полисемантичным. «Миф» — в буквальном переложении с эллинского наречия на язык родных осин это слово означает «повествование», «сказание» или «предание». Справедливости ради замечу, в повседневном обиходе употребляем мы его едва ли не в единственном из многих значений — чего-то небывалого и небываемого, несуществующего и несущного. В результате понятие «мифический» давно уже стало по сути синонимом ложности, эвфемизмом когда невинного, а когда и злокозненного вымысла. Однако на деле все отнюдь не столь просто и однозначно.

Миф — порождение коллективного сознания. Конечно, в отдельных случаях можно с полным основанием говорить и об его конкретном авторе, но в том-то и фокус, что сочинить красивую сказку всяк может, однако мифом становится лишь тот плод человечьих измышлений, что придется по вкусу великому множеству собратий. Согласно словарному определению, миф «в обобщенном виде и чувственно-конкретных персонификациях отражает действительность и мыслится вполне реальным». Последнее важнее всего: Ясон, Геракл и Тесей, Эдип и Медуза Горгона представлялись какому-нибудь кожевеннику-коринфянину не менее реальными, чем обитавший по соседству горшечник Состратос. И не только в незапамятные античные времена Миф оставался и остается одним из мощнейших инструментов постижения и осознания окружающего. Настолько могущественным, что порою он играючи подчиняет себе те самые разум, сознание и человеческую личность, которым — по идее — обязан только служить.

На одну из таких сверхустойчивых мифологем опиралось, в частности, то противостояние двух Третьих Римов, о котором я упоминал в предисловии к первому тому.

Однако с идеей римского наследства в нашем коллективном бессознательном исстари соседствует и другая — о наследии ордынском. А поскольку для первой части этого тома она имеет принципиальное значение, позволю себе остановится на ней подробнее. По структуре она достаточно сложна и включает несколько связанных меж собой, но практически самостоятельных составляющих, однако непосредственное касательство к сегодняшней теме из них имеют две.

В первую очередь, это естественное стремление побежденных «сохранить лицо». Именно оно побудило обложенный данью народ, ставший периферийным улусом империи чингизидов, из веку в век говорить о том, как он грудью прикрыл Европу от монгольского нашествия. Мифу нет дела ни до того, что и сама Европа была для монголов лишь удаленной окраиной, прилегающей к «последнему морю»; ни до того, что и там, в Центральной и Западной Европе, они не потерпели ни одного исторически значимого поражения; ни до того, что передовой отряд — два тумена татарской кавалерии — насквозь прошел Испанию и Португалию и зачерпнул-таки шлемами атлантической водицы, кою и повезли потом через всю Евразию в далекий Каракорум. Что ж, как известно, факты мифу не указ — психология для него куда важнее. Сотворяя из нестерпимого военного фиаско роль претерпевшего за ближнего всеевропейского щита, миф возвращал народу чувство самоуважения и собственных значимости и достоинства. В действительности же щит возникал не на геополитических просторах, а в общественном сознании, надежно защищая его от мнимой унизительности нанесенного субэдеевыми и батыевыми ордами разгрома. Говорю мнимой, ибо нет и не может быть ничего унизительного в поражении, нанесенном достойным противником. В том же, что монголы являлись противником достойным, сомневаться не приходится — чуть не полмира покорили, как-никак.

Однако сохранение лица — лишь первая ступень. Кануло в прошлое двухсотлетнее иго, и на смену ему пришло ощущение сопричастности великому царству. Помимо вечной несбыточной мечты о черноморских Проливах, претензии на положение Третьего Рима были закреплены Иваном III, заключившим династический брак с безвластными уже византийскими Палеологами, благодаря чему и появился в российском гербе двуглавый орел ро-мейских базилевсов. Претензии на ордынское наследство не нашли себе столь зримого выражения, зато проявились весьма ощутимо — в поразительном по размаху и скорости завоевании Сибири, вполне сопоставимом с покорением испанскими конкистадорами Нового Света или американским броском на Дикий Запад. Но это на уровне истории свершившейся. Однако с ним соседствует другая история — несбывшаяся, несостоявшаяся, потенциальная. В ней-то и прочитывается вторая ступень мифа.

Китайцы пошли в этом отношении гораздо дальше, объявив Чингисхана «великим китайским полководцем» — им проще: там была монгольская династия, а не иго. Но со взятия Казани и Астрахани плена грезилась, грезилась великая — чтобы не на одну шестую, вполмира — империя, чтобы вошли в нее все былые царства всяких там хулагуидов, гуюкидов и прочих Великих Моголов. Зря, что ли два века терпели? По праву наше будет. Предками завещано, обетованно. А какими предками — в том мифу не суть. И множились на протяжении всей российский истории разнообразные прожекты установления такого царства, и в этом смысле не лег семнадцатый год рубежом — сменить ведь можно только строй, но никак не менталитет. И «Последний бросок на Юг» — законный наследник и правопреемник «Великого броска на Восток», а господам юнкерам метилось то же, что и пламенному комсомольскому поэту Павлу Когану, автору незабвенной романтической «Бригантины»:

Но мы еще дойдем до Ганга,
Но мы еще падем в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла Родина моя.

Много их было, осиянных этой великой мифической мечтою. С некоторыми вам еще предстоит встреча в следующих томах. Причем, замечу, о каждом из них можно написать не очерк, а захватывающий приключенческий роман. Увы, на подобные художественные биографии литература наша не щедра — воистину нет пророка в своем отечестве! Именно в этом ряду стоит и главный герой первой части «Оккультных сил в СССР» — Жамсаран (в крещении — Петр Александрович) Бадмаев, выпускник восточного факультета Петербургского университета и Медико-хирургической академии, чиновник Азиатского департамента Министерства иностранных дел, успешливый предприниматель, знаменитый «тибетский врач» и прочая, и прочая.

Главной сам он почитал (или, по крайней мере, называл) эту последнюю ипостась. Не будучи специалистом, не возьмусь судить, кем был он в действительности: великим врачевателем или великолепным шарлатаном, явившимся из монгольских степных предгорий Гиппократом или же Чумаком-Кашпировским fin de siucle — широкое хождение имели в свое время оба этих мнения. Что ж, пусть разбираются в этом историки медицины. Но в целом размах его деятельности не может не восхищать. Не стану пересказывать фактов, с которыми вскоре познакомят вас Олег Шишкин и Александр Борисов, однако некоторыми выводами и общими оценками позволю себе поделиться.

Самый яркий из троих представителей «тибетской династии», Петр Александрович Бадмаев являл собою законченный тип графа Монте-Кристо a la russe (кстати, герой Дюма-отца также занимался врачеванием, правда, на Востоке). Впрочем, и в наших пале-стинах этот тип был представлен достаточно ярко — вспомните хотя бы «полудержавного властелина», светлейшего князя Александра Даниловича. Увы, его пример наводит на печальную мысль: в отечестве нашем личность такого масштаба и такого характера изначально обречена в лучшем случае на березовскую ссылку… Так что и печальный конец Бадмаева был то ли предсказуем, то ли вовсе предопределен. Только никто, слава Богу, в это предопределение никогда не верил и не верит — не потому ли и красуются Меншиковский дворец на Неве и буддийский храм (кстати, самый большой в Европе) на Невке? Скольких свершений лишилась бы наша история, если бы не этот психологический феномен…

Формально «тибетский врач» Бадмаев не занимал столь высокого положения, как герцог Ижорский — к титулам он особо не стремился, да и не петровские времена были на дворе. Но проследите судьбу любого мало-мальски примечательного человека в тогдашнем Санкт-Петербурге — и она рано или поздно да выведет вас на фигуру высокоученого бурята. Создается впечатление, будто он являлся неким потаенным центром столичной жизни, серым кардиналом и великим кукловодом. Пожалуй, именно в этой его вездесущности и заключена та мистическая сила, которая заставила составителя включить рассказ о Бадмаеве в контекст разговора обо всех и всяческих спиритах, оккультистах и мистиках (ведь в самой по себе восточной медицине много пока загадочного, но ничего оккультного, согласитесь, нет). Правда, далеко не всем бадмаевским начинаниям суждено было сбыться, но и воплощенное все-таки в жизнь, прямо скажем, впечатляет. Что же до невоплощенного…

Пожалуй, в один ряд с его «великим восточным проектом» имеет право встать лишь одно — и также неосуществленное — начинание: потрясающий по смелости и размаху замысел учреждения Кавказской компании, родившийся под пером дипломата (именно дипломата, а не автора бессмертной комедии) Александра Сергеевича Грибоедова; замысел, по сравнению с которым даже заговор декабристов может показаться более или менее невинной игрой.

Самое примечательное, что Жамсаран Бадмаев — ярчайший, может быть, пример успешного решения в Российской Империи национальной проблемы. Да, сознательно и неосознанно, однако несомненно «восточный проект» его был вдохновлен тем самым мифом об ордынском наследии, о котором шла выше речь. Но откуда явился творец идеи? — Чуть ли не из родных чингисхано-вых мест. Тем не менее, в роли грядущего великого кагана видел он

российского «белого царя», искренне ощущая себя плотью от плоти Империи, человеком русской культуры и православной веры. И стоял за этим вовсе не пыл неофита, извечно стремящегося быть святее самого папы римского. Нет — это было то мироощущение, за которым видится мне единственно возможное будущее России. Но это, впрочем, уже совсем другой разговор…

Владимир Семенников. ЦЕЛИТЕЛЬ ИМПЕРИИ

Теперь, когда раскрываются все тайные пружины, направлявшие политику России в последние годы старого режима, поддается более определенному выяснению и та роль, которую в механизме самодержавного аппарата играли различные закулисные деятели и аферисты крупной и мелкой марки. В числе этих фигур видное место занимает «врач тибетской медицины» Бадмаев.

Лаборатория Бадмаева изготовляла различные чудодейственные лечебные средства, пользовавшиеся особенно большим успехом в придворном кругу. Однако не в этом состояла основная деятельность тибетского врача. Главной сферой его «работы» была внутренняя и даже внешняя политика; параллельно с этим он занимался различными крупными концессионными предприятиями, теснейшим образом связанными как с закулисной политической игрой, так и с «тибетским» врачеванием.

На арену политической жизни Бадмаев выступил еще при Александре III. Воцарившийся Николай II обнаружил через некоторое время склонность к тесному общению с различными «странниками» и юродивыми, и Бадмаев, быстро учуяв этот мистический запах, стал прилаживаться к разным «божьим людям», входившим в фавор при дворе. Отсюда — близость Бад-маева к Илиодору и позднее к самому Распутину. Именно в последние, распутинские, годы с наибольшим блеском засияла и звезда Бадмаева.

Несмотря на природный ум и свою затаенную хитрость, тобольский «старец» Распутин едва ли принадлежал к числу людей, способных самостоятельно разбираться в сложных вопросах политики; да в этом и не было для него особой необходимости: важнее была его мистическая «интуиция», благодаря которой в романовской семье на него смотрели как на прозорливого святого «старца». Но, тем не менее, этот придворный святой, так воздействовавший на Романовых, в свою очередь, и сам подвергался различным влияниям со стороны других темных личностей, связывавших свои как политические, так и просто мошеннические предприятия, с Распутиным. И тибетский врач Бадмаев был не только крупным действующим лицом в клике этого «старца», но, несомненно, оказывал на него непосредственное воздействие.

Было бы ошибочно думать, что Бадмаев представлял собою фигуру, напоминающую невежественного знахаря. Мы говорим, конечно, не про удельный вес его «тибетской медицины», основанной на немалой дозе шарлатанства. В смысле своего интеллектуального развития он стоял отнюдь не низко: он получил университетское образование и обладал значительным природным умом (близко знавший Бадмаева граф С. Ю. Витте считал его «типичнейшим азиатом», но человеком «весьма умным»). И, хотя весь ум Бадмаева, вся его энергия направлены были в сторону различных афер, нельзя не признать, что уже в самом размахе этих афер видна птица большого полета [Жамсаран Бадмаев родился в Восточной Сибири в 1851 году. До двенадцати лет рос в степях, где отец его имел большое скотоводческое хозяйство; позднее учился в иркутской гимназии. Старший Бадмаев, Цультим, еще в 1853 году стал известен местным русским властям, а через четыре года приехал в Петербург, где просил разрешения произвести опыты лечения тибетской медициной. Для этой цели он был прикомандирован к сухопутному военному госпиталю. В Петербурге Бадмаев-старший приобрел большую практику и открыл особую тибетскую аптеку. Вскоре он выписал к себе младшего брата Жамсарана, который в 1871 году поступил в Петербургский университет на факультет восточных языков, по китайско-монголо-маньчжурскому разряду. Во время пребывания в университете младший Бадмаев принял православие — и, таким

образом, стал из Жамсарана Петром Александровичем. Крестным отцом Бадмаева числился наследник престола — позднее Александр III, — и это послужило для Бадмаева одной из тех нитей, через которые он притягивался ко двору.

По окончании в 1875 году университета, Бадмаев определился на службу в азиатский департамент и служил в министерстве иностранных дел до 1893 года. С 1890 года он в течение нескольких лет состоял лектором монгольского языка в Петербургском университете. Тибетскую медицину Бадмаев стал практиковать в Петербурге с 1875 года и занимался этим вплоть до революции. В августе 1917 года Временное правительство распорядилось о высылке Бадмаева за границу, вместе с Вырубовой и Манасевичем-Мануйловым. То ли Бадмаев уклонился от исполнения этого распоряжения, то ли, побыв за границей, вернулся в Петроград — во всяком случае, именно здесь он умер через два с лишним года после крушения Романовых].

Распутин — Илиодор — Бадмаев

Мистические кликуши, стремившиеся приблизиться к романовскому трону, постоянно вели между собой борьбу с целью столкнуть своих соперников и занять место главного придворного пророка. На этот «пост» было несколько конкурировавших друг с другом претендентов, пока окончательно на нем не обосновался Распутин. К числу юродивых и «странников», выдвинувшихся на придворную арену, принадлежали, например, юродивый Митя Козельский (не владевший человеческой речью и подававший советы «царям» путем мычания), босоногий странник Вася (Ткаченко), «Матренушка-босоножка». Эти люди выходили из низов народных и являлись в глазах коронованных особ своеобразными «народными представителями».

К явлениям этого же порядка относился и пресловутый иеромонах Илиодор. Конечно, Илиодор был человеком гораздо более развитым, чем все эти босоногие и косноязычные странники — потому он и действовал иными средствами и приемами, — и, тем не менее, он состоит «в кровном родстве» с другими разновидностями кликушеско-мистиче-ской породы.

Стяжав себе громкую известность погромно-патриотическими выступлениями в Саратове и Царицыне, где была благодарная почва для «работы» при монастырях, Илиодор в конце 1911 года, достигнув вершины своей славы, попал наконец в придворные сферы. У царского трона, однако, уже властвовал Григорий Распутин. Отсюда, вполне понятно, возникла борьба. И, какими бы мотивами ни прикрывался Илиодор, совершенно ясно, что именно желание свергнуть могущественного соперника и самому занять его место было основной, движущей пружиной выступления Илиодора против Распутина.

Главным соратником Илиодора был его духовный наставник, епископ Гермоген, но личность его как-то стушевывается перед фигурой самого Илиодора. Ходатаем в «высших сферах» за взбунтовавшихся иеромонаха и епископа был тибетский врач Бадмаев. (Позднее, когда Илиодор потерпел решительное поражение, он перешел на сторону Распутина.)

Изложим вкратце обстоятельства знакомства Илиодора с Распутиным и последовавшего затем активного против него выступления.

Илиодор познакомился с Распутиным в 1903 году, когда последний еще только появился на петербургском горизонте и был принят под покровительство инспектора Духовной академии (которую только что окончил Илиодор) иеромонаха Феофана. В предшествовавшем

году в кругу Феофана распространились слухи, что где-то в Сибири «объявился великий пророк, прозорливый муж, чудотворец и подвижник, по имени Григорий» [Здесь и далее цитируются записки Илиодора о Распутине «Святой чорт», изданные в 1917 году]. И вот, когда этот чудотворец прибыл в Петербург, Илиодору удалось завязать с ним знакомство, а через некоторое время и сблизиться. Восемь лет длилась дружба Илиодора с Распутиным; их отношения были так близки, что Илиодор ездил с Распутиным на родину последнего в Тобольскую губернию, и «великий пророк» посвятил иеромонаха во все свои тайны. Знал Илиодор и про связи Распутина с «царями», и про его распутство с женщинами. Причем, наблюдая развратные похождения Распутина, твердо верил умный иеромонах, что дан Григорию свыше особый дар посредством сношений с женщинами освобождать их от «блудных страстей». Возникали, правда, иногда у Илио-дора — как сам он говорил — сомнения в подлинной святости Распутина. Но, в конце концов, похождения «святого» всегда находили в душе иеромонаха оправдание. Оно и понятно: Распутин всячески заступался за Илиодора, покровительствовал ему, успешно хлопотал для него награды. И только в 1911 году «прозрел» Илиодор: он понял, что Распутин «не кто иной, как диавол». Понял это Илиодор, конечно, именно тогда, когда, преувеличивая свои силы, вообразил себя столь крупной величиной, что может вступить в борьбу с Распутиным.

Решительным моментом предпринятой Илиодором, совместно с Гермогеном, кампании против Распутина было «обличение», состоявшееся 16 декабря 1911 года. Распутина заманили в подворье, где жил Гермоген, и здесь, в присутствии нескольких свидетелей, Илиодор выложил Григорию все свои обвинения. Деятельным помощником Илиодора при этом был юродивый Митя Козельский; духовный же начальник Илиодора Гермоген, превосходя других своею активностью, во время «обличения» стал бить «святого старца» крестом по голове. От Распутина требовали, чтобы он перестал посещать царский дом и прекратил разврат с женщинами. В конце концов Распутина заставили поклясться в этом перед иконой.

Последствием этого «обличения» было то, что 17 января 1912 года Илиодор и Гермоген были высланы из Петербурга: Илиодор — во Флорищеву пустынь, Гермоген — в Жировицкий монастырь.

Оба они сперва не подчинились указу о высылке. Но через несколько дней Гермоген покорился, а Илиодор, найдя себе тайный приют у Бадмаева, пытался продолжать борьбу.

Скрываясь у Бадмаева, Илиодор просил его, «как старинного царского друга», как-нибудь поправить дело и добиться удаления Распутина. Исполняя просьбу Илиодора, Бадмаев беседовал относительно него с дворцовым комендантом Дедю-линым; при этом последний попросил, чтобы Илиодор записал все, что ему известно о Распутине.

Илиодор написал «записку», но, по его признанию, составлена она была «далеко не полно».

Илиодор рассчитывал, что записка эта будет через Дедюлина передана Николаю; но, по словам Илиодора, Бадмаев передал ее председателю Думы Родзянко и некоторым другим членам Думы. Вследствие этого вопрос о Распутине возник в Думе, которая и сделала правительству запросы о деятельности Распутина.

Прождав несколько дней у Бадмаева, Илиодор счел за лучшее открыться властям и был отправлен на место ссылки.

Сидя во Флорищевой пустыни, Илиодор дополнил свою записку о Распутине новыми данными и сообщил их также Бадмаеву.

После высылки Илиодора в Петербурге заинтересовались хранившимися у изгнанного иеромонаха письмами Александры Федоровны и царских дочерей к Распутину; эти письма когда-то сам Распутин подарил Илиодору. За ними к Илиодору были отправлены посланцы: от сотрудника «Нового Времени» Родионова (принимавшего участие во всей илиодоровско-

рас-путинской истории) и от Бадмаева. Посланцу Родионова Илиодор передал подлинники этих писем, а для Бадмаева послал копии. Получив эти письма, Родионов передал их министру внутренних дел Макарову, а последний — царю.

Что касается полученных Бадмаевым копий, то они были переданы председателю Думы Родзянко, который находился в постоянных сношениях с тибетским врачом. Эти сведения Родзянко использовал для доклада Николаю II.

Из вышесказанного следует, что Бадмаев во всей этой истории действовал на стороне Илиодора. «Благоразумными и кроткими мерами» Бадмаев настойчиво советовал ликвидировать это дело и постараться привлечь к себе Илиодора. С такими советами он обращался и прямо к царю, и к Дедюлину. Последний благодарил Бадмаева «за чисто проведенное дело ликвидации грозившего для церкви и России скандала», но мнения Бадмаева об Илиодоре Дедюлин не разделял, находя, что сделать иеромонаха полезным уже нельзя.

Защищая Илиодора, Бадмаев в то же время вел — впрочем, очень осторожно — кампанию против Распутина. Очевидно, тибетский врач недооценивал в данном случае его силы и слишком доверялся счастливой звезде Илиодора. Позднее Бадмаев исправил свою ошибку и без колебаний перешел в лагерь Распутина.

Закулисная работа Бадмаева в 1916 — 1917 годах

Как видно из документов бадмаевского архива, а также из других достоверных источников, отношения Бадмаева со «сферами» обрисовывались следующим образом. Непосредственно к Николаю II и Александре Федоровне Бадмаев проникал, по всей вероятности, довольно редко. Но, тем не менее, Бадмаев весьма энергично развивал закулисную деятельность, причем двумя путями: с одной стороны, при посредстве писем, которые он постоянно, по самым различным вопросам, писал Николаю, Александре и особенно их доверенному лицу Вырубовой; с другой стороны, путем непрерывных личных сношений с центральной фигурой — Григорием Распутиным.

Отношения Бадмаева с Распутиным были очень близки. И нет сомнения, что умный и ловкий тибетский врач, гораздо более политически развитый, чем Распутин, оказывал на него определенное влияние. То, что «вдалбливал» Бадмаев в голову Распутину, тот передавал и Вырубовой, и Александре Федоровне. Последняя же, как видно из писем ее к Николаю, играла, несомненно, решающую роль во многих вопросах внутренней и внешней политики.

Так от тибетского врача, через Распутина и Александру Федоровну, протягивались нити к русскому царю.

По своей лекарской практике Бадмаев имел громадное количество знакомых в придворных и бюрократических кругах. И пациенты Бадмаева часто делались его «политическими клиентами». Именно в лаборатории Бадмаева зародилась мысль о назначении министром Протопопова, который с давнего времени прибегал к тибетской медицине. Бадмаев играл роль политической сводни: у него на квартире Григорий Распутин устраивал своеобразные «пробы» различных кандидатов на министерские и другие посты. Про одного из таких «пробуемых» кандидатов, по всей вероятности, пишет Распутин Бадмаеву: «Беседуем кротко, но разумно. Надо убедитца про ево во всех корнях и отрастелях».

И как скоро Григорий Ефимович убеждался в данном человеке «во всех отрастелях», получался готовый кандидат в министры.

Когда у власти в качестве председателя Совета министров появился Штюрмер [Он был назначен 20 января 1916 года], влияние распутинской клики в правительственном кругу усугубилось. Однако и в ней были свои «партии»: Бадмаев Штюрмером не был удовлетворен, так как последний был всецело в руках у бадмаевского конкурента, другого проходимца — Манасевича-Мануйлова. У Бадмаева имелись свои кандидаты в правительство, и все его усилия были направлены на то, чтобы их успешно провести. Полного торжества кружок Бадмаева достиг, когда 16 сентября 1916 года министром внутренних дел назначили Протопопова. Появление его у власти вызвало к активной деятельности и другую фигуру. Это — генерал Курлов, большой друг Протопопова, а также Бадмаева, при посредстве которого он и добился своей реабилитации [Курлов после убийства Столыпина был уволен в отставку. Только в начале войны, в 1914 года, ему удалось вновь вернуться на службу; его назначили прибалтийским генерал-губернатором. Но и здесь он сумел себя скомпрометировать и был отстранен от должности. Сразу после назначения Протопопова Курлов стал его помощником по министерству внутренних дел. Однако, официально об этом сообщать опасались: указ о его назначении товарищем министра внутренних дел был сообщен сенату 3 декабря 1916 года одновременно с указом об освобождении его от этой должности].

Бадмаев, Курлов, Протопопов (находившийся под влиянием первых двоих) образовали тесно сплоченное ядро, сильное взаимной связью этих лиц и, особенно, их доверительными отношениями с Распутиным.

Проследить скрытую роль Бадмаева можно, конечно, только отчасти — по тем письмам, которые адресовал Бадмаев к Н. и А. Романовым и к Вырубовой. Но и этих писем достаточно, чтобы видеть, сколь широка была сфера компетенции тибетского врача. Казалось бы, нет ничего общего между тибетской медициной и политической группировкой членов в Государственном Совете, а, между тем, Бадмаев весьма интересуется этим делом: он составляет обстоятельную картограмму с распределением членов Государственного Совета по партиям, делает точный поименный подсчет всех членов в каждой группе — и все это с той целью, чтобы показать, как необходимо усилить в «верхней палате» крайне правое крыло.

Интересовала Бадмаева и деятельность социалистических партий. Так, он направил Вырубовой для передачи царю прокламацию объединенного комитета студенческих социал-демократических фракций, пояснив при этом, что «подобные речи слушают генералы в военно-промышленных комитетах».

Очень волновало тибетского врача дело министра А. Н. Хво-стова, пытавшегося организовать убийство Распутина. Находя, что вокруг этого дела возникло «много лжи относительно Григория Ефимовича», Бадмаев просил у Николая позволения лично объяснить ему «многое».

Не раз обращался Бадмаев с представлением своих кандидатов на различные посты: так, генерала Сахарова он прочил на пост военного министра и председателя совета министров. Основанием для этого было прежде всего то, что жена Сахарова лечилась у Бадмаева; кроме того, Сахаров, по мнению Бадмаева, был как раз тот человек, который считал, что в политике нужна «определенная, православная, царская и русская твердость».

Пресловутого редактора «Земщины» Глинку-Янчевского Бадмаев рекомендовал в члены Государственного Совета и просил о выдаче ему субсидии; последнее было исполнено.

Бадмаев издавал различные брошюрки на современные темы и представлял их царской семье и министрам, сопровождая весьма любопытными письмами. К примеру, когда Бадмаев посылал царским дочерям свою книжку «Мудрость в русском народе», он каждой из них написал особое письмо: Марии Бадмаев заметил, что «она с любовью и охотой относится к

учению», — и потому, конечно, представляемая им книжка будет ей очень полезна. Анастасии Николаевне он попенял, что она «не питает особой охоты к учению», — но и тут его брошюрка поможет: от ее прочтения может появиться «великая охота узнать внутреннюю жизнь 170-миллионного населения нашей родины».

Но особенно много усилий тратил тибетский врач на продвижение к власти генерала Курлова. Бадмаев всячески старался уверить «верхи», что Курлов — самый достойный человек: он «глубокий монархист, всегда был на страже принципов царизма, по закону, по совести и по своему высококультурному образованию». Как раз в то время, когда в Государственной

Думе делались запросы насчет Курлова, Бадмаев настойчиво предлагал его в члены Государственного Совета, и, хотя это назначение не состоялось, Курлов и без того играл крупнейшую роль в Министерстве внутренних дел.

На громком имени генерала Курлова, ближайшего приятеля Бадмаева, нам придется ненадолго остановиться. В своих воспоминаниях Курлов категорически отрицает какую-либо связь с Распутиным: «Я никогда не получал никаких назначений, наград, или вообще милостей через Распутина, несмотря на циркулировавшие на этот счет обо мне слухи»… Однако документы имеют свой, более правдивый язык, и они свидетельствуют, что слова Курлова лживы. Вот, например, что пишет Вырубовой лучший друг Курлова, Бадмаев: «Я глубоко благодарен вам и Григорию Ефимовичу за Павла Григорьевича [Курлова], которого дорогой государь наш принял ласково и выслушал…» (письмо от 9 сентября 1916 года). Вскоре после этого приема Курлов и был назначен товарищем министра.

И сам Григорий Ефимович, зная «енирала Курлова» как преданного родине (то есть ему, Распутину) человека, обращался к Курлову и Бадмаеву с такой, например, запиской: «Ето ваш, помогите ему, милой, дорогой».

Впрочем, в одном отчасти прав генерал Курлов, когда пишет: «Я допускаю, что он [Распутин] в некоторых случаях обращался с деловыми просьбами к царице, или даже к самому царю, — и думаю, что многие из его просьб, действительно, удовлетворялись; но выгоды от этого получал не он, а окружающая его банда аферистов». Относительно Распутина Курлов прав в том смысле, что «старец», хотя и не прочь был брать взятки, но не так в них нуждался, получая денежные подачки от правительства. Относительно же «банды аферистов» генерал Курлов прав безусловно. И в особенности потому, что одним из главных лиц в этой «банде» — как это будет установлено далее — являлся он сам, генерал Курлов.

Что же было для Бадмаева главным? Тибетская медицина для него являлась делом третьестепенным — по крайней мере, когда посредством своего лекарства Бадмаев уже приобрел громадные средства; скрытая политическая работа была важнее, но и она не была ведущей.

Первое же место принадлежало различным крупным коммерческим аферам — преимущественно железнодорожным концессиям, которым служила и политика, и тибетская медицина.

Согласно документам бадмаевского архива, в июле 1916 года действительный статский советник Бадмаев, генерал-лейтенант Курлов и Георгий Александрович Манташев организовывают акционерное общество для постройки и эксплуатации железной дороги от города Семипалатинска до местечка Улан-Даба (на границе Монголии).

Еще в 1914 году дано разрешение на производство Бадмае-вым и Курловым предварительных изысканий по постройке; теперь же, в 1916 году, названные лица начинают хлопотать о получении концессии и вступают в соглашение с банками и предпринимателями по реализации необходимого капитала.

Железнодорожная линия, по проекту Бадмаева, является только одним из участков грандиозной трансмонгольской железной дороги, концессию на которую также предполагали получить Курлов и Бадмаев.

В это же самое время, в июле 1916 года, Бадмаев, совместно с тем же Курловым, разрабатывает и другой проект — об организации русско-армянского акционерного общества для постройки путей сообщения и разработки естественных богатств Закавказья и сопредельных с ним, только что занятых русскими войсками частей турецкой Армении.

Немного позднее, в феврале 1917 года, то есть перед самой революцией, Бадмаев задумывает аферы на Мурманской железной дороге, для чего ведет переговоры со строителем дороги Горячковским и представляет его записки Николаю II.

Железнодорожные аферы проясняют картину основной деятельности Бадмаева, в том числе и направляющую линию его политических устремлений.

Зная махинации Бадмаева, можно понять смысл его письма к Распутину. 8 октября 1916 года тибетский врач просит Распутина оказать содействие какому-то предприятию. «В обыкновенных путях, — пишет Бадмаев, — подобные дела требуют продолжительного времени для своего осуществления, между тем это — важнейшая отрасль промышленного предприятия. Владелец его верит мне и генералу Курлову, предлагая заплатить 50.000 рублей, если оно устроится. Мы отказались взяться за это дело за деньги [честные, благородные люди!], но сказали ему, что можем попросить вас направить это дело по правильному пути, так как это дело совершенно справедливое и требующее, чтобы министры знали, что око государя следит за ним». Поэтому Бадмаев и Курлов просят Распутина «ему известными путями» направить это дело царю, чтобы тот уже передал в Совет министров.

Ясно, что в числе акционеров упомянутого предприятия состояли сами Бадмаев и Курлов. В письме они намекали Распутину, что он может получить взятку в 50 тысяч рублей за устройство этого дела.

Генерал Курлов в мемуарах распространяется о том, как он именно в это время стремился «до конца исполнить свой долг перед царем и родиной». Этот «долг», очевидно, заключался в тех самых железнодорожных концессиях и других аферах, которые замышлялись им совместно с Бадмаевым.

Архивные документы, к сожалению, мало освещают ту промышленно-финансовую среду, на которую опирался обладавший крупным капиталом Бадмаев. Для последнего периода его «работы» немаловажно отметить связь с Протопоповым. Последний был не только министром внутренних дел, но и председателем «Совета съездов металлургической промышленности» (в 1916 году). Есть все основания думать, что именно представители металлургии, действуя через Бадмаева и Распутина, выдвинули Протопопова в министры; таким образом, у самого руля власти оказался ставленник металлургического треста. Бадмаев же, как мы видели, именно в это время «интересовался» различными железнодорожными и горнопромышленными предприятиями — в них, очевидно, принимал участие и сам председатель «Совета съездов».

Для характеристики деятельности Бадмаева в последние дни существования царизма надо отметить также, что, помимо намечавшихся им грандиозных железнодорожных афер, он задумывал и другое колоссальное предприятие: в то время, когда обнаружился продовольственный кризис, тибетский врач выступил с проектом организации снабжения не только Петрограда, но и всей России (и даже всего мира!) мясом и молоком. План этот Бадмаев развил в книжке «Мудрость в русском народе», которая была специально предназначена вниманию «высоких сфер».

«Я мог бы, если бы имел время, теперь руководить снабжением Петрограда мясом в данный тяжелый момент, переживаемый всей Россией, и одновременно руководить устройством этого хозяйства так, чтобы молоко, мясо всех видов и его производные получались в чистом виде не только Россией, которая будет тогда избавлена от недостатка в съестных припасах, но мы будем иметь возможность снабжать весь мир своими продуктами скотоводного хозяйства».

Брошюрку, где Бадмаев предлагал себя в руководители продовольственного дела, он представил Романовым всего за три недели до революции. И не надо думать, что его мысль взять в свои руки снабжение России продовольствием была химерической: стоявший рядом с Бадмаевым Распутин, «божий человек», также весьма близко к сердцу принимал продовольственный вопрос и не раз обращал на него внимание коронованных особ. И если Распутин так хорошо уразумел это дело, то, вероятно, не без соответствующей инспирации Бадмаева; да и как было не понять: такое колоссальное предприятие, попади оно в руки Бадмаева, сулило бы, конечно, и Распутину настолько крупные барыши, что они бы превзошли все подачки от правительства.

Следует полагать, что, если бы не грянула революция, то лечение продовольственной болезни Российской империи осуществлялось бы по методам тибетского врача.

Наконец, характеризуя Бадмаева как одного из крупнейших распутинцев, упомянем собственное «сочинение» их главы под названием «Мои мысли и размышления». Эти «мысли» Распутина порождены были его путешествием по «святым местам», предпринятым в 1911 году.

Много интересного видел Распутин во время этого путешествия: так, например, созерцал он то самое место, где кит, проглотивший пророка Иону, выбросил его из своего чрева; был он и там, где Георгий Победоносец «сокрушил змия», и пр. и пр. Все, что видел Распутин, он записал для царей, и те со вниманием читали эти «мысли», очень, кстати сказать, напоминающие литературный памятник XII века «Хождение во святую землю игумена Даниила». В начале мировой войны «сочинение» Распутина играло и более актуальную роль: чтение «размышлений» подкрепляло в Романовых те империалистические мечты о Константинополе, осуществление которых ставилось как одна из целей войны. Так, например, в 1915 году Александра Романова писала своему супругу:

«Я перечитывала то, что наш Друг [Распутин] писал, когда был в Константинополе: теперь это вдвое интереснее, хотя это только краткие заметки. О, что за великий день, когда будет отслужена опять обедня в св. Софии!» Причем, под влиянием «мыслей» Распутина, осуществление мечты кажется Александре Федоровне настолько близким, что она даже дает Николаю совет, как поступать по взятии Константинополя. «Только ты, — пишет она, — дай приказание, чтобы не разрушалось и не портилось ничего, принадлежащего магометанам…» и т. д.

Таким образом, «мысли» представляют некоторый интерес не только для характеристики Распутина и его клики, но и для оценки умственного развития самих Романовых, которым это «сочинение» служило полезным и душеспасительным чтением.

Авантюра на Дальнем Востоке

Начатая еще при Александре III постройка Сибирской железной дороги не могла не привлечь внимания тибетского авантюриста, который считал себя лучшим отечественным знатоком Дальнего Востока. В связи с этим у Бадмаева созрел грандиозный план, который, в

конечном итоге, должен был иметь целью «присоединение к России Китая, Монголии и Тибета».

Первое выступление Бадмаева на этом поприще относится к февралю 1893 года, когда он представил Александру III обстоятельную Записку о задачах русской политики на азиатском Востоке. В связи с постройкой Сибирской железной дороги Бадмаев обращал внимание на необходимость использовать все те перспективы, которые открывались перед Россией. И для того, чтобы пожать все плоды, он считал необходимым сооружение особой железнодорожной ветви от Байкала в глубь Китая к городу Лан-чжоу-фу (на расстоянии 1.800 верст от русской границы).

Надо заметить, что в то время вопрос о направлении Сибирской железной дороги через Маньчжурию еще не был решен; в полном объеме он встал только в 1895 году, а в следующем году, согласно заключенному Витте с Лихунчангом договору, русское правительство получило право вести железную дорогу на территории Китая.

Указывая на громадную важность проектируемой им железнодорожной ветви, Бадмаев прельщал русское правительство теми грандиозными экономическими выгодами, которые получат русские капиталисты вследствие постройки ветви к городу Лан-чжоу-фу, являющемуся ключом к Тибету, Китаю и Монголии.

Этот проект, однако, был для Бадмаева только поводом, чтобы развить феерический план «присоединения к России Китая, Тибета и Монголии». И самая постройка предложенной железнодорожной ветви на чужой, китайской, территории всецело зависела от достижения этой основной цели, именно — от присоединения к России всего монголо-китайско-тибетского Востока или хотя бы его части.

Бадмаев приложил все усилия, чтобы доказать возможность такого присоединения. Доклад его был богато обставлен всевозможными фактическими данными, окутанными религиозно-мистическим туманом, и истекал из того положения, что царствовавшая в Китае маньчжурская династия в скором времени должна пасть. На Востоке назревают крупные перемены, чем непременно должна воспользоваться русская политика, чтобы предупредить в этом отношении европейцев. К тому же Бадмаев отмечает пассивность китайцев, для которых, по его словам, «безразлично, кто бы ими ни управлял». Особо же благодатную почву для активной русской политики на Востоке имеет тот престиж, каким, по утверждению Бадмаева, пользуется имя «белого царя».

Воспользовавшись благоприятным к России отношением местного населения, готового восстать против маньчжурской династии, по мнению Бадмаева, надо принять меры к вооружению монгольской молодежи: оружие будет доставляться монголам в обмен за шкурки и жир тарбагана, на что существует большой спрос. Будучи вооружены, монголы, «совершенно бессознательно и незаметно для посторонних наблюдателей, будут совершенствоваться во время охот и облав в употреблении этих оружий».

Для реализации этого проекта Бадмаев предлагает устроиться за Байкалом, близ реки Онона, в местности, очень удобной для скотоводства и хлебопашества; отсюда снабженные всем необходимым пионеры будут разъезжать по Монголии, Тибету и Китаю. Сюда же, в Забайкалье, будет приезжать монгольская и тибетская знать, жрецы, ученые и проч.; их радушно встретят, и они «мало-помалу убедятся в безопасности своего положения под гостеприимным кровом своих единоплеменников». А возвращаясь в родные места, эти посетители будут «укреплять уверенность в приближении освобождения от гнета чиновного мира маньчжурской династии». Такая работа будет, разумеется, осуществляться «без всяких разъяснений об истинных намерениях и конечных целях сближения». Так, нисколько не посвящая местных жителей в свои планы, «можно спокойно подготовлять почву к тому, чтобы они сами признали неизбежным пойти на Лан-чжоу-фу и взять этот стратегический пункт без кровопролития». Отсюда же, как утверждает Бадмаев, легко овладеть и всем

управлением Китая. А когда это удастся, монгольская, тибетская и китайская знать, а также буддийские жрецы отправятся в Россию просить «белого царя» принять весь Китай в его подданство.

Таким образом, план Бадмаева фактически заключался в том, чтобы русское правительство с целью присоединения Китая и Монголии к России подготовило восстание против маньчжурской династии. Уже после этого события предполагалось железнодорожной ветвью соединить Лан-чжоу-фу с Байкалом.

Бадмаев был так предусмотрителен, что намечал даже примерный срок, когда может осуществиться присоединение Китая к России, а также и то количество местных сил, которое обеспечит успех восстания. «Но, — предупреждал Бадмаев, — успех всего плана зависит во многом от соблюдения его в полном секрете».

Проект Бадмаева был представлен Александру III при письменном докладе министра финансов Витте. Как известно, последний, со времени своего назначения в августе 1892 года министром финансов, руководил русской дальневосточной политикой. Витте прекрасно сознавал грандиозное экономическое и политическое значение сооружения Сибирской железной дороги. В том же 1892 году он, например, писал: «Сибирская магистраль открывает новый путь и новые горизонты и для всемирной торговли, и это значение ее ставит сооружение ее в ряд мировых событий, которыми намечаются новые эпохи в истории народов и которые нередко вызывают коренной переворот установившихся экономических сношений между государствами».

Хотя от осознания мировой роли сибирского пути еще очень далеко до поднятого Бадмаевым вопроса о «присоединении Китая» — тем не менее, Витте вполне поддержал план тибетского врача. В своем докладе Александру III Витте признавал взгляды Бадмаева «весьма серьезными» и «устанавливающими новую точку зрения в практических вопросах политики». При этом Витте подчеркивал огромное значение, которое имеет Россия для Дальнего Востока. Эту особую роль России созидают, по словам Витте, прежде всего те «три основные стихии», которые только в России «проявили всю полноту их творческой силы» — православие, самодержавие и русская народность. В конце доклада Витте высказывал, что, если император пожелает, то он, министр финансов, мог бы изыскать соответствующие средства для поддержки этого предприятия.

Но, несмотря на поддержку Витте бадмаевского проекта, Александр III поначалу отнесся к такому замыслу с осторожностью. По крайней мере, на докладе об этом проекте он написал резолюцию: «Все это так ново, необыкновенно и фантастично, что с трудом верится в возможность успеха».

Тем не менее, при всей фантастичности бадмаевского плана, в нем были и кое-какие верные положения — это, в первую очередь, указание на скорое падение маньчжурской династии. «Дни ее, — писал Бадмаев, — сочтены, и на монголо-тибето-китайском Востоке предстоит наступление анархии; пользуясь ею, европейцы бросятся туда, захватят несметные богатства этой страны, которые в их руках послужат страшным оружием против России…» Писал он это в 1893 году. «Боксерское» движение, выступившее через семь лет — в 1900 году, — действительно стало грозным предостережением для династии. Минуло десятилетие, и маньчжурскую династию, правившую Китаем, смела революция 1911 года.

Также следует отметить, что и указание Бадмаева на аполитичность китайской народной массы, и предвидение расхищения Китая европейскими империалистами были, в общем, справедливы.

Таким образом, хотя Бадмаев и оказался прав в некоторых выдвинутых им положениях, он сделал из этих аргументов грубые и абсурдные выводы — что на основе «обаяния», которым будто бы пользуется в Китае имя «белого царя», эту страну легко «присоединить» к России. Бадмаев, конечно, знал, что в этом нет ни капли истины, и, «околпачивая»

Романовых, рассчитывал таким путем присоединить если не Китай к России, то уж несколько миллионов рублей к своему карману.

Вскоре после подачи проекта Бадмаев перешел и к осуществлению непосредственно той своей цели, ради которой затевалось предприятие: он стал хлопотать о выдаче ему двух миллионов рублей золотом. Эту сумму Бадмаев просил для организации в Забайкальской области торгового дома под фирмою «П. А. Бадмаев и К0». Указанному торговому дому и надлежало вести ту подготовительную работу, результатом которой должно было явиться «присоединение Китая к России».

Но Витте, поддержавший сначала проекты Бадмаева, вдруг заупрямился относительно выдачи денег. Напротив, Александр III, отозвавшийся сперва о планах Бадмаева как о фантастических, пошел теперь навстречу стремлениям своего крестника и приказал выдать ему, по частям, испрашиваемые два миллиона.

Бадмаев немедленно приступил к действию, и 11 ноября 1893 года в Петербурге был основан «Торговый дом „Бадмаев и К0"». Сам же он вскоре после этого направился в Читу, где и была организована «главная контора» компании, которая, вместе с тем, являлась чем-то вроде штаба для предполагаемого завоевания Китая, Тибета и Монголии.

На первых порах «работа» Бадмаева проявилась, главным образом, в подготовке экономического завоевания указанных стран. «Торговый дом» организовал в Чите обширное промысловое скотоводческое хозяйство, закупил громадное количество верблюдов для перевозки грузов, арендовал земли у бурят и монголов, открыл несколько лавок в степях и даже завел в Чите типографию, которая в ноябре 1895 года начала издавать газету «Жизнь в Восточной окраине» на русском и монголо-бурятском языках.

Сам Бадмаев пробыл в Чите, по-видимому, до февраля 1895 года, когда он возвратился в Петербург и возобновил свое непосредственное общение как с Николаем II, так и с Витте.

Бадмаев вернулся как раз в то время, когда в русском правительстве очень остро встал вопрос, какую позицию занять в отношении к результатам происходившей тогда Японско-китайской войны. И «тибетский врач» счел своим долгом подать Николаю некоторые советы, повлиявшие на принятые русским правительством решения. Однако об этом следует сказать подробнее, а потому мы, несколько нарушая последовательность изложения, сначала доскажем, что же было предпринято Бадмаевым для «присоединения» Востока к России.

Пробыв некоторое время в Петербурге, Бадмаев снова отправился на Восток. На этот раз конечной целью поездки был Пекин.

«Мой приезд на окраину расшевелил весь буддийский мир», — торжественно начинает Бадмаев свой доклад Николаю II (15 января 1897 года) после посещения Востока в 1896 году. Он утверждает, что в Читу, бывшую опорным его пунктом, услышав о его прибытии, стали съезжаться буряты, монголы и, главным образом, ламы, и все они будто бы постоянно твердили, что «наступило время расширения границ белого царя на Востоке».

Почерпнув от прибывших нужные сведения, Бадмаев, по его словам, отправил в различные пункты Монголии, Кукунора, Тибета и Китая партии вооруженных бурят и монголов. Некоторым влиятельным лицам Бадмаев делал подарки и давал в полное их распоряжение верблюдов, лошадей, оружие и патроны, а также деньги для приобретения имущества в тех местах, где предполагалось устроить оружейные склады.

Потом Бадмаев направился в Пекин, виделся там со многими князьями и ламами и знакомился с их взглядами на маньчжурскую династию. Сюда же, в Пекин, съезжались для доклада Бадмаеву агенты, разосланные им в разные места Китая. Вознамерившись сделать китайскую столицу своим временным штабом, Бадмаев стал посылать отсюда экипированные партии для подготовки «присоединения Китая к России».

Итак, все шло блестяще, но… министр финансов опять отказался выдать Бадмаеву новую, запрошенную им, ссуду.

Встретив противодействие со стороны Витте, Бадмаев обратился к нему в декабре 1896 года с письмом, в котором отстаивал мысль, что государи, независимо от министров, могут принимать самостоятельные решения:

«При постоянном столкновении с лучшими людьми государства у государя могут возникать самостоятельные взгляды на дела, которыми будут все руководствоваться, и никто не может сказать, чье влияние преобладало в данном случае. Если бы государь был обыкновенный смертный, то поддался бы влиянию распускаемых слухов о том, что он живет вашим умом и непременно постарался бы удалить вас; но так как он смертный необыкновенный, то он не боится вашего абсолютного влияния».

Настаивая на необходимости поддержать его планы, беззастенчивый империалист Бадмаев спрашивает не без ехидства более рассудительного империалиста Витте: «Маньчжурская дорога разве не результат вмешательства России в японско-китайские дела при вашем энергичном содействии?» А поскольку и маньчжурская дорога — уже вмешательство, то почему бы не вмешиваться и далее? Так рассуждает Бадмаев и тут же выпрашивает новую субсидию в два миллиона рублей.

Однако новой крупной ссуды Бадмаев — очевидно, «благодаря» Витте — не добился; выданные ему ранее деньги пропали безвозвратно, торговый дом «Бадмаев и К°» прогорел — и авантюристская затея тибетского врача на Востоке должна была прерваться.

Такова, в общих чертах, история предпринятой Бадмаевым авантюры. Перенесем теперь вопрос в другую плоскость: оценим то влияние, которое имел Бадмаев на русскую дальневосточную политику, и, в частности, рассмотрим его взаимоотношения с фактическим руководителем этой политики Витте.

В уже упомянутом докладе Николаю II Бадмаев указывал, что им были отправлены партии вооруженных бурят и монголов в Монголию, Китай и Тибет.

22 апреля 1896 года Бадмаев сообщал Витте о возвращении из Лхассы посланных туда бурят Жигмитова, Ванчинова и других. Основываясь на их сведениях, Бадмаев писал Витте о военных действиях англичан в Тибете, причем высказывал мнение, что «очевидно, Англия желает взять Тибет». Вместе с тем Бадмаев подчеркивал, что — по словам Жигмитова — «в Тибете на каждом шагу золотые россыпи». Отсюда вытекал и вывод, что «следует теперь же послать туда [в Тибет] 2.000 человек, хорошо вооруженных, и помочь тибетцам удержаться».

Сообщая об этом Николаю, Витте писал: «Приемлю долг всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству, что установлению через посредство торгового дома „П. А. Бадмаев и К0" сношений с столицей Тибета Лхассою я, с своей стороны, придаю огромное политическое значение. До сих пор в Лхассу, насколько мне известно, еще не проникала нога европейцев. Смелый и мужественный Пржевальский, пересекший Китай по всевозможным направлениям и не знавший никаких преград своей энергии, должен был отказаться от давно лелеянной им мысли проникнуть в Лхассу, так как встретил настойчивое противодействие со стороны местных властей. Ныне же посланные Бадмаевым буряты, хотя открыто именовали себя русскими подданными, проникли в Лхассу и были там очень ласково приняты».

Прося о вознаграждении бурятскому ламе Агвану, благодаря которому посланные в Лхассу были там приняты, Витте писал:

«По своему географическому положению Тибет представляет, с точки зрения интересов России, весьма важное политическое значение. Значение это особенно усилилось в последнее время — ввиду настойчивых стремлений англичан проникнуть в эту страну и подчинить ее своему политическому и экономическому влиянию. Россия, по моему убеждению, должна сделать все от нее зависящее, чтобы противодействовать установлению в Тибете английского влияния».

Впрочем, еще в 1893 году Бадмаев утверждал: «Тибет надо присоединить к России вместе с Китаем и Монголией». Позднее он настойчиво повторял: «Тибет, как самое высокое

плоскогорье в Азии, господствующее над азиатским материком, непременно должен находиться в руках России». И хотя Витте не договаривал этой мысли до конца, тем не менее из доклада его видно, что он вполне поддерживал все «тибетские» взгляды Бадмаева.

Такое единомыслие Витте и Бадмаева вовсе не было случайным. Отношения этих лиц имеют любопытную историю, но вначале расскажем, какую роль сыграл Бадмаев при определении позиции царской России относительно Японско-китайской войны.

Бадмаев, конечно, не мог остаться равнодушным к событию, которое грозило значительно поколебать все его теоретико-фантастические построения. Кроме того, Бадмаев мнил себя лучшим в России знатоком Дальнего Востока, кое-чему научившим и самого Витте. Вследствие этого, когда перед русским правительством встал вопрос, какую ориентацию надлежит взять России в отношении воюющих государств, Бадмаев, как мы уже отмечали, счел необходимым дать Николаю Романову некоторые указания. Это было сделано в особой записке, поданной 22 февраля 1895 года, то есть когда уже вполне обозначилась победа Японии.

Упомянутая записка заслуживает особого внимания. В ней Бадмаев, между прочим, заявлял:

«Мы должны считать войну Японии с Китаем событием первостепенной важности для России. Война эта имеет серьезную политическую подкладку. Начата она в настоящий момент потому, что Япония, хотя еще не вполне подготовлена к войне, сознает выгодность своего положения перед Россией, которая с сооружением сплошной линии до Владивостока должна сделаться единственной владычицей монголо-тибето-китай-ского Востока».

Другими словами, Бадмаев указывает, что центр тяжести этой войны, в сущности, лежит в области соревнования Японии с Россией за влияние на Китай, который после сооружения сибирского пути может всецело войти под русский контроль.

Из высказанного положения Бадмаев делает такой вывод:

«Вполне сознавая неизвестность результатов войны Японии с Китаем, я уверен, что мы найдем средства без военного вмешательства, крайне вредного для нашего престижа на Дальнем Востоке, принудить Японию получить за свои победы какую угодно денежную контрибуцию и остатки китайского флота, но отказаться от притязаний на территориальные приобретения на материке и от вмешательства во внутренние дела Кореи и Китая».

Вот это и составляет кардинальный момент записки: Бадмаев намечает позицию, которую, по его мнению, должна занять Россия. Именно такое решение и приняло вскоре русское правительство — а это, в свою очередь, в некоторой степени определило и весь ход русской дальневосточной политики вплоть до начала войны с Японией.

Надо напомнить, что спустя немного времени начались переговоры между китайской и японской сторонами, и 7 апреля (ст. ст.) был подписан Симоносекский договор, согласно которому Китай уступал Японии Ляодунский полуостров, с Порт-Артуром и Талиенваном, и соглашался, впредь до выполнения других условий мира, на занятие японскими войсками Вай-Хай-Вея и Шандунского полуострова.

Как известно, после этого русское правительство, вместе с французским и германским, предъявило Японии ультиматум с требованием сохранить целостность Китайской империи. Японцам пришлось примириться с этим и отказаться от всяких территориальных приобретений, которые были заменены контрибуцией.

Заглянем теперь за «кулисы». Посмотрим, как родилась идея о необходимости лишить Японию территориальных завоеваний.

Инициативу такого требования, сыгравшего значительную роль в дальнейших событиях на Дальнем Востоке, Витте приписывает себе — и впоследствии его везде удостаивают этой весьма спорной чести. Однако опубликованные Б. А. Романовым в начале 20-х годов

документальные данные, по нашему мнению, несколько снижают роль Витте. Как видно из данного источника, вопрос о том, какую взять ориентацию — на

Японию или на Китай, — обсуждался с августа 1894 года по апрель 1895 года на четырех особых совещаниях министров. Наиболее определенную точку зрения Витте занял в совещании 30 марта, где он, в конце концов, заявил, что готов уступить Японии все что угодно — Порт-Артур, южную часть Кореи, «но только не Маньчжурию».

Таким образом, Витте, хотя и признавал совершенно невозможным отдать Японии Маньчжурию, но не отстаивал категорического принципа неприкосновенности китайской территории.

Иначе обрисовывается роль в этом деле Бадмаева. Из цитированной выше его записки видно, что он уже тогда, 22 февраля, выставил этот принцип. Затем, в личном письме на имя Николая от 2 марта, Бадмаев напоминал царю о том же, причем из письма выясняется, что Бадмаев уже получил согласие Николая объявить о данном требовании через министра иностранных дел японскому посланнику. «Если, — писал Бадмаев, — Россия, имея право удержать за собой этот район, сама не пожелала этим воспользоваться, любя мирного соседа, то тем более она не может допустить, чтобы Япония захватила земли на материке в соседстве с нами и вблизи столицы богдыхана. При этом, конечно, Россия ничего не будет иметь против какой угодно денежной контрибуции».

Несомненно, Бадмаев имел тогда и личные свидания с Николаем, о чем можно судить по письму к последнему от 30 апреля; из этого же письма Бадмаева видно, что он должен был уехать на Восток, но остался «по желанию министра финансов», т. е. Витте, очевидно, пользовавшегося отнюдь не медицинскими советами тибетского врача.

Наконец, сам Бадмаев в более позднем (от 26 декабря 1896 года) послании к Витте писал:

«Дорогой Сергей Юльевич. Вспомните начало нашего знакомства. Вы только умом обнимали Восток, хотя мало были знакомы с ним. Вы, по воле в бозе почивающего государя Александра III, энергично настояли на проведении Сибирской железной дороги, изыскав на это средства. Вы шире взглянули на это дело, когда узнали важное значение Китая для этой дороги, если она будет соединена с внутренними провинциями собственного Китая. Вы, вероятно, вспомните ту записку, которую я подал государю императору и вам в самый разгар войны Японии с Китаем. Я просил четыре вещи: первое о том, чтобы Россия принудила Японию заключить мир; второе, чтобы никоим образом Россия не допустила Японии захвата на материке; третье, в отдельной записке, чтобы Россия удалила японского посланника Нисси, как вредного человека, а четвертое, с чем вы не согласились, полного преобразования Приамурского края, преобразования Азиатского департамента и факультета восточных языков».

Как видно из письма, три выдвинутых Бадмаевым предложения были Витте приняты. Это послание, которое Бадмаев представил в копии Николаю II, ясно показывает, что тибет-ский врач открыто признавал свою роль, сыгранную в лишении Японии территориальных приобретений. И, конечно, Бадмаев не мог бы подобное заявлять Николаю и Витте, если бы это не соответствовало действительности. Роль Бадмаева в данном отношении подтверждается и другими источниками. Так что он вполне может быть признан закулисным инициатором ультиматума, который был предъявлен Японии тремя державами.

Но какими мотивами руководствовался Бадмаев? Ответ на это содержится в том самом письме, где Бадмаев выставляет свои предложения. Дороги до Хабаровска (по словам Бадмаева) строить не нужно, так как, после «присоединения» Китая, откроется возможность вести дорогу прямо на Пекин; а для этого «должны быть приняты энергичные меры, поддерживающие мои планы, которые могут быть выполнены при наиблагоприятнейших обстоятельствах в три-четыре года».

Отсюда ясно, что все рекомендации Бадмаева вызывались именно тем, что он хотел получать дальнейшие субсидии… Ведь и «великий царь-миротворец не останавливался над затратой сотни миллионов рублей для достижения намеченной цели».

Цитированное письмо Бадмаева к министру финансов, вместе с тем, показывает, что из четырех предложений Бадмаева Витте не принял одно. Это было предложение о необходимости учредить должность «главноуправляющего Забайкальским и Приамурским краями» и «предоставить ему особенные полномочия и права министра, члена Государственного Совета и Комитета министров». Не принятое тогда, это предложение было проведено в жизнь восемь лет спустя, в 1903 году, в форме учреждения «наместничества». Этой должностью, введенной тогда по инициативе Безобразова и К°, предполагалось отодвинуть министра финансов от руководства делами Дальнего Востока — каковая цель и была достигнута.

В своих мемуарах Витте ничего не говорит о сыгранной Бадмаевым роли, однако, давая краткую его характеристику, объясняет, почему он, Витте, порвал отношения с тибетским врачевателем.

«Доктор Бадмаев, — пишет Витте, — когда ездил в Монголию и Пекин, то вел себя там так неудобно и двусмысленно, что князь Ухтомский, а затем и я, прекратили с ним всякие сношения, усмотрев в нем умного, но плутоватого афериста».

Так объясняет Витте причину своего расхождения с Бадмаевым (произошло это в 1896 году, когда последний ездил в Пекин). Однако представляется весьма странным, что такой умный человек, как Витте, только после трехлетнего знакомства сумел раскусить «плутоватый аферизм» Бадмаева [Если Витте, некогда одобрив планы Бадмаева, впоследствии затягивал выдачу ему денег, то это объясняется не принципиальным несочувствием Витте бадмаевскому проекту «присоединения» Китая, а прежде всего тем, что, обдумав практическую сторону дела, Витте нашел, что «кредит этот не может быть выдан секретно» — об этом узнают, и это может скомпрометировать его как министра финансов]. Кроме того, ничем другим, как аферой, был и весь фантастический план Бадмаева, и, тем не менее, Витте его поддерживал.

Очевидно, причины, по которым Витте лишал Бадмаева поддержки, крылись глубже. Теперь Витте стал прокладывать собственные пути к пределам Китая: в мае 1896 года он получил для царской России право на постройку железной дороги по китайской территории («Московский договор») [Существует информация, что соглашение в 1896 году русского и китайского правительств отнюдь не ограничивалось железнодорожной концессией. Подробности об этом см. в кн. М. Н. Покровского «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии»].

Таким образом, министр финансов нашел свою линию, и Бадмаев с его планом «присоединения» Китая путем подготовки в нем восстания становился не только ненужным, но, как конкурент, и вредным для планов Витте. Поэтому Бадмаева следовало отстранить — и Витте именно теперь удалось разгадать в нем афериста.

В свою очередь, Бадмаев считал соглашение с Лихунчангом, определявшее всю дальнейшую политику Витте, ошибкой и находил, что последствием его была, в частности, Русско-японская война. И хотя в этом есть известная доля истины, Бадмаев в своем отношении к Витте, конечно, также руководствовался более всего ревностью конкурента к сильному сопернику.

Но и после того как Витте отстранил Бадмаева, последний не прерывал своего «интереса» к делам Дальнего Востока и сопредельных с ним краев. Только теперь планы Бадмаева приняли другие формы.

Отказавшись от проекта «присоединения к России Китая, .Монголии и Тибета» во всем их объеме, Бадмаев решил вести дело исподволь: он обратил свое внимание на отдельные

части этого громадного пространства и пограничных с ним местностей России и задумывал уже в отношении некоторых регионов различные предприятия.

Так, он сосредоточился на Забайкалье, которое и раньше тесно связывалось с его проектами. Теперь дело было поставлено на более практическую почву. В 1908 — 1909 годах Бадмаев организовал «Первое Забайкальское горнопромышленное товарищество» с целью разработки золотых приисков. Сотоварищем его по этому предприятию, кроме сына и двух коммерсантов, являлся великий князь Борис Владимирович (двоюродный брат Николая II). Конечно, как объясняет Бадмаев, он и его соучастники пошли в это предприятие «не ради алчности и легкой наживы, а ввиду громадного значения этого дела для обороны государства». Потому-то они и сочли нужным обратиться к Сухомлинову, в ведении которого находилась оборона, с просьбой ходатайствовать о выдаче им кредита в пять миллионов рублей.

Затем, когда в 1911 году Монголия стряхнула политическую зависимость от Китая, Бадмаев снова выступил с очередным грандиозным проектом постройки железных дорог в пределах Монголии, причем соединительные ветви должны были идти, с одной стороны, в Россию (к Семипалатинску), а с другой — к Китаю (до города Лан-чжоу-фу, который занимал центральное место и в первой авантюре Бадмаева).

Этот проект, как и предыдущий, носил «деловой» характер, а потому, не прикрываясь высокими соображениями о «национальной» русской политике, Бадмаев ограничивался тем, что красноречиво живописал, сколь грандиозные выгоды представляет Монголия для капиталистов всех стран. При этом он указывал, что следует упредить поползновения европейского капитала и приступить к эксплуатации горных богатств Монголии, для чего необходимо прежде всего начать организацию железной дороги. Разрабатывая проект железнодорожных путей, Бадмаев утверждал: тот из них, что соединится с Семипалатинском, будет представлять собой «колоссальный насос, которым грузы будут собираться с наиболее богатых частей Монголии к ее центру — Урге, и оттуда пе-рекочевываться к границам России».

К осуществлению последнего замысла Бадмаев и пытался приступить в 1916 году в сотрудничестве с генералом Курло-вым.

Не забывал Бадмаев и Тибета. Перед самым началом Русско-японской войны он в связи с назревавшими событиями счел нужным дать Николаю II некоторые рекомендации. Тибетский врач всегда полагал, что эта территория непременно должна находиться в руках России. И в то время, когда назревала Японская война, Бадмаев решил указать, что корень русской политики на Востоке лежит не в Китае, а именно в Тибете. «Неужели, — писал Бадмаев Николаю, — истинно русский человек не поймет, сколь опасно допущение англичан в Тибет; японский вопрос — нуль в сравнении с вопросом тибетским: маленькая Япония, угрожающая нам, отделена от нас водой, тогда как сильная Англия очутится с нами бок о бок».

Писано это было 1 января 1904 года, и не прошло двух дней, как «истинно русский человек» Николай II показал, что он хорошо усвоил новый урок своего тибетского учителя. Как раз тогда в Тибет посылали некоего подъесаула Уланова с целью разузнать, что там делается. В дневнике военного министра Куропаткина сказано, что, когда он докладывал об этой командировке Николаю, последний приказал передать подъесаулу, чтобы тот постарался «разжечь там тибетцев против англичан». Однако через три недели началась Японская война, и, как замечает М. Н. Покровский, если эта авантюра не была доведена до конца, то «только потому, что японцы помешали».

В таких чертах обрисовывается картина разносторонней деятельности тибетского врача в механизме русской монархии. В общем итоге, роль Бадмаева в делах Российского государства в распутинские годы, и особенно накануне падения монархии определяется,

главным образом, его близостью к центральной фигуре — Распутину. Бадмаев был одним из его ближайших руководителей. Мы считаем ошибочным преувеличивать значение самого Распутина: направляющую функцию выполняли те, кто воздействовал непосредственно на него, а «старец», с непогрешимостью святого, передавал отражение этих воздействий Николаю и Александре Романовым.

Основой деятельности Бадмаева были, конечно, различные аферы — преимущественно железнодорожные. К удобству их реализации приноравливалась как его политическая позиция, так и тактика.

Империалистическая сущность Бадмаева проявилась в эти годы достаточно ярко: шла мировая война, а его поползновения были устремлены к Монголии и к турецкой Армении.

Но особенно крупную роль сыграл Бадмаев ранее — в русской дальневосточной политике. Он явился пионером дальневосточных авантюр — другие шли по нащупанному им пути.

В 1893 — 1895 годы рядом с именем Бадмаева неизменно соседствует имя Витте. В 1893 году, в самом начале дальневосточного предприятия, Витте выказал полную поддержку проекта Бадмаева по «присоединению» к России всего Китая, Монголии и Тибета. И если позднее министр финансов изменил свое отношение к Бадмаеву, то, как мы видели, тут были особые причины, и Витте, в сущности, ничем не проявил, что перестал сочувствовать выставленному Бадмаевым «общему принципу». Наоборот, в 1896 году он подчеркнул, что придает «огромное политическое значение» утверждению русского влияния в Тибете, со всеми вытекающими последствиями.

В период Японско-китайской войны Бадмаев и Витте заняли совершенно одинаковую позицию, настаивая на сохранении «целости» китайской территории. И оба старались охранять эту «целость» по совершенно сходным мотивам: Бадмаев — для того, чтобы всю эту территорию «присоединить» к России, а Витте, уже разочаровавшийся в такой возможности, — чтобы, снискав благодарность Китая, самому отхватить для России значительный кусок китайской территории.

Таким образом, Витте и Бадмаев мало чем различались по части захватнических аппетитов.

На основании документов бадмаевского архива можно сделать и некоторые наблюдения о процессе развития и характере русского дальневосточного империализма. М. Н. Покровский, характеризуя политику царской России на Дальнем Востоке, пишет:

«Русская дальневосточная политика была, несомненно, зачатком империализма; но это был империализм, так сказать, „нормальный‟, „естественный‟. Его целью был захват рынков, а не покорение земель и народов. Но поперек дороги этому „нормальному‟, „капиталистическому‟ империализму Витте стал дикий первобытно-торгашеский и феодальный империализм его коронованных господ Романовых».

Дальневосточные проекты Бадмаева относятся, конечно, именно к этому, «феодальному», империализму, который стремится к покорению земель и народов (Китай, Монголия, Тибет) и вовсе не является, подобно «нормальному» империализму, проявлением новейшей стадии развития капитализма.

Между тем, планы Бадмаева поддерживаются и Витте. Поэтому на основании его роли в бадмаевской авантюре можно заключить, что на ранней стадии развития империалистических планов на Дальнем Востоке Витте, подобно Николаю II и Бадмаеву, поддерживал политику грубого захватничества.

Правда, позднее Витте изменил свою тактику, и две линии русского империализма получили то размежевание, которое так отчетливо подмечено М. Н. Покровским.

Если политика Витте пошла потом по пути «нормального» империализма, то в другой, «феодальной», его линии стали действовать затем Вонлярлярский, Безобразов и К°, опиравшиеся, равно как и их предшественник Бадмаев, прежде всего на захватнические инстинкты самого Николая Романова.

Авантюристская сущность самого Николая Романова достаточно ясно обнаруживается и бадмаевскими документами. При таких настроениях царя вполне понятно, почему ему пришелся по душе фантастический проект Бадмаева: весь дальневосточный вопрос разрешить одним махом — «присоединить» все сразу, и Китай, и Тибет, и Монголию. Так представлялось легче и проще, чем возиться с каждой страной по. отдельности.

Однако практика показала, что сразу осуществить такой захват русскому империализму не под силу. Поэтому он должен был изменить тактику: вместо завладения всем пространством целиком захватывать отдельные территории. Это было, конечно, сложнее, но, с другой стороны, такой поворот вызывал приток новых сил из числа авантюристов.

Первым шагом на этом пути было получение царским правительством концессии на постройку железных дорог по территории Китая (1896); вскоре последовал захват Ляодунского полуострова с Порт-Артуром (1898); почти в то же время (официально с 1898 года) возникают планы Вонлярлярского, Безобразова и К° относительно Кореи, имеющие конечной целью овладение этой страной. В 1900 году русское правительство вводит войска в Маньчжурию. В 1904 году Николай II, по указке Бадмаева, задумывает вызвать осложнения в Тибете, на необходимость чего тибетский врач указывал еще в 1896 году. В позднейших своих проектах Бадмаев стремится к экономическому подчинению Монголии.

Таким образом, постепенно, исподволь предпринимались различные шаги к осуществлению намеченного в первоначальном проекте Бадмаева. Именно от возникновения этого замысла, поддержанного Александром III и затем его сыном, можно вести «идейные» корни всей позднейшей авантюристской политики на Дальнем Востоке.

Практика империализма вырабатывала и общую систему захватов. Это — система паука. Она заключается в том, что искомая чужая земля захватывается, как писал Витте, «посредством фальсифицированных частных обществ, руководимых и поддерживаемых как материально, так и, в случае нужды, силою авторитета русского правительства». Так было в Корее; таким же путем предполагал Бадмаев произвести захват Китая и Монголии.

Экономическое подчинение должно было предварить политический захват.

Сам повод для активных военных действий не играл особой роли. По почину Бадмаева Российская империя в 1893 — 1896 годах принимала участие в организации вооруженного восстания против китайского правительства; а позднее, в 1900 году, решив захватить Маньчжурию, ввела в нее войска уже под предлогом поддержки того же «законного правительства» Китая в его борьбе с «боксерским» движением.

Во всех этих акциях русский царь поддерживал различных аферистов (Бадмаев, Безобразов и К0), которые пытались руководить дальневосточной политикой. И, хотя с империализмом передовых капиталистических государств русский империализм, вследствие недостаточности экономической основы, сравниться, конечно, не мог, это не лишало его чрезвычайной активности, питавшейся авантюризмом Николая Романова и его окружения.

ДОКЛАД П. А. Бадмаева АЛЕКСАНДРУ III

О задачах русской политики на азиатском Востоке

Внимание представителей России должно сосредоточиться в настоящее время, главным образом, на финансово-экономическом значении железной дороги, которая предначертана высочайшей волей для соединения Дальнего Востока с городами Европейской России.

Венценосец русского царства бесповоротно решил облегчить сношения своих верноподданных окраины с сердцем России.

Наследнику престола выпала счастливая доля исполнить волю своего венценосного родителя.

Владивосток был свидетелем, как государь наследник присутствовал при закладке этого великого железнодорожного пути и первый соизволил проехать по нему.

Русский народ привык тысячелетием к святости и ненару-шимости царского слова; тем более, когда приведение в исполнение этого слова повелено государю наследнику, как первому верноподданному государя императора, оно будет неизменно; следовательно, дорога будет сооружена.

Таким образом, положение России на Востоке в скором времени должно существенно измениться, благодаря железной дороге, в смысле более тесного соприкосновения с жизнью и интересами Востока.

Но заботиться о делах Востока следует не лихорадочно, не порывами, а последовательно, имея в виду, главным образом, историческое наше призвание, так как имя белого царя пользуется на Востоке обаянием, благодаря историческим отношениям России к народам Востока в духе евангельского учения, как то выясняется ниже.

Ход дел на Востоке в новейшее время

Прежде чем перейти к главному предмету настоящей записки, я должен отметить некоторые характерные явления в общем ходе дел на Востоке.

Когда возник вопрос, вследствие неоднократных тревожных депеш губернатора Барабаша, что необходимо усиленное заселение Амурского края, увеличение войска — так как представители нашей окраины вдруг узнали о заселении китайцами этого района в числе нескольких миллионов, о необыкновенном увеличении войска в этом районе, — то я, представляя свои взгляды генерал-губернаторам Анучину и барону Корфу, доказывал, что заселение Уссурийского края китайцами — явление не новое, а подготовляемое уже с 1860 г., после внезапного присоединения к нам Амурского края.

Часть Уссурийского края в XVI и в начале XVII столетия принадлежала предкам ныне царствующей династии. Чанбо-шаньские горы Маньчжурии считаются священными, и богдыханы приносят жертвы по сие время духам этих местностей, зорко следят за событиями в этих районах. Вот почему в 1689 г. послы маньчжурской династии принудили посла Головина приказать срыть Албазин, потому что не хотели иметь таких храбрых, хотя малочисленных соседей, как казаки, вблизи родины предков своей династии. Графу Муравьеву удалось присоединить часть района, почти не принадлежащего предкам маньчжурской династии и служившего местом ссылки, только благодаря страху, испытанному богдыханом, при вступлении французов в Пекин. Мне достоверно известно, что ближайшие советники богдыхана решили постепенно увеличить население Уссурийского края, укрепить эти местности против вторжения русских в Пекин. Следовательно, заселение края происходило постепенно в продолжение 27 лет, незаметно для представителей нашей окраины, и раз уже мы заметили это, то не следует особенно тревожиться, потому что китайцы без посторонней помощи неспособны к наступательной войне; тысяча умных казаков

в состоянии держать в страхе 100.000-ную китайскую армию, вооруженную вполне по-европейски.

Примеры 20 с лишком веков указывают, что китайские войска, преследуя монголов, неоднократно погибали миллионами от бескормицы и утомительного перехода через Монголию. Следовательно, и с этой стороны мы также безопасны.

Вообще война с Китаем могла бы возникнуть только в том случае, если бы Европа согласилась поддерживать Китай и принять активное участие против нас. Поэтому особого внимания заслуживает то обстоятельство, что дальновидные государственные люди Европы обратили свои взоры на берега Тихого океана и стараются стать твердо на почву, чтобы иметь влияние на Китай, восстанавливая его против нас. Они отправляют для этой цели в глубь Китая, Тибета и Монголии миссионеров, ученых и путешественников, снабженных громадными суммами.

Надо сознаться, что эти европейские пионеры, хотя ведут себя безукоризненно и изучают страны и народы основательно, но не успевают ознакомиться с затаенными чувствами населений этих стран тем более, что все население Востока совершенно враждебно к европейцам, особенно проникающим через Китай.

Наши же путешественники и ученые, к сожалению, часто восстановляют против себя местное население своими не совсем доброкачественными выходками. Многие из них были приняты радушно бурятами, монголами и тибетцами, благодаря имени белого царя; они пользовались, при изучении их стран, даровыми их услугами, приобретали даром редкие книги и рукописи. Несмотря на все это, они часто обращались с ними очень грубо, били, отнимали собственность, нарушали гостеприимство. Эти факты не требуют подтверждающих данных, потому что путешественники сами пишут об этом и рассказывают в обществе с наивною грубостью.

Цель нашего движения на Восток

Имея все это в виду, мы обязаны серьезно взглянуть на Восток и явиться туда в активной роли, искать случая воспользоваться результатами нашей почти трехвековой политики, позаботиться огородить Восток от влияния враждебных нам элементов и охранять свято наши интересы, так как культурно-творческое и нравственное наше влияние принесет нам гораздо более пользы, если мы воспользуемся нашими законными правами в более широких размерах с твердой уверенностью, что мы ничего не желаем, кроме спокойного и мирного развития населения описываемого района.

С постройкой ветви к Лан-чжоу-фу начинается финансово-экономическое могущество России, и Сибирская железная дорога приобретает мировое значение.

Для этого необходимо соорудить железнодорожную линию от Байкала к городу Лан-чжоу-фу, в провинции Гань-су, которая лежит на Хуан-хе, на линии китайской стены, — к городу, находящемуся на расстоянии 1.500 верст от нашей границы.

Постройка этой линии соединит Россию, можно сказать, с единственным пунктом, имеющим серьезное торговое, политическое и стратегическое значение во всем мире. Лан-чжоу-фу находится бок о бок с провинциями, производящими чай и шелк, и составляет пункт для торговли чаем с Монголией, Тибетом и со всеми среднеазиатскими государствами. Население города доходит до 1.000.000 во время торговых операций. Отсюда будут течь вековые миллиарды золота и серебра, лежащие под спудом 20 с лишком веков.

При такой обстановке Сибирская железная дорога сделается источником нашего обогащения и культурных успехов. Благодаря ей, мы можем избавиться от внешних долгов,

и, несомненно, образуется внутри государства крупный металлический фонд, так как Китай, с лишком 20 веков проглатывающий серебро и золото всего мира ради самого золота и серебра, при новых условиях не в силах будет сохранить эти груды в примитивном состоянии. Европейцы, хотя чуют богатства Китая, но в действительности не знают истинных размеров его в этой стране.

Вся торговля Китая попадет в наши руки, европейцы не в состоянии будут с нами конкурировать, несмотря на то, что в их распоряжении водяные пути, отличающиеся хотя дешевизной, но громадное расстояние, тяжелые условия морского перехода, трудность перегрузки, все это дает возможность предсказать, что чай, шелк и другие товары, отпускаемые Китаем с лишком на 300 миллионов, благодаря постройке новой линии, появятся во всех пунктах европейского материка и Англии на пятнадцать дней ранее, чем кругом света.

С проведением этой линии, очевидно, начнется финансово-экономическое могущество России.

Город Лан-чжоу-фу — ключ в Тибет, Китай и Монголию. Около этого города всегда разыгрывались политические вопросы. Тибетцы держали в страхе Китай из этого пункта. Чингисхан начал завоевание Китая с этого пункта. Последнее восстание дунган сосредоточилось в окрестностях этого города. Маньчжурская ныне-царствующая династия серьезно занимается укреплением этого пункта против монголов и тибетцев, угнетаемых ею до такой степени, что Монголия и Тибет или обратятся в пустыню, или все восстанут и попадут в руки европейцев.

Следовательно, нет никакого сомнения, что беспорядки, которые ожидаются со дня на день, будут иметь место в окрестностях Кукунора — Лан-чжоу-фу. Эти беспорядки, по всей вероятности, захватят всю Монголию и весь Тибет. В настоящее время с трудом можно проехать из Монголии в Тибет, не встретив разбойников. Послы богдыхана часто подвергаются грабежам, и богдыханское правительство не имеет возможности защищать своих сановников и преследовать виновных. Понятно, если восстание начнется при правильной организации под влиянием и при помощи европейцев, то можно с уверенностью сказать, наш престиж на китайско-монголо-тибетском Востоке окончательно потеряется, и мы навсегда лишимся тех нравственных политических и материальных выгод, которые должны были принадлежать нам по праву.

Само собою разумеется, что прежде всего необходимо иметь ясное представление о политическом значении маньчжурского дома для китайцев, монголов и тибетцев и о престиже белого царя на всем Востоке.

Мой взгляд на китайскую нацию, еще не известный в литературе, и пассивное отношение китайцев при перемене династий

Китайцы — народ с замечательным историческим прошлым, своей самобытностью по всем отраслям человеческого знания, как конкретного, так и абстрактного, — удивляют весь образованный мир. Все отрасли теоретического знания, практическое применение знаний к жизни развивались в Китае с лишком 4.000 лет. Поразительное трудолюбие, соединенное с необыкновенной коммерческой способностью и бережливостью, делает китайский народ независимым в экономическом отношении. Китайцы смело конкурируют с американцами в предприимчивости; своей торговой изворотливостью превосходят евреев, трудолюбием и

настойчивостью в области возделывания земли и торговли не имеют положительно соперников во всем мире. Что способствовало им подняться до такой высоты самобытности?

Франция считается в Европе самой счастливой страной по естественным богатствам и климатическим условиям, а Китай, как страна, по тем же богатствам и условиям и по разнообразию красот природы, может считаться самой счастливой на земном шаре. Эта страна, богато одаренная природой, привлекла человека в незапамятные времена. Очевидно, при таких благоприятных условиях природы человеческая раса имела возможность необыкновенно размножаться, и с увеличением народонаселения китайцы должны были приучаться к трудолюбию; по крайней мере, народонаселение Китая было многочисленное, трудолюбивое и богатое за 1.000 лет до Р. Х. Казалось бы, при таких во всех отношениях счастливых условиях китайцы должны были сделаться властелинами вселенной.

Для уяснения вопроса нет необходимости разбирать Китай с точек зрения европейских ученых, ибо вообще известно, что одни синологи думают, что китайцы не в состоянии усвоить европейскую культуру по своей замкнутости и дряхлости — вследствие чего подчинятся по необходимости влияниям народов с европейской культурой, — и в то же время допускают возможность порабощения многочисленными и трудолюбивыми китайцами вселенной; а другие синологи думают, что европейская культура будет усвоена всецело китайцами, после чего они начнут предписывать свои законы остальному миру. Вот выводы синологов в общих чертах из современного изучения Китая.

Вероятно, синологи забыли (что история Китая 2.000 лет свидетельствует), что этот могущественный во всех отношениях народ управлялся хотя своим законом, изданным философами, но фактически правителями Китая являлись различные инородцы большею частью чисто монгольского племени, малочисленного, не образованного по-китайски, не понимающего значения труда, промышленности и торговли, даже совершенно незнакомого с письменами. Одни правители Китая из инородцев, после того как вполне окитаивались и усваивали китайскую цивилизацию, изгонялись из Китая другими инородцами, также необразованными. Таким же образом преемственно овладели Китаем малочисленные, грубые, совершенно необразованные маньчжуры, которые и поныне управляют им. Маньчжурская династия совершенно окитаилась, на нее смотрят в настоящее время с неприязнью как сами китайцы, так и монголы и тибетцы, угнетаемые чиновным миром маньчжурской династии.

Китайцы сами по себе, в каких бы благоприятных условиях ни находились, очевидно, не только не могут управлять другими нациями, но даже не стремятся иметь правителей из своей нации; по крайней мере, двадцативековая история подтверждает такое мнение. Если когда-либо управлял ими настоящий китаец, то он все-таки делался властелином Китая совершенно случайно, бывши нередко заурядным предводителем шайки разбойников; или же эти властелины, хотя бывали настоящими китайцами, но были воспитанниками инородцев. Так, например, после изгнания монголов в 1368 году воцарился в Китае любимец последнего монгольского хана Тогон Тэмура, воспитанник, так сказать, монголов, и основал минский дом, царствовавший в Китае до нынешней маньчжурской династии.

Далее, никакие технические и военно-стратегические познания, усвоенные китайцами от европейцев, без европейского вмешательства не сделают китайцев воинственными, не только в смысле европейцев, но даже необразованных, но смелых духом монголов. Так, например, армия минской династии, закаленная в боях с монголами, была вооружена артиллерией и вообще огнестрельным оружием в конце XVI в., благодаря католическим миссионерам.

Перед тем как стал известным своими смелыми набегами Нурхаци, предок нынешней маньчжурской династии, в Китае (это было недавно: Нурхаци сделался известным своими набегами в Китае с 1583 года) минский двор располагал многочисленной армией и имел знаменитейших в то время полководцев: Ян-хао, Ли-жу-бо, Ду-су-на, Лю-тина, Ма-лина.

Набеги Нурхаци стали беспокоить Китай со стороны Пекина, и против этого чанбошаньского (горы Маньчжурии) предводителя варваров (как китайцы называют всех инородцев) минский двор принужден был выслать двухсоттысячную армию, вооруженную артиллерией, под предводительством вышеозначенных знаменитых полководцев, разделив армию на четыре корпуса, чтобы разорить навсегда гнездо предводителя варваров Нурхаци в Маньчжурии. Но случилось противное желаниям минского двора. Нурхаци во главе 20.000 конницы успел разбить наголову все четыре корпуса в отдельности раньше, чем они должны были соединиться у подножья гор Чанбошаня, и нагнал такой страх на минский двор, что китайцы принуждены были выкупить мир у Нурхаци дорогой ценой. С тех пор маньчжуры стали усиливаться, привлекли на свою сторону монголов, разрозненных и разоренных политикою минского двора, и в какие-нибудь 30-40 лет на китайском престоле уже сидел потомок Нурхаци.

Очевидно, европейцам пока еще неизвестно, что для китайцев безразлично, кто бы ими ни управлял, и что они совершенно равнодушны, к какой бы национальности ни принадлежала династия, управляющая ими, которой они покоряются без особенного сопротивления.

Многочисленные китайцы не могли ассимилировать монгольские племена

Ясно из предыдущего, что малочисленные монгольские племена, в продолжение двухтысячелетий попеременно владевшие

Китаем, не могли ассимилировать китайскую нацию по историческим причинам: властвовавшие племена были малочислен-нее подвластных почти в 300 раз, а главное — без всякой культуры; но равно и сама китайская нация, многочисленная и культурная, в продолжение 200 лет могла ассимилировать только придворный элемент и войска иноплеменной династии, не имея почти никакого влияния на ее единоплеменников. Первоначальное отношение китайцев к христианству Что китайцы могут усвоить христианскую культуру, видно из того, что иезуиты, жившие и действовавшие в Китае, имели вначале громадный успех, были желанными гостями, пока сами не испортили все дело и не принудили китайцев отвернуться и даже употребить насилие для изгнания католических миссионеров, как вредный элемент, занимающийся только интригами. Очевидно, народы с христианской культурой не могут бояться влияния китайской культуры.

Пагубная для самой себя политика маньчжурской династии

Направление же внешней и внутренней политики в Китае зависит только от взгляда царствующей династии, которая держится традиции китайцев, когда только полезно и выгодно для нее.

В Монголии тибетцы подчинились маньчжурскому дому благодаря искусно веденной им политике. Только теперь поняли, что вся политика маньчжурского дома состояла в том, чтобы ослабить, разорить и рассорить различные родственные племена Монголии и Тибета, что подтверждается мнениями всех европейских ученых. Подобная политика, хотя вызывает

смуты в различных местностях Монголии, Тибета и собственно Китая, но эти смуты пока еще подавляются властями маньчжурского дома.

Следует бояться энергического противодействия европейцев, могущих самостоятельно усвоить верные взгляды

Надо надеяться, что европейцы в скором будущем поймут недостатки Китая, и тогда им нетрудно будет убедиться в той легкости, с которой возможно иметь влияние на китайские дела. Вообще Восток не отличается особенной стойкостью, он уже привык ко всевозможным переменам, смотрит равнодушно на возникновение различных новых царств и чрезвычайно легко, почти без всякого сопротивления, подчиняется новым властелинам, к каким бы национальностям они ни принадлежали.

Так, например, английские коммерсанты, прибывшие в числе нескольких десятков тысяч в Индию, принудили 200-миллионное население Индостана признать господство крошечной Англии. Франция, расслабленная нравственно противохри-стианскими доктринами, раз утвердившись в Тонкине, имеет смелость угрожать с горстью солдат Китайской империи. И многие другие государства успели завестись колониями.

Таким образом, острова Тихого океана с Китаем представляются для европейцев, несомненно, лакомым куском, и мы находимся накануне той роли в Китае, какую европейские дипломаты заставили нас сыграть относительно Турции; но Турция не Китай. Вся Турция по своим богатствам и по своему положению не может сравниться с одной губернией Китая.

Монголия, Тибет и Китай составляют будущность России во всех отношениях.

Мы имеем возможность, как ниже увидим, держать в руках Европу и Азию именно с берегов Тихого океана и с высот Гималая.

Легенда о белом царе

Теперь я постараюсь представить, насколько возможно наглядно, значение белого царя для всего Востока, на основании легендарных и исторических данных, и, надеюсь, будет понятно для всякого русского человека, почему белый царь так популярен на Востоке и как ему легко будет пользоваться результатами вековой политики своих предков.

Один бурятский родоначальник, по имени Шельду Занги, бежал из пределов Китая с 20.000 семейств после заключения трактата, но был пойман и казнен маньчжурскими властями, на основании X статьи, около 1730 года, на границе. Перед казнью он держал речь, в которой сказал, что если его отрубленная голова отлетит в сторону России (что и случилось), то вся Монголия перейдет во владение белого царя.

Монголы твердят, что при восьмом ургинском хутукте они сделаются подданными белого царя. Настоящий хутукта считается восьмым. Ургинский хутукта почитается монголами святым, как и Далай-лама, и имеет громадное влияние на всю Монголию.

Ждут также появления из России белого знамени в Монголии в седьмом столетии после смерти Чингисхана, умершего в 1227 году.

Буддисты считают белого царя перерожденцем одной из своих богинь Дара-эхэ — покровительницы буддийской веры. Она перерождается в белого царя для того, чтобы смягчить нравы жителей северных стран.

Легендарные сказания имеют гораздо более значения в этих странах, чем действительные явления.

Угнетаемые чиновным миром маньчжурской династии, монголы естественно крепко держатся преданий, обещающих им лучшее будущее, и с нетерпением ждут наступления его.

Историческое движение русских на Восток

История дает нам достоверные сведения, что русские еще до татарского ига стремились за Урал. В XI веке слуга-отрок новгородца Гюряты Роговича дошел до Уральских гор и познакомился с зауральскими жителями юграми, имевшими сношение с самоедами.

Самоеды, как видно из атласа Клапрота, жили за 530 лет до Р. Х., в эпоху Кира, в верховьях Енисея, до 116 года по Р. Х.; затем они были вытеснены на северо-запад и, под названием тинлингов, населяли в 1000 году уже верховья Иртыша.

Югры же, под названием восточных финнов, в 530 году до Р. Х., по тому же атласу, населяют восточный склон Уральских гор у Каспийского моря, а в 565 году по Р. Х., под именем оговор, или восточных финнов, занимают оба склона Уральских гор; в 912 году они, под названием угуров, уже населяют северную часть восточного склона Уральских гор, а в 1226 году вся эта местность называется Югрой.

Около 1187 года югры платили дань новгородцам.

Татарское иго только замедлило движение русских за Урал, но, очевидно, оно не могло препятствовать этому движению; так, например, в XIII веке Югрия считалась в числе новгородских волостей.

В 1364 году новгородцы совершили поход на Обь.

При царе Иване Васильевиче III в 1465 году была наложена дань на всю югорскую землю.

С свержением татарского ига в 1483 году, великий князь Иван Васильевич посылал на вогульского князя Асыку в Югру и на великую реку Обь войско под начальством Феодора Курбского-Черного и Ивана Ивановича Салтыка-Травина, которые привезли много добра и полону.

В 1484 году вогульские князья Юмшан и Калпа, сибирский Ля-тик, югорский князь Пыткей и другой еще знатнейший югорский князь Молдан прибыли в Москву и присягнули великому князю.

С покорением Казанского царства в 1552 году, движению русских в Сибирь более уже ничего не препятствовало.

Сибирский князь Едигер послал также в Москву в январе 1555 года послов поздравить царя со взятием царств Казанского и Астраханского и бить ему челом от своего имени и всей сибирской земли, чтобы царь Иван Васильевич взял его и всю сибирскую землю под свою защиту от всех неприятелей и наложил дань, за сбором которой прислал бы своего человека. Послом был отправлен Дмитрий Непейцын с повелением привести к присяге всю сибирскую землю, переписать черных людей и взять с них всю дань сполна.

Ногайские мурзы в 1553 году били челом государю, чтобы он пожаловал, оборонил их от Ямгурчея — царя астраханского, и на его место посадил Дербыша. Послы хана хивинского,

прибывшие в Москву в октябре 1558 г., били челом о том, чтобы царь Иван Васильевич велел дать дорогу гостям; о том же просили его и послы царя бухарского и самаркандского.

Достоверно известно также, что различные сибирские племена, особенно буряты и монголы, мечтали о подданстве русским царям.

Белый царь — идеал для народов Востока

Итак, народы Азии искали покровительства, защиты, дружбы и подданства России. Они относились и ныне относятся с энтузиазмом к царствующему в России дому и беспредельно преданы ему. Весь Восток симпатизирует России, и русского царя называют на Востоке — как русские подданные-инородцы, так и чужеземцы — белым царем-богатырем.

Нам кажется, нетрудно объяснить историческую причину подобного явления.

Разрозненная Россия во время удельно-вечевой системы была застигнута врасплох полчищами татар и других мелких народов разных верований, предводительствуемых монголами.

Благоговение монгольских ханов пред подвижниками русской церкви

Не станем вдаваться в глубь истории появления монгольского народа на политическом поприще — это удалило бы нас слишком далеко от нашей цели, но нам кажется необходимым дать в кратких чертах общее понятие собственно о монголах.

Чингисхан и его потомки были выразителями духа своего народа, который вел пастушескую жизнь, был близок к природе, не был еще испорчен роскошью, не понимал игры страстей, развивающихся под влиянием культуры, — вообще отличался простотой нравов, воинственным духом, своеобразным благородством и чуткостью к правде.

Монголы издревле населяли прибайкальские страны, с которыми связаны лучшие воспоминания этого народа. Уголок этот, соприкасающийся на юге и западе с бесплодными степями, на севере — с безжизненными тундрами, с необозримыми лесами — на востоке, отличается необыкновенной красотой групп своих гор, долин, ущелий и равнин, богатством минералов, флоры и фауны, дает начало величайшим рекам Северного и Восточного океанов; между горами его таится чудесное озеро Байкал — святилище монголов.

За Байкалом, в Баргузине, возник религиозный культ этого пастушеского народа, культ, недостаточно еще изученный по настоящее время, божества которого, в представлении верующих, населяли озера, реки, горы, леса, равнины, долины их страны, и величественно-грозная природа Прибайкалья вполне подчиняла себе воображение своих обитателей.

Знаменитый мусульманский историк монгольских ханов Рашид Эддин придает особенное значение прапрабабушке Чингисхана Алангове и называет ее раковиной, бывшей убежищем жемчужины. Под этой жемчужиной он подразумевает Чингисхана, происходившего в VIII или X колене от Добы Мэргэна, женатого на Алангове, хоринской девице, дочери Хоритай Мэргэна, родоначальника известного монгольского племени хори, и ныне населяющего Забайкалье. Хоритай Мэргэн около IX века по Р. Х. кочевал между чудной баргузинской равниной и верховьями Онона, удаляясь иногда в степь — налево к Кырелэну и до Гоби, направо до Улясутая.

Детство Чингисхана протекало на берегах Онона, первые его воинские подвиги совершались в странах Забайкальских. Мать его, будучи вдовой, принуждена бывала, по необходимости, кормить своих детей, в том числе и Чингисхана, кореньями и луковицами. Она переносила немало обид от своих соплеменников, между которыми часто происходили мелкие раздоры, как и ныне, из-за первенства.

Итак, Чингисхан рос в бедности, испытал много семейного горя и часто видел людскую несправедливость. Одаренный от природы цветущим здоровьем и мужественным духом, изучивши нравы своих сородичей, он стал строить планы и постепенно приводить их в исполнение, ободряемый предсказаниями служителей своей веры об его будущем могуществе.

Действительно, этому гениальному монголу и его ближайшим потомкам суждено было в XII и XIII столетиях завоевать почти полмира.

Под предводительством этих-то, еще неиспорченных и свободных от политического и религиозного фанатизма, детей Прибайкалья татары заполонили Россию. Вот почему Чингисхан и его ближайшие потомки часто оказывали необыкновенное великодушие к враждебным, но к храбрым и благородным представителям покоренных народов, стремились создать в своем государстве спокойствие и мир и с неподдельною любовью и благоговением относились к подвижникам русской церкви и к православию; но они еще были исторически слишком юны и не подготовлены управлять такой огромной империей, поэтому очень скоро подпали под влияние окружающих, большею частью не монголов, заботившихся только о личных интересах, вследствие чего эта монгольская империя разделилась на три части; затем каждая из них, просуществовав непродолжительное время, исчезла.

Ни мужество князей, ни храбрость русского народа не могли устоять против наплыва их полчищ. Россия была разорена, как и все другие царства, попадавшиеся на пути набега пастушеских племен; она дрогнула, великие князья и народ пали духом.

В этот тяжелый момент народных бедствий святая православная церковь служила объединяющим, ободряющим и утешающим элементом; подвижники ее действовали тихо, смиренно, с любовью к ближнему. Добродетельная жизнь этих подвижников, необыкновенная деятельность их в духе евангельского учения служили примером для народа и его представителей.

Лучшие люди ясно понимали, что только объединенная духом христианства Россия может освободиться от татарского ига. Несмотря на это, прошло много времени, пока россияне не прониклись духом евангельского учения, ибо нередко встречались во времена татарского ига ужасные сцены при дворах великих князей и в народе, не допускаемые христианством. Часто эти сцены походили на варварства язычников.

Объединение России и укрепление ее духом христианства совершались под сенью великих святителей митрополитов московских: Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и преподобного Сергия Радонежского. Они полюбили Москву и способствовали ее возвышению. Московские великие князья, при расширении пределов своего княжества, действовали, руководствуясь советами святителей, без кровопролития. Споры и ссоры удельных князей прекращались, благодаря служителям церкви, мирным путем, а против очень строптивых принимались энергичные меры, и то действовавшие только на веру и совесть.

Так росла великая Москва — сердце и могущество России.

Слухи о деяниях подвижников православной церкви распространялись далеко за пределами России. Монгольские ханы и подвластные им народы неоднократно были поражаемы мужеством последователей православия; несомненно поэтому ханы относились с любовью и благоговением к служителям русской церкви.

Батый, внук Чингисхана, предавший мученической смерти князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора, был удивлен их мужеством и назвал князя «великим мужем». Хан Хойек дозволял всенародно отправлять перед своим шатром божественную службу по обряду греческой церкви, не препятствовал обращению ханских жен в христианскую веру и позволял священникам спорить с идолопоклонниками и магометанами.

Достоверность Узбековой грамоты, данной митрополиту Петру, в настоящее время никем не оспаривается. С одним этим бесспорным историческим документом в руках мы можем подтвердить значение православной церкви и ее подвижников не только в России, но и на всем Востоке.

Грамота эта в рдно время в образованном мире наделала много шума; освещали ее с различных сторон, каждый толковал по-своему, и в конце концов пришли к заключению, что монгольские ханы давали подобные грамоты из страха и суеверия, так как, по уверению многих, волхвы, кудесники, колдуны, юродивые всегда держали в страхе народ и его представителей.

Кто серьезно изучал нравы, обычаи и верования монголо-бурят, внимательно проследил за движением этих народов шаг за шагом и останавливался над фактами, исторически доказанными, не может согласиться с таким взглядом на эту грамоту.

Во-первых, эта грамота была дана Узбеком, первым монгольским ханом, перешедшим в магометанство, который, очевидно, не был чужд мусульманского фанатизма, но, однако, любовь и благоговение его предков к подвижникам православной церкви настолько были памятны, что он не осмелился изменить традиций своих отцов — монгольских ханов — при пожаловании грамоты митрополиту Петру.

Он прямо говорит: «По грамотам прежних царей и мы выдаем жалованную грамоту, не изменяя прежнего пути».

Хан Узбек свое магометанское недоверие к митрополиту Петру вскользь выражает в конце грамоты следующим образом: «Кто неправым сердцем будет молиться за нас, на том грех». Затем вся грамота написана в духе христианства. Очевидно, хан Узбек и его предшественники могли познакомиться с этим духом благодаря св. отцам православной церкви и митрополиту Петру. Ясно выражено в этой грамоте о могуществе единого бога, о подчинении всех царей провидению бо-жию, об отличии гнева и наказания божьего от царского.

Московское царство создалось и приобрело могущество с благословения святителя Петра

Митрополит Петр, святитель всей России, занимает в сказанной грамоте первое место; православные не могут не знать, какое великое место он занимает в русской церкви и что русское царство началось с благословения этого святителя. Он очень любил Иоанна Калиту за его благочестие и любовь к бедным и просил его построить в Москве каменную церковь Успения богоматери. «Если послушаешь меня, сын мой, — говорил он ему, — то и сам прославишься с родом твоим более других князей, и твой город будет славен между русскими городами; святители будут жить в нем, руки его взыдут на спину врагов его, и бог прославится в нем».

Московские великие князья смотрели на это благословение, как на великую милость божию, данную им устами этого святителя. Верующие сыны России не должны ли и теперь смотреть с большими чувствами благоговения на слова святителя Петра, ибо исполнилось

все сказанное им почти 600 лет тому назад, когда о будущем величии Москвы и московского царства никто не помышлял. Православная Россия тогда в нем одном видела опору и утешение; святая и примерная жизнь этого великого праведника не могла не поражать двор монгольских ханов, и они только поэтому относились к этому святому мужу с полным доверием.

Влияние святителя Петра на Иоанна Даниловича, собирателя земли русской, было огромное, что видно из печального события, совершившегося после кончины святителя Петра. История нам передает, что Александр Тверской был казнен в Орде по проискам Иоанна Даниловича. Ясно, что Феогност, преемник святителя Петра, не мог иметь влияния на Иоанна Даниловича. Оно и понятно: Феогност не отличался евангельской добродетелью, предан был более мирской жизни, о чем знали и при дворе монгольских ханов, и поэтому даже требовали от него дани и не дали грамоты.

Ясно, что монгольские ханы давали грамоты не из страха и суеверия, а из благоговения перед такими мужами, как митрополит Петр и Алексий.

Чингисхан и ближайшие его потомки не щадили колдунов, волхвов, кудесников, юродивых, когда они некстати вмешивались в дела ханов. Так, например, Чингисхан приказал своему сыну предать смерти одного знаменитого шамана (кудесника), который предсказывал ему блестящую будущность, но потом, зазнавшись, стал распространять ложный слух, что Чингисхан обязан своим могуществом только ему и что без него ничего он не сделал бы.

Митрополит Алексий также был известен, как святой муж, при дворе монгольских ханов и, следовательно, на всем Востоке.

Джанибек отправил посольство в Москву с письмом к великому князю в 1357 г. «Мы слышали, — писал хан, — что есть у вас служитель божий, который если о чем попросит бога, бог слушает его. Отпустите его к нам, и если его молитвами ис-целеет моя царица, будете иметь со мною мир, если же не отпустите его, пойду опустошать вашу землю».

Последние фразы опять доказывают, что ханы не очень-то страшились кудесников, которые могут делать, по народным взглядам, одинаково добро и зло. Джанибек, очевидно, понимал, что он приглашает святителя Алексия на доброе дело, и вполне верил, что бог услышит молитву этого праведника; не боялся опустошать Россию, если откажут в его справедливой просьбе, потому что знал, что христианский бог стоит только за справедливых.

Святитель Алексий говорил: «Прошение и дело превышают меру сил моих, но я верю тому, который дал прозреть слепому, не презрит он молитвы веры».

Кто из православных не знает, какими чудесами завершались дела святителя Алексия; не только вся Россия в то время, но и весь Восток, чрез двор монгольских ханов, был оповещен о чудесах его. Во время молебствия пред иконой богоматери и потом пред ракой святителя Петра внезапно, пред глазами всех, сама собой зажглась свеча при гробе чудотворца Петра.

Святитель отправился в Орду, где Тайдула, супруга хана Джанибека, лежала больная и слепая уже три года. Святитель отслужил над болящею молебен с чудной свечой, окропил ее святой водой, и Тайдула стала видеть.

Такое проявление божественного промысла имело огромное значение для последующих событий в России и Орде. После смерти Джанибека вступил на престол Бердибек, перерезав 12-ть своих братьев. Само собой понятно, что подобная личность была опасна, и, действительно, он угрожал России. Святитель Алексий отправился в Орду по просьбе князей и народа, нашел там сторонников, благодаря впечатлениям, оставленным после чудного исцеления Тайдулы, и получил от Бердибека охранную грамоту, как и святитель Петр.

Деяния преподобного Сергия Радонежского, современника святителя Алексия, также имели огромное значение на Востоке.

Всем известно, что великий князь московский Дмитрий Донской решился на битву с Мамаем по настоянию и благословению преподобного Сергия. Во все время Куликовской битвы он со всей братией молился за русское воинство, рассказывал окружающим о ходе битвы, как очевидец. Мамай, окончательно разбитый, бежал, восклицая: «Велик бог христианский»; а, по восточным преданиям, Мамай и его свита видели, что русские воины в доспехах летали по воздуху и поражали Мамаево войско.

В духе предыдущих святителей действовали митрополиты Иона и Филипп. Благодаря им прекращались раздоры епархий, влияние папизма и укреплялась более и более в народе православная вера.

Московские цари относятся к инородцам Востока в духе евангельского учения

Лучшие русские люди, конечно, вполне понимали, что величие России зависит от следования взглядам и подвигам этих великих христианских мужей. Действительно, грамоты великих князей, царей московских и императора Петра на Восток писались в духе евангельского учения. С этими грамотами можно познакомиться из «Исторических актов» и дополнений к ним; из «Собрания государственных грамот и договоров»; из историй Миллера, Фишера, Карамзина, Соловьева; из жития святых архиепископа Филарета Черниговского; из трудов Бантыш-Каменского, Словцова, архимандрита Мелетия, Щеглова и из не изданных еще рукописей, находящихся в московском архиве в портфеле Миллера о бурятских делах.

Грамоты писались в Сибирь, на Восток Иоанном Грозным, Борисом Годуновым, патриархом Филаретом — сибирскому митрополиту Киприяну, царем Михаилом Феодоровичем — служилым людям, находящимся в бурятских степях, и Петром Великим.

Вот одна из грамот этого императора: «О непокупке Бухарцам и Калмыкам в Тобольске и других городах соболей и мягкой рухляди, об отыскании достойных людей для проповеди евангелия сибирским инородцам и китайцам и о построении в пограничных местах для торгу с китайцами гостиного двора». «Для утверждения и приумножения в православную христианскую веру и проповеди св. евангелия в тех идолопоклонных народах, тако же для приведения ясачных народов в веру христианскую и св. крещение, которые близ Тобольска и иных сибирских городах живут, великий государь, говоря о том со святейшим патриархом, указал писать к киевскому митрополиту, чтобы он, подражая о том святом и богоугодном деле, поискал в малороссийских своей области городах и монастырях из архимандритов и игуменов, или иных знаменитых иноков, доброго и ученого, и благого непорочного жития человека, которому бы в Тобольску быть митрополитом, и мог бы божиею помощию исподволь в Китае и в Сибири в слепоте идолослу-жения и в прочих неверствиях закоснелых человек приводить в познание и служение и поклонение истинного живого бога и привел бы с собою добрых и ученых, непрестарелых иноков, двух или трех человек, которые бы могли китайскому и мун-гальскому языку и грамоте научиться и, их суеверие познав, могли твердыми св. евангелия доводами многие души области темные сатанинские привести во свет познания Христа бога нашего, и тамо живущих и приезжих христиан от прелести всякой идолослужения их, отводити и тамо могли бы жити и у той построенной божией церкви служити, чтобы своим благим житием хана китайского и ближних его людей и вообще их народ привести бы к тому святому делу, и к российскому народу людям, которые во вся годы с караваны для торга и для всяких посылок порубежных ездят, учинить себя склонительным. И о том в приказе малые России послать память».

Таким образом, на Востоке со времен Батыя относились к православной церкви необыкновенно почтительно и с полным доверием к ее служителям; московские великие князья со времени свержения монгольского ига, как это видно из исторических документов, посылали в Сибирь, при различных обстоятельствах, грамоты, как было сказано выше, в духе евангельского учения, и не замедлило сделаться известным, что московские цари привлекают инородцев в подданство России, держа к ним привет и ласку, оказывая новоподданным всякую справедливость, защищают от врагов; налагая в знак покорности незначительный ясак, оставляют в неприкосновенности нравы, обычаи и веру, если они безвредны, требуют от инородцев безусловного уважения к православной вере и предлагают подчиняться бесстрашно, а от своих служилых людей требуют, чтобы они не отступали от православной веры, во всем следовали христианскому учению, избегая противных ему обычаев, нравов и верований инородцев, чтобы они изучали эти нравы, обычаи и верования и примерным своим житьем показали преимущество христианской веры над их суеверием. Относительно распространения христианства среди инородцев московские государи требовали от своих слуг, чтобы они старались всеми силами распространять православие, но отнюдь не прибегая к насильственным мерам, так как это не совпадало с духом учения Христа спасителя.

Из всего этого нельзя было не заключить, что Россия оставляла своим новым подданным все, что было не противно духу православия, не противоречило принципам руководителей русского государственного строя. Царь московский делался отцом и покровителем своих подданных. Принимая в соображение уровень культуры инородцев, видя их отсталость во всех отношениях от коренного русского населения, московские цари давали им различные льготы, чтобы, таким образом, сохранить их историческое существование и постепенно располагать их к сближению с русским народом и чтобы насильственным и быстрым распространением на полудиких инородцев общих законоположений не вызвать преждевременной смерти этих племен.

Все эти высокохристианские взгляды нашли отголосок в большинстве лиц, которым московские цари вверяли участь своих новых подданных. В души не только подвластных России племен, но и других азиатских народов глубоко и сильно врезались подобные гуманные отношения московских царей к иноплеменным народам. Если и встречались темные стороны при этом благоприятном во всех отношениях историческом движении России на Восток, то они исключительно обязаны были некоторым лицам, не понимавшим высокого своего назначения и которые, злоупотребляя своею властью, вызывали неудовольствие в племенах, имевших с ними соприкосновение.

Такое ясное отношение России к Востоку со времен Батыя привело к тому, что жители стран юго-восточной Азии не сопротивляются религиозному, политико-экономическому, торгово-промышленному влиянию русского народа. Важность такого русского влияния в Азии, мы полагаем, сознается в настоящее время всеми.

С самого начала водворения в Азии русского гражданства высшее правительство обратило внимание, главным образом, как и следовало ожидать, на распространение православной веры среди новых подданных, что было необходимо не только для России, но скорее для инородцев Азии, которые, благодаря такому гуманному отношению представителей России, охотно принимали новую веру и быстро обрусевали; таким образом, не только инородцы самой Европейской России, но и инородцы отдаленной Сибири, составляя главный контингент населения, считают себя русскими, несмотря на ясный облик не русско-славянского происхождения.

Взгляды псевдопатриотов

К сожалению, в последнее время псевдопатриоты, не понимающие великого ассимилирующего назначения коренного русского народа, подняли под влиянием Европы вопрос о национальностях и стали распространять книги и брошюры о сепаратизме различных народностей, составляющих Россию. Эти псевдопатриоты сумели внушить легкомысленным идею об отсутствии национальной русской политики. Конечно, серьезные представители власти, науки, печати и интеллигенции хорошо сознают, что подобные взгляды псевдопатриотов не только исторически неосновательны, но даже унизительны для самих русских.

Величие национальной русской политики

Тысячу лет русские держались русской национальной политики и, благодаря разумному пониманию значения русского народа, вышли доблестными победителями при различных событиях, направленных с целью разрушить русский строй. Половцы и печенеги, удельно-вечевая система, татарское иго, Польша, Турция, Ливония, Швеция, 1612 и 1812 г. г. — все эти события только возвеличили русский народ в его национальной политике.

Европа времен могущества папы московскую политику считала самой опасной и глубокомысленной, предполагая, что взгляды великих святителей Москвы, которым следовали великие князья и цари, составляют наружную оболочку русской национальной, якобы коварной, политики. Такие же ложные взгляды выходили часто из уст исследователей русской истории. Так, Фишер в своей истории Сибири рассказывает, что русские обманом и обещаниями привлекали инородцев Сибири, а эти последние, как птицы небесные, попадали в ловушки. Очевидно, Фишер не понимал, что обманывали инородцев псевдопатриоты, так сказать, враги национальной русской политики, как и ныне.

Также некоторые служители русской церкви, отправляемые в Азию для миссионерской деятельности, не бывали на высоте своего назначения; начав отступать от принципов, руководивших высшими светскими и духовными властями, они взывали в продолжение 300 лет, не переставая, и ныне взывают к насильственному вмешательству гражданской власти в дело распространения православия между инородцами, которые не оказывали и не оказывают никакого сопротивления этому святому делу, но грубые отношения миссионеров принуждали их часто обращаться к светским властям с просьбой о защите. Несмотря на такую непоследовательность псевдопатриотов и части духовенства, принятое Россией направление принесло то, что различные народности, составляющие Россию, остаются безусловно преданными верховной власти и по настоящее время.

Не подлежит сомнению, что, продолжая идти по историческому направлению, начертанному руководителями России, возможно рассчитывать на верный и скорый успех в деле расширения русского влияния повсюду в Азии, тем более что Россия идет туда не ради корысти и эксплоатирования азиатских племен, как некоторые европейские государства, но для блага самих обитателей Азии, не испытавших с древнейших времен удобств жизни христианских народов. Они не испытали ничего, кроме хищничества, разбоя, грабежа, убийств, тираний во-всех видах, вообще ничего, кроме унижения человеческой личности. Все царства, возникавшие в Азии, имели без исключения хищнический характер, и представители их не могли по принципу стоять за человеческие права.

Историческое направление, которого в общих чертах держались при расширении пределов русского государства великие князья, цари и императоры России, унаследовавшие евангельские мысли великих святителей Москвы, пред которыми преклонялись ханы монгольские, дало России могущество и было причиной тяготения всего азиатского Востока к России.

Всем известно, что подданные и чужеземцы одинаково с неподдельным чувством восторга встречали наследника белого царя во время его продолжительного путешествия по Востоку.

Возможность присоединения к России монголо-тибето-китайского Востока

Вот почему необходимо заботливо охранять историческое направление России на Востоке, подготовлять почву для успешного распространения православия и для усвоения русской культуры там инородцами, так как история указывает, что русская нация сумела ассимилировать окружающие инородческие племена без всякого насилия, благодаря установившимся разумным взглядам, которыми руководствовались великие князья, цари и императоры России.

На такой-то плодотворной почве, я уверен, будет легко окончательно привлечь на сторону России монголо-тибето-китай-ский Восток; тем более что для меня доступны все местности и масса лиц, которые могут сочувствовать предприятию. Я имею во всей Монголии, Тибете, в северо-западном и юго-западном Китае своих проводников.

Как только начнется правильная организация, я тотчас же найду возможность иметь сношения с важными пунктами и лицами, так как хоринские буряты и вообще пограничное население, в числе нескольких тысяч, разъезжают по различным местностям Монголии, Тибета и западного Китая для разных целей: для торговли, для содержания скота подножным кормом в Монголии, для получения образования в буддийских монастырях, куда стекаются со всех сторон.

Пионеры хорошо знакомы с политическими и религиозными взглядами монголов, тибетцев и китайцев, с экономическими условиями, с богатством страны, с местным управлением и с военным положением, поэтому следует воспользоваться существующей в зародыше торговой деятельностью этих пионеров в Монголии, Тибете и Китае; они, постоянно пополняемые новыми элементами, будут развозить мануфактурные и галантерейные товары, железные изделия, огнестрельные оружия с их принадлежностями, сушеные грибы и скупать все, что производят Монголия и Тибет полезного для Забайкалья: рогатый скот, овец, верблюдов, яков (буйволов) и, главным образом, тарбаган — род сурка, водящегося в огромном количестве в Монголии и составляющего почти единственный промысел монголов; из шкурок тарбагана будут выделывать-ся замши, а из жира — сало. На тарбагановое сало существует и в настоящее время большой спрос, который, несомненно, увеличится при постройке железной дороги от Иркутска и далее. Для выделки замши и сала на границе Монголии возможно устроить завод.

Взамен грибов и мануфактурных товаров будет приобретаться кирпичный чай для монголов и бурят; за кирпичный чай и огнестрельное оружие монголы будут обязаны доставлять известное количество тарбагановых шкурок и жир этого зверька.

Монголы и тибетцы очень любят охоту, облавы, огнестрельные оружия и их принадлежности, и они с удовольствием будут покупать эти предметы. Таким образом, сказанные пионеры и вся, нужная для дела, монгольская молодежь будут вооружены огнестрельными оружиями и, совершенно бессознательно и незаметно для посторонних наблюдателей, будут совершенствоваться во время охоты и облавы в употреблении этих оружий. Надо заметить, что монголы совершенствовались в военных искусствах во время облав, которые составляют своего рода маневры. Постоянно поощряя эти охоты и облавы с выгодой для дела, можно будет с успехом руководить большими облавами в пустынных

местностях Алашаня, Ордоса и Цайдама, — так сказать, в близости Лан-чжоу-фу и по направлению от Байкала и Урги к Лан-чжоу-фу, т.е. по местностям, по которым со временем должна пройти железнодорожная линия.

Подобное подготовление, с одной стороны, оживит торговлю, с другой стороны — обеспечит возможность располагать жителями этих стран для изъясняемого здесь дела.

Некоторые буддийские жрецы, считающиеся святыми в Монголии и Тибете, имеющие громадное значение в народе, как-то: Далай-лама в Лхассе, Баншин-эрдэни близ Шигадзе, ургинский хутукта в Урге, боятся сознаться, что они игрушки в руках маньчжурских властей. Они отлично понимают свое бессилие и не имеют смелости упрекать своих притеснителей.

По буддийским понятиям, эти жрецы после смерти перерождаются в мальчика, родившегося в час, день и год их смерти, и который отыскивается по жребию, бросаемому другими буддийскими жрецами для того, чтобы узнать местность и лицо, в которого переродился умерший. По понятиям буддистов, они могут перерождаться в богатых, бедных, знатных и незнатных семействах.

Но маньчжурская династия издала закон, на основании которого монгольский ургинский хутукта должен перерождаться не в Монголии, а в Тибете, где и должны непременно его искать. Этим имелось в виду, чтобы ребенок-монгол не стоял, по достижении зрелого возраста, за интересы монголов; к тому же он редко достигает 20-летнего возраста; многие думают, что маньчжурские чиновники его убивают. На основании того же закона Далай-лама и Баншин-эрдэни, эти ламайские папы, не могут перерождаться в богатых знатных семействах Тибета; а в Монголии совершенно запрещено им перерождагься даже в бедных семействах.

Благодаря всем этим данным можно иметь серьезное влияние на этих жрецов в пользу предположенного дела.

В настоящее время в Монголии и Тибете очень мало богатых семейств. Как только начнут богатеть, производятся двойные и тройные поборы несколько раз в год.

Маньчжурский двор, приглашая монгольскую и тибетскую знать в Пекин, приучал их к роскоши, способствовал им делать долги, позволял им неограниченно распоряжаться своими монголами и тибетцами, разорять и притеснять бедных. Хотя они получали подарки и жалованье более, чем приносили дани богдыхану, тем не менее, они разорены, связь их с народом прервана и, как знать, так и народ, питают злобу друг к другу, а вместе — к маньчжурскому двору. Между тем, они пока не смеют высказывать свою злобу.

Китайцы озлоблены против маньчжурского дома за то, что он не имеет силы удержать проникновение европейцев с моря и позволяет англичанам отравлять их опиумом.

Вообще маньчжурская династия дискредитирована в глазах китайцев, монголов и тибетцев.

Только при помощи жестоких мер и совершенно посторонних и случайных обстоятельств она удерживает свою власть. Россия помогает ей удержать власть на северо-востоке, на севере и на северо-западе. Подавлением дунганского восстания маньчжурская династия всецело обязана России. Чисто монгольские племена подчиняются этой династии только потому, что им некуда будет бежать после неудачных попыток восстания, как это бывало прежде, когда они убегали в лесистые части прибайкальских стран; теперь же русские власти, на основании договоров о выдаче перебежчиков, думаю, не позволят переходить за русские пределы. Исторических примеров много. После заключения трактата в 1727 году десятки тысяч семейств, перекочевавших за русские пределы, были удаляемы оттуда несколько раз русской военной силой.

Для достижения цели следовало бы устроиться за Байкалом близ Онона, при речках Иля и Таптаной, в местности, чрезвычайно удобной для скотоводства и хлебопашества, расположенной в центре русских и китайских владений, откуда уже пионеры, снабженные

всем необходимым, будут разъезжать по всей Монголии, Тибету и Китаю. Туда же в Забайкалье будут приезжать монгольская, тибетская и китайская знать, знатные жрецы, ученые и различные посетители бурятских кочевьев. Таких посетителей, прибывающих из Монголии, Тибета и Китая тайно, бывает очень много в бурятских степях. Все они встретят там радушный прием и мало-помалу убедятся в безопасности своего положения под гостеприимным кровом своих единоплеменников. Таким образом, эти посетители, проходя по Монголии, Тибету и Китаю, будут вызывать в жителях более и более симпатии, укреплять в них уверенность в приближении освобождения от гнета чиновного мира маньчжурской династии.

Все это будет происходить без всяких разъяснений об истинных намерениях и конечных целях сближения; затаенное чувство будет подсказывать им, что должно действовать заодно со своими единоплеменниками; совсем не посвящая их в свои планы, можно спокойно подготовлять почву к тому, чтобы они сами признали неизбежным идти на Лан-чжоу-фу и взять этот стратегический пункт без кровопролития. Из этого пункта весьма удобно распространить влияние на весь Китай, Тибет и Монголию. В период взятия Лан-чжоу-фу следует располагать военной силой не более, как от 20 до 30-000 человек конницы, вооруженной огнестрельным оружием. Эта конница прибудет с разных сторон: Ордоса, Алашаня, Цайдама, Кукунора, Кукухото к Лан-чжоу-фу после осенних больших облав, когда сильные дожди делают для маньчжурских властей и европейцев затруднительными пути сообщения, разливается Хуан-хэ, наступают холода и метели и сношения европейцев с Китаем становятся более медленными.

Положение города будет точно известно, так как не только будут надежные агенты в Лан-чжоу-фу в числе нескольких тысяч, но важные пункты и пути сообщения с Китаем, с Монголией и Тибетом будут заняты преданными делу лицами, и в Пекине это будет известно только тогда, когда вся Монголия, Тибет и юго-западный Китай бесповоротно объявят себя врагами маньчжурской династии. Раз они будут поставлены в такое положение, то чувство самоохранения сделает немыслимым восстановление прежнего порядка вещей.

Взятие Лан-чжоу-фу так важно для изъясненной цели, что к этому будет приступлено лишь тогда, когда достоверно будет известно, что подготовительная работа достаточна для полного успеха.

После взятия Лан-чжоу-фу вся Монголия, Тибет, западный и юго-западный Китай тотчас же примкнут к движению в качестве сторонников и пособников предприятия, которое для своего успеха может располагать военной силой около 400.000 человек конницы. По заранее подготовленному плану Монголия, Тибет, западный и юго-западный Китай будут разделены на округа; все чины маньчжурского дома будут заменены монголами, тибетцами и китайцами, назначенными туда для принятия управления вооруженной силой, при поддержке местного подготовленного заранее и сочувствующего делу населения. Затем, по подготовительному же плану, избранная монгольская, тибетская и китайская знать и знатные буддийские жрецы отправятся в Петербург просить белого царя принять их в подданство. Смотря по обстоятельствам, если принятое положение будет прилично и достойно имени белого царя, казаки, вообще наши забайкальские и амурские войска, будут подготовлены официально принять участие по указанию.

Военная сила, действовавшая в Лан-чжоу-фу, в Монголии и Тибете, увеличенная, как уже сказано выше, до 400.000, разделенная на две части, подвинется с юга и с севера к берегам Тихого океана, чтобы овладеть главными прибрежными пунктами, не допуская никаких грабежей и резни, сопровождающих вообще восстания в Китае, так что жители пройденного района будут спокойно продолжать свои занятия, поэтому сочувственно отнесутся к войскам и оценят их. Маньчжурские власти будут заменены благонадежными местными уроженцами, во главе которых будет стоять образованный по-китайски, знающий местное наречие монгол, который употребит все усилия, чтобы удержаться на своем посту и

сделаться популярным в глазах местного населения, испытывающего только гнет и насилие чиновников маньчжурской династии. Все маньчжурские гарнизоны, встреченные на пути сказанного движения, будут рассортированы, рассеяны и удалены в отдаленные местности. При удаче, ранней весной того же года, еще до появления европейцев, уже установится новый порядок вещей, желательный для самих подданных Поднебесной империи и для дела, т. е. возможность присоединения к России монголо-ти-бето-китайского Востока.

После взятия Лан-чжоу-фу на местные средства при помощи многочисленного, трудолюбивого и способного на земляные работы населения будет начата, одновременно в различных местах, земляная работа для железной дороги от Лан-чжоу-фу до Байкала. Помещение и продовольствие для этого огромного количества неприхотливых рабочих будут обеспечены монголами, которые перекочуют со своим скотом и юртами к линии и, таким образом, совершенно обеспечат рабочих. Десять человек будут помещены в одной юрте; молочные продукты, кирпичный чай, баранина будут в изобилии, продукты из растительного царства будут доставляться в изобилии на верблюдах из западного Китая и России.

Заключение

Успех предприятия, выше предложенного, зависит только от скромности; чем больше лиц будет посвящено в это дело, тем менее шансов для успеха.

Поэтому необходимо, чтобы предприятие имело совершенно частный характер. При возникновении каких-нибудь случайностей, могущих обнаружиться при изъясненных активных действиях на Востоке, иностранные правительства не будут иметь повода обращаться к русскому правительству.

История указывает, что народы Востока, потерявшие наследственного представителя единовластия, испытывали различные бедствия, включая анархию; поэтому они вполне сознают истинное значение монархического правления, в котором представители государства считаются старшими сыновьями и братьями, нравственно обязанными отвечать за все как перед отцом монархом, так и перед младшими братьями — его подданными.

Государственные люди, забывавшие по различным обстоятельствам эти свои обязанности, делались простыми расчетливыми посредниками между монархом и его подданными, и тем невольно подготовляли почву для медленного или быстрого разрушения многих монархических государств на Востоке.

Точно таким же образом знать Срединной Империи подготовила падение маньчжурской династии в скором будущем. Дни ее сочтены, и на монголо-тибето-китайском Востоке предстоит наступление анархии; пользуясь ею, европейцы бросятся туда, захватят несметное богатство этой страны, которое в их руках послужит страшным орудием против России. В таком случае наше отечество в скором будущем должно испытывать одинаково сильное давление с Востока и с Запада.

Монголо-тибето-китайский Восток ненавидит европейцев, но попадет в их руки поневоле; поэтому было бы неосновательно оставить эту богатейшую страну на произвол судьбы и поставить ее во враждебное к нам отношение.

В представленном выше очерке охарактеризовано в общих чертах положение дел на Востоке, вкратце изложена соответствующая программа действий. Подготовительная работа возьмет больше всего времени — от 3 до 5 лет, ибо необходимо для успеха, чтобы все детали были выяснены. В этом периоде времени должны быть сделаны изыскания тех местностей и пунктов Забайкальской области, из которых будет удобнее провести железнодорожную линию к Лан-чжоу-фу. Затем, самое действие должно быть совершено быстро, решительно и

смело, так что, будучи начато приблизительно в октябре месяце, должно быть окончено в мае.

По взятии же Лан-чжоу-фу, из этого укрепленного пункта, который легко сделать неприступным, можно иметь безусловное влияние на все дела Востока, особенно на провинцию Сы-чу-ань.

Европейский дипломатический корпус и представители современной стратегии, к счастью, не усвоили еще всемирного значения города Лан-чжоу-фу как политического, стратегического и торгового центра Азии и еще незнакомы с той обаятельной силой имени белого царя на монголо-тибето-китай-ском Востоке, против которой, по неизбежным обстоятельствам, европейцы и маньчжурская династия должны будут принять серьезные и активные меры, как только фактически убедятся в этом.

Было бы непростительно со стороны России ждать пробуждения своих естественных соперников. Вот почему я уверен, что, при быстроте предполагаемых действий, именно в настоящее время, пока еще не готова Сибирская железная дорога, маньчжурская династия и европейцы не успеют принять надлежащих мер, противодействующих моим планам.

Население соседней с Тибетом и Монголией провинции Гань-су, где находятся Лан-чжоу-фу и Сы-чу-ань — житницы всего Китая, простирается до 80 миллионов. Населенность и богатство Сы-чу-ань превосходит почти в 2 раза Францию. Несметное богатство этих стран не поддается описанию.

Провинция Сы-чу-ань всегда обогащала казну монголов, тибетцев и маньчжур — победителей Китая. Хотя победители не стеснялись поборами, но, тем не менее, эта богатейшая провинция никогда не испытывала бедствий, оправлялась значительно быстрее, чем даже Франция. Для достижения конечной цели предлагаемого мною предприятия потребуется значительная материальная поддержка со стороны провинции Сы-чу-ань; она не затруднится удовлетворить потребностям этого предприятия суммой в 600 миллионов лан (лан серебра стоит от 2 р. 20 к. до 2 р. 50 к.), т. е. 1.200 с лишком миллионов рублей.

Новые порядки вещей, которые должны последовать в этой провинции, после взятия Лан-чжоу-фу, будут более симпатичны для сожителей, чем существующие, так как они будут убеждены, что навсегда избавятся от незаконных поборов чиновников маньчжурской династии, от постоянных грабежей различных мятежников и инородцев-горцев, от которых терпят ежегодно большие убытки, потому что власть богдыхана потеряла там всякое значение.

Надворный советник Петр Бадмаев. 13 февраля 1893 г.

АЛЕКСАНДР БОРИСОВ. КРАХ ТИБЕТСКОЙ ДИНАСТИИ

В знаменитом Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона о врачебной практике П. А. Бадмаева сказано выразительно: «Лечит все болезни какими-то особыми, им самим приготовленными порошками, а также травами; несмотря на насмешки врачей, к Бадмаеву стекается огромное количество больных».

Действительно, к Петру Бадмаеву приходили лечиться не только столичные жители; с надеждой на выздоровление к нему ехали со всей России. Настоящее паломничество к тибетскому целителю стало вызывать у частнопрактикующих медиков серьезные опасения в плане конкуренции: что если их больные начнут требовать неведомые врачам травы и порошки? Да и к лицу ли серьезным врачам заниматься «шарлатанством»?

Вокруг Бадмаева закипели страсти. Пресса начала нападки на тибетского врачевателя.

Со страниц «Курьера» писатель А. С. Серафимович обвинил врачей в том, что, порицая Бадмаева, они на самом деле создают рекламу «знахарю» вместо того, чтобы подвергнуть его лечение методами тибетской медицины строгой научной проверке. «Если Бадмаев

согласится — медицина, быть может, обогатится великими открытиями, если не согласится — для всех будет ясно, что это лечение — шарлатанство. Так или иначе общество врачей должно освободить обывателя от удушливой атмосферы таинственности и суеверия, распространяемой господами Бадмаевыми».

Между тем П. А. Бадмаев стал автором первых научных работ по тибетской медицине, опубликованных на русском языке. Он приложил немало сил, чтобы сделать эту науку достоянием не только российских, но и европейских врачей: первым перевел на русский язык основное руководство по тибетской медицине «Чжуд-ши». В 1898 году оно вышло под названием «О системе врачебной науки Тибета». В предисловии к нему автор уведомил читателей, что они могут подписаться на последующие выпуски, равно как и на «Общедоступный лечебник по системе врачебной науки Тибета». К сожалению, по известным причинам имя Бадмаева долгое время не упоминалось в медицинской литературе.

Тем не менее его книгу «О системе врачебной науки Тибета» высоко оценил известный терапевт С. М. Васильев, в то время возглавлявший клинику Дерптского университета: «Каждый образованный европейский врач с несомненностью убедится, что тибетская медицина достигла поразительного развития и, несомненно, в некотором отношении значительно опередила европейскую».

Но врачи, и особенно фармацевты, большей частью, вовсе не стремились использовать на практике методы восточной медицины. Бадмаева по-прежнему называли шарлатаном. Открыто и необоснованно выдвигались и такие обвинения, которые вынуждали его защищать свою врачебную репутацию.

В январе 1904 года Санкт-Петербургский окружной суд приступил к рассмотрению дела о распространении клеветнических измышлений в печати. Поводом для иска Бадмаева послужила заметка в Санкт-Петербургской газете «Новости», где доктор Крендель выражал скорбь по поводу кончины профессора консерватории К. фон Арка, называя ее «преждевременной». Это было прямым обвинением лечащего врача Бадмаева в некомпетентном и непрофессиональном лечении. Однако доктор Крендель был оправдан.

За этим судебным процессом следила российская общественность. Недоброжелателям Бадмаева был дан удобный повод для дальнейших нападок. Магистр фармации Е. А. Альтгаузен опубликовал в журнале «Фармацевт», редактором-издателем которого являлся, разгромную статью против Бадмаева. Он назвал «абракадаброй» работы Бадмаева по тибетской медицине, не скрывая, впрочем, что «не взял на себя труда изучить их». Автор статьи даже не пытался завуалировать истинную причину злобных и грубых выпадов: по его подсчетам выходило, что петербургские аптеки лишились по вине конкурента, державшего свою аптеку, возможности изготовить «300 тысяч нумеров рецептов».

Справедливости ради следует сказать, что далеко не все критики Бадмаева руководствовались меркантильными соображениями. Русским врачам на самом деле нелегко было понять специфику традиционных восточных медицинских систем.

Тысячи больных из разных уголков страны стекались к нему в надежде на помощь. Конечно, Бадмаев не мог в одиночку подать руку помощи всем страждущим. Нужны были надежные, хорошо подготовленные помощники. Причем их статус нужно было узаконить — официально удостоверить право именоваться врачами тибетской медицины.

П. А. Бадмаев на свои сбережения открыл первую русско-бурятскую школу на Поклонной горе, где будущие врачи сначала изучали монгольский и тибетский языки, осваивали премудрости тибетской медицины, а затем получали европейское медицинское образование. Бадмаев мечтал организовать общество по изучению врачебной науки Тибета, широко развернуть профилактическую медицинскую деятельность. Свой проект он изложил в докладной записке на имя министра внутренних дел. Ответа пришлось ждать долго. Наконец, в январе 1911 года пристав второго участка Рождественской части столицы вручил

действительному статскому советнику П. А. Бадмаеву пакет с грифом министерства внутренних дел. В послании содержался отказ. Но отступать от задуманного Петр Александрович не собирался. Прежде всего он решил дать ответ чиновникам Медицинского Совета, приложив к нему опубликованную ранее «Справку о положении врачебной науки Тибета в России», а также докладную записку министру, — должны же найтись трезвые головы, способные правильно оценить все эти материалы! Через несколько месяцев вышла книга «Ответ на неосновательные нападки членов Медицинского Совета на врачебную науку Тибета». Борьба за тибетскую медицину продолжалась.

Историкам еще предстоит изучить торговую и дипломатическую деятельность П. А. Бадмаева на Дальнем Востоке, разобраться, почему он был столь влиятелен при дворе (и не только в качестве лекаря), проанализировать его связи с весьма неоднозначными фигурами из царского окружения, особенно с Распутиным. До сих пор и в художественной, и в атеистической литературе П. А. Бадмаев рассматривался как ловкий проходимец, сумевший завоевать благорасположение мистически настроенной императрицы Александры Федоровны. Как бы то ни было, определенно можно сказать одно: близость Петра Бадмаева к придворным кругам стала одной из причин едва ли не враждебного отношения к его врачебной практике, а впоследствии и к тибетской медицине, видным представителем которой он несомненно являлся.

Временному правительству Бадмаев оказался неугоден, и его выслали за границу.

Разрешение вернуться на родину пришло уже от Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов где-то в середине ноября 1917 года, то есть после Октябрьской революции. За Бадмаева хлопотали его пациенты — «красные» матросы с военного корабля «Полярная звезда».

Вернувшись в Петроград, Петр Александрович вновь начал практику. Контингент его больных значительно изменился — среди них преобладали солдаты и матросы. В это тяжелое время ухудшилось здоровье Бадмаева, перенесшего воспаление легких. Да и новая власть не только не оставляла врача в покое, но, наоборот, ужесточила преследования. Об этом, в частности, свидетельствует внук П. Бадмаева Б. Гусев:

"Однажды незадолго до отъезда на прием Петр Александрович снова был арестован. Его жена Елизавета Федоровна, моя бабушка, начала принимать больных одна. Она объявила ожидавшим многочисленным больным об аресте Бадмаева. Трое вооруженных матросов тотчас подошли к ней с вопросами: кто арестовал, куда увезли? Среди больных началось волнение. Трое направились, кажется, в тюрьму Кресты, и часа через два Петр Александрович вернулся в сопровождении их. Настроение у него было веселое, и он бодро начал прием больных.

Так было два или три раза. Центральная власть еще не утвердилась. Одна группа арестовывала, другая — освобождала. Появлялись и группы вооруженных анархистов… Это были тяжелые сцены. В памяти Елизаветы Федоровны сохранилось, как Петр Александрович, раскрыв руки, говорит бесстрашно: «Стреляйте!» — стоя перед наведенными на него стволами винтовок. Но руки, державшие оружие, опускались под его взглядом.

К 1918 году относится один странный эпизод. Во время приема к Бадмаеву обратились с просьбой поехать посмотреть тяжелобольного; по-видимому, была названа знакомая фамилия. К концу приема был подан автомобиль. И часу в десятом вечера Петр Александрович с Елизаветой Федоровной поехали к больному. Их привезли в роскошный особняк. Незнакомые лица, вооруженная охрана… Бадмаеву предложили проследовать к больному одному. Елизавета Федоровна осталась ждать. Прошел час, второй… Никто не выходил. Она начала беспокоиться. Кругом было тихо и не слышно ничьих голосов. Время шло. Елизавета Федоровна, почувствовав что-то неладное, была в растерянности. Наконец вышел знаменитый Мамонт Даль-ский, актер и анархист, и, обращаясь к ней, сказал: «Я не

могу сломить упрямство старика… Заставьте вы его послушать нас, иначе живым он отсюда не уйдет!»

Елизавета Федоровна, содрогаясь, вспоминает этот эпизод. Петра Александровича отпустили ночью живым. Бабушка, буквально помертвевшая от ужаса, привезла его домой в третьем часу ночи. Как она узнала позднее, от Бадмаева требовали крупную денежную компенсацию — выкуп.

К этому грозному времени относится знакомство нашей семьи с большевиками Марией Тимофеевной и ее мужем Иваном Дмитриевичем Ивановыми. Началось оно так. В наш дом на машине приехал Иванов и сопровождающая его охрана. Бадмаева попросили поехать осмотреть больную туберкулезом. Петра Александровича предупредили, что больная, жена Иванова — председатель ревтрибунала и известная деятельница революции. На это Петр Александрович ответил: «Мне все равно, кто больная, едем, раз моя помощь вам потребовалась». Как всегда, с дедом поехала бабушка. Бадмаев осмотрел больную, сказал: «Скоро будете на своих ногах», — оставил ей лекарство и уехал.

Как потом вспоминала Мария Тимофеевна, в революцию окружавшие ее товарищи по работе и друзья не советовали ей пить «неизвестные лекарства», опасаясь отравления, но Мария Тимофеевна, видно, хорошо разбиралась в людях. Она угадала в П. А. порядочного человека, к тому же достаточно смелого, ибо в случае неуспешного лечения всю вину свалили бы на него.

Через две недели Мария Тимофеевна была на ногах, а вскоре приступила к работе. Она ответила добром на добро и способствовала освобождению Петра Александровича от очередного ареста в 1920 году. После его смерти продолжала периодически лечиться у Елизаветы Федоровны, сохранив до конца дней своих чудесное, редкое отношение ко всей нашей семье.

Петр Александрович как будто примирился с новой властью, но характер давал себя знать.

Был еще один памятный случай… Бадмаевы ездили на прием со станции Удельная в Петербург на поезде — экипажа уже не было. Они доезжали до Финляндского, а потом до Литейного брали извозчика… И возвращались вечером таким же путем. Часто ехали втроем — Петр Александрович, Елизавета Федоровна и их дочь Лида. В вагоне была разная публика — матросы, солдаты… Зашел разговор о положении в России. В то время в Петрограде был голод. Бадмаев не выдержал и вмешался в разговор. «Ну и чего вы добились своей революцией?» — спросил он солдата. Тот стал доказывать, начался спор. Вдруг к деду подходит матрос с маузером: «А, тут контра завелась! В Чека его!..» И на первой же остановке, Ланской, Петра Александровича вывели из вагона. Елизавета Федоровна с дочерью пошла за ним вслед. Она плакала и говорила мужу:

«Ах, Петр Александрович, вы никогда не думаете о своих близких!.. Пощадили б хоть Лиду!»

И когда все вышли на платформу, Бадмаев вдруг низко поклонился окружавшим его людям и сказал: «Простите старика! По глупости погорячился!»

Матросы рассмеялись, посоветовали ему попридержать язык впредь, если он не хочет неприятностей, и отпустили.

Бадмаев, увидев плачущую Елизавету Федоровну, спросил про дочь. «Ах, не все ли вам равно, где Лида, что с нами?» — с упреком сказала бабушка. Это, кажется, был единственный случай, когда она осудила его действия".

Главным для П. А. Бадмаева всегда оставалась тибетская медицина. Все свои силы и знания он отдавал врачебной и научной деятельности и всю жизнь боролся за признание методов тибетской медицины.

«Вполне сознаю, — писал он, — что эта наука сделается достоянием образованного мира только тогда, когда даровитые специалисты-европейцы начнут изучать ее».

Дочь П. А. Бадмаева Лидия Петровна вспоминала, в частности:

"Мне известно, что Петр Александрович получил официальное уведомление властей о том, что по желанию он может принять японское подданство — за него ходатайствовал японский посол — и с семьей выехать в Японию. Отец категорически отказался покинуть Россию.

Между тем его белокаменную дачу на Поклонной горе с прилегающей к ней землей конфисковали, как и угодья на Дону и в Чите. А вот бревенчатый пятикомнатный особняк на Ярославском проспекте, в восьмистах метрах от Поклонной, записанный на Елизавету Федоровну, чекисты упустили. Хотя они бывали и здесь, но ограничились арестом Петра Александровича и тем, что прокололи штыками старинные картины в золоченых рамах — искали тайники с оружием.

Бадмаеву оставили его приемную и кабинет на Литейном, а имение на Поклонной перешло в ведение военных властей. Там должна была стоять батарея. И мы все запасы лекарственных трав перевезли с Поклонной в находящийся поблизости мамин одноэтажный домик на Ярославском с чудесным садом с кустами сирени и жасмина. В нем жила наша домработница и моя няня Кулюша. Часть лекарств перевезли на Литейный. В этот период произошло событие, очень тяжело пережитое мной.

Кулюша поехала с тележкой на Поклонную добрать какие-то вещи. И там сцепилась с солдатами, она была боевая, могла отбрить. Началось с пустяка, мол, попортили вещи. Слово за слово… Кулюшу арестовали и отправили в тюрьму. К нам на Ярославский прибежала соседка и рассказала, как Кулюшу повели солдаты. Я ревела во весь голос. Привязанность к Кулю-ше была, пожалуй, сильней, чем к матери. Плача, я поехала разыскивать маму в город. Отец в это время тоже находился в тюрьме на Шпалерной…

Эти дни были страшные для меня. С Кулюшей я всегда чувствовала себя под надежной защитой, ощущала ее любовь и заботу; мама была целиком поглощена хлопотами об отце или же вела прием больных за него… После ареста Кулюши мама буквально металась, хлопоча за двоих, и наконец вновь обратилась к Марии Тимофеевне. И я пошла вместе с мамой. Мария Тимофеевна обещала разобраться, но не все зависело от нее. Как первый этап, мне разрешили свидание с Кулюшей. Несла я узелок с бельем и сэкономленные сухие корки хлеба. Час свидания, когда Кулюша подошла в платке к решетке и дрогнувшим голосом сказала мне: «Ну здравствуй, девонька, не плачь…» — голос этот звучит и сейчас в памяти. Я не могла говорить, задыхалась от слез. Скоро свидание кончилось, и я уныло побрела домой.

Кулюшу освободили через две недели с предупреждением «не распускать язык». Вернулась она похудевшая, молчаливая и какая-то притихшая, а я сияла: теперь все было не страшно.

…Наступали самые суровые дни моего детства, зима 1919/20 года была очень трудной, голод давал себя чувствовать… Петр Александрович снова находился в заключении…"

Вот полный текст заявления Петра Александровича, написанного в то время в ЧК из тюрьмы, — оно и поныне хранится вместе с другими документами в личном деле П. А. Бадмаева на Литейном, 4.

"Председателю ЧК тов. Медведь
Отделение 3-е, камера 21
Шпалерная ул., дом № 25
от Петра Александровича Бадмаева,
врача тибето-монгольской медицины,
кандидата Петроградского университета,

окончившего Медико-хирургической академии курс,
старика 109 лет [То, что Бадмаев «старик 109 лет», не соотносится с другими датами. Даже Елизавета Федоровна не знала точно, когда он родился. Не случайно на его могиле указана лишь дата смерти].

Заявление

Я по своей профессии интернационал. Я лечил лиц всех наций, всех классов и лиц крайних партий — террористов и монархистов.

Масса пролетарий у меня лечились, а также богатый и знатный классы. До момента последнего моего ареста у меня лечились матросы, красноармейцы, комиссары, а также все классы населения Петербурга.

Сын мой, как командир конной разведки Красной Армии, будучи на разведке за Глазовом, был ранен осколками бомб белогвардейцев в левую руку выше локтя, и убита была под ним лошадь. Поправившись от ран, сын вновь вернулся в свою часть и участвовал при взятии красными войсками гор. Перми, и за отличие сын мой был награжден. Я же, отец его, 109 лет старик, потому только, что имею большое имя, популярное в народе, — сижу в заключении без всякой вины и причины уже два месяца. Я могу Вам сказать, тов. Медведь, что члены Вашей ЧК, допрашивавшие меня, если сложить года четырех их всех, то и в этом случае сложенные года окажутся менее, чем мои 109 лет. Я всю жизнь свою трудился не менее 14 часов в сутки в продолжение 90 лет исключительно для блага всего человечества и для оказания им помощи в тяжких заболеваниях и страданиях.

Неужели в Вашем уме, Вашей совести не промелькнула мысль, что гр. Бадмаев, какое бы громкое и популярное имя ни имел бы, не может повредить Вашему коммунистическо-му строю, тем более он активной, агитаторской политикой никогда не занимался и теперь не занимается.

Мой ум, мои чувства и мои мысли не озлоблены против существующего ныне строя, несмотря на то, что я окончательно разорен, ограблен, о чем хорошо знает обо всем этом военный комиссар, который посылал следователя для установления такового факта, и несмотря на все это я арестованный сижу совершенно безвинно.

Если Вы спросите, почему я не озлоблен, то я отвечу Вам, что перевороты иначе не совершаются.

На основании вышеизложенного во имя коммунистической справедливости прошу Вас освободить меня и вернуть к моей трудовой жизни.

Петр Бадмаев 1919 года, 10 августа".

На заявлении размашистая резолюция от 12 августа (долго не размышляли): «Отправлен в Чесменскую богадельню». П. А. Бадмаев взывал к коммунистической справедливости — он ее получил.

Лидия Петровна вспоминает об этом времени так:

"С ноября отец был переведен в Чесменский лагерь; этот лагерь находился на другом конце города в пяти километрах от Нарвских ворот. Трамвай доходил лишь до ворот, оттуда пешком по шоссе. Можно было доезжать туда поездом-летучкой, курсировавшей от города, но затем идти полем по кочкам и через канавы — путь тоже нелегкий, особенно для мамы. Вагоны подавали нерегулярно, правда, почти пустые, холодные, иногда без стекол. Однажды я так замерзла, что меня оттирали в конторе начальника вокзала; одета была довольно легко:

бархатная шубка, из которой я уже выросла, и кожаные сапожки. А морозы доходили до — 25°.

Ездить приходилось через день. Передачи были разрешены в любое время. К отцу пускали даже больных на консультацию. Ездили день — мама, день — я. В свой день я ехала снаряженная Кулюшей, а с Удельной начинала свой трудный поход: на поезде до города, трамваем до Нарвских ворот, а там пешком до лагеря.

В ту зиму свирепствовал тиф. И вот случилось самое страшное. Отец, будучи очень вспыльчивым, погорячился и резко поговорил с комендантом лагеря, за что был переведен в карцер. Помню отчаяние мамы, слезы, которые редко можно было видеть. Бросилась она хлопотать, снова и снова боясь за его жизнь.

Пробыв в ледяном карцере двое суток, отец заболел, обнаружился тиф. Его положили в тифозный барак. Мама добилась разрешения оставаться при нем в палате, мне тоже. Настали страшные дни. Спали мы с матерью на соломенном матрасе в длинном, пустом, холодном коридоре, превращенном в палату; там стояли на случай пустые железные койки. Освещения там не было. Одно из жутких впечатлений было ночью, когда мимо нашей койки выносили умерших. Я спрашивала мать: «Кого это несут, куда?..» Мама закрывала меня своей шубой и твердила: «Спи, спи, я с тобой...»

Я была голодной, но никогда ничего не просила. Мама, чувствуя мое состояние, пошла к санитарке, обслуживающей палаты, разносившей еду, и странным неуверенным голосом попросила: «Дайте, пожалуйста, девочке что-нибудь поесть». И та дала хлеба.

Периодически мама уезжала в город хлопотать за отца, а я оставалась и ухаживала за больными. Иногда спала у него в ногах на койке. Многие удивлялись, как это мама не боялась за меня, двенадцатилетнюю девочку, что я заражусь тифом. Меня эта мысль тоже мучила позднее. Но потом я поняла: мама фанатично верила в тибетскую медицину. Одно из ее положений гласит, что здоровый организм не подвержен инфекции, то есть он перебарывает ее. Лишь ослабший или больной организм подвержен инфекции. В этом — закономерность. Так или иначе, но ни мама, ни я не заразились. Прошел кризис, температура стала спадать, П. А. начал медленно поправляться, начал шутить со мной, разговаривать. И вскоре вернулся в свою палату".

Внук П. А. Бадмаева Б. Гусев приводит еще несколько характерных документов той эпохи:

"В своих воспоминаниях мама ничего не говорит о переписке между Елизаветой Федоровной и Петром Александровичем, а она сохранилась. Это пять записок бабушки, написанных . красными чернилами, посланных, как видно, с ее дочерью или через охрану; от деда осталась единственная записка. Привожу ее и три бабушкиных на выбор.

"Дорогой мой, так как ты поправляешься, то я на радостях посылаю тебе 3 яичка, с фунт сахара и 5 булочек. Спасибо, спасибо тебе, что ты поправляешься. Мое настроение стало лучше, а то мучилась я очень, что ты больной, один там без меня. Посылаю суп из телятины, фунт мяса. Целуем, целуем я и Лида.

Твоя Елизавета. Пятница 192СГ.

"Дорогая Елизавета Федоровна.

Сегодня не приходите. Сообщу, когда нужно. Вчера Ольга Федоровна была (родная сестра бабушки; далее несколько слов неясно, почерк сильно отличается от прежнего. — Б. Г.). Я давно был прав… (нрзб). Вчера поздно был допрос. Сегодня рано (нрзб). Не нужно быть неблагодарным. Ты знаешь, что я тебя люблю и Лиду ужасно и никому в обиду не дам.

Твой тебя любящий П. Бадмаев".

(«В обиду не дам» — это написано из тюрьмы.)

"Дорогой друг! Христос воскрес. Целуем, поздравляем. Просим Бога о здоровий, остальное, знаю, что все будет. Сегодня мало посылаю: жареное мясо и крупу.

Ваша Е. Ф. 13 апреля 1920".

"Дорогой Петр Александрович!

Сейчас я опять из Удельной, позвонила Марии Тимофеевне Ивановой, она думала, что Вы уже дома. Сам Иванов читал бумагу, подписанную Председателем Всероссийской ЧК Калининым (явная неточность, речь, видимо, идет о ВЦИКе, Председателем которого был Калинин. — Б. Г.), об освобождении Вашем. Сегодня или завтра Вам должны объявить обязательно.

Вчера ужасно небрежно послала Вам передачу, забыла вложить платки и «хадак» (шелковый шарф. — Б. Г.), сегодня посылаю их. Посылаю кусочек масла и кусочек мяса и жду Вас и целую.

Грею комнату.

Елизавета"".

Дочь П. А. Бадмаева свидетельствует также о том, что "разговоры, которые велись среди заключенных, сводились к одному: когда и по какому поводу будет амнистия, когда выпустят, каково положение на фронтах и т. д. Отец к тому времени понял то, чего не поняли еще остальные люди старого мира, — он высказывал мысль о необратимости произошедшего процесса и спорил с соседями по палате, так что маме потом приходилось улаживать конфликт, о котором я шепотом рассказывала ей. В то время отец обдумывал письмо В. И. Ленину, которое и было написано им и через маму отправлено в Москву.

Так проходила эта суровая зима. Весеннее солнце согревало, и все немножко стали веселей. И вот, наконец, пришел приказ из Кремля об освобождении Петра Александровича. Связано ли это было с письмом к Ленину или нет — мне неизвестно. Хотя мы с мамой попеременно ездили к нему через день, освобождение его было неожиданным".

Б. Гусев в своих воспоминаниях воспроизводит рассказ деда со слов бабушки о том, как его освободили, и о пути его из Чесменского лагеря домой в Удельную.

"Утром его пригласил к себе комендант и объявил, что получено распоряжение Москвы об его освобождении.

— Надолго? — прищурясь, спросил дед.

— Доктор, это полностью зависит от вас. Дед по обыкновению ответил шуточкой:

— Я сам себя сажаю в тюрьму? Какой раз?.. Не знал! Комендант хотел по-мирному расстаться со знаменитым

строптивым заключенным и добродушно сказал:

— Лечите людей, доктор, никто вас не тронет, но не занимайтесь политикой! Зачем вам это?

— Какая «политика»? После вашей революции я ушел от . всего. И до революции я занимался своей медициной, писал

научные книги… Писал и царю, но о чем? Вы хоть читали?

— Доктор, да вы же генералом были! «Ваше превосходительство»! Уже за одно это с вас следовало спросить…

— Статский генерал. В молодости служил по Министерству иностранных дел, шли чины… Я служил России!

— Царской России.

— Другой не было.

— Положим, была и другая, оставим это. Но вы и после революции вели контрреволюционную пропаганду и агитацию.

— Неправда!

— Доктор, я знакомился с вашим делом… Не хотелось напоминать, но… Вот, пожалуйста. — Комендант раскрыл папку и полистал ее. — Вот! В вагоне поезда на участке пути между Финляндским вокзалом и станцией Удельная вели контрреволюционную пропаганду, есть свидетели.

— Какая «пропаганда»?! Я ехал с приема с женой и дочерью… Два солдата и матрос говорили о революции. Я спросил: «Что же дала нам устроенная вами революция?»

— Вот это и есть контрреволюционная пропаганда и агитация! В чистом виде.

— Это ваша свобода?

— Да, это свобода от контрреволюции, доктор. Идет гражданская война! Вот кончится, тогда… Но и тогда против революции говорить не позволим!

Теперь уже дед не хотел обострять разговор перед своим освобождением. Страсти были накалены…

— Ну хорошо, — сказал он. — Ваше дело. Я старый человек. Позволяете мне лечить — и на том спасибо. Будет надобность во мне — прошу, приму без очереди.

— Без очереди, доктор, вы царских министров принимали… А мы люди простые, постоим и в очереди, придет нужда.

— Не думаю. Не очень-то любят власть предержащие в очередях стоять. Все властители похожи друг на друга: встань ты, я сяду. Ты попользовался, теперь дай и мне.

— Доктор, вот вы опять начинаете! Хотите обратно вернуться? — уже с раздражением осадил комендант.

— Молчу-молчу!.. Но это еще Лев Толстой сказал о революционерах.

— И с графа мы б спросили кое за что, будь он жив!.. Дед хотел едко ответить начальнику, однако сдержался.

В канцелярии тюрьмы ему выдали нужные документы, делопроизводитель записал в тюремный журнал: «Согласно распоряжению за номером, за подписью… гр-нин Бадмаев П. А.

отпущен по месту жительства: Петроград, Удельная, Ярославский, 85». И двери тюрьмы растворились еще раз, выпустили деда. Выйдя из ворот Чесменки, он перекрестился, вдохнул свежий утренний апрельский воздух и зашагал в сторону Нарвской заставы, где ходил трамвай. До него было километров пять. В руках он нес небольшой саквояж с пледом, сменой белья и другими необходимыми в тюремной жизни вещами. Вскоре его догнала лошадь с подводой. Петр Александрович не стал ни о чем просить, а лишь взглянул на мужика-возницу. И тот остановил лошадь.

— К Нарвской, что ли?

— Туда, к трамваю.

— Садись, дед, вижу, откуда идешь. Что же мы, не православные?

— Ну спасибо, подвези, ради Бога.

Бадмаев уселся в телегу, подложив сена, мужик прокричал вековое: «Но-о! Пшла-а!» — и телега тронулась.

Трамваи не ходили, и от Нарвской заставы дед пошел пешком, озадаченный, как он все же преодолеет эти двадцать километров. Еще с саквояжем. Но пройдя с версту, услышал гудение трамвая. Откуда-то выскочил одинокий вагон. Петр Александрович поднял руку. Вагон остановился.

— Куда, дед? В парк еду, — высунулся вагоновожатый.

— Довезите, пожалуйста, до Выборгской… Врач я, а сам заболел…

Помедлив, вожатый сказал:

— Садитесь, доктор. Вы не с Поклонной?

— С Поклонной…"

Лидия Петровна вспоминает, как вечерами Елизавета Федоровна рассказывала Петру Александровичу о всех делах, читала ему газеты. "Читать вслух приходилось и мне, но, к сты-. ду моему, я очень не любила читать вслух, уж очень скучно было читать газету. Как-то раз мне П. А. сказал: прочти, что ты сама читаешь, какую книгу. Я с удовольствием начала читать вслух книгу моей любимой Чарской об институтках. П. А., прослушав несколько страниц, рассердился и строго сказал: «Брось, не читай этой ерунды, неужели тебе это интересно?» Я очень обиделась и за Чарскую, и за себя.

Навещали П. А. сын его Петр Петрович, друг его Пчелин Сергей Семенович, Тер-Степанов Иван Степанович, Безобразов Федор Федорович. Навещал его и врач Пастернак по просьбе мамы. П. А. слабел, ему становилось хуже. Он лежал, не вставая с кровати. И вот, по роковому недоразумению, несогласованности, ночью около двух часов за отцом приехали — последовал новый арест. Отчаянию мамы не было границ, и его с кровати на носилках, взятых из тюремной больницы, понесли в машину. Мать умоляла разрешить ей сопровождать П. А. в тюрьму. Когда его увезли с мамой вместе, тут уж и я не переставала плакать, и ночью вместе со старшей сестрой Татьяной пешком мы пошли в город, на Гороховую, в Чека в надежде узнать что-либо, там должны были находиться мои родители.

Так до утра мы проходили с Татьяной перед зданием. Дождались до десяти часов и, не получив никаких справок, вернулись домой.

Даже стойкая Кулюша растерялась и плакала. Куда кинуться, кого просить? Так прошел весь день, и только поздно вечером пришла мама, осунувшаяся, вся потемневшая, со словами: «Увезли не знаю куда, а меня продержали, потом не пустили к нему!..» Мама безутешно рыдала. Утром решила искать отца. Она направилась по очереди по всем тюрьмам, а мне и Татьяне велела также ехать по разным адресам.

Ровно две недели мы начинали ежедневный поход с утра до вечера, повсюду и ко всем, кто только мог иметь малейшее отношение к власть имущим…

Все безрезультатно — П. А. как в воду канул, нигде не числился. Мать телеграммой вновь обратилась к правительству с просьбой помиловать. И вот на пятнадцатый день исчезновения П. А. по телефону незнакомый женский голос сказал матери: «Не беспокойтесь, он жив, находится в Крестах, завтра или послезавтра будет дома». И больше ни слова. Мама ожила и на следующий день караулила у Крестов. П. А. действительно вернулся домой, пролежав эти две недели в тюремной больнице, и благодаря отзывчивому отношению к себе даже встал на ноги за этот период. Выздоровление это было кратким, вскоре он слег окончательно.

Стоял июль 1920 года. Три недели отец боролся с нарастающей слабостью. Мама стала уговаривать его принять сердечное по совету доктора Пастернака, хорошего врача и человека. Когда Петр Александрович махнул рукой и сказал: «Ну что ж, пусть попробует ей помешать», — мама поняла, что это конец. Было это за три дня до его смерти. В эти дни он продиктовал завещание, которое заверили его друзья и сын Петр.

В последний день он плохо чувствовал себя, ему было неудобно на кровати. Мать и Кулюша неотступно были при нем. Бывшая семья отца была в Минске, но его средняя дочь Татьяна жила у нас.

Поздним вечером Таню и меня мама послала в Шувалове в санаторий за резиновым кругом. Таня была старше меня на восемь лет. Мы отправились. Ходьба в то время разрешалась лишь до часу ночи. И обратно, достав круг, мы шли уже в недозволенное Время, опасаясь патруля. Ночь была тихой. Где-то кричали: «Помогите! Помогите!» Мы не шли, а прямо летели. Подойдя к озерковской церкви, я увидела свет в боковом окне. Церковь была заперта. Мной овладел страх. Я шепотом сказала сестре: «Таня, взгляни, ты видишь свет?» — «Вижу, вижу, — быстро отвечала она, — идем скорей». Но по лицу ее я поняла, что она тоже видела свет и объята страхом. И мы бежали, оглядываясь на светящееся окно. Пришли мы усталые и тотчас легли спать.

Около пяти часов утра меня разбудила Кулюша словами: «Вставай, Лида. Петр Александрович!..»

Я вошла в комнату. Отец, уже мертвый, полусидел поперек кровати, голова его откинулась, прислоненная к стене… Мать плача вышла из комнаты на балкон. Я вышла за ней, не зная, что сказать. На мои же первые слова утешения я в первый раз услышала от матери: «Ах, Лида, ведь это был твой отец…»

Утром мы с Таней поехали сообщить друзьям дома о смер-. ти отца. Похороны в то время были делом сложным. Солдаты из соседней части сколотили гроб, а командир батареи дал лошадей и телегу. И в жаркий день 1 августа П. А. Бадмаева хоронили на Шуваловском кладбище. Телегу с гробом, покрытым елью, извозчик остановил у белокаменного дома с башенкой на Поклонной горе, построенного отцом. Путь на кладбище лежал мимо него".

Б. Гусев вспоминал, как они с бабушкой Елизаветой Федоровной потом часто ездили на Шуваловское кладбище. И случалось, заставали там, в могильной ограде деда, совершенно посторонних людей, бывших его пациентов, приносивших цветы. Еще в ЗО-е годы в округе Удельная-Озерки — пригороде Ленинграда — была жива память о нем, и даже остановка на Поклонной горе называлась «Дача Бадмаева» — так объявляла кондукторша.

А двухэтажный белокаменный дом с башенкой у подножия Поклонной горы, известный в литературе как «дача Бадмаева», был реквизирован большевиками уже в 1918 году, и хотя в романе «У последней черты» В. Пикуль пишет, что в 1917 году разгневанный народ сжег его, в действительности до недавнего времени там размещалось отделение милиции, и снесли дом лишь в 1985 году.

Лидия Петровна говорила, что, умирая, П. А. взял слово со своей жены Елизаветы Федоровны, чтобы даже в день его смерти она не пропустила приема больных и продолжала его дело.

"Через год после смерти отца к нам в дом пришла, прося приюта, бывшая жена моего отца, бывшая генеральша Надежда Васильевна. «Примете?» — спросила она мою маму. «Конечно, оставайтесь… Будем вместе жить», — ответила мама. Надежда Васильевна прожила у нас недолго и скончалась в 1922 году.

В матери моей, несмотря на то, что она в заботах об отце, о тибетской медицине иногда и забывала обо мне, — в матери было величие души. Она была широкой натуры человек. Это она доказала еще и тем, что в суровые годы гражданской войны взяла к себе в дом на воспитание двух девочек, моих ровесниц — Ольгу Халишвили, какую-то очень дальнюю родственницу, и Веру Певцову, совершенно постороннюю, дочь знакомой. У обеих девочек умерли родные, и мама не задумываясь приняла на себя заботу о них. Ольга впоследствии стала партийным работником, Вера — музыкантом".

Дело П. А. Бадмаева продолжили двое: вдова Елизавета Федоровна, чьими силами долгие годы сохранялась тибетская аптека, и племянник Николай Николаевич Бадмаев, выпускник Медико-хирургической академии.

Б. Гусев рассказывал, как Елизавета Федоровна выполнила посмертную волю Петра Александровича и продолжала вести прием больных в том же кабинете на Литейном, где она двадцать лет проработала под руководством мужа. "Кабинет этот был зарегистрирован в Ленгорздравотделе как опытный. Поскольку у бабушки не было диплома европейского врача, прием она вела вместе с доктором Верой Ивановной Наумовой, еще до революции проходившей практику у деда.

В то время тибетская медицина пользовалась популярностью как наука. В городе существовал еще один центр, который возглавлял племянник Бадмаева, крещенный под именем Николая. Стремясь иметь больше последователей, дед выписал его из Бурятии, и он, отучившись в гимназии на Поклонной, поступил в Медико-хирургическую академию и окончил ее в 1914 году. Впоследствии родственные связи переплелись: Николай Бадмаев женился на племяннице Елизаветы Федоровны — Ольге Юзбаше-вой, у них родились сыновья Кирилл, Михаил и Андрей.

Николай Николаевич лечил Горького, Алексея Толстого, Бухарина, Куйбышева; последний в качестве председателя Совнаркома помог ему создать клинику при Институте экспериментальной медицины. Но отношения Николая Николаевича с бабушкой были прекращены в начале 20-х годов. Мне не хотелось бы тревожить тени ушедших. Сообщу лишь, что Н. Н. Бадмаев разошелся с женой. Бабушка не могла простить, что после развода он запретил матери видеться со своими детьми.

Ольга Григорьевна сняла комнатку рядом с нашим домом. По утрам бабушка посылала ей завтрак. Бывало, идешь к ней, а она сидит у окна, верно, надеется, что появится кто-то из сыновей. Вскоре она умерла в больнице. На похоронах был лишь старший сын, Кирилл. В 70-е годы профессор Кирилл Бадмаев просил меня показать ему дом, где когда-то жила его мать. Потом он даже разыскивал старых жильцов того дома.

Все три брата стали врачами.

Николая Николаевича в 1938 году арестовали. Ему инкриминировали связь с японским резидентом Миякитой и намерение отравить членов правительства. На суде он отказался от всех показаний, данных на предварительном следствии (видимо, под пытками), и в тот же день был расстрелян".

Вдову Петра Александровича Бадмаева Елизавету Федоровну арестовали в 1937 году как «члена семьи врага народа»…

В 1925 году в Верхнеудинске (Улан-Удэ) был созван собор буддийского духовенства и мирян-буддистов, на котором обсуждался и вопрос о лечебной практике лам. Было решено, в частности, сохранить медицинские школы в Агинском, Гусиноозерском и Ацагатском дацанах, где имелись целебные источники.

В 1926 году состоялся съезд лам-медиков. Все эти шаги имели целью, с одной стороны, оказание помощи в развитии народной тибетской медицины, с другой — постепенное размежевание религиозной деятельности и собственно лечебной практики. Контроль над ламами-медиками должен был осуществлять специально избранный комитет из числа духовенства. Однако практически всей их деятельностью руководил Агван Доржиев — наставник тибетского Далай-ламы.

Понимая сложность создавшейся ситуации, Наркомздрав республики начал налаживать связи с Академией наук СССР, Ученым комитетом Монгольской Народной Республики и соответствующими научными обществами в Германии, Китае, Японии. Академия наук СССР организовала в Бурят-Монголию несколько экспедиций ученых-востоковедов и специалистов по лекарственным растениям. Были собраны образцы лекарственных растений, заготовлены крупные партии лекарственного сырья для химического анализа.

К сожалению, не все участники экспедиций и представители местных властей обладали достаточной прозорливостью, чтобы понять: для освобождения тибетской медицины от религиозных наслоений требуется прежде всего время. Сталкиваясь с невежеством и корыстолюбием некоторых лам-лекарей, они делали однозначный вывод о несостоятельности самой тибетской медицины и требовали ее запрета.

Не избежал этой ошибки и известный исследователь Б. В. Семичов, один из авторов очень ценного «Словаря тибето-латино-русских названий лекарственного сырья, применяемого в тибетской медицине» (Улан-Удэ, 1963). В числе многих других, тенденцию «обмирщения» тибетской медицины он расценивал не как положительный сдвиг, а как обманный маневр. К сожалению, печальные последствия такого одностороннего подхода заметны до сих пор.

Племянник П. А. Бадмаева Николай Николаевич пристально следил за результатами экспедиций. Чтобы добиться изучения тибетской медицины на научной основе, он настойчиво обращался в Наркомздрав, Наркомпрос, Наркоминдел, ЦИК, в другие инстанции. Ему везде долго отказывали, мотивируя тем, что в европейской медицинской литературе нет соответствующих научных трудов. Никто не хотел принять на себя ответственность и разрешить лабораторные и клинические испытания. Вероятно, мешал и страх: а вдруг упрекнут в пособничестве религии? И все же во многом благодаря настойчивости Н. Н. Бадмаева создан был наконец Отдел восточной медицины в Институте экспериментальной медицины.

Существенную поддержку в этом начинании оказал А. М. Горький. Из переписки А. М. Горького и А. Н. Толстого известно, что оба они прибегали к медицинской помощи Н. Н. Бадмаева.

27 декабря 1934 года у А. Н. Толстого произошел инфаркт миокарда. 15 января 1935 года он писал А. М. Горькому: «…Лечит меня Бадмаев, изумительный человек, умный и нежной души. Пью разные травы и настойки, медвежью желчь, тертых ящериц и прочие замечательные вещи. Второй день выхожу, но чувствую себя неважно…Вот что значит сердце. В ноябре написал пьесу, в три недели 12 картин, а сейчас трудно связать две фразы. Бадмаев говорит, что наладится».

Даже в 50-е годы непременным условием лечения инфаркта миокарда был длительный (около 2 месяцев) постельный режим. А. Н. Толстой уже через три недели вышел на улицу, а в конце февраля приехал в Москву для участия в работе пленума Правления Союза писателей СССР.

В ответном письме А. М. Горького А. Н. Толстому есть такие строки: «…Если здоровье позволяет, перекатитесь сюда, в Горки… захватив с собою фунтов 16 Бадмаевских трав, Черткова [Черткова О. Д. — друг семьи Горького, фельдшерица, которая следила за здоровьем писателя] знает, как надо обращаться с ними, ох! — она очень хорошо знает это!»

В 1932 году вместе с учеными Института экспериментальной медицины А. М. Горький обсуждал вопрос о новых, более перспективных формах научно-исследовательской работы в области медицины. Он же взял на себя инициативу довести результат этих бесед до руководителей партии и правительства. Речь шла о создании комплексного научно-исследовательского института для всестороннего изучения здорового и больного человека. Предложение было принято. Основой этого центра стал Институт экспериментальной медицины, получивший по декрету Совнаркома от 15 октября 1932 года новый статус и, соответственно, переименованный во Всесоюзный институт экспериментальной медицины (ВИЭМ).

Именно в этот период Наркомздрав РСФСР наконец проявил интерес к предложению Н. Н. Бадмаева поставить на научную основу изучение тибетской медицины. С февраля 1932 года началась переписка по данному поводу между Нарком-здравом и руководством института.

Большинство ведущих сотрудников института одобрили проект, предусматривавший открытие стационара и амбулатории, создание лекарственного фонда за счет экспедиций, проведение лабораторных исследований, организацию музея, работу по переводу тибетской медицинской литературы и ряд других пунктов. Правда, даже соглашаясь с проектом, некоторые возражали против руководства в этом деле Н. Н. Бадмаева, отводя ему более скромную роль.

Но нашлись люди, которые горячо его поддержали. Профессора А. Д. Сперанский и В. В. Савич написали письмо на имя директора ВИЭМ (от 14 декабря 1932 года), убеждая руководство в необходимости организовать в стенах института систематическое изучение восточной медицины, научно-практическое значение которой «в лучшем случае игнорируется, в худшем — приравнивается к знахарству». Да, писали они, теория восточной медицины тесно связана с мистической философией Востока, но разве любая медицина — и восточная, и западная — не стремится использовать больше, чем может в данный момент объяснить? К тому же нельзя объяснить то, чего не знаешь и, главное, не хочешь знать. Необходимо вывести восточную медицину из подполья, ибо существующее положение делает ее достоянием шарлатанов, приносящих немалый вред. «Причины здесь те же, которые порождают религиозные суеверства. Те создавались господствующей религией, эти — господствующей медицинской школой, поддерживаемой наукой и охраняемой законом. Но подлинная наука не нуждается в такой защите. Задача закона — охранять не науку, а здоровье трудящихся от посягательств невежества, небрежности или спекуляции. И совершенно безразлично, к недрам какой именно школы причисляет себя сознательный или бессознательный вредитель».

Поддержал идею изучения тибетской медицины в стенах Всесоюзного института экспериментальной медицины и Н. И. Бухарин — видный политический деятель, действительный член АН СССР, редактор «Известий», возглавлявший в то время научно-исследовательский сектор ВСНХ. Об этом свидетельствует его письмо директору ВИЭМ Л. Н. Федорову:

"Дорогой тов. Федоров!

Я, по сути дела, присоединяюсь к записке Сперанского и Савича. По-моему, одна из благороднейших задач ученых СССР состоит в том, чтобы добиться синтеза между ценным наследием запада и востока, синтеза, которого не допускает империалистическая ориентация буржуазии, или во всяком случае мешает его созданию. Поэтому я бы думал, что в рамках вашего учреждения хорошо было бы отвести место и для работ Н. Н. Бадмаева, с соответствующей экспериментальной базой и обеспечением издания соответствующих трудов. Нам вовсе не след исходить из предрассудков культуры Средиземного моря или даже «белой

расы». Да и наверняка можно a priori сказать, что мы могли бы получить немало ценного, если бы пошарили поглубже в сокровищах научной мысли востока.

Привет! Ваш Н. Бухарин".

30 декабря 1932 года в ВИЭМ наконец состоялось первое совещание, на котором выступил с докладом Н. Н. Бадмаев. А вскоре в Забайкалье отправилась экспедиция для сбора и заготовки животного лекарственного сырья и целебных растений. Задание было выполнено успешно. Кроме того, удалось приобрести и ценные книги по тибетской медицине.

В 1934 году при институте начало работать специальное Бюро по изучению восточной медицины во главе с фармакологом профессором С. В. Аничковым. Стоял вопрос и об открытии соответствующей клиники. Предполагалось развернуть исследования достаточно широко и включить в сферу научной проверки средства и методы врачебной науки не только Тибета, но и арабо-персидской медицины, что получило отражение в названии Бюро и клиники. Организационный период, однако, затягивался.

Руководителем клиники был назначен профессор С. П. Заводской, Н. Н. Бадмаеву отвели роль консультанта — для директора института Л. Н. Федорова он по-прежнему оставался нежелательным лицом, которому не следовало давать реальных прав. Результаты такого отношения проявились достаточно быстро — созданное подразделение было вскоре переименовано в Бюро восточной и народной медицины. Этот шаг не был случайным, хотя кроме Н. Н. Бадмаева никто не придал ему значения.

Н. Н. Бадмаев пытался убедить членов Бюро, что переименование знаменует собой принципиальное отступление от первоначальной идеи. Ведь тибетскую медицину нельзя приравнивать к народной и низводить ее до уровня знахарства. Не отдельные лекарственные средства надо испытывать, а изучать всю систему взглядов, весь врачебный арсенал, включающий помимо лекарственных препаратов диететику и разнообразные физические методы лечения.

Эта позиция не нашла поддержки. Члены Бюро надеялись, что переименование вреда не принесет, а, напротив, позволит расширить сферу деятельности. Но в январе 1935 года Отдел народной медицины (как видим, трансформация названия была последовательной) закрыли под предлогом реорганизации института. Договор с больницей им. В. И. Ленина, на базе которой отделение просуществовало буквально два месяца, был расторгнут, а больные выписаны или переведены в другие лечебные учреждения. На этом изучение восточной, в том числе тибетской, медицины в рамках ВИЭМ практически закончилось.

Но ее сторонники сдаваться не собирались. В апреле 1935 года в Совет труда и обороны страны поступило «Деловое предложение о развитии работы по изучению и экономическому использованию средств и методов восточной медицины», подписанное экономистом В. В. Добрыниным. Автор предложения подробно обосновывал необходимость создания в Ленинграде научного и учебного центра — Института восточной медицины и гигиены с филиалами в странах Востока и Запада. Это предложение было передано наркому здравоохранения РСФСР Г. Н. Каминскому.

Время, однако, шло, а ответа все не было. Через 8 месяцев В. В. Добрынин направил жалобу председателю Совнаркома СССР В. М. Молотову с копиями в Комиссию Советского контроля при СНК СССР, в Комиссию Партийного контроля и Комиссию содействия ученым.

Обосновывая вновь программу изучения и использования средств и методов восточной медицины, он подчеркивал, что в ее арсенале имеется немало кровоостанавливающих и рано-заживляющих средств, препараты, повышающие естественный иммунитет к инфекциям, что особенно важно в случае бактериологической войны.

Добрынин указывал, что инициативная группа ученых разработала устав Общества содействия изучению медицины, гигиены и психофизкультуры народов Востока, что при Институте востоковедения АН СССР уже действует семинар по изучению тибетского языка и тибетской медицины и что он лично заручился поддержкой полномочного представителя Тибета в СССР Хамбо Агвана Доржиева (бывшего наставника Далай-ламы).

Столь энергичное напоминание возымело действие. 26 марта 1936 года «Вечерняя красная газета», издававшаяся в Ленинграде, известила читателей о том, что Ученый медицинский Совет (УМС) Наркомздрава РСФСР по инициативе группы ленинградских профессоров созывает 1 апреля широкое совещание по поводу изучения тибетской медицины. Казалось, на этот раз победа была бесспорной. Президиум УМС принял постановление о необходимости изучения восточной медицины. Но уже через несколько дней на заседании Бюро УМС стало ясно, что трудности на этом не кончились. Директор ВИЭМ Л. Н. Федоров, понимая, что в сложившейся ситуации напрямую возражать против изучения тибетской медицины нельзя, заявил, что в СССР нет ни одного подлинного ее представителя и что доктор Н. Н. Бадмаев таковым считаться не может. Более того, он обвинил Бадмаева в расхищении тибетских лекарственных средств, собранных забайкальской экспедицией, и в том, что последний всячески уклоняется от научной проверки применяемых им методов лечения.

Принятое на заседании Бюро решение было половинчатым: для систематического методологического руководства изучением восточной медицины избрать комиссию, а предложения о создании общества, организации института и специальной клиники отклонить, ограничившись клиническими испытаниями в одном из обычных стационаров. Позиции противников тибетской медицины были достаточно сильны.

От имени инициативной группы ее председатель профессор В. П. Кашкадамов выразил энергичный протест и настаивал на праве группы работать по собственному плану при любых условиях контроля со стороны Наркомздрава. Протест был направлен наркому здравоохранения республики Г. Н. Каминскому, а копия — в Комиссию Советского контроля при СНК СССР. В нем, в частности, говорилось: «Лен. иниц. группа добивается лишь одного: возможности работать в области изучения средств и методов восточной медицины таким образом и в таких условиях, чтобы в результате этой работы можно было бы дать вполне объективный и научно обоснованный ответ на поставленный вопрос, пригодный для того, чтобы его можно было, с приложением соответствующих точных документальных данных и объяснений, опубликовать как в советских, так и в иностранных научных органах без риска быть обвиненным в неумелой или предвзятой постановке вопроса».

В инициативную группу входили, кроме Н. Н. Бадмаева, профессора Л. Л. Васильев (руководитель отдела общей физиологии нервной системы Института мозга), К. И. Поварнин (психоневролог), А. К. Борсук (зав. кафедрой психологии Института физической культуры им. П. Ф. Лесгафта), М. В. Елкин (зав. кафедрой акушерства и гинекологии 2-го Ленинградского медицинского института), М. Д. Тушинский (руководитель диагностической клиники 1-го Ленинградского медицинского института), Я. И. Периханянц (зав. кафедрой физиотерапии и бальнеологии того же института), А. Ф. Гаммерман, А. Б. Вериго (зав. лабораторией Радиевого института); востоковеды академики Ф. И. Щербатской, В. М. Алексеев, А. Н. Самойлович, профессор А. И. Востриков. Правда, к этому времени ушли из жизни профессора В. В. Савич и Н. Д. Бушмакин, переехали в Москву А. Д. Сперанский и И. А. Обергард, который вскоре был арестован. Скончался А. М. Горький, проявлявший большой интерес к тибетской медицине. Возглавлял группу профессор В. П. Кашкадамов, физиолог и гигиенист, которому довелось «сражаться» с эпидемиями чумы не только в России, но и в Маньчжурии, а также в Индии. С первых дней советской власти он активно участвовал в организации здравоохранения в Петрограде.

Список членов инициативной группы явился знаменательным для признания тибетской медицины. Ведь в постановлении УМС Наркомздрава РСФСР подчеркивалось, что между современной научной и восточной медициной существует такая же разница, как между химией и алхимией, астрономией и астрологией, и что изучение «Тибетской медицины» (это понятие заключалось в кавычки) может принести пользу лишь в том случае, если будет проводиться людьми, вооруженными современными научными методами. Члены инициативной группы были именно такими специалистами.

Открытие нового лечебного учреждения во главе с Н. Н. Бад-маевым намечалось на июнь 1937 года. Шли ремонтные работы, комплектовался штат. Но над коллективом клиники уже сгущались тучи. 8 апреля был арестован профессор А. И. Востриков, который читал для врачей лекции по тибетскому языку. Это был молодой, но уже достаточно известный в научных кругах специалист. Его работа «Тибетская историческая литература», по мнению академика Ф. И. Щербатского, «послужила к славе и гордости Советской науки». Труд этот, однако, увидел свет лишь в 60-е годы.

Арест Вострикова был сигналом опасности, но подготовка клиники к открытию не прекращалась. Начались занятия на курсах хейротерапии (восточного массажа), а через несколько месяцев выпускники курсов были зачислены в клинику. По приглашению Н. Н. Бадмаева в Ленинград прибыли врачи Данзанов, Жапов, Гомбаев, Догбаев и переводчик Санданов. Больница готовилась принять первых пациентов.

Шла весна 1938 года. 20 марта арестовали сотрудницу научно-литературного кабинета клиники Н. П. Вострикову. 10 апреля была создана комиссия, и с 16 ч 30 мин в клинике в срочном порядке началась инвентаризация. А 20 апреля арестовали руководителя и организатора клиники Н. Н. Бадмаева. У него остались три сына — Михаил, Кирилл, Андрей. К их чести, они не отреклись от отца, как это нередко бывало в те трудные годы, а пытались доказать его невиновность, направив письмо об этом Л. П. Берии. Ответа они не получили.

Приговором Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 26 февраля 1939 года Н. Н. Бадмаева осудили на 10 лет ссылки в лагеря строгого режима без права переписки. Его обширный медицинский архив, книги и переписка были изъяты во время обыска. Судьба их в настоящее время неизвестна. Н. Н. Бадмаев не вернулся из заключения. По настойчивым ходатайствам сыновей он был посмертно реабилитирован в 1956 году.

Приглашенные им восточные специалисты и многие активные сторонники изучения тибетской медицины также были арестованы. Их судьба неизвестна.

Арестованную в 1937 году Е. Ф. Бадмаеву реабилитировали в 1957 году. Ей удалось сохранить фамильные рецепты, которые находятся сейчас у внуков П. А. Бадмаева.

Со смертью Н. Н. Бадмаева попытки поставить изучение тибетской медицины на научную основу заглохли на долгие годы.

Только теперь, через 60 лет после тех трагических событий, можно сказать, что изучение врачебной науки Тибета как целостной системы воззрений на здоровье и болезнь с вытекающими отсюда принципами профилактики, диагностики, лечения и профессиональной этики еще только начинается.

ЛАБОРАТОРИЯ ОККУЛЬТИЗМА

Второй миф из числа тех, о которых пойдет у нас сегодня разговор, имеет совершенно иную природу и повествует о знаниях — древних, сокровенных и, как правило, утраченных. И, следовательно, как и было обещано, нам предстоит ненадолго вернуться к тайнам.

Многие задавались и поныне задаются безответным вопросом: как могло случиться, что в ходе русской революции ко власти пришли большевики — горстка, на фоне прочих сил едва различимая? Что это: историческая неизбежность или случайность? Чудо или судьба? Но самое интересное, что вопрос этот, судя по всему, не давал покоя и самим победителям. Власть, упавшая в руки воистину едва ли не чудом, остро в чуде же и нуждалась, дабы ее

удержать. Все первые годы она висела буквально на волоске, и требовались невероятные изворотливость, жестокость и напряжение сил, чтобы волосок этот не оборвался. Как показывает история, хватило всего — изобретательных политиков и мосинских трехлинеек, обманутых и уверовавших в идею. Искателей чуда хватило тоже. Впрочем, особого недостатка в этих последних человечество не ощущало никогда: нельзя сказать, чтобы психологический этот тип являлся особо распространенным, но зато всегда отличался завидной неистребимостью.

«Новая власть, — пишет в своем эссе Олег Шишкин, — чем-то напоминала средневековых феодалов, которые, с одной стороны, преследовали в своих владениях всяческую ересь и отправляли колдунов и ведьм на костер, а с другой — втайне пытались решить проблему получения философского камня, эликсира жизни, превращения обычных металлов в золото». Все так. Но будем справедливыми: феодал феодалу рознь. Одни из поколения в поколение рачительно обустраивали свои владения, расширяли их всеми дозволенными временем способами, укрепляли свою власть и пополняли казну то грабежами, то налогами (правда, грань между этими понятиями можно провести не всегда). Другие же расточали скопленное предками в тщетной надежде разом решить все проблемы, приобщившись к тайнам алхимии или магии. Судьба последних, чаще всего, оказывалась весьма печальной (правда, их наследникам приходилось еще хуже).

Феномен этот в высшей степени интересен. Он проистекает от пылкого нетерпения сердца, и в этом смысле все искатели философского камня и достигаемой революционным путем социальной справедливости суть души родственные — им подавай великое благо немедленно, сейчас и здесь. Даже то обстоятельство, что на «Великое делание» или подготовку вооруженного восстания могут уйти десятилетия, истратиться вся жизнь, в расчет не принимается: может ведь и завтра повезти. Или — послезавтра. .. или — когда-нибудь… но непременно. Временами обе эти ипостаси — ревнителя тайных знаний и борца за всеобщее счастье — соединяются в одном человеке. Именно так и произошло с главным героем повествования о большевистских искателях Шамбалы — начальником Спецотдела при ОГПУ Глебом Ивановичем Бокием.

Но здесь я вынужден позволить себе некоторое отступление.

Систематическое познание — дело скучное. Что толку из года в год ковыряться в сухой земле, добывая какие-то черепки, сдувая с них пыль, подгоняя друг к дружке, а в конце концов получить склеенный из сотен осколков печной горшок? Где здесь романтика? Где размах? Ино дело — разом взять да и сочинить целую эпоху. Правда, к выполнению этой весьма достойной творческой задачи можно подойти двояко. Скажем, Роберт Говард (а за ним — и многочисленные последователи), сотворяя вымышленные реальности Хайборейской эры, честно и откровенно не преследовали никакой иной цели, кроме как развлечь почтеннейшую публику. И это справедливо по отношению практически ко всей пишущей братии. Однако возможен и подход принципиально отличный. Именно по этому пути пошла памятная вам, может быть, по первому тому серии основательница Теософского общества госпожа Елена Петровна Блаватская. Эта дама знала, что делала — брошенные ею семена упали на прекрасно подготовленную почву. Не стану утомлять вас неуместным здесь детальным анализом, ограничившись выделением двух наиболее, на мой взгляд, значимых компонент.

Во-первых, свет разума, зажженный эпохой Просвещения, в полном соответствии со всеми законами оптики, резко сгустил отбрасываемые предметами тени. Тенью же веры является, как известно, суеверие, а повсеместный атеистический настрой общества на переломе XIX и XX веков сделал, вдобавок, эту тень завлекательно-манящей. И потому тайная доктрина Блават-ской быстро и уютно обжила счастливо открывшуюся в общественном сознании экологическую нишу. Ее Теософское общество было если не первым,

то одним из первых в длинной череде церквей, братств и сект, которыми нынче у нас никого не удивишь.

Во-вторых, проблема происхождения. Конечно, мудро-ироничный граф Алексей Константинович Толстой мог писать в «Послании к Лонгвинову о дарвинизме»:

Да и в прошлом нет причины

Нам искать большого ранга,

И по мне, шматина глины

Не знатней орангутанга.

Но ведь во всечеловеческом безродстве нашем хочется, нестерпимо хочется обрести достойных пращуров. Даже дважды — и в рассуждении рода людского вообще, и применительно к собственному роду-племени. И как тут не уверовать в доктрину, утверждающую, что веемы суть и не творение Господне, созданное из праха, и не промежуточный итог саморазвития материи, а законные потомки и наследники некоей извечной и великой вселенской расы, по сути своей принадлежащей к ангельскому чину? Согласитесь, это возвышает — по крайней мере, некоторых; как минимум, в собственных глазах. Но и это ведь еще только полдела.

От кого только ни тщились досужие сочинители произвести русский народ — весь алфавит перебрали, от аланов с роксоланами (от коих, по Михаиле Васильевичу Ломоносову, произошло название «россияне») и вплоть до италийских этрусков (поелику, согласно Владимиру Щербакову, этруски — «это русские»). Священная жажда древних и благородных корней. ..Ас ними — и утерянного прародительского наследия, позабытых сокровенных знаний былых эпох.

Казалось бы, какая разница — знания утерянные в былом или еще не обретенные в грядущем? Однако в действительности она есть. Будущее потенциально, его мудрость то ли реализуется, то ли нет, и Бог весть в каком виде, а путь восхождения к нему бесконечно долог и разом перемахнуть через несколько ступенек на этой ведущей к горним высям лестнице Иакова, увы, невозможно. Прошлое же суть незримая, но вполне ощутимая реальность, если не мгновенный, то скорый прорыв к которой можно осуществить. Разница та же, что и между сколачиванием капитала и поисками давным-давно зарытого клада. Кроме того, сама вера, что искомыми знаниями предки некогда уже обладали, укрепляет на пути. И помянутое уже мною нетерпение сердца склоняет разум к этому второму пути.

Разумеется, утерянная мудрость существует и впрямь — от нее невозможно отмахнуться изящной марк-твеновской максимой: «Знания, которыми не обладали древние, были чрезвычайно обширны». Самый простой пример здесь — знаменитая дамасская сталь (или, скажем, так называемая «черная бронза»), секрет производства которых с веками оказался утрачен без следа, и восстановить его современным металлургам пока что не удалось. Но это из области ремесла. А если из области магии и чудес?

С подобной точки зрения организация экспедиции на поиски загадочной и потаенной горной страны Шамбалы, где обитают наследники мудрости сотен тысячелетий земной (а может, и неземной) истории представляется предприятием вполне оправданным и, так сказать, коммерчески осмысленным. Как оправдан, например, мельком упомянутый интерес карающих органов к гималайскому «снежному человеку» — кто знает, на что это существо способно, и не удастся ли его способности поставить на службу отечеству? И я бы, ей-ей, нимало не удивился, узнав, что в поисках чудо-оружия для РККА была организована какая-нибудь секретная экспедиция на поиски и отлов василисков, способных, как известно, обращать в камень всех, на кого падает взгляд этих странных и грозных существ. Или — по примеру славного идальго Понсе де Леона — на поиски источника вечной молодости, столь необходимой вождям победившего пролетариата, дабы успели они претворить в жизнь все

роящиеся в их гениальных головах великие начинания. А может, и было что-нибудь подобное? Это вполне в духе времени и в духе Спецотдела…

И вот ведь что особенно интересно: помимо всех этих фантастических затей занимался Спецотдел делами вполне конкретными и прагматическими — криптография хотя и тайнопись, однако к оккультным тайнам ни малейшего касательства не имеет. Как же образовался столь противоестественный и в то же время органический сплав? Что могло соединить несоеди-няемое?

Разумеется, только сами люди — все эти удивительные, талантливые, но, кажется, из сплошных противоречий сотканные Бокии, Рерихи и Барченки. В чем он были святы и в чем грешны? где правы и где заблуждались? Думать об этом чрезвычайно интересно, однако вряд ли мы, сегодняшние, вправе их судить. И не только исходя из библейского «Не судите да не судимы будете» — просто по отношению к прошлому позиция судии в принципе неплодотворна. Судьбы же их всех — за исключением Рериха — оказались достаточно горьки. Да и могло ли быть иначе? Не мною сказано, что всякая революция суть чудовище, пожирающее собственных детей. Впрочем, и отцов, замечу, тоже. Но в первую очередь из тех и других она выбирает наиболее ярких, блистательных, ни с кем не схожих. «Мне не нужны умные, мне нужны верные», — молвил некогда император Николай Павлович, награждая донесшего о заговоре декабристов Шервуда, обретшего с тех пор двойную фамилию Шервуд-Верный. Однако одержи декабристы верх, и этот же тезис знаменем заполоскался бы надо всею страной — вспомните «высшее благочиние» из «Русской правды» полковника Пестеля… Ведь всякий режим, чудом пришедший ко власти и чудом удержавший власть, становясь все более авторитарным и тоталитарным, начинает в первую очередь нуждаться отнюдь не в людях талантливых. Они слишком опасны. И независимо от воли тех или иных вождей включается механизм гомеостаза, обрекающий их на уничтожение. Выжить должны не яркие, но посредственные, не талантливые, но предсказуемые во всем и всегда, управляемые и приспосабливающиеся, а не верящие в чудо и способные его созидать или хотя бы грезить этим.

Олег Шишкин. ИСКАТЕЛИ ШАМБАЛЫ

Не будет преувеличением сказать, что практически с самого своего возникновения советские спецслужбы проявляли живой интерес к разного рода оккультным исследованиям и, соответственно, к организациям и лицам, этими исследованиями занимавшимся. При этом ставились сразу две задачи: во-первых, пресечь вредную для «нашего дела» деятельность буржуазных мистиков, а во-вторых, изучить возможности по использованию паранормальных сил и явлений на благо пролетарской революции. В этом отношении новая власть чем-то напоминала средневековых феодалов, которые, с одной стороны, преследовали в своих владениях всяческую ересь и отправляли колдунов и ведьм на костер, а с другой — втайне пытались решить проблему получения философского камня, эликсира жизни, превращения обычных металлов в золото.

Свидетельством неподдельного интереса ВЧК к мистическим исследованиям может служить следующий эпизод. В октябре 1918 года известный петербургский ученый-биолог и оккультист Александр Васильевич Барченко был неожиданно для себя вызван в Петроградскую ЧК. Заметим, что дело происходило в один из пиков «красного террора» и потому такой вызов, мягко говоря, не сулил ничего хорошего. В кабинете, куда пригласили Барченко, присутствовали несколько чекистов: Александр Юрьевич Рикс, Эдуард Морицевич Отто, Федор Карлович Лейсмер-Шварц и Яков Григорьевич Блюмкин (известный в Петрограде под псевдонимом Константин Константинович Владимиров). Не на шутку перепуганному ученому сообщили, что на него поступил донос. Осведомитель сообщал об антисоветских разговорах Барченко с близкими ему людьми. Автором доноса являлся член партии сионистов Гедали. К удивлению Александра Васильевича, чекисты повели себя тактично и заявили о своем недоверии к доносу. Они испросили лишь разрешение посещать

лекции по мистицизму и древним наукам, которые доктор проводил в аудиториях Тенишевского училища и на дому у своих знакомых. Разумеется, Барченко дал согласие, и действительно после этого он видел сотрудников питерской ЧК на нескольких своих выступлениях.

Следует отметить, что борьба органов ВЧК — ОГПУ — НКВД против масонских и других мистических организаций была в значительной степени оправданной. Ведь среди последних состояли не только безобидные участники спиритических сеансов, пытавшиеся вызвать дух Наполеона, чтобы узнать, долго ли продержится власть большевиков. Как мы теперь знаем, масонами были большинство членов Временного правительства: Львов, Керенский, Гучков, Некрасов и другие.

Кроме того, как показывает история дореволюционной России, члены масонских лож постоянно использовались как агенты влияния в пользу западных государств. Поэтому неудивительно, что секретные службы Российской империи традиционно интересовались тайными обществами, существовавшими на Западе, и, в первую очередь, масонскими ложами.

* * *

В 1895 году в Париже председателем Верховного совета мартинистов Энкосом Жираром (эзотерическое имя — Папюс) был принят в масоны В. В. Муравьев-Амурский. В этом событии не было бы ничего особенного, если б не одно обстоятельство: вновь обращенный являлся полковником русской армии и военным атташе Российской империи во Франции.

В 1899 году Муравьев возвратился в Петербург, где основал ложу с непосредственным подчинением парижской штаб-квартире мартинистов. Сам же бывший атташе и брат министра юстиции являлся в то время генеральным делегатом ордена и занимал эту должность вплоть до 1907 года, когда парижские мартинисты лишили его права представительства за откровенный саботаж.

Чарльз Уильям Гекертон в капитальном труде «Тайные общества всех веков и всех стран» (1874) посвятил мартинистам всего двенадцать строк. Упомянув одного из основателей этого движения, некоего Сен-Мартена, автор заканчивает словами: «Орден, измененный им, распространился из Лиона в главные города Франции, Германии и России. Ныне ок не существует». Однако на самом деле во времена Гекертона орден еще существовал.

Вообще, любая масонская организация — это элитарный политический клуб. Мартинисты к этому присовокупили культ древней магии.

Родоначальником мартинизма считается живший во второй половине XVIII века Мартинес де Паскуалис. Еще одним деятелем, внесшим немалый вклад в пропаганду этого течения, стал Клод де Сен-Мартен. Постепенно два имени, слившись, дали название целой ветви «вольных каменщиков».

Неизвестно, был ли знаком Николай II с трудом Чарльза У. Гекертона, однако царской чете во время визита в Париж был представлен президент Верховного Совета мартинистов, генеральный делегат каббалистического ордена Розы и Креста господин Папюс. Он свел венценосца с уроженцем Лиона медиумом Филиппом. Николай II, пораженный сверхъестественными способностями «старца», пригласил того перебраться в Санкт-Петербург, суля престижную должность медика Военной академии, звание генерала и статского советника. Вскоре мрачная тень Филиппа уже наводила ужас на сенаторов и министров, оценивших его влияние на события в стране: когда японские самураи теснили

русские полки под Мукденом, в апартаментах Николая Филипп вызывал духа отца императора —

Александра III, и тот давал стратегические рекомендации, отзывавшиеся на решениях Верховного командующего и Генштаба. Особый отдел департамента полиции пытался дискредитировать всесильного лионца, но тщетно: императора уже ввели в ложу Розы и Звезды, созданную Филиппом в Санкт-Петербурге.

Мартинизм существовал в России и раньше — с конца XVIII века. Глубоко законспирированная организация ежегодно «рекрутировала» десятки способных профанов и распространялась по самым отдаленным провинциальным городам. В отличие от франкмасонов, обожествлявших торговлю и капитал, у поклонников учения Сен-Мартена были свои склонности, определившие и государственный интерес: традиционное внимание к мистическим тайнам, гипнозу, телепатии, ясновидению и — к нацирнальной восточной политике и колониальному движению империи в глубь Азии. Две эти страсти русских мартинистов объединил в себе миф о Шамбале — недоступной горной стране в Гималаях, населенной политическими телепатами и пророками катаклизмов.

Не удовлетворенный пассивной позицией Муравьева, Верховный Совет мартинистов делегировал в столицу России Чес-лава фон Чинского. 9 июля 1910 года фон Чинский вручил градоначальнику Санкт-Петербурга заявление о своем назначении со 2 мая того же года членом Верховного Совета Ордена мартинистов и Генеральным делегатом Ордена для России. Однако этот господин не предоставил устав объединения, без чего легализация его не состоялась.

Впрочем, Чинский развернул свою деятельность, не утруждая себя обиванием порогов инстанций. Начал он с пропаганды спиритизма, теософии, называл себя учеником психиатра Шарко, врача, укротившего эпилепсию, неврастению и психопатию. В распространении всевозможных оккультных знаний ему помогали различные маги и медиумы. А благосклонность царской семьи открыла для Чинского не только двери Зимнего, но и парадные подъезды многих петербургских семей.

Чинский появлялся и в доме молодого, но уже известного художника Николая Рериха. Однажды художник собрал у себя на Галерной друзей и представил им варшавского медиума Яна

Гузика, приехавшего в Питер по приглашению императрицы, как утверждает Грабарь в своих мемуарах. Этот спирит признавался одним из самых мощных в Европе. Вольф Мессинг считал его в большей степени гипнотизером и мастером по вызыванию духов Наполеона, Александра Македонского и Адама Мицкевича.

Антрепренером Гузика был известный нам Чеслав фон Чин-ский. В 1911 году он выпустил немало всевозможных брошюр о своих способностях к ясновидению, об общении с потусторонними силами и, наконец, «Магические сеансы с медиумом Яном Гузиком под управлением Пунара Бхава» (Пунар Бхав — эзотерическое имя Чинского). В последнем труде Чинский подробно описал свои опыты на квартире художника Р.

Между тем Чеслав фон Чинский был не только проходимцем и шарлатаном — он являлся генеральным делегатом Великой Ложи Франции с правом посвящения, и этим правом он успешно пользовался в столичных салонах. Более того, двор уже был покорен им и его Гузиком.

Появление Чинского и Гузика в квартире Рериха произошло не случайно. Николай Константинович пригласил их, воспользовавшись своими связями при дворе. Впрочем, его гости знали, что хозяин дома был розенкрейцером и имел высокую степень посвящения.

Николай Константинович Рерих родился 27 сентября 1874 года в семье известного петербургского нотариуса. Отец будущего художника владел крупной конторой в самом центре столицы — на Васильевском острове, рядом с Академией художеств. Одна из тайн

жизни Константина Рериха заключалась в том, что на протяжении многих лет он состоял членом масонской ложи и обладал высоким посвящением. (Крест высшего масонского посвящения К. Рериха демонстрировался на юбилейной выставке семьи Рерихов в Государственном музее Востока в 1994 году. Это редчайший орденский знак с берилловыми лучами, в центре его располагается отшлифованный горный хрусталь, имеющий изнутри замысловатую гравировку — изображение святого Георгия Архистратига, поражающего змия, верхний луч заканчивается рубинами.)

Позже Константин Рерих внушил и своему сыну уважение к «вольным каменщикам». При посвящении «волчонок» (то есть сын масона) получил эзотерическое имя Фуяма.

По настоянию отца по окончании гимназии Николай поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В кругу друзей-студентов он познакомился и с будущим народным комиссаром иностранных дел Чичериным.

Однако прилежного учащегося карьера юриста, похоже, не слишком вдохновляла. Учебу в университете Николай Рерих совмещал с занятиями живописью в мастерской художника и скульптора Микешина, работавшего над многочисленными правительственными заказами. В 1897 году молодой талант поступил в Академию художеств. Его конкурсную работу приобрел основатель русской национальной галереи Павел Третьяков. Художественная биография Рериха развивалась стремительно. Он вполне вписывался в круг тех русских художников-реалистов, которые, испытывая декадентское влияние, создавали свой модерн — «а ля рюсс». Его служебная карьера шла по восходящей. В 1909 году Рерих сделался академиком. Он занимал пост председателя объединения «Мир искусства» и пост секретаря Общества поощрения художеств. Солидная должность позволила ему приблизиться ко двору через великих княгинь, патронесс общества. Результат сказался незамедлительно — ему пожалован был чин действительного статского советника, что приравнивалось к чину генерал-майора в армии или к контр-адмиралу на флоте.

В мартинистской среде с особым пиететом говорили о жене Фуямы — Елене. Блестящая светская красавица, она пользовалась известностью как медиум. Пророчица страдала эпилепсией и в минуты, предшествовавшие приступам болезни, общалась с духами и слышала голоса.

Спиритические сеансы Рерихи устраивали у себя дома, на Галерной. Среди приглашенных часто бывали Сергей Дягилев, Александр Бенуа, Игорь Грабарь..

Ложа розенкрейцеров считалась высшим «этажом» у петербургских мартинистов. Среди рыцарей Розы и Креста, собиравшихся у Рериха, были академик Ольденбург, скульптор Сергей Меркуров, монгольский путешественник Хаян Хирва, писатель и биолог Барченко. В 1911 году членом ложи стал двоюродный брат Меркурова — мистик Гурджиев.

Особую ступень в иерархии занимал востоковед, специалист по буддизму Сергей Ольденбург, непременный секретарь Академии наук, близкий к Генштабу и к военному министру генерал-адъютанту Куропаткину. Последний неоднократно обращался к ученому за консультациями по поводу тайных русских миссий в Тибет.

Еще один адепт ордена Розы и Креста — скульптор Сергей Меркуров придерживался крайне левых взглядов, дружил со Степаном Шаумяном и любил вспоминать, как во время учебы в Цюрихе в 1902 году ходил слушать диспуты Ленина и Чернова.

Наиболее экзотической фигурой ордена был монгольский интеллигент Хаян Хирва. Полиглот, путешественник, посетивший Францию, Германию, Турцию, он увлекся эсперанто и мечтал о создании единого общеазиатского языка. Будущее уготовило ему должность начальника Государственной внутренней охраны Монголии — местного аналога ОГПУ — НКВД — и расстрел в 1937-м.

«Общность интересов по изучению трудных и малодоступных для понимания широких масс областей человеческого духа» сблизила Николая Рериха с Константином Рябининым,

талантливым психиатром, занимавшимся терапией эпилепсии (Рерих встречался с ним в связи с болезнью жены), и вскоре доктор также начал продвижение по ступеням масонской иерархии.

В начале XX века мартинистские ложи в Петербурге находились под сильным влиянием восточных религий, в частности буддизма. Точнее, следовало бы говорить о некоем суррогате, состоящем из кусков различных восточных учений, вплоть до зороастризма.

* * *

Еще весной 1923 года Л ей см ер-Шварц, Рикс и Отто уволились из органов ОГПУ. Причины на то у них были разные, и вполне житейские. Рикс переходил на другую работу в Наркомат финансов, на должность руководителя сектора валюты и внешней торговли. Отто совсем разболелся и решил, что пост управляющего делами Русского музея будет для него теперь более кстати. А Лейсмер-Шварц перешел в Союзфото, где устроился фотокорреспондентом. На самом деле все их увольнения были лишь прикрытием. Эти «три мушкетера» стали секретными сотрудниками органов и, в соответствии с программой большой операции, внедрились в мартинистскую ложу, возглавляемую крупным оккультистом и специалистом в области мистики, бывшим преподавателем французского языка в Пажеском корпусе, председателем графологического общества Генрихом Оттоновичем Мёбесом. Он получил посвящение в тайны древней науки лично от Папюса — президента ордена мартинистов. Мёбес слыл самым авторитетным духовидцем в Петрограде. ОГПУ, впрочем, более интересовали его заграничные связи.

* * *

Систематические оккультные исследования советских спецслужб начались несколько позднее — в середине 20-х годов. Санкцию на их проведение дал Яков Агранов, а непосредственное курирование осуществлял Глеб Иванович Бокий. Человек поистине уникальной судьбы, представитель «старой гвардии» ВКП(б), чекист, чью неподкупность признавали даже враги Советской власти, он одновременно был выдающимся криптографом и признанным экспертом ВЧК по масонским и оккультным организациям. Закончил свою жизнь Бокий в 1937 году, расстрелянный по обвинению в членстве в масонской ложе «Единое трудовое братство».

Отметим одну любопытную деталь. С юных лет Глеб Бокий увлекался всякого рода тайными восточными учениями, переняв эту страсть от старшего брата. Не оставил он своих оккультных занятий и сделавшись профессиональным революционером. Его наставником в области мистических поисков стал Павел Васильевич Мокиевский, врач, теософ и гипнотизер. Известный столичной публике в качестве заведующего отделом философии научно-публицистического журнала «Русское богатство», он занимал видное место в уже упоминавшейся ложе петербургских розенкрейцеров. С 90-х годов у Мокиевского лечились многие известные русские писатели. Особой популярностью пользовался Павел Васильевич в среде революционного студенчества: он часто оказывал помощь тем, кто скрывался от царской охранки. В 1906 году полиция в очередной раз арестовала студента Горного института Глеба Бокия, создавшего под прикрытием бесплатной столовой для учащихся института большевистскую явку. Мокиевский внес за него залог в 3 тысячи рублей, после чего молодого революционера выпустили на свободу.

Мокиевский настолько привязался к Бокию, что в 1909 году ввел его в ложу. Но это была одна из низких степеней посвящения, и многих мартинистов Глеб, конечно, не знал.

Павел Васильевич тем не менее сообщил ему о принадлежности к их ложе художника Рериха. Кроме того, он старался помочь студенту достигнуть высших степеней и всячески рекомендовал его в узком кругу. Он рассказал о молодом таланте Рериху и Барченко. Однако Глеба Бокия больше привлекала революционная деятельность…

После Октябрьской революции Бокий активно работал в органах ЧК, занимал ответственные посты: в разное время он был шефом питерского ЧК; возглавлял особые отделы Восточного и Туркестанского фронтов; состоял членом Туркко-миссии ВЦИК и СНК РСФСР и полномочным представителем ВЧК.

В двадцать первом году Бокию поручили новую работу. Современное государство не может существовать без налаженной криптографической службы. После революции и гражданской войны Советской России необходимо было срочно воссоздавать соответствующие структуры. И вот 5 мая 1921 года постановлением Малого Совнаркома такую службу организовали — в виде специального отдела при ВЧК. Начальником новой структуры и одновременно членом коллегии ВЧК был назначен Г. И. Бокий.

В течение 20 — 30-х годов органы государственной безопасности неоднократно реорганизовывались, меняли свою структуру и название. Соответственно менялось и название отдела:

с 5 мая 1921 года по 6 февраля 1922 года — 8-й спецотдел при ВЧК;

с 6 февраля 1922 года по 2 ноября 1923 года — спецотдел при ГПУ;

со 2 ноября 1923 года по 10 июля 1934 года — спецотдел при ОГПУ;

с 10 июля 1934 года по 25 декабря 1936 года — спецотдел при ГУГБ НКВД СССР;

с 25 декабря 1936 года по 9 июня 1938 года — 9-й отдел при ГУГБ НКВД СССР.

Служба Бокия считалась одной из самых секретных структур при ОГПУ — НКВД. Существенный предлог «при», добавляемый к названию Спецотдела, как бы утяжелял его статус, свидетельствовал об автономии. Это выражалось в том, что отдел Бокия сообщал информацию непосредственно в Политбюро, ЦК и правительство, минуя руководство своего ведомства. По сути, Спецотдел был подразд елением ЦК ВКП(б). Как вспоминал перебежчик Георгий Агабеков, «он подчиняется непосредственно Центральному Комитету партии».

Размещался отдел не только на Малой Лубянке, но и в здании на Кузнецком мосту, дом 21, в помещении Народного комиссариата иностранных дел, где занимал два верхних этажа. Главными, а точнее, официальными его функциями являлись масштабная радио— и радиотехническая разведка, дешифровка телеграмм, разработка шифров, радиоперехват, пеленгация и выявление вражеских шпионских передатчиков на территории СССР. Пеленгаторная сеть камуфлировалась на крышах многих государственных учреждений, и таким образом осуществлялось слежение за радиоэфиром Москвы. В сфере внимания Спецотдела находились передатчики не только автономные, но и те, что стояли в посольствах и иностранных миссиях. В них монтировалась подслушивающая аппаратура и отслеживались телефонные разговоры. Отделу непосредственно подчинялись и все шифроотделы посольств и представительств СССР за рубежом. Общая численность сотрудников составляла 100 человек. В их число входили начальники отделений, их помощники, секретари, инспекторы и машинистки.

В начале 20-х годов отдел включал шесть, а позднее семь отделений. Однако собственно криптографические задачи решали только три из них: 2-е, 3-е и 4-е. Так, сотрудники 2-го отделения спецотдела занимались теоретической разработкой вопросов криптографии, выработкой шифров и кодов для ВЧК (ГПУ — ОГПУ — НКВД) и всех других учреждений страны (включая МИД, военное ведомство и др.). В первые годы работы отделение состояло из семи человек, начальником его являлся Ф. Г. Тихомиров.

Перед 3-м отделением стояла задача «ведения шифрработы и руководства этой работой в ВЧК» (ГПУ — ОГПУ — НКВД). Состояло оно вначале всего из трех человек. Руководил отделением старый большевик, бывший латышский стрелок Ф. И. Эйхманс [Эйхманс Федор Иванович родился в 1895 году в селе Вец-Юдуп Гель-фингенского уезда Курляндской губернии в семье кулака. Имел среднее образование, окончил Политшколу второй ступени. Член Коммунистической партии с 1918 года, одновременно начал работать в органах ВЧК-ОГПУ. Зам. начальника 9-го отдела ГУГБ НКВД. Арестован 22 июля 1937 года. Расстрелян 3 сентября 1938 года], одновременно являвшийся заместителем начальника спецотдела. Эйхманс организовывал шифросвязь с заграничными представительствами СССР, направлял, координировал их работу.

Сотрудники 4-го отделения Спецотдела занимались режимом секретности и охраной государственной тайны, выезжали в наркоматы и государственные учреждения, проверяли кабинеты высокопоставленных советских чиновников на звуконепроницаемость, с помощью несложных звуковых тестов выявляли возможные пути утечки сведений, следили за хранением секретной информации в канцеляриях и проводили инструктаж среди персонала. Особое внимание в 4-м отделении обращали на сигнализацию, надежность сейфов различных учреждений и порядок уничтожения использованных документов.

Вот что писал о работе отдела Бокия Георгий Агабеков: «Специальный отдел работает по охране государственных тайн от утечки к иностранцам, для чего имеет штат агентуры, следящей за порядком хранения бумаг. Другой важной задачей отдела является перехватывание иностранных шифров и расшифровка поступающих из-за границы телеграмм. Он же составляет шифры для советских учреждений внутри и вне СССР. Шифровальщики всех учреждений подчиняются непосредственно Специальному отделу. Работу по расшифровке иностранных шифров Спецотдел выполняет прекрасно и еженедельно составляет сводку расшифрованных телеграмм для рассылки начальникам отделов ГПУ и членам ЦК».

Одно из отделений Спецотдела занималось созданием технических приспособлений — локаторов, пеленгаторов — и усовершенствованием передвижных станций, отслеживавших передающие источники. Их оборудование обеспечивал небольшой заводик в Мертвом переулке. Отдел обладал и собственной радиостанцией в поселке Кучино.

Огромную роль в перехвате шпионских радиосигналов играла контрольная сеть Наркомата связи. Ее радиоприемники были разбросаны по всей территории Москвы и находились в ведении Спецотдела. Сеть таких «маяков» фиксировала все сигналы, и если они не входили в систему «Русский код», разработанную в 5-м отделении Спецотдела и включающую 82 шифра, информация об источнике тут же поступала на Малую Лубянку. Процедуру действия в подобных случаях наглядно иллюстрирует один курьезный эпизод, происшедший с Генрихом Ягодой, заместителем начальника ОГПУ, руководителем оперативно-секретного управления.

Однажды через сеть Наркомсвязи были перехвачены сообщения, отправленные неизвестным шифром. Как только этот код попал в криптографическое отделение, он был мгновенно прочтен — составить такой шифр мог, пожалуй, учащийся 8-го класса. Один из двух источников сигналов был передвижным, и уже в первые минуты стало ясно, кто посылал многочисленные сообщения: «Пришлите,, пожалуй ста, еще ящик водки». Отправителем шифровок был Генрих Ягода, развлекавшийся на теплоходе с женой сына Максима Горького. Когда стало очевидно, кто хозяин радиостанций, Бокий решил пошутить и поступил в соответствии с инструкцией: информация была передана в Особый отдел, начальником которого являлся сам Ягода, и вскоре из ворот здания на Лубянке выехала пеленгационная машина, а за ней «воронок» с вооруженной группой захвата. Вычислить передатчик не составило труда, и вскоре особисты ломились в дверь «базы», откуда уходили спиртные

напитки на теплоход, плывший по Москве-реке. Обитатели «базы» отвечали на угрозы группы захвата резким тоном, и дело едва не кончилось перестрелкой между сотрудниками.

Специфика работы учреждения коренным образом отличалась от всего того, что творилось в ОГПУ, и требовала привлечения в аппарат людей, обладающих уникальными навыками.

По информации историка Льва Разгона, "Бокий подбирал людей самых разных и самых странных. Как он подбирал криптографов? Это ведь способность, данная от Бога. Он специально искал таких людей. Была у него странная пожилая дама, которая время от времени появлялась в отделе. Я также помню старого сотрудника охранки, статского советника (в чине полковника), который еще в Петербурге, сидя на Шпалерной, расшифровал тайную переписку Ленина. В отделе работал и изобретатель-химик Евгений Гопиус. В то время самым трудным в шифровальном деле считалось уничтожение шифровальных книг. Это были толстые фолианты, и нужно было сделать так, чтобы в случае провала или других непредвиденных обстоятельств подобные документы не достались врагу. Например, морские шифровальные книги имели свинцовый переплет, и в момент опасности военный радист должен был бросить их за борт. Но что было делать тем, кто находился вдали от океана и не мог оперативно уничтожить опасный документ? Гопиус придумал специальную бумагу, и стоило только поднести к ней в ответственный момент горящую папиросу, как толстая шифровальная книга превращалась через секунду в горку пепла.

Да, Бокий был очень самостоятельный и информированный человек, хотя он и не занимался тем, чем занималась иностранная разведка. К работе других отделов ОГПУ он относился с пренебрежением и называл их сотрудников «липачами»".

Подразделения Спецотдела вели обширную научно-техническую и исследовательскую работу. Но были в его структуре также подразделения, информация о которых считалась особо секретной, и лишь узкий круг людей был посвящен в эти тайны. Здесь имелись должности экспертов и переводчиков. Их численность колебалась, но также не превышала 100 человек. Половину составляли криптоаналитики и филологи, большей частью бывшие сотрудники Департамента полиции Российской империи. Во вторую группу засекреченных входили ученые самых разных специальностей. Все рни формально находились в подчинении заведующего лабораторией Спецотдела Е. Е. Гопиу-са [Гопиус Евгений Евгеньевич. Родился в 1897 году в Москве. Русский. Жил в Арзамасе. Окончил реальное училище. С 1915 года участвовал в революционных кружках. Член компартии с 1917 года. С 1918 — секретарь Арзамасского уездного исполкома. Затем работал в Самаре и Нижнем Новгороде. Последняя должность — руководил Нижегородским губернским политпросветом. С 1921 года — в органах ВЧК-ОГПУ. Заведовал химической лабораторией, одновременно окончил 1-й МГУ. Арестован 4 июня 1937 года, расстрелян 30 декабря 1937 года], который имел статус заместителя Бокия по научной работе.

Это было самое элитарное подразделение из всех советских спецслужб. Здесь, можно сказать, концентрировался интеллект. Круг вопросов, что изучались работавшими на лабораторию подразделениями, был необычайно широк: от изобретения всевозможных приспособлений, связанных с радиошпионажем, до исследования солнечной активности, земного магнетизма и проведения различных научных экспедиций. Здесь изучали все имевшее оттенок таинственности. Все — от НЛО до «снежного человека»…

В качестве официальной «крыши» чекистской структуры использовалась сначала Биофизическая лаборатория Московского Политехнического музея, затем аналогичная лаборатория Московского энергетического института и, наконец, с 1935 года — Лаборатория нейроэнергетики Всесоюзного института экспериментальной медицины. Научным руководителем лаборатории был уже упомянутый нами выше Александр Васильевич Барченко.

Жизнь Барченко была полна таинственных событий. Идеалист по характеру, мистик по убеждениям и в то же время дотошный ученый-практик, он подчас оказывался в центре таких запутанных политических интриг, что вряд ли мог адекватно оценить в них свою роль.

Александр Васильевич Барченко родился в 1881 году в городе Елец в семье нотариуса окружного суда. С юности он увлекался оккультизмом, хиромантией и астрологией. Это стимулировало его естественнонаучные интересы, связанные с изучением таинственных человеческих способностей — телепатии и парапсихологии. Решив изучать медицину, молодой Барченко в 1904 году поступил на медицинский факультет Казанского университета, а в 1905-м перевелся в Юрьевский университет.

Особое значение для Барченко имело знакомство в 1905 году с профессором римского права Кривцовым, преподававшим в Юрьевском университете. Кривцов поведал своему юному другу о встречах в Париже с известным оккультистом Ивом Сент-Д'Альвейдером. Тот верил в существование в глубинах Азии страны Агарты-Шамбалы, населенной медиумами. Таинственная территория якобы лежала на границе Афганистана, Тибета и Индии. Д'Альвейдер утверждал, что общался с ее посланцами, и предлагал правительству Франции связь с могущественными магами. В недоступных горных долинах и пещерах, по его словам, находились мощные лаборатории, где совершенствовался научный опыт древних цивилизаций — Лемурии и Атлантиды. Также он считал, что в Северо-Западном Тибете в доисторические времена существовал очаг величайшей культуры, которой был известен особый синтетический метод, представлявший собой высшую степень универсального знания, и что постулаты европейской мистики и оккультизма, в том числе и масонства, представляют собой искаженные перепевы и отголоски древней науки.

«Рассказ Кривцова явился первым толчком, направившим мое мышление на путь исканий, наполнивших в дальнейшем всю мою жизнь. Предполагая возможность сохранения в той или иной форме остатков этой доисторической науки, я занимался изучением древней истории, культуры, мистических учений и постепенно ушел в мистику. Увлечение мистикой доходило до того, что в 1909 — 1911 годах, начитавшись пособий, я занимался хиромантией — гадал по рукам». (Из протокола допроса А. В. Барченко от 10 июня 1937 года. Архив ФСБ).

Вдохновленный рассказами Кривцова, Барченко приступил к изучению паранормальных способностей человека. Он разработал приборы, позволявшие экспериментально проследить эффект телепатии, и в 1911 году провел ряд сенсационных опытов, связанных с изучением телепатических волн, или, как их называли в начале века, N-лучей.

«Энергия N соперничает с электричеством в способности распространения по медным проводам. Приложите к голове испытуемого медную пластинку, а медную проволоку от нее проведите в другую комнату (темную) к такой же медной пластинке или диску над экраном. Последний будет усиливать свечение всякий раз, когда испытуемый будет проделывать в другой комнате описанные выше мозговые упражнения», — писал Барченко в 1911 году.

Методика экспериментов была следующая: два обритых наголо добровольца надевали на голову алюминиевые шлемы оригинальной конструкции, разработанной Барченко. Шлемы участников опыта соединялись медной проволокой. Перед испытуемыми помещали два овальных матовых экрана, на которых им предлагалось сосредоточиться. Один из участников был «передающим», другой — «принимающим». В качестве тестов предлагались слова (например, «самовар») или изображения. Характерно, что в опытах с изображениями положительный результат угадывания был близок к 100%, а в случае со словами часто бывали ошибки, связанные в большей степени с шипящими или глухими согласными.

В статье «Передача мысли на расстоянии», напечатанной в журнале «Природа и люди» (1911 год), Барченко описывает один оригинальный аппарат, использовавшийся для опытов: «Располагая самым дешевым воздушным насосом, можно построить разновидность прибора, заменяющего „стенометр“ Жуара. Внутри тонкого стеклянного колпака каплей дамар-лака,

канадского бальзама или расплавленного с бурой стекла подвешивается сухая тонкая шелковая нить, на конце которой укрепляется в равновесии тонкая сухая соломинка, служащая стрелкой-указателем. На конце соломинки распушен тончайший хлопочек гигроскопической ваты. Диск насоса посыпан мелкотолченой солью. Отверстие насоса защищают кусочком сухого картона с пробуравленными дырочками и небольшим бортом, чтобы не сдуло соль. Разреживают воздух осторожно, и аппарат готов к действию. Сосредоточьте взгляд на клочке ваты, стрелку можно повернуть взглядом».

В это же время Барченко опубликовал и два своих мистических романа.

Уже после революции профессор Петербургского университета Лев Платонович Красавин привел домой к Барченко неофита, страстно желавшего общения с мистиком, человека, увлеченного буддизмом, — Якова Блюмкина, скрывавшегося тогда после убийства немецкого посла Мирбаха. Встреча эта была мимолетной, но впоследствии сыграла свою роль в привлечении Барченко к работе в Спецотделе.

Революционное лихолетье на время прервало занятия Барченко, и вскоре в целях заработка и получения пайка он стал читать лекции на судах Балтфлота. Вот небольшая выдержка из его выступления: «Золотой век, то есть Великая Всемирная Федерация народов, построенная на основе чистого идейного коммунизма, господствовала некогда на всей земле. И господство ее насчитывало около 144 тысяч лет. Около 9 тысяч лет тому назад, считая по нашей эре, в Азии, в границах современного Афганистана, Тибета и Индии, была попытка восстановить эту федерацию в прежнем объеме. Это та эпоха, которая известна в легендах под именем похода Рамы… Рама — культура, овладевшая полностью как дорической, так и ионической наукой. Рамидская Федерация, объединившая всю Азию и часть Европы, существовала в полном расцвете около 3600 лет и окончательно распалась после революции Иршу».

Его просветительские выступления были настолько зажигательными, что группа матросов-балтийцев выразила желание вместе с ученым пробиваться с боями в Тибет и, достигнув Шамбалы, установить связь с ее великими вождями. Моряки направили письма в ряд инстанций, но ответа так и не получили.

К этому времени Александр Васильевич уже был активным сотрудником Института мозга и высшей нервной деятельности у академика Бехтерева. Здесь он проводил опыты и делал доклады как член ученой конференции. Уже тогда Барченко работал над созданием нового универсального учения о ритме (гамме), применимого в космологии, космогонии, геологии, минералогии, кристаллографии и изучающего явления общественной жизни и биопсихические особенности индивида. Позднее он назвал свое открытие «Синтетическим методом, основанным на древней науке». В сжатом виде это учение впоследствии было изложено в книге «Дюнхор».

Обстоятельства вскоре заставили Александра Васильевича покинуть Петроград и перебраться в Мурманск, где он был принят на должность председателя научного совета в местном отделе народного хозяйства.

* * *

Если взглянуть на карту, то в самом центре Кольского полуострова сразу замечаешь длинный язык Ловозера, тянущийся с севера на юг. Вокруг тундра, заболоченная тайга (аборигены называют ее тайболой), местами сопки.

Зимой тут властвует ночь. Летом не заходит солнце. Морозы такие же, как в Сибири, и на тысячи километров — ни души. Жизнь теплится лишь в маленьких поселках и стойбищах.

Здесь живут лопари. Они ловят рыбу или пасут стада оленей, так же как сто, двести, тысячу лет назад.

Именно здесь, в этом пустынном диком краю, распространено необычное заболевание — эмерик, или меряченье. Иногда его называют арктической истерией. Болеют им не только туземцы, но и пришлые. Трудно отыскать что-нибудь похожее на эту «чертовщину», повергающую в недоумение психиатров…

Ясности нет и по сей день, тем более что с конца 20-х годов большинство исследований в этой области были засекречены ОГПУ. Многие, сведущие в психиатрии, склонны сравнивать меряченье с состоянием зомби. В конце XIX-го и начале XX века на Крайнем Севере России и в Сибири состояние эмерик охватывало большие группы населения. Появился даже термин «психическая зараза». Юкагиры и якуты обычно связывали эту болезнь с кознями тундровых шаманов, разгневанных на людей, которые тревожат их покой. Русские, так же испытавшие это состояние, называли его «лангутским припадком». В 1870 году сотник Нижне-Колымского казачьего отряда в ужасе сообщал местному врачу: "Болеют какою-то странною болезнью в

Нижне-Колымской части до 70 человек. Это их бедственное страдание бывает более к ночи, некоторые с напевом разных языков, неудобопонятных; вот как я каждодневно вижу 5 братьев Чертковых и сестру их с 9 часов вечера до полуночи и далее; если один запел, то все запевают разными юкагирскими, ламаутскими и якутскими языками, так что один другого не знает; за ними их домашние имеют большой присмотр".

Экспедиция во главе с заведующим Мурманским морским институтом краеведения, корреспондентом ученой конференции при Петроградском институте по изучению мозга и психической деятельности (институт Бехтерева) Александром Васильевичем Барченко прибыла в Ловозеро в конце августа 1920 года.

Члены экспедиции попросили рыбаков отвезти их на Ро-говый остров, но те наотрез отказались. Они утверждали, что только щаманы, нойды, могут туда плавать. Вся территория острова была сплошь покрыта оленьими рогами. Их на протяжении сотен лет свозили колдуны окрестных племен как дань духам этой местности. Обычай запрещал трогать рога: это могло привести к буре или несчастьям. Лишь спустя несколько дней местный парнишка, сын священника, согласился перевезти членов экспедиции на своем паруснике. Но стоило им только приблизиться к таинственному острову, как поднялся сильный ветер, который отогнал парусник и сломал мачту.

Не достигнув Рогового, экспедиция решила высадиться на южном берегу Ловозера в районе туземного погоста. Здесь их ожидали новые загадки. Местность вокруг представляла собой болотистую тундру, прорезанную скалами. Однако у южной оконечности озера начиналась мощеная дорога, которая вела к соседнему Сейдозеру. Эта трасса протяженностью в полтора километра заканчивалась довольно необычной площадкой, с нее отчетливо видна была вертикальная поверхность одной из скал на другом берегу, на которой была нарисована огромных размеров темная фигура человека. Все указывало на то, что место это — древнее капище. Сотрудник экспедиции, астрофизик Кондиайн определил, что Роговый остров и фигура расположены на одной прямой. Кроме того, здесь были замечены специфические геомагнитные феномены.

Из дневника участника экспедиции астрофизика Кондиайна. Запись от 10 апреля 1921 года: «В одном из ущелий мы увидели загадочные вещи. Рядом со снегом, там и сям пятнами лежавшим по склонам ущелья, виднелась желтовато-белая колонна вроде гигантской свечи, а рядом с ней кубический камень. На другой стороне горы с севера виднеется гигантская пещера на высоте сажень 200, а рядом нечто вроде склепа замурованного».

Вид гигантской колонны — местные жители называли такие камни сеидами и поклонялись им, как богам, — произвел огромное впечатление на членов экспедиции и вселил некий безотчетный ужас. Завхоз Пилипенко не выдержал и даже закричал. Его едва

удалось успокоить, но настроение было подавленным у всех. Чудеса на этом не кончались. Вскоре поблизости обнаружили несколько сопок, похожих на пирамиды. Они показались путешественникам граненными искусственным способом. Такие камни — менгиры — обычно располагаются над точкой пересечения двух или более водных потоков. Выяснилось, что у подножия их люди испытывают слабость и головокружение или безотчетное чувство страха, некоторые галлюцинируют. Даже естественный вес человека может увеличиваться либо уменьшаться.

Главной целью экспедиции Александра Барченко было изучение необычного явления — меряченья, наблюдавшегося именно в районе менгиров. Это специфическое состояние, похожее на массовый психоз, чаще проявляется при магических ритуалах, но может возникать и спонтанно. В такие моменты люди начинают повторять движения друг друга, безоговорочно выполняют любые команды, по приказу могут даже предсказывать будущее, а если человека в таком состоянии ударить ножом, то оружие не причинит ему вреда.

Барченко опрашивал местных жителей, записывая предания, и имел несколько встреч с потомственными шаманами Даниловыми. Те умели впадать в состояние каталепсии и даже вызывали у себя летаргический сон.

За два года пребывания на Севере Барченко подробно изучил район культовых сооружений и убедился, что в глубоком прошлом здесь существовала цивилизация, оставившая впечатляющий памятник практической магии. В лапландских шаманах Барченко разглядел последних жрецов этой древней таинственной цивилизации. Своими догадками он поделился, возвратившись в Петроград, с коллегами из Института мозга. Его сообщение было положительно оценено академиком Бехтеревым.

* * *

В конце 1923 года Барченко вместе с женой на некоторое время поселился в петроградском буддийском дацане. Там он пытался постичь основы древней науки от одного из учителей Далай-Ламы XIII — бурята Агвана Доржиева. Еще в царские времена Доржиев был крупнейшим разведчиком русского Генерального штаба на Тибете и носил агентурную кличку Шамбала. Доржиев являлся одним из самых приближенных к Далай-Ламе XIII советников, был его наставником в философских диспутах. Кроме того, он же создал целую «партию» прорусски настроенных тибетских аристократов и вел активную пропаганду в Западном Тибете, в Нгари, где пользовался абсолютным влиянием на наместника Нага Навена, замыслившего в начале 20-х годов отделиться от центрального правительства при поддержке Коминтерна.

Доржиев сообщил Барченко местонахождение Шамбалы — на стыке границ Индии, Синьцзяна и северо-западнее Непала, — что и соответствовало району Нгари, которым правил сепаратист Нага Навен.

В это же время дацан посетила и приехавшая из Москвы группа участников монгольской военно-экономической делегации. С Барченко встретился министр внутренних дел Народной Монголии Хаян Хирва, друг Владимирова-Блюмкина. Его интересовали разработки Барченко в области системы Дюн-хор и древней науки. Он же в 1924 году познакомил ученого с тайно прибывшим в Москву наместником Нага Навеном. Вот как вспоминал об этой встрече сам Барченко: «Нага Навен осведомил меня, что прибыл для личного свидания с представителями советского правительства, чтобы добиться сближения Западного Тибета с СССР. Он же надеялся осветить политические вопросы советскому правительству и Коминтерну через Чичерина и сообщил ряд сведений о Шамбале. Нага Навен говорил о возможности координации действий Коминтерна с тактикой выступлений всех мистических учений Востока».

Здесь же, в дацане, Барченко навестил еще один человек — Петр Сергеевич Шандаровский, петербургский юрист, ранее входивший в организованное Гурджиевым «Единое трудовое содружество» (ЕТС). Бывший член ЕТС имел при себе и «требник» (свод правил поведения) гурджиевского тайного общества.

Шандаровский увлек Александра Васильевича идеей создания тайного общества, целью которого ставилось нравственное совершенствование личности и изучение необъяснимых сил. Барченко, его друг астрофизик Кондиайн и Шандаровский учредили тайное общество «Единое трудовое братство». Руководство им было предложено Барченко как авторитетнейшему мистику. Он же написал и устав для новой организации.

* * *

Исследования Барченко, направленные на изучение меря-ченья — массового направленного психоза, — связанные с ним феномены и возможности создания гипнотических аффектов привлекли внимание ОГПУ. Кроме того, несколькими годами раньше ВЧК уже интересовалась деятельностью Барченко, и ряд ее сотрудников были знакомы с ним лично. В результате ученого решили привлечь к работе в органах.

Еще в конце 1923 года Блюмкин снабдил Барченко рекомендательным письмом писателя-мистика Иеронима Есенского на имя наркома просвещения Луначарского. Анатолий Васильевич отнесся к ученому благожелательно, и тот был принят на работу в комиссариат на должность ученого консультанта Главна-уки. Однако отношения с руководством этого учреждения у Барченко не сложились, и после конфликта с академиком Оль-денбургом он уволился и вернулся в Петроград.

В этот короткий период работы Барченко в Главнауке, в начале 1924 года, его исследовательскую деятельность Агранову постоянно «освещал» осведомитель ОГПУ писатель Виноградов, автор романов «Черный консул» и «Три цвета времени». В то время он занимал должность директора Библиотеки имени Ленина. В условленные дни, вечером, осведомитель приходил на квартиру к Агранову в Милютинском переулке. Здесь он однажды и сообщил сотруднику ОГПУ о специальной «ментальной» спиритической станции, организованной Барченко на деньги Главнауки в поселке Красково. По утверждению Виноградова, станция должна была связать ученого с Тибетом и Шамбалой. Агранов прекрасно запомнил эти сведения. Они не на шутку его заинтриговали.

В конце 1924 года на квартиру Барченко в Петрограде явились сотрудники ОГПУ. Гостей было четверо: Лейсмер-Шварц, Рикс, Отто и Владимиров-Блюмкин. Все они уже были знакомы с Барченко. После довольно продолжительной беседы Блюмкин неожиданно заявил, что научные разработки Барченко, связанные с телепатическими волнами, имеют большое оборонное значение, что сегодня это оружие может стать решающим в великой битве пролетариата за завоевание планеты и что, наверное, вполне справедливо, если исследования такого характера будут финансироваться ОГПУ или Разведуп-ром Красной Армии.

Барченко вспоминал: «Товарищи заявили мне, что моя работа имеет настолько большое значение, что я должен доложить о ней правительству, председателю ВСНХ товарищу Дзержинскому. По их совету я написал Дзержинскому о своей работе».

Далее ученый продемонстрировал посетителям несколько опытов по обезвешиванию дубового стола. Участники эксперимента сели вокруг стола, сцепив руки, подобно тому как это делается во время спиритических сеансов. Через некоторое время на глазах у изумленных сотрудников ОГПУ стол, оторвавшись от пола, повис в воздухе. Кроме того, Барченко демонстрировал им опыты по фиксации мысли. В специальном черном кабинете в полной темноте находился участник эксперимента, которому предлагалось вообразить ряд

геометрических фигур: круг, квадрат, прямоугольник. Особая фототехника производила снимки пространства над головой человека, и на фотографиях возникали круги, квадраты и прямоугольники!

Хозяин дома тогда же написал письмо на имя Феликса Эдмун-довича. Блюмкин в самый короткий срок доставил послание в столицу, и результат не заставил себя долго ждать. Через несколько дней Барченко был приглашен на явочную квартиру ОГПУ на улице Красных Зорь, где с ним тайно встретился высокопоставленный московский чекист, сотрудник Секретного отдела ОГПУ Яков Агранов, специально прибывший для конфиденциального разговора с ученым.

«В беседе с Аграновым я подробно изложил ему теорию о существовании замкнутого научного коллектива в Центральной Азии и проект установления контактов с обладателями его тайн. Агранов отнесся к моим сообщениям положительно…» — вспоминал Барченко.

На высокопоставленного чекиста беседа произвела ошеломляющее впечатление, хотя ничего конкретного тот ученому не сказал. Блюмкину показалось это недостаточным, и, чтобы форсировать ситуацию, он попросил Барченко написать еще одно письмо, теперь уже в адрес коллегии ОГПУ — еженедельного собрания начальников всех отделов. В декабре 1924 года исследователь был вызван в столицу для доклада о своем научном открытии на коллегии ОГПУ.

«Вернувшись через несколько дней в Ленинград, — вспоминал Барченко, — Владимиров сообщил мне, что дела наши идут успешно, что мне следует выехать в Москву для того, чтобы изложить наш проект руководящим работникам ОГПУ. В Москве Владимиров снова свел меня с Аграновым, которого мы посетили у него на квартире, находившейся, как я помню, на одной из улиц, расположенных вблизи зданий ОГПУ. Точного адреса я в памяти не сохранил. При этой встрече Агранов сказал мне, что мое сообщение о замкнутом научном коллективе предполагается поставить на заседание коллегии ОГПУ. Мое предложение — об установлении контактов с носителями тайн Шамбалы на Востоке — имеет шансы быть принятым, и в дальнейшем мне, по-видимому, придется держать в этом отношении деловую связь с членом коллегии ОГПУ Бокием. В тот же или на другой день Владимиров свозил меня к Бокию, который затем поставил мой доклад на коллегию ОГПУ. Заседание коллегии состоялось поздно ночью. Все были сильно утомлены, слушали меня невнимательно. Торопились поскорее кончить с вопросами. В результате при поддержке Бокия и Агранова нам удалось добиться в общем-то благоприятного решения о том, чтобы поручить Бокию ознакомиться детально с содержанием моего проекта и, если из него действительно можно извлечь какую либо пользу, сделать это».

Тогда же Блюмкин и Лейсмер рекомендовали Барченко Глебу Бокию. В частной беседе с начальником Спецотдела Александр Васильевич привлек его внимание к мистическому учению Дюнхор как квинтэссенции древней науки и указал на желательность контактов с Шамбалой, причем нашел понимание Бокия:

«Из совещаний с Нага Навеном, наместником Далай-Ламы в Западном Тибете, я [Барченко] получил санкцию на сообщение большевикам моих научных изысканий в области „древней науки" через специально созданную группу коммунистов и на установление контактов советского правительства с Шамбалой».

С этого и началась жизнь секретной лаборатории нейро-энергетики при целевом финансировании Спецотделом при ОГПУ, длившаяся 12 лет — вплоть до мая 1937 года.

* * *

Да, в декабре 1924 года, когда Барченко приезжал в Москву для доклада о своем открытии на коллегии ОГПУ, он произвел на начальника Спецотдела сильное впечатление. Несколько месяцев Бокий пребывал в состоянии депрессии и подавленности. Он был прекрасно осведомлен о положении дел в стране и знал, что каждый день без остановки работает человеческая мясорубка ОГПУ. Если во время гражданской войны Глеб Иванович оправдывал необходимость репрессий по отношению к представителям бывшего «правящего класса» и даже шел во главе «красного террора», то несколько лет спустя его стали одолевать сомнения.

И когда зимой 1924 года, после доклада на коллегии, Барченко и Бокий разговорились, ученый произнес фразу, изменившую жизнь обоих собеседников: «…контакт с Шамбалой способен вывести человечество из кровавого тупика безумия, той ожесточенной борьбы, в которой оно безнадежно тонет». Еще больше удивил ученый начальника Спецотдела, сообщив, что ему известно о дружбе Глеба Ивановича с доктором Мокиевским.

Несколько дней спустя на конспиративной квартире, указанной Бокием, в обстановке строгой секретности собрались близкие Глебу Бокию люди — Москвин, Кострикин, Стомоняков, а также Барченко, — для того чтобы создать московский центр «Единого трудового братства». Сходка началась с выступления Барченко. Он был взволнован, и это волнение передалось присутствовавшим. Вспоминая начало революции, Александр Васильевич говорил: «…По мере поступательного движения революции возникали картины крушения всех общечеловеческих ценностей, картины ожесточенного физического истребления людей. Передо мной возникали вопросы — как, почему, в силу чего обездоленные труженики превратились в зверино-ревущую толпу, массами уничтожающую работников мысли, проводников общечеловеческих идеалов, как изменить острую вражду между простонародьем и работниками мысли? Как разрешить все эти противоречия? Признание диктатуры пролетариата не отвечало моему мировоззрению».

Все присутствовавшие буквально окаменели после первых фраз Барченко, между тем он продолжал:

"Для меня еще больше усугублялся вопрос: стало быть, все кровавые жертвы революции оказались впустую, впереди еще большие кровавые жертвы новых революций и еще большее одичание человечества?!

В своей мистической самонадеянности я полагал, что ключ к решению проблем регулирования человеческих отношений находится в Шамбале-Агарти, этом конспиративном очаге, где сохраняются остатки знаний и опыта того общества, которое находилось на более высокой стадии социального и материально-технического развития, чем общество современное.

А поскольку это так, необходимо выяснить пути в Шамбалу и установить с нею связь. Главным для этого могли бы быть люди, свободные от привязанности к вещам, собственности, личного обогащения, свободными от эгоизма, то есть достигшие высокого нравственного совершенства. Стало быть, надо было определить платформу, на которой люди разных мировоззрений могли бы заглушить свои временные социальные противоречия и подняться до понимания важности вопроса.

Отсюда основными положениями ЕТБ являются — отрицание классовой борьбы в обществе, открытый доступ в организацию лиц без различия их классовой, политической и религиозной принадлежности, то есть признание права для контрреволюционных элементов участвовать в организации, признание иерархии и уважение религиозных культов".

* * *

Точно уже не известно, на каком уровне находились опыты Барченко в тот момент, когда Блюмкин «сосватал» его в ведомство Бокия, но один факт, что чекисты считали эти опыты важными для обороноспособности страны, говорит о многом.

Карл Маркс называл человеческий мозг самой неприступной крепостью на Земле. Взять эту твердыню — такую задачу ставил перед собой Глеб Бокий, привлекая для этого ум и знания Барченко. Начальник Спецотдела видел мир как огромную информационную систему, из которой посредством манипуляций с человеческой психикой он будет черпать самую тайную и интимную информацию. Цель, поставленная перед специально организованным научным центром, имела прикладное значение — научиться телепатически читать мысли противника на расстоянии, посредством взгляда «снимать» информацию с мозга. Бокия покорила идея Барченко о мозге как абсолютном подобии радиоаппарата, который бывает и приемником, и источником информации. Именно на таком свойстве, как утверждал ученый, основаны внушение, гипноз, телепатия, коллективное внушение, коллективные галлюцинации — слуховые, зрительные, осязательные. И именно такой особенностью мозга уже тысячелетиями пользуются маги, медиумы, а теперь и спириты. А поскольку факт существования N-лучей доказан, должны быть проведены серьезные лабораторные исследования их свойств. Перспективы, обрисованные ученым начальнику Спецотдела, были Бокию прекрасно ясны.

Каждый день у подъезда научного центра останавливался лакированный лимузин «Паккард», привозивший и увозивший сотрудника научно-технического отделения Всесоюзного Совета Народного Хозяйства. Во главе ВСНХ стоял всесильный Феликс

Дзержинский. Александр Барченко официально занимался исследованием гелиодинамики и лекарственными растениями. Автомобиль обслуживал его по личному распоряжению Бокия. Иногда «Паккард» появлялся здесь вне графика, и ученый отбывал для специальных консультаций на Лубянку. Барченко носил кожаную верхнюю одежду, и многие сотрудники института считали его высоким чином в ОГПУ. Круг научных вопросов, связанных с деятельностью Барченко и интересовавших шефа Спецотдела Бокия, постепенно расширялся и вскоре уже не только касался возможности применения гипноза для получения секретных сведений, но и охватывал информацию о структуре и идеологии различных мистических организаций.

Основные научные интересы исследователя были сосредоточены в области изучения биоэлектрических явлений в жизни клетки, в работе мозга и в живом организме в целом. Свои лабораторные опыты Барченко совмещал с должностью эксперта Спецотдела по психологии и парапсихологии. В частности, им разработана методика выявления лиц, склонных к криптографической работе и к расшифровке кодов. Ученый выступал и консультантом при обследовании всевозможных знахарей, шаманов, медиумов и гипнотизеров, которых в конце 20-х годов активно использовал в своей работе Спецотдел. Для проверки этих «аномалов» одно из подразделений службы Бокия оборудовало «черную комнату» в здании ОГПУ по Фуркасовскому переулку, дом № 1.

Одним из медиумов, подвергшихся проверке в «черной комнате», стал режиссер 2-го МХАТа Смышляев. Тот временами впадал в каталептическое состояние и предсказывал различные политические события и перемены. В частности, он напророчил болезнь Пилсудского. Барченко выступал против этих экспериментов и вскоре даже склонил на свою сторону Бокия (впоследствии только начальник Орготдела ЦК Иван Москвин оказывал Смышляеву поддержку и пользовался его прогнозами).

Исследования Барчеико и разработанная им методика применялись и в особо сложных случаях дешифровки вражеских сообщений — проводились даже групповые сеансы связи с ноосферой, и, как утверждали их участники, результаты опытов были положительными. Мало того, в конце 20-х годов для опытов Барченко из Горно-Алтайского краеведческого музея

были целенаправленно изъяты отдельные предметы шаманского ритуала по «Особому списку ОГПУ».

Начальник Спецотдела также поручил Барченко проведение лекций по оккультизму во вверенном ему подразделении. Как правило, лекции происходили в доме № 2 по Большой Лубянке. К заданию этому ученый относился с большой серьезностью и снабжал выступления многочисленными чертежами и диаграммами. Слушатели в униформе подробно конспектировали лекции, хотя, казалось бы, в основной своей массе были весьма далеки от оккультных эмпиреев. Например, товарищ Леонов возглавлял 4-е отделение, обеспечивавшее охрану государственной тайны и исполнение режима секретности. Товарищ Филиппов руководил Управлением северных исправительных лагерей. Товарищ Гусев являлся сотрудником 5-го отделения, где был разработан «Русский код». Товарищ Цибизов из 2-го отделения, специализировавшегося на шифровке и дешифровке, возглавлял 8-е криптографическое отделение Штаба РККА.

Временами лекции проходили в более приватной обстановке, вне стен ОГПУ. Тогда среди слушателей появлялись члены ЦК партии: товарищ Москвин, возглавлявший комиссию Совконтроля, и товарищ Диманштейн. К ним присоединялся и заместитель народного комиссара иностранных дел Борис Стомоняков, курировавший в своем ведомстве направление Синьцзян — Тибет. Мало кто знал, что все эти люди являлись членами тайного мистического общества «Единое трудовое братство».

* * *

Одним из первых больших проектов, руководимых Барченко, стала организация экспедиции в Шамбалу, которая должна была отправиться в Афганистан и Синьцзян в конце лета 1925 года.

Бокий поддержал эту идею и добился выделения средств. Между тем с самого начала было известно, что нарком иностранных дел Чичерин против этого предприятия. Чичерин тепло принял Барченко и выслушал его просьбу. Однако, несмотря на положительное в целом впечатление от разговора, ученый вскоре убедился в бесплодности своих усилий. Экспедиция не состоялась.

Впрочем, это было не единственное предприятие Спецотдела такого рода. Так, Бокий лично руководил большой операцией по привлечению на сторону Советской власти различных оккультных организаций. Еще с 1921 года в кулуарах Коминтерна муссировалась идея создания еще одного Интернационала, который объединил бы в себе все мистические конспиративные сообщества Азии и Африки на базе борьбы с колониализмом.

По поручению Глеба Ивановича Барченко написал проект воззвания советской власти к мистическим сектам и объединениям. Ученый составлял послания к хасидам, суфийским и дервишским орденам Саади, Накшбенди, Халиди, к тибетским и монгольским ламам, к старообрядцам-кержакам и русской секте голбешников. Особые же надежды возлагались на мусульманскую секту исмаилитов и ее лидера Ага-хана.

Ага-хан был одной из наиболее влиятельных фигур во Все-индийской лиге мусульман, и привлечение его на сторону Советской России могло иметь большие перспективы в борьбе с Англией. Для установления связи с лидером исмаилитов Бокий использовал Николая Рериха, который успел провести ряд консультаций с представителями Ага-хана — в Париже летом 1923 года и во время недолгого пребывания в Бомбее в начале декабря того же года. Кроме того, художник тайно посетил резиденцию Ага-хана в Пуне. Однако все эти переговоры закончились безрезультатно.

* * *

В середине августа 1925 года из углового дома в Денежном переулке вышел молодой, но уже лысый человек в элегантном костюме. Улыбка его сверкала вставными металлическими зубами — свои он потерял в петлюровских застенках. Коренастый парень фланирующей походкой прошелся по Арбату, пересек Воздвиженку у морозовского особняка и скоро очутился на площадке перед старинным домом в Шереметьевском переулке. Войдя в подъезд, он поднялся на третий этаж и позвонил в квартиру Александра Евгеньевича Снесарева, профессора Военной академии РККА и «отца» ее Восточного отделения. Полковник считался одним из лучших русских экспертов по Северо-Западному району Британской Индии. Этим регионом он занимался и как разведчик.

В кабинете Снесарева, куда пригласил лысого посетителя хозяин, сидела его дочь-школьница. Несколько дней назад она отвечала урок по обществоведению и рассказывала классу, «что был такой Блюмкин, нехороший эсер, и он пытался вызвать снова войну с Германией, убив посла Мирбаха». Итак, девочка сидела в кресле и рассматривала книги отца.

Гость, явившийся по «каким-то своим делам», был всего лишь чиновник Наркомторга. Работал он там не больше месяца. Александр Евгеньевич хорошо знал этого посетителя и консультировал его по интересующему вопросу. «Перед вами белая стена Восточного Гиндукуша. С его снеговых вершин вам придется спуститься в трущобы Северной Индии. Если вы познакомитесь со всеми ужасами этой дороги, вы получите впечатление потрясающее. Это дикие утесы и скалы, по которым пойдут люди с ношей за спиной. Лошадь по этим путям не пройдет. Я шел когда-то этими тропами. Переводчик моего друга из свежего и бодрого человека стал стариком. Люди седеют от тревог, начинают бояться пространства. В одном месте мне пришлось отстать, и когда я вновь догнал спутников, то застал двух переводчиков плачущими. Они говорили: „Туда страшно идти, мы там умрем“…» [Б. Лапин. «Повесть о стране Памир»]

"Я часто сидела у папы в кабинете. Там у него было много интересных книг, — вспоминала Е. А. Снесарева. — Неожиданно посетитель, поговорив о чем-то с папой, стал рассказывать о том, как он убивал Мирбаха, как тот из чувства самосохранения, уже раненный, заполз за стол. Тогда он подбежал к послу и выстрелом добил. Я папу спросила:

"Скажи, этот тот самый Блюмкин, который Мирбаха убил?

— Ну, конечно! Он самый и есть.

— Он правильно рассказывал, как он убивал?

— Он и есть!"

Блюмкин являлся ключевой фигурой в заговоре эсеров против Ленина в июле 1918 года. Когда мятеж эсеров провалился, Блюмкин пришел с повинной, был прощен и продолжал работать в ЧК — ГПУ, выполняя задания Дзержинского и иногда Троцкого, с которым также был знаком.

Летом 1925 года Я. Г. Блюмкин по решению ЦК РКП(б) был смещен с должности помощника полномочного представителя ОГПУ на Кавказе по командованию внутренними войсками, где прослужил несколько месяцев, и вернулся Москву, ожидая нового назначения. Особую роль в этом сыграли начальник Спецотдела Бокий и руководитель лаборатории Спецотдела Гопиус, курировавший всю научную работу подразделения.

Они уже спланировали экспедицию в район на границе Афганистана, Китая и Северо-Западной Индии, называемый Шамбалой, где, по мнению Барченко, находился очаг древней цивилизации, уцелевшей при последнем потопе. Ученый ссылался на данные, которые получил от посвященных в тайну мистической страны Шамбалы, сообщивших ему в Костроме особый маршрут. Именно по этому пути и должна была отправиться секретная экспедиция

переодетых и загримированных путников в Шамбалу. Выйдя из района Рушан на советском Памире, через горные кряжи афганского Гиндукуша, «паломники» из Спецотдела предполагали найти заповедное место в одном из гималайских каньонов.

Руководителем секретного каравана Спецотдела уже был назначен Барченко, а комиссаром — «лысый». Полиглот, мастер рукопашного боя, Блюмкин, имевший опыт нелегальной работы на Востоке, как нельзя более подходил на роль комиссара экспедиции. Положение на Каракорумском перевале, состояние дорог, ведущих к границам СССР, наконец, концентрация британских войск в Читрале, исследование предполагаемого театра военных действий — все это лишь отдельные направления работы суперагента. Главное, он должен был выполнить задание Спецотдела при ОГПУ (подчиненного непосредственно ЦК) и лично начальника этого подразделения товарища Бокия. Центральный Комитет желал воочию убедиться в намерении англичан начать с СССР войну на территории Западного Китая. Новая операция в Западном Китае и Северо-Западной Индии была исключительно секретной, и для ее проведения требовалась величайшая конспирация.

Было известно, что спецслужбы Англии, Франции и разведка китайских гоминдановцев ведут наблюдение за Блюмкиным, его квартирой в Денежном переулке и его служебными перемещениями. Французское 2-е бюро пыталось перевербовать советского суперагента с помощью своего сотрудника Грегуара Фонтенуа, который с некоторого времени стал появляться в компании с Блюмкиным в доме у наркома Луначарского. Настойчивость в «прощупывании» Блюмкина проявляли и китайцы в лице полномочного дипломатического представителя, в прошлом известного террориста Ли Тья Во, и поверенного в делах Китайской Республики Ся Вей Суна.

Для того чтобы скрыть новую миссию Блюмкина, Спецотдел придумал оригинальный ход, и здесь Бокию помог начальник Орграспредотдела ЦК, член ЕТБ Иван Москвин, в прошлом также выпускник Горного института. Через свою «епархию» он провел назначение Якова в Народный комиссариат торговли к Льву Каменеву на должность начальника Экономического управления. В Наркомторге Блюмкин должен был получить подряд две командировки по линии своей официальной работы — в «Лендревтрест» и «на заводы Украины». Вместо Блюмкина на Украину был выслан сотрудник Тимирязевской сельскохозяйственной академии Артоболевский, специалист по тракторам, приглашенный в Наркомторг по рекомендации Якова. Артоболевский и должен был выполнять командировочные задания Блюмкина. Кстати, если сравнить личные дела двух командированных, хранящиеся в фонде, то выясняется интересная подробность. Никакого официального командировочного удостоверения на имя Блюмкина там нет — лишь выполненное на обычной бумаге. Между тем у Сергея Ивановича Артоболевского командировочное удостоверение настоящее — на бланке с гербом СССР и со всей остальной «периферией». Позднее, вернувшись из «командировки», Блюмкин заполнил свое личное дело липовыми документами, разумно полагая, что начальник 1-го отдела, традиционно связанный с органами, его покроет.

Также удалось принять дополнительные меры против соглядатаев, и в промежутках между командировками от квартиры Блюмкина в Денежном переулке до Наркомата торговли курсировал двойник Якова.

Подготовка экспедиции в Шамбалу весной 1925 года шла полным ходом. Барченко вспоминал: «Мне при содействии Бокия удалось добиться организации экспедиции в Афганистан. Экспедиция должна была побывать также в Индии, Синь-цзяне, Тибете, и на расходы экспедиции Бокию удалось получить около 100 тысяч рублей (то есть 600 тысяч долларов). Во главе экспедиции должен был ехать я и Владимиров (агентурная кличка Блюмкина)».

Деньги выделялись по линии ВСНХ по личному распоряжению Феликса Дзержинского, выступавшего горячим сторонником будущего предприятия. Кроме Барченко и Блюмкина в

число членов экспедиции включили выпускника Института живых восточных языков, ответственного референта НКИД, члена "Единого трудового братства, Владимира Королева [Эзотерическое имя «Малый»]. «Я также должен был ехать в составе экспедиции, — вспоминал он, — и мне было предложено пройти курс верховой езды, что я и сделал на курсах усовершенствования в Ленинграде, куда получил доступ при помощи Бокия. Мне было также предложено Барченко усиленно заняться английским языком. Сам Барченко изучал английский язык и урду (индусский)…» Базой для подготовки экспедиции стала арендованная Спецотделом дача в подмосковном поселке Верея. Здесь будущие путешественники осваивали язык урду и упражнялись в верховой езде.

В конце июля все приготовления в целом завершились. Наступил наиболее ответственный момент — провести документы через ряд бюрократических советских учреждений. Чтобы нейтрализовать нежелательную реакцию народного комиссара иностранных дел Чичерина, Бокий поручил Барченко обратиться к тому с рекомендательным письмом от сотрудника Отдела международных связей Коминтерна Забрежнева, являвшегося членом масонской ложи «Великий Восток Франции» и имевшего степень «метр венерабль». Забрежнев еще с 1919 года занимался переправкой ценностей Французской Компартии, осуществлял с ней связь и был одинаково известен как в Наркомате иностранных дел, так и в Спецотделе. Нарком сам когда-то входил в ложу «Великий Восток Франции», и Бокий знал, что «вольные каменщики» были для него высоким авторитетом. «Чичерин вначале отнесся к моим планам доброжелательно…» — вспоминал Барченко. Чтобы окончательно закрепить этот успех, 31 июля Бокий, Барченко и начальник лаборатории Спецотдела Гопиус пришли на прием к Чичерину, и после недолгой беседы последний дал положительное заключение по поводу предстоящей экспедиции. Бокий сообщил наркому, что документы членов каравана давно лежат в визовом отделе посольства Афганистана и уже условлена дата отъезда. Чичерин удивился такой поспешности и уже перед самым уходом посетителей поинтересовался, в курсе ли начальник разведки Трилиссер насчет подготовки экспедиции. Бокий отвечал, что еще на коллегии в декабре проинформировал его о плане этой операции, и глава ИНО голосовал в ее поддержку — в принципе, этого достаточно. Вообще же, как начальник Спецотдела при ОГПУ Глеб Иванович и не обязан был докладывать о частностях работы своего подразделения Три-лиссеру. Коллегия ОГПУ и ЦК — этого достаточно. Такое заявление несколько насторожило Чичерина, и, как только посетители покинули его кабинет, он позвонил начальнику разведки и в двух словах пересказал разговор с Бокием. Трилиссер был взбешен. Он закатил истерику по телефону. «Что вообще себе этот Бокий позволяет?» — шипел в трубку Трилиссер. Да, он тогда был просто начальником ИНО-разведки, однако уже метил в зампреды ОГПУ. И хотя коллегия поддержала план экспедиции Барченко — Бокия, а значит, поддержал и он, но это было в декабре. Трилиссер явно интриговал.

Трилиссер попросил Чичерина отозвать свое заключение. И сразу же после телефонного звонка посетил Ягоду и рассказал о случившемся. Глава контрразведки разъярен был больше тем фактом, что Бокий действовал напрямую, через визовый отдел Афганистана и втихаря от Генриха Генриховича. И хотя Глеб пользовался поддержкой Дзержинского и некоторых членов ЦК, Трилиссер и Ягода договорились о совместных действиях по блокаде экспедиции. Тогда же они навестили Чичерина — благо здания Наркомата и ОГПУ находились в двух шагах и не требовалось гонять автомобиль. Ягода и Трилиссер заставили Чичерина полностью пересмотреть свои взгляды на операцию Спецотдела.

Экспедиция была отменена в самый последний момент в результате протеста главы НКИД. 1 августа Чичерин дал о ней отрицательный отзыв. Но Бокий и Барченко не отказались от идеи посетить загадочную Шамбалу, и начальник Спецотдела решил дождаться удобного момента, когда можно будет осуществить задуманное и утереть нос Трилиссеру и Ягоде.

Однако, несмотря на все козни, один из членов экспедиции все же отправился в район Шамбалы. Перед операцией Бокий проинструктировал его и сообщил, что задание исключительно ответственное и что ни один человек, какое бы место в советской иерархии он ни занимал, не должен знать о «путешествии». Уходившему в Шамбалу предстоял трудный путь. Но этот агент не нуждался ни в визах, ни в документах, ни в бюрократических формальностях. Чтобы пройти сквозь советские и вражеские кордоны, ему достаточно было приказа. Это был Блюмкин.

Спустя полтора месяца на границе Британской Индии и Синьцзяна он объявился под видом тибетского монаха [О его путешествии в личине ламы в 1925-1926 упоминает и начальник Разведывательного управления РККА в одном деликатном документе (РГВА. Ф.33987. Оп.3.Д.126. Л.48)] в расположении экспедиции Рериха. Да, он уже догонял Лоуренса Аравийского.

В конце августа 1925 года в райцентр советского Таджикистана Гарм прибыл товарищ Петровский. Приехал он в этот пыльный край как сотрудник Акционерного общества «Шерсть». У местной милиции и ОГПУ визит оптовика не вызвал никакого интереса. Два-три дня Петровский вертелся на базаре, шатался по улицам, отправлял какие-то телеграммы родственникам, встречался с одним из памирских проводников и… однажды исчез. Точнее, отправился «за закупками в кишлаки». В тот же день из того же Гарма выехали два конных мусульманина, принадлежавших к секте исмаилитов. Один из них был памирец Назар-Шо, отлично знавший горные тропы, второй же совсем недавно являлся товарищем Петровским, а еще раньше — Яковом Блюмкиным.

О появлении секретного агента в Горном Бадахшане не знал ни комиссар памирского погранотряда Алехин, ни полномочный представитель ОГПУ в Таджикистане. Да и зачем было дразнить людей Трилиссера и Ягоды? Для них, как и для многих других, Блюмкин в то время работал в Наркомторге, ишачил от зари до зари. Уезжал на службу очень рано, а возвращался очень поздно. И тут же засыпал богатырским сном. В общем, отдыхал от ОГПУ. В действительности в Москве оставалась его тень или тени — это уже была забота Спецотдела.

А живой Блюмкин тем временем ехал на лошадке за проводником по узкой, петлявшей по кручам тропе. Персидский язык (он же таджикский) Яков выучил еще в 1921 году, когда по заданию Коминтерна создавал компартию в Иране. После утомительного путешествия спутники оказались в Хороге, где остановились в доме Сайда Юсуф-Али-Шо. Гостеприимный хозяин был вождем местной секты исмаилитов и личным представителем на Памире живого бога Ага-хана. Все поклонявшиеся этому божеству каждый день возносили молитву, оканчивая ее непременным: «Нет Бога, кроме Бога, и Ага-хан пророк Его!» Пророк обретался в Индии. Жил он в роскошном дворце в Пуне, недалеко от Бомбея. Ежегодно на Памире собирали священную дань богу, и к нему уходил караван паломников. В Пуне они передавали оброк Ага-хану, а тот в ответ вручал ис-маилитам грамоту со своим священным автографом. Для пилигримов путь в Индию был сопряжен с тысячью проблем, и главная была связана с политикой. Советы и Британия, владевшая Индией, находились в жестких отношениях. Настолько жестких, что сам северный пограничный район, к которому примыкал Памир, англичане именовали прифронтовой полосой. Здесь ограничивалось любое передвижение, и ни один человек не мог беспрепятственно проникнуть на север Индии. Особо свирепствовала туземная милиция в административном центре Читрал, где находился офис британского политического агента подполковника Стюарта. Правда, он любил отдыхать в комфортабельных бунгало Малаканды и бывал у себя лишь наездами. Но даже в его отсутствие контроль не ослабевал. «Согласно мнению стратегов, в прочности Читрала заключается ключ к контролированию разведывательных устремлений Советов, быстро усиливающихся в Средней Азии», — писала колониальная газета «Пионер».

Драконовские меры, применявшиеся к пришельцам с севера, не распространялись на религиозных паломников-исмаилитов. Благополучие их путешествия гарантировал сам британский резидент в Кашмире сэр Джон Бари Вуд.

С исмаилитским караваном и вышел в конце августа дервиш Блюмкин. Паломники тронулись в путь из советского кишлака Кизил-рабат, миновали узкую полоску Афганистана и через перевал Вахджир проникли в Индию. Долина реки Хунза вывела их в город Балтит. По прибытии туда, уже под вечер, когда пилигримы укладывались спать в местном караван-сарае, Блюмкин был схвачен туземной полицией. Кто его выдал, он так и не понял. Якова поместили в местной тюрьме, находившейся в подвале балтитской цитадели. Утром третьего дня заточения узнику объявили, что туземная полиция передает его в распоряжение английских властей и что они и решат его судьбу. Спустя несколько часов задержанный был отправлен в Читрал с британским конвоем, сопровождавшим почту для подполковника Стюарта. Там Блюмкина ожидал допрос и, по всей вероятности, расстрел. Однако на первом же привале, воспользовавшись халатностью охраны, Яков бежал, прихватив с собой адресованные Стюарту сообщения и документы английского агента в Балтите. Блюмкина преследовали до вечера, но безрезультатно. А в сумерках это уже стало и бесполезно.

17 сентября, под видом монгольского ламы, он прибыл в Лех, столицу княжества Ладакх, расположенную на территории Британской Индии, и присоединился к экспедиции Рериха. Вот как художник описывает эту встречу в своей книге «Алтай-Гималаи»: "Приходит монгольский лама и с ним новая волна вестей. В Лхассе ждут наш приезд. В монастырях толкуют о пророчествах. Отличный лама, уже побывал от Урги до Цейлона.

Как глубоко проникающа эта организация лам! Толкуем с ламой про бывший с нами случай около Дарджилинга". Рерих восхищался спутником: «Нет в ламе ни чуточки ханжества, и для защиты основ он готов и оружие взять. Шепнет: „Не говорите этому человеку — все разболтает‟ или: „А теперь я лучше уйду‟. И ничего лишнего не чувствуется за его побуждениями. И как легок он на передвижение!»

На рассвете 19 сентября караван вышел из Леха. Впрочем, «лама» покинул караван еще ночью. О своем уходе Блюмкин предупредил лишь отца и сына Рерихов, сообщив, что вновь соединится с караваном через три дня и будет ждать путников в приграничном монастыре Сандолинг (на конспиративной явке). «Лама» отправлялся на изучение района.

Спустя трое суток путники вышли к монастырю Сандолинг, расположенному чуть в стороне от главной трассы. Николай Константинович и Юрий вошли под своды буддийской кумирни. Здесь находился большой алтарь Майтрейи. Юрий спросил у первого встреченного ленивого монаха о «ламе». Тот ответил: «Был и ушел еще рано утром по дороге к границе».

22 сентября экспедиция заночевала в селении Панамик, находившемся на берегу реки Нурба. Для многих караванов это был последний населенный пункт Британской Индии перед китайской границей. Утром, как только экспедиция вышла в путь, Рерих заметил местных жителей, ремонтировавших мост под наблюдением колониального британского чиновника и солдат. Представитель власти заинтересовался документами «американцев». Англичанин с явным неудовольствием просмотрел экспедиционный паспорт и спросил о здоровье ученых.

«Таинственная починка пути встречалась нами и в других пограничных местах», — отметил художник в путевом дневнике. Хотя он знал: ничего таинственного в спешном ремонте не было. Просто переправы, мосты и дороги подготавливались к проходу регулярных войск. Это должен был быть второй поток, который с юга поддержит северную группировку, двигавшуюся по долине реки Сарыкол. Так шла обычная подготовка к наступлению. В противном случае мосты бы разрушали.

Ночь 23 сентября караван встретил у подъема на перевал Караул-даван. В сумерках взошла луна, и неожиданно появился лама-Блюмкин. «Чтобы миновать мост, его провели где-то через поток», — писал Н. Рерих. Осторожность ламы вполне понятна: на мосту

британские часовые и их очень интересуют ночные богомольцы, шляющиеся по стратегическим дорогам. Однако лама оставался в лагере всего несколько часов. Вооружившись топором и фонарем, он вновь отправился к пограничным достопримечательностям. «На перевал лама пойдет ночью…» Блюмкин провел скрупулезное обследование участка. Нанес на карту блок-посты, пограничные кордоны, удобные высоты. Уточнил протяженность отдельных участков, степень трудности их преодоления и состояние коммуникаций.

На следующую ночь, 24 сентября, лама снова объявился на стоянке. На этот раз в костюме уроженца Китайского Туркестана мусульманина-купца из Яркенда. И здесь Рерих впервые занес в дневник ошеломившую его подробность: «Оказывается, наш лама говорит по-русски. Он даже знает многих наших друзей».

Что это за общие знакомые? Их, как минимум, двое. Первый — это Агван Доржиев, бывший агент русского Генштаба в окружении Далай-Ламы, затем консультант советской разведки. С ним Рерих познакомился до революции во время отделки и росписи буддийского храма в Санкт-Петербурге. Второй — народный комиссар иностранных дел Чичерин, известный Рериху еще по университету, главный генератор тибетских интриг.

Пораженный всезнанием и болтливостью Блюмкина, Рерих снова записал в дневнике: «Лама сообщает разные многозначительные вещи. Многие из этих вестей нам уже знакомы, но поучительно слышать, как в разных странах преломляется одно и то же обстоятельство. Разные страны как бы под стеклами разных цветов. Еще раз поражаешься мощности и неуловимости организации лам. Вся Азия, как корнями, пронизана этой странствующей организацией». Вот так, удивляясь и восхищаясь своим «ламой», вожди экспедиции дошли до китайской границы и 3 октября уже держали курс на Хотан.

Пройдя с экспедицией Западный Китай, Блюмкин прибыл в Москву в июне 1926 года. Именно Яков, по воспоминаниям Розонель Луначарской, привел Николая Константиновича в гости к наркому просвещения. Она рассказывала потом, как "с

Рерихом было интересно и одновременно жутко, как сидел у них в гостиной этот недобрый колдун с длинной седой бородой, слегка раскосый, похожий на неподвижного китайского мандарина".

Когда 13 июня 1926 года Рерих приехал в Москву, он в тот же день встретился с Бокием. Разговор их был о Шамбале, под которой подразумевался Западный Тибет. Бокий познакомил художника с результатами опытов Барченко. Кроме того, во время своего пребывания в Москве Рерих посещал Ягоду, а также Трилиссера, который консультировался у художника по поводу выдвигавшейся Барченко теории Шамбалы, а также дальнейших планов в связи с религиозно-политическим центром.

Связь «Единого трудового братства» с Рерихом не прерывалась. В 1927 году член братства Королев, отправленный в командировку в Ургу, в письме к Александру Васильевичу делился своими соображениями по поводу пересылки сочинения Рериха «Община»: «Книгу Рериха задержал с отправкой, потому что перед самой отправкой ее выяснил, что почтой посылать ее рискованно, как заграниздание, да еще такого содержания, и что она, вероятнее всего, сгниет в дебрях политконтроля. Тогда я решил ждать удобного случая, чтобы послать вам книгу через Бокия».

Само «ЕТБ» было просоветским и главной своей задачей считало активизацию политики СССР на Востоке.

Впрочем, прошедшего по дорогам Азии Блюмкина беспокоила и судьба экспедиции Барченко. Ситуация с ней выглядела печально. Пока был жив Дзержинский, жила и идея экспедиции в Шамбалу. После интриги Трилиссера, Ягоды и Чичерина летом 1925 года Феликс Эдмундович повел активную атаку против заговора зампредов. Дзержинский заявил Бокию, что уж в этом году экспедиция состоится во что бы то ни стало. Так бы оно и

случилось, но 20 июля 1926 года после выступления на пленуме ЦК «железный Феликс» скончался от инфаркта. Такой исход событий похоронил надежды начальника Спецотдела. И хотя место главы ОГПУ занял нейтральный Менжинский — он был фигурой мягкой, внушаемой и не посвященной в тайны экспедиции. Истинную власть узурпировали зампреды, ярые противники этого предприятия.

После некоторых размышлений и попыток пробить экспедицию в новых условиях начальник Спецотдела сообщил Барченко, что, по всей видимости, теперь от их идеи действительно придется отказаться, но что он смог бы профинансировать любую экспедицию ученого в переделах СССР. Например, на Алтай, в интересующие Александра Васильевича районы. Бар-ченко в самом деле влекли те секретные трассы, которыми, по словам патриарха голбешников Никитина, пользовался он и его монахи, пробираясь к таинственной территории. Эта экспедиция состоялась летом. Помимо общих сведений о тайной «тропе голбешников» Барченко успел познакомиться с несколькими местными алтайскими колдунами. Они поразили его своими магическими возможностями, связанными с воздействием на погоду и практикой гипнотических состояний. Экспедиция была кратковременной, и скоро Барченко вернулся в Москву. О своих наблюдениях и находках он рассказал членам «Единого трудового братства» — Бокию и Москвину. С их ведома и при их поддержке он выехал для встречи с ленинградским отделением «ЕТБ».

В Ленинграде его ждало экстраординарное событие: на квартиру к члену братства Кондиайну, где остановился Александр Васильевич, неожиданно явились Рикс, Отто и прибывший из столицы Блюмкин. Яков был в состоянии бешенства. Он кричал Барченко, что тот не имеет права разъезжать по стране и предпринимать экспедиции на Восток без его, Блюмкина, санкции, что Барченко должен всецело и полностью в своей исследовательской работе подчиняться его контролю, иначе он пустит его «в мясорубку». «Его» — значило не только Барченко, но его жену и детей. «И помни, — истерично орал Блюмкин, — нам ничего не стоит уничтожить тебя. И если ты рассчитываешь на покровительство Бокия, то зря. И он и Агранов уже в наших руках. Благодаря тому, что мы знаем об их связях с масонами с дореволюционных времен, мы имеем силу воздействовать на них. Потому что, если эта информация всплывет где-то наверху, им — конец». Но пока что Бокий мог пригодиться Блюмкину, Риксу, Отто и «еще кое-кому». Главная ценность начальника Спецотдела заключалась, по мнению Блюмкина, только в том, что у того есть «Черная книга», «где собраны компрометирующие материалы на руководящих работников», и это «дает им в руки неограниченную возможность». Суперагент почему-то считал, что Бокий отдаст им «Черную книгу» в момент "Х". Глеб Иванович, действительно, в силу специфики своего положения и по прямому указанию Ленина собирал материалы обо всех высших советских чиновниках — их личная жизнь так же была государственной тайной, и тайна эта хранилась на одной из полок Спецотдела. Именно об этой «Черной книге» и упомянет Барченко на допросе в НКВД летом 1937 года.

В конце же 1927 года «ЕТБ» предприняло попытку установить контакт с Гурджиевым. Для этой цели Барченко составил от имени своего тайного общества специальное послание. Его должен был передать мистику Блюмкин, о чем стало заранее известно Бокию. Однако Блюмкину не удалось этого сделать.

В то время как раз начиналась операция, связанная с поез-ками на Запад и Ближний Восток. Под видом торговой фирмы Блюмкин создал нелегальную резидентуру в Турции, используя финансовые средства, которые получал от продажи хасидских древнееврейских манускриптов, переданных ему из особых фондов Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Эти деньги предназначались для создания боевой диверсионной организации против англичан в Турции и на Ближнем Востоке. Однако часть средств Блюмкин передал Троцкому, который после высылки из СССР жил в Турции. Кроме того, он привез в Москву письмо Троцкого, адресованное Радеку.

Узнав об этом по возвращении Блюмкина в СССР, его жена Елизавета (по второму браку Зарубина), работавшая сотрудником разведывательной службы еще с 1919 года (одно время она служила в секретариате Дзержинского), была потрясена «изменой мужа» и сообщила руководству. Блюмкин был арестован, а позднее расстрелян за «сочувствие взглядам Троцкого».

* * *

В начале января 1927 года британский министр по делам Индии Самюэль Хор вылетел в колонию для оперативного инспектирования дислоцированных там военно-воздушных сил. Он намеревался объехать гарнизоны Северо-Западного пограничного района, лежащего между Гиндукушем, Памиром и Гималаями. 19 января Хор прибыл в Пешавар, где находились ангары 20-й эскадрильи 1-го авиаотряда Королевского Воздушного Флота. После кратковременной остановки и беседы с авиаторами Хор покинул военную часть, и его самолет взял курс на Разгелькул, в окрестностях которого располагались 5-я и 27-я эскадрильи, входившие в состав 2-го авиаотряда.

Удовлетворившись осмотром, министр предпринял несколько облетов Пешаварской долины и наблюдал в полевой бинокль британские части, сосредоточенные в Малаканде. Затем он пересел в армейский автомобиль и по шоссе проехал через Хайберский проход. После этого Хор снова оказался на борту самолета, летевшего через Мирамшах в Кветту. Здесь состоялась встреча с личным составом 3-го авиаотряда и курсантами штабного колледжа индийской армии. В откровенной беседе, проходившей в местном офицерском клубе, Самюэль Хор выразил свое восхищение новейшими британскими гидропланами и признался, что испытал сильное чувство, когда его самолет парил над Хайбером.

Здесь, в Северо-Западном пограничном районе, располагалась ударная группировка вооруженных сил Великобритании. В этом месте сосредоточились прибывшие из Альбиона элитные части, прошедшие испытания на полях Первой мировой войны, войска особого назначения, укомплектованные англоиндийскими метисами, туземная территориальная армия, войска туземных князей и военная полиция. В состав регулярной армии включались полки безрассудных гурков — непальских горцев, бригады потанов и газаров, обученных вести боевые действия в пустыне и на перевалах, специфические подразделения, набранные из мужчин-индусов, принадлежавших к военным кастам, и батальоны, целиком состоявшие из представителей северных воинственных народностей.

Из Белуджистана и с персидской границы на север спешно перебрасывались пехотные подразделения. На озерах Кашмира находились базы гидроавиации, способной осуществлять десантные операции на горных водоемах. У перевалов застыли танки и бронетехника. Шли кавалерийские учения. От Кветты к Дуздапу протянулась новая стратегическая железная дорога — даже кассы на ее станциях были бронированы и устроены как пулеметные гнезда.

Хайберский перевал связывал этот район с Афганистаном, а Каракорумский — с Китаем (Синьцзяном). Именно на территории этих сопредельных государств должны были состояться первые сражения с армией «бешеных бабуинов и гнусных клоунов», как Уинстон Черчилль называл большевиков.

Пограничные посты Советов располагались значительно севернее. Но там — и еще дальше, в Москве, — реально оценивали возможность первых столкновений с англичанами на территории соседних государств, а потому внимательно следили за всем, что творилось на озерах и перевалах Кашмира: «...По этим сведениям, в апреле — мае англичанами производилась переброска своих войск из Пешавара в Мастуджи, далее на Гил-гит. Предполагалось, кроме того, сосредоточение войск туземных вассальных княжеств севера Индии на границе; Читральс-кой милиции — в направлении перевала Сахсарават (перевал

Ионова), Гилгитской — у Маскара (50 км севернее Гилгита). В Маскар и Гилгит направлено большое количество продовольствия и запасы обмундирования, для хранения которых здесь выстроены особые склады. Параллельно с перебросками будет производиться усиленный ремонт дорог и некоторая разработка перевалов (очистка их от снега) — силами местного населения по приказу туземной администрации» (из донесения ОГПУ от 10 июля 1927 года).

* * *

За Николаем Рерихом и его семьей вели наблюдение асы английской разведки. Среди них был знаменитый подполковник Ф. М. Бейли — политический резидент в гималайском княжестве Сикким. В свое время он пытался организовать контрреволюционный мятеж в Ташкенте, затем, уже будучи тибе-тологом с мировым именем, был направлен в сердце Гималаев, чтобы охранять интересы Британской империи в этом регионе. Бейли высоко ценил художественные и научные достижения семьи Рерихов, хорошо знал об их миротворческой деятельности. Тем не менее это не помешало ему отдать приказ тибетскому правительству остановить экспедицию Рериха, следовавшую через пустыню Гоби в Тибет, уведомив тибетских официальных чинов, что в Индию возвращаются агенты Москвы. И приказ этот был выполнен. Зимой 1927/28 года при сорокаградусных морозах экспедиция была задержана в Цайдаме. При этом всю вину за случившееся (погибло пять членов экспедиции) Бейли свалил на «дикость тибетцев».

На смену Бейли в княжество Сикким был назначен другой резидент английской разведки — полковник Уэйр. В Тибет он отправился, пытаясь собрать новые сведения об экспедиции Рерихов. Вместе с полковником следовала его супруга Тира Уэйр.

Вот выдержка из письма-донесения Тиры Уэйр сэру Эвелину Хауэллу в иностранный и политический департамент правительства Британской Индии от 31 марта 1932 года:

"Ниже приводится информация, которую Вы запрашивали у меня по делу Рериха. Буду счастлива, если она окажется сколько-нибудь полезной для Вас. <…>

Сопровождая мужа во время его тибетской миссии в Лхасу в 1930 году, я с неизбежностью вывела из своих наблюдений, что мысль Тибета под влиянием пророчеств и монастырских писаний настроена на грандиозный сдвиг по всей стране. Действительные сроки наступающего сдвига различны и неясны, как и его описание. Каждый монастырь имеет об этом свое фантастическое представление, но по всему Тибету, по-видимому, общепринято главное: это приход Будды, и чем скорее, тем лучше. Общая идея сводится к тому, что Майтрейя — грядущий Будда должен появиться через 100 — 200 лет. Его статуям уже молятся в большинстве монастырей, причем изображают сидящим на европейский манер. Майтрейе будут предшествовать два завоевателя. Первый придет с Запада. Чужеземец и небуддист, он покорит всю страну. Второй — из Чан-Шамбалы (мистического района на Севере). Он завоюет страну и снова обратит ее в буддизм. За вторым завоевателем (время прихода не указано) последует сам Майтрейя.

Как и во всем мире, в Тибете присутствуют скрытые советские течения. Несомненно, в различных монастырях уже есть советские агенты, а революционная направленность некоторых монастырей, например «Дрепанга», расположенного вблизи Лхасы и предоставившего кров десяти тысячам лам, вполне очевидна («Дрепанг» открыто взбунтовался в 1919 — 1920 годах).

В настоящее время тирания Кумбелы, любимца далай-ламы, вызывает значительное недовольство. Кроме того, общеизвестно, что сильный элемент в Тибете будет приветствовать китайскую или любую другую власть, предпочитая ее нынешнему состоянию дел. (Когда мы прибыли в Лхасу, в целом было ясно, что Англия отдала Калькутту Конгрессу и теперь практически бессильна в Индии.)

Суеверность народов Тибета служит плодородной почвой для любого сообразительного ума, и путем, вымощенным пророчествами, было бы нетрудно приблизить срок предстоящего события к нынешнему поколению. Сейчас необходим только один элемент — первый завоеватель собственной персоной.

По возвращении из Тибета я получила экземпляр самой последней публикации Николая Рериха «Алтай — Гималаи», а прочитав эту книгу, обнаружила, что Рерихи прекрасно понимают это тибетское пророчество и действительно изучили предмет очень глубоко.

Известно, что семья Рерихов поддерживала тесный контакт с Тибетом многие годы. Вероятно, они знают о жизни, верованиях и условиях существования в Тибете больше любого человека на Западе. Их сын Юрий лучшую часть своей жизни посвятил исследованиям религии и обычаев Тибета.

Их желание посетить недоступные места Тибета, где они могли бы рисовать картины, собирать художественные и ботанические коллекции, представляется вполне обоснованным. А то, что семья Рерихов приобрела землю в Кулу, на границе Тибета с Индией, требует дополнительного объяснения. Необходимость поселиться в этом месте оправдывалась состоянием здоровья госпожи Рерих, и, несмотря на просьбы их художественной клиентуры в Нью-Йорке, они сочли жизненно необходимым остаться в Кулу.

Николай Рерих — русский, несмотря на его стремление выглядеть американским подданным. А вот его сын Юрий — натурализованный американец.

Рерихи утвердили себя как знатоки искусства высокого уровня. Благодаря своим художественным способностям и обаятельным манерам, соединенным с умелой рекламой, Николай Рерих считается ведущим авторитетом в искусстве Востока. (Английский журнал по искусству «Студио» недавно дал высокую оценку его работе.)

Под предлогом занятий искусством он мог проникать в самые потаенные места Азии, а доверие, внушенное его художественным талантом, открывало ему доступ к информации, получить которую другим путем было бы нелегко.

Его продвижение по Тибету в 1928 году выглядит подозрительным, и теперь известно, что в этот период он посетил также Москву и, возможно, Ленинград. Кроме того, известно, что он был хорошо встречен Советами. А никакого русского Советы хорошо не примут, если он бесполезен для России.

Возвращаясь через Тибет, он щедро тратил деньги. Едва ли ему могло хватить средств, что он вез из Индии, на столь долгий маршрут.

На пути через Сикким тот факт, что он посетил Россию, хранился им и его семьей в глубокой тайне. Его поведение в Дар-джилинге по возвращении из Тибета возбудило подозрения: он обратил на себя внимание в обществе буддистов, давая всегда, по меньшей мере, вдвое большую цену по отношению к запрошенной за буддийские реликвии и манускрипты, побуждая всех буддистов нести к нему те ценности, которые он жаждал получить.

Его гнев на тибетское правительство в связи с препятствиями, которые оно чинило ему в Тибете, побудил его спровоцировать протест образованных и влиятельных американских обществ, а сам Рерих угрожал осложнениями в отношениях между американским и тибетским правительствами. С его стороны это была ошибка, так как американские власти в Калькутте, углубившись в вопрос, обнаружили, что Рерих — русский и не имеет права апеллировать к Вашингтону, и настроили Вашингтон против него.

Рерих попытался вернуться в Индию в 1930 году через Пон-дишери, однако, вероятно по совету политического резидента в Сиккиме, правительство Индии отказалось принять его на территории Британской Индии. Он обратился за помощью в Вашингтон и снова получил отказ. Тогда, заручившись поддержкой влиятельных людей в Англии, он, игнорируя решение индийского правительства, высадился в Британской Индии, на этот раз с бельгийским

паспортом. По случайности его фамилия приняла вид «де Рерих», и он оказался натурализованным бельгийцем.

Поводом для возвращения в Индию послужило здоровье жены. Приобретя землю в Кулу, он настаивал, что это единственное пригодное для нее место.

Находясь в Дарджилинге, Рерих познакомился со многими влиятельными буддистами, включая господина Ладен Ла. Он щедро делился средствами с буддийскими монастырями, и, возможно, Ладен Ла сообщал ему мнение британского резидента по рериховскому вопросу. Ладен Ла в то время состоял на службе в Министерстве иностранных дел и занимался вопросами, касающимися Тибета.

Рерих и его семья долгие годы, якобы в художественных целях, изучали язык, верования, политические и географические условия Тибета.

Итак, он — русский и, предположительно, в долгу перед Советами и потому заслуживает пристальнейшего наблюдения.

Даже если бы это было все, что следовало о нем сказать, этого достаточно для санкционирования решительных мер. Но, кроме того, сын Юрий представляет дополнительный интерес в деле Рериха.

Люди, знающие Юрия, признают в нем тибетолога очень высокого уровня. Это блестящий специалист, который приобрел необыкновенно глубокое понимание буддийских доктрин и суеверий.

Как следует из их публикаций, а также из разговоров с буддийскими авторитетами в Сиккиме после возвращения из Тибета, Рерихи особенно интересуются грядущим Майтрейей. Раджа С.-Т. Дорджи, гостивший в Резиденции, рассказал мне, что их беседа всецело концентрировалась вокруг образа грядущего Майтрейи. Поскольку приход Майтрейи в большинстве случаев ожидается не ранее чем через 100 — 200 лет, то как объяснить столь сильный интерес? И как быть с теми завоевателями, которые должны предшествовать Майтрейе в весьма неопределенные сроки?

Обычному человеку разгадка этой проблемы может показаться фантастической, но для русского, обладающего воображением, ничто не фантастично, а при поддержке Советов никакой сногсшибательный образ действий не будет невозможным.

Завоеватели ожидаются с Запада и с Севера, так почему бы им не быть русскими? Другими словами, почему бы одному из них не быть Юрием «де Рерихом», человеком, получившим вместе с западным образованием мудрость лам, и с Советами за спиной?

Говорят, что первый завоеватель не будет буддистом. Буддист или не буддист — безразлично для Юрия. Он одинаково пригоден для обеих ролей. Хорошее, основательное руководство могло бы проложить путь обоим. Кульминацией политики Рерихов могла бы стать даже персонификация самого Майтрейи. Весомый плод их долгого труда вскоре наверняка созреет.

Очевидно, что мировое правительство не позволит России покорить Тибет. Но если сами тибетцы примут русского как своего нового вождя, то что помешает России контролировать через него Тибет и всю Азию?

Обладая знанием, полученным в Тибете, и с помощью неограниченных денежных средств ему будет нетрудно подкупить влиятельных лам, чтобы предречь и провозгласить его приход, когда наступит время. Ламы из Лхасы, а также из разных авторитетных монастырей во время своих паломничеств смогут легко добираться до Кулу. Для путников, не отягощенных багажом, проходы не такие уж и неприступные. В то же время из центральной базы в Кулу будет нетрудно связаться непосредственно с Москвой. Здесь он занимает ключевую позицию, удобную для наблюдений за Индией и Тибетом, а также для получения любой информации, необходимой при составлении планов.

Он принял к себе на службу лучшего буддийского ученого в Дарджилинге, ламу Лобзанга Мингюра, брата Рай Сахиб Вангди (главного уполномоченного тибетского служащего в Британском торговом агентстве в Джиантэи). Он щедро тратит деньги и уже снискал благожелательность района, давая недискримини-рованные беспроцентные займы. Он помогает всем, кто нуждается в помощи, за ним уже установилась и распространяется все шире репутация филантропа.

Даже если Рерихи будут лишены протекции Индии и Англии, ничто не остановит их деятельность в России или в Китае. В рериховском журнале «Урусвати» (т. 1, № 1), только что вышедшем (издательство Музея Рериха, Нью-Йорк), на странице 67 они пишут: «Изучение Среднего Востока — первоочередная задача института, но можно без опасения добавить, что „границами этого исследования будут географические рубежи Азии, а в них исследованием будет охвачено все, что представлено Человеком и создано Природой", — значительные слова, произнесенные сэром Уильямом Джонсом при открытии Азиатского общества Бенгалии в 1784 году. Под термином „Средний Восток" мы понимаем Индию и всю пустынную часть Азии, простирающуюся от Иранского плато на западе до восточных границ собственно Китая, включая Китайский и Русский Туркестан, Монголию и Тибет. Конечно, большая часть этой обширной территории сейчас закрыта для научной работы, но есть надежда, что вскоре более светлый период озарит сердце Азии и принесет с собой новые возможности для научного поиска».

Выдающиеся упорство, способности и амбиции семьи Рерихов нельзя отрицать. И то, что Советы не воспользовались этой необычной возможностью осуществить свои планы покорения мира, представляется мне нелогичным. Урожденные русские, Рерихи носят безупречную маску художественного инкогнито.

Я твердо убеждена, что они, эти Рерихи, ждут политического кризиса, который может случиться в Средней Азии в любой момент, и уже сейчас отлично к нему подготовлены. Смерть далай-ламы могла бы легко ускорить развитие событий.

Тира Уэйр, 31.3.32, Резиденция Гангток".

Любопытен комментарий главного министра правительсва Пенджаба К. К. Гарбетта к записке госпожи Тиры Уэйр:

"Что касается теорий госпожи Уэйр. Действительно, буддисты Тибета ожидают пришествие Учителя нового мира в ближайшем будущем. Но значение, которое она вкладывает в этот факт, теряет силу, если вспомнить, что немало приверженцев других религий также разделяют это ожидание. <…>

Представляется, что госпожа Уэйр, основываясь на ограниченной, хотя и верной информации, перескочила слишком быстро к выводу о том, что профессор Рерих или его сын намереваются выдать себя за упомянутого Учителя. По-видимому, цепочка ее рассуждений такова: а) буддисты ищут Учителя; б) профессор Рерих — Учитель; следовательно, он есть или надеется стать Учителем, которого примут буддисты.

На мой взгляд, а также по мнению секретаря по иностранным делам, это предположение фантастично. Я согласен с тем, что тайна Рериха еще далеко не раскрыта, и, хотя следует по-прежнему собирать, сопоставлять и анализировать факты, уже имеется свежая информация в пользу того, что он не является большевистским шпионом.

1. Его биография до 1932 года так, как она представлена в «Кто есть кто». <…>

Его молодые годы вполне закономерно определили нынешнюю сущность этого человека — художник, чьи результаты весьма нестабильны: некоторые из его картин — шедевры, но большая их часть тривиальна. Похоже, что он приобрел необычайное самомнение при полной потере самокритики.

2. Что касается его физического состояния и осторожной диеты, то эти качества неплохо согласуются с представлением о художнике, женатом на гениальной женщине-мистике, притягивающем и иногда ловящем отблески святая святых, в котором она живет. <…>

5. Что касается визита Рерихов в Киланг, то наверняка наиболее вероятна самая простая причина. Эта семья не любит дожди, а поскольку уйти за пределы их досягаемости легко, на время мансуна [Сезон дождей] они так и поступают.

6. Хотя я все еще склонен к подозрению, но должен признаться, что нахожусь под влиянием репродукции с картины «Матерь Мира», данной мне госпожой Мейхон [Видимо, супруга полковника в отставке Мейхона, проживавшего в Наг-гаре (долина Кулу), который был негласным осведомителем полиции. Как правило, его рапорты о Рерихах носили позитивный характер, он явно симпатизировал этому семейству]. Мадам Рерих имела видение, и профессор нарисовал то, что она запечатлела в памяти, в результате появилась картина редкой красоты, нечто весьма несоразмерное с идеей шпионажа.

Итак, нам надлежит продолжать наблюдение, однако не вижу причин для тревоги" [Экспедиция Рериха породила весьма активную переписку различных инстанций и лиц, два примера которой приводятся ниже: Письмо Н. К. Рериха — далай-ламе.

"Дарджилинг, 13 июня 1928 года.
Самому несравненному светлейшему
Покровителю всех живых Существ
Далай-Ламе и Государственному совету правительства Тибета. …Для того чтобы представить полный отчет достойнейшему правительству Соединенных Штатов Америки, я прошу Ваше Святейшество и Государственный совет Тибета дать мне исчерпывающие объяснения по следующим пунктам:

1. Почему правительство Тибета не направило своего уполномоченного для обсуждения планов экспедиции и не ответило на несколько официальных писем, адресованных правительству Тибета Кушо Капшопа, Главным управляющим провинции Хор? Вместо того чтобы предоставить экспедиции возможность обсудить проблемы с официальным представителем из Лхасы, чиновники правительства задержали экспедицию на пять месяцев к северу от Нагчу в ужасном состоянии. Пять человек и девяносто животных каравана погибли от недостатка пищи и фуража. Холод был пронизывающим, а местные власти не только не попытались помочь экспедиции, но даже, наоборот, запретили местному населению продавать экспедиции продукты питания. Ни одна страна не обращалась с нами столь варварским образом.

2. Что помешало Вашему Святейшеству и правительству Тибета принять изображение Победоносного Владыки, письмо, крупное пожертвование трем великим монастырям Лхасы от лица Буддийского центра в Нью-Йорке? Ваше Святейшество и Государственный совет были проинформированы о нашем намерении преподнести подарки Вашему Святейшеству и монастырям Лхасы, но официального ответа экспедиция не получила. Я обязан сообщить об этом в Америку.

3. От Нагцанга до Сага-Дзонга экспедиция была направлена северным маршрутом, а не южным. В результате экспедиция испытала дополнительные чрезвычайные затруднения.

4. Почему правительство Тибета не признало экспедиционный паспорт, выданный тибетским официальным представителем в Урге Лобзангом Шол-деном, а также три петиции, представленные им Вашему Святейшеству и Государственному совету? Я прошу

исчерпывающих объяснений подобных действий тибетских чиновников, которые находятся в противоречии со всеми законами и обычаями других правительств.

5. Мое имя пользуется уважением в двадцати пяти крупных странах, и только в Тибете, куда я пришел во славу буддийской доктрины, я вынужден был испытывать несказанные трудности. Только из-за паспорта, выданного

Лобзангом Шолденом в Урге, экспедиция пошла в Нагчу по северному маршруту, иначе она могла бы завершить свою миссию через Китай или Индию. Об унизительном обращении, противоречащем традициям и обычаям других стран, беззаконной задержке на пять месяцев в условиях суровой зимы на высотах Тибета и обо всех потерях, вызванных этим, экспедиция будет вынуждена сообщить достойнейшему правительству Соединенных Штатов Америки".

Правительство Тибета — политическому резиденту в Сиккиме подполковнику Ф. М. Бейли.

"19 октября 1928 года

<…> Мы информировали Вас, что американская экспедиция, возглавляемая Рал-драгом [Рерихом], появилась на границе у Шангри. На это мы получили Ваш ответ от 15-го дня 12-го месяца года Огненного Дракона [5 февраля 1928 года] с сообщением, что он [профессор Рерих] некоторое время жил в Америке, но что он — красный русский. Вам известно, что иностранцам нелегко попасть в Тибет, а в случае Рериха, после того как мы узнали, что он — красный русский, мы не могли позволить ему путешествовать по Тибету. Соответственно мы остановили его в Нагчуке и убедили повернуть назад. Тем временем в северном районе случился необычайно сильный снегопад, и многие мулы и верблюды, принадлежавшие экспедиции, погибли от сильного мороза. Запасы пищи у них также подошли к концу. Из-за сурового климата участники экспедиции заболели. Другими словами, они оказались в значительном затруднении и просто не могли идти назад. Поэтому они по собственному желанию двинулись к Индии через Сикким по джантангскому маршруту. Мы направили Ваш подробный отчет об этом 1-го дня 4-го месяца [20 мая 1928 года]. Недавно, 13 июня 1928 года, Рерих отправил письмо Его Святейшеству Далай-Ламе. Мы отсылаем Вам копию этого письма на английском языке. <…>

В настоящее время мы просто подтвердили получение их письма, но не смогли дать подробный ответ. …Поскольку надежда Тибета сосредоточена в Британском правительстве, просим Вашего совета, какой ответ следует отправить на их письмо. Требуется скорый ответ"

В Тибете сходились интересы трех империй — царской России (а позднее — Советской), Великобритании и Китая.

Первые связи с Тибетом устанавливала еще Екатерина II. Она посылала дары далай-ламе со своими подданными-калмыками, когда они шли на поклонение к Живому Богу.

Начиная с конца XIX века распространить влияние на Тибет пыталась Англия, рассчитывавшая таким образом обезопасить свои позиции в Индии — «жемчужине британской короны». Здесь, в Тибете, английским интересам реально противостоял лишь Китай. Англичанам удалось оттеснить своего восточного конкурента, закрепиться в Тибете и переориентировать его экономику на Индию.

В тот момент, когда Россия переживала революцию, Великобритания продолжала свою экспансионистскую политику в Тибете и любое проникновение на его территорию воспринимала неодобрительно. Англичане преграждали сюда путь японцам, крайне неохотно пустили немецкую экспедицию.

Советская Россия, безусловно, проявляла повышенный интерес к Тибету. Туда, к примеру, совершил поездку сотрудник советских спецслужб Баторский, впоследствии подготовивший особый доклад о Тибете. Баторский рассказал, в частности, об английской экспедиции Ч. Бела, расследовавшей в 1920 году возможности проникновения большевистского влияния на Тибет. Хотя вывод Бела был отрицательным, англичане все же

опасались экспедиции Рерихов, подозревая, что она носит разведывательный характер. Тем более что Рерихи изменили первоначальный маршрут экспедиции и оказались в Москве. Между тем в столицу России они заехали совсем не для того, чтобы получить спецзадание от органов. При надобности им это задание доставили бы. Рерихи, к примеру, встречались в США с консулом России Быстровым, который мог бы передать им любое поручение советской разведки.

Но англичане видели опасность в самой Советской России. После революции одна за другой возникали компартии — в Индии, в Китае, в других странах. Большевистская Россия стала на Востоке врагом номер один для Англии. Если смотреть документы английского архива (я читал их в Дели), то ясно, что — начиная от Турции и кончая Японией — все усилия англичан были направлены на то, чтобы не допустить влияния «Советов» на Восток. Это была жесткая борьба против дипломатических представительств нашей страны в любом уголке земного шара.

Тотальная слежка за всеми, всем и вся. Тут «вездесущее ОГПУ» в подметки не годилось английским спецслужбам. И английские крупные ученые, не считая для себя зазорным сыск на пользу национальным интересам, настраивали весь мир против России.

Известно, что глава семейства Рерихов всю свою жизнь прожил с российским паспортом, считая себя российским подданным. Поэтому, когда они оказались в центре Тибета, английская разведка основательно переполошилась. А тут еще Рерихи подружились с Рабиндранатом Тагором, выступившим в 1919 году против расстрела англичанами антиколониальной демонстрации в Пенджабе. В знак протеста против бесчинств колонизаторов он отказался от всех британских правительственных регалий. Он сам всю свою жизнь был под надзором «Интеллид-женс сервис». По одной из английских версий, Рерихи везли деньги племяннику Тагора для революционных действий против Британии. В ту пору в Индии антианглийское движение было представлено не только в коммунистических формах: в Индийском национальном конгрессе прозвучало мощное выступление Ганди за национальную независимость.

Судя по всему, нервы у британских чиновников были напряжены, раз они так жестоко поступили с экспедицией. Просвещенные дети Альбиона оказались в роли удушителей культуры. В конце концов они дали задний ход — испугались огласки, мирового общественного мнения. Слишком неприглядной получалась роль Великобритании во всей этой истории. Никаких документов или фактов, подтверждающих шпионаж, не имелось. А уж при тотальной слежке, по части которой англичане большие спецы (известно, что в составе самой экспедиции были их агенты), это было бы зафиксировано.

Ведь если бы Рерихов, как пишут отечественные «разоблачители», сопровождала артиллерия, то англичане просто уничтожили бы эту экспедицию без малейших колебаний. Между тем Рерихи вызывали всеобщее уважение, их принимал сам вице-король Индии и другие высокопоставленные лица. Кстати, воспользовавшись суматохой вокруг семейства, его глава и купил дом и землю в долине Кулу. Когда Николай и Юрий Рерихи уехали в США, англичане вздохнули спокойно. Однако вскоре выяснилось, что в Индии осталась Елена Ивановна. И англичане снова встрепенулись — они потребовали, чтобы раджа, продавший им дом, отказался от сделки. Впрочем, эта история уже выходит за рамки нашего изложения.

Экспедиция собрала огромное количество предметов искусства и рукописей для музея в Нью-Йорке. Сам Рерих рисовал беспрерывно. Все приобретения отправлялись в США — частично были доставлены на мулах в Индию и уже оттуда увезены в Америку. Хорш, финансист Рерихов, все это присвоил — якобы в оплату выданного на экспедицию кредита, уравняв вещи несопоставимые. Так, и картины и ценности оказались в собственности Хорша. За «долги».

* * *

Летом 1937 года многие члены «ЕТБ» были схвачены и расстреляны. Произошло это после ареста Бокия.

7 июня 1937 года теперь уже начальник Сводного отдела Четвертого управления при НКВД Глеб Бокий был вызван к наркому внутренних дел Николаю Ежову. Шеф потребовал от него компрометирующие материалы на некоторых членов ЦК и высокопоставленных коммунистов. Его обращение по этому поводу именно к Глебу Бокию было отнюдь не случайным — начальник отдела «при» НКВД был главным хранителем всех государственных тайн и, как помнит читатель, по распоряжению Ленина вел специальное досье. Свое требование Ежов подкрепил следующим: «Это приказ товарища Сталина!» Бокий вспылил: «А что мне Сталин?! Меня Ленин на это место поставил!» Эти слова стоили ему очень дорого — домой он уже не вернулся.

Однако некоторые члены «ЕТБ» все же остались на свободе. Это скульптор Меркуров, автор памятников Ленину и Сталину, и Юрий Васильевич Шишелов. Последний бежал из Москвы летом 1937 года в Барановичи. В эпоху хрущевских реабилитаций Шишелов переписывался с вдовой Барченко Ольгой Павловной. В своих письмах он рассказал много подробностей о деятельности «ЕТБ» и значении научных опытов Барченко. В частности, сообщил, что главный труд ученого, исчезнувший в 1937 году, назывался «Введение в методику экспериментальных воздействий энергополя».

Материалы исследований Барченко длительное время хранились в кабинете Бокия. Однако незадолго до арестов, проведенных летом 1937 года среди сотрудников Спецотдела, заместитель Глеба Ивановича Евгений Гопиус вывез к себе на квартиру ящики, в которых находились папки лаборатории нейроэнергетики. Но и он не избежал расстрела, а документы пропали после обыска в доме Гопиуса. Возможно, впрочем, кто-то хотел, чтобы их считали утраченными. Позднее, в 1957 году, в эпоху реабилитаций, сын Барченко Светозар обратился к бывшему руководителю Главнауки, старому большевику Федору Николаевичу Петрову, когда-то покровительствовавшему Барченко, с просьбой разыскать научные труды отца. После некоторых расспросов старый коммунист намекнул сыну репрессированного, что «там» научные исследования Барченко считаются еще «живыми».

Что могут означать эти слова сегодня? Александр Васильевич занимался весьма заманчивой для политиков областью человеческого знания — он изучал электрический потенциал живой клетки, телепатию и различные гипнотические состояния.

P.S. Как стало известно автору этих строк из источника, пожелавшего остаться неназванным, недавно одна из президентских структур запросила материалы лаборатории Барченко из Главного управления охраны РФ. Остается ждать результатов.

АЛЕКСАНДР БОРИСОВ. РАССТРЕЛЯННЫЕ ГРЕЗЫ

Александр Барченко. В поисках энергии

Начиная с 1911 года в санкт-петербургской журнальной периодике начали появляться рассказы — как отмечалось в тогдашних рекламных анонсах — «талантливого беллетриста» А. В. Барченко. Большинство этих произведений увидело свет на страницах журналов «Мир приключений», «Жизнь для всех», «Русский паломник», «Природа и люди», «Исторический журнал». Литературный труд в ту пору был основным занятием Барченко и главным

средством его существования. Однако уже в те годы он немало времени отдавал и работе в «частных лабораториях».

Чем занимался он в этих лабораториях? Кто ими руководил? Какие вопросы и проблемы исследовались?

Ответить на эти вопросы частично позволяют тематика и характер научно-популярных статей Барченко. В декабрьском номере журнала «Жизнь для всех» за 1911 год опубликована весьма любопытная статья «Душа природы». В ней, как указано в редакционном обзоре, «давались сведения о том перевороте в научном мировоззрении, который влекут за собой открытия в области лучистой энергии». Если же попытаться выразить все это современным языком, то «сведения», помимо прочего, касались воздействия проникающей радиации на живые организмы, явлений мутации, практического использования атомного распада в качестве неограниченного источника энергии, а также влияния солнечной активности буквально на все процессы, происходящие на нашей планете.

«Благодаря Солнцу, — говорилось в статье, — атмосфера, нас окружающая, насыщена теплом, светом, электричеством, химической, „нервной‟ и радиолучистостью. Впрочем… не смело ли, в частности, такое предположение по отношению к последнему виду энергии? Колебание напряжения солнечной деятельности не может не вызывать возмущений в излучениях таинственных N-лучей [Так называли в начале XX века гипотетический новый вид излучения, существование которого нельзя считать вполне доказанным. — Ред.], тесно связанных, как мы видели, с нашей духовной жизнью. Кто знает, не установит ли когда-нибудь наука связи между такими колебаниями и крупными событиями общественной жизни? 1905 год соответствовал, например, ближайшему к нам высшему напряжению „пятнистой‟ деятельности Солнца. Быть может, в ближайшем, 1916 году Солнце не так себя „запятнает‟…»

Прошло немало времени, и предположение А. В. Барченко было подтверждено точными приборами, которые уловили потоки заряженных частиц высоких энергий, излучаемых Солнцем. Стоит напомнить, что А. Л. Чижевский в ту пору ходил в гимназию и создание гелиобиологии было еще впереди. Завершалась «Душа природы» знаменательной для ее автора сентенцией: «Существует предание, что человечество уже переживало сотни тысяч лет назад степень культуры не ниже нашей. Остатки этой культуры передаются из поколения в поколение тайными обществами…»

Впоследствии появлялись очерки А. В. Барченко с красноречивыми названиями: «Загадки жизни», «Передача мыслей на расстоянии», «Опыты с мозговыми лучами», «Гипноз животных» и т. д. Его исследования были прерваны войной 1914 года, в которой А. В. Барченко участвовал. После ранения в 1915 году ученый возобновил работы. Он собирал научные материалы, тщательно изучал первоисточники, по которым затем составил законченный курс «Истории древнейшего естествознания», послуживший впоследствии основой для его многочисленных лекций в Тенишевском училище и на частных курсах преподавателей в Физическом институте Соляного городка в Санкт-Петербурге. Возможно, что эти лекции и сыграли роковую роль в судьбе А. В. Барченко: среди его слушателей оказалось немало лиц, которые вскоре заняли высокие посты в ЧК, ОГПУ, НКВД.

В пору «Великой смуты» (1917 — 1918), когда для многих россиян дела духовные отступили на второй план, А. В. Барченко сотрудничал в еженедельнике «Вестник труда», который издавался кооперативным товариществом писателей «Соборный разум». Очевидно, именно он стал одним из организаторов нового издательства «К свету». О направленности этого издательства и его ближайших планах рассказывалось в одноименной статье, что была напечатана в пятом номере «Вестника труда».

"…В наше время, когда нет семьи, не потерявшей близкого в братоубийственной бойне, интерес к грани между жизнью и смертью, к вопросам о цели жизни достиг высшего

напряжения. Человечество спрашивает себя: «Поколение наше кичилось завоеваниями своей культуры — к чему привели нас ее пути? К чему мы придем в конце концов, идя упорно тем же путем?»

Завоевания современного естествознания, открытие целого мира — невидимого, но, бесспорно, существующего, — мира всепроникающей лучистой энергии, открытие анабиоза, явлений ультралетаргии и прочего поставили современность перед головокружительной догадкой: не скрыты ли под иносказаниями древнейших религий, постулатами религиозно-философских школ действительные достижения, к которым наша наука еще лишь на пути?"

Перед чудовищной грудой обломков цивилизации, перед кумирами, поверженными в прах, многие современники Барченко — прежде чем начать молиться новым богам — искали ответы на вопросы:

— существует ли Бог и каково может быть представление о Нем у человека?

— умирает ли сознание со смертью нашего тела?

— не завещала ли глубокая древность к ответам на эти вопросы ключей, скрытых от злых, невежественных, себялюбивых?

— где хранилища этих ключей?

Издательство «К свету» (Петроград, Лиговская, 55) ставило целью, в изложении, доступном как интеллигенту, так и рядовому грамотному читателю, ознакомить русское общество с первоисточниками, из которых черпает свое содержание «тайное учение» оккультистов. Редакционная группа издательства, располагая специалистами в области современной археологии и естествознания, опираясь не на «черную и белую магии», а на «светлый и чистый материал современной науки», сделало попытку осветить следующие вопросы:

— есть ли потайное содержание в древнейших мистических первоисточниках и как это содержание раскрыть?

— существовало ли во времена доисторические человечество, по степени культурного развития не уступавшее современному, и как, когда и где оно погибло?

— в каких литературных памятниках-первоисточниках уцелели отголоски погибшей великой культуры и как их отделить от позднейших наслоений?

Сейчас трудно сказать, удалось ли энтузиастам-просветителям осуществить свои обширные планы. Скорее всего, нет. Жизнь вносила свои коррективы…

К литературной работе А. В. Барченко больше никогда не вернулся. Тем не менее он завершил высшее образование (ранее он два с половиной года учился медицине в Казанском и Юрьевском университетах), окончив в 1919 году Высшие одногодичные курсы на естественно-географическом отделении при 2-м Педагогическом институте. По геологии и основам кристаллографии он держал в свое время экзамен в Военно-медицинской академии и получил «полный балл».

В Госархиве города Улан-Удэ до сих пор, наверное, хранится выданное А. В. Барченко удостоверение Петроградского института изучения мозга и психической деятельности. Там сообщается, что «в 1920 году А. В. Барченко был приглашен к выступлению в конференции института с ученым докладом, и его оригинальное научное исследование „Дух древних учений в поле зрения современного естествознания“ было признано достойным напечатания в известиях института».

А на заседании ученой конференции института 30 января 1921 года, по представлению академика В. М. Бехтерева, Барченко был избран членом ученой конференции «на Мурмане» и командирован в Лапландию для исследования таинственного явления, именуемого «меряченьем». Результаты исследования он представил в 1923 году в специальном докладе,

вызвавшем большой интерес. После этого Барченко пригласили участвовать в работе одной из «психических комиссий института».

После лапландской экспедиции Барченко стал сотрудником органов госбезопасности у Дзержинского, причем отнюдь не рядовым «агентом».

Чем же заинтересовал «железного Феликса» — человека рационалистичного и очень занятого — искатель прародины человечества? В самой общей форме на этот вопрос сейчас можно ответить благодаря тому, что сын А. В. Барченко Светозар Александрович и внук Александр Светозарович бережно сохранили память о своем незаурядном предке, собрали о нем все факты и свидетельства, какие только можно было собрать.

Из этих свидетельств ясно, что, согласно концепции А. В. Барченко, працивилизация Севера (и некоторые другие древние культуры) знала о расщеплении атома, знала пути овладения неисчерпаемыми источниками энергии. Эти-то секреты и хотел раскрыть для своего Отечества Александр Барченко. Конечно, трудно понять, как он рассчитывал «прочитать» тайны гиперборейских мудрецов в нескольких обтесанных камнях или даже в развалинах пирамиды, но Барченко был убежден, что это ему удастся.

Надо сказать, что подобные идеи тогда в каком-то смысле «витали в воздухе». Написал же Андрей Платонов рассказ «Эфирный тракт»: в этом рассказе именно подо льдами Севера находят цивилизацию, знавшую тайны все того же внутриатомного строения материи. А у Л. Гумилевского (тоже 20-е годы) есть повесть, где описаны последние гипербореи — жреческий клан, таящийся от непосвященных на Кольском полуострове, на клочке суши посреди Умбозера, что расположено недалеко от Сейдозера, где искал Гиперборею Барченко.

Сам Барченко, как мы уже упоминали, также писал романы и повести, еще до революции. В них говорится о тайных пещерах в Гималаях и на Русском Севере, о подземных хранилищах сокровищ мировой цивилизации, об отшельниках, замуровавших себя в скалах. Кто из писателей на кого «повлиял» — это, наверное, со временем уточнят литературоведы. Применительно к нашей теме существенно другое: Барченко пытался не только писать о тайном, но и практически обрести его.

По воспоминаниям современников, Барченко обладал экстрасенсорными способностями. Еще в дореволюционные годы он изучал проблему передачи мысли на расстояние, интересовался тем, что впоследствии назовут «психотронным оружием». Не отсюда ли и «благословение» академика Бехтерева, и интерес Дзержинского к деятельности Барченко? Ведь Феликс Эдмундович в 1926 году уже сам направил Барченко в другую экспедицию — в пещеры Крыма. Как будто действительно Александр Васильевич, как никто другой, мог расшифровать там некую тайну, о которой уже имел определенное представление.

Когда исследуешь перипетии судьбы А. В. Барченко, невольно вспоминаешь Н. К. Рериха. Люди одного поколения (Рерих родился в 1874-м, Барченко — в 1881 году), они как бы пронесли сквозь свою жизнь знамя таинственной, до сих пор нами непонятой, миссии. «Полюса» их деятельности одни и те же: Русский Север — Гималаи, Россия — Индия (или Тибет). Но вот что особенно интересно: Рерих и Барченко были знакомы друг с другом! Когда в 1926 году Рерих ненадолго приезжал с гималайских вершин в Советскую Россию (кстати, сам по себе загадочен сюжет, связанный с письмом махатм Шамбалы Советскому правительству), он, судя по всему, встречался с Барченко.

И еще один необыкновенный человек приходил к Александру Васильевичу — крестьянин Михаил Круглое из города Юрьевца на Волге, представитель русских отшельников, которые обитали в глуши костромских лесов и хранили тайные знания, восходящие к изначальной Традиции человечества. Во всяком случае, так истолковал это сам Барченко, когда познакомился с Кругловым. Тот выдавал себя за юродивого, не раз поплатился за свою «маску» сидением в сумасшедшем доме — но в результате его оставили в покое, не мешали

непонятным проповедям, которые он произносил на площадях, и не пытались отнять у него таблички с загадочными знаками.

Что это были за таблички? Может быть, что-то подобное оригиналу «Велесовой книги», о которой сейчас так много спорят? Во всяком случае, Барченко утверждал, что мог читать их, мог понимать послания гиперборейской Традиции в ее русском варианте.

Об этих встречах Александра Васильевича стало известно из сохраненной его потомками копии письма, которое Барченко отправил 24 марта 1927 года Г. Ц. Цыбикову — знаменитому бурятскому буддологу, еще в начале века под видом паломника проникшему в почти для всех тогда закрытую Лхасу, столицу Тибета.

Опять возникает таинственная линия Россия — Гималаи, еще в ее дореволюционном варианте (возможно, как-то связанном и с русским царским двором, и с далай-ламой XIII). Барченко в своей переписке с Цыбиковым (она хранится в Госархиве Бурятии) говорит о том, что для возрождения России и всего мира необходимо объединить духовные усилия всех носителей изначальной Традиции, древнего универсального знания (Барченко имел в виду русских, тибетцев, бурят, монголов, уйгуров и многочисленных народов тогда еще единой Британской Индии).

Что конкретно удалось ему сделать? Мы знаем, что он познакомил со своими разысканиями в области древних знаний «наиболее глубоких идейных и бескорыстных деятелей большевизма». Барченко писал о том, что его поддержали совершенно неизвестные ему до той поры «хранители древнейшей русской ветви» этой священной Традиции. Но Барченко погиб. Ушел из жизни и Дзержинский, который, вероятно, что-то знал об этом, и многие другие — историки, отшельники, чекисты…

В 1960-е годы студенты из Мурманска отправились по следам лапландской экспедиции Барченко. Сейдозеро уже не было таким глухим уголком, как раньше: неподалеку вырос рабочий поселок Ревда, открыты были рудники в горах. Студенты взобрались к гигантской фигуре на скалах и обнаружили, что это действительно не причудливое творение природы: на камне есть некий красочный слой. Сделали даже его химический анализ, но дальше дело не пошло.

А «пирамиду» еще в конце 20-х годов осмотрел академик А. Е. Ферсман и пришел к выводу, что это естественное геологическое образование. Конечно, от ошибки не застрахован ни один ученый. Может быть, следует еще раз, более тщательно, изучить окрестности Сейдозера — не случайно же его издревле чтят местные саамы. Возможно, сейчас, в конце XX века, с учетом всех знаний, что накопила о Русском Севере историческая наука, новая экспедиция сможет сказать: да, это следы гиперборейской культуры, той священной для всех нас, изначальной Традиции, о которой ведали и русские отшельники, и мудрецы далекого Тибета.

Случайна ли та роль, что сыграл в научной судьбе бывшего беллетриста всемирно известный академик В. М. Бехтерев? Вряд ли. Вот интересный факт. В 1921 году вышла из печати книга Бехтерева «Коллективная рефлексология», в которой он сделал попытку показать, что «мир управляется одними и теми же основными законами, общими для всех вообще явлений, как неорганических, так и органических и надорганических, или социальных». В зависимости от активности Солнца находится климат на Земле, а следовательно, и урожаи, а от урожаев зависят судьбы людей; отсюда Бехтерев заключил: «Судьба человека находится в связи со всей Вселенной».

В Институте мозга, созданном вскоре после революции 1917 года, Бехтерев и его сотрудники искали научное объяснение загадок человеческой психики. Изучалась, в частности, возможность передачи мыслей на расстоянии — проблема, которой Бехтерев интересовался всю жизнь. Наряду с клиническими исследованиями в Институте мозга

отрабатывались методы электрофизиологии, нейрохимии, биофизики, физической химии; здесь изучали и электромагнитные поля человеческого организма.

Между тем аналогичные темы А. В. Барченко затрагивал еще в своих научно-популярных публикациях 1911 — 1916 годов. Поэтому становится понятным живое участие В. М. Бехтерева в научной судьбе А. В. Барченко. К слову сказать, зимой 1923 года В. М. Бехтерев принимал участие в заседании группы ученых на петроградской квартире А. В. Барченко, когда тот вернулся из Кольской экспедиции.

Так что же все-таки изучал Барченко во время этой загадочной экспедиции? Уже упоминавшееся «меряченье» (арктическая истерия, эмерик) — это состояние, похожее на массовый психоз, которое наблюдалось на российском Севере. Обычно оно проявлялось во время магических ритуалов, но могло возникнуть и спонтанно. В такие моменты люди начинали повторять движения друг друга, безоговорочно выполнять любые команды и пр. Пользуясь современными терминами, вполне можно назвать это зомбированием.

Изучение мозга — «самой неприступной крепости на Земле», — изучение возможностей и сверхвозможностей человека во все времена привлекало внимание тех, кто занимался разведкой и контрразведкой. А эффект «меряченья» — это, в сущности, эффект массового и целенаправленного гипнотического воздействия. И работы Барченко привлекли внимание Спецотдела ОГПУ. Кстати, В. М. Бехтерев также сотрудничал с чекистами. Он активно включился в работу созданной в 1921 году Ф. Э. Дзержинским спецкомиссии по улучшению жизни детей и по борьбе с беспризорностью: Бехтерев организовал психоневрологическую школу-санаторий для беспризорных.

В секретные оперативные материалы ВЧК-ОГПУ фамилия А. В. Барченко попала уже в 1918 — 1919 годах. Здесь указано, что «Барченко А. В. — профессор, занимается изысканиями в области древней науки, поддерживает связь с членами масонской ложи, со специалистами по развитию науки в Тибете, на провокационные вопросы с целью выяснения мнения Барченко о Советском государстве Барченко вел себя лояльно» (сохранена орфография оригинала). Популярность лекций А. В. Барченко обернулась постоянным кураторством, контролем со стороны спецслужб за всеми его изысканиями. Вплоть до расстрела Барченко в 1938 году.

В вопросе о взаимоотношениях А. В. Барченко с советскими спецслужбами однозначную позицию занимает его внук А. С. Барченко: «Порой приходится слышать: мол, А. В. Барченко и сам был сотрудником ВЧК. Может быть, для историка-исследователя такое предположение выглядит убедительно, но я решительно с этим не согласен. И дело не только в нашей семейной традиции, не только в воспоминаниях друзей деда, утверждавших, что он был человеком совсем иного склада. Есть еще и наши официальные запросы, и ответ из КГБ СССР: „Каких-либо сведений, указывающих на то, что Барченко А. В. работал в НКВД СССР или находился в известной связи с органами, при проверке по управлению кадров и в учетно-архи-вном отделе КГБ при СМ СССР не установлено. 10.07.1956“».

Но если сам факт кураторства имел место, то, может быть, архивы органов и прежде всего Спецотдела НКВД за 1921 — 1937 годы расскажут о последних, во многом загадочных работах Барченко?

Приоткрыть завесу тайны могли бы, наверное, документы, конфискованные при арестах начальника Спецотдела НКВД СССР Г. И. Бокия, сотрудника 9-го отдела ГУГБ Е. Е. Гопиуса и, конечно, самого А. В. Барченко — начальника нейроэнергети-ческой лаборатории ВИЭМ. Эти документы, а также работы Барченко, судя по протоколам допросов, неоднократно предъявлялись обвиняемым (Г. И. Бокию, например). Это прежде всего диссертация А. В. Барченко «Введение в методику экспериментальных воздействий объемного энергополя» (один том плюс том приложений), «Доклад об исмаилитах» и другие.

Достоверно известно, что Барченко продолжал организовывать экспедиции. В 1921 году он отправился в Кострому, где подвергся кратковременному задержанию и обыску в местном отделе ВЧК. В 1925 — 1926 годах подготавливалась так и не состоявшаяся экспедиция в Афганистан, Монголию и Тибет. 1927 год — экспедиция в Крым (Бахчисарай); 1929 — 1930 годы — алтайская экспедиция (по устным свидетельствам, организованная без разрешения спецслужб).

О целях и характере этих путешествий сегодня можно только догадываться. Материалы экспедиций, вероятнее всего, стали собственностью Спецотдела НКВД СССР и его наследников. Наследникам же А. В. Барченко под разными предлогами на протяжении 40 лет отказывали в ознакомлении с перепиской Барченко (30 папок), с вышеупомянутой диссертацией, с докладами и отчетами об экспедициях. Возможно, что научные исследования Барченко считаются еще «живыми» и не подлежащими широкой огласке.

Основной на сегодняшний день источник наших знаний о Барченко — протоколы его допросов, любезно предоставленные Архивом КГБ СССР для ознакомления его потомкам в 1989 — 1990 годах, — дает все-таки однобокое представление о работах ученого. Направленность его исследований была означена заместителями наркома внутренних дел Вельским и Фриновским как «масонско-шпионская», а веские аргументы следователя (известно, какого рода были тогда эти аргументы) не давали отклониться от заданного курса. Кстати, следователь Адхем Алие-вич Али, который до 1937 года был помощником начальника ОБХСС города Перовска (Кзыл-Орда), а затем, уже на Лубянке, вел «шпионско-масонские» дела Барченко, Бокия и других, за пять дней до расстрела своего подследственного А. В. Барченко, 20 июня 1938 года сам был арестован и вскоре расстрелян. То ли исследования Барченко оказались действительно секретны, то ли применили обычный способ прятать концы в воду.

Несомненно то, что финансирование работ Барченко проходило через Спецотдел НКВД и руководство комиссариата. Исследования, развернутые этим отделом, были весьма важны для обороны, экономики, политики СССР, а потому довольно дорогостоящи. Требовались знания серьезных специалистов, экспертов, консультантов в различных областях науки. Одним из таких специалистов и был А. В. Барченко.

* * *

Мистические учения открывают посвященным три основных оккультных таинства:

— контроль над незримой энергией. Находясь под контролем человеческого сознания, в зависимости от склонности субъекта, эта энергия может служить мистическому просвещению как средство исцеления или средство установления власти над окружающими;

— контроль над событиями и создание желаемых ситуаций в материальном мире. Это достигается упражнениями. Развитая сила воли направляется на реализацию предполагаемого события. Варианты событий и ситуаций опять же зависят от склонности и намерений посвященного;

— установление связи с «тайными повелителями». Эти учителя находятся на нематериальных («внутренних») уровнях и принимают человеческий облик лишь время от времени, поэтому важной практической областью знаний являются методы установления контакта с такими существами.

В этом «установлении связи» Спецотделу активно помогал Барченко: Александр Васильевич предпринимал неоднократные попытки организовать экспедиции в Тибет, совершал поездки к пещерам Крыма, в «медвежьи углы» Костромского края, на Алтай, где было отобрано немало оккультных предметов.

Лабораторией Барченко, помимо прочего, разрабатывалась методика выявления лиц, склонных к криптографической работе и к расшифровке. Ученый выступал также консультантом при обследовании всевозможных знахарей, шаманов, медиумов и гипнотизеров. Для проверки этих «аномалов» служба Бокия оборудовала у себя специальную «черную комнату». Также результаты изысканий и методика Барченко применялись в особо сложных случаях дешифровки — в таких ситуациях проводились сеансы с ноосферой. Кроме того, Бокий организовал из числа сотрудников Спецотдела кружок по ознакомлению с «древней наукой».

В протоколах допросов Г. И. Бокия указано, что «Барченко проявлял большой интерес и давал какие-то консультации ЭКУ ОГПУ по делу микробиологов». Еще значительнее следующая цитата: «…конкретного плана совершения теракта у нас не было. Возможность совершения последнего, по крайней мере лично мной, связывалась с теми исследованиями, которые вел наводивший нас на мысль о терроре Барченко в области производства взрывов на расстоянии и разложении атома. Наводя нас на мысль о терроре, Барченко говорил, что его исследования в случае успеха дадут нам в руки могучую взрывную силу, и приводил в пример аналогичные работы Капицы, которые якобы позволят ему взорвать Кремль. Полагая, что успех исследований Барченко действительно может дать нам в руки могучее средство, в том числе взорвать Кремль, мы оборудовали для Барченко спецлабораторию, где он с сотрудником нашего 9-го отдела ГУГБ Гопиусом производил свои опыты». И кто знает, как повернулась бы история, если бы Спецотдел не был разгромлен в 1937 году…

Доктор Рябинин. Исследователь тибетских «жизнедателей»

«Общность интересов по изучению трудных и малодоступных для понимания широких масс областей человеческого духа» сблизили Николая Рериха с Константином Рябининым, талантливым психиатром, занимавшимся терапией эпилепсии, и вскоре доктор начал движение по ступеням масонской иерархии. А в 1912 году Рерих привел в стационар Рябинина 2-го секретаря посольства Японии Есуке Мацуока. Дипломат выполнял в столице весьма щепетильное поручение — подыскивал врача-консультанта для императора Иошихито, которого одолевали приступы безумия.

8 марта 1927 года скромного врача портовой лаборатории и ленинградской карантинной службы Константина Николаевича Рябинина срочно вызвали в Москву в иностранный отдел ОГПУ. Там ему предложили поехать в качестве врача с экспедицией Н. К. Рериха в Гималаи. Судя по тому, что беседовал с ним сам заместитель начальника ОГПУ М. А. Трилиссер, вопрос представлялся для чекистов весьма важным.

Экспедиция Н. К. Рериха в Гималаи была организована на средства американских общественных организаций. Для широкой публики ее задачи определялись как научно-художественные: сбор и изучение древних памятников буддийской культуры, а также ознакомление с тибетской медициной. На самом деле этим цели экспедиции не ограничивались. Лишь узкий круг знал, что Рерих направлялся в Лхасу к далай-ламе в качестве главы западных буддистов. Имеется еще предположение, что помимо перечисленного Рерих имел какое-то секретное задание от советского правительства.

Перебравшись в декабре 1924 года из Америки в Европу, Рерих тайно посетил в Берлине советского полпреда Н. Н. Кре-стинского и имел с ним продолжительную конфиденциальную беседу. Крестинский доложил о состоявшейся беседе своему руководству. Нарком иностранных дел Г. В. Чичерин проявил большой интерес к миссии Рериха, тем более что он

был настроен решительно против готовящейся Спецотделом экспедиции в Тибет на поиски Шамбалы. Победу на этот раз одержал Чичерин. Однако чекисты решили взять дело под свой контроль и потому переговоры с Рябининым проводили сами.

Кандидатура Рябинина появилась не случайно. Свидетельством тому его биография и, в особенности, врачебная деятельность.

Родился он в 1877 году в Муроме в семье купца Николая Алексеевича Рябинина, который умер, когда мальчику было 10 лет. Константин закончил шесть классов реального училища, позже экстерном сдал в Тифлисе экзамены за курс классической гимназии, получил аттестат с отличием и уехал в Петербург, где поступил в Военно-медицинскую академию.

Уже в студенческие годы он начал изучать психотерапию, гипноз, познакомился с тибетской медициной. В связи с революцией 1905 года Рябинин перевелся на медицинский факультет Харьковского университета и в 1909 году закончил его с отличием.

Интерес к неизведанной области человеческого духа побудил его всерьез заняться изучением нервно-психических болез-г ней. В течение года Константин Николаевич работал ординатором в Московской окружной лечебнице для душевнобольных, еще год — в аналогичном заведении города Вильно, затем вернулся в Петербург. У него уже сложился определенный взгляд на природу нервно-психических отклонений и выстроилась собственная методика их лечения. С семьей Рерихов Рябинин сблизился, поскольку жена художника Елена Ивановна страдала эпилептическими припадками.

Грянула революция. Значительная часть интеллигенции встретила ее настороженно. Пироговское общество призвало все врачебные силы страны «саботировать мероприятия советской власти в области здравоохранения». К. Н. Рябинин был в числе тех, кто считал, что никакие политические перемены в стране не должны отражаться на выполнении врачами своих обязанностей, и энергично включился в борьбу с эпидемиями.

В 1927 году Константин Николаевич взял под опеку некоего юношу Дмитрия Базилевича, который только что выписался из психиатрической больницы. Рябинин устроил его работать санитаром, приютил в своем доме. Отправляясь в далекий Тибет, Рябинин оставил Базилевича жить у себя на квартире…

Гималайская экспедиция Н. К. Рериха затянулась. Суровой зимой 1927/28 года ее участники могли погибнуть на высоких горных перевалах, и своей жизнью они во многом обязаны доктору Рябинину. На протяжении всей экспедиции он стремился как можно глубже проникнуть в тайны тибетской медицины и, судя по всему, в этом преуспел. По окончании маршрута Рерих предложил Рябинину поехать в Америку для чтения лекций, а затем вернуться в Индию и продолжить свои исследования в институте «Урусвати».

Трудно сказать, почему Рябинин отклонил это предложение. Он был достаточно проницательным человеком и не мог не понимать, какой опасности подвергает свою жизнь, возвращаясь в СССР. Однако таков был его сознательный выбор. По возвращении Рябинин обобщил свои мысли и наблюдения о тибетских «жизнедателях» — веществах, регулирующих деятельность эндокринных желез. Константин Николаевич продолжил было изучение «жизнедателей», отрабатывая на себе дозировки, но его работа была внезапно прервана.

21 марта 1930 года Рябинина арестовали. При обыске изъяли все научные материалы по экспедиции, в том числе и тетрадь с записями о действии «жизнедателей». Так называемое «докторское дело», по которому арестовали Рябинина, было состряпано для того, чтобы скомпрометировать в глазах мировой общественности Рериха, ставшего к тому времени фигурой планетарного масштаба.

До мая Рябинина держали в двухместной камере, затем перевели в одиночку. На протяжении нескольких месяцев от него настойчиво требовали показаний против Рериха, ссылаясь на требования «высших властей» и лицемерно обещая «вернуть эту бумагу», то

есть его показания, через три дня. Но Константин Николаевич не поддался на угрозы и провокации. Протокол с признанием пришлось сочинять самому следователю.

Чекистов особо интересовали тайные знания, которые, по их предположениям, удалось получить членам экспедиции. Однако Рябинин справедливо полагал, что время для обнародования этих знаний еще не пришло. Расчет чекистов не оправдался. Рябинина приговорили к пяти годам заключения в Соловецком лагере. Он освободился досрочно и, не имея права на жительство в Москве и Ленинграде, вернулся в Муром, где продолжил работать врачом. В мае 1937 года Константин Николаевич, на свою беду, вернулся в Ленинград и через несколько месяцев был повторно арестован по доносу.

Доносчицей была близкая знакомая Дмитрия Базилевича. Последний, по совету Рябинина, порвал с ней отношения, и оскорбленная дама жестоко отомстила обидчикам. На этот раз Рябинин получил уже десять лет лагерей.

Умер К. Н. Рябинин в 1956 году в возрасте 78 лет, когда табу с тибетской медицины еще не было снято. Дневник, который он вел в гималайской экспедиции, недавно опубликовали. А вот найдутся ли в архивных недрах результаты его исследований или они были уничтожены — пока неизвестно.

Глеб Иванович Бокий. Чекист-масон

16 июня 1937 года было выписано постановление на арест члена ВЦИК СССР, члена коллегии НКВД, начальника Специального отдела при НКВД СССР Глеба Ивановича Бокия. В нем утверждалось, что Бокий состоял членом контрреволюционной масонской организации «Единое трудовое братство», занимавшейся шпионажем в пользу Англии, и, являясь руководителем спиритического кружка, устраивал тайные сеансы, на которых «предсказывалось будущее».

Как случилось, что в оплоте партии, органах ЧК — НКВД долгое время существовала организация, по своим мировоззренческим позициям весьма далекая от ортодоксального марксизма-ленинизма? Как могло получиться, что партия, всегда боровшаяся за теоретическое и организационное единство, просмотрела в своих рядах масонов-оккультистов, причем связан с масонством оказался один из старейших членов партии, особо доверенное ее лицо?

Глеб Иванович Бокий родился в 1879 году в Тифлисе в семье интеллигентов и вместе с тем представителей старинного дворянского рода. Его предок Федор Бокий-Печихвостский, владимирский подкоморий (третейский судья) в Литве, упоминается в переписке Ивана Грозного с Андреем Курбским. Прадедом Глеба Бокия был известный русский математик и физик академик Михаил Васильевич Остроградский — ученый либеральных взглядов, задолго до отмены крепостного права заявивший, что людей надо ценить по их знаниям и способностям, а не по положению.

Несмотря на знатное происхождение, семья учителя тифлисской гимназии Ивана Дмитриевича Бокия не отличалась богатством. В автобиографии Г. И. Бокий напишет: «Недвижимой собственности не имели». Однако Иван Дмитриевич, ответственный и трудолюбивый преподаватель и ученый, автор учебника «Основания химии», который штудировало не одно поколение гимназистов, смог дослужиться до действительного статского советника, и вскоре семья перебралась в Петербург.

Сестра и старший брат Глеба пошли по стопам отца. Наталья стала историком, преподавала в Сорбонне. Борис после окончания Петербургского горного института с 1895 года работал на шахтах Донбасса, где внедрил прогрессивную для того времени сплошную

систему разработки угольных пластов взамен столбовой, внес коренные улучшения в технологию подземной добычи угля. В 1906 году, защитив диссертацию «Выбор системы работ при разработке свиты пластов» и получив звание адъюнкта-профессора, стал преподавать в Петербургском горном институте. В 1914 году ординарный профессор Б. И. Бокий дал систематическое изложение основных процессов горного дела в трехтомном «Практическом курсе горного искусства». После Октябрьской революции и гражданской войны Борис Иванович сделался членом Научно-технического совета Главного горного управления ВСНХ РСФСР, а затем

ВСНХ СССР. Он активно участвовал в восстановлении и реконструкции горной промышленности Советской России. Б. И. Бокий явился основоположником аналитического метода проектирования горных предприятий, изложенного в капитальном труде «Аналитический курс горного искусства» (1924).

Сын Бориса, племянник Глеба Ивановича Бокия, Георгий также учился в Ленинградском горном институте, после окончания которого с 1930 года до 1958-го работал в Институте общей и неорганической химии АН СССР. Одновременно с 1939 года он начал преподавать в МГУ, а в 1944 году стал профессором. В 1958 году Георгий Борисович Бокий был избран членом-корреспондентом АН СССР. С 1963 года он работал в Институте радиоэлектроники АН СССР. Крупнейший специалист в области кристаллографии и кристаллохимии, Г. Б. Бокий — автор многочисленных работ по кристаллохимии комплексных соединений, кристаллохимии минералов и истории кристаллографии.

Казалось бы, такая же судьба ожидала и юного Глеба. В 1896 году, после окончания реального училища, он вслед за своим старшим братом поступил в Горный кадетский корпус имени императрицы Екатерины II в Петербурге (Горный институт) — крупнейшее в то время высшее техническое учебное заведение России. Одаренному юноше, обладавшему к тому же немалыми сословными привилегиями, была уготована блестящая научная карьера. Однако уже в ранней юности он выбрал для себя путь революционера.

Окончательно определило выбор жизненного пути Глеба следующее событие. В 1893 году Борис, в ту пору студент-выпускник Петербургского горного института, предложил брату и сестре принять участие в демонстрации студентов. Произошло столкновение с полицией. Все трое были арестованы, причем Глеба еще и избили. Их освободили по ходатайству отца. Все эти события пагубно отразились на больном сердце родителя, и спустя несколько дней он скончался. Потрясенные свалившимся на семью горем, братья приняли диаметрально противоположные решения. Если Борис, сочтя себя виновником смерти отца, отошел от политики, то Глеб, наоборот, окончательно встал на стезю профессионального революционера.

Поступив в Горный институт, Глеб сделался головой «Украинской петербургской громады» и принимал активное участие в деятельности студенческих землячеких и революционных кружков. С 1897 года он вступил в петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В течение последующих 20 лет жизнь Глеба Ивановича Бокия (партийная кличка «Кузьмич», в полицейском управлении проходил как «Горняк») неразрывно связана с петербургской партийной организацией большевиков.

С 1900 года он являлся членом РСДРП. В 1901 году Глеб Бо-кий был арестован на шахтах Криворожского общества, где работал на летней практике. Привлеченный по делу группы «Рабочее знамя», с 9 августа по 25 сентября он содержался под стражей, затем был отдан под особый надзор полиции. Но дознание в отношении Бокия, по соглашению министров внутренних дел и юстиции, в 1902 году прекратили в связи с тем, что в феврале этого года он был снова арестован и выслан на три года в Восточную Сибирь по другому делу — о подготовке в Петербурге уличной демонстрации. Летом 1902 года Бо-кий вновь арестован в Красноярске за отказ выехать в место ссылки, а уже осенью привлечен в Иркутске за разбрасывание прокламаций на публичной лекции. По высочайшему повелению

13 сентября 1902 года, в порядке общей амнистии студентов, высланных за участие в беспорядках весны 1902 года, Г. И. Бокий был освобожден из сибирской ссылки с сохранением надзора полиции в пределах Европейской России, за исключением университетских городов, сроком до 1 июля 1903 года.

В 1904 году Бокий введен в состав Петербургского комитета РСДРП как организатор Объединенного комитета социал-демократической фракции высших учебных заведений. Он выступил одним из организаторов и участников ноябрьской демонстрации 1904 года. 9 января 1905 года, когда не удалось удержать рабочих от шествий на Дворцовую площадь, Глеб находился среди демонстрантов, а затем в составе боевых дружин на баррикадах Васильевского острова. В «Малороссийской столовой», которой заведовал Бокий, был устроен медицинский пункт под руководством доктора П. В. Мокиевского, куда свозились раненые рабочие. 6 апреля 1905 года он снова арестован по делу «Группы вооруженного восстания при Петербургской организации РСДРП». Основанием для ареста явились агентурные сведения, что квартира Бокия и «Малороссийская столовая» служат для конспиративных встреч работников петербургской организации. При обыске в столовой было найдено огромное количество нелегальной литературы. После нескольких месяцев заключения Бокия выпустили под особый надзор полиции, а по указу от 21 октября 1905 года дело прекратили.

В период октябрьских событий и недолгого периода свобод 1905 года Глеб Бокий вел партийную работу в организации Петроградской стороны как член районного комитета, создавал боевые дружины. При полицейской облаве в районном социал-демократическом клубе 18 ноября 1905 года Бокий был избит, а ll декабря арестован на собрании центральной боевой дружины района. При личном обыске у него были отобраны воззвание Союза рабочих депутатов «Ко всему народу», листок Федеративного комитета РСДРП для сбора пожертвований на вооруженное восстание и партийный членский билет. В 1906 году по болезни Бокия освободили из тюрьмы до суда под залог в 3 тысячи рублей, который внес доктор П. В. Мокиевский, а в декабре осужденный Петербургской судебной палатой по процессу «Сорока четырех» Бокий приговорен был к заключению в крепости на 2 года и 6 месяцев с зачетом 6 месяцев 26 дней предварительного заключения, но оставлен временно на свободе вследствие поданной кассации.

В январе 1907 года он начал работать в социал-демократической военной организации, являлся партийным руководителем Охтинского и Пороховского районов. При провале военной организации (дело социал-демократической фракции Второй Государственной Думы) Бокий бежал, но был арестован в июле 1907 года в Полтавской губернии.

С 1912 года Глеб Иванович принимал участие в работе по изданию большевистской газеты «Правда», перед мировой войной являлся секретарем Петербургского комитета. В апреле 1914 года он подлежал аресту по делу типографии Петербургского комитета, помещавшейся в Горном институте, но успел скрыться. А в апреле 1915 года ему пришлось дважды скрываться от ареста из-за провала Петроградского партийного комитета.

1914 — 1915 годы были для подпольщиков особенно трудными. Сменяя одна другую, накатывались волны жесточайших репрессий. Особенно большой урон понесли петербургская и московская организации большевиков. Серия провалов выявила существование в партийных центрах провокаторов, и петроградские большевики организовали так называемую «Группу 1915 года при ЦК», куда вошли самые надежные, много раз проверенные люди, в том числе Бокий, Молотов, Тихомиров, Аросев. Ужесточилась партийная дисциплина, самые серьезные требования предъявлялись к соблюдению конспирации.

Именно тогда впервые проявились те способности Бокия, благодаря которым впоследствии он стал организатором Спецотдела при ВЧК-ОГПУ-НКВД и его бессменным

руководителем на протяжении многих лет. Старая большевичка, член партии с 1915 года В. Ф. Алексеева, вспоминая о работе в подполье того времени, писала:

"Конспирация в большевистском подполье, которое подвергалось особенно беспощадным расправам со стороны царских властей, действительно была суровой и сложной и потому не всегда легко давалась людям, особенно новичкам, не искушенным в борьбе. Нарушение правил конспирации могло нанести тяжелый удар по всей подпольной организации, поэтому и новичкам в соблюдении этих правил никаких скидок не делалось.

При аресте Глеба Ивановича забрали и его по виду самые обычные ученические тетради, исписанные математическими формулами, а на самом деле — записями о подпольных делах, зашифрованными математическим шифром. Шифр этот являлся изобретением Глеба Ивановича, и ключ к нему был известен только ему одному. Лучшие шифровальщики, какими только располагала царская охранка, ломали головы над этими «формулами», подозревая в них шифр. Однако раскусить этот орешек они так и не смогли.

«Сознайтесь, — говорил Глебу Ивановичу следователь, — это шифр?» А Глеб Иванович невозмутимо отвечал: «Если шифр, то расшифруйте». С досадой следователь возвращал ему эти загадочные тетради" [Алексеева В.Ф. Петроградское подполье. — М., 1975.].

Весной 1916 года Бокий был вновь арестован по делу Петроградского комитета, освобожден по болезни, а осенью вторично арестован по тому же делу. Снова освобожденный по болезни в декабре 1916 года до решения дела, он вошел вместе со Шляпниковым, Молотовым, Залуцким в Русское бюро ЦК, сыгравшее важную роль в Февральской революции, а сразу после свержения самодержавия возглавил в Русском бюро отдел сношений с провинцией.

С апреля 1917 года, после ликвидации Русского бюро ЦК, и до марта 1918-го Г. И. Бокий являлся членом Исполнительной комиссии и секретарем Петроградского комитета партии. Вместе с другими видными деятелями партии он представлял столичную организацию на Седьмой (Апрельской) конференции и на VI съезде РСДРП(б), а в последующем был непременным делегатом всех партийных съездов. В июльские дни Бокий в составе делегации большевиков от Петроградского комитета вел переговоры с меньшевиками и эсерами.

В октябре 1917 года он стал членом петроградского Военно-революционного комитета. Зиновьев и Каменев выступили против решения о вооруженном восстании. Они попытались заручиться поддержкой Петроградского комитета РСДРП(б), но ПК во главе с Бокием дал им отпор. «Петроградский комитет через своего представителя в ЦК тов. Бокия поднимал свой голос за решительность в действиях», — вспоминал спустя пять лет после этих событий М. Я. Лацис. Г. И. Бокий — участник исторического заседания ЦК 16 октября 1917 года, подтвердившего решение ЦК от 10 октября о вооруженном выступлении. Как секретарь ПК и член Военно-революционного комитета, Г. И. Бокий был одним из руководителей Октябрьского вооруженного восстания.

Во время Брестских переговоров Бокий являлся противником заключения мира на навязываемых Германией условиях и с другими членами Исполкомиссии ПК подписал протест против мира. Позднее он работал сотрудником органа «левых» «Коммунист», а во время мартовского наступления немцев в 1918 году на Петроград Бокий, оставив партийную работу, вошел в состав «Комитета революционной обороны Петрограда».

В марте 1918 года Бокий был назначен на пост заместителя председателя Петроградской ЧК. Как член Военно-революционного комитета он до создания ВЧК занимался подавлением контрреволюции и борьбой со спекуляцией и саботажем, будучи же секретарем Петроградского комитета партии, выступил инициатором создания отряда по оказанию помощи чекистам. Так что переход Бокия в органы ПЧК, казалось бы, вполне закономерен.

Бокий участвовал в создании структур Чрезвычайной комиссии, занимался хозяйственными вопросами, рассмотрением конфликтных ситуаций среди сотрудников. Он

стремился быть объективным и на своем месте помог некоторым людям восстановить справедливость — например, разобравшись в деле снятого с поста председателя Гатчинского ЧК Серова, Бокий добился его восстановления в должности.

После убийства Моисея Урицкого 31 августа 1918 года Г. И. Бокий стал председателем Петроградской ЧК и ЧК Союза коммун Северной области. Прошло чуть больше часа после выстрела, оборвавшего жизнь Урицкого, а во все концы Союза коммун Северной области посыпались телеграммы от имени Президиума Петроградского Совета с подписью Зиновьева. В них предписывалось: «Немедленно привести все силы в боевую готовность… организовать повальные обыски, аресты среди буржуазии, офицерства… студенчества и чиновничества… обыскать и арестовать всех буржуа англичан и французов…»

Постановление о «красном терроре» появилось в печати 5 сентября, а расстрелы в Петрограде начались уже 2 сентября. Выполнять эти решения должна была ПЧК во гдаве с Бокием.

6 сентября «Петроградская правда» опубликовала за подписью Бокия такое сообщение ВЧК:

"…Правые эсеры убили Урицкого и тяжело ранили т. Ленина. В ответ на это ВЧК решила расстрелять целый ряд контрреволюционеров, которые и без того давно уже заслуживали смертную казнь.

Расстреляно всего 512 контрреволюционеров и белогвардейцев, из них 10 правых эсеров… Мы заявляем, что, если правыми эсерами и белогвардейцами будет убит еще хоть один из советских работников, нижеперечисленные заложники будут расстреляны".

Среди заложников были великие князья, бывшие министры Временного правительства, представители имущих слоев, генералы и офицеры.

Трусливо-истеричный Зиновьев требовал от ПЧК еще больших оборотов «расстрельной машины». На этой почве и произошел окончательный разрыв Бокия с Зиновьевым, стоявшим за уличные расправы без суда и следствия.

«Знает ли товарищ Зиновьев, к чему приведет такое, с позволения сказать, „правосудие‟? — спрашивал Бокий. — Это приведет к бойне! Начнется бесчинство».

Члены президиума поддержали председателя ПЧК.

Этого Зиновьев уже не мог простить. Он начал добиваться смещения Бокия. Е. Д. Стасова пишет в своих воспоминаниях: «Глеб Иванович догадывался, чем это вызвано, но не мог поверить, взять в толк, что партийный товарищ станет использовать свою должность для сведения личных счетов».

Е. Д. Стасова просила председателя ВЦИК Я. М. Свердлова перевести Бокия на работу в Москву. Однако Свердлов направил его агентом ЦК РКП(б) в Белоруссию «для подробного ознакомления с постановкой и ведением нелегальной работы в оккупированных областях». Во главе комиссии из нескольких петроградских коммунистов Г. И. Бокий выехал в занятый немцами Минск для обследования деятельности комитета РКП(б) Западной области. Здесь он вошел в состав Революционного совета германской армии в Минске, одновременно организовал Совет рабочих депутатов.

В конце ноября 1918 года Бокий возвратился из освобожденной Белоруссии и тут же был командирован на Восточный фронт. В марте 1919 года его назначили членом Турккомиссии ВЦИК и ЦК РКП(б), но из-за наступления Колчака прервалось сообщение с Туркестаном, и Г. И. Бокий не смог добраться до места службы и был назначен начальником Особого отдела Восточного фронта. С марта по октябрь 1919 года он пребывал в этой должности в Симбирске. После разгрома Колчака и наступления на Туркестан Бокий был начальником Особого отдела Туркестанского фронта и полномочным представителем ВЧК в Туркестане, одновременно являясь членом Турккомиссии ВЦИК и ЦК. В сентябре 1920 года

Глеб Иванович вернулся в Россию и до начала 1921 года лечился от туберкулеза. С января 1921 года Бокий вновь приступил к работе в органах ВЧК в Москве. Он был в составе коллегии ВЧК — ОГПУ — НКВД СССР, а в 1925 — 1926 годах находился на должности заместителя председателя ОГПУ.

5 мая 1921 года постановлением Малого Совнаркома была создана криптографическая служба при ВЧК — специальный отдел (СПЕКО). Г. И. Бокий руководил созданием отдела, а затем был назначен его начальником.

Спецотдел следил за режимом секретности и охраной государственной тайны. В сфере его внимания находились автономные передатчики, а также передающие устройства посольств и иностранных миссий. Все где-либо перехваченные материалы стекались для дешифровки в Спецотдел. В 1924 году СПЕКО завершил разработку «Русского кода», на несколько десятилетий ставшего основным шифром в работе всех служб СССР.

Личный состав Спецотдела проходил по гласному и негласному штату. К негласному штату относились криптографы и переводчики, для которых были установлены должности «эксперт» и «переводчик», работники же отделений, непосредственно не связанные с криптографической работой (секретари, курьеры, машинистки и др.). представляли гласный состав. К 1933 году в Спецотделе по гласному штату числилось 100, а по секретному — 89 сотрудников.

Как считал начальник Разведуправления РККА Я. К. Берзин, «дешифровально-разведывательная служба — одна из сложнейших специальностей. Подготовка кадров для нее — более трудное дело, чем в какой-либо другой области науки и техники». Криптограф, по мнению Берзина, должен был обладать широкой научной эрудицией, способностью к самостоятельной научно-исследовательской работе, беспримерным терпением, быстрой сообразительностью и хорошей ориентировкой, незаурядной смекалкой и комбинационными талантами. Поэтому Г. И. Бокий специально подыскивал для своего отдела людей, обладавших уникальными навыками.

Создавая СПЕКО, Г. И. Бокий использовал опыт старых специалистов-криптографов — бывших сотрудников криптографической службы царской России. К дешифровальной работе в качестве экспертов-аналитиков привлекались люди, хорошо владевшие самыми разными языками, в том числе и малораспространенными. В разработке основ новой службы приняли участие и те, кто ранее не сталкивался с подобными вопросами. Этих людей Бокий лично пригласил для работы в Спецотдел, исходя из их деловых качеств.

Л. Э. Разгон, сотрудничавший в отделе Бокия в ЗО-е годы, вспоминал: «В спецотделе работало множество самого разного народа, так как криптографический талант — талант от Бога. Были старые дамы с аристократическим прошлым и множество самых интересных и непонятных людей. Был немец с бородой почти до ступней. Был человек, который упоминается почти во всех книгах о Первой мировой войне, — шпион-двойник, был Зыбин, председатель месткома, известный как дешиф-ровальщик, прочитавший когда-то переписку Ленина».

Подразделения Спецотдела вели обширную научно-техническую работу и часто негласно финансировали учреждения, формально не имевшие к отделу никакого отношения. Одним из таких научных центров стала лаборатория нейроэнергети-ки Всесоюзного института экспериментальной медицины, возглавлявшаяся Александром Васильевичем Барченко.

Именно о нем Бокий покажет на следствии: «Мой отход от марксистского мировоззрения в 1925-1926 годах под влиянием встречи с мистиком, масоном Барченко А. В., который вовлек меня в масонствующее сообщество „Древняя наука“».

Как член коллегии ГПУ и член Верховного суда, Бокий, вероятно, подписал не один приговор по делам масонских лож и оккультных орденов. Ему хорошо была известна и

дальнейшая судьба членов этих организаций, так как со времен гражданской войны Бокий был одним из организаторов системы исправительно-трудовых учреждений. Как член коллегии ВЧК-НКВД, он много лет возглавлял комиссию по инспектированию лагерей, в том числе СЛОНа — Соловецкого лагеря особого назначения. К этой работе были привлечены руководители и часть ведущих сотрудников Спецотдела. С 1922 по 1928 год на Соловках работал заместитель начальника Спецотдела Ф. И. Эйхманс, ведая находившимся там лагерем. Два года руководил лагерем на Колыме помощник Бокия, начальник армейской дешифровальной службы П. Х. Харкевич. Другие сотрудники тоже в разное время работали с заключенными лагерей.

Иначе говоря, давая показания о своей причастности к масонству, Г. И. Бокий прекрасно понимал, что означает для него такое признание в период кровавой мясорубки 30-х годов.

Еще в 1922 году Коминтерн категорически высказался о невозможности пребывания коммунистов в масонских ложах. На его IV конгрессе было объявлено, что большинство французской радикал-социалистической партии принадлежит к ложам Великого Востока. Этот факт обсуждали после доклада Троцкого, где тот несколько раз упомянул, что «масонство необходимо вымести железной метлой» — в России, во Франции и во всех других странах, как «мост, соединяющий в мирном сожительстве классовых врагов», что недопустимо, когда есть классовое сознание. «Масонство, — говорил Троцкий, — орудие обхода революции, буржуазное орудие, усыпляющее сознание пролетариата, и рычаг буржуазного механизма». В резолюции по докладу было единогласно принято решение исключить масонов из Коммунистического Интернационала.

Само масонство не было однородным и распадалось на течения. Наиболее известно по многочисленным публикациям последних лет политическое франкмасонство. К 1910-м годам оно окончательно сформировалось как явление русской политической жизни, сыграло свою не слишком ясную роль в революционных событиях 1917 года и тихо умерло в эмиграции. Из оккультных течений более-менее известна судьба русских мартинистов, провозгласивших свою самостоятельность одновременно с франкмасонами и, после неудачных попыток заигрывания с ГПУ, разгромленных в середине 1920-х годов.

В эзотерической традиции масонства большое значение играют ритуальность и символика, в основе которых лежит легенда об Адонираме. Согласно этой легенде, Соломон был одним из посвященных в символы, которые выражали собой «хранилище святыни всезнания Адама до грехопадения». Когда царь решил построить Великий Храм, чтобы передать потомству божественные познания, главным строителем храма был назначен Адонирам, обладавший знанием «божественной истины».

На постройку храма собрали 130 тысяч человек, которых Адонирам разделил на три степени: учеников, товарищей и мастеров. Каждой из степеней было дано символическое слово: ученикам — Иоаким, товарищам — Вооз, а мастерам — Иегова, но так, что мастера знали наименование как свое, так и низших степеней, товарищи — — свое слово и слово учеников, а ученики — только свое слово.

Мастера получали более высокую плату, что вызвало у троих товарищей желание выпытать у Адонирама мастерское слово. Воспользовавшись тем, что по вечерам тот ходил в храм осматривать работы, первый из них остановил Адонирама у южных ворот и стал требовать открыть ему слово мастеров. Однако, не добившись желаемого, он ударил Адонирама молотком. У северных ворот другой товарищ нанес спасающемуся архитектору удар киркой. Едва Адонирам успел бросить в колодец золотой священный треугольник — символ всесовершен-ства духа, божественного начала (на треугольнике было сакральное изображение имени Иеговы), как третий товарищ добил несчастного циркулем у восточных ворот. Убийцы унесли и схоронили тело Адонирама.

По приказу Соломона тело отыскали, что было нетрудно: ветвь акации, которую убийцы воткнули на месте погребения Адонирама, зазеленела, а земля оказалась рыхлой. Из боязни, что древнее мастерское слово «Иегова» уже потеряло значение, мастера решили заменить его первым словом, которое будет кем-либо из них произнесено при открытии тела погибшего мастера. В это мгновение могила разверзлась. Когда один из мастеров взял мертвеца за руку, то мясо сползло с костей, и человек в страхе вскрикнул: «Мак-бенах!» (что по-еврейски значит: «плоть от костей отделяется»). Таковое и было принято отличительным словом мастерской степени.

Эта легенда и послужила основой для масонской символики. Молоток, циркуль и наугольник считаются наиважнейшими символами масонства. Молоток предназначался для обработки дикого камня; будучи принадлежностью мастера, он служит символом власти, молчания, веры, повиновения и совести. Циркуль является символом общественности, а наугольник подразумевает совесть. Линейка и отвес означают равенство сословий, угломер символизирует справедливость. Лопаточка означает снисхождение к человеческой слабости и строгость к себе. Ветвь акации — бессмертие, а гроб, череп и кости — презрение к смерти и печаль об исчезновении истины. Дикий камень — нравственность «грубая», хаос; кубический камень — нравственность «обработанная». Через каббалистическое осмысление символов по мере продвижения по лестнице степеней посвящения масон идет к главной цели — усовершенствованию своих мыслительных и нравственных способностей.

Однако взгляды А. В. Барченко и адептов ложи «Единое трудовое братство» были ближе к теософии Е. Блаватской, антропософии Р. Шнайдера и агни йоге Рерихов, чем к каббалистике масонов.

Согласно учениям этих философов, человечество зародилось 1,6 миллиарда лет назад. Его создателями были связанные с Луной хоганы. Первые люди представляли собой сгустки энергии искусственного, инопланетного происхождения. Это была первая раса немыслящих теней. Хоганы ставили перед собой цель сотворить мыслящих существ, однако и новая проба оказалась неудачной. Люди-тени получились не только неразумными, но и бесполыми. У них не было инстинкта размножения, и они размножались неосознанно — как деревья.

Но хоганы не оставили своих попыток создать людей. Вторая раса поначалу внешне напоминала первую. Между тем появилось и слабое отличие, ставшее толчком к началу эволюции. Медленно, в течение миллионов лет люди второй расы обрели плоть, хотя она не походила на тело современного человека. Это были гиганты, состоящие из тумана. На Земле не знали смерти — эфирные существа первой расы были поглощены наследниками второй.

Представители третьей расы оказались гермафродитами. Затем началось разделение, в результате которого на Земле впервые появились разнополые существа. Однако и на этой ступени развития человечество по-прежнему оставалось немыслящим. Неразумные представители третьей расы спаривались с огромными самками животных, и те порождали монстров.

Третья раса постепенно эволюционировала в четвертую. Человек значительно усовершенствовал речь. Дремавший разум проснулся. Развилось сознание и осторожность. Разделение по полам полностью завершилось.

С течением времени худшие экземпляры неудачного скрещивания, потомки неестественного союза мужчин третьей расы и животных, исчезли с лица земли. К ним относились красно-шерстые человекообезьяны, которые только изредка вставали на две задние конечности, а также красно— и синелицые чело-векозвери. Настоящего языка у них не было. Общение происходило посредством рева и других примитивных звуков.

До конца эпохи третьей расы на Земле продолжалась вечная весна, но теперь произошли изменения. Появились времена года, и человечество столкнулось с проблемой холода. Понадобились одежда и жилища. Люди при помощи своих божественных создателей

начали строить города. «Божественные короли спустились с небес и научили людей наукам и искусствам, потому что человек больше не мог жить как раньше на земле предков, покрывшейся белым льдом».

Именно на этой обледеневшей «земле предков» возникло первое царство Туле. Оккультные источники утверждают, что по крайней мере часть этого гигантского континента пережила все геологические катастрофы, происшедшие в истории Земли, и переживет любые катаклизмы до скончания века. «Полярная звезда глядит своим всевидящим оком на эту землю» — Туле располагалось в Арктике. Оно включало в себя Гиперборею, родину второй расы, сместившуюся позднее на юго-восток и известную ныне как Северная Азия. Превращение цветущей зеленой земли в ледяной панцирь и последовавший подъем воды уничтожил большую часть второй расы.

Представители третьей расы, хотя и не мыслили в нашем нынешнем понимании, тем не менее обладали особым спиритическим чутьем. Эта способность была сконцентрирована в «третьем глазе». С началом четвертой расы спиритическое чутье стало гаснуть. Уже в разгар эволюции этой расы третий глаз пробуждался только под воздействием искусственных стимуляторов. Расподцгавшийся некогда в центре лба, он постепенно, со сменой поколений, погружался в глубь головы. Хотя и открывался иногда в состоянии транса или во время видений. В конце концов третий глаз полностью дегенерировал, оставив свой след лишь в виде маленькой железы, лежащей в глубине мозга.

Когда родной континент стал непригодным для жизни, наши предки переселились на Лемурию, располагавшуюся на месте нынешних Индийского океана и Австралии и включавшую в себя часть Африки, Цейлон и Суматру. Затем они облюбовали Атлантиду — самый известный из исчезнувших континентов. Огромные лемурийские города были построены из камня и вулканической лавы. Они были велики не только по территории, но и по размерам отдельных строений. Человек, хотя и уменьшившийся в размерах, по-прежнему был великаном и оставался таковым на протяжении всего «атлантического» периода.

Периоды эволюционного развития и географического распространения плавно переходили один в другой. На фоне грандиозных геологических катастроф развивались и погибали субрасы. Гигантские катаклизмы уносили миллионы жизней. В конце своей цивилизации вожди Лемурии были вынуждены искать убежища на острове Шамбала. Представители дегенеративной ветви лемурян влачили примитивное существование лесных охотников и пещерных людей. Тем не менее именно от них произошла золотокожая четвертая раса, представители которой жили на Атлантиде. Сама Лемурия была вскоре разорвана вулканическим извержением. То, что некогда было одним невероятных размеров континентом, раскололось на несколько огромных, которые с течением времени тоже исчезли с лица земли. Отсталая лемурийская ветвь, хотя и в небольшом, к тому же уменьшающемся количестве, по-прежнему существует. Это первобытные аборигены Австралии.

В древние времена Атлантида тоже была частью Лемурии. Ее гигантские обитатели, прекрасные золотокожие представители четвертой расы, стали, согласно эзотерическим сказаниям, «черными от грехов своих». Однако не все — немногие носители духовной мудрости по-прежнему обладали «третьим глазом» и смогли предсказать наводнение, уничтожившее Атлантиду на заре пятой расы, и спастись от катастрофы.

Пятая раса — это то человечество, которое мы знаем. Она начала распространяться по молодому Европейскому континенту задолго до того, как 850 тысяч лет назад Атлантида погрузилась под воду, оставив от себя только остров, впоследствии описанный Платоном.

В основе такого эзотерического.понимания мироздания и его истории лежит незыблемость его иерархического строения, где высшее начало неизменно руководит низшим, а простые формы жизни получают помощь от более сложных и утонченных. Только с помощью носителей знаний древних цивилизаций пятая раса путем самосовершенствования

сможет вернуться к золотому веку человечества, продолжавшемуся на земле около 144 тысяч лет. И такая попытка уже осуществлялась 9 тысяч лет тому назад (эта эпоха известна в легендах как поход Рамы) в границах современного Афганистана, Тибета и Индии. В этом районе и расположена таинственная Шамбала — духовный центр планеты, надежно скрытый от вторжения непосвященных. Это точка, где осуществляется соединение Земли с космосом, где земной мир соприкасается с высшим сознанием. Именно в Шамбале находятся носители эзотерической мудрости — учителя, Махатмы, знания которых могут дать человеку полную власть над миром…

Традиция северного буддизма содержит пророчество о том, что эта религия переместится на Запад и станет религией розоволицых людей. В 1920-е годы монгольские ламы утверждали, что время для похода на Запад уже пришло. Любопытно, что в 1926 году, возвращаясь через СССР из своей первой гималайской экспедиции, организованной ИНО ОПТУ и Нарком-инделом, Николай Рерих оформил официальные документы как специальный представитель махатм и передал от них письмо советскому правительству, всецело одобрявшее действия большевиков.

Встретившись с посланцами древней цивилизации во время приезда в Советскую Россию тибетской делегации еще в 1918 году, Барченко также уже был готов к сотрудничеству с большевиками. «Из совещаний с Нага Навеном, наместником далай-ламы в Западном Тибете, я получил санкцию на сообщение большевикам моих научных изысканий в области „древних наук“ через специально созданную группу коммунистов и на установление контактов советского правительства с Шамбалой».

Как нам уже известно, в 1924 году Блюмкин представил Барченко начальнику Спецотдела Г. И. Бокию. В частной беседе с ним Александр Васильевич рассказал об учении, в котором сконцентрирована суть древних наук, и указал на желательность контактов с Шамбалой.

В этом же году Барченко в присутствии Бокия, И. М. Москвина, заведующего орграспредом ЦК, и Б. С. Стомонякова, заместителя наркома внешней торговли СССР, сделал доклад о Шамбале, и на этом собрании было принято решение о создании «Единого трудового братства» с целью «объединения человечества на основах, во всем совпадающих с основами коммунизма, за исключением отношения к религии, то есть объединения его на идеях чистого коллективизма и уважения к религии…»

Со слов Бокия, их организация имела «писаный устав — программу — называвшийся требниками братства. Основными положениями этого требника являлось отрицание классовой борьбы в обществе, соблюдение социальной иерархии и уважение религиозных культов».

В предреволюционный и революционный периоды Глеб Бокий входил в руководящее ядро большевистской партии. Пользуясь немалым партийным авторитетом, он мог войти в состав высшего политического руководства страны. Что заставило его отойти от тех идеалов, за которые он столь яростно боролся более 25 лет?

Скромный, тактичный, высокоэрудированный человек, он был далек от таких человеческих пороков, как карьеризм и угодничество. Честный и бескомпромиссный, Бокий верил в справедливость, в любой ситуации сохраняя невозмутимость и хладнокровие. На первое место он всегда ставил интересы дела. Не случайно именно Г. И. Бокию и его Спецотделу поручили расследовать факты хищения в Коминтерне, Рабкрине.

Известна его принципиальная, независимая позиция во время расследования хищений в Гохране, когда даже попытки давления на следствие со стороны старых партийцев — родственников подследственного Я. С. Шелехеса, а также Томского, Бухарина, Крупской, самого Ленина — не заставили его отступиться от своей позиции. В письме Ленину он писал:

"Вами поручено мне ведение следствия по делу Гохрана, о ходе какового следствия я Вас еженедельно ставлю в известность. Среди арестованных по сему делу имеется оценщик Гохрана гр-н Шелехес Яков Савельевич (родной брат т. Исаева-Шелехеса), за которого хлопочут разные «высокопоставленные лица», вплоть до Вас, Владимир Ильич. Эти бесконечные хлопоты ежедневно со всех сторон отрывают от дела и не могут не отражаться на ходе следствия.

Уделяя достаточно внимания настоящему делу, я убедительно прошу Вас, Владимир Ильич, разрешить мне не обращать никакого внимания на всякие ходатайства и давления по делу о Гохране, от кого бы они ни исходили, или прошу распорядиться о передаче всего дела кому-либо другому".

Ленин был взбешен, требовал наказать Бокия, но тот успешно довел дело до конца: Шелехес и другие преступники были осуждены и расстреляны.

Уже к концу 20-х годов Г. И. Бокий не ходил ни на одно партийное собрание. Сталина он презирал и не скрывал этого, однажды сказав тому в глаза: «Не ты меня назначал, не тебе меня и снимать». Бокия пытались убрать с поста начальника Спецотдела уже в начале 30-х годов, но он устоял — сыграл роль партийный авторитет.

Вспоминая о Бокии, Лев Разгон писал: «Никогда не вел аскетический образ жизни. Но зато имел свои „странности‟. Никогда никому не пожимал руки, отказывался от всех привилегий своего положения: дачи, курортов и пр. Вместе с группой своих сотрудников арендовал дачу под Москвой в Кучино и на лето снимал у какого-то турка деревенский дом в Махинджаури под Батумом. Жил с женой и старшей дочерью в крошечной трехкомнатной квартире, родные и знакомые даже не могли подумать о том, чтобы воспользоваться для своих надобностей его казенной машиной. Зимой и летом ходил в плаще и мятой фуражке, и даже в дождь и снег на его открытом „паккарде‟ никогда не натягивался верх».

Глеб Иванович был женат, хотя впоследствии развелся. Его бывшая жена Софья Александровна Бокий была личностью не только интересной, но и в определенном смысле замечательной. Биография ее необычна. Отец Софьи Александровны носил фамилию Доллер. Француз, родившийся в России, он был квалифицированным рабочим на одном из Виленских заводов.

Француз повел себя совсем как русский. Стал не то земле-вольцем, не то народовольцем, был арестован, отсидел свое в тюрьме и на каторге, остался в Якутии на поселении и там встретился с народоволкой Шехтер. (О них писали Короленко, Феликс Кон и другие писатели-историки.)

Доллер и Шехтер были совершенно разными людьми. Доллер, как и положено французу, имел веселый, шумный, беззаботный характер. Шехтер всегда и везде оставалась «железной фанатичкой», которая, по свидетельству знавших ее, «сидела больше и тяжелее других, ибо она не признавала власти царского правительства, не присягала новому царю, отказывалась признавать де-юре любое приказание начальства». Однако в ссылке эти совершенно непохожие по характеру люди поженились, очевидно найдя в другом то, чего недоставало в себе.

Софья Александровна была их единственным ребенком. Вскоре после ее рождения Доллер утонул, купаясь в стремительной и порожистой сибирской реке, а молодая ссыльная народоволка Шехтер осталась с маленьким ребенком, который и сопровождал ее во всех последующих тюрьмах и ссылках.

Во время одной из таких ссылок Софья Доллер — к тому времени уже достаточно повзрослевшая, успевшая и в европейской части России побывать, и даже учившаяся на каких-то женских курсах — познакомилась с ссыльным большевиком Глебом Ивановичем Бокием. Они поженились, будучи столь же разными, сколь и ее родители.

Историк Лев Разгон, имевший в свое время непосредственное отношение к этой семье, вспоминал, что Софья Александровна была полной, небольшого роста дамой, очень подвижной, веселой, необычайно энергичной. Она была единоличной хозяйкой дома, который вела — несмотря на свое каторжно-ссыльное происхождение — с размахом и вкусом светской дамы начала столетия. Кроме кухарки и домработницы в квартире всегда обитали какие-то дальние родственницы или «компаньонки» — словом, много людей, которые обслуживали шумный дом.

Глеб Иванович и Софья Александровна развелись в начале 20-х годов. Наверное, Бокию, который после убийства Урицкого стал Председателем Петроградской ЧК, а затем членом коллегии ВЧК и ОГПУ, было непросто с такой тещей, как Шехтер, и с такой женой, как Софья Александровна. Как и все прочие народовольцы, Шехтер стала эсеркой — по мнению Л. Разгона, если и не очень активной, то уж во всяком случае абсолютно непреклонной.

Софья Александровна в молодости тоже была эсеркой. В партию большевиков она вступила весной 1917 года, но, как вспоминает Л. Разгон, «и такому неопытному человеку, как я, было заметно.что „большевистским духом" от нее не пахло». Даже на процессе по делу правых эсеров 1922 года Шехтер и Софья Александровна упоминались как субъекты, от которых эсеры-боевики стремились получить довольно-таки комичные сведения: их интересовал адрес Глеба Ивановича Бокия.

Однажды в белоэмигрантском парижском журнале «Иллюстрированная Россия» Л.Разгон наткнулся на рассказ жены одного из великих князей о том, как она спасла своего мужа от расстрела во время «красного террора» осенью 1918 года. Мужа ее вместе с другими великими князьями держали в тюрьме, и участь его была предопределена: царская семья и другие члены императорского дома были уже расстреляны. Кто-то подсказал великокняжеской жене, что у Бокия жена, дескать, добрый человек. Она разыскала квартиру, где жил грозный Председатель ЧК, пришла туда и, когда ей открыла дверь молодая и привлекательная женщина, стала рыдать и взывать… Софья Александровна ответила, что воздействовать на мужа она не может, всякие ее просьбы могут лишь приблизить роковой конец. Но есть человек, которому Бокий обязан жизнью, — доктор Манухин. "О личности этого человека я потом довольно много читал, это был человек замечательный, но сейчас речь не онем.

Княгиня просила об одном: перевести ее мужа, как больного, из тюрьмы в больницу. (Единственно из которой и можно было организовать его побег.) Софья Александровна рассказала своей посетительнице, что Глеб Иванович попал в тюрьму, тяжело болея туберкулезом. В тюрьме болезнь разыгралась, и Бокий был почти обречен. Но Софья Александровна обратилась к Манухину, и тот, имевший какие-то чрезвычайно сильные связи, добился перевода арестанта в свою больницу. И вылечил его — навсегда! — от чахотки. Поэтому единственный, считала Софья Александровна, кто может воздействовать на Бокия, — Манухин. Дальше все произошло, как в банальном святочном рассказе. Манухин потребовал, чтобы Председатель ЧК перевел его пациента из тюрьмы в больницу. «Для меня все пациенты — равны. Я лечил вас — большевика, я буду лечить другого пациента — великого князя. И если вы — порядочный человек — обязаны перевести князя в мою больницу», — так сказал Манухин Бокию. И Глеб Иванович перевел великого князя в больницу, и там ему быстро организовали бегство за границу".

Еще работая в ПЧК, Бокий пользовался репутацией неподкупного человека. Когда жена банкира З. П. Жданова, оказавшегося в числе заложников, предприняла попытку освободить мужа, ей пообещали помочь за крупную взятку. Вскоре, однако, посредники от своего обещания отказались, выяснив, что положительное решение вопроса зависит от Бокия.

Г. И. Бокия и И. М. Москвина связывала крепкая многолетняя дружба. Бокий бывал в доме у Москвиных часто и запросто. Вот как пишет об этом Л. Разгон:

"Почти каждую неделю приезжал один или с женой Глеб Иванович. Вот это был человек совершенно другого сорта, нежели Иван Михайлович.

Глеб Иванович не принимал участия в застольном шумстве, но с удовольствием прислушивался к нему и никого не стеснял. Сидел, пил вино или что-либо покрепче и курил одну за другой сигареты, которые он тут же скручивал из какого-то ароматного табака и желтой турецкой бумаги. Глеб Иванович был человеком, совершенно непохожим на «старболов»… Его суждения о людях были категоричны и основывались на каких-то деталях, для него решающих.

— Литвинов, — говорил он, — Литвинов — человек, с которым нельзя иметь дело и которому нельзя верить. Представьте, в двадцать втором году я ему сказал, что у него плохо охраняется комната, где находится сейф с секретными документами, и что кончится тем, что их у него свистнут… Литвинов расхохотался, и тогда я предложил ему пари на бутылку французского коньяка, что я у него документы из сейфа выкраду. Ударили по рукам. После этого он делает то, что уже было непорядочным: поставил у дверей комнаты, которая раньше не охранялась, часового. Ну, все равно конечно: мои люди залезли в комнату, вскрыли сейф и забрали документы. Я посылаю эти документы Литвинову и пишу ему, чтобы прислал проигранный коньяк. И представьте себе: на другой день мне звонит Ленин и говорит, что к нему поступила жалоба Литвинова, что я взломал его сейф и выкрал секретные материалы… Можно ли после этого верить подобному человеку?..

Но при всех некоторых странностях Глеба Ивановича было в нем какое-то обаяние. Больше всего это ощущали, конечно, женщины. Даже такие железные женщины, как Елена Дмитриевна Стасова и Екатерина Ивановна Калинина, говорили мне, что не встречали мужчин более обаятельных, нежели Глеб Иванович. Впрочем, Бокий умел обаять не только женщин, но и мужчин. Смешно, что одним из таких был не кто иной, как Федор Иванович Шаляпин".

Действительно, при всех странностях Г. И. Бокия было в нем и человеческое обаяние. Он был не только знаком, но и дружен с Шаляпиным. Артист вспоминал потом об их встрече: «Голос у него был приятный, мягкий; в движениях всей фигуры было нечто добродушно-доверчивое. Я сразу понял, что мой посетитель туберкулезник. Он назвал себя. Это был Бокий, известный начальник Петроградской Чека, о которой не слышал ничего, что вязалось бы с внешностью и манерами этого человека. Но совсем откровенно должен сказать, что Бокий оставил во мне прекрасное впечатление, особенно подчеркнутое отеческой его лаской к девочке». Дома у Бокия была большая коллекция граммофонных пластинок певца, и ему привозили из-за границы все новые записи Шаляпина…

Ф. И. Шаляпин написал книгу воспоминаний «Маска и душа». У нас была опубликована только первая ее часть, излагающая артистическое кредо Шаляпина. Вторая же часть содержит воспоминания артиста о своей жизни при Советской власти, и там он честит эту власть, а также все большевистское руководство всеми словами, какие только возможны в печати. Среди других он пишет и о Москвине и Бокии. Москвина, которого он называет «петроградский губернатор Москвин», Шаляпин обзывает самыми ругательными словами за то, что тот запретил вывешивать какую-то афишу о его концерте. А вот о чекисте Бокии Шаляпин пишет много, и так, что можно только диву даваться, как мог такое Шаляпин написать!

Шаляпин вспоминал, как однажды после концерта ему передали вместе с букетом цветов огромную корзину коллекционных драгоценных вин. «А вслед за этим за кулисы пришел человек, сделавший такой удивительный подарок, — скромный, тихий и обаятельный, он вел за руку маленькую девочку… Это был Председатель Петроградской ЧК — Глеб Иванович Бокий. И хотя, — продолжал Шаляпин, — о нем ходили и ходят легенды как о кровавом садисте, — я утверждаю, что это — ложь, что Глеб Бокий один из самых милых и

обаятельных людей, которых я встречал… И я дружил с ним и рад, что у меня в жизни была такая дружба…»

Л. Разгон имел возможность сверить мемуары с действительностью. Как-то он спросил у Бокия, насколько этот рассказ соответствует истине? Глеб Иванович усмехнулся и ответил: «Ну, было не совсем так. По Питеру шаталась группка матросов в поисках, чего бы выпить… Ну, кому-то из них пришла в голову трезвая мысль, что у Шаляпина обязательно должна быть выпивка. Адрес Шаляпина был известен, они завалились на квартиру Шаляпина, заявили, что они агенты ЧК и ищут оружие, обшарили квартиру, нашли, конечно, немалое количество нужных им бутылочек, забрали и с торжеством ушли. Шаляпин поднял по этому поводу страшный крик. И я, для успокоения Федора Ивановича, приказал собрать для него корзину вина из дворцовых запасов и отослать ему за кулисы. И для проверки этого зашел к нему. Ну, и познакомиться захотелось — очень я люблю этого артиста. А потом, действительно, — подружились…»

Да, «Единое трудовое братство» не ставило перед собой политических целей, но его члены, пройдя через чистилище революции, «красного террора», гражданской войны, политическое тщеславие прежних друзей и кумиров, приблизились в той черте, когда встал вопрос о переоценке идеалов, а также способах их достижения.

Сколь глубоко вера в мистическое проникла в сознание Бо-кия? При обыске у него на квартире изъяли коллекцию засушенных фаллосов. Очевидно, он верил в их таинственную силу…

7 июня 1937 года Глеба Ивановича вызвал к себе нарком внутренних дел и генеральный комиссар государственной безопасности Ежов. Из кабинета Ежова Глеб Иванович не вернулся.

На допросе Г. И. Бокий сказал: «В период встреч с Барченко я занимался познанием абсолютной истины (абсолютного познания добра и зла)». Но парадокс ситуации заключался в том, что поиск путей постижения высших идеалов происходил в стенах учреждения, проводившего политику геноцида в отношении собственного народа.

По свидетельству Л. Э. Разгона, который изучал следственно-судебное дело Глеба Ивановича Бокия, там не оказалось никаких секретов:

"Все эти грифы «сов. секретно» и пр. — ничего не стоят. Из этих дел ничего нельзя узнать. Правда, они дают то, что называется «толчком к размышлению». Известно, что опытный палеонтолог может представить себе скелет динозавра или другого такого же вымершего зверя по одной кости… Не могу себя причислить к подобным исследователям. Во всяком случае, я многое узнал. И даже то, что я не узнал, — тоже стало знанием.

Самое главное в этих делах не то, что там есть, а то, чего там нет. Постановление об аресте Бокия и Москвина подписано каким-то заместителем Ежова, комиссаром государственной безопасности 2-го ранга Л. Н. Вельским. Какой-то ранее никому не известный субъект из окружения Ежова и посаженный им в свои заместители. Но не он же принимает решение об арестах людей такого ранга, как Бокий, Москвин и им подобные? Значит, это где-то обсуждалось, и глаза того, чьи «толстые пальцы, как черви, жирны», медленно проходились по списку, где были и эти хорошо знакомые ему фамилии. Впрочем, все фамилии в этих списках были ему знакомы. Значит, есть где-то эти списки, есть пометки, а может быть, и резолюции, но они не здесь, не в этих делах, а в других, и хранятся они так же тщательно, как смерть Кащея… И там же хранятся и другие маленькие или большие, рукописные или же печатные бумажки с набросками сценария или же полным сценарием того, за какое ребро подвешивать очередную жертву.

Итак, 7 июня 1937 года Бокий был вызван к Ежову и оттуда уже не вернулся. Обыск в его кабинете производился в присутствии самого Ежова. Обыскивали, естественно, и дома. А постановление и ордер на арест не от 7 июня, а от 16-го. И в этом постановлении

замнаркома Л. Н. Вельский утверждает — уже как доказанное, — что Бокий состоял членом контрреволюционной масонской организации «Единое трудовое братство», занимавшейся шпионажем в пользу Англии. Кроме того, Бокий является руководителем антисоветского спиритического кружка, устраивавшего тайные сеансы, на которых «предсказывалось будущее».

А после постановления идет так называемое «следственное дело», состоящее всего-навсего из двух протоколов допросов.

На первом из них обвиняемый признается, что он стал масоном еще в 1909 году, вступив в ложу, где членами ордена были и академик Ольденбург, и художник Рерих (который везде именуется «английский шпион Рерих»), скульптор Мер-куров… Ложа продолжала активно существовать, от нее ответвилось «Великое братство Азии», где уже начинается нечто из романов Луи Буссенара: таинственная секта исмаилитов, их легендарный и зловещий глава Ага-хан, бродячие дервиши — шпионы… Значит, потребовалась всего какая-то неделя, чтобы Глеб Иванович без колебаний своим твердым и четким по,-черком подписал эту гимназическую галиматью… Что же происходило за эту неделю? Если судить по «делу», то вовсе ничего.

Дело всей семьи Бокия, Москвина и Софьи Александровны Москвиной-Бокий вел обычный следственный тандем: руководящий работник, редко пачкающий свои белые руки о физиономии арестованных, и опытный палач с мелким чином лейтенанта. У Вельского таким палачом-костоломом был Али Кутебаров, 1902 года рождения, казах. Конечно, он никогда в жизни не читал приключенческих романов, на которых, очевидно, выросла такая крупная интеллектуальная величина, как комиссар государственной безопасности 2-го ранга Вельский, и выбивал из подследственного роман, который ему диктовал руководитель следствия.

Но, очевидно, экзотическая масонско-исмаилитская версия не устраивала главных режиссеров всех этих кровавых игрищ. Не сомневаюсь, что главным из них был сам, для которого они были главным культурным развлечением. Бокий им был нужен для более существенных дел, нежели то, что придумал недоучившийся гимназист Вельский.

В очень для меня лестной статье «Масон, зять масона» («Литературная газета», № 52 за 1990 г.) такой авторитетнейший публицист-исследователь, как Аркадий Ваксберг, написал, что Глеб Бокий командовал «не только соловецкими лагерями „особого назначения‟, но и всеми другими концлагерями, не „особыми‟ и не „специальными‟». На этот раз Аркадий Ваксберг допустил ошибку. Глеб Бокий не имел за всю свою многолетнюю работу в ОГПУ — НКВД никакого отношения к ГУЛАГу и к любым другим лагерям. Его имя оказалось связанным со знаменитым Соловецким лагерем не только благодаря названию парохода, курсировавшего между Кемью и Соловками, но и благодаря тому, что он был автором идеи создания концентрационного лагеря и первым его куратором. Глеб Иванович Бокий принадлежал, конечно, к совершенно другой генерации чекистов, нежели Ягода, Паукер, Молчанов, Гай и другие (имена же их тебе, Господи, ведомы). Это был человек, происходивший из старинной интеллигентной семьи, хорошего воспитания, большой любитель и знаток музыки. Пишу это вовсе не для того, чтобы прибавить хоть малость беленькой краски к образу Глеба Бокия. Ни образование, ни происхождение, ни даже профессия нисколько не мешали чекистам быть обмазанными невинной кровью с головы до ног. Менжинский, как известно, был образованнейшим полиглотом и знатоком античной литературы, а по профессии — исследователем истории балета… Глеб Иванович Бокий был одним из руководителей Октябрьского переворота, после убийства Урицкого стал Председателем Петроградской ЧК и в течение нескольких месяцев, до того как Зиновьев вышиб его из Петрограда, руководил «красным террором», официально объявленным после покушения на Ленина. А во время гражданской войны, с 1919 года, был начальником Особого

отдела Восточного фронта, а затем и Туркестанского. Как нет надобности объяснять характер этой деятельности, так и невозможно подсчитать количество невинных жертв на его совести.

Как мне кажется, идея создания на Соловках концентрационного лагеря для интеллигенции имела то же происхождение, что и массированная отправка за границу всего цвета русской философской мысли. Тех — за границу, а которые «пониже», не так известны, не занимаются пока политической борьбой, но вполне к этому способны — изолировать от всей страны. Именно — изолировать. Ибо в этом лагере не должно быть и следа не только каторжных, но и каких-либо других работ для высланных. И первые годы Соловков были совершенно своеобразными, о них сохранилось много воспоминаний, в том числе и Дмитрия Сергеевича Лихачева. Запертые на острове люди могли жить совершенно свободно, жениться, разводиться, писать стихи или романы, переписываться с кем угодно, получать в любом количестве любую литературу и даже издавать собственный литературный журнал, который свободно продавался на материке в киосках «Союзпечати». Единственное, что им запрещалось делать, — заниматься какой-либо физической работой, даже снег чистить. Но ведь снег-то надобно было чистить! И дрова заготавливать, и обслуживать такую странную, но большую тюрьму. И для этой цели стали привозить на Соловки урок — обыкновенных блатных. А командирами над ними ставили людей, которые числились заключенными, но были по биографии и характеру подходящими для этого. Легко понять, что ими оказались не доктора философии и молодые историки, а люди, побывавшие на командирских должностях в белой или же Красной Армии. Знаменитый палач Со-ловков начальник лагеря Курилко был в прошлом белым офицером, хотя и числился одним из «изолированных» на острове. И постепенно стал превращаться идиотски задуманный идиллический лагерный рай в самый обычный, а потом уже и в необычный лагерный ад. Бокий в последний раз был на Соловках в 1929 году вместе с Максимом Горьким, когда для того, чтобы сманить Горького в Россию, ему устроили такой грандиозный балет-шоу, по сравнению с которым знаменитые мероприятия Потемкина во время путешествия Екатерины кажутся наивной детской игрой.

А сам Бокий с 1921 года и до самого своего конца был создателем и руководителем отдела, который даже не был отделом ОГПУ, а официально считался «при»… Насколько я себе представляю, он скорее был похож на то, что в США называется Агентством национальной безопасности. И занималось оно тем, что охраняло тайны своего государства и охотилось за тайнами других. И сам отдел, и его руководитель были, пожалуй, самыми закрытыми во всей сложной и огромной разведывательно-полицейской машине. Один из первых перебежчиков, бывший торгпред в Париже Беседовский, который прирабатывал еще и сочинением романов, написал о Бокий аж целый роман. Он назывался «Охотники за шифрами». Хотя я целых два года сам работал в этом «при», о функциях отдела Бокия я был информирован весьма скупо. Но знаю точно, что в этом отделе никого и никогда не арестовывали и не допрашивали. Наверное, это делали в других, более для этого специализированных отделах. Первого арестованного в моей жизни я увидел 18 апреля 1938 года во внутренней тюрьме.

Все это я пишу не для оправдания или же наведения некоторой бледности на образ моего бывшего тестя. Но Бокий из всех возможных и невозможных по своим обязанностям фигур вокруг сосредоточия власти был самым информированным, самым знающим, от него не могла укрыться никакая тайна. И предъявлять такому человеку полушкольное сочинение о масонах и исмаилитах было более чем глупо. И поэтому были получены от Главного режиссера другие указания. Вот почему в деле появился еще один протокол — уже не от 16 июня, а от 15 августа. И допрос тут вел не высокий интеллектуал Вельский, а его полуграмотный помогайло-костолом Али Кутебаров.

Ну вот здесь и были установлены преступления, далеко отстоящие от любительского масонства. Бокий признавался, что он всегда был троцкистом и после высылки Троцкого поддерживал с ним постоянную и тесную связь. Пока Троцкий был в Европе, то непрерывно

переписывался с Бокием через своих эмиссаров, а когда очутился в Мексике, то Бокий у себя на даче установил для связи с Троцким специальную радиостанцию. А так как расстояние между радиостанциями Троцкого и Бо-кия было большим, то договорились с немецко-фашистской разведкой, что послания заговорщиков будут приниматься и передаваться через их специальную радиостанцию. Ну, естественно, что главной целью этих переговоров была организация убийства Сталина. Это проще всего было осуществить, взорвав к чертовой матери весь Кремль. В отделе Бокия был человек, который носился с идеей производства взрыва на расстоянии невидимыми лучами, — Женя Гопиус. И вот он и должен был осуществить эту историю. Правда, для этого нужно было завезти в Кремль подходящее количество взрывчатки, но такие детали уже не интересовали авторов этого школьного сочинения. И вот этот второй протокол, как и первый, Бокий, как и положено, на каждой странице подписал своим четким и неколеблющимся почерком.

Теперь всего было достаточно, но такая эстрада не годилась даже для десятиминутного суда, проводимого Ульрйхом. Поэтому в постановлении «Об окончании следствия», подписанном 15 ноября 1937 года Вельским и соответственно утвержденном, все эти масонско-троцкистские преступления даже не передавались суду, а подлежали решению «Особой тройки НКВД». И в тот же день — 15 ноября эта тройка «приговаривает» Глеба Ивановича Бокия к расстрелу и в тот же день его убивают".

Большевик Иван Михайлович Москвин. «Соучастник масонско-шпионской организации»

В книге «Плен в своем Отечестве», вышедшей в 1994 году в московском издательстве «Книжный сад», Л. Э. Разгон высказывает весьма искреннее удивление, что Иван Михайлович Москвин «вот так — начисто — канул в безвестность». Ведь И. М. Москвин принадлежал к верхушке партийно-государственной элиты. Много лет был членом ЦК партии, членом Оргбюро и Секретариата ЦК, заведующим Орграспредом ЦК. И в истории партии большевиков Иван Михайлович занимал видное место: был одним из руководителей петроградской организации в канун Первой мировой войны, участвовал в знаменитом совещании 16 октября 1917 года, когда решался вопрос о вооруженном восстании. И никогда не выступал ни в каких оппозициях… А вот — как в воду канул! Люди калибром поменьше и в энциклопедиях заняли скромное, но достойное место, и в какие-то юбилейные даты отмечались в «Правде» почтительно-хвалебными статьями с концовкой: «Скончался в 1937-м. Память о преданном сыне никогда не исчезнет».

А об Иване Михайловиче — исчезла. Может быть, это случилось потому, что после него не осталось никаких родных. Его единственная сестра — партийный работник среднего масштаба, по свидетельству Л. Разгона, умерла еще молодой в Петрограде, примерно в 1920 году, и в память о ней один из петербургских проспектов до сих пор называется «проспект Москвиной». Как правило, не ИМЭЛ, а только оставшиеся в живых родные хлопотали о том, чтобы и статьи были, и справка в энциклопедии, и даже воспоминания в каком-либо журнале. А падчерица Ивана Михайловича, Елена Бокий, вернувшись из лагеря, получила лишь в Военной прокуратуре справку о реабилитации Ивана Михайловича Москвина. Вместе со справками о реабилитации своего отца, матери, сестры — всех «не вернувшихся». Больше она ничего сделать не успела или не захотела — умерла.

Лев Разгон признавался:

«Говоря по совести, напомнить о Москвине должен был я. Потому что больше не осталось людей, знавших Ивана Михайловича. А я несколько лет был членом его семьи и

обязан ему многими знаниями. Теми самыми, в которых „многие печали…". Но я не мог себя заставить пойти в „высокие инстанции", чтобы хлопотать о памяти человека перед теми, которые вычеркнули из своей памяти не только Ивана Михайловича (они о нем ничегошеньки не знали), но и все его время».

Даже фотографии Москвина не сохранилось ни одной. Л. Разгон вспоминает, что "у него было совершенно обычное и не очень характерное лицо, на котором выделялись только глубоко сидящие глаза и маленькая щеточка усов. Да еще был у него совершенно бритый череп. Своей «незаметностью» Иван Михайлович гордился и даже этим объяснял то, что с 1911 года, когда вступил в партию, и до 1917 года — несмотря на большую партийную работу — он ни разу не был арестован. И говорил: «Революционеру не следует хвастаться тем, что он много и долго сидел в тюрьме. Это — нехитрое дело. И — пропащие годы для партии». В конце 1936 года пришли фотографировать Ивана Михайловича для очередного тома МСЭ, где о нем была статья. Нас — домашних — очень веселила перспектива увидеть «незаметное» лицо на страницах энциклопедии. Да вот — не увидели.

Никогда не расспрашивал Ивана Михайловича о том, откуда он, где учился, что делал. Так, из случайных разговоров узнал, что окончил он тверскую гимназию. Учился ли он дальше — не знаю. Вероятно, был он человеком способным. Иначе нельзя объяснить, что он превосходно знал латынь. Не только любил читать любимые им латинские стихи, но и свободно разговаривал по-латыни. На заседаниях Совнаркома, когда он встречался с Винтером — таким же страстным латинистом, как он, — они разговаривали на латинском, к немалому смущению и некоторой растерянности окружающих. И математику хорошо знал и любил в свободное время решать сложные математические головоломки".

По рассказам знавших Москвина, его легко было представить леденяще-скучным человеком, малоспособным к веселому общению с людьми. Но это было не так, утверждает Л. Разгон. Да, сам Иван Михайлович не пил, не курил, но тем не менее любил многочисленное и веселое общество, шумное семейное застолье, озорные розыгрыши. «Не знаю, был ли он таким по своей натуре или же таким его сделала жена — Софья Александровна Бокий».

Иван Михайлович был партийным функционером. Этим он занимался всю жизнь после окончания тверской гимназии. В Петербурге он начал работать в районной партийной организации, перед началом Первой мировой войны включен был в Русское бюро ЦК, а после 1917 года занимал в петроградской организации большевиков посты первой величины. Когда было создано Севзапбюро ЦК, он стал его секретарем — то есть в ленинградской партийной иерархии занимал второе место после Зиновьева.

Зиновьева он очень не любил. Даже не то что просто не любил, а презирал. Говорил, что был тот труслив и жесток. Когда в 1919 году Юденич уже стоял под самым городом и питерская партийная организация готовилась к переходу в подполье, Зиновьев впал в состояние истерического страха и требовал, чтобы его немедленно первым вывезли из Петрограда. Впрочем, ему было чего бояться: перед этим он и приехавший в Петроград Сталин приказали расстрелять всех офицеров, зарегистрировавшихся согласно приказу… А также не одну сотню бывших политических деятелей, адвокатов и капиталистов, не успевших спрятаться.

А Иван Михайлович в то же самое время организовывал подпольные типографии. Одна из них была использована Москвиным в период, который стал для него (как и для многих) переломным.

Когда возникла «ленинградская», или «новая», оппозиция, Москвин был среди троих крупных ленинградских партработников, которые не присоединились к Зиновьеву и его сторонникам. Но если Лобов и Кодацкий просто «не присоединились», то Москвин, пожалуй, был самым активным в противодействии зиновьевцам.

А это оказалось вовсе не таким уж и простым делом. Л. Разгон упоминает, что только рассказ самого Ивана Михайловича «дал мне представление о таком характере внутрипартийной борьбы, какую теперь и представить себе невозможно. И о том, какую роль в этом играло ГПУ».

Резолюции XIV съезда, где зиновьевцы потерпели поражение, были запрещены в Ленинграде. Газеты с ними не продавались в киосках, задерживались на почте. Ленинградское ГПУ, которое было покорным орудием в руках Зиновьева, хватало людей, распространявших материалы партийного съезда. Вот тогда-то Москвин и пустил в ход все свои связи, оставшиеся чуть ли не с дооктябрьского подполья. В законспирированной типографии, оставшейся так и не раскрытой с 1919 года, печатались материалы съезда. Их переправляли на созданные конспиративные квартиры, по ночам разносили на заводы и раскладывали в инструментальные ящики. Только когда было сменено все руководство Ленинградского ГПУ, оказалось возможным организовать знаменитый «десант» в Ленинград Калинина, Ворошилова, Чаплина и других партийных руководителей. После чего и начался процесс «очищения» организации и перевода ее в русло политики, которую тогда никто еще не называл «сталинской», но которая, конечно, именно такой и была.

«Не думаю, — замечает Л. Разгон, — чтобы в этой истории Иван Михайлович руководствовался какими-либо карьерными соображениями. Но после нее он взлетел на самый верх партийной карьеры. Из „второго эшелона“ партийной олигархии он поднялся на вершину ее. На пленуме ЦК его выбирают членом Оргбюро, кандидатом в члены Секретариата ЦК. Москвин переезжает в Москву, он становится заведующим Орграспредом ЦК. Того „могущественнейшего Орграспреда“, о котором писал оды Безыменский. Действительно, Орграспред ЦК был самым могущественным в могущественном ЦК. Тогда же не было — как теперь — отраслевых отделов ЦК. Орграспред ведал всеми кадрами: партийными, советскими, научными… В этом „могущественном“ Орграспреде его заведующий стал могущественнейшим человеком».

Таким его сделала любовь к нему Сталина. Если можно, говоря о Сталине, употреблять слово «любовь». Людей, как известно, он оценивал только степенью личной преданности. И вероятно, ему казалось, что поведение Москвина в мятежном Ленинграде было проявлением такой преданности. Во всяком случае, Сталин делал все, чтобы Москвина «приблизить». Звал на охоту, приглашал на свои грузинские пиры, приятельски приезжал к нему, отдыхая на юге. Однако трудно было найти более неподходящего партнера для этих игрищ, нежели Москвин. Он был ригористом и непокладистым человеком. Иван Михайлович в своей жизни не выпил ни одной рюмки вина или даже кружки пива. Не выкурил ни одной папиросы. Не любил «соленых» анекдотов, грубоватых словечек. Не ценил вкусной еды, был равнодушен к зрелищам. И не желал менять своих привычек. Поэтому он отказывался от августейших приглашений на застолья, от участия в автомобильных налетах на курортные города, от ночных бдений за столом у Сталина. Нет, он был совершенно неподходящим «соратником», и падение его было неизбежным. Оно наметилось, когда произошло событие, казалось бы, весьма камерное, носившее характер чисто семейной трагедии. Однако любые трагедии, к которым имел отношение Сталин, обыкновенно превращались в трагедии намного большего размаха.

Таким событием стало самоубийство жены Сталина — Надежды Сергеевны Аллилуевой. Судя по всему, это была скромная, добрая и глубоко несчастная женщина. Л. Разгон вспоминал по этому поводу: «Несколько раз, когда я приходил в Кремль к Свердловым, я заставал у Клавдии Тимофеевны заплаканную Аллилуеву. И после ее ухода сдержанная Клавдия Тимофеевна хваталась за голову и говорила: „Бедная, ох, бедная женщина!“ Я не расспрашивал о причинах слез жены Сталина, но об этом, в общем, знало все население того маленького провинциального городка, каким был Кремль до 1936 года. Как в любом маленьком городке, его жители живо обсуждали все личные дела друг друга: и о любовнице

Демьяна Бедного, и о женитьбе Сергея — сына Владимирского; и о веселых ночах, проводимых Авелем Енукидзе… И конечно, о бедной Надежде Сергеевне, вынужденной выносить характер своего страшноватенького мужа. И про то, как он бьет детей — Свету и Васю, — и про то, как он хамски обращается со своей тихой женой. И про то, что в последнее время Коба стал принимать участие в забавах Авеля….»

Достаточно распространены несколько версий о причинах самоубийства Аллилуевой. Среди них и та, что Надежда Сергеевна не выдержала преследования Сталиным старых партийцев, в том числе и ее друзей. Л. Разгон полагает, в частности, что это было не так и желаемое выдавалось за действительное. В кругах, близких к партийному Олимпу, о причинах самоубийства жены Сталина были более точные сведения. Это было время, когда Сталин объявил, что «жить стало веселее». Очевидно, он полагал, что веселее должны жить не только его подданные, но и он сам. И начал участвовать в той свободной и веселой жизни, которую вел его самый близкий, еще с юности, человек — Авель Енукидзе — и тогда пошли слухи о том, что «железный Коба» размягчился…

Содержание письма, оставленного Аллилуевой, было известно «наверху» и живо обсуждалось там в семейных кругах. Надежда Сергеевна писала, что она не может видеть, как вождь партии катится по наклонной плоскости и порочит свой авторитет, который является достоянием не только его, но и всей партии. Она решилась на крайний шаг, потому что не видела другого способа остановить вождя партии от морального падения.

Широкое хождение получила легенда, что Аллилуеву застрелил сам Сталин. Это, по мнению Л. Разгона и многих других компетентных историков, — совершенный апокриф; Сталин сам никогда никого не убил и, вероятно, был просто не способен это сделать. А то, что такая легенда может возникнуть, он понимал. Когда Сталина и Авеля вызвали с гульбища, где они предавались «изнеженности нравов», Енукидзе предложил составить акт о скоропостижной смерти из-за сердечного припадка. На что мудрый Сталин ответил: «Нет, будут говорить, что я ее убил. Вызвать судебно-медицинских экспертов и составить акт о том, что есть на самом деле, — о самоубийстве».

«Общественное мнение» тех, что составляли основной слой «старейших» — ригориствующих функционеров, — было смущено и даже возмущено всей этой историей. Бедный Сталин должен был еще считаться с этой толпой старых, ничего не понимающих в нем людей. Надо было им что-то кинуть… И он бросил на пики своего ближайшего друга. На последовавшем вскоре Пленуме ЦК Енукидзе был обвинен в моральном разложении. Его исключили из состава ЦК, сняли с поста секретаря ЦИКа и выгнали из Москвы — руководить Минераловодскими курортами. А сам Сталин посыпал главу пеплом и изображал глубочайшее раскаяние.

Скульптор воздвиг на могиле Аллилуевой прекрасный памятник из белого мрамора, напротив бюста покойной была устроена мраморная скамейка, на которую приезжал тосковать безутешный супруг-вдовец. Специально для него рядом с могилой в старинной стене бывшего Новодевичьего монастыря был пробит проход, затворявшийся металлической калиткой. Специальный прожектор освещал милое лицо Аллилуевой, за ближайшими надгробиями пряталась охрана. Все Новодевичье кладбище перед его прибытием неизменно прочесывалось и оцеплялось войсками, чтобы никто не мог помешать Сталину предаваться скорби. А также размышлениям о тех, кто посмел «возмутиться».

"Думаю, — замечает Л. Разгон, — что тогда в его великолепной памяти начали откладываться списки обреченных. Но все это было потом. А пока смерть и похороны жены стали для Сталина некоей меркой отношения к нему. Он требовал сочувствия и проявления любви. Естественно, не к Аллилуевой, а к себе. Когда тело покойной лежало в Хозяйственном управлении ЦИКа, которое занимало теперешний ГУМ, мимо гроба проходил поток людей, в почетном карауле стояли все верные соратники, в газетах печатались выражения беспредельного сочувствия Сталину. Даже Пастернак — и тот выражал.

А сам Сталин все время сидел у гроба и зоркими, все видящими, желтыми своими глазами всматривался: кто пришел, кто как себя ведет, какое у кого выражение лица… Это было свойство его характера. И, ничего не зная о похоронах Аллилуевой, точно об этом написал Борис Слуцкий в своем стихотворении: «Когда меня он плакать заставлял, ему казалось — я притворно плачу…»

Иван Михайлович Москвин плохо умел притворяться. Может быть, по этой самой причине он и не поехал в ГУМ, не встал в почетный караул, не подошел со скорбным лицом к убитому горем супругу покойной. Он сидел дома. А Сталин быстро обнаружил, что человек, которого он возвел, приблизил, на кого рассчитывал, — этого человека нет среди той толпы «тонкошеих вождей», которые его окружали.

Куйбышев, который был в дружеских отношениях с Москвиным, позвонил ему из ГУМа:

— Иван! Он спрашивает, где ты, был ли ты?

— Нет, не был. И не буду. Спросит — скажи, что, вероятно, нездоров.

— Иван! Не глупи! Приезжай сейчас! Процессия движется. Москвин не поехал. А Куйбышев и вправду, очевидно, был верным другом. Он позвонил с дороги:

— Иван! Он уже два раза спрашивал про тебя. Не совершай глупости, которую нельзя будет поправить. Бери машину и поезжай на кладбище".

Л. Разгон рассказывает о тех днях так:

"Софья Александровна, которая понимала Сталина лучше, нежели ее муж, и которая потом мне об этом подробно рассказывала, рыдая, вцепилась в Москвина, требуя, чтобы он пожалел ее, Оксану, чтобы он сейчас же ехал. Софье Александровне Москвин никогда не возражал — так было на моей памяти. Он поехал на кладбище.

У открытой могилы Сталин стоял, опустив голову или же закрывая лицо руками. Но так, чтобы видеть: все ли тут? Не поворачивая головы, он спросил:

— А Москвин здесь?

Ивана Михайловича, стоявшего позади толпы вождей, Куйбышев вытолкнул вперед. Сталин с протянутой рукой пошел навстречу Москвину:

— Иван! Какое горе!..

Иван Михайлович выполнил церемониал соболезнования, но Сталин — как писал по другому поводу Зощенко, — «затаил в душе хамство». На конечную судьбу Москвина, я думаю, этот эпизод влияния не имел. Потому что конец Ивана Михайловича был точно такой, как и конец тех «соратников», которые рыдали у гроба и всем своим существом выражали беспредельную любовь и преданность. Но на карьере Москвина это сказалось".

Через какое-то время Москвина перевели из ЦК в Нарком-тяжпром начальником управления кадров тяжелой промышленности. Пост был весьма ответственный, Москвин был заместителем Орджоникидзе и занимался не только всеми руководящими кадрами промышленности, но и подготовкой их — Наркомтяжпром ведал тогда всеми техническими вузами страны. Но это уже было не то… На XVII съезде Ивана Михайловича сделали членом Бюро Комиссии советского контроля — контролировать тяжелую промышленность. А это уже было и вовсе «не то». Наверху его фамилия мелькнула еще раз, когда на последнем Конгрессе Коминтерна членом Президиума Исполкома Коминтерна был избран Москвин — без указания инициалов… Но это был не Иван Михайлович, а зампред ОГПУ Трилиссер, которого перевели в Коминтерн и наделили популярной в партийных кругах фамилией Москвин.

Но Иван Михайлович формально все еще продолжал оставаться в самой высокой номенклатуре. «Вертушка» в квартире, фельдъегери, привозящие секретные материалы… Только вот уменьшилось количество товарищей, навещавших Москвина, когда он болел, или же просто приезжавших «на огонек». По-прежнему наведывался к нему Орджоникидзе. Зато

совершенно исчез человек, который раньше бывал очень часто, ибо именно Москвиным был извлечен из небытия.

Да, Иван Михайлович был тем самым человеком, который нашел, достал, вырастил и выпестовал Николая Ивановича Ежова. Чем-то понравился ему тихий, скромный и исполнительный секретарь отдаленного окружкома партии. Он вызвал Ежова в Москву, сделал его инструктором в своем отделе — Орг-распреде. Потом перевел в свои помощники, затем в заместители.

Л. Разгон вспоминал об этом:

"В этот период мне раза два приходилось сидеть за столом и пить водку с будущим «железным наркомом», именем которого вскоре стали путать детей и взрослых. Ежов совсем не был похож на вурдалака. Он был маленьким, худеньким человеком, всегда одетым в мятый дешевый костюм и синюю сатиновую косоворотку. Сидел за столом тихий, немногословный, слегка застенчивый, мало пил, не влезал в разговор, а только вслушивался, слегка наклонив голову. Я теперь понимаю, что такой — тихий, молчаливый и с застенчивой улыбкой, — он и должен был понравиться Москвину. Был Ежов когда-то туберкулезником, и Софью Александровну очень беспокоило его здоровье. Она его опекала, хлопотала вокруг него, приговаривая:

— Воробушек, ешьте вот это. Вам надо больше есть, воробушек.

Воробушком она называла этого упыря! Что привлекло Москвина в этом «воробушке»? Когда Ежов стал любимцем, когда он в течение всего нескольких лет сделал невероятную карьеру, став секретарем ЦК, Председателем ЦКК и генеральным комиссаром государственной безопасности, я спросил у Ивана Михайловича: «Что такое Ежов?» Иван Михайлович слегка задумался, а потом сказал:

— Я не знаю более идеального работника, чем Ежов. Вернее, не работника, а исполнителя. Поручив ему что-нибудь, можно не проверять и быть уверенным — он все сделает. У Ежова есть только один, правда существенный, недостаток: он не умеет останавливаться. Иногда существуют такие ситуации, когда невозможно что-то сделать, надо остановиться. Ежов — не останавливается. И иногда приходится следить за ним, чтобы вовремя остановить…

Ежов перестал появляться на Спиридоновке, когда Иван Михайлович ушел из ЦК, а он занял его место. Но своего бывшего начальника Ежов все же немного опасался. И несколько сложным отношениям, сложившимся между Москвиным и его выкормышем, я обязан тем, что был на всех заседаниях XVII съезда партии".

Л. Разгон, будучи в родственных отношениях с Москвиным, спросил однажды Ивана Михайловича, сложно ли достать гостевой билет на съезд? Тот сказал, что билет будет.

"Через некоторое время фельдъегерь из ЦК привез пакет, в котором был набор ежедневных гостевых билетов на мое имя. Почему-то Москвин взбесился, очевидно, он просил о гостевом билете более высокого ранга. Он при мне позвонил Маленкову, который был заместителем Ежова в Оргграспреде, и начал качать права… Маленков ему, очевидно, ответил, что Ежов прислал простые ежедневные билеты вместо одного постоянного, потому что он не знает, кто такой Разгон. Иван Михайлович кричал в трубку:

— Я посылаю билеты назад, брось их ему на стол! Ему, видите ли, недостаточно моей рекомендации о члене партии, которого я не только знаю, но и который мне близок! Что же будет дальше?!

Не знаю, что Маленков сказал Ежову, но через несколько часов фельдъегерь привез на мое имя такой гостевой билет, который давался суперответственным работникам, не удостоившимся чести быть делегатами. Этот билет давал право сидеть не наверху, где были гости, а внизу, вместе с делегатами съезда.

И вот почти неделю я просидел в этом, столь теперь знакомом зале. А тогда я вошел в него впервые. Потому что того старого Кремлевского дворца, в котором я бывал на экскурсиях, просто «по блату», на Всесоюзной пионерской конференции в 1929 году, — его уже не было. К этому времени Сталин навел некоторый порядок в Кремле. Снесли Чудов монастырь, Вознесенский монастырь и Малый Чудов дворец, в котором когда-то, осенью 1826 года, Николай принимал Пушкина, доставленного ему из Михайловского. На месте этих зданий, о которых сейчас в справочниках коротко сообщается: «не сохранилось», построили большую и безобразную казарму для школы ВЦИК. Затем в ней размещался Президиум Верховного Совета.

И перестроили Большой Кремлевский дворец. «Реконструировали». Вместо Андреевского и Александровского залов с их витыми колоннами, невероятной бурей резьбы, золочеными деталями, драгоценным паркетом, вместо всего этого устроили длинный кишкообразный и очень вместительный зал с бельэтажем для гостей, с раздельными фойе и сортирами, с обширной пристройкой для прогулок, отдыха и кормления президиума. Для размещения этой пристройки снесли самый старый храм в Кремле и Москве — храм Спаса на Бору. В энциклопедиях сказано, что он «не сохранился». Просто удивительно, каким чудом сохранились в Кремле соборы. Великие советские архитекторы снесли бы их не моргнув глазом. Я думаю, что просто-напросто пока не понадобилась территория для новых построек.

И вот я ходил в этот строгий, холодный и неуютный зал и слушал все, что там говорилось. И доклад Сталина, и речи вождей, и примирительно-покаянные речи бывших лидеров разных оппозиций. Я был молод, зелен и очень хотел верить, что бури внутрипартийных боев прошли, что наступила пора единения и партийного братства… И только какие-то мелочи нарушали эту гармонию. Однажды я запоздал, зал был уже заполнен, и, стоя у двери, я высматривал свободное местечко. И увидел в каком-то ряду не занятое никем кресло. Я протиснулся, сел, оглянулся и увидел, что справа от меня сидит Зиновьев, а слева — Радек. Не сразу я догадался, что свободное место образовалось оттого, что они не хотят или же боятся сидеть рядом.

И в перерывах Алексей Иванович Рыков, увидев меня, обрадовался и стал со мной вышагивать по периметру огромного Георгиевского зала. Я с почтением и великой симпатией относился к Алексею Ивановичу, мне было приятно и интересно расхаживать с ним, и мне тогда не пришло в голову, почему политическому деятелю его калибра захотелось разгуливать не с кем-нибудь, а с приятелем его дочери.

И только последнее заседание смутило мою еще почти девственную душу. На этом заседании оглашались результаты выборов в ЦК. Список оглашался не по алфавиту — как он печатался в газетах — а по количеству поданных голосов. И вот мы услышали: первым был не Сталин… Он не был ни вторым, ни третьим, ни четвертым… Мы слышали фамилии Калинина, Кирова, Ворошилова, еще кого-то, и не было Сталина, не было Сталина! Кажется, он был не то девятым, не то десятым. Список читался без пауз, скорее нервно. Но не только мне, но и — как мне казалось — всем присутствующим казалось страшно долгим то время, которое отделяло начало чтения списка членов ЦК до той минуты, когда наконец была произнесена фамилия Сталина. Про то ощущение, которое мы испытали, беллетристы прошлого писали, что это было «дуновением смерти». Оно таким и было, но сколько же человек в этом зале его почувствовали? Абсолютному большинству людей, сидевших не только внизу, но и наверху, — оставалось до гибели три-четыре года. Понимал ли это кто-нибудь из них? Кроме, конечно, Сталина. Не знаю. И никогда не узнаю".

Москвин был безусловно верным «соратником», всегда шел за Сталиным. Но, по свидетельствам людей, хорошо Ивана Михайловича знавших, не испытывал к нему не то что любви, а нормальной человеческой симпатии. Вероятно, как и все. Включая даже самых близких.

Л. Разгон вспоминал, в частности:

«Однажды я спросил Ивана Михайловича, почему XIII съезд партии решил не выполнять рекомендации Ленина о замещении поста Генсека другим человеком? Москвин мне ответил, что утверждение Сталина лидером партии стоило ей таких невосполнимых потерь, что не может быть и речи о том, чтобы снова повторять этакое. „Мы тогда потеряли почти треть самых талантливых и опытных партийных лидеров, если начинать выполнять сейчас совет Ленина, то потеряем еще одну треть..." Как показало близкое будущее, математические способности Ивана Михайловича его подвели. Подсчет и расчет были неправильными».

В деле Ивана Михайловича Москвина кроме постановления об аресте как соучастника масонско-шпионской организации есть еще два протокола. Первый — сразу же после ареста. В нем кроме отрицания всех фантастических обвинений вдруг прозвучали слова, которые действительно могли принадлежать только Москвину и которые были немедленно занесены в протокол как некое полупризнание.

Л. Разгон, знакомясь с делом Москвина, выписал эти несколько слов, которые не могли выдумать ни Вельский, ни Али: «Я все больше прочувствовал, что наша жизнь окутана густой паутиной партийной лжи и фальши. Мне казалось, что в людях нет необходимого человеческого достоинства, и меня угнетала мысль о том, что при всей многочисленности человеческого общества крайне редко можно встретить лицо, которое имеет право называться человеком».

А следующий протокол — огромный, на множестве страниц, заполненный мелким и разборчивым почерком Али, подписанный всего лишь через три недели — 4 июля, — совершенно другой. В нем содержатся признания в соучастии в правой террористической организации; в нем оговариваются активнейшие работники партии (правда, к этому времени почти все арестованные). В них Москвин берет на себя все что угодно, вплоть до организующей роли в некоей антисоветской пра-вотроцкистской организации. И конечно, попутно выдает все тайны загадочного масонского кружка и всех его участников. И каждая страница, как свидетельствует Л. Разгон, «подписана хорошо мне знакомой четкой подписью Ивана Михайловича».

Он не только был передан суду Военной коллегии, но и на суде 27 ноября 1937 года, где председателем был Ульрих, а членами Никитченко и Горячев и который длился, как обычно, 15 минут, признался в своих преступлениях, немедленно был приговорен к расстрелу и тут же убит. Все это происходило в Лефортовской тюрьме, где находились и Бокий и Москвин и куда — рационализации ради — палаческая тройка, пародировавшая суд, приезжала из своего заведения на Никольской улице. Там, в Лефортовской тюрьме, в маленьком кабинетике с отдельным сортиром, они заседали, туда приводили так называемых «подсудимых» — в большинстве своем хорошо знакомых Ульриху, — там прочитывался заранее уже отпечатанный приговор, и сразу же жертву стаскивали вниз и убивали выстрелом в затылок. Поработав таким образом несколько часов, пропустив через свой суд человек этак 20 — 30, упыри садились в свои машины и ехали домой, где их ждал семейный уют, вкусный обед и сладкий послеобеденный сон.

А теперь — самое главное. Почему «подсудимые» так охотно и сравнительно быстро признавались в совершенно чудовищных и абсолютно неправдоподобных преступлениях? И если верить этим «следственным» делам, то делали это на первом же, максимум на втором допросе. Вопрос о «признаниях» был жгуче-непонятен и раньше, когда на открытых процессах люди, известные своей принципиальностью, храбростью, почти легендарным мужеством, — открыто, перед глазами всего мира, не моргнув, возводили на себя самую чудовищную ложь. Это было непонятно тогда, думаю, что это не стало яснее и теперь. Ибо это — столь же запретная тема, как и полвека назад. Эту страницу своей исторической биографии современный КГБ не желает раскрывать, несмотря на все либеральные ужимки, вплоть до выдачи наисекретнейших дел отдельным заинтересованным лицам.

Л. Разгон утверждает, что в этих делах самым главным и интересным для историка является не то, что там имеется, а то, что там отсутствует. А отсутствуют, кроме предварительного обсуждения и решения — кого, когда и как убивать, еще и такие следы работы «суда», которые именуются, кажется, «распорядительным заседанием».

"Не знаю, — отмечает Л. Разгон, — что положено там делать, но совершенно очевидно, что шайка палачей и бандитов, изображающих Военную коллегию Верховного суда, предварительно и весьма быстро решала судьбы тех, кто еще в это время сидел в камере и не знал, что через час-другой его убьют. А решали они быстро, потому что у них уже был список, напечатанный и кем-то подписанный, решивший участь людей, считавшихся «подсудимыми».

И до того времени, когда мой безвестный тихий юноша из КГБ достал из авоськи дела Бокия и Москвина, я много, очень много думал: а они признались? Я ведь хорошо знал и Глеба Ивановича, и Ивана Михайловича и был совершенно уверен, что этих людей нельзя сломить угрозами и тем, что называлось деликатно «физическими методами». А они «раскололись», и так неожиданно быстро и без всякой борьбы! Почему? Вот об этом, о чем не осталось и следа в следственном деле, я и хочу поразмышлять. Опираясь не только на прочитанное, но и на свой немалый опыт человека и самого сидевшего и разговаривавшего об этом с десятками людей, пропущенными через мясорубку «карательных органов».

Из того, что в большинстве следственных дел лежит один, максимум два «протокола допроса», вовсе не следует, что допросов столько и было. Из нашей 29-й камеры Бутырок вызывались ночью на допросы одни и те же люди почти каждую ночь. Иногда они не приходили сутками, и мы знали, что они «на стойке» — стоят днем и ночью без сна, пока меняются их следователи. Иногда они приползали полуживые, с разбитым лицом, искореженными членами.

Иногда их приносил конвой и кидал, как ветошь, на пол камеры. Словом, в следственных делах, в этих почему-то считающихся очень «секретными делами», не только не отражены, но и уничтожены все следы того, что происходило между одним протоколом допроса и другим, если в другом появлялась, как в случае с Бокием, надобность. Уничтожались следы пыток. И не просто пыток, а таких, о которых не знало, не имело представления не только какое-нибудь паршивенькое средневековье, но и такие мастера, как гестаповские палачи. Все эти кадры из советских детективов, где одетый в белый халат опытный пыточных дел мастер стоит возле своего связанного клиента, позвякивая щипчиками и прочим пыточным инструментарием, — самая обыкновенная липа. А если не липа, то пустяк по сравнению с нашими «допросами без протокола».

Самой первой задачей палачей было убедить приведенного к ним без шнурков, пуговиц, поддерживающего спадающие штаны человека в том, что он — уже не человек, что он нечто, с кем I можно делать и будут делать все. И делали. Начиная с тривиальных побоев, пощечин, обещания расстрелять, имитации расстрела и пр. и пр. Действия были самые разные. И рассчитанные на конкретного и подходящего человека. Наверное, Мура-лова было бы смешно пугать инсценировкой расстрела. А у нас в камере очутился тихий и пышноволосый курчавый еврей, работавший товароведом в ГУМе. Учился он в Плехановском институте и в свои студенческие времена носил косоворотку красного цвета, почему остряки с курса звали его террористом. А в 38-м году какой-то допрашиваемый бедолага-однокурсник на вопрос следователя: кого он знал из террористов — запинаясь, ответил, что вот одного студента из-за цвета рубашки у них на курсе так звали. Наш «террорист» пришел с допроса совершенно целенький, но какой-то странный. Он сел на нары, взял в руки клок своей пышной шевелюры, и она отделилась так свободно, как будто ее даже и не приклеивали к черепу. Затем он повторил это и через несколько минут сидел перед нами с совершенно обнаженным блестящим черепом. Когда мы к нему кинулись, он нам начал рассказывать, как в кабинете ему объяснили, что сейчас его расстреляют, и как инсценировали этот расстрел…

Самое главное для них было не запугать даже, а унизить человека настолько, чтобы тот понял — здесь все беспредел1. В славные времена Ивана Васильевича Грозного, да и позже, были пыточные камеры, и в них пытали — для этого там находились дыба и клещи и прочие необходимые для юстиции предметы. Но там велись «пытошные ведомости». И ведущие допросы дьяки дотошно записывали, какие применялись к подследственному меры убеждения. И даже фиксировали, что время от времени подвергаемый пытке «впадал в изумление» — то есть терял сознание. Но то было тогда. В наше славное, социалистическое время ничего не фиксировалось, ничего не записывалось и выбор средств для уничтожения личности был совершенно беспредельный. Можно было бить по наиболее чувствительным местам тела, зажимать пальцы дверью, срывать ногти, бить по половым органам, — никаких не было ограничений, кроме возбужденной фантазии нелюдей в мундирах.

Маршал Советского Союза, уже будучи и маршалом и всенародным героем, плакал, вспоминая, как очередной лейтенант мочился на его голову. Хорошо на голову, других заставляли открыть рот и мочились в рот. А может ли любая женщина вынести, когда молодой мерзавец со смехом испражняется на ее голову? У нас на первом лагпункте Устьвымлага была женщина интересной судьбы: еврейская рижанка, вышедшая замуж за архитектора и прожившая большую часть жизни в Бразилии и Париже. Потом муж приехал в Советскую Россию воздвигать величественные, достойные коммунизма здания. Загория (такая была у нее фамилия) рассказывала мне, что сидела в одной камере с одной большевичкой по фамилии Постоловская. И она была доведена до того, что каждый вечер начинала молиться Богу, чтобы ее не вызвали, как обычно, на ночной допрос.

Постоловская… Эта личность мне была известна. Большевичка из старой большевистской семьи, жена Павла Петровича По-стышева. Чтобы она стала верующей, молилась?! Что же такое ее страшило в ночных допросах? Цирк. Так назывался допрос-развлечение, придуманное этими личностями. Постоловскую притаскивали в большой кабинет, где уже находилось шесть-семь молодых людей с жокейскими бичами в руках. Ее заставляли раздеться совершенно донага и бегать вокруг большого стола посредине комнаты. Она бегала, а эти ребята, годившиеся ей в сыновья, в это время подгоняли ее бичами, добродушно выкрикивая поощрительные слова. А потом предлагали лечь на стол и показывать «во всех подробностях» — «как ты лежала под Постышевым»… И так почти каждую ночь.

Я спрашивал у сокамерницы Постоловской:

— Всегда были одни и те же?

— Нет, — рассказывает, — менялись, появлялись новые…

Ну да ладно! Перестанем перечислять все разнообразие пыток, с помощью которых человека принуждали подписывать все что угодно, делать все что угодно, лишь бы наступил скорей спасительный конец. Ибо в этом случае слова «смерть-избавительница» — были совершенно точным и желанным понятием.

Но физические пытки вовсе не были пределом. Во-первых, редко, но находятся люди, способные вынести любые физические мучения. Кроме того, человек так физиологически устроен, что, дойдя до определенного болевого порога, он теряет сознание, а следовательно, ничего из него больше выбить нельзя. Но в распоряжении палачей были и гораздо более действенные средства: близкие, в первую очередь дети. Никто из тех несчастных, которых на Лубянке или в Лефортове не доводили до нужных палачам «кондиций», не сомневались, что любые угрозы «сделать с детьми» — реальны. Независимо от возраста детей. Совершенно крошечных отдать в спецясли, где они почти мгновенно вымирали, постарше — в специальные детские дома, где они сначала мучились, а потом вымирали. Еще постарше — арестовать и заставить пройти по всем кругам ада".

В первой и наиболее знаменитой книге Роя Медведева приводится эпизод, когда один крупный партийный работник не подписал ничего, несмотря ни на какие пытки. Тогда в кабинет следователя привели его 16-летнюю дочь, изнасиловали на глазах отца и спокойно пригрозили: за дверью стоит взвод солдат, и сейчас они будут все насиловать девочку. И отец не выдержал — подписал. Не ради спасения дочери — спасти ее было уже невозможно: когда ее выпустили, она бросилась под поезд. Отец подписал требуемое, потому что это невозможно перенести!

А сколько же людей — и какие люди! — соглашались на все, соглашались на участие в фарсовых «открытых процессах» в надежде спасти своего ребенка! Ведь им давали «честное слово коммуниста», им устраивали свидания, присылали подложные письма. Да, все было по Достоевскому. Для них никакого Бога не было, а следовательно, все возможно…

Л. Разгон пишет:

"Я так и не узнал и никогда не узнаю, как заставили Бо-кия и Москвина подписать все немыслимое, что они подписали. Как мне кажется, не только страх за близких — у Глеба

Ивановича была годовалая девочка, не говоря уже о более старших. Я полагаю, что оба они нисколько не сомневались в ожидающем их конце. Они были достаточно информированы и о системе, и о людях, ее осуществлявших. Они их знали, среди них были и такие, которых они сами вырастили — как Москвин Ежова. Они знали, что их убьют, и, как мне кажется, делали все, чтобы приблизить эту минуту.

И у меня к ним нет ни чувства горечи и разочарования, ни обиды, ничего, кроме самой обычной и бесконечной жалости. В своей книге я жестоко обругал генерала Горбатова за его гордое заявление, что вот другие «признались», а он-де не признался… Может быть, я был несдержан в словах, но до сих пор считаю себя правым. Никто не имеет нравственного права в чем-либо обвинять жертвы, а следовательно, и оправдывать палачей.

По количеству информации «следственные дела» Глеба Ивановича и Ивана Михайловича были бы совершенно ничтожными. Но к ним было приплетено так называемое «реабилитационное дело» — бумажки всякого рода, которые рассматривали как чины прокуратуры и Верховного суда, так и парткомис-сии ЦК КПСС. Бумаг довольно много, включая хвалебнейшие письма о Бокии Стасовой и Калининой и кончая допросами разных людей, в один голос утверждавших, что расстрелянные Бокий и Москвин были прекрасными и бескорыстными людьми. Зачем все это понадобилось чинам государственным и партийным — понять не могу?! Даже малограмотному ежу понятно, что все это «следственное дело» — сплошная липа, что тут имеется обдуманное убийство и не требуется для этого никаких доказательств. Но, вероятно, делать бессмысленную работу за немалые деньги, хорошие пайки и персональную машину не так уж и плохо… Ну, хрен с ними!

Но в этом «реабилитационном деле» я нашел нечто, которое, казалось бы, должно было хоть как-то удовлетворить мои чувства ненависти, мести и пр. к тем, кто мучил моих близких. Знал ли комиссар государственной безопасности Вельский и его придворный палач Али, что им осталось жить всего-то лишь не более двух лет? Что уже в 39 или 40-м году они будут валяться избитыми на полу и другие молодые люди, а может быть, и их сотруднички станут с ними проделывать все, что они проделывали с другими? Когда убрали очередного «мавра» — Ежова и новый «мавр» — Берия стал наводить свои порядки, он, естественно, поснимал и постирелял, предварительно помучив, всех тех, кого привел в свое время Ежов и которые были его опорой. Вельский и его заединщики оказались в их числе. Вельский и Али были расстреляны 5 июня 1941 года. Аминь!

Но в их делах я нашел то, что не знал, — подлинную судьбу жены И. М. Москвина Софьи Александровны. В моей короткой семейной жизни на Спиридоновке она для меня была радостным и светлым пятном. С ее добротой, щедростью, открытостью, весельем… Я был уверен, что ее постигла обычная участь жен — схлопотать статью ЧСИР — член семьи

изменника родины, получить свои 8 лет и быть отправленной в лагерь на Потьму, где собрали и изолировали десятки тысяч таких, как она. Мне даже кто-то рассказывал, что видели ее там на станции Явас. А что лагерь она не выдержит и со своим больным сердцем погибнет там через какое-то время, я не сомневался.

И вот я беру в руки последнее дело из матерчатой авоськи — дело Софьи Александровны. И не отрываясь смотрю на ее первую тюремную фотографию: расширенные от ужаса глаза и летнее платье, в котором ее 14 июня увезли в Волынское присутствовать при обыске.

— Зачем вам пальто? — сказал главный чекист. — Мы же через час вернемся. — Она уехала в одном легком платье, в нем и быда снята на тюремной фотографии.

Первое упоминание о ней было в письме Вельского Ежову с предложением арестовать Москвина. Ежов наискосок накладывает резолюцию: «Т. Вельскому — к исполнению» — и подписывается. И уже после подписи приписывает: «И жену тоже». Я не ожидал, что Ежов, которого Софья Александровна так опекала, заботилась о его здоровье, относилась, как к близкому человеку, может сделать какое-то исключение для нее, и был уверен, что ее постигнет участь и других жен «врагов народа». И действительно: первый допрос проводил у нее не Вельский со своим пыточным мастером Али, а некий Т. М. Дьяков, и обвиняли ее в обычных для таких преступниц делах — не могла-де не знать о злодеяниях ни первого, ни второго мужа. Через три недели опытный Али довел Софью Александровну до того, что она призналась, что укрывала злодеяния своих мужей. И уже через несколько дней в деле лежала приготовленная стандартная бумага-заключение, по которой Софья Александровна обвинялась в «укрывательстве», а следовательно, и шла по статье ЧСИР — ее ожидало постановление «Особого совещания», или «тройки», — черт их знает, как эти убивцы себя называли! — к 8 годам Потьмы.

Но бумага эта так и осталась лишь следом, что у Ежова в отношении своей бывшей гостеприимной хозяйки были другие планы. Ибо Софью Александровну никуда больше не двигают. А начинается у нее новый цикл «допросов», который ведет уже непосредственно один Али и довершает его протоколом от 27 ноября 1937 года. Здесь и обвинение и сценарий совсем другие. Оказывается, Софья Александровна замышляла убить самого Ежова. А для этого привлекла в соучастники доктора Бадма-ева. Я хорошо знал Николая Николаевича Бадмаева — умного, спокойного, интеллигентного бурята. Приходился он племянником знаменитому дореволюционному Бадмаеву и шел по его стопам: лечил какими-то травками всю кремлевско-придворную знать. Конечно, бывал и на Спиридоновке и даже давал мне какие-то порошки от чего-то: я ими чистил свои брезентовые туфли… Так вот, Софья Александровна и уговаривала Бадмаева отравить Ежова, который по своему положению тоже входил в число пациентов модного доктора. Но Бадмаев заявил, что он английский шпион и задаром такие поручения не выполняет. Вот если Софья Александровна согласится работать на английскую разведку, то тогда… Естественно, что Софья Александровна согласилась. И очевидно, не сразу".

На одном из своих допросов в 1939 году арестованный Вельский показал, что уже после окончания дела Москвиной его вызвал Ежов и приказал ему добыть у Софьи Александровны показания о том, что она покушалась на его драгоценную жизнь. Вельский немедленно поручил это опытному Али. Потом Али, уже на собственном допросе, признался, что это было нелегким делом, ибо подследственная упиралась… Но дело мастера боится! И 27 ноября Али получил протокол с сознанием, что Москвина была шпионкой и террористкой. Вот это уже совсем другое дело! Это не сладкая жизнь в женском лагере, а верная пуля.

25 декабря 1937 года пишется постановление об окончании следствия, 27 февраля 1938 года составляется обвинительное заключение, подписанное Вельским и Вышинским, а 8 апреля 1938 года Софью Александровну привозят из Бутырок, где она содержалась, в то самое здание на Никольской, где находится зловещее царство Ульриха — Военная коллегия

Верховного суда. «Судит» ее даже не сам Ульрих, а его заплечные помогай-лы — Кандыбин, Колпаков и Суслин. На четвертушке бумаги, где изложен протокол суда, говорится, что обвиняется Моск-вина-Бокий по ст. 58-6 и 58-8 (шпионаж и террор), что суд длится 15 минут, что обвиняемая просит сохранить ей жизнь, что она приговаривается… Через несколько минут или через час Софью Александровну убивают, о чем в ее деле остается небольшой клочок бумаги: «Приговор приведен в исполнение 8 апреля 1938 года, акт о расстреле передан для хранения в 1-й Спецотдел НКВД, том 3, лист 142».

Л. Разгон задает поистине риторический вопрос: "Почему Ежов захотел обязательно убить Софью Александровну — не знаю! И никогда не узнаю. Даже предположений не могу строить — это уже дело будущих беллетристов. Но, значит, — убили ее. Расстреляли. А я ведь видел это место… В 1990 году в нашем совете «Мемориала» снова возникла мысль о том, чтобы попытаться под здание и музей «Мемориала» завладеть тем страшным расстрельным домом, где была Военная коллегия, а сейчас находится городской Военный комиссариат. И решили поехать посмотреть этот дом… Благодаря тому что среди нас было несколько народных депутатов, а самое главное — был Евтушенко, чьему напору и популярности не могли противостоять даже прапорщики, снующие в военкомате, мы не только проникли в этот дом, но и спустились в подвалы. Со второго этажа, где заседала эта самая «коллегия», мы закоулочком прошли к узкой лестнице, ведущей глубоко вниз. Лестницу, очевидно, никогда и не ремонтировали: покосившиеся цементные ступени, стертые от бесчисленных прикосновений узкие металлические перила. И подвалы, подвалы, разделенные на отсеки. В них навалом лежит солдатская одежда, теплые шапки, пояса — ну да это все для призывников. Когда-то, когда соседнее здание именовалось «Аптекой Феррейна», в этом доме помещалось какое-то торговое дело. И подвалы были устроены, чтобы хранить тюки с мануфактурой. А чтобы спускать их вниз и вытаскивать наверх, был устроен широкий люк с пандусом, по которому эти тюки вытаскивали наверх во внутренний дворик. Люк и пандус сохранились в безукоризненном состоянии, они очень пригодились, когда в этом доме не торговали, а убивали.

И я себе представил, как их ведут или волокут по этой узкой лестнице, как их убивают тут же или же доводя до подвала, как баграми или веревками вытаскивают через люк трупы наверх, где их грузят в залитый кровью грузовик, накрывают брезентом и отправляют в одно из многочисленных подмосковных мест, подготовленных для захоронения трупов. Вот как, значит, закончилась жизнь Софьи Александровны… Еще я узнал про нее, что она с 1904 по 1909 год была членом партии эсеров, арестовывалась 4 раза, просидела год в тюремном заключении… Ну, все это уже не имеет значения. За свои 51 год она прошла столько жизней, драм, радостей и горестей, только вот этот конец… А зачем они скрывают то, что никогда и нигде — в средневековье, при любом царистском правлении, при немецких фашистах, — никогда не скрывалось, — дату конца жизни, дату смерти? Зачем они это делают?"

Вернувшись из лагеря, Елена Бокий начала выяснять судьбу матери. О том, что отец и отчим расстреляны, она уже знала, что младшая ее сестра умерла в этапе — тоже знала. Ничего не знала о матери. И, выяснив, что дело ее матери рассматривалось Военной коллегией, обратилась туда. Это было в августе 1956 года. Уже прошел XX съезд партии, уже жиденькими, но толпами возвращались из лагерей оставшиеся в живых жертвы Сталина и его славных соратников. В деле Софьи Александровны Л. Разгон нашел заявление Елены, адресованное Председателю Военной коллегии, и его ответ от 14 августа 1956 года: «Сообщите Елене Глебовне Бокий, что ее мать Софья Александровна Москвина-Бокий была осуждена 8 апреля 1938 года Военной коллегией и, отбывая наказание, умерла 12 сентября 1942 года». И подписано: «Председатель Военной коллегии Верховного суда, генерал-лейтенант юстиции — А. Чепцов».

ЗАКАТ «ОРДЕНОВ СВЕТА»

Третий миф нашей сегодняшней коллекции был унаследован ОГПУ от Третьего отделения. Как вы помните по первому тому, охранка столь бдительно надзирала за тайными обществами масонского типа, что зачастую оставляла вне поля зрения противников куда более реальных и опасных. Причем отнюдь не в силу некомпетентности свой. Просто слишком непреодолимым оказался страх перед «вольными каменщиками» и прочими иллюминатами, в чьих ложах — согласно расхожему мнению — была выпестована Французская революция. Впитавшись в самую плоть российских спецслужб, генетический страх этот пережил революцию и органически вписался в психологию, казалось бы, заново созданных и никак не связанных с предшественниками органов ЧК — ОГПУ — НКВД. При этом немаловажное обстоятельство, что масонство, и прежде-то не игравшее в отечестве нашем особой роли, в первой четверти XX века выродилось окончательно, никакого значения не имело.

Вырождение это было вполне закономерным. Первоначально плодотворная идея «братства вольных каменщиков» о самосовершенствовании через ритуал в силу косности последнего довольно быстро исчерпала себя. В конечном счете это привело к попытке создания нового — так называемого «кадетского» или «политического» — масонства. Однако, лишенное основополагающего элемента — того самого ритуала, который оказалось нечем заменить — оно так и не смогло стать явлением общественно значимым, оставшись по сути лишь некоей игрой, маскирующей достаточно заурядные политические кружки и салоны, в разной форме существовавшие во всех странах и во все еремена. А после 1917 года игра стала уже совершенно откровенной.

Многочисленные кружки теософов, спиритов, оккультистов разного толка, всяческие ордена и ложи — бесконечные «новые тамплиеры», «рыцари Света», «рыцари Христа» и иже с ними — были всего лишь интеллигентской забавой, в чем достаточно ясно отдавали себе отчет многие из их членов. Впрочем, смысл у этой игры, разумеется, был. Вернее, смыслы.

Во-первых, на переломе времен она создавала иллюзию единения и общности, которые можно было противопоставить окружающему кровавому хаосу разрушения — созидания. Увы, это и впрямь была лишь иллюзия, реальной опоры не дававшая да и в принципе не способная дать. Но и тень соломинки лучше, чем одинокое плавание в ледяной воде. И потому к ней тянулись умы и сердца, слишком несхожие, чтобы могла возникнуть подлинная общность. В том ведь и суть противоречия, что интеллигенция — и особенно интеллигенция творческая — по определению должна состоять из личностей предельно индивидуализированных и самодостаточных, которым любое объединение, выходящее за рамки кассы взаимопомощи, строго говоря, не только не свойственно, но даже противопоказано. Возникающие в этой среде союзы слишком избирательны, их основа слишком интимна и тонка, чтобы можно было сформировать реальные, а не номинально-игровые ордена и ложи. Впрочем, иллюзия тем и хороша, что в нашем мире является одной из наиболее устойчивых форм существования материи.

Во-вторых, все эти организации давали их участникам горестно-гордое ощущение, сформулированное Валерием Врюсовым:

А мы, мудрецы и поэты, Хранители тайны и веры, Уносим зажженные светы Во тьму, в катакомбы, в пещеры.

Они чувствовали себя последними атлантами, пережившими гибель острова и брошенными теперь в пустыни Африки и леса Европы, чтобы для неведомых потомков сохранить только им, атлантам, ведомое и сейчас никому здесь не нужное. Они ощущали себя последними римлянами, средь нашествия варваров обязанными сохранить светоч мысли и духа и — кто знает? — может быть, со временем подчинить великой римской идее эти захватившие Вечный город орды. Сколь обоснованным было такое мироощущение — отдельный вопрос, и не здесь и не сейчас его обсуждать. Ограничусь констатацией факта: оно являлось пусть далеко не всеобщим в этой среде, однако достаточно распространенным.

Но вот беда — любая подобная игра, чего ради она бы ни затевалась (разумеется, два приведенных выше ее аспекта отнюдь не исчерпывают всего спектра), в любом случае предусматривает одно: герметичность. А с точки зрения власть предержащих всякая герметичность опасна, ибо за нею может (а раз может, то и должна) скрываться враждебность. И в силу этого обстоя-і тельства всех без исключения «рыцарей Света» ожидало скорое и неотвратимое погружение в слепящую тьму. Логика, для нас с вами сегодня представляющаяся самоочевидной, но тогда постичь и принять ее «мудрецы и поэты» в большинстве своем никак не могли. И лишь немногие (вроде Мстиславского — человека, кстати, вообще уникального, в прошлом не только библиотекаря Генштаба, но и великолепного стрелка и фехтовальщика, прекрасного писателя, автора, в частности, интереснейшего авантюрного романа «Крыша мира», видного эсера, примкнувшего затем к украинским боротбистам, после чего очень вовремя ставшего беспартийным, но просившим рассматривать повесть «Грач — птица весенняя» как свой партбилет) — лишь немногие, повторяю, поняв ситуацию, сумели вовремя выйти из игры и в результате уцелеть. Однако эти исключения лишь подтверждают общее правило.

Виктор Брачев. КРАСНОЕ МАСОНСТВО

Кто в наше время не знает или по крайней мере не слышал о думском и кадетском масонстве в России и той роли, которую оно сыграло в событиях 1917 года? Однако политическое масонство (Керенский и К0) — это всего лишь вершина айсберга, с которым столкнулся в начале века громадный и неповоротливый корабль российской государственности.

Проникновение в толщу русского материка масонской «подземной реки», неумолимо и методично размывающей глубинные основы традиционного русского самосознания, началось, конечно же, задолго до февральско-мартовских дней 1917 года. Продолжалось это проникновение и в послереволюционные годы, причем как до, так и после 1917 года видная роль здесь принадлежала практически неизвестным сейчас масонским (мартинисты, филалеты, розенкрейцеры) или масонствующим (спириты, теософы, софианцы) кружкам и группам российской интеллигенции. Непросто складывались отношения тайных интеллигентских сообществ и со спецслужбами. Особенно драматичный характер приобрели они в 1920-е годы. Об этом и пойдет речь в данной работе.

Масонская традиция утверждает, что первой попыткой легализации масонства в России (после запрета его в 1822 году) явилось посвящение в 1866 году в Копенгагене во Всемирное братство цесаревича Александра Александровича — будущего царя Александра III. Руководил его посвящением будущий тесть — датский король Кристиан IX.

Большого впечатления на воспитанного в национальном духе наследника российского престола масонская церемония, однако, не произвела. «Да, все это интересно, — заявил он, — но боюсь, что преждевременно в России вводить».

Тем временем работа по распространению масонского «света» в России уже шла полным ходом. Первыми освоили русскую почву в этом плане спириты.

Спиритизм (spiritus — дух) как вера в возможность появления в мире физическом духов загробного мира был известен еще в глубокой древности. Однако в современном его звучании он берет начало с 1848 года, когда проживавшую в американском городке Гайдесвиль семью Фокс стали беспокоить некие таинственные стуки в доме. Одна из дочерей, Кэт, вступила путем перестукивания в контакт с таинственным незнакомцем. Им оказался дух человека, убитого в этом доме 31 год назад. Сестры Кэт были признаны медиумами, или посредниками между миром духов и людей. Желающих вступить в контакт с духами умерших родственников оказалось немало, и у сестер Фокс появились последователи не только в Америке, но и в Европе.

В России первые спиритические сеансы были устроены в 1853 году и сразу же вызвали горячие споры. В 1875 году по предложению профессора Санкт-Петербургского университета Д. И. Менделеева была образована комиссия для изучения спиритических явлений. Членам ее были показаны два медиума, доставленные из Англии горячим пропагандистом этого учения профессором Н. П. Вагнером, — братья Петти и женщина-медиум Кляйер. Результаты их медитации оказались плачевными, и комиссия констатировала, что спиритизм есть не что иное, как обман и суеверие. Это, однако, нисколько не охладило приверженцев учения, в числе которых был и известный химик, академик А. Н. Бутлеров. Присущая спиритизму способность увлекать неофита чудесами и необычными для обыденного восприятия феноменами способствовала популярности этого явления.

Деятельным пропагандистом его был в начале века москвич Владимир Павлович Быков. Подписка на издаваемые им журналы «Спиритуалист», «Голос всеобщей любви», «Смелые мысли» и газету оккультно-мистического содержания «Оттуда» достигла 50 000 экземпляров.

К 1910 году число спиритических кружков перевалило за 3 500, из коих только в Петербурге функционировало не менее 1 000. Основной контингент последователей учения составляли служащие и чиновники (53 %), затем следовали сельские жители (27 %), лица свободных профессий (12 %) и духовенство (8 %). Полной неожиданностью для последователей учения явилось поэтому появление в конце 1912 года в журнале «Спиритуалист» большой статьи В. П. Чистякова «К чему мы пришли?», который объявлял спиритизм «орудием дьявола».

Дело в том, что уже с первых шагов оккультного кружка Быкова его руководителю пришлось буквально отбиваться от представителей различного рода масонских структур, предла-, гавших ему в обмен на крупную финансовую поддержку организовать у себя филиал масонской ложи. «Когда же мы, — пишет он в книге „Спиритизм перед судом науки, общества и религии‟, — упорно отказывались от этого, представитель этой ложи пустил было в ход угрозы, обещаясь в недалеком будущем, когда их ложа обоснуется в России, стереть нас с лица Земли. Все эти переговоры происходили не один на один, а при свидетелях. Но когда не подействовало на нас и это, он оставил нас в покое, заявив вполне откровенно, что мы все равно своей деятельностью работаем им на руку».

Прозрение пришло в 1910 году, на всемирном конгрессе спиритов в Брюсселе, где русским делегатам было прямо заявлено, что только из-за отсутствия в России политических свобод и изобилия невежества и темноты в народе у них еще держится представление о Христе как о Боге. Во всех других странах спириты (за исключением двух небольших религиозных общин в Швейцарии) уже давно развенчали Спасителя и считают его обыкновенным человеком и даже рядовым медиумом. Более того, современный медиум-целитель Пиле из Дуэ якобы имеет больше оснований называться Христом.

«И эти страшные слова, — пишет В. Быков, — при взгляде на жирного, с лоснящейся физиономией француза Пиле, присутствовавшего при этой кощунственной речи, были громовым ударом для бедных русских делегатов от русского спиритизма, уже давно катившихся по наклонной плоскости, но еще бывших на некотором расстоянии от такого конца».

Так, к удивлению многих, вчерашний горячий пропагандист этого учения в одночасье превратился в его яростного ниспровергателя.

Повальное увлечение российской интеллигенции спиритизмом и столоверчением во многом облегчило восприятие ею более сложного религиозно-мистического учения масонского характера, каким является теософия.

Основу теософской мудрости составляет герметическая философия, названная так по имени Гермеса Трисмегиста (Трижды Величайшего) — легендарного автора учения, дошедшего до нас в 14 книгах (или их отрывках) египетско-греческого происхождения. В

литературе эти книги получили название герметических (Гермес, как известно, древнегреческий бог, сопровождающий души умерших в загробный мир, и покровитель тайного знания). Само учение представляет собой сплав египетского многобожия, иудейско-христианского монотеизма и греческого философского идеализма. Его элементы встречаются практически во всех религиозно-философских учениях древности от брахманизма и древнееврейской каббалы до розенкрейцеров. В современном понимании теософское учение сложилось однако только во 2-й половине XIX века. Основоположником его является Елена Петровна Блаватская (урожденная Ган) — двоюродная сестра графа С. Ю. Витте, выдававшая себя за ученицу и посланницу великих буддийских мудрецов, якобы живущих в горах Тибета.

В 1875 году вместе с английским полковником Генри Олькот-том Блаватская основывает Теософское общество в Нью-Йорке, ставящее целью образование первоначального ядра будущего всечеловеческого братства, развитие сверхъестественных сил человека, изучение и пропаганду религиозно-философских учений древности.

Главной задачей человека современные теософы считают познание им Бога в себе самом путем добродетельной и созерцательной жизни. Важной составной частью учения является вера в перевоплощение человека и многократность его существования на Земле, а также стремление к созданию мировой универсальной религии. Бог в представлении теософов есть совокупность мира, проявление которого можно наблюдать во всей природе.

В России московское и петербургское теософские общества были созданы в 1908 году. Петербургское общество возглавила А. А. Каменская. Официальным органом общества являлся журнал «Вестник теософии». Среди русских последователей этого учения был и Н.К.Рерих, развивавший в своих произведениях мысль о легендарных Учителях человечества, постигших законы эволюции мироздания, и о не менее легендарной Шамбале, где якобы живут эти Учителя.

Многие теософы были членами масонских лож. Рерих был посвящен в одной из эзотерических масонских лож в Лондоне. Отдали дань увлечению теософией и масонством Андрей Белый, Вячеслав Иванов и другие поэты-символисты. Но официально теософы отрицают свою связь с масонскими ложами. Во всемирном братстве им отведена роль своеобразного идеологического прикрытия «вольных каменщиков».

Яснее всего темная духовная сущность теософии проявляется в ее отношении к христианству; теософы решительно отрицают божественность Христа, который для них не более чем медиум.

Весьма популярным среди российской интеллигенции предреволюционных лет было и учение антропософов, объединявшее в своих рядах последователей Рудольфа Штейнера (1861 — 1925) — генерального секретаря немецкого отделения Теософского общества. Он порывает с теософией и в январе 1913 года основывает собственное Антропософское общество с центром в г. Дорнахе (Швейцария). Считается, что антропософия — это теософия, так сказать, высшего порядка, предназначенная для тех, кто хочет внести в нее дух научного знания. «Она увлекала, — как писал Н. А. Бердяев, — более культурных людей».

«Русское Антропософское общество» в Москве было открыто уже 20 сентября 1913 года в день положения краеугольного камня будущего антропософского храма Гетеанума в Дорнахе. Первым председателем Антропософского общества стал Б. П. Григоров, в 1921 году его сменил Т. Г. Трапезников.

10 октября 1913 года было зарегистрировано и петербургское отделение общества. Возглавила его жена путейского инженера Елизавета Васильева. Секретарем общества стал Борис Леман.

Среди наиболее горячих пропагандистов антропософского движения в России — Андрей Белый (Бугаев), его вторая жена Клавдия Васильева, М. Я. фон Сивере, О. Н. Анненкова, М.

А. Сабашникова (первая жена М. А. Волошина), М. А. Столяров, В. О. Анисимова (Станевич), А. С. Петровский.

В 1923 году Теософское и Антропософское общества были формально закрыты, хотя фактически продолжали существовать вплоть до конца 1920-х годов. Первый серьезный удар по ним нанесли аресты 1927 года. Окончательно их добили в 1931 году, когда большая часть участников движения оказалась в ссылках и лагерях.

Активно подвизались в начале XX века на русской почве и духовно-мистические ордена: мартинисты, розенкрейцеры, рыцари-филалеты (друзья истины), иллюминаты.

Председателем петербургского отделения ордена иллюминатов был Фриц Дезор. Среди членов — А. Маркович, А. Лос-ская, А. Трояновский, М. Исаев, Н. Дондукова и другие.

Что касается ордена филалетов, то его генеральным делегатом в Санкт-Петербурге была Варвара Авчинникова-Архангельс-кая — член ложи-матери «Карма» (Возмездие) в Париже. Русское отделение ордена открылось в 1910 году. Общее же число его членов накануне Первой мировой войны достигло 1000 человек. Известны и названия первых петербургских лож ордена: «Северная пирамида» и «Северная звезда». С 1912 года, когда В. Авчинникова уехала в Париж, ее обязанности были возложены на отставного генерал-майора Н. Н. Беклемишева — директора Музея изобретений и усовершенствований в Санкт-Петербурге.

Из высокопоставленных особ, примкнувших к ордену, можно отметить великого князя Алексея Михайловича (брата Георгия) — руководителя Морского музея в Петербурге. Основным занятием филалетов, исповедовавших крайний мистицизм, было общение с потусторонним миром. Собирались они обычно в гостинице «Англетер». Последним руководителем ордена, занятия которого продолжались вплоть до осени 1918 года, являлся бывший дипломат, служащий Кредитного общества Александр Порфирьевич Веретенников (1870 — 1936). Деятельнейшим членом собраний был секретарь германского генерального консульства Юлиус Германн.

Большую активность проявляли в предреволюционные годы и коллеги филалетов — розенкрейцеры. Каббалистический орден Креста и Розы был воссоздан в 1880-х годах во Франции Станиславом Гуайта. Его последователи считают себя наследниками традиций знаменитого Братства розенкрейцеров XVI — XVII столетий.

Розенкрейцеры, отмечает исследователь ордена Ю. П. Граб-бе в книге «Корни церковной смуты», работают, состоя не в рядах масонства, а значительно выше его: «Если франкмасонство имеет задачей захват политической власти в мире, то розенкрейцеры, объединяемые, конечно же, тем же еврейским центром, работают над захватом мозга человечества».

Особенностью ордена является чрезвычайно скрытный характер его деятельности, при этом всемерно поощряется образование вокруг него различного рода свободных групп и ассоциаций, из которых розенкрейцеры и черпают свежие силы. Имеются сведения о действовавшей с 1906 года в Москве ложе «Астрея», стремившейся к сохранению спиритуалистических и мистических традиций древности. Великим мастером «Астреи» был Петр Александрович Чистяков. Из петербургских лож ордена известно о кружке Александра Каспаровича Кординга в Озерках, основанном 30 июня 1907 года.

Непременное условие посвящения в 18-ю розенкрейцерскую степень — успешное прохождение герметической науки у мартинистов.

* * *

Традиция связывает основание ордена мартинистов (1760 год) с деятельностью известного мистика XVIII века Мартинеса Паскалиса. Большой вклад в развитие учения и

становление организационной структуры внесли во второй половине XVIII века ученики и последователи Паскалиса Ж.-Б. Виллермоз и Клод Сен-Мартен, именем которого и был назван орден.

Декларируемая цель мартинистов вполне в масонском духе: нравственное возрождение личности и всего человечества. Главное средство в ее достижении они видели в личном примере, в «духовно-нравственном подъеме своих членов», что обеспечивалось неустанными поисками духовного сближения с Божеством в лице Искупителя.

Пантаклем ордена мартинистов является черный круг с двумя пересекающимися треугольниками (светлой вершиной вверх и черной вершиной вниз). Главой ордена вплоть до своей смерти в 1916 году был знаменитый Папюс (Энкос Жерар).

Начало проникновения мартинизма в Россию относится к 1894 году, когда в Петербурге появился первый делегат ордена, однако заметным оно становится лишь благодаря деятельности полковника графа Валериана Валериановича Муравьева-Амурского (брата министра юстиции). Еще будучи военным атташе во Франции, он увлекся оккультизмом был принят в орден самим Папюсом (около 1895 года). По возвращении из Парижа Муравьев-Амурский основывает в Петербурге в 1899 году первую в России мартинистскую ложу, подчиняющуюся Верховному совету ордена в Париже.

К этому же времени относятся и сведения об увлечении мартинизмом Николая II. В начале 1900 года Анастасия Николаевна, герцогиня Лейхтенбергская, по поручению Николая II посетила во Франции некоего святого старца Филиппа Ансельм-Вашо из Лиона, чтобы убедиться в его чудотворной силе. Прибыв в том же году по приглашению в Петербург, лионский старец был не только осыпан милостями при дворе, но и приобрел огромное влияние на суеверную императрицу, которая его боготворила. Главная задача, поставленная перед старцем, заключалась в даровании царской чете наследника русского престола. Замечу, что аббат Филипп оказался не только «чудотворцем», но и видным оккультистом, членом ордена мартинистов.

В открытую им (при поддержке датского короля) в Царском Селе мартинистскую ложу «Звезда и крест» (руководство ею после 1905 года приписывается графу Мусину-Пушкину) были посвящены не только великие князья и ряд придворных, но и сам царь. На медиумических сеансах по желанию царя Филипп вызвал дух его отца Александра III, «советовавшего»

Николаю II поддерживать союз с Францией и подталкивавшего его к войне с Японией.

Разоблаченный — в результате сложной дворцовой интриги — руководителем русской агентуры во Франции полковником П. И. Рачковским как «агент масонов», аббат Филипп, предсказав рождение у царской четы наследника-сына, был вынужден в 1901 году возвратиться в Лион. Влияние «лионского старца» на царя было так велико, что в начале 1903 года он вновь получает приглашение посетить Россию. Проведя весну и лето вместе с семьей Николая II в Ливадии, аббат Филипп 25 ноября 1903 года был вынужден возвратиться к себе на родину, поскольку проводимые под его руководством спиритические сеансы вредно отражались на здоровье императрицы.

Через одиннадцать лет после смерти Филиппа, последовавшей в 1905 году, императрица не только не забыла его, но и упоминала в письме к Николаю II как «одного из двух друзей, посланных им Богом» (под вторым другом подразумевался, конечно, Григорий Распутин). Во многом странную и не всегда разумную дружбу царя с Францией объясняли тесными связями царя с парижскими орденами мартинистов и розенкрейцеров.

Частым гостем в Петербурге был и глава ордена Папюс, пользовавшийся огромным успехом в среде титулованной знати. Ближайшие родственники царя князья Николай Николаевич и Петр Николаевич (внуки Николая I и двоюродные братья Александра III), а также великий князь Георгий Михайлович, будучи мартинистами высокого посвящения,

продолжали свои занятия в Царском Селе вплоть до 1916 года. Заядлым оккультистом был и великий князь Александр Михайлович (брат Георгия), возглавлявший в Петербурге накануне войны масонскую ложу розенкрейцерского толка, состоявшую из придворных аристократов.

Роль ложи-матери петербургских мартинистов в 1900-е годы играл масонский кружок актрисы императорской труппы Ольги Ивановны Мусиной-Пушкиной, куда, помимо В. В. Муравьева-Амурского, входили: ротмистр лейб-гвардии конного полка Д. Ф. Левшин, библиотекарь Зимнего дворца А. И. Леман, а также «братья», укрывшиеся за инициалами П. Н. и Н. Н. Туда же входил и сам Папюс. Первоначально кружок пытался воздействовать на императорский двор через аббата Филиппа, а после его отъезда из России действовал непосредственно через Папюса.

Из других мартинистских лож Петербурга следует отметить группу академика К. К. Арсеньева (редактор журнала «Вестник Европы»), который, в свою очередь, состоял в тесной связи с Папюсом. В этот кружок входили: бывший профессор Московского университета князь Е. Н. Трубецкой, шталмейстер двора его величества князь А. Н. Оболенский, член Государственного Совета С. К. Войналаченко, адъютант великого князя Сергея Михайловича гвардейский капитан С. М. Война-Пан-ченко, полковник В. Н. Андронников, княгиня В. Ф. Гагарина и др. Как и члены кружка Мусиной-Пушкиной, К. А. Арсень-ев и его «братья» также стремились воздействовать на двор, в частности, через шталмейстера А. Д. Оболенского. Есть сведения и о связях кружка Оболенского с английскими (через некую Мари Поле) и американскими масонами. Оккультичес-кие бдения в доме К. К. Арсеньева продолжались вплоть до его смерти в 1916 году. Особый интерес вызывает дьявологичес-кая ложа «Люцифер» (1910 — 1916) розенкрейцерского толка, куда входили увлекавшиеся декадансом представители творческой интеллигенции, среди которых были поэты-символисты: Вяч. Иванов, В. Брюсов, А. Белый, А. Петровский, а в период работы над мистической пьесой «Роза и Крест», возможно, и Александр Блок.

В 1900-е годы широкое распространение мартинистских лож в стране не подкреплялось, однако, сколько-нибудь серьезной работой по руководству их деятельностью со стороны генерального делегата ордена для России графа Муравьева-Амурского. Он относился к своим обязанностям весьма своеобразно: лож не открывал, посвятительных тетрадей не вручал и посвящал сам безо всякого ритуала и часто сразу в третью степень. Кроме того, граф много играл на бирже, причем котировку бумаг предыдущего дня ему безошибочно угадывала постоянно сопровождавшая его женщина-медиум.

На этой почве возник конфликт Муравьева с Папюсом (незадачливый граф обвинил последнего в люциферанстве), приведший к тому, что Муравьев вынужден был около 1905 года оставить должность. Она была вакантной вплоть до 2 мая 1910 года, когда генеральным делегатом ордена в России назначили еще одного графа — Чеслава Иосифовича Минского, хироманта и спирита, автора популярных брошюр по этой теме («Страдания самоубийцы в потустороннем мире», «Графология» и других). В Петербурге он поселился по адресу: Кузнечный переулок, дом 16/19, в квартире Е. К. Лосской, вдовы присяжного поверенного.

Главная задача, которая стояла перед ним, заключалась в объединении мартинистских лож в стране в рамках единой организации — русского отделения ордена, в связи с чем уже 9 июля 1910 года он представил петербургскому градоначальнику заявление с просьбой о легализации мартинизма в России. Впрочем, не дожидаясь разрешения, которое так и не последовало, Минский стал открывать ложи явочным порядком, щедро раздавая высокие масонские степени своим новым знакомым. К этому времени относится знакомство Минского с выходцем из Лифляндии бароном Григорием Оттоновичем Мёбесом (родился в 1868 году в Риге) — наиболее серьезным и глубоким из оккультистов России.

Г. О. Мёбес после окончания в 1891 году физико-математического факультета Петербургского университета оставил мечты о карьере и всецело посвятил себя изучению «тайного знания». Глубокий ум, прекрасное знание древних языков (греческий, латинский,

древнееврейский), не говоря уже о языках новых, а также солидная математическая подготовка позволили ему создать фундаментальный «Курс энциклопедии оккультизма» в двух томах (вышел в 1913-м) — наиболее серьезное пособие по этому предмету не только в русской, но и западноевропейской оккультной литературе того времени. В 1906 — 1917 годах Мёбес — преподаватель математики в Пажеском корпусе и Николаевском кадетском корпусе. Его женой была Ольга Евграфовна Нагорнова, с которой он порвал в 1912 году, что не помешало ей играть впоследствии видную роль в мартинизме.

Серьезное отношение Мёбеса к оккультизму и глубина его познаний в этой области произвели впечатление на Минского, и, недолго думая, тот предложил ему степень «Неведомого начальника» (полное мартинистское посвящение) и почетный диплом доктора герметизма Высшей герметической школы в Париже. В конце 1910 года Мёбес становится генеральным инспектором (секретарем) петербургского отделения ордена, Генеральной ложей (ложей-матерью) которого стала «Великая ложа Аполлония Тианского», объединявшая вокруг себя малые ложи. Другая ложа-мать — «Святого Иоанна», открытая отставным судебным чиновником П. М. Казначеевым (1854 — 1920) во Владимире, была затем перенесена в Москву. Существовала и третья мартинистская ложа — «Святого Андрея» в Киеве, которой руководил С. К. Маркотун. Известно также о существовании русской мартинистской ложи в Маньчжурии, которая, впрочем, скоро была «усыплена».

Широкая известность Ч. И. Минского привлекла внимание царя. Прибыв в октябре 1910 года по его приглашению в Царское Село, Генеральный делегат ордена, как и его предшественник, аббат Филипп, стал вызывать дух Александра III. Облачившись в ритуальные одежды мага и заключив царя вместе с присутствующими в магический круг, с мечом в руке Чинский силился вызвать потустороннюю силу, определяющую судьбу России. В конце концов ему это удалось, и дух предсказал Николаю II великую войну и невиданные потрясения империи. Когда же заинтригованный царь осведомился о собственной судьбе и стал настаивать на ответе, то, как вспоминал позднее Чинский, раздался страшный шум, потух свет, и магический алтарь опрокинулся. Царь был разочарован.

Это обстоятельство, а также скандальная слава, которую приобрел Чинский своими денежными аферами, привели к тому, что его выслали в 1911 году под гласный надзор полиции в Белозерский уезд Новгородской губернии, в собственное имение Ко-чево. Продав его вскоре, Чинский в декабре 1913 года покинул Россию. Воспользовавшись ссылкой генерального делегата ордена, Мёбес постарался избавиться от опеки парижских руководителей, объявив в 1912 году об автономии русского мартинизма. Впрочем, московские «братья» во главе с Казначеевым не поддержали «бунт» Мёбеса, сохранили верность Парижу и продолжали под его руководством свою работу вплоть до июня 1918 года.

Что касается петербургской ветви мартинистов во главе с Мёбесом, то они образовали в 1913 году особую автономную цепь О. М. О. Р. с ярко выраженной тамплиерской окраской. В 1916 году цепь была преобразована в «Орден мартинистов Восточного послушания». Управлялся орден «Невидимым магистром», или Отцом (Мёбес). Его официальным представителем стал его ученик генерал-инспектор И. К. Антошевский (посвятительное имя Гиацинтус). Летом 1917 года, когда Ан-тошевского убили, его сменил на этой должности другой ученик Мёбеса — В. В. Богданов. Капитул ордена состоял из семи лиц. Официальным печатным органом русских мартинистов был оккультный журнал «Изида».

Декларируемая русскими мартинистами цель ордена заключалась в том, чтобы, с одной стороны, подготовить идущего к Высшему посвящению (программа-максимум), а с другой — расширить среднее эзотерическое образование непризнанных достойными посвящения. Скрытная деятельность их продолжалась вплоть до 1925 года, когда ими всерьез заинтересовалось ОГПУ.

Заслуживают внимания тесные связи мартинистов с другими масонскими группами, в том числе и заграничными. Первым из киевских мартинистов был посвящен в Итальянское

политическое масонство («Великий Восток Италии») Сергей Константинович Маркотун. Получили масонское посвящение и видные деятели московского мартинизма Петр Михайлович Казначеев, его сын Дмитрий, Леон Гольторп, Юрий Константинович Терапиано и др. К «Великому Востоку Италии» принадлежал один из руководителей петербургских мартинистов в 1918 — 1919 годах — Борис Кириченко (Астромов).

* * *

Прямой угрозы для устоев Российской империи деятельность оккультистов, конечно же, не представляла. Тем не менее верные своему долгу чиновники Департамента полиции пристально следили за происходящим в этой сфере. В Особом отделе Департамента масонская тема была даже выделена в особое производство: «Переписка о последователях различных сект и религиозных учений, деятельность коих носит противоправительственный характер» (более 3 000 листов).

Из нее, в частности, видно, что уже в 1906 году попали «под колпак» агентов охранки мартинист П. М. Казначеев (кличка Дряхлый) и его сын Д. П. Казначеев. Не остались без внимания полиции и такие известные масоны-оккультисты начала XX века, как Ч. И. Чинский, Г. О. Мёбес, Н. Н. Беклемишев, П. А. Чистяков, Варвара Авчинникова-Архангельская, М. М. Ковалевский и другие.

В 1908 году руководитель зарубежной агентуры Департамента полиции в Европе А. М. Гартинг сумел внедрить во французскую ложу «Жюстис» «Великого Востока Франции» своего агента — некоего Биттара-Моненана, продержавшегося в этом качестве около 5 лет, пока тот не был разоблачен В. Л. Бурцевым. Благодаря донесениям Биттара-Моненана Департаменту полиции стало известно о приезде в Россию в мае 1908 года двух масонских эмиссаров из Парижа — Р. Сеншоля и Ж. Буле — с целью официального открытия ими в Петербурге и Москве двух масонских лож: «Полярная звезда» и «Возрождение», находящихся под юрисдикцией «Великого Востока Франции».

Это был новый поворот в развитии масонства, поскольку, строго говоря, мартинисты, филалеты, розенкрейцеры, как и другие оккультные сообщества, несмотря на масонский характер их деятельности, формально масонами как таковыми (то есть входящими в союз Великой ложи Англии или Великих Востоков Франции и Италии) не являются. Да и политикой оккультисты в качестве особой, так называемой «духовной», ветви масонства интересуются мало. Совсем другое дело — «Великий Восток Франции», чисто масонская организация, огромная роль которой в политической жизни Франции того времени была очевидна для всех. Не скрывали французские масоны и своего отрицательного отношения к русскому самодержавию, которое они называли «стыдом цивилизованного мира». Отсюда — резко возросший интерес охранки к деятельности российских масонских лож и их французским связям.

Первая масонская ложа во Франции для эмигрантов из России («Космос») была открыта еще в 1887 году. Среди первых членов ее — писатель А. Амфитеатров, земский деятель В. Маклаков и др. Несколько позже была образована и другая русская ложа в Париже — «Гора Синай».

В 1901 году под контролем парижской ложи «Космос» была открыта русская Высшая школа общественных наук, проработавшая до 1904 года. Среди ее слушателей было немало будущих большевиков, в том числе и молодой А. В. Луначарский, получивший в эти годы посвящение в одной из лож «Великого Востока Франции». Среди преподавателей школы — проф. М. М. Ковалевский, Г. С. Гамбаров, Е. В. де Роберти, М. М. Винавер, которые и составили ядро возрождающегося русского масонства. Октябрьская амнистия 1905 года и введение политических свобод в России привели к тому, что масоны-эмигранты не только

получили возможность возвратиться на Родину, но и включиться в активную политическую борьбу в стране.

В то же время было бы неправильно видеть в появлении масонских лож в России исключительно французское влияние. История кружка «Беседа» (1899 — 1905) и «Союза освобождения» (1904 — август 1905), участники которых: В. Я. Богучар-ский, П. Д. Долгоруков, С. А. Котляревский, А. М. Колюбакин, Д. И. Шаховской и другие — входили в цвет «Великого Востока народов России», показывает, что это не так.

Заметной личностью среди русских «братьев» был в эти годы бывший профессор Московского университета известный социолог Максим Максимович Ковалевский, уволенный с работы за проповедь в своих лекциях конституционных идей. Он долгие годы (с 1887 по 1906 год) провел за границей, встречался и вел переписку с К. Марксом и Ф. Энгельсом и был одним из основателей Международного социологического института. Возвратившись в 1906 году в Россию, этот давний член французской ложи «Верные друзья» не только основал здесь «прогрессис-тскую партию», но и, победив на выборах, прошел в депутаты I Государственной думы. Ему же принадлежит инициатива организации в России в конце 1906 года первых временных «кадетских» масонских лож — «Возрождение» (Москва), которая была открыта 15 (28) ноября (члены: М. М. Ковалевский, В. А. Маклаков, Н. Н. Баженов, Е. В. Аничков, В. И. Немирович-Данченко, С. А. Котляревский, В. А. Маклаков) и «Полярная звезда» (Петербург, декабрь 1906 года). Московская ложа была создана в основном на бумаге. Настоящее ее открытие произошло только в январе 1908 года. Мастером-наместником московской ложи был выбран врач-психиатр Н. Н. Баженов, первым братом-наставником — князь С. Д. Урусов, оратором — адвокат С. А. Балавинский.

Совсем иная картина была в Петербурге, где «Полярная звезда», хотя и открылась в качестве временной ложи, сразу же оказалась в эпицентре политической жизни России. Уже через несколько месяцев она насчитывала 19 человек: князь Д. И. Бебутов, адвокат В. А. Маклаков, писатель и журналист В. И. Немирович-Данченко, адвокат М. С. Маргулиес, А. М. Ко-любакин, историки П. Е. Щеголев и Н. П. Павлов-Селиван-ский, другие представители петербургской интеллигенции. Большинство принадлежало к кадетам или сочувствовало им. Мастером-наместником «Полярной звезды» стал Ковалевский.

Видную роль в становлении русского политического масонства первых лет его существования сыграл князь Давид Иосифович Бебутов.

"Во время выборной работы в Первую Думу, — вспоминал позднее князь, — со мной очень осторожно заговорил Е. И. Кедрин о масонах. Заметив, что я очень заинтересовался, он признался, что сам масон и что имеются еще масоны в достаточном числе, чтобы принять новых членов. При этом он заявил мне, что и другие масоны уже обратили на меня внимание и если бы я захотел вступить в масонство, то согласны были бы принять меня, если выдержу установленный экзамен. (Речь идет о французской ложе «Космос», русские члены которой получили право самостоятельного пополнения своих рядов в России. — В. Б.)

Прием мой был назначен на 23 апреля (1906 года. — В. Б.). В этот день заседал еще третий кадетский съезд. Мне было назначено явиться в редакцию газеты «Страна» на Невском, д. 92, ровно в 2 часа. В передней встретил меня Кедрин, чтобы я не мог больше никого видеть, и провел через коридор в одну из последних комнат. Я знал, что прием в масонство сопряжен с тайным ритуалом, но в чем он состоял, мне не было объяснено, так как это составляет тайну для всех. Рассказывают про масонов всякие сказки о приеме, все это чистый вздор. Напротив: прием, должен сказать, производит сильное впечатление и основан на очень логическом принципе. Он совершается тайно, вступающий не знает до последней минуты, пока он не принят, кто такие другие масоны и кто его принимает. Это чрезвычайно важно на случай, если кто не принят, чтобы он не мог никого назвать. Самый прием имеет целью узнать человека, вызывая его на полную откровенность. Оставив меня одного, Кедрин удалился и, вернувшись, передал мне лист бумаги, на котором были написаны вопросы.

Когда ответы мои были готовы, просмотрены и найдены удовлетворительными, то мне были завязаны глаза и какие-то двое увели меня в другую комнату. Проделан был весь ритуал приема, который отнял два часа. Должен сказать, что самый допрос производит страшно сильное впечатление, получается какое-то особенное настроение, какое-то желание отвечать на все с полной искренностью. Настроение такое приподнятое, что разве совершенно испорченный может кривить душой и не будет искренним в своих ответах. Словами этого нельзя выразить, это надо самому испытать, чтобы понять, что происходит с человеком. Такое же мнение я слыхал от других, когда они принимались.

Объявив и поздравив меня, по положенному ритуалу, со вступлением в масонство, каждый из присутствующих трижды поцеловался со мною. Когда я увидел близко знакомые лица, то был удивлен, ибо по голосам не мог никого узнать. Принимал меня профессор М. М. Ковалевский в качестве мастера-наместника, а затем присутствовали доктор Баженов, Кедрин, проф. Котляревский, проф. де Роберти, Маклаков и доктор Лорис-Меликов.

С открытием Первой Государственной думы и клуба кадетов все так были заняты, что о никакой организации не приходилось думать, и это, надо признаться, большая ошибка, что никто о дальнейшем не думал. Я твердо решил тогда, когда все наладится и войдет в нормальную колею, заняться серьезно организацией масонства. Мне всегда представлялось, и сейчас я в этом убежден, что только при надлежащей организации масонов и, конечно, при твердом решении участвующих подчиниться масонской дисциплине возможно достигнуть каких-нибудь реальных результатов".

В Петербурге Бебутов снял на Французской набережной дом, первый этаж которого был отдан им под клуб кадетской партии, а второй — под собрание масонской ложи. В январе 1907 года в нее был принят граф А. Орлов-Давыдов, оказывавший масонам большую финансовую поддержку. «Громадного роста, тучный, неуклюжий, Орлов-Давыдов, типичный дегенерат, отличался феноменальной глупостью, — отмечал Бебутов в книге „Русское масонство XX века‟, — страшный тяжелодум и при этом имел привычку свое умственное мышление излагать громко и при всех». Терпели его в ложе, главным образом рассчитывая на его, как принято сейчас выражаться, «спонсорство».

Большинство масонов как в Москве, так и в Петербурге высказывалось за то, чтобы принадлежать к влиятельному в политических кругах Парижа «Великому Востоку Франции». Ковалевский, однако, был против и настаивал на присоединении к «Национальной ложе Франции» шотландского ритуала. Дело было, разумеется, не в том, что «Великий Восток» допускал в свои ряды атеистов, а «Национальная ложа» — нет. Главное, чем не устраивал шотландский ритуал русских «братьев», — незначительное политическое влияние этого направления в масонстве. Политическая власть, а отнюдь не нравственное усовершенствование рода человеческого волновало петербургских и московских «братьев».

В начале февраля 1908 года на квартире М. М. Ковалевского состоялось общее собрание русских масонов, на котором он вместе со своими ближайшими соратниками (Ю. С. Гамбаров, Е. В. Аничков, Е. В. де Роберти) вынужден был покинуть «Полярную звезду» и основать собственную ложу — «Космос» шотландского ритуала. С этого времени Ковалевский перестает играть сколько-нибудь заметную роль в русском политическом масонстве. Эта же участь постигла и доктора Н. Н. Баженова, возглавлявшего в 1906 — 1911 годы московскую ложу «Астрея», которая, надо полагать, тоже придерживалась шотландского ритуала.

В феврале 1908 года Бебутов и Баженов выезжали в Париж просить «Великий Восток Франции» об официальном открытии масонских лож в России. Встретили их там хорошо.

«Заявление наше, — вспоминал Бебутов, — было принято с большим вниманием, и Верховным Советом решено было командировать двух членов Верховного Совета гг. Буле и Сен-шоль (Boulet, Sincholl). Расходы по поездке мы обязались уплатить, по тысяче франков каждому. Одну тысячу принял на себя граф Орлов-Давыдов, а другую тысячу петербургская и

московская ложи взяли на себя. Мы были представлены Верховному Совету. Гроссмейстером в то время был депутат Лафер — лидер радикалов в парламенте. Баженова и меня сразу возвели в 18-ю степень и очень с нами носились. Все поздравляли нас и желали успеха в наших начинаниях. Мы имели случай присутствовать на масонской свадьбе и видеть весь обряд венчания. Надо сказать, что самый церемониал и весь обряд чрезвычайно интересен и торжествен. Приезд французов в Россию был назначен на 8 мая того же 1908 года. Мы торжествующе вернулись: я в Петербург, а Баженов в Москву. По моем возвращении снова начались регулярные заседания и прием новых братьев. На первом же заседании, ввиду выбывшего Ковалевского, вновь были произведены выборы должностных лиц. Мастером-наместником решили выбрать Орлова-Давыдова, в надежде, что это понудит его давать широко на нужды масонов… Секретарем и казначеем снова был выбран я, оратором Маргулиес, первым наблюдателем Кедрин, вторым — барон Майдель. Заседания ложи происходили исключительно у меня. Все ведение дела поручено было мне, составление списков, выдачу денег и всякие сношения должен был делать я. Вновь вступающий должен был видеть только меня, и я должен был делать первое наставление и вводить на прием. Из осторожности я не имел дома никаких списков. Все имена я старался всегда держать в памяти, а пометки о взносе каждого делал в старой телефонной книжке и не против фамилии, а по заглавным буквам фамилии. Каждые три месяца я отчитывался, чтобы не трудно было запоминать всякую мелочь».

Наконец прибыли долгожданные посланцы «Великого Востока Франции» «братья» Сеншоль и Буле. Встречавшие их на вокзале Д. И. Бебутов и А. А. Орлов-Давыдов отвезли французов в гостиницу «Англетер». Напившись здесь кофе и дав Сеншолю и Буле возможность переодеться, они повезли их затем в «Кресты», в камеру к сидевшему там «брату» Мануэлю Маргулиесу, чтобы совершить над ним сокращенный ритуал посвящения высоких степеней.

«В три часа в этот же день, — вспоминал князь, — было назначено торжественное заседание для легализации и установления ложи. Когда мы вернулись из тюрьмы, то пришел в гостиницу Баженов. Завтракали мы в гостинице. После завтрака я поехал делать нужные приготовления, устраивать комнату, как это требуется по наказу. У меня в это время квартиры не было, так как старую квартиру я сдал ввиду отъезда дочерей, а новая еще ремонтировалась. У Орлова-Давыдова тоже шел ремонт, и мы решили воспользоваться квартирой Маклакова. Квартира его была еще тем удобна, что собрание стольких людей днем у депутата не вызывало особых подозрений. Все уже были в сборе с 2 часов дня. Я расставил столы и стулья, разложил все необходимые масонские предметы — словом, привел комнату в настоящий вид. Ровно в три часа приехали французы с Орловым-Давыдовым и Баженовым. Тут благодаря рассеянности Баженова случилось несчастье, которое могло иметь очень печальные последствия. Баженов забыл в автомобиле масонские книги, и шофер увез их в гараж. В гараже легко могли их заметить, начать рассматривать, и кто-нибудь легко мог донести о странных книгах; пришлось ехать выручать книги. Французов я провел в приготовленную для них комнату. Французы облачились, в ложе все заняли свои места. В этот день приглашены были также Ковалевский и отколовшиеся вместе с ним „братья“. Для них были приготовлены специальные места, как это полагается для гостей, сзади председателя. Я должен был вводить французов, а в ложе, в самых дверях, встретил их Орлов-Давыдов, как мастер наместник, с двумя братьями-наблюдателями. После обмена приветствиями Буле занял место мастера-наместника, Сеншоль место первого наблюдателя, вторым наблюдателем был поставлен Баженов, я занял свое место секретаря, а оратором в этот день был назначен Маклаков. Начался церемониал установления ложи. По совершении ритуала я огласил привезенную французами от Верховного Совета грамоту. Ложа получила название „Полярная звезда“. После этого все присутствующие начали подписывать клятвенное обещание в двух экземплярах, одно для нас, другое французы отвезли в Париж.

Затем французы произнесли прекрасные речи. Им отвечал, как это полагается, брат оратор. После этого все были удалены. Остались только я, Орлов-Давыдов, Кедрин, Баженов, Маклаков и барон Майдель. Я и Баженов получили 18-ю степень, будучи в Париже. Названых лиц нужно было также возвести в 18-ю степень, чтобы имелось нужное число для шапит-ра (совет этой степени). Маргулиесу также была обещана эта степень, и нам было дано исполнить ритуал по его выходе из „Крестов". Совет 18-й степени необходим для решения вопросов, которые не могут быть известны ложе. Все было кончено в 7 часов, а в 8 часов все собрались на обед к Донону. У Донона метрдотель, француз, мой хороший знакомый, очень умело отвлекал прислугу, делая всякие распоряжения, когда начались тосты. Обед прошел, так сказать, оживленно, что засиделись до трех часов ночи. На второй день мы возили французов показать город, обедали в ресторане „Медведь" и в 11 часов поездом Николаевской железной дороги французы вместе с Баженовым уехали в Москву устанавливать там ложу. С ними поехал и Орлов-Давыдов. В Москве самый церемониал был сокращен ввиду немногочисленности членов, и, пробыв там только один день, французы уехали в Париж. Таким образом почти на глазах Столыпина и его многочисленной охраны, при всех строгостях всяких собраний, было организовано по всем правилам, с полным ритуалом масонство. Масоны посещали тюрьму, устраивали ложи в двух столицах, а правительство со Столыпиным ничего не подозревало».

В ноябре 1908 года русские масоны провели свой первый конвент или съезд в Петербурге и избрали Верховный Совет. Первыми членами его стали: князь С. Д. Урусов (председатель), Д. И. Бебутов, председатель 2-й Государственной думы Ф. А. Головин, адвокат М. С. Маргулиес.

Помимо «Полярной звезды» и «Возрождения», из русских лож «Великого Востока Франции» этого времени известны: «Северное сияние» (мастер-наместник Н. В. Некрасов), «Заря Петербурга» (мастер-наместник, известный народоволец Н. А. Морозов), «Киевская заря». Задача, которую ставил перед «братьями» Верховный Совет русских лож (председатель князь С. Д. Урусов, секретарь князь Д. И. Бебутов), состояла прежде всего в том, чтобы «обволакивать власть людьми, сочувствующими масонству».

Тем временем неосторожное поведение некоторых масонов привело к тому, что сведения о их принадлежности к масонству просочились в прессу, причем назывались фамилии Н. Н. Баженова, Е. И. Кедрина, М. С. Маргулиеса, Д. И. Бебутова. Воспользовавшись этим, наиболее радикальная часть «братьев» во главе с левым кадетом Н. В. Некрасовым добилась того, что на специальном совещании масонов в феврале 1910 года ими было принято формальное решение о прекращении своей деятельности (окончательное решение этого вопроса передавалось на усмотрение лож, которые предпочли «временно уснуть»). Сделано это было с одной целью — устранить из руководства Верховного Совета Бебутова и его ближайших друзей: Кедрина, Маргулиеса и других — всего 8 человек.

Очистив свои ряды от ненадежных лиц, инициативная группа во главе с Н. В. Некрасовым и А. М. Колюбакиным тотчас же развернула работу по воссозданию масонской подпольной организации. Обряд посвящения в «кадетское масонство» того времени подробно описал Н. С. Чхеидзе.

"Как-то раз — это было в 1910 году — ко мне подошел член Государственной думы Степанов, левый кадет, и спросил меня, не нахожу ли я возможным вступить в организацию, которая стоит вне партий, но преследует политические задачи и ставит своей целью объединение всех прогрессивных элементов; упомянул он при этом, что для вступления необходимо принятие какой-то присяги и что вообще это связано с некоторым ритуалом. О том, что это масоны, он мне прямо не сказал. Я не был знаком с характером этой организации, равным образом я мало знал и о масонстве вообще, но почему-то — не припомню теперь, почему именно, — сразу догадался, что речь идет о масонской ложе и тотчас же выразил свое согласие. Степанов указал, куда я должен прийти, — адреса я теперь

не помню. В назначенное время я пришел. Меня ввели в отдельную комнату, где Степанов дал мне анкетный листок с рядом вопросов, на которые я должен был ответить (Степанов об этой анкете предупредил меня заранее), и оставил меня одного. Я сел писать ответы. Насколько вспоминаю, вопросы были следующие (приведу, что помню, вместе со своими ответами).

Как Вы относитесь к семье? — Признаю ее как ячейку, имеющую воспитательный и объединяющий характер.

Как Вы относитесь к человеческому прогрессу? — Признаю, что человечество идет к тому, чтобы стать одной семьей, к этому ведут объективные условия развития человечества, и считаю необходимым всеми силами работать над этим.

Ваш взгляд на религию? — Считаю, что нужно быть терпимым ко взглядам каждого.

Какие пути и методы международных отношений Вы признаете? — Считаю, что только пути мирного сотрудничества, что только общечеловеческая солидарность и стремление к взаимному пониманию являются основами, на которых должны складываться международные отношения.

Как Вы относитесь к войне? — Считаю, что метод решения международных споров путем войн должен быть навсегда и совершенно исключен из списка допущенных.

А если нападут на Россию? — Мы должны стремиться ликвидировать ее [войну] тем или иным мирным путем.

Какую форму правления Вы считаете наиболее приемлемой для России? — Республиканскую.

Других вопросов и своих ответов я не помню, но помню хорошо, что вопросов, имевших то или иное отношение к социализму и классовой борьбе, среди них не имелось. Этих тем не коснулся я и в своих ответах.

Когда я написал ответы, в комнату вошел Степанов, взял их и удалился, оставив меня ждать ответа. Я знал, что в это время ответы мои были оглашены в собрании ложи. Через некоторое время вошел Степанов, туго завязал мне глаза и провел куда-то, где меня усадили. Здесь мне был задан вопрос:

«Знаете ли Вы, где Вы сейчас находитесь?»

Я ответил: «На собрании масонской ложи».

В говорившем я тотчас узнал Некрасова — его голос мне был хорошо знаком. Вслед за тем Некрасов задал мне вопросы, повторявшие вопросы анкеты, я ответил в духе своих только что написанных ответов. Затем Некрасов предложил мне встать, я встал и услышал, что встали и все присутствующие. Некрасов произнес слова клятвы — об обязанности хранить тайну всегда и при всех случаях, о братском отношении к товарищам по ложе во всех случаях жизни, даже если это связано со смертельной опасностью, о верности в самых трудных условиях. Потом Некрасов задал, обращаясь ко всем присутствующим, вопрос:

«Чего просит „брат“?»

Присутствующие хором ответили:

«Брат просит света!» — вслед за тем Степанов снял мне повязку с глаз и поцеловал меня, нового брата. С такими же поцелуями ко мне подошли и все остальные из присутствующих. Последними, как я теперь увидел, были, кроме Некрасова и Степанова, еще член Государственной думы и присяжный поверенный А. Я. Гальперн, относительно последнего у меня некоторые сомнения, был ли он тогда; возможно, что был и еще кто-нибудь из тех, кого я назову дальше как членов малой ложи, помню, что всего было человек 5 — 6.

Да, позабыл, акт приема меня был сделан от имени «Великого Востока Франции».

Так я вступил в ложу. Заседания последней шли более или менее регулярно 2 — 4 раза в месяц; собирались на квартире какого-либо из членов; никаких ритуалов на этих собраниях не соблюдалось; состав несколько менялся — в общем руководствовались тем правилом, чтобы в ложе сходились люди, жившие относительно недалеко друг от друга, но число присутствующих было 6 — 8.

Совещания эти носили информационный характер; определенных докладов обычно не было; каждый передавал новую информацию — за эту последнюю я особенно ценил эти собрания. Из этого, конечно, не следует делать вывода, что я не признавал пользы этой организации и в других отношениях: я ее ценил как организацию, где могут быть выяснены те или иные общие прогрессивным элементам точки зрения на различные вопросы; такое согласование взглядов мне казалось политически весьма полезным. Наряду с такой информацией о событиях шла и взаимная информация об отношении к ним. Тут бывали и дебаты, причем обострения их всегда избегали; как только замечали, что разногласия не могут быть сглажены, что общую формулировку отношения к данному вопросу найти нельзя, то вопрос этот устранялся. Но по тем вопросам, когда имелось сходство отношения, резолюций не выносили, голосований не производили: все, что придавало бы собраниям сколько-нибудь связующий характер, было устранено".

Прошло всего несколько месяцев, и уже сам Н. С. Чхеидзе (в 1917 году он станет первым председателем Петроградского

Совета) вынужден будет, выполняя ответственное поручение масонского начальства, подыскивать подходящие кандидатуры для своей ложи. Сам Н. С. Чхеидзе был убежденный социал-демократ, меньшевик. Естественно, что едва ли не первой жертвой новоиспеченного «ловца душ» стал его ближайший коллега по партии Евгений Петрович Гегечкори — будущий премьер-министр Грузии в 1918 — 1921 годах.

«Это было, кажется, в 1909 году, — рассказывал последний Б. И. Николаевскому в Брюсселе, в 1928 году. — У нас, социал-демократических депутатов, сложились очень хорошие отношения со Степановым, Волковым, Некрасовым, с группой левых кадетов вообще. Несмотря на общую атмосферу, очень неблагоприятную для левых, они не только не сторонились нас, но даже как бы сознательно искали с нами связи. Причины этого я понял только после того, как Чхеидзе ввел меня в масонскую ложу. Первым разговор со мной завел на эту тему Чхеидзе, который после долгих колебаний, что чувствовалось по его подходам, сообщил мне, что именно эта группа левых кадетов предложила ему войти в ложу. Он спрашивал мое мнение и хотел, чтобы в ложу вошел и я. Я спросил, как относится к этому делу он сам. Чхеидзе ответил, что он уже дал согласие. Я, зная об отрицательном отношении партии ко всякого рода внепартийным объединениям, стал тогда расспрашивать более подробно о задачах масонской организации и мотивах его положительного ответа. Чхеидзе мне объяснил, что эта организация по своим задачам носит определенно революционный характер, что она стремится к насильственному перевороту, что она представляет из себя значительную силу, будучи довольно широко распространена в интеллигентских кругах, и что с нашей стороны было бы в высшей степени нецелесообразно остаться вне подобной организации, которая в будущем может сыграть весьма значительную роль; наоборот, если мы в нее войдем и постараемся оказывать воздействие на эту организацию, на ее политические мнения, в желательном для нас, социал-демократов, направлении, то это может быть очень полезно с точки зрения тех задач, которые станут перед нами — социал-демократами. При этом он сообщил, что выяснил, что в организацию не входят правые элементы (правее прогрессистов), и что для дальнейшего им было поставлено условие в неприятии таких элементов, и это условие руководителями организации принято. Эти соображения для меня решили вопрос, и я дал свое согласие».

После этого состоялась встреча Гегечкори с Волковым и Некрасовым. Последние подтвердили все сообщенное Чхеидзе: оставаясь непартийной, организация действительно стремится к тем же политическим целям, которые преследуют революционные организации.

После ряда таких разговоров произошло посвящение по обычной процедуре. "В назначенный день за мной приехал Волков и в карете повез меня куда-то в район Морской, где меня ввели в чей-то особняк — я до сих пор не знаю, чей он был (во всяком случае, не Набокова). Там меня оставили в отдельной комнате, куда ко мне пришел Некрасов, принесший анкетный лист. Я его заполнил. Помнится, что на вопрос: «Как вы относитесь к семье?» — я ответил: «Считаю ее свободным союзом личностей, связанных общностью интересов и культурного уровня». На вопрос: «Как вы относитесь к дружбе?» — «Считаю ее моральным обязательством, которое человек берет на себя по доброй воле и которое для него с этого момента является морально обязательным». На вопрос об отношении к войне я, оговорив о недопустимости изменческих действий, указал, что считал бы обязанностью стремиться к превращению войны в революцию. О религии — что сам отношусь к ней отрицательно, считаю ее опиумом, но в то же время рассматриваю ее как частное дело каждого.

Помню, что был еще вопрос о личной храбрости, о своей способности пожертвовать своею жизнью и интересами семьи для дела, которое я считаю общественно полезным. Я ответил, что этот вопрос кажется мне несколько неудобным: сказать «да» было бы слишком смело, самонадеянно, сказать же «нет» было бы несправедливостью по отношению к себе. Такого рода самопожертвование я считаю в известных условиях, т. е. если задача, во имя которой жертва приносится, соответствует той политической работе, которой я себя посвятил, необходимым, но говорить заранее о личной способности на подобный шаг нельзя: это выяснится, когда дело дойдет до действия.

Когда я заполнил анкету, за ней зашел Некрасов и забрал ее. Потом через некоторое время он же завязал мне глаза и повел в комнату, где заседали члены ложи. Здесь мне снова задали вопросы анкеты, на которые я отвечал уже устно в том же духе, что и письменно перед тем, после чего мне сказали слова клятвы, которую я повторил. В этой клятве было заявление об обязанности держать все, что относится к организации, в тайне от всех, даже самых близких людей и от семьи; о готовности принести в жертву интересы семьи и близких в пользу тех задач, которые преследует ложа; в этой же клятве говорилось, что если по моей вине тайна ложи разгласится и это повлечет за собою ее провал, то я признаю себя подлежащим смертной казни.

Всю эту клятву я произносил стоя с завязанными глазами; в наиболее патетических местах клятвы, например при заявлении о готовности пожертвовать собою, к моей груди приставляли шпагу. Во всей этой процедуре было что-то непри-ятножуткое; меня при этом ни на минуту не покидала мысль, что я делаю ошибку, вступая в эту организацию тайно от партии, скрывая этот свой шаг от последней, но в то же время вся она в целом, со всей своей необычностью для революционной, среды — я должен это признать — действовала на меня несколько импонирующе.

После принесения клятвы и того стереотипного вопроса, который приведен в рассказе Чхеидзе («чего просит „брат"»), мне сняли повязку, и все присутствующие подошли с поцелуями. Среди них были Некрасов (председатель), Степанов, Н. Д. Соколов, Г. Ф. Жданович (помню, его присутствие меня очень удивило), Чхеидзе, крупный сотрудник «Русских ведомостей» Обнинский (он был казначей ложи), некто Харитонов — старый революционер, Орлов-Давыдов.

Собрания ложи происходили регулярно каждую неделю, и я настолько увлекся этим делом, что не пропустил ни одного из них. Недоверчивое отношение, которое у меня было вначале, быстро рассеялось. Атмосфера братского внимания друг к другу, стремление оказывать «братьям» помощь во всех делах, отсутствие враждебности и борьбы — все это

действовало подкупающе. На собраниях ложи обсуждали политические вопросы, обменивались мнениями о положении дел, о действиях, намеченных партиями, или о том, что сделать следует. Ложа сама решений не принимала, она только намечала их и вносила в форме предложений в Верховный Совет (через Некрасова). Нашей социал-демократической деятельности ложа не стесняла; ее решения нас не связывали — скорее она нам помогала, так как члены ложи из других партий помогали нашим выступлениям, например, давая нашим подписи под нашими запросами. Даже в таких мелочах они нас поддерживали, как аплодисменты при выступлениях, создавая в Государственной думе атмосферу успеха для наших выступлений".

Масонская ложа оказывалась полезной для социал-демократического дела. Вот один из наиболее ярких эпизодов, запомнившихся Е. П. Гегечкори. После роспуска Государственной думы на 3 дня в связи с Холмским земством социал-демократическая фракция внесла срочный запрос о нарушении Столыпиным основных законов; этот шаг вызвал недовольство буржуазной и даже левой печати; дескать, социал-демократы не справятся с задачей и должны уступить этот запрос кадетам, у которых имеются лучшие ораторские и политические силы (сами кадеты с внесением запроса опоздали).

"Ответственную речь фракция поручила мне, и тогда Некрасов, который вообще в это время сидел рядом с нами и был по существу на нашей стороне, а не на стороне кадетов, посоветовал мне обратиться к М. М. Ковалевскому, обещая, что тот поможет в подготовке выступления. Я обратился, и Ковалевский действительно помог всем, чем только мог: он работал весь день, перевернул всю свою библиотеку, пересмотрел все западноевропейские конституции, всех государствове-дов и дал мне такой обильный материал, что речь вышла блестящей, и даже кадеты были вынуждены признать, что социал-демократическая фракция оказалась на высоте задачи. Когда я благодарил Ковалевского за помощь, он мне ответил: «Это ведь мой долг в отношении близкого человека». Меня этот ответ несколько удивил: близким к Ковалевскому я никогда не был, видел его тогда чуть не в первый раз. Это мое недоумение сказалось и в моем рассказе Некрасову о приеме, который мне был сделан Ковалевским. Некрасов ответил в тоне Ковалевского: «Иначе он (то есть Ковалевский) и не мог поступить». Из этого я понял, что М. М. Ковалевский близок к масонской организации.

Между прочим, М. М. Ковалевский устраивал каждую Пасху особые пасхальные приемы, на которые собиралось человек до 40, туда он стал звать и меня, после того как я вступил в ложу. На них бывали все члены нашей ложи, и я думаю, что на этих собраниях вообще бывали одни только масоны. Там я встречал еще Колюбакина, Караулова, адвоката Бернштама (которого звали Умный Б. в отличие от другого Бернштама), Сидамонова-Эристова".

Организация, свидетельствует Гегечкори, была очень конспиративна и отнюдь не стремилась к непременному расширению своих рамок путем приема новых членов, относясь к этому делу с большим разбором. Она тщательно обсуждала новых кандидатов, многие из которых отвергались, если они не соответствовали предъявлявшимся к ним высоким требованиям. "Но при всем этом организация была очень активна и производила впечатление молодой, верящей в свое дело. Мы, социал-демократы, большой активности не проявляли, мы вообще смотрели на себя как на элемент, в известных пределах сторонний в этой организации, роль наша была больше созерцательной. Но главари из радикальной демократической интеллигенции вкладывали в свою работу много активности и энтузиазма. Сильно импонировало и то обстоятельство, что у организации были значительные средства, позволявшие ей не останавливаться перед крупными расходами на объезды провинции и т. д.

В заседаниях ложи члены ее откровенно рассказывали о всех делах организаций — рассказывали о социал-демократической организации и мы".

Конституирование масонской организации произошло на конвенте (съезде) русских масонов летом 1912 года в Москве. Председательствовал там Н. В. Некрасов. Вот что

вспоминал об этом впоследствии А. Я. Гальперн: "Первым в порядке для конвента стоял вопрос о конституировании русской масонской организации. Были сделаны сообщения — докладчиком от Верховного Совета был Некрасов, — что в России имеется всего около 14 — 15 лож, из них в Петербурге 5, 3 — 4 в Киеве, 1 — 2 в Москве и по одной в Нижнем, Одессе и Минске, и что это число достаточно для выделения русских масонов в самостоятельную организацию наряду с другими Великими Востоками.

Предложение это встретило только слабые возражения. Некоторые сомневались, возможно ли совершить подобное выделение, не получив предварительного согласия от «Великого Востока Франции». На это сторонники немедленного решения вопроса отвечали указанием, что санкцию от Франции можно будет получить потом. По существу против предложения никто не возражал, и вторая точка зрения победила значительным большинством.

Зато большие споры разгорелись по вопросу о том, какое название надлежит присвоить организации: в этой связи поднялся спор между русскими и украинскими ложами. Подавляющее большинство конвента стояло за название «Великого Востока России»; Грушевский же требовал, чтобы в названии ни в коем случае не было слова «Россия». Он занимал в этом вопросе совершенно непримиримую позицию, отрицая вообще за Россией как государственной единицей право на целостное существование; его с рядом оговорок поддерживал Василенко.

Против Грушевского выступали все остальные, и спор, временами очень резкий, длился два дня. Самыми лучшими были выступления Колюбакина (который вообще производил подкупающее впечатление), Некрасова и Штейнгеля, который хотя и представлял Киевские ложи, но целиком присоединился к сторонникам российской ориентации. Крайними централистами выступали Степанов, Обнинский и я — я тогда был против даже федерации. Я выступил с очень резкой филиппикой против Грушевского и заявил, что было бы позором подчиниться его требованию и устранить слово «Россия». Выступление мое было настолько резким, что вызвало вмешательство председателя — единственное, которое сохранилось в моей памяти от всех трех конвентов, на которых я участвовал; он призвал меня к порядку, указав на недопустимость выражений, употребленных мною, при разговорах в братской среде. В конце концов было принято название «Великий Восток народов России».

Далее было принято решение поручить Верховному Совету выработать устав организации и разослать его для ознакомления ложам — с тем чтобы на следующем конвенте можно было его утвердить".

Генеральным секретарем Верховного Совета «Великого Востока народов России» стал член III Государственной думы, тверской земец Александр Михайлович Колюбакин (1868 — 1915).

Наряду с кадетами (А. М. Колюбакин, В. А. Степанов) и прогрессистами (А. А. Орлов-Давыдов, А. И. Коновалов) видную роль в сообществе играли также представители народнических партий (А. Ф. Керенский, П. Н. Переверзев) и меньшевики (Н. С. Чхеидзе, Н. Н. Суханов, Гиммер). Широко была представлена в масонстве творческая и научная интеллигенция (З. Н. Гиппиус, Марк Алданов (Ландау), Д. С. Мережковский, Б. В. Савинков, В. Немирович-Данченко, М. Волошин, академики В. И. Вернадский, С. Ф. Ольденбург, профессора Д. Д. Гримм, Е. В. Аничков, П. Б. Струве, А. Каминка, Г. Гамба-ров, С. П. Костычев, М. Таубе, А. В. Карташев, историк П. В. Ще-голев и др.), промышленники (Павел Бурышкин, Павел Штей-нгель, Степан Лианозов), банкиры (Дмитрий Рубинштейн, Абрам Животовский, Карл Ярошинский, Алексей Путилов), адвокаты (Оскар Грузенберг, Александр Гальперин, Максим Винавер) и журналисты (Иосиф Гессен, Михаил Корнфельд, Алексей Ксюнин, Борис Мирский (Миркин).

Широко была представлена в «Великом Востоке народов России» и русская аристократия: граф Иван Воронцов-Дашков, князь Сергей Голенищев-Кутузов, князь Сергей Горчаков, граф Алексей Игнатьев, князь Виктор Кочубей, князь Андрей Лобанов-Ростовский, князь Георгий Львов, граф Александр Мордвинов, князь Дмитрий Оболенский, князь Дмитрий Репнин и другие. Да что там русская аристократия, когда даже сам Николай II, по свидетельству бывшего ректора Московского университета А. А. Тихомирова, «был не без греха в масонстве и участвовал в черных мессах». «Кто знает, — замечал в связи с этим историк Ю. В. Готье, — быть может, в этом есть доля правды».

В 1913 году на втором съезде «Великого Востока» был принят устав организации, в основу которого был положен устав «Великого Востока Франции», однако, в отличие от последнего, ритуал посвящения, максимально упрощенный, предусматривал для «братьев» всего две степени: ученика и мастера. Деятельное участие в разработке устава, опубликованного в 1915 году в замаскированном виде в книге Е. Сидоренко «Италиан-ские угольщики», принимал библиотекарь Генерального штаба, известный впоследствии советский писатель С. Д. Масловский (Мстиславский). Генеральным секретарем Верховного Совета «Великого Востока» на этом съезде снова был избран левый кадет А. М. Колюбакин, убитый в начале 1915 года на фронте в результате несчастного случая. Его обязанности до лета 1916 года, когда состоялся третий (и последний) съезд «Великого Востока», исполнял Н. В. Некрасов. Новым генсеком на этом съезде стал А. Ф. Керенский. Однако в должности своей он пробыл недолго и уже в том же 1916 году передал ее А. Л. Галь-перну.

Новым в русском масонстве XX века явилось привлечение в орден женщин, среди которых можно отметить З. Гиппиус, Е. М. Кускову и первую жену А. М. Горького — Е. П. Пешкову.

«Великий Восток народов России» имел откровенно политический характер, хотя и прикрывался фразами о «материальном и моральном улучшении», интеллектуальном и социальном совершенствовании человечества в качестве цели. Главной же задачей «братьев» являлось на деле объединение на широкой надпартийной основе усилий всех буржуазных и мелкобуржуазных партий, направленное на свержение самодержавия и разрушение Российской империи, на месте которой предполагалось создание федеративного государства или ряда государств (что-то вроде современного СНГ).

Что же касается пути, по которому масоны шли к своей цели, то он был вполне традиционен для их учения: «направлять через наших „братьев" членов Думы ход нашей жизни».

Особенно активизировались масоны в годы Первой мировой войны, организовав в 1915 году так называемый «прогрессивный блок». Выдвинув лозунг создания «правительства национальной обороны» с участием «общественных элементов», они развернули с подачи французского и английского масонства оголтелую травлю сторонников сепаратного мира с Германией.

Среди лож «Великого Востока народов России» этого времени — «Северное сияние», «Истинные друзья Человечества» и «Малая медведица», в которую в 1912 году был принят А. Ф. Керенский. В эту же ложу входили такие известные политические деятели, как Н. В. Некрасов, М. И. Терещенко, А. И. Коновалов и Н. Д. Соколов. «Военную ложу» (генералы Свечин, Алексеев, Рузский, полковники Крымов, Теплов, Масловский-Мстиславский) возглавлял А. И. Гучков. Существовала и так называемая «Думская ложа» (она была самой многочисленной), задачей которой являлось объединение всех оппозиционных партий в Думе в борьбе за свержение самодержавия. Ну а целью «Литературной» ложи (В. Я. Богучар-ский, С. Д. Масловский-Мстиславский, А. А. Мейер, Н. Н. Суханов, А. В. Карташев) являлась работа с «левыми» журналистами и литераторами.

«Головку» русского политического, или, как его еще называют, кадетского масонства составляла тройка ее наиболее деятельных членов: Н. В. Некрасов, А. Ф. Керенский и М. И. Терещенко. В 1916 году к ним добавились еще два «брата» — А. И. Коновалов и И. Н. Ефремов, после чего «тройка» превратилась в масонскую «пятерку». Распределение ролей было следующим: Некрасов отвечал за связь с либеральной оппозицией, Керенский общался с радикалами и социалистами всех мастей, Терещенко вел работу среди военных, Ефремов и Коновалов — среди торгово-промышленных кругов. Душой русского политического масонства этого времени был князь С. Д. Урусов, через которого поддерживались тесные связи с «Великим Востоком Франции».

Проводниками масонского влияния в России накануне революции были: «Религиозно-философское общество» во главе с масоном А. В. Карташевым, «Общество английского флага» (Русско-английское общество) во главе с председателем Государственной думы масоном М. В. Родзянко, «Русское теософическое общество» во главе с А. А. Каменской, «Русское Антропософическое общество» во главе с его председателем Е. В. Васильевой, «Лига прав человека» (председатель Яков Рубинштейн), «Общество сближения между Россией и Америкой» во главе с Н. А. Бородиным и другие организации либерального и пацифистского толка.

Польский историк Людвик Хасс к 1913 году насчитал около 40 масонских лож в России общей численностью до 400 человек. К 1915 году их было уже до 600, объединенных в 49 ложах. Если же добавить к этой цифре ложи оккультного характера (розенкрейцеры, мартинисты, филалеты и проч.), а также членов зарубежных лож, то картина получается впечатляющей.

Несмотря на формально провозглашенную летом 1912 года независимость от французских «братьев», на самом деле связей с «Великим Востоком Франции» русские масоны никогда не прерывали. Утверждения ряда историков о том, что «Великий Восток народов России» был «неправильной», т. е. не признанной зарубежным масонским центром организацией, не соответствуют действительности. На самом деле это была, конечно же, самая настоящая «регулярная» организация ордена. Упрощение же ею устаревших к началу XX века некоторых особенностей масонского ритуала и отказ в целях конспирации от письменных протоколов и других бумаг дела не меняет.

Общие задачи организации, как их определял Гальперн, сводились к следующему: "стремление к моральному усовершенствованию членов на почве объединения их усилий в борьбе за политическое освобождение России. Политического заговора как сознательно поставленной цели в программе нашей работы не было, и если бы кто-либо попытался в задачи организации такой заговор ввести, то это вызвало бы протесты со стороны многих. Был, правда, целый ряд лиц, из них часть очень влиятельных, которые очень сильно к заговору склонялись — например, Мстиславский и Некрасов. Но в организации они свою точку проводили осторожно и закрепить ее в качестве официальной точки зрения организации не стремились. Борьба за свободу, конечно, входила в задачи организации; об этом говорилось даже в клятве, но конкретно средства и пути нигде сформулированы не были. Задачи личного усовершенствования для многих тоже играли весьма значительную роль… Для некоторых же эта сторона задач организации имела главное значение. Так, например, в Киеве преобладали в организации люди, для которых этические задачи стояли на первом месте.

Социалистической окраски программа организации не носила, но широким социальным реформам всемерно все члены сочувствовали и к социалистическому движению относились больше, чем терпимо. Я, пожалуй, назвал бы нашу организацию последним прибежищем великих идей 1789 года: лозунги «братство, равенство, свобода» у нас воспринимались в их наиболее первобытном — неискаженном и неусложненном виде.

Очень характерной для настроений подавляющего большинства организации была ненависть к трону, к монарху лично — за то, что он ведет страну к гибели. Это был патриотизм в лучшем смысле слова — революционный патриотизм. Наиболее сильно это настроение выступило, конечно, в годы войны, но в основе оно имелось и раньше. Конечно, такое отношение к данному монарху не могло не переходить и в отношение к монархии вообще, в результате чего в организации преобладали республиканские настроения; можно сказать, что подавляющее большинство членов были республиканцами, хотя республика и не была зафиксированным догматом организации".

Главными экспертами Департамента полиции по масонскому вопросу были в эти годы Г. Г. Мец и Б. К. Алексеев, регулярно составлявшие по его поручению свои обзоры-доклады на эту тему. Командированный во Францию Б. К. Алексеев вошел в контакт с руководителем «Антимасонской лиги» аббатом Жюлем Турмантэном, с помощью которого и предполагалось получать интересующую Департамент конфиденциальную информацию, почерпнутую из источников внутри самих французских лож.

За свое сотрудничество Турмантэн требовал денег. П. А. Столыпин, которому был сделан соответствующий доклад, вопроса не решил. Не решил его и царь, к которому обратился в декабре 1910 года товарищ министра внутренних дел П. Г. Курлов. Проявив живейший интерес к «проискам масонов», Николай II пожелал более внимательно ознакомиться с проблемой, для чего предполагалось устроить «отдельную аудиенцию». В январе 1911 года к делу был подключен проживавший с 1905 года во Франции бывший заведующий заграничной агентурой Департамента полиции Л. А. Ратаев. Уже в марте 1911 года им был представлен первый доклад на эту тему.

Убийство 1 сентября 1911 года Столыпина и последовавшая вскоре отставка Курлова привели к тому, что масонская проблема, которой эти деятели уделяли пристальное внимание, сразу же отодвинулась на второй план. Новое начальство, в отличие от старого, и в Департаменте полиции (директор С. П. Белецкий), и в МВД считало, что русские масоны — это главным образом безобидные оккультные кружки, не представляющие серьезной угрозы безопасности государства.

Записки о масонстве, которыми бомбардировал Л. А. Ратаев Департамент полиции, равно как и его проницательный вывод, что «в политике приютом масонов служит кадетская партия», никого здесь не заинтересовали. Невостребованным оказался и представленный им в Департамент предварительный список (88 человек) русских масонов. Похоже, о существовании настоящих масонов (деятели думской оппозиции, профессора, журналисты, адвокаты), объединенных в рамках «Великого Востока народов России» (1912 — 1918), в Департаменте полиции ничего не знали, а может быть, и не хотели знать.

Последняя записка Ратаева о масонах в Департамент полиции относится к февралю — марту 1916 года. Внимательно прочитав ее, тогдашний директор Департамента Е. К. Климович какого-либо хода этому документу так и не дал. Приближалась революция, и полиции было уже не до масонов.

* * *

Спириты, теософы, розенкрейцеры, мартинисты не скрывают антиправославной, шире — антихристианской сущности своего учения. Сложнее обстоит дело с софианством, или неоправославием, подрывающим под предлогом требований реформ православную церковь изнутри. Связь софианцев с масонством и розенкрейцерством не подлежит сомнению. Софиан-ство произошло из «семян, упавших с символической Розы и проросших в плодородной почве современного общества», — отмечал Ю. П. Граббе в книге «Корни церковной смуты».

Основоположник учения о Святой Софии — Владимир Соловьев (1853 — 1900), обладая гениальным умом, представлял собой в то же время, как полагают некоторые исследователи, «врожденно неполноценную личность с несомненными психопатическими чертами психической дегенерации. На слабых плечах своей телесной и нервно-психической неполноценности нес он тяжкое бремя яркой гениальности. Рано пробудившаяся и, „как жало во плоть", всю жизнь мучившая Соловьева патологическая эротика, вместе с тлетворными влияниями неправославной, нецерковной мистики, извратили его религиозный мистический опыт, пленили его в прелесть и увели в бесконечность блужданий в поисках истины — вне церкви».

Даже если согласиться, что присоединение В. С. Соловьева к католической церкви 18 февраля 1896 года (в Москве, в домашней часовне о. Н. А. Толстого) было канонически неправильным, одна его идея «соединения церквей» (уния), не говоря уже о его учении о Святой Софии, ясно показывают, насколько далеко ушел он от ортодоксального, охранительного православия в духе отца Иоанна Кронштадтского.

Но именно это как раз и требовалось по условиям того времени, таков был тогдашний, говоря языком нашего времени, «идеологический заказ». Отсюда и энтузиазм поклонников В. С. Соловьева, не жалевших усилий для пропаганды «модернизированного православия» своего кумира. Не смутило их и появление некоей Анны Шмидт, объявившей себя в 1900 году «тварным воплощением» Святой Софии, а Владимира Соловьева — земным воплощением Иисуса Христа, чего тот, правда, не признал.

Характерно, что в качестве «тварного воплощения» Святой Софии у каждого софиолога был, как говорится, свой персонаж женского пола. Если для Андрея Белого воплощением Подруги Вечной выступала Маргарита Кирилловна Морозова (урожденная Мамонтова — жена промышленника и мецената М. А. Морозова), которую он впервые увидел на симфоническом концерте в 1901 году (само знакомство произошло только в 1905 году), то у Александра Блока в качестве таковой выступает Незнакомка, Прекрасная Дама — Л. Д. Менделеева, вдохновлявшая в те годы его поэтическую музу.

31 июля 1900 года В. С. Соловьев умер. Это дало сигнал для возникновения среди его поклонников небольшого кружка, члены которого ставили своей задачей развитие и популяризацию учения о Святой Софии. Собирались они в Москве в доме брата знаменитого философа, Михаила Сергеевича Соловьева. Среди членов кружка — поэт Андрей Белый, А. С. Петровский, С. Н. Трубецкой, Л. Л. Кобылинский (Эллис), сын М. С. Соловьева — поэт С. М. Соловьев. Бывали здесь и В. Я. Брюсов, Д. С. Мережковский, 3. Н. Гиппиус.

Центральной идеей, объединявшей этих людей, являлось учение Владимира Соловьева о Святой Софии как женственном начале в Боге, неустанными поисками «познания» которого они и занялись. Что же касается подходов к проблеме, то здесь его участники разошлись. Если одних интересовала ее преимущественно религиозно-философская сторона, базировавшаяся на учении гностика II века н. э. Валентина, то другие, напротив, перенося Святую Софию в область идейно-политическую, усматривали ее проявление в приближающейся революции в России.

Задача, которую они перед собою ставили, заключалась в идейной подготовке приближающегося революционного взрыва. Революции социально-политической, утверждали они, должна предшествовать «революция духа». Судя по тому, что в феврале 1917 года Русь, по меткому выражению Василия Розанова, «слиняла за три дня», задумка «революционеров сознания» вполне удалась.

Тем временем в 1903 году умирает М. С. Соловьев, и на месте его кружка возникает новая организация «Братство аргонавтов». Председателем «Арго» был поэт Андрей Белый. Среди членов — философы и поэты Л. Л. Кобылинский (Эллис), С. М. Соловьев, Г. А. Рачинский, П. И. Астров, А. С. Петровский, В. В. Владимиров, А. С. Челищев, М. А. Эртель,

которые и составляли его основное ядро. Кроме них, собрания «Аргонавтов» посещали поэты К. Д. Бальмонт, В. Я. Брюсов, Ю. К. Балтрушайтис, философы М. О. Гершензон, Г. Т. Шпет, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, В. Ф. Эрн и другие. В идейном плане «аргонавты» были продолжателями кружка М. С. Соловьева. Святая София, согласно их представлениям, «открывается» только индивидуумам, коллективному сознанию она недоступна. Индивидуум созерцает ее как владычицу мира, в мистическом восприятии она — «душа мира», но может раскрыться и как «душа человечества».

С «Братством аргонавтов» были тесно связаны русские символисты с характерным для них мистическим восприятием культуры (Д. Мережковский, В. Брюсов, К. Бальмонт, Вяч. Иванов, А. Белый и др.). У Д. Мережковского и З. Гиппиус это вылилось в поиски некой новой религии, у Вячеслава Иванова и Андрея Белого — в разработку теории символов как знамения и средства выражения новой реальности. Близок к «Аргонавтам» был и Александр Блок, хотя, живя в Петербурге, он не посещал их заседаний. У Блока, отмечал А. Белый, едва ли не раньше других «братьев», «выработалось конкретное учение о Софии», в котором он исходил из гностической системы Валентина.

«Для нас символизм, — писал в 1909 году в статье „Культура и символизм‟ Л. Л. Кобылинский (Эллис), — дорог более всего как путь освобождения, неизбежно ведущий нас к единству воли и знания и к примату творчества над познанием. Этим он сближается с сокровенным ядром последних глубоких мистических учений и великих религий, с заветнейшими устремлениями и положениями оккультной науки и практики, превращая самых высших из среды своих последователей в жрецов как бы новой религии, посвященных Откровения, высочайшего среди всех в наши дни».

Говоря об «Аргонавтах», следует иметь в виду, что это была свободная ассоциация людей искусства, литературы и науки, не связанная каким-либо уставом и не имеющая четко обозначенных контуров. А отсюда и непрочность, недолговремен-ность этого объединения. В 1910 году кружок «Аргонавтов» прекратил существование.

Одновременно с московским кружком и в тесной связи с ним работали петербургские софианцы, группировавшиеся вокруг Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус, квартира которых получила среди «братьев» название «логовище мысли». Здесь собирались С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, А. В. Карташев, А. С. Ас-кольдов, И. М. Андреевский, Д. В. Философов, А. М. и С. П. Ремизовы, В. В. Розанов. Одной из излюбленных тем этой публики была теория «брака трех» (menage en trois), горячим пропагандистом которой выступал, в частности, Д. С. Мережковский.

Практическим воплощением этой идеи была некоторое время «тройка» — А. А. Блок, его жена Л. Д. Блок (Менделеева) и Борис Бугаев (Андрей Белый). «Л. Д. мне объясняет, — отмечал в связи с этим А. Белый в книге „Меж двух революций‟, — что Александр Александрович ей не муж; они не живут как муж и жена; она его любит братски, а меня подлинно; всеми этими объяснениями она внушает мне мысль, что я должен ее развести с Александром Александровичем и на ней жениться; я предлагаю ей это; она — колеблется, предлагая мне, в свою очередь, нечто вроде menage en trois, что мне не симпатично. Мы имеем разговор с Александром Александровичем, где ставим вопрос, как нам быть. Александр Александрович молчит, уклоняясь от решительного ответа, но как бы давая нам с Любовью Дмитриевной свободу…»

Да и что ему оставалось делать, если, по признанию самой Любови Дмитриевны, «короткая вспышка чувственного его увлечения мной в зиму и лето перед свадьбой скоро, в первые же два месяца погасла, не успев вырвать меня из моего девического неведения, так как инстинктивная самозащита понималась Сашей всерьез». Отсюда — многочисленные любовные увлечения Л. Д. Блок. Наиболее сильное из них — К. Н. Кузьмин-Караваев, от которого она родила сына (это при живом-то муже, Александре Блоке!). Ребенок умер в 1912 году.

Любопытный штрих на тему нравственного облика этой богемы «серебряного века русской культуры» приводит в своих воспоминаниях поэт Максимилиан Волошин. Поэт Эллис (Л. Л. Кобылинский. — В. Б.) заговорил «при Брюсове: почему Вячеслав Иванов так восторгается Городецким (С. М. Городецкий, поэт. — В. Б.). Брюсов ответил ему: „Знаете, Лев Львович, нельзя быть таким наивным. Кто не знает, в каких отношениях Вячеслав Иванов и Городецкий?‟ Эллис не вполне поверил и спросил приехавшего В. Ф. Нувеля. Тот засмеялся ему в лицо: „Вы совсем наивное дитя, несмотря на ваш голый череп. Наша жизнь — моя, Кузмина, Дягилева, Вячеслава Иванова, Городецкого — достаточно известна всем в Петербурге‟».

Это было время, когда отношения Андрея Белого и четы Мережковских были наиболее близкими. «Они приняли меня на свои тайные моления, — вспоминал Белый в мемуарах „Начало века‟, — их малая община имела свои молитвы, общие; было 2 чина; 1-х: чин ежедневной вечерней молитвы; и 2-х: чин служб: этот чин свершался приблизительно раз в 2 недели, по „четвергам‟; во время этого чина совершалась трапеза за столом, на котором были поставлены плоды и вино; горели светильники; на Мережковском и Философове были одеты широкие пурпурные ленты, напоминающие епитрахили. В числе участников „четвергов‟ в это время были: Мережковский, Гиппиус, Философов, Карташев, я, Татьяна Николаевна Гиппиус, Наталья Николаевна Гиппиус; вот и все: Мережковские одно время надеялись ввести в чин свой Бердяева и Волжского; но те скоро отошли от них».

Господствовавшая у Мережковских атмосфера «кадетской религиозной общественности» и «абстрактное направление» их кружка не вполне устраивали его членов. Во главе «оппозиции» встал В. И. Иванов, организовавший в ноябре — декабре 1905 года новое «братство», которое и становится с этого времени центром софианской жизни Петербурга. Помимо организаторов кружка (В. И. Иванов, А. Белый, А. Блок) собрания на квартире Иванова (в «Башне») посещали также А. Н. Бенуа, Н. С. Гумилев, Е. В. Аничков, В. А. Пяст, С. М. Городецкий, Лев Шестов, А. С. Аскольдов, Н. О. Лосский, А. Р. Минцлова.

Собирались «братья», как правило, по средам. Помимо обычного для таких собраний чтения рефератов на религиозно-философские темы случались на «средах» В. И. Иванова и масонские оргии, известные как «Дионисово действие». Во время черной смуты 1905 года, с укоризной отмечал в связи с этим В. Ф. Иванов, наши «богоискатели» и рыцари Св. Софии создавали «христианские братства борьбы» и оправдывали «освободительное движение» с его ложью, грязью, насилием и кровью.

«Мы были свидетелями, когда самые выдающиеся представители нашей интеллигенции, пресловутый „мозг страны‟, устраивали мистерии с музыкой, песнями, плясками и вином, причащались кровью, выпущенной из музыканта-еврея, и посвящали восторженные стихи дьяволу», — писал он в книге «Православный мир и масонство». Факт, как оказалось, действительно имевший место 2 мая 1905 года на квартире петербургского литератора Николая Минского (Виленкина). «Где-то, кого-то кололи булавкой и пили его кровь, выжатую в вино под флагом той же мистерии — это только смешило», — свидетельствует в связи с этим Андрей Белый.

Кроме самого Вячеслава Иванова (в 1926 году он перешел в католичество) активное участие в работе кружка принимала и его жена — Л. Д. Зиновьева-Аннибал. Разыгрывая из себя дионисийскую натуру, она принимала своих гостей в «Башне» не иначе, как в красном хитоне. Широкой публике эта дама была известна скандальной повестью «Тридцать три урода» (СПб., 1907), в которой подробно описывается лесбийская любовь.

Усилия членов кружка были направлены на внедрение в общественное сознание идеи «свободной любви», или, проще говоря, подготовки сексуальной революции в нашей стране. В этом плане обращал на себя внимание доклад М. Волошина «Новые пути Эроса», прочитанный на одном из заседаний кружка в «Башне». В ходе возникшей затем дискуссии «дивно говорил» Вячеслав Иванов, энергично доказывавший, что «в сущности вся

человеческая и мировая деятельность сводится к Эросу, что нет ни этики, ни эстетики — обе сводятся к эротике».

Среди увлекавшихся оккультизмом и спиритическими сеансами «братьев» был и поэт Валерий Брюсов. Вот что вспоминал об этом увлечении известного поэта В. К. Станюкович: "Как-то раз я зашел к Брюсову вечером, — пишет он (воспоминания относятся к 1894 году. — В. Б.), — он торопился к А. Лангу на спиритический сеанс и затащил меня к нему, зная мое отрицательное отношение к этим сеансам. В слабо освещенной комнате с темными портьерами мы нашли длинного, странного, с блестящими глазами Ланга. Он был один и никого не ждал. В торжественной тишине хозяин и Брюсов приступили к священнодействию. На дощечку, сквозь которую проходил карандаш, они положили правые руки, и он тотчас забегал по большому листу, расположенному на столе.

Как только лист исписывался, он убирался в сторону, а под ним оказывался чистый, готовый к дальнейшим откровениям. Быстро покрывались листы строками, написанными крупным почерком. Мягкий мрак и тишина кругом, а в круге света, падающего из-под низко опущенного абажура, склоненные фигуры над бегающими по белому листу руками. Я сидел в глубоком кресле, мне было уютно, и никакой таинственности я не ощущал. Продолжая так около часу, они остановились.

Спириты хотели и меня вовлечь в их мистерию, но я отказался, и мое явное неверие вызвало чрезвычайное раздражение Духа. Он начал покрывать очередной лист самыми отборными ругательствами, которыми никогда не осквернялись уста товарищей. Я начал хохотать и разогнал таинственную атмосферу уютной комнаты с мягкими темными драпировками, разомкнув руки товарищей. Дух, возмущенный моим присутствием, перестал двигать карандаш, и исписанные листы были приобщены к толстой груде прежних откровений.

Мы возвращались по темной Москве. Брюсов упрекал меня в нетерпимости и неверии. Убеждал меня в том, что Дух, а не он ругал меня. В этом я ему наполовину поверил (их было двое). Обещал никогда более не искушать Духа. Насколько помню, — замечает В. К. Станюкович, — эти общения с духами, совместно с Лангом, длились долго. Брюсов вообще интересовался областью тайного знания, а Ланг был убежденный спирит. Брюсов говорил мне, что стихи Ланга написаны не им, а духами <…> Ланг выступил со стихами вместе с Брюсовым в первом выпуске «Русских символистов» под псевдонимом Митропольский, а затем выпустил под фамилией Бедина книжку стихов «Одинокий труд»".

Самое удивительное, что увлечения своего Валерий Яковлевич не оставлял и в зрелые годы. "В эту зиму (1903 год. — В. Б.), — писал в своих воспоминаниях М. А. Волошин, — литературная молодежь обычно встречалась у Брюсова в старом фамильном доме на Цветном бульваре. Дом этот, очевидно, принадлежавший родителям Брюсова, находился на противоположной стороне, супротив тогдашних цирков Саломонов-ского и Никитина, на самой периферии московской «Субур-ры», описанной в рассказе А. Чехова «Припадок». Дом носил московский купеческий характер. Здесь, в небольшой белой столовой, рядом с гостиной, уставленной цветочными горшками, где «лопасти латаний рисовались на эмалевой стене» высокой изразцовой печки, собиралась у Валерия Яковлевича, в зиму, предшествующую основанию «Весов», московская поэтическая молодежь того времени. За чайным столом читали по очереди свои стихи и выслушивали критические замечания хозяина. Разговоры Брюсова, который в это время собирал ма-терьялы для «Огненного Ангела», были сухи, богаты, остры, осведомлены и часто вращались около оккультных тем. Его интерес к оккультизму был не только книжный. Незадолго до этого он сам, по-видимому, пережил оккультный роман.

"Меня интересовало, — рассказывал он, — как спиритические духи, т. е. те существа, с которыми мы разговариваем на спиритических сеансах, сами относятся к нам, как они видят

и принимают человеческий мир. Я иногда ставил им вопрос об этом и получал ответы очень неожиданные:

— Так, как будто огонек в поле и около него тени.

В виде огонька они, значит, видят спиритический столик. Я пробовал спрашивать:

— А сколько же нас сидит около огонька?

Но у них не было явно ни восприятия лиц, ни числа. Ответы были самые противоречивые и разные:

— Один, пять — толпа…

Считать они совсем не умели. Мы занимались обыкновенно вдвоем с Лангом (Миропольским, поэма которого «Лестви-ца» напечатана «Скорпионом»). Постепенно у нас составился круг знакомцев, которые с нами беседовали. В этом круге сущностей они являли свои виды и планы на нас — и мы им в чем-то должны были помочь. В чем, так и осталось для меня неясным. Они начали нами руководить и давали нам ряд указаний и формул, носивших характер чисто магический, который часто трудно было исполнить. По смыслу их требований, необходимо было иметь в своем распоряжении обширное пустопорожнее место. Требование, которое трудно было осуществить в условиях городской жизни. Мне показалось, что этому мог бы удовлетворить большой чердак недостроенного дома. Я подал эту мысль, и они одобрили. У меня был на примете такой четырехэтажный, строящийся дом, хозяин которого был знакомым моей семьи. Я отправился к нему просить разрешения, и тут случилась первая странность. Этот человек, уже не молодой и почтенный, принял меня в отдельной комнате, и когда я ему изложил все мое дело и он поднялся со стула, чтобы ответить мне, — он вдруг упал — у него был удар и паралич языка. Ответа я так и не получил.

В другой раз все уже было устроено и разрешение получено — я ждал только Ланга, чтобы идти туда, он должен был зайти за мной. Но он не пришел ко мне, и сеанс не состоялся. Потом выяснилась вещь еще более странная: когда он шел по Цветному бульвару, какой-то прохожий, поравнявшись с ним, ударил его по голове тяжелым кирпичом, завернутым в клетчатый платок. Он потерял сознание и очнулся только через два часа в аптеке, куда его отнесли. Так и второй раз наш сеанс не состоялся.

Лишь по третьему разу нам удалось его устроить. Я расставил светильники, как нам было указано, начертил знаки и круг, но когда начал произносить заклинания, то рядом с нами упала тяжесть в несколько десятков тысяч пудов. Светильники наши были разбиты вдребезги и погасли, не понимаю, как чердачные балки вынесли этот удар и как мы сами не пострадали. Очевидно, я сам недостаточно тщательно замкнул круг или сдвинул один из светильников. Словом, эксперимент был неудачен, и наше общение с этой группой духов этим кончилось. Никто из них на сеансах с нами больше не разговаривал. Мы старались узнать о их судьбе, расспрашивая других духов, но ответы были странные, малопонятные. Нам отвечали: «Их нет. Они заперты» и раз даже — «Они умерли»".

Любопытна в связи с этим реакция Брюсова на провозглашенный Андреем Белым на одной из «сред» у Вячеслава Иванова масонский тост: «Пью за Свет!» «Брюсов, сидевший рядом со мной, — свидетельствует А. Белый, — вскочил как ужаленный и, поднимая свой бокал, прогортанил: „За тьму!"» Впрочем, такие «богомерзкие» выходки были обычным явлением в этой среде. «Я не выдержал, — вспоминал А. Белый, — вдруг за столом при всех сорвал с себя крест, бросив его в траву. А. А. (Блок. — В. Б.) усмехнулся недоброй улыбкой».

Сам Андрей Белый всю свою сознательную жизнь оставался глубоким и законченным мистиком. «Человек начинается там, — писал он, — где кончается слово, где слово свивается — там начинается оккультизм; и все мы — оккультисты <…> Оккультизм — это воздух, которым мы дышим; и изучение оккультистов без овладения жестами, без уменья их видеть, читать — есть дурная привычка. Назвавши себя оккультистом, не думаю, что я оккультист в

полном смысле: тот смысл постигается в десятилетиях подвига упражнений, в конкретности и не лежит путь смысла в сентенциях об оккультизме». Воспаленное воображение поэта рисовало впечатляющие картины некоей вселенской мистерии, участники которой «строятся в им одним открытые знаки и образуют фигуры как в танцах; танцуют треугольники из людей, пересекаются в гексаграммы <…> если знак пентаграммы есть пять, то вхождение шестого в обряд пентаграммы обогащает в шесть раз возникающие возможности встречи <…> Но этого не поймут, о чем, собственно, говорю; обрываю слова…», — записывал он в своем дневнике («Записки чудака»). И далее следует обширный пассаж о месте оккультной символики в современном мире: «Священные фигуры — оккультные знаки нельзя созерцать безнаказанно (опрокинутый треугольник — не то, что прямой: опрокинутый — самосознание, обращенное к Духу, прямой — на себя); созерцание треугольника на калоше, которую топчем мы (знак божества!) есть пародия на обряд: и неспроста святым этим знаком давно штемпелюют калоши, и ежедневно мы топчем в грязи властный знак Божества. И это — дело „их" рук…»

«Приступ медиумизма» и усиление антиправославных, антихристианских настроений у «аргонавтов» во многом были связаны с деятельностью в их среде А. Р. Минцловой — известно, что одно время она подвизалась в качестве помощницы известного теософа Рудольфа Штейнера. Порвав с ним, она появилась сначала в Москве, а затем в Петербурге в качестве представителя некой таинственной организации, судя по всему, ордена розенкрейцеров, и имела своей задачей создание «Братства Святого Духа».

"Минцлову, — писал в связи с этим Н. Валентинов, — дочь известного в Москве адвоката, я видел один только раз в кафе на Тверской улице: меня познакомил с нею приехавший из Петербурга Арабажин — двоюродный брат Белого. Она произвела на меня самое неприятное впечатление: толстый обрубок, грязные желтоватые волосы, огромный глупый лоб, узенькие свиные глаза, а главное — речи! За два года я привык говорить с символистами, к «воздуху» символизма достаточно принюхался и на всякие мистические «всмутки» уже не реагировал. Но Минцлова раздражала своими таинственными намеками вроде: «Как маловажно то, что вы говорите, в сравнении с тем, что вот здесь, рядом с нами, находится и нас слушает». — «О ком вы говорите?» — «Да зачем мне отвечать — ведь все равно вы этого не поймете. У вас нет для этого органов восприятия».

Минцлова была вхожа ко всем писателям, и особенно к символистам. В Петербурге она была постоянным гостем и другом Вяч. Иванова, а в Москве «обрабатывала» А. Белого. Осенью 1908 года Белый действительно бегал не только к «раввину» (М. О. Гершензону. — В. Б.), проникаться у него духом «Вех», — мысль его бежала и в другом направлении: он входил «в стихию теософических дум», штудировал «Doctrine Secrete» Блаватской, посещал теософический кружок Христо-форовой, где у него завязались отношения с Минцловой, уже прошедшей через антропософскую школу Рудольфа Штейне-ра. «Оккультистка» Минцлова была несомненно сумасшедшей, и она околдовала Белого".

Результатом медиумического затмения Андрея Белого стало появление (июль 1908 года) у него антирусского по своему духу, упаднического стихотворения «Отчаянье», заканчивающегося следующим пассажем:

Исчезни в пространстве,

Исчезни, Россия, Россия моя!

Что это было затмение, свидетельствует появившаяся в 1909 году в журнале «Весы» большая статья А. Белого под названием «Штемпелеванная культура», где он восстает против засилья инородческих элементов в русской культуре.

Проштемпелеванный, т. е. прошедший сквозь цензуру биржевиков, интернационализм с пафосом провозглашается последним словом искусства морально шаткой и оторванной от народа группой критиков, негодует здесь А. Белый. Кто же эти критики?

«Главарями национальной культуры, — пишет он, — оказываются чуждые этой культуре люди <…> Чистые струи родного языка засоряются своего рода безличным эсперанто из международных словечек <…> Вместо Гоголя объявляется Шолом Аш, провозглашается смерть быту, учреждается международный жаргон <…> Вы посмотрите на списки сотрудников газет и журналов в России: кто музыкальные и литературные критики этих журналов? — Вы увидите сплошь и рядом имена евреев <…> пишущих на жаргоне эсперанто и терроризирующих всякую попытку углубить и обогатить русский язык». Рать критиков и предпринимателей в России пополняется «в значительной степени одной нацией; в устах интернационалистов все чаще слышится привкус замаскированной проповеди самого узкого и арийству чуждого юдаизма». «Ударяясь в космополитизм, — предупреждает Андрей Белый, — мы подкапываемся под само содержание души народной, то есть под собственную культуру». С резким протестом против «об-россиивания» и интернационализации русской культуры выступил в это же время и П. Б. Струве.

«Не знаменательно ли, — писал он в статье „Интеллигенция и национальное лицо‟, — что рядом с „Российской империей‟, с этим в глазах всех радикально мыслящих, официальным казенным чудовищем-левиафаном, есть тоже „российская‟ социал-демократическая рабочая партия. Не русская, а именно „российская‟. Ни один русский, иначе как слегка иронически, не скажет про себя, что он „российский‟ (уже говорят. — В. Б.) человек, а целая и притом наирадикальнейшая партия применила к себе это официальное — ультра-осударственное название, ультраимперское обозначение. Это значит: она хочет быть безразлична, бесцветна, бескровна в национальном отношении <…> Для меня важно сейчас подчеркнуть, что ради идеала человечной и разумной государственности — русская интеллигенция обесцвечивает себя в „российскую‟. Этот космополитизм очень государственен, ибо „инородцев‟ нельзя ни физически истребить, ни упразднить как таковых, то есть нельзя сделать „русскими‟, а можно лишь воспринять в единое „российское‟ лоно, и в нем успокоить». «Но позвольте мне, — заявил П. Б. Струве, — убежденному стороннику государственности, — восстать против обнаруживающейся в этом случае чрезмерности культа государственного начала. Позвольте мне сказать, что так же, как не следует заниматься „обрусением‟ тех, кто не хочет „русеть‟, так же точно нам самим не следует себя „оброссиивать‟». Мы, русские, также имеем право на свое «национальное русское чувство», и «не пристало нам хитрить с ним и прятать наше лицо». Однако погоды такого рода заявления не делали, и большинство представителей русской дореволюционной интеллигенции твердо стояло на космополитических, интернационалистских позициях.

«В кратких заметках, — отмечала в своих мемуарах А. А. Тургенева (первая жена А. Белого), — нельзя передать бредовую атмосферу, окружавшую группы людей в России, переживавших эти и подобные им происшествия в обстановке того времени. С разными оттенками эти настроения были свойственны многим кругам. И приезжая из Западной Европы, ты каждый раз был захвачен душевным богатством и интенсивностью московских разговоров до трех часов ночи, за остывшим самоваром; в Петербурге в „Башне‟ Вячеслава Иванова они длились нормально до шести часов утра, но были более определенными, литературно-эстетическими. Но что следовало из этих разговоров? Они велись изо дня в день непрерывно, пока кто-нибудь из учеников не выдерживал и не начинал бунтовать, впадая в истерику, — такой тотчас отправлялся друзьями в деревню на поправку».

В 1910 году Минцлова неожиданно исчезает из поля зрения «братьев», оставив Андрею Белому аметистовое кольцо, по которому его должны были найти посланцы «братства». В 1912 году Андрей Белый увлекается антропософией и становится учеником и последователем Рудольфа Штейнера. Вместе со своей тогдашней женой Асей Тургеневой он покидает Россию и уезжает в Швейцарию, чтобы слушать лекции Учителя и принять участие в строительстве антропософского храма в Дорнахе («Иоанново здание»).

* * *

К этому времени в Петербурге и Москве уже вовсю действовала новая масонская организация — «Религиозно-философское общество» (РФО). Возникло оно в 1907 году и состояло в основном из последователей учения Владимира Соловьева и так называемых «обновленцев», требовавших «обновления» и реформирования Православной Церкви в духе времени, а то и вовсе замены ее учения неким «новым религиозным сознанием». Результатом этой кипучей деятельности «реформаторов» было резкое усиление нападок либеральной прессы на православное духовенство. Само же Общество быстро превратилось во враждебный всему русскому центр масонства.

Кого только не было на его собраниях — богоискатели, вла-димиросоловьевцы, раскаявшиеся декаденты, отважно либеральничающие священники, соборные анархисты, эсдеки, а также оккультисты всех мастей, теософы и антропософы. Само собой разумеется, студенты, курсистки, взыскующие Града Господня и просто ищущие.

Председательствовал на заседаниях петербургского отделения Общества профессор Санкт-Петербургской духовной академии масон Антон Владимирович Карташев. Среди наиболее активных членов РФО — масоны Д. С. Мережковский, Зинаида Гиппиус, Петр Струве, Александр Мейер, Д. В. Философов, Евгений Аничков и целый сонм сливок петербургской масонствующей интеллигенции.

Духовным и организационным предтечей Общества явились уже упоминавшиеся выше Религиозно-философские собрания 1901 — 1903 годов. Вот какое впечатление произвели они на только что возвратившегося в январе 1903 года из Парижа М. А. Волошина.

«Петербург и русская жизнь меня поразили, — пишет он в своих воспоминаниях. — Читался доклад В. В. Розанова на тему о возможности творчества в области церковных догматов. Читал доклад не Розанов, который никогда публично не говорил, а читал Мережковский по его рукописи. Нервный, женский и высокий голос Мережковского, трагический шишковатый лоб В. В. Розанова, который он молча и нервно охватывал властными пальцами, прикрывая глаза; бледные испитые лица петербургских литераторов, вперемешку с черными клобуками монахов; огромные седые бороды и живописные головы священников, лиловые и коричневые рясы; острый трепет веры и ненависти… над собранием. Это рождало смутные представления о раскольничьем соборе XVII века». Неудивительно поэтому, что в том же году собрания были закрыты. Однако идея их не умерла, воплотившись в заседания «Религиозно-философского общества».

Возглавлял петербургское отделение Общества с 1912 года Вячеслав Иванов, которого сменил в 1917 году А. В. Карташев. Секретарем была Ксения Половцева. «Мятежный дух» в Обществе постоянно поддерживала уже упоминавшаяся нами Зинаида Гиппиус — «святая дева с ликом бляди» (С. Соловьев), в отношении которой современники расходились, пожалуй, только в одном: гермафродит она или только лесбиянка.

Во главе московского отделения Религиозно-философского общества стояли: Г. А. Рачинский (председатель), Андрей Белый, В. А. Свенцицкий, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, Е. Н. Трубецкой. Церковное течение в софианстве представлял Сергей Булгаков. Наиболее же радикальная часть Общества группировалась вокруг В. П. Свенцицкого и его «Христианского братства борьбы» (1905), пытавшегося вести революционную работу под флагом христианских идей.

Результатом оголтелой проповеди «внецерковного религиозного революционаризма» стал очевидный накануне 1917 года раскол среди членов Общества. Еще в 1914 году в знак протеста против исключения В. В. Розанова вынуждены были покинуть его ряды С. А. Аскольдов (Алексеев) и П. Б. Струве. И уж совсем нетерпимое положение сложилось в петербургском Религиозно-философском обществе после «победоносного февраля», когда

потерявшие всякое чувство меры «леваки» (А. А. Мейер, К. А. Половцева) попытались организовывать религиозные митинги на животрепещущие по тем временам темы: социализм и религия, Бог и наука, церковь и государство, революция сознания, религия и революция. Не менее любопытен и состав предполагаемых участников «народных митингов»: А. Ф. Керенский, Б. В. Савинков, А. В. Карташев, А. А. Мейер, Н. Д. Соколов, В. П. Соколов, Н. О. Лососий, Г. В. Плеханов.

Неудивительно поэтому, что деятели РФО не только не испугались «Великого Октября», но, напротив, основав (ноябрь 1919 года) в Петрограде так называемую «Вольную философскую ассоциацию» (Вольфила), можно сказать, удвоили свои силы в борьбе против ортодоксального православия и традиционных ценностей русского народа. В октябре 1921 года было открыто и московское отделение Вольфилы. Однако должного взаимопонимания с большевиками они не нашли, и в 1922 году многие активные деятели Вольфилы и Религиозно-философского общества были высланы из страны на «философском пароходе».

Антигосударственный, антиправославный, антирусский пафос «сливок» российской интеллигенции предреволюционного времени далеко не случаен. Корни его — в специфике исторического развития России и характере ее европеизации. Однако если до середины XIX века идеи скептицизма и неверия были характерны главным образом для аристократических кругов, то уже в 1860-е годы в связи с отменой крепостного права и быстрой капитализацией страны положение коренным образом меняется и болезнетворный вирус нигилизма все больше и больше начинает овладевать массами, практически беспрепятственно проникая в самую толщу народного сознания. Русская интеллигенция хотя и была создана Петром Великим, но настоящим духовным отцом ее был, несомненно, «неистовый» Виссарион Белинский. Да и само пущенное в широкий оборот с легкой руки популярного романиста Петра Боборыкина слово «интеллигенция» обозначало первоначально не всех, а только так называемых «передовых», «прогрессивно» мыслящих людей умственного труда, если и не преданных, то уж во всяком случае сочувствующих идеалам революции и освободительного движения.

«История русской революции, — отмечал в этой связи В. Ф. .Иванов в книге „От Петра I до наших дней. Русская интеллигенция и масонство", — есть история передовой либерально-радикальной социалистической интеллигенции. История либеральной радикально-социалистической интеллигенции есть по преимуществу история масонства». Важно иметь в виду, что речь здесь идет не о всей, а только о либерально-радикальной интеллигенции. Ее и русской назвать-то по сути нельзя, настолько чужда была она своему народу.

«Мы люди без Отечества, нет — хуже, чем без Отечества. Мы люди, у которых Отечество — призрак», — писал «прогрессивно» мыслящий русский интеллигент Виссарион Белинский. «Мы не люди, а калеки, — вторил ему в „Вехах" М. О. Гершен-зон, — сонмище больных, изолированных в родной стране, — вот что такое русская интеллигенция». «Весь XIX век, — констатировал Николай Бердяев, — интеллигенция борется с империей, исповедует безгосударственный безвластный идеал, создает крайние формы анархической идеологии». Антинациональный, антигосударственный характер мировоззрения, непримиримость, даже ненависть ко всему русскому, православному и преклонение перед Западом всегда являлось отличительной особенностью этого сорта людей.

«Безбожие было самой опасной болезнью не только моего поколения, но и тех, кто пришел после меня. Так же было и с патриотизмом. Это слово произносилось не иначе, как с улыбочкой. Прослыть патриотом было просто смешно. И очень невыгодно. Патриотизм считался монополией монархистов, а все, что было близко к самодержавию, полагалось отвергать, поносить», — вспоминала позже об этом времени А. Тырко-ва-Вильямс.

"Нас звали к борьбе с дворянством, которое было разгромлено постепенно реформами Николая I, Александра II, Александра III и Николая II, — отмечал Иван Солоневич, — с дворянством, которое и без нас доживало свои последние дни, и нам систематически

закрывали глаза на русских бесштанников и немецких философов, которые образовывали нас и «чекой» и «гестапой». Нас звали к борьбе с русским империализмом — в пользу германского и японского и к борьбе с клерикализмом, которая привела к воинствующим безбожникам, к борьбе с русским самодержавием, на место которого стал <…> азиатский деспотизм. Нас учили оплевывать все свое, и нас учили лизать все пятки всех Европ — стран святых чудес.

Из этих стран на нас перли: шведское дворянство, польская шляхта, французские якобинцы, немецкие расисты, приперло и дворянское крепостное право, и советское. А кто припрет еще? Какие еще отрепья и лохмотья подберут наши ученые старьевщики в мусорных кучах окончательно разлагающегося полуострова? Какие новые «измы» предложат они нам, наследникам одиннадцативековой стройки?"

Даже далекий от русской национальной идеи кадет и масон академик В. И. Вернадский — и тот вынужден был отметить «безразличие» русской интеллигенции к одному из «величайших проявлений духовной жизни человечества — религиозной жизни» и отсутствие у нее какой-либо связи с государством. «Русская интеллигенция, — писал он в своем дневнике, — не была связана с государством, не ценила государственности, не понимала и не ценила великого блага — большого государства».

Трагедия русской интеллигенции состояла в том, что, увлеченная масонской проповедью равенства и братства народов и приоритета общечеловеческих ценностей, она либо попадала в конце концов в тенета мистицизма, теософии и каббалистики (розенкрейцерство, мартинизм), либо, что было еще хуже, — в беззастенчивые руки бесстыдных политиков так называемого «кадетского масонства» начала XX века. И то и другое было страшно далеко от нужд и интересов народа и самой интеллигенции.

Нет поэтому никаких оснований рассматривать, как это делают некоторые близкие к масонским кругам авторы, историю «вольного каменщичества» в России как демократическую, прогрессивную струю в русской культуре, русском общественном движении. И напрасно ссылаются адвокаты масонства на имена Н. И. Новикова, А. Н. Радищева, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, П. А. Чаадаева и других выдающихся деятелей русской культуры, указывая на их принадлежность к братству «вольных каменщиков» как бесспорный, с их точки зрения, аргумент в пользу «прогрессивности» ордена. На самом деле принадлежность к масонству и увлечение мистицизмом лишь тормозили раскрытие творческого потенциала этих людей, и если им удалось оставить крупный след в русской культуре, то не благодаря, а вопреки «братству». Деятели русской культуры становились масонами, восприняв внешнюю сторону их деклараций, привлеченные заявлениями о стремлении к «усовершенствованию рода человеческого». Но как только им становились понятны истинные цели масонства, они — и Карамзин, и Пушкин, и многие другие — покидали ложи, чтобы никогда туда не возвращаться.

«Рабства враг А. Н. Радищев стоял бы не так одиноко на рубеже XIX века, если бы дебри розенкрейцерских премудростей не увлекли за собой таких выдающихся для своего времени людей, каким был Н. И. Новиков», — писал в этой связи историк С. П. Мельгунов. А ведь С. П. Мельгунова, который сам был близок к масонам (правда, политическим), в необъективности не обвинишь. Тем большую значимость приобретает его мысль о том, что вопреки широко распространенному мнению «русские масоны отнюдь не были передовыми борцами за культуру и новые общественные идеалы». Еще в меньшей степени как о передовых борцах за культуру и новые общественные идеалы мы можем говорить о «политическом» или «кадетском масонстве» начала XX века.

Как бы то ни было, масонская идеология в начале XX века пустила настолько глубокие корни в среде российской интеллигенции, что даже знаменитый большевистский террор 1920-х годов оказался не в состоянии сразу уничтожить ее быстрорастущую поросль. На сегодняшний день известно по крайней мере девять тайных масонских или полумасонских

организаций, действовавших в 1920-е годы в СССР: «Единое трудовое братство», «Орден мартинистов», «Орден Святого Грааля», «Русское автономное масонство», «Воскресенье», «Братство истинного служения», «Орден Света», «Орден Духа», «Орден тамплиеров и розенкрейцеров». Шесть первых из них располагались в Ленинграде. «Орден Света» объединял в своих рядах московских «братьев и сестер».

Тесно связанные с московским «Орденом Света», «Орден Духа» и «Орден тамплиеров и розенкрейцеров» располагались соответственно в Нижнем Новгороде и Сочи. Дочерними ложами «Русского автономного масонства» были ложа «Гармония» в Москве и «Рыцари пылающего голубя» в Тбилиси.

* * *

Крупнейшей оккультной организацией 1920-х годов в Ленинграде был «Орден мартинистов», представлявший собой ветвь одноименного французского ордена. (О его дореволюционной истории рассказывалось выше.)

В основе учения мартинистов лежит оккультизм — особое направление религиозно-философской мысли, стремящееся к познанию божества интуитивным путем, путем психических переживаний, связанных с проникновением в потусторонний мир и общением с его сущностями. В отличие от своих «братьев» из «Великих Востоков» Франции, Италии и «Великого востока народов России» (А. Ф. Керенский и К°), преследовавших чисто политические цели, мартинизм ориентирует своих членов на внутреннюю духовную работу над самим собой, своим собственным моральным и интеллектуальным совершенствованием.

Это позволяет отнести мартинистов к особой, т. н. духовной или эзотерической ветви Мирового братства. Отличительным знаком русских мартинистов являлся круг с шестиконечной звездой внутри, основные цвета: белый (ленты) и красный (плащи и маски). Посвящения производились по примеру масонских с несколько упрощенным ритуалом. В 1918 — 1921 годах лекции по Зогаре (часть Каббалы) читал Г. О. Мёбес, по истории религии, с ярко выраженным антихристианским уклоном, — его жена Мария Нестерова (Эрлангер). С историей масонства слушателей знакомил Борис Астромов. Помимо чисто теоретических занятий в «школе» велась и практическая работа по развитию у ее членов цепи способностей к телепатии и психометрии.

Всего нам известны имена 43 человек, прошедших «школу» Мёбеса в 1918 — 1925 годах, в том числе известный военный историк Г. С. Габаев и поэт Владимир Пяст. Однако в целом состав ордена был вполне зауряден: юристы, бухгалтеры, студенты, домохозяйки, несостоявшиеся художники и журналисты — одним словом, рядовая, разочаровавшаяся в жизни и ударившаяся в мистику русская интеллигенция.

Неприглядную роль в судьбе ленинградских мартинистов сыграл Борис Викторович Астромов-Ватсон [Ватсон — это артистический псевдоним Б. В. Кириченко. Дело в том, что в начале 1920-х годов он окончил кинотехникум. Это дало ему возможность принять участие в съемках кинофильмов тех лет: «Красный партизан», «Чудотворец», «Скорбь бесконечная»] (наст, фамилия Кириченко), о котором уже шла речь в начале очерка. Выходец из обедневшей дворянской семьи, он уезжает в 1905 году в Италию, где поступает на юридический факультет Туринского университета. Здесь он становится учеником знаменитого криминалиста масона Чезаре Ломброзо. В 1909 году состоялось его посвящение в Братство (ложа «Авзония», принадлежащая к «Великому Востоку Италии»). В 1910 году Астромов возвратился в Россию, но в работе русских масонских лож, по его словам, участия не принимал. Посвящение его в «Орден мартинистов» состоялось только в 1918 году после знакомства с Мё-бесом. В 1919 году тот назначает Астромова генеральным секретарем ордена.

Трения, возникшие между ними, приводят к тому, что в 1921 году Астромов вынужден был уйти из ордена. Казалось бы, пути незадачливого генсека и мартинистов навсегда разошлись. Однако оказалось, что это далеко не так. В мае 1925 года Астромов неожиданно появляется в приемной ОГПУ в Москве и предлагает свои услуги по освещению масонства в стране в обмен на разрешение покинуть СССР. Разрешения на эмиграцию он не получил, зато его предложение по освещению масонства в СССР заинтересовало чекистов, тем более что, как оказалось, они следили за ним еще с 1922 года.

«Художественный» портрет Б. В. Астромова принадлежит перу известных ленинградских журналистов 1920-х годов — Л. Д. Тубельского и П. Л. Рыжей, писавших под псевдонимом братья Тур. В 1928 году по следам масонских дел ленинградского ОГПУ ими были опубликованы две статьи-фельетона: «Галиматья» — в «Ленинградской правде» и «Тень от нуля (Масоны в Ленинграде)» — в «Красной газете».

"Перед нами, — писали они, — фотографическая карточка: нечто вроде крылатого грифона, озаренного вспышкой магния, — кивер, доломан, шкура пантеры, кожаные рейтузы. На бледном изможденно-наглом лице зияют огромные жемчужные пустые глаза, холодные, серые как платина. Они похожи на две склянки эфира — кажется, вот-вот они испарятся к небесам. Лицо, сжигаемое тайными страстями аскета и негодяя. Это — Астромов, он же Ватсон, он же Кириченко. Это именно он в своем опереточном пышном наряде — юрист, лиценциат, мечтатель, золоторотец, окончивший академию в Италии с ученой степенью магистра иллюзорных наук, великий мастер ордена масонов.

Даже его родная мать (теща. — В. Б.) не может объяснить происхождение трех его фамилий. Вся его прошлая и настоящая жизнь покрыта пеленой таинственности, не совсем вспоротой даже ланцетом следствия.

Биография его заслуживает внимания. Он родился в разорившейся дворянской семье, учился в кадетском корпусе, из которого был выгнан за попытку изнасиловать учительницу французского языка. 1906 год застает его в Италии, куда он попал невесть каким путем. Во Флоренции он сходится с масонами и принимает обет вольного каменщика. Далее карьера его идет извилистыми странными путями. Он возвращается в Россию, где пытается организовать мистическое объединение. Мирно служит в страховом обществе «Саламандра». Между дел кончает юридический факультет (факт не подтверждается. Юридический факультет Астромов закончил еще в Италии. — В. Б.). Затем непосредственно поступает на службу в сыскное отделение (документального подтверждения не имеется. — В. Б.). Открывает игорный дом. Женится на баронессе Либен. Несколько лет Астромов живет На ее средства, окончательно подчиняя себе ее волю. Разорив ее, заставляет при посторонних играть роль жилицы, водит к себе на семейную квартиру женщин, живет с известной кокоткой из «Аквариума» Анжеликой Гопп. Награждает жену за четырехлетнюю совместную жизнь истерией.

Во время мировой войны Астромов занимается шпионажем и мародерством (документальные подтверждения отсутствуют. — В, Б.). Делает себе изрядное состояние на шарлатанских поставках каких-то корборундовых кругов для патронных заводов. Занимается искусными спекуляциями субтропическим рисом «индиго». В перерывах между сделками — совсем как в бульварном романе — Ривьера, Ницца, Иль-де-Франс. Томительные сумерки Ронсара. В один, как говорится, прекрасный день Астромов играет на бирже на повышение ман-ташевских акций и ленских шерри и проигрывает все, вплоть до трости и котелка. Спасаясь от долгов, устав от мирской суеты, он уезжает в качестве лесничего в лес, в имение знакомого помещика под Курском.

Революционные потрясения не меняют жизненного стиля Астромова. В революции он продолжает жить той же паразитической жизнью авантюриста. Высокомерный анатом любви, изысканный бульвардье, он мешочничает, возит в деревню граммофоны и ситец. Транспортирует обратно соль и муку. Насилует в деревнях девушек под лозунгом

«улучшения породы». Необъяснимыми путями он получает академический паек в Доме ученых. Потом профессии его меняются с быстротой необыкновенной. Он занимается кустарной выработкой бальзамов и снадобий против клопов и тараканов, причем называет эти снадобья «Эликсир сатаны». Затем, при переходе к нэпу, он открывает масонское кафе «Веселый фарисей». Играет в ресторанном джаз-банде на саксофоне. Заведует прачечной от Комхоза. Наконец, устраивается инспектором в Губ-финотделе.

Меняя профессии как перчатки, он все чаще меняет женщин и жен. На вечеринке у масона Сверчкова он пытается насиловать присутствовавших там дам <…> Материальный достаток Астромова складывается из торговли, гороскопами по червонцу за штуку и из поборов подчиненных ему масонов. Великий мастер страдает манией величия: любит облачаться в странные одеяния, командовать и приказывать; написал два своих портрета в костюмах бенедиктианского монаха и маркиза XVIII столетия. Показывая их посетителям, скромно дает понять, что это его портреты в прошлых инкарнациях. Сообщает, что он живет две тысячи лет. Туманно рассказывает о своем происхождении от Наполеона I, подтверждая это своим наружным сходством с ним.

Великий мастер нечист на руку: продал мебель своей четвертой жены (третьей? — В. Б.), украл четыре фунта серебра у одной из масонок, украл старинный меч из приемной врача. Таков, — заключают авторы, — один из характерных представителей отечественного масонства в наши дни. Таков один из последних могикан крупного авантюризма типа Калиостро. Родись он веком раньше, он был бы Калиостро или де Рокке-том. Сейчас он — опереточная, смешная фигура".

Досталось от авторов статьи и коллеге Б. В. Астромова — С. Д. Ларионову. Места ему в фельетоне уделено, правда, значительно меньше, но яркость и выпуклость зарисовки от этого не пострадали.

«Подобно тому, как Калиостро сопровождал его друг и доверенный Петер Шенк, точно так же тенью Астромова являлся этот Ларионов, — пишут они. — Он происходил из семинаристов. Был одновременно студентом-медиком, студентом Консерватории по классу гобоя, актером фарса Сабурова, православным священником и, конечно, масоном. Когда Синод лишил его священнического сана, он принял католичество и быстро стал ксендзом одного из соборов. Это — авантюрист астромовского толка. И тот и другой сейчас — вымирающая, редкая порода бобров или марабу. Жестокие законы Дарвина действительны и в применении к поколениям авантюристов».

Как ни ярка характеристика Астромова, данная ему братьями Тур, она все же весьма пристрастна. Во всяком случае, к появлению Астромова на Лубянке и к его предложениям там отнеслись со всей серьезностью. Очевидно, что, несмотря на присущие ему недостатки, столь красочно описанные фельетонистами, он был достаточно умен и выглядел убедительно в глазах своих высокопоставленных собеседников из ОГПУ.

После допросов и бесед в Москве со «специалистами» ОГПУ (член коллегии Я. С. Агранов, начальник Секретно-оперативного отдела Генкин), Астромов прибыл в начале июня 1925 года в Ленинград, где и стал «работать» под контролем ОГПУ. Оперативную связь с ОГПУ (зам. начальника Райский) Астромов осуществлял через некоего Лихтермана, встречаясь с ним время от времени на конспиративной квартире по Надеждин-ской улице. Не возбранялось ему появляться в ОГПУ и по собственной инициативе, позвонив, правда, предварительно по соответствующему телефону.

Повышенный интерес этого учреждения к Астромову понятен, так как он «заложил» не только мартинистов, но и собственную подпольную организацию «Русское автономное масонство», генеральным секретарем которого и представился чекистам. Начало ей было положено еще в 1921 году. Именно тогда Астромов учредил собственную, независимую от

Мё-беса масонскую ложу «Три северные звезды», куда вошли недовольные Учителем мартинисты.

Сделать это было не так уж и сложно, поскольку в результате проведенной в 1919 году Мёбесом реорганизации ордена мартинистов (введение так называемого «строгого послушания», или, проще говоря, строгой дисциплины) недовольных было много. Часть их группировалась вокруг А. Н. Семиганов-ского (старый мартинист, возглавлявший с 1916 года ложу «Зодиак»), исключенного Г. О. Мёбесом в 1919 году и основавшего после разрыва с Учителем собственный «Христианский Эзотерический орден» (1920 — 1923), — С. Д. Ларионов, Б. Л. Киселев, Н. Н. Молчанов, Н. П. Смирнов и другие. Часть пошла за Астромовым.

Членами его ложи вскоре стали: инженер-путеец М. М. Петров, инженер-архитектор П. Д. Козырев, бывший присяжный поверенный В. П. Остен-Дризен, художник Н. Г. Сверчков, киноартист С. Д. Васильев, бывший адъютант командующего Ленинградским военным округом Д. И. Аврова, служащий АРА в Ленинграде Р. А. Кюн, кинорежиссер Г. В. Александров, бывший инспектор Консерватории Г. Ю. Бруни, артист балета Е. Г. Кякшт. Б. В. Астромову удалось организовать четыре диссидентствующие ложи мартинистского толка — «Пылающий лев» (мастер стула В. П. Остен-Дризен), «Дельфин» (мастер стула М. М. Петров, наместный мастер А. Н. Вольский), «Золотой колос» (наместные мастера Н. А. Башмакова и О. Е. Нагорно-ва). Упражнения в передаче мыслей, столоверчение, гипнотические сеансы, лекции — таков приблизительно был круг их занятий.

В августе 1922 года представители этих лож учредили так называемую ложу-мать «Великая ложа Астрея» и объявили о создании новой, независимой от мартинистов организации «Русское автономное масонство» (члены: А. Н. Вольский, С. В. Полисадов, М. М. Севастьянов, В. В. Петров, А. Н. Остен-Дризен, Р. А. Кюн). Генеральным секретарем «Великой ложи Астреи» стал Астромов. Помещение ложи, оборудованное под киностудию, располагалось по адресу: улица Лассаля, д. 4/6, кв. 4. Что касается должности Великого мастера, которым был объявлен бывший директор императорских театров В. А. Теляковский (1861 — 1924), то она, судя по всему, оставалась вакантной, так как в ходе следствия Астромов вынужден был признать факт мистификации «братьев» в этом вопросе и подделку подписи Теляковского на официальных документах ложи.

На основании патентов, выданных Астромовым, были открыты две ложи за пределами Ленинграда: «Гармония» в Москве во главе с бывшим мартинистом Сергеем Полисадовым и «Рыцарей пылающего голубя» в Тифлисе во главе с братом Астромова Львом Кириченко-Мартовым.

Отношения Астромова с Советской властью в первые послереволюционные годы были весьма дружественными. «Пет-рогубчека, — вспоминал он позднее, — призвав наших руководителей и побеседовав с ними, выяснила, что наша организация стояла и стоит в стороне от политики и занимается философскими вопросами человеческого самоусовершенствования и перевоспитания <…> Следователь <…> Владимиров еще до революции был знаком с деятельностью Российского Автономного масонства. Поэтому, распросив нас и заслушав доклад Владимирова, председатель Петрогубчека Комаров махнул добродушно рукой: „Раз вы не против нас, то живите мирно, принося в своем маленьком масштабе известную пользу человечеству"».

"Я не буду касаться моего дальнейшего прохождения гражданской службы после демобилизации по болезни в начале 1920 года, — показывал 3 февраля 1926 года Астромов на допросе, — лишь расскажу происшедший у меня разговор с членом Президиума Коминтерна, а тогда Комиссаром Петрогуботдела Юстиции тов. Я. И. Анвельтом. Тов. Анвельт назначил меня в 1921 году юрисконсультом в Смольный. Тогда я пришел к нему и откровенно сказал, что я — масон, а потому, может быть, он передумает. Тот, пристально посмотрев на меня, сказал — «я знаю, что вы порядочный человек». И я был назначен. Этот разговор

всегда можно проверить, т. к. т. Анвельт находится в Москве. Труднее проверить разговоры мои с Председ. Сов. Нар. Суда в Ленинграде тов. Филиповой, спрашивавшей меня неоднократно, почему я не вступаю в коммунистическую партию, потому что тов. Филипова, захваченная эстонским правительством и не желая попасть ему в руки, покончила с собой в 1923 году в Ревеле, но один такой разговор происходил в присутствии Нарсудьи тов. Арнольд, которая теперь служит в ВЦИКе и, наверно, помнит мой шутливый ответ: «Все равно я уже синдикалист. Ведь и Джон Рид — тоже синдикалист». Это был период моего увлечения масонством.

Каковы мои политические убеждения. Как масон — я гражданин мира, т. е. для меня теперь (во времена студенчества еще существовали) не существует национальных и государственных границ. Для меня все равны: русский, еврей, татарин, индус, китаец и т. д., француз, итальянец и американец; хотя тянет меня к Востоку. Как масон — я стремлюсь к счастью и прогрессу всего человечества, когда не будет ни войн, ни болезней, ни страданий; и вижу, что у нас, в СССР, через диктатуру пролетариата это будет со временем достигнуто в малом масштабе, т. е. в пределах СССР.

Значит, нужно стараться поскорее: а) изжить этот переходный период — диктатуру, и б) расширить советы до Всемирного Союза Советов всех освобожденных народностей".

Астромову даже удалось получить охранную грамоту для «Великой ложи Астреи» и помещения ложи «Аполлония Ти-анского» ордена мартинистов во главе с Мёбесом. Копия этого документа вместе с телефоном уполномоченного ЧК по борьбе с левыми партиями хранилась у председателя домкома масона С. Д. Ларионова.

Церемония посвящения в младшие степени ордена сводилась к следующему. Преклонив колена перед алтарем, неофит зачитывал соответствующий его степени отрывок посвятительной тетради, после чего председательствующий в белой одежде мага делал ему краткое наставление. Заканчивалась церемония приведением неофита к присяге, скрепляемой его подписью кровью из проколотого пальца.

По свидетельству М. М. Севастьянова, которого Астромов посвятил в 30-ю масонскую степень (4-я мартинистская), ему в ходе этого таинства пришлось не только поставить кровью оттиск указательного пальца у своей подписи под текстом клятвы с обетом молчания, но и поцеловать рукоятку ритуального меча и шестиконечную звезду на груди Астромова. Кроме того, в соответствии с оккультной традицией, тот нарисовал ему на лбу еще и изображение священной пентаграммы, т. е. пятиконечной звезды. Среди ленинградских оккультистов «школа» Астромова считалась магической, так как позволяла, по общему мнению, прошедшим ее «подчинять» себе окружающую среду, правда, не прибегая, в отличие от черной магии, к услугам темных, сатанинских сил.

Такова была в общих чертах организация Астромова, члены которой оказались втянутыми своим руководителем в крупную политическую игру. Некоторое представление о ней дает подготовленный им и его коллегой по ордену Севастьяновым 15 августа 1925 года по просьбе ОПТУ специальный доклад (о нем уже упоминалось в начале нашего очерка), целиком посвященный возможному сотрудничеству между большевиками и масонами.

При помощи ОГПУ доклад был перепечатан на машинке и отправлен в двух экземплярах в Москву, а копия его представлена в Ленинграде в местное отделение ОГПУ. Доклад Астромова был не его личной импровизацией на масонскую тему, а масонским ответом на интересовавшие «специалистов» ОГПУ конкретные вопросы. В первую очередь речь шла, естественно, о возможности использования масонской организации в интересах строительства коммунизма в СССР.

Развивая эту мысль, Астромов в своем докладе подчеркнул, что «конечно, масоны не претендуют на открытую легализацию, т. к. это будет скорее вредно, чем полезно для работы». И тогда, отмечал он, их смогут обвинить в «чекизме» или «рептильности», что

непременно оттолкнет от масонства русскую интеллигенцию. Роль масонства должна была главным образом заключаться в том, чтобы убедить лучшую часть ее в «закономерности переживаемых событий, а следовательно, и неизбежности их».

Здесь, по его мнению, «реальная работа» «Автономного русского масонства» могла бы выразиться прежде всего «в укреплении в правосознании русской интеллигенции идей интернационализма и коммунизма, а также в борьбе с клерикализмом». В конечном итоге Астромов предлагал советскому правительству следующий «modus vivendi»: Советская власть терпит существование масонских лож и ячеек, входящих в союз «Генеральной ложи Астреи», не преследуя ее членов, а «Генеральная ложа Астрея» в свою очередь берет на себя обязательство «не иметь никаких тайн от правительства СССР и не находиться в связи или в союзе ни с одним иностранным масонским орденом».

Документ — что и говорить — примечательный. Но что или кто стоит за ним? Действительно ли Астромов сам додумался до идеи масонизации (при негласной поддержке правительства) если не всей страны, то хотя бы русской интеллигенции, или же эта идея была подсказана ему во время бесед со «специалистами» ОГПУ?

Ответить на этот вопрос непросто. Дело в том, что, заявляя в ходе следствия, что никаких других целей при создании своей организации, кроме «самоусовершенствования и самодис-циплинирования» ее членов, он не преследовал, Астромов был не вполне искренен. Во всяком случае, его попытки связаться с английским масоном Ломбартом Деритом — бывшим пастором англиканской церкви в С.-Петербурге, а также с ректором Туринского университета масоном Горрини позволяют предположить, что планы его шли несколько дальше работы «над собой» членов сообщества. Об этом же говорят переписка Астромова с Р. А. Кюном и его хлопоты начиная с 1923 года о получении заграничной визы.

Кюн был приятелем Астромова и членом его ложи. Эмигрировав в начале 1920-х годов в Америку, он попытался установить связь ленинградских масонов с тамошними «братьями», предъявляя им при этом подписанный Астромовым «диплом» или «патент» «Великой ложи Астреи» Автономного русского масонства. Но никакого впечатления на американских масонов бумаги Кюна не произвели.

«Вчера говорил опять с историком здешнего факультета (руководитель масонской ложи. — В. В.), — писал он Астромову из Америки. — Он шельма, очень образованный и недаром историк (масон. — В. В.). Очень трудно его убедить. Все эти дипломы — все не то, хотя они еще будут рассматриваться на заседании консилиума. Он говорит: почему? — 1) шотландский стиль; 2) египетский рисунок; 3) еврейские подписи <…> Должно быть не больше трех факультетов (степеней. — В. В.). И много, много еще ерунды, которой здесь больше нет давным-давно. Они говорят: таких обманщиков много на свете, почитали немного и лезут в ученые».

Как видим, Астромов отнюдь не собирался засиживаться на берегах Невы. И все же сама мысль о возможном сотрудничестве масонов с Советской властью принадлежит, судя по всему, не ему.

Здесь, скорее всего, были задействованы иные силы. Некоторый свет на них проливают показания масона Н. Н. Беклемишева, который свидетельствовал, что уже в конце 1925 года Астромов говорил ему о своем желании устроить в Москве «ложу с ведома Политуправления, чтобы работать совместно на сближение с западными державами». «Припоминаю, — показывал он 3 марта 1926 года следователям ленинградского ОГПУ, — что сначала Астромов приписывал эту идею некоему Барченко, а потом уже стал говорить от себя и, кажется, ездил по этому вопросу в Москву». Таким образом выясняется, что идея использования масонских каналов для сближения Советской России с западными державами была подброшена Аст-ромову А. В. Барченко, который, как мы уже знаем, вовлек в 1919 году

в масонскую ложу Г. И. Бокия (могло, впрочем, быть и наоборот) и был, несомненно, связан с ОГПУ.

Правой рукой Астромова был наместный мастер московской ложи «Гармония» Сергей Полисадов, с помощью которого ему удалось выйти на своего коллегу из «Великого Востока Франции» В. И. Забрежнева, работавшего в середине 1920-х годов в Совнаркоме СССР. Ободренный этим, Б. В. Астромов дает С. В. Полисадову задание связаться посредством орденских знаков с А. В. Луначарским и редактором «Известий» Ю. С. Стекловым (Нахамкисом). Сам Астромов тоже не сидел сложа руки и сумел заинтересовать масонством заведующего отделом международных расчетов в Ленинграде члена ВКП(б) А. Р. Рикса и настойчиво искал встреч с бывшим следователем Петроградской Губчека К. К. Владимировым.

«Иисус Христос, — смущал Астромов работавших с ним чекистов, — самый первый христианин, можно сказать, был и первым масоном <…> Но его можно также назвать и первым большевиком. Хотя все это очень спорно <…> В нашем понимании Христос — самозванец. Мы чтим Бога как Архитектора Вселенной, как нечто отвлеченное, отвергая официальную религию и церковь. Масоны — скорее большевики, чем христиане».

Сведения о ленинградских масонских ложах, имевшиеся к этому времени в ОГПУ, сводились к тому, что среди их членов немало «высококвалифицированных научных как гражданских, так и военных сил, технических специалистов и пр. — лиц, занимающих крупные должности в советском аппарате, готовящихся выступить против Соввласти». Было известно также и о связях ленинградских лож с заграницей, в частности с масонскими ложами «фашистской Италии». Не остался без внимания чекистов и конспиративный характер работы масонских лож и их бешеная «борьба с „засильем жидов", Соввлас-тью и ВКП(б)», а также попытки втянуть в масонство «отдельных членов партии, дабы проводить через них свою работу».

Летом 1924 года ОГПУ установило, что вождем ордена мартинистов в Ленинграде является Г. О. Мёбес, причем деятельную помощь ему оказывает «проживающая с ним М. А. Нестерова». Не было секретом для ОГПУ и имя руководителя Союза «Астрея» — Борис Викторович Астромов-Кириченко-Ватсон. 14 июля 1924 года ОГПУ сумело установить, что на квартире у П. П. Ишимерского собирается оккультный кружок, члены которого занимались вызовом духов и различного рода предсказаниями, в том числе и политического характера: «смерть тов. Троцкого от руки женщины», «приближающееся царство Николая III» и т. п. Наружным наблюдением была установлена связь этого кружка с Мёбесом.

В апреле 1925 года выяснилось также, что оккультист Г. В. Александров занимался «вербовкой людей в масонскую организацию, где посвящение производится только после длительного предварительного испытания, причем после посвящения производится тщательное наблюдение за вновь принятым, вплоть до его спальни». Члены кружка занимались развитием воли, строгим подчинением себе своих желаний. Было установлено также, что сам Александров, в свою очередь, является членом ложи Астромова.

2 июня 1925 года ОГПУ стало известно о существовании подготовительной масонской группы (20 человек), собиравшейся на квартире у Е. П. Вартапетовой-Бершацкой-Барековой, которая вместе со своим братом А. П. Баресковым и являлась ее руководителем.

Семь месяцев продолжалась провокационная по своей сути деятельность Астромова, пока наконец работавшие с ним чекисты не поняли, что их подопечный явно не та фигура, с которой можно иметь серьезное дело. Инвалид второй группы (последствие контузии, полученной им в русско-японскую войну), Астромов пользовался у масонов незавидной репутацией не только неуравновешенного, но и лживого, морально нечистоплотного человека. Ни о каком уважении к нему со стороны учеников не могло быть и речи. Весь авторитет Астромова среди «братьев» покоился на присущей ему силе гипнотического

воздействия на собеседника. В связи с этим среди части «братьев» даже распространилось поверье, что вся магическая сила Астромова заключается в семи длинных волосках на его лысом черепе под академической шапочкой, направление концов которых якобы регулярно меняется им с переменой направления астрального влияния.

Крайне неблагоприятные для Астромова показания относительно его морального облика дали в ходе следствия его теща О. Е. Иванова-Нагорнова и две первые жены: Л. И. Хальфина и баронесса А. Н. Либен. Особенно много нареканий вызывало практикуемое Астромовым принуждение своих учениц к вступлению с ним в половую связь в извращенных формах — так называемое «трехпланное посвящение», якобы распространенное в некоторых эзотерических ложах Западной Европы. В развитие этого сюжета стоит отметить, что в ходе следствия в представительство ОПТУ в ЛВО поступило заявление от Е. Л. Юр-гевич, просящей привлечь Астромова за оскорбление, «имевшее место на вечеринке у Н. Л. Сверчковой, где он пытался ее изнасиловать, а затем, пользуясь гипнозом, подчинил ее волю и принудил к противоестественному половому сношению с собой, а впоследствии неоднократно пытался склонить ее к тому же». Свидетельскими показаниями Н. Л. Сверчковой было установлено, что Астромов сожительствовал со своей ученицей К. В. Степановой-Михайловой, которая в свою очередь не только подтвердила этот факт, но и рассказала, что одновременно с этим тот сожительствовал и с актрисой Гарязиной и пытался сожительствовать с другими ее подругами.

Не одобрили «братья» и контактов Астромова с чекистами, справедливо подозревая в нем провокатора. Смута, возникшая в связи с этим в «братской» среде, закончилась в конце концов тем, что 16 ноября 1925 года астромовская ложа «Кубического камня» была закрыта «братьями», что означало фактическое исключение его из им же созданной организации.

22 ноября Астромову был предъявлен ультиматум о сложении им с себя звания генерального секретаря сообщества, который он вынужден был принять. 12 декабря 1925 года после долгих проволочек Астромов объявил об официальном снятии с себя «звания» члена «Генеральной ложи Астреи» и генерального секретаря. Это был конец Астромова, ибо как с частным лицом ни о каком сотрудничестве с ним ОГПУ уже не могло быть и речи. Теперь он мог интересовать чекистов лишь в качестве подследственного.

И действительно, 30 января 1926 года Астромов был арестован. Начались усиленные допросы ленинградских оккультистов — Мёбеса, Нестеровой и других.

"Эзотеризмом, — показывал Мёбес на допросе 28 апреля 1926 года, — интересовался с давних пор (могу сказать, с молодости). В 1910 году, имея уже вполне сложившееся эзотерическое миросозерцание, знакомлюсь с фон Минским, тогдашним делегатом ордена мартинистов парижского послушания; через два месяца посвящаюсь им в Неведомого начальника (полное март, посвящение); в конце 1910 (или в начале 1911), несмотря на снабжение меня Парижской Высшей герметической школой Почетным дипломом на степень доктора герметизма и очень почетное и доверчивое обращение со мною фон Чинским, я неофициально ухожу из ордена, недовольный поверхностным отношением к науке и Преданию большинства членов ордена, его печати, а также периодической печати дружественного с ним Парижского каббалистического ордена Креста — Розы. В 1911 — 1912 годах работаю самостоятельно, прочитываю несколько публичных лекций; в 1912 — 1913 читаю лекции у себя на дому. В этот период времени, собственно, и возникает у меня Автономный разряд мартинизма русского послушания (термин «русский» после Октябрьской революции заменен термином «восточный», и тот и другой термины фактически означали — «не зависящий от Парижа»), что не мешает мне в 1912 исполнить по просьбе Чинского два-три поручения по части справочной и по посвящению отдельных лиц. В конце 1912 (или в начале 1913) я официально сообщаю Папюсу, что я категорически утверждаю не только фактическую, но и формальную свою автономию и прошу провозгласить это печатно, что и

выполняется журналом Initiation (правда, в очень мягкой и почтительной ко мне форме, но все же категорично) <…>

Вся работа по школе велась мною и М. А. Н. только в Ленинграде. Иногородних делегатов не имелось, и самый институт делегирования признается мною неортодоксальным и нецелесообразным, ибо его отрицательные стороны мне исторически известны, хотя бы на примере Парижского мартинизма.

Лично я работаю программно только с полноправными Нев[едомыми] начальниками], расширяя их философское миросозерцание и критико-исторические подходы к Преданию и к этиологии религиозных верований.

В общем плане работы своей идейно преследую нижеперечисленные цели: мне желательно заставить ученика в строгой постепенности самоанализа пересмотреть все свои знания, все свои верования, все свои привычки, все свои этико-эстетичес-кие подходы к жизни. Для облегчения этой работы я с ним рассматриваю сложный философский, научный, жизненный и т. п. материал в очень широких пределах — от грубейших суеверий почти дикого человека до тончайших методологических потуг человека высококультурного. Таким планом работы думаю развить в человеке, во-первых, сознательность, во-вторых, бодрое, мужественное отношение к жизни и спокойное довольство своим положением, как бы скромно оно ни было. Никаких догматических тезисов не навязываю, но как учитель ставлю обязательство работать по моему плану и вести себя согласно тому, что я считаю обязательным минимумом порядочности и серьезности.

На вопрос о том, как я отношусь к дивинации, отвечаю, что считаю уместным для работающих у меня проверять в жизни данные френологического, физиогномического характера, а также данные теории психологических «планетных» типов и так называемых «аналогично-групповых планетных» влияний. Что касается астрологии, то она, по-моему, интересна только с точки зрения ознакомления с ее терминологией, проникшей далеко за пределы учения о дивинации, а отчасти и с точки зрения истории религий. Лично я к астрологии отношусь ультраскептически, но годичный гороскоп для Северного полушария составляю, признавая за ним педагогическое значение в смысле указания на опасность тех или других человеческих слабостей: люди всегда лучше запомнят указание на определенные слабости, чем на слабости вообще, хотя бы эти определенные слабости были выбраны случайно.

На вопрос о том, какое я себе отвожу место как оккультисту и знаю ли я себе равного по эрудиции в этой области в пределах территории СССР, вынужден ответить, что самого себя судить не могу, а стараюсь только применить честно те скромные познания, которыми обладаю <…>

Раскрывать псевдонимы и называть своих учеников я не могу — не позволяет совесть".

Решительно отказалась выдавать своих учеников по «школе» и Нестерова:

"Руководила школой Старого восточного послушания, причем отвечала за правильность руководства перед Григорием Оттоновичем Мёбесом. Эта школа организована мною весной 19 года, и работала до последнего времени. Школа ставила своей задачей общеобразовательные цели и затем этико-эстети-ческое развитие. Устав и программа школы нигде не были зарегистрированы, и школа, следовательно, не является легальной. Ничего противного существующему строю в школе не преподавалось. Всего приблизительно через школу прошло человек 35. Школа отличалась текучестью состава.

Вопрос. Кто персонально являлись Вашими учениками?

Ответ. Отказываюсь назвать".

Принципиальная позиция отказа от «сотрудничества» со следствием, занятая руководителями мартинистов, заслуживает уважения. Однако придерживались ее далеко не все. Особенно неприглядно вел себя с этой точки зрения Астромов, который не только

раскрыл личный состав ордена, но и «засветил» ряд других оккультных кружков Ленинграда, чего он, конечно, мог и не делать.

"Из других оккультных организаций мне известны:

1) Группа Лободы Георгия Осиповича, образовавшаяся из оккультного общества «Сфинкс», легально существовавшего до 1918 года. Как велико общество и состав его, мне неизвестно. Полагаю, что состав женский и занимаются там больше столоверчением и молитвословиями.

2) Остаток эзотерического Ордена восточного послушания Семигановского под названием «Внутренняя (эзотерическая) церковь». Руководят кружком священник Ларионов Сергей Дмитриевич и Киселев Борис Львович. У них ведутся лекционные занятия по истории оккультизма. Состава кружка не знаю.

3) Кружок Клочкова Григория Владимировича с антихристианским направлением. Он работает вместе с женой Патц-нер. Знаю, что после ухода из Ордена мартинистов у Клочкова бывал Трапицын с женой, который читал там лекции по истории буддизма.

4) Орден рыцарей Грааля под руководством некоего Гоше-рона-де-ля-Фосс. Занимаются они оккультизмом. Придерживаются чрезвычайно пышного ритуала. Предполагаю в них христианское направление.

5) Кружок доктора Барченко Александра Васильевича. В свое время он бывал в обществе «Сфинкс» и пытался с ним соединиться, но безуспешно. Из членов кружка Барченко знал Шандаревского Петра Сергеевича и Кондалайна А. А. Среди оккультистов Барченко не пользуется хорошей репутацией, так, например, могу указать на распространение им среди учеников рукописи, выдаваемой им за свою, которая есть не что иное, как плохой перевод с французского одной из книжек Элифаса Леви.

6) Знавал группу Ломана (жив[ет] на Адмиралтейском канале), занимающуюся также оккультизмом и принадлежащую к антропософии, т. е. учеников Рудольфа Штейнера.

7) Из одиночек-оккультистов знаю: 1. Наумова Александра Адельфиевича, ушедшего из кружка Ларионова и занявшегося магнетическим лечением знакомых; 2. Хлебникова Михаила Владимировича (?), у коего на квартире в свое время помещалось общество «Сфинкс»; 3. Беклемишева Николая Николаевича, который, думаю, за старостью оккультизмом уже не занимается.

8) Из одиночек масонов Великого Востока Франции знаю: а) Зарудного Александра] Сергеевича]; б) Морозова Николая Александровича; в) Грузенберга Семена Оскаровича; г)

Геккена Вениамина Григорьевича; д) Некрасова [Николая Виссарионовича]".

Уже находясь в Доме предварительного заключения, Астро-мов пишет 11 февраля 1926 года письмо И. В. Сталину, где развивает мысль об использовании «красного масонства» не только как объединения коммунистически мыслящих интеллигентов, но и как «форму и маскировку, которую мог бы принять Коминтерн».

"В поданном в авг. м. пршл. года вместе с управляющим мастером московской ложи «Гармония» Полисадовым докладе наблюдающему органу СССР о возможности совместной деятельности Авт.[ономного] рус[ского] мас.[онства] и коммунизма, — писал Б. В. Астромов, — была вскользь брошена фраза: «Красное масонство свободно могло бы существовать рядом с буржуазным — ведь существует же Профинтерн и Коминтерн рядом с рабочими и крестьянскими союзами, примыкающими к Амстердамскому соглашению» [Такой фразы в августовском докладе Б. В. Астромова 1925 года нет, хотя общий смысл его предложения передан им верно].

Теперь я хочу указать на красное масонство не только как на объединение коммунистически мыслящих, но как на форму и маскировку, которую мог бы принять Коминтерн. Ни для кого не секрет, что Коминтерн (негласное московское правительство и

штаб мировой революции, как его называют на Западе) является главным камнем преткновения для заключения соглашений с Англией, Францией и Америкой, и следовательно, задерживается экономическое возрождение СССР.

Между тем, если бы Коминтерн был перелицован по образцу масонства, т. е. принял бы его внешние формы (конечно, упростив и видоизменив многое), ни Лига Наций, ни кто другой, ничего не осмелились бы возразить против его существования, как масонской организации. Особенно Франция и Америка, где имеются целые ложи с социалистическим большинством и где правительство большею частью состоит тоже из масонов (напр., президент Тафт, не бывший раньше масоном, сейчас же по избрании был посвящен в масоны).

Принятие Коминтерном масонской личины — совсем несложно и коснется лишь внешности. Каждая национальная секция его могла бы образовать отдельную ложу — мастерскую, а представители их (президиум) сформировали бы генеральную ложу.

Я удивляюсь, как рабоче-крестьянскому правительству раньше не пришло в голову воспользоваться этой старо-рабочей, профессиональной организацией, захваченной буржуазией. Конечно, реформировав ее и очистив ее, согласно духу и заветам ленинизма (ведь позаимствовали же рабочие организации идею скаутизма и завели у себя отряды пионеров). Тем более что Соввласть уже взяла масонские символы: пятикон.[ечную] звезду, молоток и серп.

Наконец, сама пропаганда ленинизма, благодаря масонской конспирации и дисциплине, могла бы вестись успешнее, особенно в странах Востока, где так склонны ко всему таинственному.

Все, что я здесь пишу, только отдельные мысли, необработанные и недетализированные.

Мне хотелось бы этими строками лишь дать толчок, пробудить Вашу творческую созидательную мысль.

А может быть, это Вас заинтересует. Тогда я готов служить своими знаниями и опытом в этой области, в качестве советчика-консультанта или как Вы найдете удобным".

Характерно, что себя незадачливый генеральный секретарь «Автономного русского масонства» видел «в качестве советчика-консультанта» при Сталине.

Жизнь, однако, распорядилась по-другому. Сразу же после ареста Астромова дошла очередь и до членов «Русского автономного масонства» и «Ордена мартинистов» во главе с Мёбесом. В ночь с 16 на 17 апреля 1926 года ОГПУ провело обыски на квартирах наиболее активных деятелей оккультных лож: Г. О. Мёбеса, М. А. Нестеровой, С. В. Слободовой, А. П. Барескова, В. Ф. Гредингера, Г. И. Лободы, С. Д. Ларионова, Г. В. Клочкова, А. Н. Патцнер, Н. Г. Сверчкова. «Улов» чекистов был ошеломляющим: огромное количество книг, масонских значков, мечей, шпаг, плащей, ленточек и других предметов масонского ритуала, которые были немедленно изъяты. Сложнее обстояло дело с масонским алтарем и молельней, обнаруженными на квартире у Мёбеса (Греческий пр.,

д. 13/3, кв. 5), который было решено оставить под сохранность хозяина. После этого ленинградских оккультистов стали то и дело вызывать на допросы в ОГПУ. Однако под арестом держали одного только Астромова. В отношении остальных было решено ограничиться подпиской о невыезде.

Характерно, что уже после ареста Астромова его ближайшие друзья: Георгий Александров, Николай Сверчков и Василий Гредингер пытались спасти организацию, преобразовав ее в ложу «Возрожденного Сфинкса», основанную уже на розенкрейцерских началах. Основу этого масонского сообщества должны были составить масоны, «оставшиеся от Астромова». Но было уже поздно.

20 мая 1926 года Астромову, Мёбесу и другим оккультистам было предъявлено официальное обвинение. История масонства в России, читаем мы здесь, показывает, что оно всегда было в услужении того или иного капиталистического государства и как течение выросло и развилось из усилий буржуазии, направленных на то, чтобы притупить противоречия, рождаемые классовой борьбой и капиталистической эксплуатацией. «Усилия буржуазии в этом направлении чрезвычайно разнообразны, и в маскировке классовых противоречий масонство занимает важное место, создавая в обществе атмосферу незыблемости капиталистического строя. Политика буржуазии делается не только в парламентах и передовых статьях. Буржуазия обволакивает сознание промежуточных слоев общества и вождей рабочих партий, парализуя их мысль и волю, создавая на их пути могущественное, хотя и не всегда заметное препятствие».

Масонство, подчеркивалось в обвинительном заключении, по существу своему является не чем иным, как «мелкобуржуазной переделкой католицизма, где роль кардиналов и аббатов играют банкиры и парламентские дельцы, продажные журналисты и адвокаты, а также прочие политические авантюристы. Разбавив католицизм и сократив небесную иерархию до одного лица — Великого архитектора вселенной, масонство приспособило к своему обиходу терминологию демократии: братство, гуманность, истина, справедливость, добродетель и в такой форме является важной составной частью буржуазного режима».

Вступление в масонскую ложу в буржуазных странах означает, как правило, приобщение к высшим сферам политики, так как именно здесь «завязываются карьеристские связи, создаются группировки и вся эта работа покрывается флером морали, мистики и обрядности <…> Масонство не меняет своей тактики в отношении коммунистической партии: оно не исключает коммунистов из своей среды. Наоборот, оно широко открывает перед ними двери, поскольку его политической функцией как раз и является всасывание в свои ряды представителей рабочего класса, дабы содействовать размягчению их воли, а по возможности и мозгов».

Опасения, что широкая огласка этого дела могла бы привлечь к нему внимание «еще не окрепших идеологически некоторых групп населения» СССР, привели к тому, что судьба ленинградских оккультистов была решена во внесудебном порядке. 18 июня 1926 года дело было рассмотрено Особым совещанием Президиума коллегии ОГПУ. Самое тяжелое наказание — три года концлагерей по ст. 61 УК РСФСР получил сотрудничавший с ОГПУ Б. В. Астромов, заподозренный чекистами в неискренности. По три года получили его коллеги: В. Ф. Гредингер и С. Д. Ларионов. Остальные 16 обвиняемых — Г. В. Александров, А. А. Егоров, А. А. Антонова, Н. 3. Кирюнов, Б. Л. Киселев, А. А. Наумов, С. В. Слободова, М. А. Нестерова, Г. В. Клочков, Г. О. Лобода, Е. П. Вартапетова-Барескова, М. А. Колокольцева, Г. С. Габаев, А. Н. Патцнер, А. В. Клименко, Г. О. Мёбес — отделались сравнительно легким испугом. Как «социально опасные элементы» они подлежали административной ссылке в отдаленные местности СССР сроком на три года. Н. Г. Сверчкову в связи с «временной отлучкой», а также А. П. Барескову, находившемуся в психиатрической больнице, обвинение предъявлено не было.

Судьба Мёбеса, отбывавшего ссылку вместе с Нестеровой, неизвестна. Что же касается Астромова, то местом его пребывания после отбытия наказания стал город Гудауты Абхазской АССР, где он устроился работать зав. лабораторией местного табачного завода. 10 июля 1940 года он был вновь арестован сотрудниками 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР.

"Трудно поверить, — 5 января 1928 года писала «Ленинградская правда» в связи с делом Астромова, — что еще совсем недавно в Ленинграде функционировали четыре масонские ложи. Четыре самые настоящие, вполне серьезные масонские ложи с несколькими десятками членов, с магистрами, с мастерами, с посвящениями, клятвами, подписанными кровью, с уставом, заграничной перепиской, служениями, заседаниями и даже членскими взносами. Генеральным секретарем, магистром и инициатором этой «Великой ложи Астреи»

— братства российских масонов был некто Астромов-Кириченко-Ватсон. <…> Для организации масонского ордена он окружил себя не только соответствующей бутафорией, но и компанией изуверов, обскурантов и мракобесов. Откуда-то он приискал для своего дела некоего Мёбеса — дворянина, автора многих оккультных книг и владельца крупнейшей в мире коллекции порнографических открыток. В анкете Мёбес на вопрос о социальном происхождении ответил, что происходит «от Адама». Каким-то образом Астромов раздобыл и старуху (М. А. Нестерову. — В. Б.), имевшую гипнотическое влияние на женщин — членов ложи и вымогавшую у них деньги и молчание.

Дело развивалось в порядке строгой последовательности. Упомянутый изысканный актив занимался вербовкой «вольных каменщиков», агитацией и пропагандой. Новые братья и сестры, в свою очередь, вербовали своих друзей. Отечественное масонство разрасталось. Нового посвящаемого приводили в комнату Великого магистра под таинственный свет старинных фонарей, среди библий, иероглифов, эмблем, «кафинских узлов» и пентаграмм. Ему демонстрировали пару-другую призраков, сделанных с помощью киноаппарата, несколько вертящихся столов, переламывали над ним шпагу, заставляли подписаться кровью и требовали членские взносы. Таким образом были посвящены покойный Теляковский, балерина (ошибка: надо артист балета. — В. Б.), несколько видных кинорежиссеров и артистов, сын придворного кондитера, библиотекарь, пара-другая счетоводов, десяток женщин без определенных занятий, поэты, славянофилы, интеллигенты, обыватели, бывшие офицеры, дворяне и даже пом. прокурора ЛВО Гредингер, оказавшийся впоследствии авантюристом и заявлявший, что он розенкрейцер и что он уже жил в нескольких веках на протяжении разных столетий.

Конечно же, происходили служения и собрания. Они заключались в мистических занятиях и, как гласит устав, «гармонизации» братьев с сестрами, то есть, попросту говоря, в самом настоящем блуде. В распоряжении ложи имелась обширная порнографическая литература <…> Однако, конечно, этой музыкой не ограничивалось истинное лицо масонской ложи. Кроме денежного вымогательства, здесь имелись и политические задачи: масоны мечтали о власти масонства на Руси и о постепенном совращении большевиков на путь масонства!

Но, пожалуй, самое примечательное во всей этой галиматье — это то, что внешне под нее подводится архиреволюционный «идеологический базис». Масоны писали льстивые письма нашим ответственным работникам и рядовым партийцам, в которых заверяли о своем горячем сочувствии Советской власти и Коммунистической партии. Более того, они заявляли, что задачи и цели масонства тождественны задачам и целям ВКП(б). Астромов пытался даже напечатать в «Прожекторе» статью «Великая Французская революция и масоны». Масонская ложа посылала своих наиболее красноречивых агитаторов к советским работникам, но — ясное дело — им не удалось завербовать ни одного партийца".

Характерной особенностью фельетонов является усиленный нажим (особенно это характерно для второй публикации Л. Тубельского и П. Рыжей — в «Красной газете») на моральную нечистоплотность «братьев» и «сестер». «Трудно, да и омерзительно описывать в газетной статье, — констатируют авторы, — все формы и разветвления масонской работы. Кроме телепатии и психометрии, в промежутках между антисоветской пропагандой, во всех этих ложах: „Пылающего льва‟, „Дельфина‟, „Золотого колоса‟, „Цветущей акации‟, „Кубического камня‟ процветали самые противоестественные формы порока. „Пылающий лев‟ на поверку оказывался всего лишь тлеющей собакой. Среди главарей масонской организации существовала так называемая любовная цепь, по которой все женщины переходили от одного главаря к другому в последовательном порядке. (В протоколах допросов этот факт не отражен. — В. Б.). Половые литургии у аналоев, радения среди кадильниц, похабнейший блуд в стиле Поль-де-Кока, среди стигматов божественного блаженства. Здесь, в этой масонской галиматье, лишний раз подтвердилось известное

психологическое сочетание метафизики и эротизма, аскетическое богословие Фомы Аквината и вавилонский разврат Таисы всегда были связаны роковой близостью».

* * *

Вскоре после окончания «масонского дела» 1926 года ОГПУ вышло на след еще нескольких оккультных организаций. Едва ли не на первом месте среди них значился «Орден рыцарей Святого Грааля». Возглавлял его француз — Александр Габри-элович Гошерон-Делафос, подвизавшийся в 1920-е годы в роли контролера финансового контрольного отдела Губфо. Старейшими членами ордена были близкие друзья Делафоса: Николай Цуханов и Михаил Битютко, которые и составляли вместе с ним руководящий «треугольник» организации. Среди других «братьев» и «сестер»: художница М. А. Пуарэ-Пургольд, артистка театра А. И. Фогт, студентка ЛГУ Наталья Тарновская, музыкант А. А. Кенель, археолог Г. В. Михновский, композитор и музыковед Ю. А. Зандер. Фактически орден возник не ранее 1916 года, хотя первые посвящения в него А. Г. Делафос совершил еще в 1914 году (поэт Дмитрий Коковцов и Николай Цуханов). Дело в том, что к этому времени Делафос возвратился из поездки по Франции, где и был, видимо, посвящен, хотя на следствии он и отрицал этот факт.

Степеней посвящения в ордене было семь: паж, рыцарь, лебедь, страж, шеф, помощник, Учитель. Высшей степенью посвящения — Учитель — обладал Александр Гошерон-Делафос. Николай Цуханов и Михаил Битютко подвизались в качестве помощников (эдов). В свою очередь, каждый эд должен был иметь трех учеников — гардов (стражей), каждый гард — трех лебедей, каждый лебедь — двух рыцарей. Настольным руководством для членов ордена являлись: «Историческая традиция Святого Грааля» и «Великое наставление» как образец высоконравственного поведения рыцаря Святого Грааля. Истоки своего ордена члены его возводили к дому французских герцогов

Анжуйских, традиции которого якобы выражал потомок этого дома, глава ордена, Учитель Гошерон-Делафос.

Прием новых членов происходил при соблюдении соответственного ритуала, который состоял в том, что «треугольник» произносил ряд формул и заклинаний, а посвящаемый давал торжественную клятву — хранить тайны ордена и его название. На собраниях рыцарей перед посвящением и включением в магическую цепь новых членов глава ордена читал лекцию-наставление и рассказывал подробности своего посещения центра всей системы ордена, находящегося во Франции, где якобы производится такая же работа и подготовка к посвящению новых рыцарей. На торжественном собрании рыцарей «Святого Грааля» 8 мая 1927 года по случаю годовщины существования ордена в России Гошерон-Делафос сообщил о предстоящем приезде из-за границы представителя высшей системы ордена для обследования степени подготовленности рыцарей в Ленинграде и предложил усилить как занятия с учениками, так и связь между отдельными рыцарями. Одновременно он указал, что, если работа будет признана удовлетворительной, возможно последует денежная субсидия ордену и ежемесячное вознаграждение его членам.

Официально декларируемая цель ордена — «усовершенствование мыслительных и нравственных способностей» рыцарей «Чаши Святого Грааля» по мере их продвижения по лестнице степеней — не отличалась оригинальностью и была сродни целям, декларируемым другими масонскими сообществами всех времен. Легенды о Граале — чаше, в которую якобы стекала кровь распятого Христа, после того как римский центурион Лонгин пронзил копьем его грудь, и Парсифале — рыцаре, который удостоился высокой чести войти в братство Святого Грааля, — так же почитаемы у масонов, как и миф об Адонираме — строителе Соломонова Храма. Сам Гошерон-Делафос говорил своим ученикам о существовании некоего

идеального центра Святого Грааля в полуразрушенном рыцарском замке Монсалват в Бретани во Франции, увидеть и войти в который могут только посвященные.

Мистико-религиозная философия, проповедуемая Гоше-рон-Делафосом, уходит своими корнями в средневековое сектантство, известное в литературе как манихейство — доктрина, исповедуемая еретическими движениями катаров, валь-денсов и альбигойцев. Помимо чаши в символике ордена присутствовали также крест и светящаяся пентаграмма.

В ночь на 15 июня 1927 года члены мистического братства были арестованы. При обыске у них было изъято большое количество оккультной литературы и богатый архив ордена: протоколы собраний, записи лекций, описания ритуалов при посвящении, а также рисунки разного рода оккультной символики.

В ходе следствия Гошерон-Делафос энергично отрицал факт своего посвящения и связывал образование ордена исключительно со своим интересом к европейскому средневековью и своей литературной работой. Собственно, так и должен был себя вести в ходе допросов эзотерист-масон, да и просто разумный человек. Немногословны были и другие члены сообщества. «Организация, если можно так выразиться, — заявил, например, Н. И. Цуханов на допросе 16 июня 1927 года, — существует как научно-философское течение с 1917 или с 1916 года. Впервые я узнал об этом из книг, название которых не помню. Несколько человек, как то: Битютко Михаил Михайлович, Пуарэ Марианна Александровна, Колокольцева Мария Александровна и семья Фогт: Анна Ивановна, Михаил Федорович и Федор Федорович объединились в то время и занимались вопросами оккультного характера с научно-философским подходом. Эта группа существует и до настоящего времени. Больше лиц, этим занимающихся, я не знаю».

Более откровенен был допрошенный в качестве свидетеля музыкант Юрий Зандер, отметивший антисоветский характер высказываний некоторых членов кружка (Цуханова, Михнов-ского). В целом же протоколы допросов арестованных поражают удивительной бедностью содержания. Понять это можно. Большой политики в деятельности членов кружка не было — одни обывательские разговоры. Что же касается оккультной, мистической стороны работы кружка, то она следствие интересовала мало. Еще меньше в ее раскрытии были заинтересованы сами арестованные.

Как бы то ни было, в обвинительном заключении по делу однозначно утверждалось, что «Орден Святого Грааля» является «организацией нелегальной и антисоветской», а посему следствие на этом основании было решено считать законченным, а предъявленное обвинение в преступлении, предусмотренном ст. 58-5 УК РСФСР, — доказанным.

Наиболее суровое наказание в соответствии с постановлением Коллегии ОГПУ от 8 июля 1927 года — 10 лет концлагерей — было определено А. Г. Гошерон-Делафосу, по 5 лет получили М. М. Битютко, Г. В. Михновский и Н. И. Цуханов. По 3 года концлагерей получили М. А. Пуарэ-Пургольд и А. А. Кенель. Более мягкое наказание — 3 года ссылки — ждало А. И. Фогт (Сибирь) и А. Я. Шляхтину-Адамсон (Средняя Азия). В отношении Ю. Н. Тюлина и З. К .Ивановой дело было прекращено.

* * *

Суровость приговора, явно не соответствующая тяжести содеянного арестованными, не может не озадачить, но только на первый взгляд. Если же обратить внимание на то, что практически все подследственные «из дворян», то все становится на свои места. Да и позиция ОГПУ в отношении оккультистов к этому времени уже определилась, что не замедлило сказаться и на судьбе других групп масонского толка, действовавших в 1920-е годы в Ленинграде. Одной из них являлось «Братство истинного служения», известное, впрочем, и под другим названием — «Эзотерическая ложа».

В начале февраля 1927 года в ПП ОГПУ в ПВО стали поступать сведения о том, что в квартире № 28, дом 43-в по Кироч-ной улице, у Георгия Анатольевича Тюфяева, конторского служащего из недоучившихся студентов (3-го курса юрфака Петербургского университета) происходят собрания оккультистов, устроивших тайный оккультный клуб для совершения молитв и проведения спиритических сеансов. После проверки указанных сведений выяснилось, что они соответствуют действительности, поскольку на квартире Тюфяева происходят собрания членов нелегальной оккультной и религиозной организации, носящей название «Эзотерическая ложа».

Собрания происходили каждые 9 дней в специально приспособленном храме для совершения молитв, после которых устраивались спиритические сеансы. В них участвовали до 40 человек. «Братство истинного служения» возникло в начале 1925 года, а до этого существовало как оккультный кружок, члены которого занимались спиритизмом и изучением оккультных наук под руководством уже упомянутого Тюфяева и Владимира Германовича Лабазина.

Прием новых лиц производился по поручительству одного из членов «Братства». Вступающий приносил клятву верности «Братству» и брал на себя обязательство под страхом строгой кары хранить в тайне все происходящее в организации, а также само ее существование, не открывая этого никому, даже своим родственникам. После этого вступающий принимал посвящение в первую степень — ищущего. Всего существовало четыре степени посвящения: ищущий, идущий, ведущий, поучающий.

Вступающий в «Братство» проходил определенный курс оккультных знаний в специально составленных группах (согласно подготовленности его отдельных членов), причем члены одной группы не могли переходить по своему желанию в другую группу и должны были хранить в секрете все происходящее в своей.

Кроме того, члены «Братства» платили членские взносы в размере не меньше 1 рубля в месяц и по возможности вносили пожертвования на содержание храма. Считалось, что члены «Братства», находясь под покровительством архангела Рафаэля, должны строго выполнять все его распоряжения, которые передаются во время спиритических сеансов через дисковые беседы или медиумов.

Основной целью «Братства», доложил информатор ОГПУ, являлось практическое и теоретическое изучение эзотерических явлений посредством спиритических сеансов. «Братство истинного служения» имело рукописные материалы выработанных обрядов и ритуал, по которым совершались молитвы архангелам, формулы клятв и посвящений, а также специально сшитую одежду, одеваемую при молитвах всеми посвященными «братьями» и «сестрами».

Особый интерес у ОГПУ вызвали проповеди пастырей «Братства»: Георгия Анатольевича и Лидии Владимировны Тюфяевых, Владимира Николаевича Очнева-Лефевра и Александра Ивановича Сикстеля, энергично внушавших своим слушателям, что в течение веков происходит борьба между Христом и Антихристом. В России в 1917 году победил Антихрист и с силой распространяет свою власть, увлекая всех в непроглядную бесконечную тьму Черного треугольника. Постепенно, через организации, устроенные Антихристом на земле, он разрушает храмы и церкви, а руководителей их убивает и отправляет в ссылку.

Сами руководители — пастыри «Братства» не могут служить в советских учреждениях, потому что такой службой они поддерживали бы власть Антихриста. Членам же его от имени архангела Рафаэля разрешалось работать в советских учреждениях исключительно «за хлеб», чтобы не умереть с голода, и запрещалось участвовать в работе общественных советских организаций, так как этим они поддерживали власть Антихриста.

В конце марта были получены сведения, что ложа Тюфяева настолько заполнена, что не может принимать новых членов, для чего в квартире № 27 того же дома была срочно

устроена новая ложа, где был оборудован еще один храм под руководством Алексея Алексеевича Разуваева. Одновременно по предложению Тюфяева проводилась большая кампания по вовлечению в ложу новых членов, главным образом из мистически настроенной молодежи.

В ночь на 13 мая ОПТУ произвело обыски у членов «Братства» и арестовало 15 наиболее активных его участников: Г. А. Тюфяева, Л. В. Тюфяеву, В. С. Берестина, А. И. Сикстеля, В. Н. Очнева-Лефевра, Е. И. Очневу-Лефевр, А. А. Разуваева, А. А. Разуваеву, Л. Н. Люценко, Н. А. Ольховскую-Ростову, М. П. Протасова, О. П. Грицнер-Варламову, Е. М. Калачникову, А. Д. Локтеву и В. Г. Лабазина. При обысках было изъято оборудование двух храмов, а также большое количество оккультной литературы, символических изображений, пасторская одежда, устав и печать «Братства», а также такие сугубо «мирские» предметы, как пишущая машинка и револьвер.

В ходе предварительного следствия выяснилось, что еще в конце 1924 года Г. А. Тюфяев, В. Г. Лабазин и М. Д. Нилов организовали кружок под названием «Научно-спиритическое общество», в который помимо них вошли Любовь Зюньзя, Надежда Радынская, Вера Лабазина, Аглаида Раттай, Эмиль Солтис и несколько девиц из соседнего интерната. Через некоторое время Тюфяев сообщил, что архангел Рафаэль требует от общества гармонии между его членами. Гармония эта должна была выражаться в телесной и духовной связи между мужчинами и женщинами кружка. «Сгармонироваться», согласно требованию архангела Рафаэля, должны были следующие пары: Тюфяев с Радынской, Нилов с Раттай, Солтис — с Ла-базиной, Лабазин — с Зюньзя.

Неофициально Тюфяев, пользуясь положением руководителя, пожелал «сгармонироваться» и с другими женщинами, в частности с двумя девушками из интерната. Последние от этого предложения, однако, отказались, переведя все в шутку. Больше их на заседаниях кружка никто не видел. Несмотря на претензии к Тюфяеву со стороны «сестер» и его трения с Ла-базиным, также претендовавшим на роль руководителя кружка, основное его ядро не только было сохранено, но и сам кружок непрерывно пополнялся за счет новых членов. Как видно из протоколов допросов арестованных, многие из них оказались втянутыми в кружок, наивно надеясь пообщаться таким образом со своими умершими родственниками, что вполне определенно обещал им Тюфяев.

Как бы то ни было, резкое возрастание численности кружка позволило Тюфяеву объявить в конце 1925 года о преобразовании его в «Братство истинного служения», численность которого, как уже отмечалось, доходила до 40 человек. Достоверные же сведения о членстве в «Братстве» ОГПУ удалось получить только в отношении 33 «братьев» и «сестер». Это «пасторы ложи № 4» Г. А. Тюфяев, Л. В. Тюфяева, А. И. Сик-стель, В. Н. Очнев-Лефевр, «пасторы ложи № 2 (базировавшейся в квартире № 27)» А. А. Разуваев и В. Г. Лабазин, казначей ложи № 4 В. С. Берестин, медиумы ложи № 2 Н. А. Ольховская-Ростова и Л. А. Зюньзя, медиум ложи № 4 Е. И. Крель, временный пастор ложи № 4 М. П. Протасов, «сестры» ложи № 4 Е. М. Калачникова, А. Д. Локтева, Е. И. Очнева-Лефевр, Н. И. Бутова, А. А. Разуваева, Н. А. Радынская, А. Н. Раттай, А. С. Кункевич, Т. В. Калачникова, А. М. Розенгейм, А. Н. Азбелева, М. М. Александрова, Е. И. Лапина, А. В. Козлянинова, Д. В. Титова, Т. В. Козлянинова, Л. П. Масленникова, Н. А. Аз-мидова, А. И. Мишина, «сестры» ложи № 2 Л. Н. Люценко и О. П. Грицнер-Варламова и, наконец, «брат» ложи № 4 М. Д. Нилов.

В ходе следствия Тюфяев вынужден был сознаться в мистификации «братьев» и «сестер». «Я признаю себя виновным, — заявил он, — в том, что обманывал „братьев", поскольку сам не верил в правоту теософских учителей и высших духов». Относительно «высокопосвященных братьев» Эбрама-ра и Андрея он также вынужден был признать, что в действительности они не существовали и были использованы им для поднятия своего авторитета среди членов «Братства». Вынужден был он признать и неприглядность своего поведения в отношении «сестер» «Братства». «Я, — свидетельствовала „сестра" Л. В.

Шернспец, — участвовала в спиритических сеансах, устраиваемых Тюфяевым в помещении Государственного художественно-промышленного техникума и в квартирах по Пушкинской и Кирочной улицам, где оказалась под его влиянием». Оказывается, Тюфяев принуждал ее к половому сожительству, симулируя приказания архангела Рафаэля через диск. Фанатизм Лиды Шернспец был, однако, настолько велик, что она уже была намерена отдаться ему, но, вовремя узнав об обманах Тюфяева, ушла из «Братства».

Из допросов Ю. М. и В. М. Шернспец выяснилось, что они также оказались жертвами Тюфяева, который вымогал у них деньги и одежду, а В. М. Шернспец таким же образом принуждал к вступлению с ним в половую связь. Под давлением улик Тюфяев также вынужден был признать свою вину, что, пользуясь авторитетом братьев Эбрамара и Андрея, посылал от их имени письма членам «Братства» — Наталье Ольховской и Лидии Люценко с целью принуждения их к половой с ним связи.

В ходе следствия всплыл вопрос об отношении Тюфяева к ордену «Звезды на Востоке», члены которого Агния Разуваева, Анна Калачникова и Евгения Лапина подвизались в то же время и в качестве сестер «Братства истинного служения». Признав факт агитации его в это теософское оккультное сообщество, Тюфяев подчеркнул свое отрицательное отношение к нему. «Скажу так, — показывал он. — Впервые я узнал об этой организации от гражданки Агнии Разуваевой, которая и познакомила меня весьма спутанно с идеями ордена, показавшимися мне абсурдными <…> так как я совершенно не разделял мнения теософских учителей о каком-то пришествии на землю Христа, что является сущей утопией».

Видную роль в «Братстве» играл безработный артист драмы В. Н. Очнев-Лефевр. «Этот дом по Советскому проспекту, — писала „Красная газета", — почти ничем не выделяется среди остальных. На нем нет ни памятной доски, ни геральдических гербов. Однако — кто бы мог подумать — еще совсем недавно в нем проживал Людовик XVI, король Франции и Наварры. Он проживал здесь до нынешних времен, пока не выбрал места не столь отдаленные, к северу от Ленинграда. Впрочем, настоящее имя Людовика XVI было Владимир Николаевич Очнев-Лефевр. Дворянин, сын придворного кондитера, он был одним из активнейших членов „Эзотерического ордена" или „Братства истинного служения". Этот орден был основан в 1924 году и работал вплоть до наших дней. Мистическое братство это возглавлялось неким Тюфяевым, отцом Георгием — бывшим дворянином, бывшим студентом, бывшим человеком. Очнев же играл в „Братстве" роль перевоплощенного Людовика XVI, призванного спасти Россию и Францию <…> В одной из проповедей Тюфяев, между прочим, сообщил, что наряду с „Братством истинного служения" существует „Черное братство", где собираются слуги антихриста. И что на одном из этих „Черных братств" он, Тюфяев, был и видел, как Зиновьев причащался кровью двухлетнего убитого ребенка».

Состав «Братства» — безработные артисты (Очнев-Лефевр, Люценко, Ольховская-Ростова, Калачникова, Зюньзя), вдовы и дочери бывших царских офицеров (Кункевич, Крель, Александрова, Грицнер-Варламова и другие) — практически все из дворян. Успех у этой специфической публики умело организуемых Георгием Тюфяевым «медиумических сеансов» и «трансов» вполне закономерен.

Несмотря на очевидное отсутствие серьезной «политики» в деятельности «Братства истинного служения», приговор Коллегии ОГПУ от 8 июля 1927 года был суров: Тюфяев — 10 лет концлагерей, Очнев-Лефевр, Лабазин, Сикстель, Берестин, Протасов — 5 лет, Тюфяева, Разуваев, Ольховская-Ростова — 3 года концлагерей, Грицнер-Варламова, Разуваева, Люценко, Очнева-Лефевр, Зюньзя, Крель, Лапина — 3 года ссылки (Средняя Азия). Локтева, Калачникова, Александрова и Кункевич были лишены права проживания в Москве, Ленинграде и ряде пограничных областей СССР сроком на три года.

"При ликвидации этой веселой компании, — отмечала «Ленинградская правда» в фельетоне «Галиматья», — можно только удивляться и разводить руками. Действительно, вот необыкновенное дело! Какой странный и нелепый парадокс. На десятом году революции

в советской стране, в городе рабочей диктатуры — такие странные птицы. Поистине, нужно быть талантливым авантюристом, чтобы в век атомистических теорий, химического анализа, индустриализации, волго-донских каналов, гидростроительства, океанских перелетов, шедевров металлургии — проповедовать масонство. Да где еще — в Советском Союзе!

Но этот парадокс, если вглядеться в него поглубже, совсем не так удивителен, а пропитан печальной иронией. Это маленький парадокс, создавшийся в результате больших социальных перемещений. Масонская ложа в 1927 году — это последняя и диковинная форма, в которую вылились искания внутренней эмигрантщины и опустошенной обывательщины. Это последняя спазма изгоев революции, сиротливо шатающихся на историческом ветру, как недожатые колосья. Это одно из предчувствий выражения «бессильной активности» «третьей силы». И в небывалой нелепости этой масонской истории можно прочесть издевательскую иронию времени над историческим барахлом, забытым в наших днях прошедшей эпохой".

«Чем же по существу является советское масонство? — задавались вопросом братья Тур. — Оно является жалкой трагикомедией старой консервативной „великодержавной" интеллигенции, которая осталась на старых идеологических позициях. Это один из ее последних, наиболее полно выраженных и четко окрашенных тупиков. Это — наиболее издевательское знамение ее распада. Это вырождение вылилось в карикатуру. И когда разворотили эту зловонную плесень, обнаружилось во всей отвратительной наготе потрясающее ничтожество этих спиритов, этих завонявшихся в самих себе дрянненьких брюзжащих великодержавных интеллигентов. Как клопы, понюхав персидского порошку, высыпали наружу, на листы следствия, все эти дворяне, генеральские вдовы, доктора богословия, спившиеся актеры, воспитанники кадетских корпусов, доценты христианской экзегетики, кокаинисты, кантианцы, идеалисты, старорежимные прокуроры, гвардейские поручики, апостолы чистого разума, предводители дворянства, пенсионерки, сестры милосердия, черносотенцы, потомственные и почетные скулодробители, доморощенные Пуришкевичи и Круше-ваны. Стало еще раз ясно, что они со всеми своими усилиями — абсолютное ничтожество, совершеннейший нуль, скорее тень от нуля. Стало еще раз ясно, что их уже ничто не спасет в их зачумленной моральной пустоте, даже высокий перст Рафаэля, даже небесный пуп Эбромара».

Из зарубежных откликов на дело ленинградских мартинистов удалось обнаружить лишь публикацию в издававшейся в Париже русской эмигрантской газете «Возрождение» за 2 и 3 июля 1926 года. Однако ничего нового по сравнению с архивными документами она не содержит.

* * *

Наряду с оккультными сообществами откровенно масонского характера широкое распространение в интеллигентской среде получили в 1920-е годы религиозно-философские кружки и группы, промасонская сущность деятельности которых хотя и не подлежит сомнению, но далеко не так очевидна для непосвященных. Крупнейшей из такого рода подпольных организаций интеллигенции Ленинграда являлось в те годы «Воскресенье».

Начало ей было положено в декабре 1917 года собранием инициативной группы сотрудников Публичной библиотеки на квартире философа Г. П. Федотова. Кроме самого Г. П. Федотова здесь присутствовали его коллеги, тоже сотрудники библиотеки: Н. П. Анциферов и А. А. Мейер с женами и Л. В. Преображенская. «Прочли молитву „Отче наш", — вспоминала в этой связи жена А. А. Мейера Ксения Половцева, — кончили чаем и угощением. Решили и впредь так же собираться».

То, что начало кружку было положено сотрудниками Публичной библиотеки, не было, конечно, случайностью, так как уже в годы войны стараниями известных масонов Александра Мейера и Александра Браудо она была превращена в один из опорных пунктов «вольного каменщичества» в Петербурге. Как показывала на допросах в ОГПУ Половцева, именно Федотов стоял у истоков «Воскресенья», он же разработал, по ее словам, и «детальные тезисы», положенные в основу работы кружка. Тем не менее очень скоро на роль лидера рядом с ним выдвигается масон Мейер и сама Половцева, что имело далеко идущие последствия для организации.

В идейном плане кружок Федотова — Мейера был продолжателем традиций левого крыла Религиозно-философского общества, представленного такими именами, как З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский, А. В. Карташев, В. П. Свенцицкий, Е. П. Иванов, А. А. Мейер и др. Петербургское отделение Общества всегда было левее московского. Его наиболее видные члены — масоны Гиппиус и Мережковский — в свое время резко осудили «Вехи» и призывали народ к революции. Члены Общества исключили В. В. Розанова за признанные ими антисемитскими его статьи о «деле Бейлиса» («Андрюша Ющинский») и еврейском вопросе («Наша кошерная печать») в России, а Гиппиус яростно протестовала против «русского шовинизма» в годы Первой мировой войны и, в частности, против переименования Петербурга в Петроград. В отличие от своих московских коллег, петербургские члены РФО сознательно стремились теснее увязать свою деятельность с современным им общественным движением, ставя в центр внимания такие важные для русской действительности начала века проблемы, как преодоление разрыва между интеллигенцией и народом, между религией и социальной революцией.

Вот что вспоминал о зарождении кружка и его первых шагах Н. П. Анциферов:

"Я служил в эти дни в отделе Rossica в Публичной библиотеке. Ко мне обратился А. А. Мейер с предложением встретиться и вместе подумать. Встреча была назначена у Ксении Анатолиевны Половцевой в ее квартире на Пушкарской. Так возник кружок А. А. Мейера. Александр Александрович был очень красив, статен, высок, с тонкими правильными чертами лица, окаймленного густыми длинными волосами. Лицо нервное, одухотворенное, речь, сперва медленная, становилась все более страстной. Ксения Анатолиевна была также красива, с синими глазами и темными, просто причесанными волосами. Ее внутренняя жизнь была всегда напряженной <…>

В кружке Мейера было решено воздерживаться от споров. Кто-нибудь выдвигал какой-нибудь вопрос и начиналось обсуждение по кругу. В моем дневнике, сгоревшем в нашем домике в дни ленинградский блокады, я записывал все прения, и теперь по памяти мне трудно восстановить даже наши темы. Все же кое-что запомнилось. «Патриотизм и интернационализм» (правда того и другого), «Взаимосвязь понятий свобода, равенство и братство». Еще юношей в 1907 году я писал о свободе и равенстве как о ценностях отрицательных, не имеющих своего положительного содержания. Человек может переживать рабство, неравенство как болезнь общества. Но здоровье переживать нельзя. Переживание — это освобождение от рабства, от гнета неравенства. Так переживается не здоровье, а выздоровление. Братство — реальное переживание, оно имеет свое содержание в любви друг к другу и к чему-то высшему, стоящему над нами (Бог, родина). Еще обсуждалась тема «Товарищество и дружба». Это разные понятия (их теперь путают). Товарищей объединяет какое-нибудь дело (учение, борьба, труд). Друзей объединяет внутренняя жизнь человека. Дружба — глубоко индивидуальное понятие. Оно не исключает дела, но не сводится к нему. Что дает смысл жизни, ее наполнение: любовь, творчество, искусство, труд. Запомнилось мне своеобразное выступление Марии Константиновны Неслуховской (теперь жена Н. Тихонова). Она говорила о смысле грехопадения: «Адам и Ева вздумали приобрести самое ценное — познание добра и зла — без всякого труда, просто вкусив запретное яблоко». Труд для нас был основой нравственной жизни.

Собирались мы первоначально по вторникам, а потом решили встречаться в воскресные дни, чтобы иметь более свежие головы. Наши вечера напоминали собрания кружка Н. В. Станкевича строго трезвенным характером: только чай. Встречались самые разнообразные люди. Приходили и уходили. Бывали биолог Л. А. Орбели, художники К. С. Петров-Водкин и Л. А. Бруни, литературовед Л. В. Пумпянский, музыкант М. В. Юдина, бывал рабочий Иван Андреевич. Скромный и обаятельный человек, но фамилию его забыл. Постепенно кружок срастался и начинал менять свой характер: становился более религиозным. По инициативе Мейера и Половцевой собрания начинались молитвой. В нее были включены слова о «свободе духа». А беседа начиналась с пожатия рук всех собравшихся. Получался круг вроде хоровода. Мейер и Полов-цева всячески стремились придать собраниям характер ритуала. Отмечая годовщину 1-го собрания кружка, испекли хлеб и перед началом роздали его всем присутствующим. Это были дни голода. Меня, и в особенности мою жену, смущали эти тенденции.

Переменили и адрес собраний, но не в конспиративных целях. Мы подчеркивали, что у нас нет ничего тайного. К нам может прийти каждый желающий. Не помню, с какого времени мы стали собираться на Малом проспекте близ Б. Спасской в одноэтажном домике, двери которого не запирались. Приходившие приносили несколько поленьев, и, когда трещал огонь в печках, становилось уютно и создавалось особое чувство близости. Бывало, прежде чем разойтись, просили мужа Ксении Анатолиевны Павла Дмитриевича Васильева спеть нам что-нибудь. Голос у него был очень приятный, и пел он с большим чувством. В особенности хорошо выходила ария князя Игоря.

Не помню, у кого возникла идея издавать свой журнал. Не помню, кто дал средства. Это был 1918 год (начало). Свой орган мы назвали «Свободные голоса». Вышло всего два номера. Журнал вызвал резкую оппозицию Д. Мережковского и З. Гиппиус. Они обвинили нас в том же грехе, что и А. Блока за его «Двенадцать»".

Уже в марте 1918 года кружок состоял из 18 человек. Это позволило его руководителям поставить вопрос об общественной роли кружка. Тогда же выносится постановление о пропаганде идей кружка и ведении массовой агитационной работы среди населения. С этой целью было решено издавать свой журнал — «Свободные голоса». За средствами остановки не было (частные пожертвования), и уже в том же марте месяце был выпущен его первый номер под редакцией Мейера и Федотова.

Содержание журнала отражало идейно-политические позиции кружка. Его статьи самым энергичным образом призывали русских людей к борьбе с большевизмом и взывали к патриотическим чувствам русской интеллигенции, побуждая ее к объединению во имя спасения родины. Со страниц журнала члены кружка как бы обращались к русским людям с предупреждением, что их родина, отечество, находится на краю гибели. Главная задача русской интеллигенции, считали они, заключается в том, чтобы возвратиться к вере и, выявив «слово русское», создать общий фронт против большевизма (статья Анциферова «Россия и будущее»). «К России, — развивал эту мысль Федотов (статья „Лицо России"), — приблизилась смерть. Отвернувшись от царицы, мы возвращаемся к страдалице, к мученице, к распятой и даем обет жить для ее воскресения».

«Магия интернационалистических лозунгов, — писал Мейер (статья „Интернационал и Россия"), — подкрепляемая усталостью населения, привела к развалу армии и к торжеству непрошеных гостей. Интернационал оказался новой державой, вмешавшейся в войну, союзницей Германии, являющейся крепким оплотом всей европейской социальной реакции. Лозунги Интернационала непримиримы с пониманием национальной культуры и любовью к Родине. „Единство трудящихся всех стран" базируется на национальном обезличении, на ослаблении любви к нации, на угасании пафоса к личному и является полным отрицанием национального лица. Только религиозное понимание истории могло бы дать выход из противоречия между нациями. До тех пор пока социализм не подчинит свою общественную

идеологию религиозной идеи личности, он будет служить целям, чуждым его собственной правде. Интернационал — это суррогат великого вселенского братства, который, соблазняя малых сил правдой мира и единения, делает из себя особую державу, подданные которой неизбежно становятся изменниками делу национального и всякого вообще творчества».

Такой же характер имел и второй номер журнала «Свободные голоса» (июнь 1918 года), после чего из-за опасения репрессий со стороны властей его издание было прекращено.

Ядро кружка в первые годы его существования составляли: Г. П. Федотов, А. А. Мейер, К. А. Половцева, М. В. Пигулевская, П. Ф. Смотрицкий, Н. П. Анциферов. Деятельное участие в нем принимали также историк И. М. Гревс, философ С. А. Алексе-ев-Аскольдов, родственница С. М. Кирова (сестра его жены) старая большевичка С. Л. Маркус, Н. И. Конрад, А. А. Гизет-ти, Н. А. Крыжановская, литературовед М. М. Бахтин, его брат В. В. Бахтин, Д. Д. Михайлов, антропософ Н. В. Мокридин, библиограф Л. Ф. Шидловский, пианистка М. В. Юдина, морской офицер С. А. Тиличев. «Этот кружок, — отмечала Е. П. Федотова, — никак не мог быть назван не только церковным, но даже и православным. Три протестанта, две католички, перешедшие из православия, несколько некрещеных евреев и большинство православных, но православных по рождению и мироощущению, а пока стоящих вне Таинства».

Никакой строго определенной политической ориентации кружок, судя по всему, не имел. Среди его членов было 2 коммуниста, 1 монархист, но большинство надеялось на эволюцию Советской власти. Путь, по которому решили идти кружковцы, был путь широкой пропаганды идеи религиозного возрождения, который только и мог, по их мнению, спасти Россию.

В конце 1919 года на одном из заседаний организации, разросшейся к этому времени до 25 — 30 человек, она получает название «Воскресенье» как символ воскресения, возрождения России.

К 1919 году ядро кружка (около 11 человек) выделилось в братство «Христос и свобода». В отличие от остальных, которые по-прежнему продолжали собираться по вторникам («вторичане»), члены братства стали собираться узким составом и по воскресеньям. Так продолжалось до 1923 года, когда произошел разрыв между кружковцами. Формальным поводом для него явился доклад Г. П. Федотова «О жертве», прочитанный им 6 марта 1923 года, после чего часть «вторичан» заявила, что эти вопросы им «слишком чужды, что они боятся и, вероятно, больше не придут». Вскоре после этого «вторники» прекратились. Что же касается «воскресений», то они продолжались вплоть до декабря 1928 года.

Главная задача, которую ставили перед собой участники кружка, заключалась в том, чтобы не дать большевикам возможности «уничтожения христианской культуры». По свидетельству Анциферова, члены кружка, разделяя экономическую и социальную программу большевиков, вместе с тем считали ее явно недостаточной для «обновления человечества и построения коммунизма», так как она игнорировала религию. Другими словами, они хотели соединить несоединимое, надеясь, что придет время, «когда 1 Мая встретится с Пасхальным воскресеньем». «Основная установка моя в вопросе религия и революция — сводится к следующему: религия не частное и не национальное дело, — отмечал Мейер. — Религия не может быть безразлична к историческим путям человечества. Христианская религия в принципе своем утверждает преодоление индивидуализма, и в этом главный путь смычки христианства с социальной революцией».

Члены кружка, особенно в первый период его деятельности, отрицательно относились к православию и православной церкви, полагая, что в рамках ее невозможно свободное развитие христианских идей. Этому же соответствовали и доклады, прочитанные на заседаниях кружка в 1921 — 1922 годах: об аскетизме, о церковных делах, о еврействе, о коммунизме, о собственности, о Василии Великом и др. «Для меня вторники, — отмечала

Половцева, — это та лаборатория, где будет приготовляться идеология современной интеллигенции, которая учтет и религиозность, и коммунизм».

В 1920 — 1921 годах так думало большинство интеллигенции. Советская действительность заставила их вскоре если не переменить свои убеждения, то по крайней мере внести в них серьезные коррективы. «Я в свое время, — писала в этой связи Пигулевская 7 ноября 1922 года, — исповедовала такое убеждение: коммунизм строит здание, и строит без креста, но когда достроит до конца, мы сделаем купола, поставим крест, и все будет хорошо. Я так думала. Теперь иначе. Я знаю, что из ратуши церквей не делают. Теперь строится синагога сатаны, из которой — сколько колоколов ни вешай, ничего не сделать».

С весны 1920 года начинается процесс возвращения «вто-ричан» в лоно православной церкви. Инициаторы кружка все еще оставались вне таинства, но евреи крестились и попадали под влияние своих православных священников, обличавших Мей ера в «Мережковских ересях». Это заставило в конце концов и его самого также вернуться в лоно Православной Церкви.

С закрытием в 1923 году «Вольно-философской ассоциации» (Вольфила), которая использовалась как место встреч участников кружка и подбора подходящих кандидатов для его пополнения и высылкой за границу ее наиболее активных членов (Л. П. Карсавин, И. И. Лапшин, Н. О. Лосский и др.) возможности легальной деятельности «Воскресенья» резко сократились. Чтобы не привлекать внимания ОГПУ, в начале 1924 года решено было собираться не всем сразу, а поочередно, небольшими группами, на квартирах К. А. Половцевой, Г. П. Федотова, П. Ф. Смотрицкого, П. Д. Васильева, Г. В. и И. В. Пигулев-ских.

По инициативе или при непосредственном участии наиболее активных членов «Воскресенья» в 1924 — 1925 годах в Ленинграде был создан и успешно функционировал целый ряд интеллигентских кружков: «Содружество» (из студентов Института им. Лесгафта, руководитель А. А. Мейер), «Кружок переоценки ценностей» (руководитель Г. П. Федотов), «Религиозно-философский кружок» (из бывших студентов и преподавателей Богословского пасторского училища, руководитель А. А. Мейер), «Кружок медиевистов» (руководители И. М. Гревс и О. А. Добиаш-Рождественская), «Культурный уголок» (руководитель П. Ф. Смотрицкий). Однако в состав собственно «Воскресенья» как кружка за все время его существования было введено всего 32 человека: Елизавета Вахрушева, Анна Дмитрук, Алексей Максимович, Анастасия Дедок, Клавдия Некрасова, Тамара Арнсон, Анна Лишкина, Эмилия Лаббе, Татьяна Смот-рицкая, Юлия Цезарева-Боярова, Евгений Иванов, Мария Юдина, Евгения Тиличева-Оттен, Лев Пумпянский, Иван Гревс, Евгения Бахтина, Всеволод Бахтин, Ольга Дедок, Сергей Алексеев (Аскольдов), Николай Анциферов, Алексей Смирнов, Ольга Петрова (Менжинская), Татьяна Гиппиус, Вера Гиппиус, Николай Спицын, Вера Штейн, Иван Шилов, Самуил Дружкин, Вера Дружкина, Сильвия Зильберштейн, София Маркус.

В 1925 году Федотов уезжает за границу, и руководство «Воскресеньем» полностью переходит в руки Мейера. «Александр Александрович Мейер, — свидетельствует близко знавший его Д. С. Лихачев, — это колоссальная человеческая личность». Видный философ, он оказался в то же время неплохим организатором и умел привлекать к себе людей. Где бы ни появлялся этот человек, сразу же около него начинала группироваться интеллигентная молодежь.

"Ни как религиозный мыслитель, ни как просто верующий, Мейер не был ортодоксален, — продолжал Лихачев, — не любил «людей в мундирах», как говорил Достоевский. Мейер воспитывался в лютеранской атмосфере, но считал себя православным (похоронен философ на лютеранском Волковом кладбище). В своем учении о слове, об имени он близок М. Бахтину, с одной стороны, а с другой — имяславческой традиции. На Соловках, кстати, были заключенные из женского имяславческого монастыря, обитательницы которого

все погибли поодиночке: их отказ назвать свое имя был расценен как контрреволюционная конспирация.

Самое главное в Мейере — это гениальность самой его личности. Он был способен, встав утром с постели, тут же начать разговор с соседом на общие философские темы. Когда в арестантской роте он читал лекцию, большинство публики не понимало, о чем он говорит, но покорены его обаянием были все.

Он больше состоял из мыслей, чем из тела, не распределяясь поровну меж телом и мыслью.

Распространяя себя на других, он не терял себя, был энергетически собран, как шаровая молния. Он воздействовал на людей всем целостно организованным внешним обликом, внутренне сопряженным с миром его идей. Помню, когда однажды на Соловках ему остригли волосы, он очень стеснялся этим нарушением гармонии внешнего и внутреннего.

Мейер не строил свою жизнь как художественное произведение, но артистизм мыслителя, обаяние учителя были свойственны ему в высшей степени".

По инициативе К. А. Половцевой уже в том же 1925 году принимается решение о развертывании целой сети кружков среди школьной молодежи для преподавания Закона Божьего, среди которых можно отметить кружок учительницы Е. М. Вахрушевой в школе первой ступени (б. Стоюниной), в котором занимались дети 12 — 13 лет.

После долгих споров к 1925 году среди членов кружка возобладала точка зрения Мейера, бывшего лютеранина, перешедшего в православие, о необходимости создания общего фронта представителей всех религиозных конфессий в борьбе против атеизма. На этом основании был даже разрешен доступ в «Воскресенье», наряду с православными, людям других вероисповеданий, если только они подходят под остальные требования «Воскресенья». В своем докладе на эту тему Мей-ер подробно изложил, как будет протекать эта совместная борьба, если такое объединение состоится. В виде иллюстрации к его докладу Половцева продемонстрировала слушателям графическую схему, согласно которой должны были быть созданы пять новых кружков: из католиков, лютеран, евреев и проч. Однако решение это вызвало резкие разногласия среди членов сообщества, некоторые из которых заявили о своем отказе от общей молитвы с иноверцами. Убеждения А. А. Мейера, что принятая в «Воскресенье» еврейка не может помешать общей молитве, так как она солидарна с православием и дала обещание креститься, — не помогли, и большая группа членов кружка (до 10 человек: П. Д. Васильев, Е. М. Вахрушева, Н. В. Пигулевская, В. В. Бахтин, В. П. Герман, А. Л. Лишкина, Е. С. Бахтина, Н. В. Спицын и другие) составила оппозицию руководителям кружка. Не считая себя вправе участвовать в общей молитве с иноверцами, они собирались с этой целью отдельно по средам на своих собственных квартирах.

«Воскресенье» не было ни чисто религиозной, ни тем более православной организацией, поскольку среди ее членов находились люди самых различных вероисповеданий. Вместе с тем не было оно и безобидной ассоциацией кружков интеллигентных людей, связанных общим культурным интересом, — речь, безусловно, может идти только о масонской структуре. На это намекал и сам Мейер еще в 1922 году, призывавший своих коллег «не захватывать власти… не строить партии, а создавать б. м. ордена, которые пробудили бы идею в своей жизни, которая потом даст эффект вовне». Промасон-ский характер «Воскресенья» нашел свое отражение и в символике этой организации: «Светоносный треугольник с Всевидящим Оком Провидения». По инициативе Мейера и По-ловцевой собрания кружка открывались молитвой (всего их было две), в которую были вставлены слова о свободе духа. Что же касается бесед по кругу, то начинались они со взаимного пожатия рук всеми собравшимися — знаменитая масонская

цепь. «Мейер и Половцева, — подчеркивал Анциферов, — всячески стремились придать собраниям кружка характер ритуала».

"Когда я впервые начал посещать «Воскресенье», — показывал 3 января 1929 года на следствии Всеволод Бахтин, — и присмотрелся к тому, что там происходит, то для меня стало ясно, что «Воскресенье» — не просто кружок интеллигентных людей, связанных общим культурным интересом, а нечто, что почти можно назвать религиозной сектой. Об этом говорило существование своей обрядности: свои молитвы, свои праздники по кругу. Впечатление усиливалось тем обстоятельством, что руководители и члены, избегая говорить об этом подробно и полно, несомненно придавали этой обрядности очень большое значение. Я как новое лицо, естественно, захотел узнать смысл и происхождение обрядов, дабы не поступить религиозно, безответственно связывая себя с чем-то неизвестным. К моему удивлению, попытки расспросить встречали весьма уклончиво, а на настоятельные вопросы отвечали довольно решительным отпором. В частности, никоим образом нельзя было добиться, каково происхождение «своих» молитв. В результате у меня сложилось убеждение, что я не могу участвовать в религиозной жизни объединения, религиозное лицо которого мне неизвестно, и даже более того, со временем все более и более затемняется. Наряду с этим постепенно все крепло подозрение, что религиозные искания «Воскресенья» для меня, как для православного человека, неприемлемы. Подозрение, ибо повторяю, что ничего определенного в ответ на свои сомнения я добиться не мог.

Приблизительно так же, как и я, думали некоторые другие члены «Воскресения» (Васильев, Пигулевская, Вахрушева, Герман, моя жена). Так как у нас была потребность в религиозном общении и так как в «Воскресенье» она по указанным причинам не могла удовлетвориться, то мы решили собираться отдельно. К нам вначале примкнул Смотрицкий П. Ф., но очень быстро порвал с нами. Новое объединение по традиции не имело какого-либо названия, а именовалось днем недели, когда мы встречались, т. е. «Среда»! Особенностью «Среды» было то, что в нее входили только определенно православные люди, поддерживающие живую религиозную связь с Церковью. Внешним признаком этого должно было служить то, что каждый из участников «Среды» говел не реже двух раз в год. Задачей «Среды» было оказывать помощь друг другу в личной религиозной жизни, причем члены «Среды» воспринимались как лично близкие люди. Иными словами, «Среда» должна была быть маленькой религиозной общиной православных людей. Встречи наши мы посвящали чтению (Евангелие, духовная литература) и общей молитве. Из вошедших первоначально в «Среду» людей большая часть постепенно отходила, так что в 1928 году нас оставалось только четверо (я, жена, Вахрушева, Васильев), вернее, даже трое (я, жена, Васильев), и Вахрушева поддерживала связь нерегулярно. Тем не менее мы не прекращали наших встреч по средам, которые приняли, таким образом, совсем интимный характер (но сохранили общую молитву и чтение вслух)".

Явное желание Мейера превратить организацию в масонскую ложу привело в конце 1928 года к тому, что часть членов «Воскресенья» вынуждена была порвать с ним. Этому событию предшествовала попытка руководителей организации выявить предварительно наиболее близких им по духу людей.

2 декабря 1928 года после перерыва в деятельности «Воскресенья», устроенного из конспиративных соображений, на квартире Половцевой состоялось собрание, поставившее всех перед фактом перехода «Воскресенья» к новым методам работы. Присутствовали А. А. Мейер, П. Ф. Смотрицкий, К. А. Полов-цева, Е. П. Иванов и другие — всего 10 человек. В докладе о религиозном и культурном положении населения нынешней России Половцева осветила падение религиозности населения, уничтожение русской культуры и указала, какие обязанности в связи с этим падают на членов организации. Она предупредила, что для серьезной и успешной работы нужна сильная, дисциплинированная организация с членами, не считающимися с личным благополучием. В самом конце доклада она попросила

высказаться, и если есть колеблющиеся, не желающие рисковать, то они обязаны об этом сообщить немедленно секретарю организации — Тамаре Наумовне Арнсон и раз и навсегда уйти из ее состава.

После этого Арнсон огласила новый устав «Воскресенья», смысл которого принципиально менял лицо и задачи кружка. «Воскресенье» было объявлено организацией людей разных вероисповеданий, религиозной лишь постольку, поскольку она занимается обсуждением религиозных вопросов.

В ходе обсуждения вопроса часть собравшихся (В. В. Бахтин, Е. П. Иванов, М. В. Юдина, Е. О. Тиличева, А. Г. Дмит-рук) выразили свое несогласие с тезисами и покинули собрание, заявив о выходе из кружка. Среди членов организации произошел, таким образом, раскол. Это было, как показали дальнейшие события, началом ее конца.

К этому времени Мейер и его коллеги уже находились под наблюдением ОГПУ. 8 декабря 1928 года был арестован Бахтин, 11 декабря — Мейер, а вслед за ними — и другие члены организации. Начались допросы.

В известной мере дело «Воскресенья» возникло как следствие дела «Братства преподобного Серафима Саровского», которое решилось постановлением Коллегии ОГПУ в октябре 1928 года. А уже в ноябре в ОГПУ стали поступать сведения о сборе средств и вещей в пользу осужденных. Заинтересовавшись этим сообщением, ОГПУ быстро установило, что занимались этим избежавшие суда коллеги осужденных: студент Института гражданских инженеров Лев Косвен, врач-психиатр Модест Моржецкий, лектор политпросвета Наталья Бурцева и преподаватель Педагогического института им. А. И. Герцена Александр Сухов. Все четверо были арестованы, после чего в ходе допросов (Косвен, Моржецкий) выяснилось, что, кроме ликвидированного ОГПУ «Братства Серафима Саровского» во главе с Иваном Михайловичем Андреевским, на свободе остаются члены еще одного интеллигентского сообщества, находившиеся с ним в тесной связи.

В результате следствие вышло на так называемое «Содружество пяти» (И. М. Андреевский, к этому времени уже осужденный, С. А. Алексеев (Аскольдов), В. Н. Финне, Н. А. Молоч-ковский и Б. В. Сланский), «составлявшее как бы коллегию по руководству „Братством Серафима Саровского"». В конце ноября 1928 года все они были арестованы. Не приходится отрицать сам факт близости Андреевского и других членов т. н. «Содружества пяти». Как и он, арестованные Молочковский и Финне были врачами-психиатрами, Сланский — студент медицинского института. Однако в том, что они составляли коллегию по руководству «Братством Серафима Саровского» и «Космической академии наук» (руководитель Э. К. Розенберг), члены которой к этому времени также были осуждены, — позволительно усомниться. Скорее всего, это был домысел следователей ОГПУ.

Сомнительно также и то, что «Содружество пяти» имело какое-то отношение (хотя бы и через Андриевского) к кружку бывшего бухгалтера Госторга Григория Тайбалина, как то утверждало следствие. Во всяком случае, сами арестованные этого не подтвердили, хотя и признали, что были осведомлены о существовании кружка.

В дальнейшем в ходе следствия выяснилось также, что осужденный по делу «Братства Серафима Саровского» бывший профессор Петроградского университета С. А. Алексеев (Аскольдов) входил наряду с ним в подпольную организацию под названием «Воскресенье». Каких-либо конкретных данных о составе этой таинственной организации не было, и только в результате длительного и, надо сказать, профессионального агентурного наблюдения ОГПУ удалось получить о ней необходимые сведения. Они-то и послужили основанием для проведенных в декабре 1928 года — январе — феврале 1929 года арестов членов этой организации и связанных с ней кружков.

Первое время после ареста в ходе предварительного следствия почти все арестованные отказывались от дачи показаний. Принципиальную позицию отказа от сотрудничества занял

Мейер, отказавшийся от дачи каких-либо показаний по существу дела. Его примеру последовали Т. Н. Арнсон, К. А. Полов-цева, А. П. Смирнов, Е. В. Корш, Т. Н. Гиппиус, Б. М. Назаров, Э. А. Зыкова, Н. А. Александров, Г. Г..Тайбалин и Е. А. Тайба-лина, Б. В. Бахтин, И. А. Аполлонская-Стравинская, Т. М. Смот-рицкая, А. П. Сухов. Однако в дальнейшем такую принципиальную позицию выдержать удалось далеко не всем. Благодаря показаниям Всеволода Бахтина, Евгения Иванова, Павла Смот-рицкого и ряда других арестованных, согласившихся в конце концов на «откровенные» показания (правда, с условием не называть личностей), общая картина истории и функционирования организации прояснилась вполне.

В итоге следствию удалось обнаружить или проявить по крайней мере пять кружков ленинградской интеллигенции, общее руководство которыми восходило, согласно версии ОГПУ, к А. А. Мейеру: «Содружество», «Переоценка ценностей», «Кружок медиевистов», «Культурный уголок» и кружок Г. Г. Тай-балина. Сам факт их существования не подлежит сомнению. Менее очевидна центральная организующая роль Мейера и «Воскресенья» в их возникновении и деятельности. Даже в самом «Воскресенье» среди членов его не было должного идейного единства. Наряду с либерально-масонским ядром его во главе с Мейером и Половцевой достаточно сильные позиции в кружке имели представители энергично противостоящего ему православно-монархического направления. Правда, в «Воскресенье» они были в меньшинстве. Однако в ряде других кружков (Григория Тайбалина, Бориса Назарова, Ивана Андреевского (Хельфернак, «Братство Серафима Саровского»), Эдуарда Розенберга («Космическая академия наук») ситуация была принципиально иной, и тон в них задавали не либералы, а резко православные люди. Сбить их с толку было не так-то просто.

Как бы то ни было, притянув к «Воскресенью» более или менее с ним связанные (по крайней мере, идейно) кружки и группы, следствие получило возможность раскрутить на этом материале крупнейшее даже по тем временам «интеллигентское дело». Оказывается, как гласит обвинительное заключение, "в Ленинграде в течение ряда лет существовала подпольная контрреволюционная организация правой интеллигенции под названием «Воскресенье».

Во главе организации стояли бывшие активные деятели Петроградского религиозно-философского общества, и за все время своего существования организация насчитывала до НО членов.

«Воскресенье» было связано с парижской белой эмиграцией в лице активных политических деятелей: члена группы «Борьба за Россию» и председателя Всеэмигрантского национального комитета Антона Владимировича Карташева и активного деятеля Союза христианской молодежи в Париже — Георгия Петровича Федотова, которым регулярно посылалась информация о деятельности организации.

Лидеры «Воскресенья» из разных источников получали белоэмигрантские газеты и литературу.

Имея своей конечной целью свержение Советской власти, организация задачей текущего дня ставила создание крупного общественного движения против существующей политической системы.

Пытаясь создать такое движение, организация широко использовала религиозные и националистические настроения той интеллигенции, которая благодаря своему враждебному отношению к Советской власти оказалась выбитой из колеи общественной жизни.

Из этой интеллигенции организация по плану создавала целую сеть подпольных кружков, которыми руководили отдельные члены организации и для которых подлинные ее политические цели маскировались целями борьбы с культурной и религиозной политикой Советской власти.

Помимо систематической антисоветской пропаганды в своих кружках организация проводила широкую агитацию всюду, куда могли проникнуть ее члены (церкви, вузы, школы

и частные квартиры) и распространяла антисоветские материалы, которые печатались силами и средствами организации".

Из ПО человек, прошедших за все время существования «Воскресенья» через его кружки и группы, к ответственности в конечном счете было привлечено всего 70. Материалы в отношении И. М. Гревса, О. А. Добиаш-Рождественской и Л. С. Косвена были выделены в самостоятельное производство. «По своему социальному прошлому, — отмечалось в обвинительном заключении, — члены организации — осколки бывшего дворянского сословия, уничтоженного революцией, среди них дети бывших помещиков, дворцовых чиновников, бывшие статские советники и их жены, бывшие офицеры, попы и монахи». И это правда. Перед нами действительно представители «старого дворянского класса», дореволюционной русской интеллигенции. Практически все обвиняемые — из дворян и имели высшее образование.

Однако наряду с попами (С. П. Мачихин, П. И. Жарков), монахами (Е. А. Зыкова, Г. М. Егоров) и бывшими офицерами (Н. А. Александров, С. М. Таубе, Г. Г. Тайбалин, А. В. Розеншильд-Паулин) по делу проходили библиотекари (В. В. Бахтин, Н. В. Стебницкая-Пигулевская — ГПБ), певец (П. Д. Васильев — бывший муж К. А. Половцевой), врачи (В. А. Дегтярева, М. Н. Мор-жецкий, Н. А. Молочковский), художница (С. Г. Венгировская) и студенты (М. М. Дитерихс, М. М. Волкович, Б. В. Сланский, А. Я. Максимович). Свыше трети кружковцев были преподавателями высших и средних учебных заведений Ленинграда. Это А. А. Мейер (Петроградский богословский институт), А. П. Смирнов (Институт истории искусств), Е. Л. Тенчинская (108-я сов. школа), А. В. Болдырев (ЛГУ), Б. В. Бахтин (33-я сов. школа), Н. А. Александров (108-я сов. школа), А. П. Сухов (Педагогический институт им. А. И. Герцена), А. А. Дедок (32-я сов. школа), Е. М. Вахрушева (51-я сов. школа), А. П. Алявдин (ЛГУ), П. П. Вальдгардт (Центральный музыкальный техникум), С. В. Приселков (доцент и проректор Академии художеств), О. В. Яфа (157-я сов. школа).

Очевидно, что острие репрессий второй половины 1920-х годов было направлено против наиболее активной, духовно развитой, думающей части старой интеллигенции.

Уже в мае 1929 года следствие по делу «Воскресенья» было закончено и за подписями начальника СОУ В. Р. Домбровско-го и ПП ОГПУ в ЛВО С. А. Мессинга ушло в Москву на рассмотрение коллегии ОГПУ. Участь обвиняемых была решена 22 июля 1929 года. Наиболее суровое наказание — 10 лет концлагерей — было определено А. А. Мейеру, Э. А. Зыковой,. П. Ф. Смотрицкому и К. А. Половцевой. А. М. Мишенов, С. П. Мачихин, Г. Г. Тайбалин, М. М. Бахтин, А. В. Болдырев, Т. Н. Арнсон, А. И. Голубинский, А. Я. Максимович, Е. А. На-зарова-Заржецкая, А. В. Розеншильд-Паулин, Н. В. Стебницкая-Пигулевская, Н. В. Спицын и П. П. Сланский получили по 5 лет концлагерей. По 3 года получили: В. В. Бахтин, Б. В. Бахтин, Л. А. Барышева, П. П. Вальдгардт, М. М. Волкович, Т. Н. Гиппиус, В. С. Грузова, А. Л. Лишкина, Н. А. Молочковский, К. И. Некрасова, А. П. Сухов, Б. В. Сланский, М. М. Таубе и С. М. Та-убе, В. Н. Финне, О. В. Яфа, В. П. Герман, В. Ф. Штейн, Е. Л. Тенчинская, Н. П. Анциферов. Более мягкое наказание — 3 года ссылки — было определено А. А. Дедок, И. Н. Дукельс-кой, Е. С. Бахтиной, Н. Б. Бурцевой , С. Г. Венгировской-При-селковой (урожд. Коган), С. В. Приселкову, Е. П. Иванову, А. А. Катениной, М. Н. Маржецкому, А. Ф. Мушниковой, Т. М. Смотрицкой, Е. А. Тайбалиной, Е. Н. Харламовой, М. И. Шалиско, Г. М. Егорову, М. К. Гринвальд, Е. В. Корш, П. И. Жаркову, И. А. Аполлонской-Стравинской. 3 года концлагерей получила В. А. Дегтярева, но ввиду преклонного возраста подсудимой наказание ей было смягчено — 3 года ссылки. В отношении остальных: Е. О. Оттен-Тиличеевой, М. М. Дитерихса, К. Н. Кареева (сын известного историка) и других — решено было ограничиться условным наказанием — лишением их права проживания в Москве, Ленинграде и ряде других городов СССР с обязательным прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года.

* * *

Крупную роль в русском масонстве 1920-х годов играл «епископ церкви Иоанновой, каббалист, хиромант, иерофант», известный поэт и скульптор Борис Михайлович Зубакин (Эдвард) (1894 — 1938). Сам Зубакин-Эдвард определял себя как свободномыслящего мистика-анархиста и христианина.

Еще в 1911 году из числа своих товарищей по 12-й С.-Петербургской гимназии он организовал первую в своей жизни масонскую ложу — «Лоджиа Астра». Среди ее членов: В. Владимиров, О. Богданова, Е. Розанова. Собирались, как правило, на даче Зубакина, сочиняли и пели масонские гимны, изучали оккультную литературу. В 1913 году Зубакин знакомится с руководителем ложи розенкрейцеров в Санкт-Петербурге — уже упоминавшимся Александром Кордингом — и вступает вместе со своими друзьями в его организацию. В 1915 году А. Кординг умирает, передав руководство орденом Б. М. Зубакину.

В 1922 году Зубакин был арестован и вскоре освобожден. Это сразу же дало основание тогдашним властителям умов московской интеллигенции заподозрить в нем провокатора и агента ОГПУ. Современные исследователи не дают однозначного ответа на этот вопрос. В 1929 году Б. М. Зубакина высылают в Архангельск. 3 февраля 1938 года он был расстрелян.

«По матери, — показывал 31 декабря 1922 года Зубакин, — наш род английский, Эдварды, мистики, масоны. Мистикой интересуюсь с детства». Отвергая предъявлявшиеся ему обвинения в принадлежности к контрреволюционной организации и в 1922-м, и в 1929-м, и в 1937 годах, он неизменно подчеркивал, что с 1913 года принадлежал к духовно-религиозному мистическому братству неорозенкрейцерского характера, являющемуся тайной церковью Иоанновой, отличающейся «отсутствием политической идеологии, духовно-каббалистическим вероучением, целью».

"Почему было «нелегальным»? По исторической традиции всегда маленькие (по своей природе не могли быть большими) группы — так наз[ываемые] братства, — церкви Иоанновы были тайны и интимны, желая жить в тишине и не подвергаться обвинению официальных церковников в ереси, чтоб не слыть еретиками.

Какие были условия принятия в братство?

А) Изучение (многолетнее) каббалистического учения арканов, каббалы. В) Принятие и выполнение нравственно] и физически] особой школы. С) Принятие сана — рыцаря Духа (КА) и алтаря = диакону церкви Иоанновой и алтаря: Дарохраните-ля (ОР) = пресвитеру: Высокого или Ведущего = первосвященнику, епископу (по-греч[ески] иерофанту). Были 2-е, 3-е и более, — Братьями т[ак] ск[азатъ] «по доверию» слушающих курс, но не принявших пока сана. Ибо целью было всем быть на уровне «ВА» третьей степени нравствен[ного] пути и духов[ного] сана.

Было свое богослужение — и форма — таинства принятия сана, почти не соблюдаемая последние годы".

Собственно история ордена в изображении Зубакина выглядит следующим образом. "В 1913 году мы назывались «Лоджиа Астра» = звездная обитель церкви Иоанновой (или капелла), С присоединением к нам старика каббалиста Кординга стали называться «Эль-а» («Эль» — по древнееврейской каббале = имя Бо-жие, т. е. носители имени Божия, его основ — Альфы = "А")". С Кордингом «высокое счастье» заниматься каббалой, арканами (система герметических наук) и мистической философией он имел вплоть до 1916 года. "Занятия с ним меня совершенно поглотили. Теперь уже я, Владимиров (связь с ним я утерял с 1917 и что с ним, увы, не ведаю) и Волошинов уже не мечтали с прежним пылом попасть во Французский оккультный институт. Мы уже с пренебрежением относились к слову «масон» (пренебрежение это у меня неизменно и до сих пор).

Мы решили, что мы сами достаточный институт во главе с Кордингом и Владимировым. К нам примкнул д-р Злобин, быв-[ший] репетитор Волошинова (пропал без вести с конца 1916года), мой гимназический учитель А. Ал. Попов (в 1917 уехал к родным в Уфу и с тех пор ни слуху ни духу) и приятель Волошинова Георгий Ченцов, Шандаровский Петр Сергеевич, Бржезинский (имени не помню). С 1917 года связи с ними не поддерживаю (почему, объясню ниже), имел сведения, что они в Петербурге.

Мы сами открыли свою школу. Это значило, что я (заместитель умирающего от неизлечимой болезни Кординга и почти никому не показывающегося) и Волошинов читали лекции по философии мистики и по каббале.

Мы мечтали съехаться все у меня в Озерках по ж. д. и жить общежитием.

Были мы недотрогами, как мимозы, боялись любопытствующих, теософствующих дам и молодых бездельников — стремившихся к нам влезть в душу".

Вскоре к ним примкнул отец Б. М. Зубакина — Михаил Зубакин, первая жена Б. Зубакина — Евгения Пшесецкая и другие. Через знакомого Б. М. Зубакину было обещано знакомство с Г. О. Мёбесом — представителем ордена мартинистов в России, однако воспользоваться его лекциями он не смог, ибо в 1916 году был мобилизован в армию и «совершенно сдуру» пошел на войну. «Патриотом, как понятно, я не был. Я был и есть мистик-анархист, мечтающий о небольшой интимной мистически-философской общине», — отмечал Б. М. Зубакин.

В начале 1916 года Б. М. Зубакин и его друг В. Н. Волоши-нов объявили себя преемниками (через Кординга) христианского розенкрейцерства: "Духовным орденом, государствова-ниеми школой-институтом «Lux Astral is». Установили четырехгодичный курс школы (1-й год — символика и введение, 2-й год — каббала и магия, 3-й — мажорные арканы и 4-й — минорные арканы), себя объявили «ВА» (Ведущими в Астральную мудрость) и, так как их было очень мало, почти всех своих учеников включили в совещание или «Верховный совет Духовного рыцарства LA». Уход в конце февраля 1916 года Зу-бакина на фронт надолго выключил его из кружка.

Все дело теперь осталось на Волошинове. Он придумал печать с египетским ключом и буквами, вел занятия с учениками, магнетизировал больных, занимался самообразованием и подбором оккультной библиотеки. Цель кружка его руководители видели в том, чтобы «создать общежитие либо в сельской местности, либо в двухкомнатных соединенных вместе квартирах, создать духовную общину, обитель, коммуну „рыцарей Духа", Грааль — „Монсальват". Жить и молиться вместе». Собственно, это было в миниатюре осуществлено в 1913 — 1917 годах в Озерках и на квартире Волошинова.

В 1918 году семья Волошинова переехала к Зубакину и художнику А. Буйницкому под Невель. Возникла «коммуна-церковь». «Эль» Буйницкий пытался организовать «Капитул» нового розенкрейцерства «LA», т. е. собрание-общежитие образцовой ячейки братьев высшей, третьей степени. В 1920 году коммуна распалась. Буйницкий и Волошинов ушли из нее. Зубакин пытался самостоятельно воссоздать общину из оставшихся, но ничего не вышло. В 1924 году он и Л. Ф. Шевелев объявили о прекращении деятельности кружка. «Братья» разошлись. Деятельность «Лоджии Астра» как целого прекратилась. Остались лишь персональное учительство и надежда когда-нибудь вновь воссоздать обитель-общежитие. Братство «Лоджия Астра» стало «странствующей церковью Иоанновой».

В 1927 году Зубакин уходит, по его словам, на покой, назначив своим духовным преемником Шевелева, однако фактически это произошло едва ли раньше 1929 года, то есть времени его высылки в Архангельск.

С 1929 по 1936 годы организация работала, по крайней мере формально, под руководством Леонида Федоровича Шевелева, умершего в 1936 году. Его преемником стал Яков Онисимович Монисов (расстрелян в 1938 году). Духовное руководство движением по-

прежнему осуществлял Б. М. Зубакин. Н. Н. Леон-гард (агент ОГПУ), В. А. Пяст (Пестовский), проф. В. К. Боч-карев (Вязьма), М. А. Жуков (Ленинград), Н. А. Мещерская, А. С. Шевелева, К. С. Шевелева, К. Л. Журавлев (Ленинград), Е. Н. Штарк-Михайлов отошли к этому времени от сообщества. Однако основное ядро кружка в составе Я. О. Монисова, Ф. Ф. Попова, Н. А. Геевского, а также А. П. и Е. А. Ракее-вых — продолжало, судя по всему, функционировать. Деятельным последователем учения Зубакина оставалась все эти годы его личный секретарь Анастасия Ивановна Цветаева.

Конец наступил 26 января 1938 года.

"Слушали: дело № 13602, — гласит выписка из протокола состоявшегося в этот день заседания тройки ОГПУ, — по обвинению Зубакина Бориса Михайловича, 1894 г. рожд., уроженца г. Ленинграда, бывшего дворянина, бывшего офицера царской армии, беспартийного, за контрреволюционную деятельность арестовывавшегося органами НКВД в 1922 и 1929 гг., осужденного к 3-м годам высылки в Северный край, скульптора.

Обвиняется в том, что проводил и был организ[атором] и руководителем] антисоветской мистическ[ой] фашистской] и повст[анческой] организ[ации] масонского направления, ставил себе задачей сверж[ение] сов[етской] власти и установл[ение] фашистского] строя.

Постановили: Зубакина Бориса Михайловича — расстрелять".

3 февраля 1938 года приговор был приведен в исполнение.

* * *

Из провинциальных лож неорозенкрейцерского «Ордена Духа» (Невель, Смоленск) наибольший интерес по составу участников и их дальнейшей судьбе представляет минская ложа «Stella» (1920 год), куда входили художник Павел Аренский, Леонид Никитин и кинорежиссер Сергей Эйзенштейн.

В том же году, уже в Москве, к ним присоединились актер Михаил Чехов, театральный режиссер Валентин Смышляев и ряд других «сливок» московской так называемой «творческой интеллигенции». В 1921 году рыцарями «Ордена Духа» становятся актер МХАТа Юрий Завадский с женой.

В Москве занятия Зубакина с рыцарями были продолжены, причем большое внимание почему-то уделялось беседам на тему «Незримого Лотоса», якобы расцветающего в груди посвященного. «Несомненно, в Незримом Лотосе что-то есть, — кощунствовал в связи с этим Михаил Чехов. — Вот возьмите собачек. Мы не видим ничего. А они что-то друг у друга вынюхивают под хвостиками».

Вскоре «братья-рыцари» начинают отходить от Зубакина, чтобы положить начало новой масонской организации, известной как «Орден тамплиеров» («Орден Света»), или масонская ложа А. А. Солоновича.

У истоков этой организации стоял Аполлон Андреевич Карелин (1863 — 1926), более известный в своем кругу под эзотерическим именем рыцаря Сантея. Популярный писатель на темы из русского общинного быта, он начинал как народник, позже перешел к эсерам, а к 1905 году окончательно сформировался как анархист.

Эмигрировав за границу, читал лекции в организованной русскими масонами Высшей школе социальных наук в Париже, где и был, видимо, посвящен в «вольное каменщичество». В Россию Карелин вернулся осенью 1917 года с репутацией теоретика анар-хо-коммунизма. Здесь он сразу же был введен в состав ВЦИКа и развернул кипучую деятельность: была учреждена Всероссийская Федерация анархистов и анархо-коммунистов, создан «Черный крест» (организация, оказывавшая помощь анархистам) и знаменитый клуб анархистов в Леонтьевском переулке.

Весной 1924 года кружок был реорганизован в «Орден Света», руководителем которого несколько позже стал А. С. Поль — преподаватель Экономического института им. Плеханова. Братья, посвященные ранее в «Орден Духа», автоматически перешли в разряд его старших рыцарей высших степеней. Всего их было семь, и каждой из них соответствовала определенная орденская легенда: об Атлантах, потомки которых якобы жили в подземных лабиринтах в Древнем Египте, об Зонах, взявших на себя роль посредников между миром Духов и людей, о Святом Граале — священной чаше с кровью Христа и тому подобном. Символом ордена являлась восьмиконечная голубая звезда — олицетворение надзвездного мира восьми измерений.

Отличительным же знаком рыцарей второй и последующих степеней была белая роза — олицетворявшая возвышенность и чистоту помыслов «братьев». Дочерней организацией ордена в Москве была ложа «Храм искусств» и «Общество милосердия» (руководитель — В. Р. Никитина), где и группировались художественные и артистические круги масонствующей московской интеллигенции. В Нижнем Новгороде и в Сочи действовали филиалы московской организации — соответственно, «Орден Духа», куда входили студенты агрономического факультета Нижегородского университета (М. А. Владимиров, С. Н. Раева и другие, всего 12 человек — прошедших по так называемому «нижегородскому делу» июля — октября 1930 года) и «Орден тамплиеров и розенкрейцеров» (Н. А. Ладыженский, Я. Т. Чага).

Учение московских мистиков не претендовало на оригинальность и представляло собой сплав гностицизма, теософии, розенкрейцерства, средневекового тамплиерства и оккультной египтологии.

Одним из центров практического воплощения мистического знания членов ордена стала в 1923 — 1924 годах Белорусская государственная драматическая студия в Москве, среди преподавателей которой подвизались в эти годы Ю. А. Завадский, В. С. Смышляев, П. А. Аренский. Первоначально студия была создана при МХАТе. Однако в связи с тем, что его основная труппа гастролировала за рубежом, в качестве опекуна студии утвердился 2-й МХТ.

Уже первый спектакль Белорусской студии — «Царь Максимилиан» по А. М. Ремизову (1924) — был решен в форме средневековой мистерии с использованием рыцарской символики. В таком же мистическом духе был решен и второй спектакль — «Апрометная». Во 2-м МХТе мистическая идеология его руководства сказалась прежде всего в постановке «Золотого горшка» Э.-Т. А. Гофмана (переработка П. А. Аренского, художник Л. А. Никитин). Неудивительно, что спектакль этот так и не был пропущен цензурой.

Одним из центров кружка в эти годы помимо музея Кропоткина была квартира Л. А. и В. Р. Никитиных в доме на углу Арбата и Денежного переулка (д. 57). По словам пианистки И. В. Покровской, там «читали стихи А. Блока, К. Бальмонта, Н. Гумилева, рассказывали легенды и сказки, читали доклады на разные художественные и мистические темы, как то: иероглифы в Египте, Врубель и его творчество, портрет и его развитие. С этими дакладами выступал Никитин. Были музыкальные номера и чай <…> По прочтении докладов бывал обмен мнений. Жена Поля пела <…> Я играла и аккомпанировала».

Главным источником пополнения личного состава ордена, членами которого стали в эти годы Н. К. Богомолов, Д. А. Бем, Л. И. Дейкун, Г. И. Ивакинская, А. Е. Смоленцева, Н. А. Ладыженский, Н. И. Профералсов, И. В. Покровская, В. И. Сно, А. В. Уйттенховен, его жена И. Н. Уйттенховен-Иловайская и другие, по-прежнему оставалась московская творческая интеллигенция; художники, музыканты, литераторы. Попадались, впрочем, и недоучившиеся студенты — Илья Рытавцев и даже бывший морской офицер Евгений Смирнов.

Сами московские тамплиеры нисколько не сомневались в своей принадлежности к сообществу, ведущему начало от средневекового ордена храмовников или тамплиеров (основан в 1118 году в Иерусалиме). Стремлением подчеркнуть эту преемственность можно объяснить и парадные одежды «рыцарей» — белые льняные плащи с красным

восьмиконечным крестом и белые холщовые пояса — символ чистоты помыслов у тамплиеров.

Однако настоящими тамплиерами, восходящими к традиции ордена Рыцарей Храма, члены московского «Ордена Света», конечно же, не были. И тамплиерство, усвоенное ими благодаря А. А. Карелину, имело, скорее всего, не исторический, а общекультурный характер. Не принадлежали «братья-рыцари», судя по всему, и «ни к одной ветви масонства, хотя какие-то связи Карелина с „Великим Востоком Франции‟ (или сходной системой) и представляются возможными», — писал А. Л. Никитин в книге «Тамплиеры в Москве».

В то же время нельзя не учитывать, что символика божественного света, которой придерживались московские тамплиеры, является едва ли не основной в учении «вольных каменщиков». Уже только на этом основании их вполне можно записать «по масонскому разряду». Сближает их с масонами и особый пиетет перед Евангелием от Иоанна, Апокалипсисом и особенно перед образом Иоанна Крестителя, день которого является, как известно, главным праздником для масонов. Не следует забывать и о том, что в древнем шотландском обряде 17-й градус — «Рыцарь Востока и Запада» — также отмечен почетным знаком восьмиугольника. На лицевой стороне его изображали обычно агнца с книгой Семи Печатей. Ассоциировались же они как с Апокалипсисом, так и с печатями мистического молчания из масонских легенд.

На масонскую сущность «Ордена Света» указывают и семь ступеней его внутренней структуры: ведь действительных степеней и в шотландском масонском обряде насчитывается тоже семь: ученик, подмастерье, мастер, тайный мастер, рыцарь избранник Девяти, князь розенкрейцер (соответствует 18-му градусу), рыцарь-кадош (соответствует 30-му градусу). Да и в специальной литературе связь масонства с тамплиер —ством в общем-то не вызывает больших сомнений. Споры, скорее, идут здесь о формах и времени передачи традиций, нежели о самом факте ее существования.

Можно, таким образом, констатировать, что идейные установки и этические нормы, положенные в основание «Ордена Света», роднят его «братьев-рыцарей» не столько со средневековыми тамплиерами, сколько с «вольными каменщиками» нового и новейшего времени. Неприязнь к православию и традиционным русским национальным ценностям, поиски некоей новой философии, призванной синтезировать анархическое мировоззрение с мировоззрением раннего христианства, широкая пропаганда необходимости организации коммун, артелей и союзов анархистского толка не оставляют сомнений относительно масонского характера «Ордена Света».

Именно так и воспринимали его современники. Заслуживает внимания свидетельство скрипача Большого театра З. М. Мазеля о посещении им вместе с М. А. Чеховым «заседаний масонской ложи в Москве». О масонской ложе Солоновича, в которую его приглашали в 1924 году московские «братья», показывал на допросах в ОГПУ руководитель «Братства Серафима Саровского» в Ленинграде Иван Андреевский.

Критика большевизма велась «братьями-рыцарями» явно с масонских позиций, так как в революции они видели не «диктатуру пролетариата», а «духовное и социальное преображение человека, раскрытие всех его потенциальных сил и способностей, победу Света над Мраком, Добра над Злом». Обескураживающие реалии советской действительности не только ставили их в оппозицию к большевистскому режиму, но и показали ошибочность прежних представлений о скором и, главное, легком осуществлении масонского идеала. «Человек, — писал Солонович, — есть „Гроб Господень‟, освободить который можно только новыми крестовыми походами Духа, для чего и нужны новые рыцарские ордена — новая интеллигенция, если хотите, которая и положит в основу свою непреодолимую волю к действительной свободе, равенству и братству всех в человечестве».

К этому времени Алексей Александрович Солонович — преподаватель МВТУ им. Баумана — был известнейшим в своем кругу теоретиком мистического анархизма. Его лекции в Кропоткинском музее, где он возглавлял секцию анархистов, или на дому — пользовались большим успехом у слушателей. После смерти Карелина 20 марта 1926 года Солонович становится духовным лидером не только ордена, но и всего движения. Наиболее крупным и, к сожалению, не сохранившимся теоретическим трудом Солоновича является его трехтомное исследование «Бакунин и культ Иалдобаофа» (одно из воплощений Сатаны), ходившее в машинописном виде по рукам среди членов сообщества. Солонович был разочарован результатами Октябрьского переворота 1917 года. Большевики, доказывает он в своей книге, растоптали идеалы Октября, «предали», «задушили» революцию, последними вспышками которой он считал Кронштадтский мятеж и крестьянские восстания 1921 — 1922 годов.

Московские тамплиеры, по А. Л. Никитину, просто обязаны были заполнить тот ваккуум, который образовался в духовной жизни общества в начале века, и подобрать ту паству, которую потеряла в это время Русская Православная Церковь. Со стороны населения, особенно образованных классов, православная церковь вызывала очевидную неприязнь из-за своего «обскурантизма», сотрудничества с государством в области запретительной и доносительской, а также своим сопротивлением реформаторским ожиданиям русского общества, считает он. Не пожалев черной краски для Православной Церкви, которая «не сумела объединить общество и противопоставила себя науке, которая бурно развивалась в XIX веке», в качестве ориентира для наиболее адекватной оценки роли «Ордена Света» в духовной жизни страны Никитин выбрал итальянского масона Дж. Гамберини.

И выпады Никитина против Православной Церкви, и его пассажи о «новой вере», о «новой религии», которые якобы были нужны русским людям (каким? Уж не Вячеславу ли Иванову сотоварищи?), и его рассуждения о «множестве людей», увлеченных «одним из наиболее понятных для европейцев идеалов нравственной чистоты — рыцарством», озадачивают. Очевидно, он не только глубоко вжился в тему, но и, быть может, сам того не замечая, впитал в себя и основные мировоззренческие установки «братьев-рыцарей». А они, как мы знаем, независимо от того, в какие бы бутафорские одежды ни рядились: тамплиеров ли, мартинистов или розенкрейцеров — в принципе одни и те же и легко вписываются в простую, но емкую формулу — граждане мира.

"Сейчас я понимаю, — пишет А. Л. Никитин, — что все они жили по заветам Ордена — по тем же заветам, по которым жили и действовали члены московского кружка Новикова и Шварца в конце XVIII века, «работавшие над камнем» — над собственной личностью, чтобы освободить от уз невежества, себялюбия и других пороков ту божественную искру, которая должна указывать каждому дорогу к свету истинного знания и любви, помочь противостоять распаду личности.

Собственно говоря, это и было самым важным в том деле, которое начиналось на «воскресниках» у Никитиных на Арбате разговорами о культурных и духовных ценностях, с катастрофической быстротой выпадавших из круга тогдашней жизни, с ее варварской идеологией «обостряющейся классовой борьбы». На собраниях в кружках не только читали легенды, о которых мы еще будем говорить. Здесь велись беседы о самовоспитании, борьбе с собственными недостатками, о необходимости овладения знаниями и мастерством в избранной сфере деятельности, чтобы через нее преобразовывать к лучшему окружающий мир, воспитывать нравственное чувство". Яснее и не скажешь.

Разгром «Ордена Света» и связанные с этим аресты во многом были подготовлены борьбой, которую развернули в конце 1920-х годов против А. А. Солоновича его противники во главе с видным анархистом А. А. Боровым. Стремясь во что бы то ни стало убрать Солоновича из Кропоткинского музея и «захватить» его, Боровой со своими сторонниками — так называемые «политические» анархисты не стеснялись в средствах, выставляя в печати

Солоновича и Кропоткинский комитет во главе с В. Н. Фигнер и С. Г. Кропоткиной (вдова анархиста) как цитадель реакции и черносотенства.

Апофеозом разнузданной кампании против московских анархо-мистиков стала статья Юрия Аникста против Солоновича, опубликованная в 1929 году в парижском анархическом журнале «Дело труда». Отрекомендовав его как «отъявленно-|го антисоветчика и антисемита», Аникст припомнил командору помимо уже известной нам рукописи о М. А. Бакунине едва ли не все его прегрешения перед Советской властью, начиная от симпатий к кронштадтским мятежникам 1921 года и кончая принадлежностью к зарубежному масонству — словом, весь тот букет, который скоро будет предъявлен ему уже в качестве официального обвинения.

Первый «звонок» для анархо-мистиков прозвенел еще в ноябре 1929 года, когда ОГПУ была арестована группа молодежи во главе с Н. Р. Лангом, работавшая при библиотеке Кропоткинского музея над библиографией трудов П. А. Кропоткина. Однако по-настоящему за них взялись только в августе — сентябре 1930 года. 7 августа был «изъят» Н. А. Ладыженский, 14 августа в Мацесте арестовали Н. И. Проферансова — одного из руководителей сочинского филиала ордена. Наиболее же крупная волна арестов пришлась на 11 сентября 1930 года, когда за одну ночь были арестованы Е. Г. Адамова, Г. И. Аносов, Н. К. Богомолов, Ф. Ф. Гиршфельд, Г. Д. Ильин, И. В. Покровская, Н. Н. Ру-сов, А. И. Смоленцева, А. А. Солонович, И. Н. Уйттенховен (Иловайская), Н. В. Водовозов, Ю. Г. Завадский, И. И. Леонтьев, В. Н. Любимова, Е. Н. Смирнов, Н. А. Никитина, В. Ф. Шишко. 14 сентября были арестованы Д. А. Бем, Е. К. Бренев и И. Е. Ры-тавцев. 15 сентября — Г. К. Аскаров, А. А. Поль. 16 сентября — Л. А. Никитин, 24 сентября — В. И. Сно, 25 сентября — И. Е. Корольков, 26 сентября — Е. А. Поль, 7 октября — А. В. Уйттенховен и Н. А. Леонтьева, 11 октября — А. В. Андреев, 13 октября — П. А. Корнилов, 1 ноября — В. Р. Никитина. Всего по делу проходили 33 человека.

На допросах некоторые члены сообщества пытались затушевать его подлинную сущность, делая упор на несерьезном, игровом характере «Ордена Света». Успеха, однако, эта тактика не имела.

Уже в ходе следствия выяснилось, что ряд арестованных, несмотря на приятельские отношения с «рыцарями», сами таковыми не являлись. Так, Н. Н. Русов, И. В. Покровская, Г. К. Аскаров, как вынуждено было признать следствие, никакого отношения к организации Солоновича не имели. Категорически отрицала свое участие в ордене и Н. А. Леонтьева. Немногословными были и показания А. И. Смоленцева, В. Р. Никитиной, И. Е. Рытавцева.

Судя по всему, сами следователи не слишком интересовались орденскими делами. Главное внимание их было сосредоточено на констатации нелегального характера собраний и антисоветских высказываниях членов кружка. К моменту ареста ОГПУ, уже давно следившее за московскими анархо-мистиками, имело среди них своего агента — некоего Я. К. Шрайбера (Шрей-бера). Существенную помощь следствию оказали и сами арестованные (Ф. Ф. Гиршфельд, И. В. Покровская, Н. В. Водовозов, В. Ф. Шишко), которые не только дали откровенные показания, но и охотно изобличали своих несговорчивых товарищей. Сознался и «командор» ордена Солонович.

Обвинительное заключение по делу "контрреволюционной организации «Орден Света» (дело № 103514, 1930 год, по первоначальной нумерации) за подписью помощника начальника 1-го отдела СО ОГПУ Э. Р. Кирре было утверждено 9 января 1931 года, а уже 13 января Особым совещанием Коллегии ОГПУ (С. А. Мессинг, Г. И. Бокий в присутствии прокурора Р. П. Катаняна) была решена и участь арестованных: А. А. Солонович, П. Е. Корольков, Г. И. Аносов, Д. А. Бем, Н. И. Проферансов — по 5 лет тюрьмы. 5 лет лагерей получил Л. А. Никитин, по 3 года тюрьмы — И. Н. Уйттенховен, П. А. Корнилов, В. Н. Любимова, Е. К. Бренев. На этот же срок, но уже концлагерей были осуждены А. С. Поль, В. Р. Никитина, К. И. Леонтьев, Е. Н. Смирнов, Е. Г. Адамова, Н. А. Леонтьева, А. И. Смоленцева.

Трехлетняя ссылка была определена Н. К. Богомоловой-Николиной, Е. А. Поль, Н. А. Ладыженскому (Западная Сибирь), А. В. Андрееву (Урал), Н. А. Никитиной (Средняя Азия), А. В. Уиттенхо-вену и И. Е. Рытавцеву (Северный Край), Г. Д. Ильину (Восточная Сибирь). В отношении сотрудничавших со следствием Н. В. Водовозова, Ф. Ф. Гиршфельда, И. В. Покровской, Н. Н. Русова, В. Ф. Шишко и Г. К. Аскарова дело было прекращено. Та же участь постигла в конце концов и дело Ю. Г. Завадского, за которого хлопотали К. С. Станиславский и А. С. Енукидзе.

* * *

Говоря о масонах и оккультистах в СССР, не обойтись без сюжета и о так называемой «Кремлевской ложе». Для начала, так сказать, для затравки, небольшой отрывок из диалога, состоявшегося в декабре 1982 года между московским писателем Феликсом Чуевым и бывшим председателем Совнаркома СССР Вячеславом Молотовым. «Сейчас много разговоров идет о масонстве. Говорят, что у нас в стране тоже есть масоны», — заводит разговор Чуев, «Наверное, есть. Подпольные. Не может не быть», — отвечает Молотов. «И про вас говорят, что вы тоже масон». — «Масон давно. С 1906 года», — улыбается Молотов, имея в виду время своего вступления в РСДРП. «Существует мнение, что масоны есть и среди коммунистов», — не отстает от него Чуев. «Могут быть», — допускает Молотов. «И вот говорят, что в Политбюро Молотов был главным масоном». — «Главным, — отзывается Молотов. — Да, это я между делом оставался коммунистом, а между тем успевал быть масоном. Где это вы копаете такие истины?»

Разговор этот не случаен, поскольку тесная связь (по крайней мере, внешняя) масонства с большевизмом бросается в глаза.

«Под знаменем масонской звезды, — писал в 1932 году председатель Архиерейского собора Русской Православной Церкви за границей митрополит Антоний, — работают все темные силы, разрушающие национальные христианские государства. Масонская рука принимала участие и в разрушении России. Все принципы, все методы, которые большевики применяют для разрушения России, очень близки к масонским. Многолетнее наблюдение над разрушением нашей Родины воочию показало всему миру, как ученики подражают своим учителям и как поработители русского народа верны программе масонских лож». Что же касается еврейства, то иудаизм, по его мнению, «исторически связан с масонством самыми тесными узами в своей ожесточенной борьбе с христианством и в масонских устремлениях к мировому владычеству».

Определенный вклад в разработку этого вопроса внесли русские историки — эмигранты Н. Свитков (Ф. Степанов) и В. Ф. Иванов, пользовавшиеся конфиденциальными источниками информации, полученной из кругов, близких к французскому политическому масонству. «В 1918 году, — писал В. Ф. Иванов, — над Россией восходит пятиконечная звезда — эмблема мирового масонства. Власть перешла к самому злобному и разрушительному масонству — красному во главе с масонами высокого посвящения — Лениным, Троцким и их приспешниками — масонами более низкого посвящения: Розенфельдом, Зиновьевым, Парвусом, Радеком, Литвиновым… Программа борьбы „строителей‟ сводится к уничтожению православной веры, искоренению национализма, главным образом великорусского шовинизма, разрушению быта, русской православной семьи и великого духовного наследия наших предков».

«Для торжества масонских идеалов, — отмечал он, — нужно было убить душу русского народа, вырвать у него Бога, национально обезличить, затоптать в грязь его великое прошлое, развратить молодое поколение и воспитать новую породу людей без Бога и

Отечества, двуногих зверей, которые, выдрессированные укротителем, покорно засядут в масонскую клетку».

По наблюдениям Иванова, уже в начале 1930 годов Россия превращается в «самое чистое и самое последовательное масонское государство, которое проводит масонские принципы во всей их полноте и последовательности». Международное масонство и социализм, по его мнению, «дети одной и той же темной силы. Цель масонства и социализма одна. Они только временно разошлись в методах действий».

Характерно, что убеждение в общности целей масонов и большевиков разделялось и самими «братьями».

Читатель уже знает из «масонского дела», возбужденного в январе 1926 года ОГПУ против ленинградских «братьев», о весьма любопытном документе, адресованном правительству СССР. Датирован он августом 1925 года и принадлежит перу генерального секретаря «Автономного русского масонства» Бориса Аст-ромова. А говорилось в нем следующее: дорога и цель вольных каменщиков и коммунистов одни и те же — «обращение человечества в единую братскую семью… Преследуя одни и те же цели, признавая справедливыми и подлежащими проведению в жизнь одни и те же воззрения, коммунизм и русское масонство совершенно не должны подозрительно смотреть друг на друга, наоборот, пути их параллельны и ведут к одной цели». Разница, по мнению Б. В. Астромова, только в «методах действий», т. к., в отличие от революционного пути, которым идут большевики, «путь русского масонства — это путь медленной интеллектуальной работы, путь тихой сапы». А враги у большевиков и масонов, отмечал Астромов, одни и те же — национальные и религиозные предрассудки, классовый эгоизм, частная собственность. Суть сделки, которую он предлагал большевикам, заключалась в том, что в обмен на «негласную легализацию» в стране масонских лож «братья» взяли бы на себя обязательства содействовать «перемагничиванию» русской интеллигенции на сторону Советской власти, так как «стремления коммунизма совпадают в общих чертах со стремлениями русского масонства». Сопоставим теперь эти рассуждения масона Астромова, заподозрить которого в черносотенстве едва ли возможно, с высказываниями на эту тему противников масонства — Василия Иванова и митрополита Антония. Совпадение взглядов, как видим, поразительное.

Теперь самое время возвратиться к разговору Феликса Чу-ева с Молотовым. Возник он неспроста, так как Вячеслав Михайлович уже давно находится «под подозрением». Что же касается масонства двух других большевиков, И. И. Скворцова-Степанова и С. П. Середы (работал в рязанской ложе), то оно считается бесспорным. Факт принадлежности Льва Троцкого к масонству подтвердила покойная ныне писательница Нина Берберова, много лет работавшая с масонскими архивами и установившая имена 660 русских масонов начала XX века. На заданный ей во время визита в СССР в сентябре 1989 года прямой вопрос: «Был ли Троцкий масоном?» — она ответила: «Был, 6 месяцев в 18 лет». Со своей стороны, автору этих строк удалось обнаружить в архиве бывшего КГБ СССР свидетельство принадлежности к «Великому Востоку Франции» А. В. Луначарского. «Под подозрением» находятся Карл Радек и Николай Бухарин.

Наконец, нельзя не упомянуть и о масонской ложе «Ар э Тра-вай», в которую якобы входили Ленин, Зиновьев и другие большевики. И хотя документального подтверждения эти сведения пока не получили, каких-либо препятствий для вхождения большевиков (по крайней мере, до 1917 года) в заграничные масонские ложи не было. Ведь, как и их коллеги меньшевики, все они были социал-демократами, входили в одну и ту же партию — РСДРП, хотя и принадлежали к разным ее фракциям. Активное же участие в работе масонских лож меньшевиков, как и вообще социалистов Европы и Америки, никогда не вызывало сомнений.

Так что не зря в интеллигентских кругах середины 1920-х годах говорили, что в Москве-де существуют две масонские сатанинские ложи — в Кремле и в Кропоткинском музее. Что касается последней (ложа Алексея Солоновича), то о ней мы уже знаем. Другое дело —

«Кремлевская ложа». Не исключено, как полагает Андрей Никитин, что упоминание о ней содержит «намеки на реальные обстоятельства». Более определенен был в этом вопросе эмигрантский историк Василий Иванов, который не только отвечал утвердительно на вопрос относительно существования «Кремлевской ложи», но и уверенно называл ее Великого магистра: им был, по его сведениям, Карл Радек. Приводит он и отрывок из письма К. Б. Радека к Великому магистру «Великого Востока Франции» (начало 1930 годов) с просьбой повлиять через американских масонов на правительство президента Рузвельта, побудив его к скорейшему дипломатическому признанию СССР. Заслуживает внимания и факт посещения М. Н. Тухачевским в начале 1930 годов одной из масонских лож в Риме, о чем сообщает на основании масонских источников югославский историк 3. Ненезич в своей книге «Масоны в Югославии» (1984).

И тем не менее никакой «Кремлевской ложи» обнаружить, при всем старании исследователей, не удается. Другое дело — «чекистская ложа» в Москве, существование которой — вполне доказанный факт. Возникновение ее напрямую связано с биографией известного советского чекиста, начальника 9-го управления ГУ ГБ НКВД Глеба Ивановича Бокия. Оказывается, еще в 1919 году в бытность свою председателем Петроградской ЧК, Глеб Иванович был посвящен в масонской ложе «Единое трудовое братство», возглавляемой учеником оккультиста Ж. И. Гурджиева доктором А. В. Барченко, расстрелянным в апреле 1938 года. Что же касается Г. И. Бокия, то переведенный в начале 1920-х годов в Москву, в аппарат ОГПУ, он становится с этого времени ведущим специалистом по «масонскому вопросу» в этом ведомстве. С тех пор мимо него не проходит ни одно масонское дело, раскручиваемое по линии ОГПУ. Он непременный участник коллегий ОГПУ, выносивших приговоры по масонским делам. «Убрали» Бокия в 1937 году, обвинив в организации, как это ни странно, масонской ложи, куда входило более 20 человек, в том числе такие представители партийно-советской элиты, как член ЦК ВКП(б) И. М. Москвин, заместитель наркома иностранных дел СССР Б. С. Стомоняков и другие. Самое любопытное, что проверка в 1956 году этого дела подтвердила: Г. И. Бокий действительно занимался в ОГПУ «изучением структуры и идейных течений масонства», давая, таким образом, косвенно понять, что «ложа» была.

И это действительно так. Дело в том, что, перебравшись в 1921 году в Москву, где он возглавил Криптографический отдел (СПЕКО), занимавшийся прослушиванием и расшифровкой переписки иностранных посольств в Москве, Г. И. Бокий перевел в 1925 году в Москву и А. В. Барченко. Здесь Александр Васильевич при поддержке Глеба Ивановича возглавил лабораторию нейроэнергетики Всесоюзного института экспериментальной медицины. Лаборатория занималась паранормальными явлениями (взрывы, передача мыслей на расстоянии и прочее) и субсидировалась по линии ОГПУ. Что касается масонской ложи «Единое трудовое братство», то она была организована, или, вернее сказать, воссоздана в Москве в том же 1925 году после доклада Барченко о Шамбале на собрании заинтересованных лиц.

И состав ложи, и время возникновения этого оккультного сообщества в недрах ОГПУ — 1925 год — время самых интенсивных переговоров генерального секретаря «Русского автономного масонства» Астромова со «специалистами» из ОГПУ на предмет использования масонских лож в интересах советского государства — все это, конечно, не случайные совпадения. Да и сама идея открыть масонскую ложу с ведома и под контролем ОГПУ была подброшена Астромову, как мы уже знаем, «неким Барченко».

Как бы то ни было, открытое чтение лекций Барченко по оккультизму сотрудникам ОГПУ и телепатические сеансы на Лубянке — это действительные факты нашего недавнего прошлого, как, впрочем, и обнаруженная у Бокия при аресте коллекция засушенных мужских половых членов, в магическую силу которых он, несомненно, верил.

Желание выйти на легендарную «Шамбалу» и установить контакты с Учителями было у масонов из ОГПУ настолько велико, что они предпринимали в 1920-е годы отчаянную попытку организовать экспедицию на Гималаи и даже совершали с этой целью предварительные рекогносцировочные поездки на Алтай. Стоит, видимо, упомянуть, что вскоре после этого пристальный интерес к Тибету проявляют нацистские спецслужбы, организовавшие туда три экспедиции СС под личным патронажем Гиммлера и Розенберга. Никаких Учителей, не говоря уже о входе во «внутреннюю полость Земли», они, конечно же не обнаружили. Не нашел их и Н. К. Рерих, которому помогал спецотдел Бокия, хотя он и утверждал, что его экспедиция, как никто другой, была близка к цели. Но это уже несколько другая история.

* * *

Двойственное, противоречивое чувство вызывают духовные искания русской интеллигенции. Стремление выйти за пределы серой повседневности бытия и погрузиться в волшебный мир ирреальности, потусторонности в общем-то понятно и даже в какой то мере естественно для человека, особенно когда речь идет о людях одаренных, творческих. Понятно и стремление сообразительных людей, тоже по-своему творчески одаренных, используя эту склонность человека ко всему таинственному и необычному, плодить различного рода новые религии, новые ложи и ордена. Поражает другое — удивительная легкость, с какой самозваные «учителя» находили и находят себе паству в нашей стране, хотя, казалось бы, прежде чем войти в ту или иную ложу или оккультный кружок, стоило бы задуматься, а что или кто стоит за проповедниками тайного знания, новой веры и новой религии. Любопытная параллель — среди граждан, пострадавших при крахе печально известной «МММ», по данным газеты «Известия», подавляющее большинство составили люди с высшим образованием.

Спириты, теософы, мартинисты, филалеты, розенкрейцеры, софианцы… Пути разные, но цель одна — эрозия национального самосознания народа, причем главный удар всегда направлялся против «живущей силы Руси» — ее государственности и православия. Никогда не являлось тайной для русских людей и то, какие силы стояли и стоят до сих пор за проповедниками «новой веры», «новой религии» и «общечеловеческих ценностей».

«Мировой закулисе» никогда не была нужна сильная единая и великая Россия. «Россия начала XX века, — отмечал в связи с этим В. Н. Ильин, — оставалась единственной в мире страной, где кроме банкиров, профессоров и адвокатов были еще и святые, почиталась святость». Впрочем, продолжает он свою мысль: «Европа не имела бы ничего против Сергия Радонежского, она, может быть, простила бы России ее Кремлевские соборы, если бы эта православная Россия не строила при этом в Сормове своих паровозов, не имела бы Балтийской и Николаевской верфей, не разрабатывала бы Донецкий бассейн <…> Но, оказывается, в России есть и то и другое».

Не стоит поэтому удивляться неподдельной радости наших западноевропейских «союзников» в связи с революционными событиями 1917 года. «Нет больше России! — с удовлетворением констатировал в своем дневнике британский посол в Париже Ф. Берти. — Она распалась, и исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные нации православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на востоке, т. е. Финляндии, Польши, Эстонии, Украины и т. д., сколько бы их ни удалось сфабриковать, то, по мне, остальное может убираться к черту и вариться в собственном соку!»

Как видим, «сфабриковать» «независимые государства» уже удалось. Хотя в покое Россию оставлять, конечно же, никто не собирается. «Надо сказать, — вынуждена

констатировать вдова великого князя (внука Александра III) Тихона Николаевича Ольга Куликовская, — что мир Запада ненавидит православие». Но ведь «России без православия нет», как справедливо утверждал Н. А. Бердяев. Немало недругов у него и в самой России. Дух неверия, вражды и богоборчества по-прежнему царит в умах нашей так называемой «прогрессивной общественности».

Трагический и во многом поучительный опыт духовных исканий ее непосредственного предшественника — российских интеллигентов предреволюционного времени и первых лет Советской власти по-прежнему остается невостребованным.

АНДРЕЙ НИКИТИН. ТАМПЛИЕРОВ — НА ЛУБЯНКУ!

Многие слышали о средневековом католическом духовно-рыцарском ордене тамплиеров («храмовников», от франц. temple — храм). Орден был основан в начале XII века, вскоре после первого крестового похода. Первоначально резиденция ордена находилась в Иерусалиме, близ церкви, построенной на месте древнего Иерусалимского храма. С этим фактом связывают и название ордена, хотя не следует забывать распространенное устное предание о том, что храмовники стремились к превращению несовершенного земного мира в гармоничную и стройную систему, к созданию духовного храма. После падения христианского Иерусалимского королевства центр ордена переместился в Европу. В начале XIV века французский король Филипп IV, опасаясь роста могущества ордена, привлек его рыцарей к церковному суду, многих в 1310 году сожгли на костре. Орден был упразднен указом папы Климента V в 1312 году.

Действительно ли прекратил тогда свое существование орден Рыцарей Храма? Средневековые поэмы и романы называют тамплиеров хранителями Грааля — священной чаши с кровью Иисуса Христа. Грааль сокрыт в таинственном, почти никому не ведомом замке. Само существование рыцарей перемещается таким образом в «пространство мифа», а значит, выводится из-под власти земных законов, в том числе и закона неизбежной смерти. Достаточно устойчиво мнение, что тамплиеры были духовными предшественниками розенкрейцеров и более поздних мистических орденов и обществ. Тамплиеров иногда сближают с альбигойцами — представителями неортодоксального, гонимого направления в христианстве средневековой Франции и Прованса.

Как разобраться в этом сейчас? Обратиться к первоисточникам? Такой путь многим представляется наиболее надежным, наиболее научным. Однако легенды и обрывки старинных хроник малоубедительны для современного человека. Другое дело, если бы тамплиеры или альбигойцы дожили до XX столетия и смогли сами рассказать о себе…

И вот оказывается, что среди советских граждан, репрессированных в 30-е годы, были люди, обвиненные именно в принадлежности к ордену тамплиеров. Существует ли связь между ними и рыцарями минувшего? Что могло стать духовной основой возрождения (или активизации деятельности) ордена, причем в России, а не на Западе? Может быть, идеи преображения мира, соделания его Храмом Духа — идеи, созвучные устремлениям русской интеллигенции начала XX века?

Следственное дело № 103514

Если быть точным, дела за таким номером — 103514 — уже давно не существовало. Девять не слишком толстых канцелярских папок, которые назад положили передо мной на стол в одной из комнат приемной ФСБ СССР, содержали далеко не полный корпус документов прежнего следственного дела, получившего свое теперешнее оформление только в 1936 году — пять лет спустя после завершения. Впрочем, судя по некоторым пометкам, к ним

обращались не раз: и в 1937 — 1938 годах, и в 1941-м, и позднее, — интересуясь людьми и именами. Видимо, тогда же поставленные на «тематический учет», они хранились в Центральном архиве ОГПУ — НКВД — МГБ — КГБ сначала за номером 499556, а затем, по-видимому, после реабилитации всех поименованных в нем лиц, — за номером Р-33312, под каким я и получил его для ознакомления и работы.

Майор госбезопасности, на чью долю выпало меня «опекать» и который сам тщательно изучил перед встречей эти материалы, в заключение нашей беседы, как бы извиняясь за своих предшественников, произнес: «…Ну а на то, что там понаписано, особого внимания не обращайте. Ничего этого, конечно же, на самом деле не было. Сами знаете, что тогда делалось!..»

Мне оставалось только понимающе кивнуть головой. В самом деле, в этих папках я не ожидал найти ничего из ряда вон выходящего. Они интересовали меня лишь потому, что в числе прочих включали и дела моих родителей, арестованных осенью 1930 года, а затем отправленных на Беломорканал. По рассказам мрей матери, Веры Робертовны Никитиной (1897 — 1976), и по оставленным ею воспоминаниям я знал, как это происходило и что им пришлось перенести. Вместе с тем она всегда подчеркивала, что, по счастью, они прошли через Лубянку и лагеря в то время, когда еще не начались ужасы беспредела. Так что за все время следствия, а потом и за годы, проведенные на Беломорканале и Свирьстрое, ей ни разу не пришлось столкнуться с издевательствами или откровенным садизмом, в отличие от тогдашней ситуации на Соловках.

Обратиться к следственным материалам меня подвигнуло отнюдь не праздное любопытство. Собирая в последние годы материалы о жизни и творчестве моего отца, театрального художника Леонида Александровича Никитина (1896 — 1942), погибшего в результате второй волны репрессий в лагерном лазарете города Канска (Красноярский край), очень скоро я обнаружил, что вместе с ними извлекаю из забвения обширный, большинству моих современников совершенно не известный пласт истории нашей культуры. Я открывал имена давно забытых людей, пропавших без вести в лагерях, обнаруживал словно бы вычеркнутые из памяти истории театральные постановки, рукописи, так и не ставшие книгами, прослеживал никому уже не ведомые ниточки, связывавшие людей и создававшие ткань нашей национальной культуры.

Кое-что удавалось найти в государственных архивах — письма, рукописи, фотографии. Однако самые необходимые сведения о человеке, даты его рождения и смерти, скупой перечень его занятий между этими крайними вехами приходилось искать за воротами «дома на Лубянке», которые однажды — и навсегда! — сомкнулись за его спиной. В известной мере это касалось и жизни моих родителей. Я не знал предъявленного им обвинения уже потому, что его не знала и моя мать, поскольку никакого суда и разбирательства в то время не было, приговор выносили в отсутствие обвиняемых, а им объявляли только срок и пункты традиционной 58-й статьи, согласно которым театральный художник и его неработающая жена обвинялись на пятнадцатом году строительства социализма в «контрреволюционной деятельности».

Вероятно, не только теперь, но и тогда это выглядело абсурдом. По-видимому, так же расценивали это и сотрудники КГБ — и те, кто в 1962 году давал заключение о реабилитации моих родителей, и те, кто проверял дело в 1975 году, реабилитируя остальных участников, и тот майор госбезопасности, который деликатно посоветовал мне «не брать в голову» следственное обвинение. Не случайно в реабилитационных материалах, подшитых к делу, особо отмечалось, что: из обвиняемых никто виновным в какой-либо контрреволюционной или антисоветской деятельности себя не признал, категорически отвергая самую ее возможность, материалы следствия доказательств вины не содержат, а кроме того, из протоколов допросов не видно, чтобы следователи стремились к убедительной аргументации обвинения.

Между тем формулы обвинения были не только жесткими, но поначалу и ошеломляющими.

В составленном 9 января 1931 года обвинительном заключении помощник начальника 1-го Отделения Секретного отдела ОГПУ Э. Р. Кирре утверждал, что арестованные были.членами анархо-мистической контрреволюционной организации «Орден Света», которая представляла собой возглавляемую командором ветвь древнего рыцарского ордена тамплиеров. Члены ордена именовали себя рыцарями, были организованы в кружки-отряды, занимались изучением «мистической литературы» и готовили антисоветский переворот.

Больше того, Кирре утверждал, что «Орден Света» ставил своей целью «борьбу с соввластью как властью Иальдобаофа (одного из воплощений Сатаны) и установление анархического строя». Делалось же все это «путем противодействия и вредительства совласти на колхозном фронте, среди совучрежде-ний и предприятий. Пропагандировался мистический анархизм с кафедры и по кружкам, в которых вырабатывались <…> руководители, главным образом из среды интеллигенции». Правда, обвинитель признавал, что «пропаганда» велась путем рассказа членам кружков легенд, запись коих категорически запрещалась под угрозой исключения из ордена и «вплоть до физического воздействия». Последнее следовало понимать как ликвидацию отступника, поскольку чуть ниже говорилось о проповеди «терроризма» «вплоть до убийств». И хотя это плохо согласовывалось с тем, что подрывная работа рыцарей на фронте колхозного строительства заключалась в «попытках евангельской пропаганды среди крестьянской массы» (что никак не подтверждало кровожадность «рыцарей»), Кирре это не смутило.

Параллельно с «Орденом Света» и в качестве его «дочерней» организации среди артистических и художественных кругов московской интеллигенции существовал другой орден — «Храм Искусств», созданный «с целью внедрения в советские артистические круги своей идеологии в противовес линии марксизма, проводимой компартией в искусстве». Для этих целей в его кружках использовались уже не устные легенды, а рукописи «мифов», «в которых проповедовался и противопоставлялся марксизму идеалистический взгляд на искусство с вклиниванием мистических идей».

«Храм Искусств» был не единственным ответвлением «Ордена Света». Информируя о возможных таких организациях в Москве, Ленинграде и других городах, Кирре сообщал о ликвидированном органами ОГПУ летом 1930 г. в Нижнем Новгороде «Ордене Духа», получавшем из Москвы «указания и литературу», а в Сочинском районе на Северном Кавказе — «Ордене тамплиеров и розенкрейцеров», где точно так же «изучали мистическую литературу и готовили восстание против советской власти».

Что же касается конкретных действий арестованных, то вся их вина заключалась в том, что они сравнительно регулярно собирались друг у друга на семейные вечеринки, где «путем чтения мистических произведений, рассказывания сказок, чтения докладов, пения и музыки происходила обработка в анар-хо-мистическом духе намеченных для вербовки в орденские кружки лиц». Несколько серьезнее выглядело обвинение, что московские рыцари наряду с другими музеями посещали Музей П. А. Кропоткина, слушали там лекции, причем некоторые состояли даже членами Анархической секции Комитета по увековечению памяти П. А. Кропоткина, заседания которой проходили в читальном зале этого же музея.

Кроме того, они устраивали публичные платные вечера, средства от которых шли на нужды музея и на "оказание помощи заключенным и ссыльным анархистам через «Черный Крест». Такие вечера «обслуживались бесплатными силами знакомых артистов, а также выступлениями артистов, состоящих членами „Ордена Света" или „Храма Искусств". Программы таких вечеров в большинстве случаев носили мистический уклон…».

«Рыцари», объявившиеся в Москве в год искоренения российского крестьянства, торжества «индустриализации» и «диктатуры пролетариата», не были облачены в

сверкающие латы, в белые льняные плащи с красным восьмиконечным крестом тамплиеров. В списке заговорщиков — машинистки и стенографистки, переводчики, литераторы, преподаватели вузов, продавцы книг, распространители изданий «Союзпечати», артисты и художники, просто домохозяйки — словом, представители советской интеллигенции, которая едва сводила концы с концами и толклась на бирже труда. О каком рыцарстве, каких тайных знаниях могла идти речь в те зловещие годы «великого перелома» России, когда во имя «светлого будущего» страна сама изничтожалась под корень, целые селения и города приходили в запустение, а людей загоняли в топи, болота, леса, в вечную мерзлоту, к тачкам великих строек? Когда фотографии родителей и родственников уничтожали только потому, что те имели неосторожность запечатлеть себя в мундире чиновника или с пожалованным за героизм или «беспорочную службу» орденом?

И все же я понимал, что с выводами не стоит спешить. Ведь и Воланда с его свитой — тоже рыцарями! — никто поначалу не принимал за «князей тьмы». А в не менее известном романе А. Франса готовящиеся к восстанию и живущие в Париже ангелы точно так же не выделяются из толпы, зарабатывая на скудный ужин и якшаясь с анархистами. Но как в этом случае разграничить литературу и жизнь?

Названия орденов и кружков, упоминаемых в следственном деле, — «Орден Света», «Храм Искусств», «Орден Духа», «Розенкрейцеры», «Тамплиеры», просто «Рыцари»; изъятые при обысках тетрадки с «ритуалами», «легендами» и «мифами», которые руководители «отрядов» рассказывали посвящаемым; подчеркнуто мистический характер собраний и работа на благо общества и каждого отдельного человека — все это вызывает ассоциации с духовным масонством Н. И. Новикова, И. В. Лопухина, И.Г.Шварца. Однако их время (конец XVIII века) сейчас представляется нам столь же далеким от современности, как и отстоящие от них еще дальше рыцарские ордена. Поэтому возрождение духовных устремлений русской интеллигенции конца XVIII века выглядит в 20-х годах нашего столетия столь же невероятным, как и возрождение рыцарства.

Но что-то ведь было!

Читая протоколы, собственноручные показания арестованных, которым всякий раз при вызове на допрос приходилось вступать в своего рода дуэль со следователем, я постепенно начинал понимать, что само «дело» вовсе не замыкается на этих людях. Передо мною лежали фрагменты сложной и обширной картины, действие которой началось задолго до трагической ночи с 11 на 12 сентября 1930 года, а закончилось отнюдь не приговором Коллегии ОГПУ в составе С. А. Мес-синга, Г. И. Бокия и неизвестного мне Кауля и в присутствии прокурора Р. П. Катаняна 13 января 1931 года. Здесь были перемешаны пласты (или потоки?) потаенной жизни предшествовавших лет, которые еще предстояло открывать, изучать и осмысливать, отделяя реальность от «баснословия», как образно выражались в прошлом.

Начинать надо было с самих людей, восстанавливая их взаимоотношения, выясняя группировки и по возможности отделяя политику от быта и духовных устремлений хотя бы уже потому, что крест исторических тамплиеров не походил на «голубую восьмиконечную звезду», фигурировавшую в символике московских рыцарей, как, впрочем, и белая роза, с которой был связан ритуал собраний. Надо было понять, каким образом могли соседствовать мистика легенд с «евангельской проповедью», а они, в свою очередь, — с анархистами и Музеем П.А.Кропоткина, поскольку анархисты, как известно, категорически отрицали какую бы то ни было религиозность и мистицизм.

Ввести меня в круг этих людей, помочь разобраться в них и в событиях мог только один человек — мой отец, который был со всеми ними знаком. Сама его жизнь и работа представляли для меня как бы первичную хронологическую канву, накладывая которую на узоры событий можно было представить недостающие фрагменты рисунка и направление

дальнейшего поиска. Впрочем, едва приступив к этой работе, я обнаружил, что в моих руках находятся материалы, прямо выводящие меня к истокам указанных событий.

Арбат, 57

Ключ к делу 1930 года нашелся в автобиографических записках С. М. Эйзенштейна, в главке «Добрый Бог», которая до сих пор не публиковалась на русском языке, а вошла только в западногерманское издание его мемуаров. В ней знаменитый режиссер, рассказывая о своих взаимоотношениях с религией и церковью, упоминает эпизод, связанный с его пребыванием в Минске в 1920 году — в это самое время он встретился с моими родителями.

Здесь необходимо хронологическое отступление, чтобы понять воспоминания Эйзенштейна и познакомиться с людьми, чьи имена всплывают в протоколах допросов 1930 года.

В Москву из Рязани отец переехал вместе со своей матерью и сестрой летом 1915 года, когда поступил на юридический факультет Московского императорского университета. Никитины поселились в Крестовоздвиженском переулке в доме художника Э. Э. Лисснера, который держал собственную студию и сдавал студии двум молодым скульпторам — А. А. Ленскому, сыну известного актера и режиссера Малого театра, и А. С. Бессмертному — одному из близких друзей актера Первой студии Московского Художественного театра Михаила Чехова. Выбор квартиры, скорее всего, был случаен, но тот факт, что с первых же шагов отец очутился в среде артистической молодежи Москвы, связанной именно с Художественным театром, оказался решающим для его дальнейшей жизни и творчества.

В доме Лисснера кроме Михаила Чехова бывали актер Первой студии В. С. Смышляев, будущий режиссер Ю. А. Завадский, тоже студент юридического факультета, поэт и переводчик П. А. Аренский, сын известного композитора, и многие другие. Именно мой отец познакомил начинающего поэта Павла Антокольского с Завадским и Вахтанговым.

Безумные годы Гражданской войны разбросали этих людей по стране. Мои родители успели пожениться летом 1918 года и с тех пор вместе колесили по фронтам, побывав сначала на Юго-Западном, а затем, после краткой передышки в Москве, — на Западном. Летом 1920 года, когда фронт сдвинулся на запад, они оказались в освобожденном от белополяков Минске.

«Наша минская трехкомнатная квартира, — вспоминала мать, — располагалась в прекрасном особняке с садом. В большой гостиной стояли огромный диван-тахта, стол и рояль. По вечерам к нам собирались москвичи — здесь был хоть какой-то уют, чай с хлебом и сахаром, музыка… Аренский читал свои стихи и переводы, прекрасно играл доктор П. Н. Васильев, говорили об искусстве и литературе. На одном из таких вечеров и появился Сережа Эйзенштейн — его привел к нам Аренский — среднего роста, очень худенький мальчик с большой пышной шевелюрой, который говорил ломающимся голосом молодого петушка…»

Больше всех новым знакомствам радовался Эйзенштейн. 15 августа 1920 года он писал матери:

«Знакомлюсь тут с очень интересными людьми, особенно с одним литератором, весьма солидным, — пишет о Скрябине…» А в письме от 27 августа 1920 года, сообщая, что начал изучать японский язык, поясняет: «Это влияние моего большого друга, писателя Аренского (кажется, я тебе писал о том, как прекрасна его статья о Скрябине и интересны его замыслы мистерий и поэм)». Свой новый дружеский круг в Минске Эйзенштейн определяет в письме от 10 сентября 1920 года, где сообщает, что получил направление на курсы Академии Генштаба

РККА для занятий японским языком. Едут же они «втроем: Аренский (я тебе, кажется, уже писал, что он писатель и сын композитора), один очень интересный и высокоталантливый художник (теоретик „неовитализма“ и „моновитизма“ в живописи) и я».

Но самое любопытное для нас то, что в этом письме, преодолев свою обычную скрытность, Эйзенштейн сообщает матери:

«Имел здесь очень интересную встречу — сейчас перешедшую в теснейшую дружбу нас троих с лицом совершенно необыкновенным: странствующим архиепископом Ордена Рыцарей Духа… Начать с того, что он видит астральное тело всех и по нему может о человеке говорить самые его сокровенные мысли. Мы все испытали это на себе. Сейчас засиживаемся до 4 — 5 утра над изучением книг мудрости Древнего Египта, Каббалы, Основ Высшей Магии, оккультизма… какое громадное количество лекций (вчетвером) он нам прочел об „извечных вопросах“, сколько сведений сообщил о древних масонах, розенкрейцерах, восточных магах, Египте и недавних (дореволюционных) тайных орденах! Тебя бы все это бесконечно заинтересовало, но всего писать не могу и прошу дальше никому не говорить. Сейчас проходим теоретическую часть практического курса выработки воли. Вообще он излагает удивительно захватывающее учение. И опять же, дальнейшее — Москва. Туда, вероятно, прибудет и он. Знания его прямо безграничны…»

Эйзенштейн оставляет нас в неведении как о «странствующем архиепископе», так и о четвертом человеке, слушавшем его лекции. Но, по счастью, упомянутая главка «Добрый Бог» автобиографических воспоминаний режиссера многое проясняет. Во второй ее части Эйзенштейн обращается к Минску 1920 года, где он познакомился с «профессором литературы и философии» Зубакиным. Этот командированный из Смоленска клубный инструктор и лектор оказался «розенкрейцерским епископом Богори Вторым».

Дальнейшее настолько любопытно, что я полагаю нужным привести текст Эйзенштейна целиком:

"Я никогда не забуду помещения «ложи» в Минске. В проходном дворе — одноэтажный дом, занятый под красноармейский постой. Несколько комнат с койками, портянками, обмотками, гармонью и балалайкой. Задумчивые и озабоченные красноармейцы. Маленькая дверь дальше. За дверью что-то вроде бывшего кабинета с письменным столом с оторванными дверцами. Дальше еще дверь в совсем маленькую комнатку. Мы проходим туда — несколько человек.

Громадного роста, состоявший когда-то в анархистах, дегенерировавший русский аристократ с немецкой фамилией. Неудачник — сын одного из второстепенных русских композиторов. Актер Смолин из передвижной фронтовой труппы. Между исполнениями роли Мирцева в пьесе «Вера Мирцева» он лечит мигрени наложением рук и часами смотрит в хрустальный шар в своем номере гостиницы.

Тренькает за дверью балалайка. Стучат котелки с ужином из походной кухни во дворе. А здесь — омовение ног посвящаемым руками самого епископа. Странная парчовая митра и подобие епитрахили на нем. Какие-то слова. И вот мы, взявшись за руки, проходим мимо зеркала. Зеркало посылает союз наш в астрал. Стучат опустевшие котелки. Балалайку за дверью сменяет гармонь. А мы уже — рыцари. Розенкрейцеры. И с ближайших дней епископ посвящает нас в учение Каббалы и «Арканы» Таро. Я, конечно, иронически безудержен, но пока не показываю вида…"

Не будем обращать внимания на ироничность и на подчеркнутую пренебрежительность Эйзенштейна к своим спутникам, столь контрастирующие с неподдельным восторгом по их поводу в письмах, — ведь воспоминания эти написаны в 1946 году, когда почти все они погибли в лагерях. Для нашего рассказа важно другое. Во-первых, мы узнаем о существовании в прифронтовом Минске 1920 года «Ордена Злато-Розового Креста» (это подтверждается и другими источниками); во-вторых, узнаем о посвящении Эйзенштейна и

Аренского именно в розенкрейцерство, что сопровождалось изучением оккультной литературы, а в более ранние времена — и занятиями алхимией; в-третьих, мы узнаем имя «странствующего архиепископа Ордена Рыцарей Духа» — Борис Михайлович Зубакин (1894 — 1938).

Но вернемся к рассказу Эйзенштейна.

«Осенью того же 1920 года „рыцари" по долгу службы — за исключением долговязого и артиста-целителя, куда-то пропавших, — в Москве. Среди новых адептов — Михаил Чехов и Смышляев. В холодной гостиной, где я сплю на сундуке (по-видимому, речь идет о квартире М. М. Штрауха на Чистых прудах. — А. Н.), — беседы. Сейчас они приобретают скорее теософский уклон. Все чаще упоминается Рудольф Штейнер. Валя Смышляев пытается внушением ускорять рост морковной рассады. Павел Андреевич (надо „Антонович". — А. Н.) увлечен гипнозом. Все бредят йогами… Помню беседы о „незримом лотосе", невидимо расцветающем в груди посвященного. Помню благоговейную тишину и стеклянные, неподвижно устремленные к учителю очи верующих… Я то готов лопнуть от скуки, то разорваться от смеха. Наконец, меня объявляют „странствующим рыцарем" — выдают мне вольную, — и я стараюсь раскинуть маршруты моих странствий подальше от розенкрейцеров, Штейнера, Блаватской…»

В этих маршрутах Эйзенштейн ушел так далеко от своих друзей, что возвращение оказалось невозможным. По-своему он был прав. «Человек рационального и методичного ума, жесткого и сухого воображения», «глубокий эгоцентрист, собранный и замкнутый» (так характеризовал его В. В. Тихонович, работавший с ним тогда в Пролеткульте), Эйзенштейн обладал еще; и огромным талантом, требовавшим действенного выхода и; сиюминутной реализации. Он умел схватить удачу: любил победителей и способен был разорвать любые узы, отбрасывая все, что стояло на его пути. Так произошло чуть позже с тем же Смышляевым, пригласившим Эйзенштейна по рекомендации Аренского и Никитина работать в театре Пролеткульта, откуда через полтора года был изгнан не только Смышляев, но, как писал в одной из своих автобиографий Эйзенштейн, и «последние остатки школы Художественного театра».

Случилось это уже в 1922 году. А зимой 1920 — 1921-го трое тогда еще друзей — Смышляев, Эйзенштейн и Никитин — на сцене московского театра Пролеткульта поставили знаменитый спектакль «Мексиканец» по Джеку Лондону. Для нашего рассказа он интересен тем, что художник и постановщики при оформлении использовали оккультную символику. Треугольники, кубы, окружности, овалы, эллипсы, пирамиды и прочие элементы костюмов, обстановки и декораций, воспринимаемые большинством зрителей всего лишь как «дань формализму», на самом деле выполняли в раскрытии замысла важные функции, понятные лишь посвященным.

Были ли посвященные среди зрителей — трудно сказать, но сам факт, что во главе восставшего народа, согласно спектаклю, оказывается тайная организация, позволяет предположить, что в сознании постановщиков она как-то ассоциировалась с ложей или тайным орденом.

Никитин, начиная с зимы 1921 — 1922 года, вел в студии Про— . леткульта курс оформления спектакля для режиссеров и читал историю изобразительных искусств. Эти два курса стали для него основными до конца 20-х годов, причем читал он их, как записано в протоколе его допроса, во многих вузах Москвы. Однако — и это остановило мое внимание — в перечне названных отцом вузов по какой-то причине не был указан главный — Белорусская государственная драматическая студия в Москве, — где он оформил почти все постановки с 1924-го по 1926 год и где в качестве преподавателей собрались друзья его ранней молодости: Смышляев, Завадский, его сестра, Аренский, Смышляева-Аренская и многие другие. Первоначально студия создавалась при МХАТе, однако в 1922 году основная труппа Художественного театра во главе с К. С. Станиславским уехала на гастроли за границу, и

молодых белорусов стал опекать МХТ второй . Художественным руководителем к ним был приглашен Смышляев. А тот, в свою очередь, пригласил друзей читать лекции и вести занятия.

Зачем было скрывать этот факт? Мне кажется, разгадку подсказывает репертуар студии.

Первым ее спектаклем стал «Царь Максимилиан» по А. М. Ремизову, показанный в ноябре 1924 года в Москве и поставленный в стиле средневековых мистерий с явными элементами рыцарской символики. Чрезвычайно интересно воспоминание С. М. Станюты (единственной оставшейся теперь в живых участницы спектакля) о том, как студийцы вживались в образ средневековых странствующих актеров, как отрабатывали жесты и движения, имевшие определенное символическое значение. Это невольно всплывало в памяти, когда я читал показания отца, пытавшегося именно «через театр» объяснить возникновение ритуальности «орденских сборищ», отказываясь признать фактическое существование ордена и его мистическую направленность:

«По вопросу о так называемом „Ордене Света" сообщаю, что такого Ордена я не организовывал и никогда рыцарем этого Ордена себя не называл. Однако представление об этом Ордене у некоторых лиц, как о возможном явлении, могло возникнуть в связи со мной благодаря значительному моему интересу к Орденам средневековья в период 1924/25 года… Изучение средневекового искусства и литературы, посвященной средневековью, побуждало меня отнестись с особым интересом к идеям средневекового рыцарства и формам его внешнего проявления. Моя работа в театре способствовала моей восприимчивости к внешним проявлениям рыцарства, и мне казалось, что в условиях современной художественной деятельности может явиться плодотворным заимствование стилистических особенностей этого явления… Возникла мысль проделать лабораторно-экспериментальную работу по театральной реализации известных художественных образов, связанных с рыцарством, вплоть до воссоздания внешних форм ритуала посвящения и других торжественных церемоний по-историческим материалам, имеющимся в литературе… Други-; ми словами, мне казалось целесообразным применить уже испытанный на театре в системе Станиславского метод лабораторного вживания в художественный образ».

Следом за «Царем Максимилианом» была поставлена феерия «Апраметная» по белорусской сказке в обработке народного учителя В. Шалевича. Затем были «Сон в летнюю ночь» Шекспира с центральной сценой волшебного леса и сна Тита-нии; «Вакханки» Еврипида; «Эрос и Психея» Ю. Жулавского — пьеса, повествующая о бесконечных перевоплощениях Души, ищущей Света, о поисках утраченной Аркадии…

В каждом из этих спектаклей можно было найти достаточно мистических аллюзий и символики для того, чтобы в те годы, когда в Москве велось следствие по делу тамплиеров, обрушить ураган партийной критики на «васильковую мистику» Второго Белорусского государственного театра (ныне — Театр имени Я. Коласа в Витебске), в который к тому времени превратилась студия. По счастью, в мистике этих спектаклей критики усматривали отнюдь не розенкрейцерство, а всего только «романтику национализма», хотя и это не спасло некоторых его актеров и режиссеров от роковой 58-й статьи…

Умолчание в показаниях отца об одной из самых ярких страниц его жизни и творчества наводило на мысль, что занятия со студийцами не ограничивались только учебной программой, что они были значительно глубже и серьезнее, а сам театр в Витебске представлял собой одно из ответвлений ордена.

Основание для такого предположения дают и признания Ф. Ф. Гиршфельда, человека, выступившего на следствии с «искренними показаниями» и тем заслужившего (редкий случай!) свободу.

Гиршфельд был одноклассником среднего брата моей матери, Николая Робертовича Ланга, а потому бывал еще в доме моего прадеда. Встретив Гиршфельда в 1924 году в

Москве, Н. Р. Ланг ввел его в дом Никитиных. Уже будучи принятым в один из рыцарских кружков и посвященным в 1-ю степень, Гиршфельд решил его покинуть. «Собрания эти перестали быть для меня интересными, мне было скучно на них, и в это время во мне крепло трезвое марксистское материалистическое мировоззрение», — объяснял он на следствии. Между тем какое-то время Гиршфельд, согласно показаниям А. С. Поля, являлся помощником Ю. А. Завадского по административной части его студии, а потому хорошо знал Аренского, который в те годы был женат на В. А. Завадской.

Так вот, по утверждению Гиршфельда, основными объектами работы ордена в области искусства, как ему «удалось выяснить по разговорам у Никитиных, была Белорусская студия и Второй МХТ. Смышляев <…> занимал одно время руководящую должность в Белорусской студии и использовал свое положение для привлечения туда Никитина. Ими была проведена там довольно основательная мистическая обработка. Результатом ее явились постановки „Царь Максимилиан‟ и „Апраметная‟, выдержанные целиком в мистическом духе…»

Столь же любопытны его показания относительно Второго МХТа, где также «проводилась интенсивная работа» и откуда в орден было привлечено несколько актеров, в том числе А. И. Благонравов и Л. И. Дейкун, которых называют и все остальные сознавшиеся. Труднее проверить другое утверждение Гирш-фельда, ссылавшегося на разговоры с А. С. Полем, — что «в 1924 — 1925 годах почти весь Второй МХТ был охвачен мистическим движением <…> в организации состоял и Станиславский, который, впрочем, очень скоро отошел». Зато в правоте его следующих слов не приходилось сомневаться: «Мне известно, что Смышляев работал над постановкой „Золотого горшка‟ Гофмана (в переработке Аренского) — пьесы сугубо мистического характера. Однако эта пьеса не была пропущена Главреперт-комом. Художником этой постановки был также приглашен Никитин. В таком же духе была поставлена во Втором МХТе „Орестея‟, снятая после нескольких спектаклей…»

Стоит заметить, что в показаниях отца не упоминается работа во Втором МХТе. Между тем тесные связи с этим театром установились у него в том же 1924 году, когда его возглавил М. Чехов, ушедший из розенкрейцерства в антропософию, позволившую ему создать на ее основе совершенно новую систему работы актера над собой и ролью. Произведения Э.-Т.-А. Гофмана, в особенности его роман «Золотой горшок», построенный целиком на легендах немецких розенкрейцеров XVIII века, повествующих о мире духов и о восточных магах, о тайнах алхимии и превращениях элементов — легендах, столь блистательно усвоенных и преображенных европейской литературой эпохи романтизма, всегда были предметом особого внимания Аренского. Встреча в Минске с Зубакиным — Богори Вторым, как видно, только дала этому увлечению новый толчок.

Первые попытки постановки «Золотого горшка» Аренский предпринял еще в декабре 1920 года на сцене театра Пролеткульта, как о том свидетельствуют эскизы, сохранившиеся в архиве

Эйзенштейна. Тогда из этой затеи ничего не получилось. Аренский продолжал работать и осенью 1923 года (или весной 1924-го) предложил свою пьесу Второму МХТу. Здесь она была принята с восторгом. Журналы репетиций свидетельствуют, что работа над ней шла полным ходом на протяжении всего сезона 1924 — 1925 года. Из воспоминаний матери я знаю, что отец, приглашенный Смышляевым, сделал эскизы всего оформления спектакля. Музыку написал композитор Н. И. Сизов. Все были увлечены работой настолько, что, по воспоминаниям Д. Л. Сулержицко-го и М. А. Скрябиной, память о ней жила еще долгие годы. Сообщения о готовящейся постановке неоднократно появлялись в печати, но 12 мая 1925 года Главрепертком окончательно запретил работу над пьесой. Просьбы и апелляции не дали никаких результатов. Пьесу запретили так «крепко», что при всем старании я не мог обнаружить ни одного эскиза, ни одной фотографии и выдержки из ее текста. Все сгинуло в недрах Репертуарного комитета. Оставалось только гадать, почему цензура ее запретила. Показания Гиршфельда приоткрыли эту тайну. Так же, как и тайну «Орестеи».

«Орестею» Эсхила зритель все же увидел. Ее премьера состоялась во Втором МХТе 16 декабря 1926 года и вызвала в печати поток брани и издевательств по поводу «протаскивания эсхи-ловщины на советскую сцену», как писал один из критиков. Она стала последним спектаклем того чеховского Второго МХТа, который был действительно глубоко мистичен — в «Эрике XIV», «Ревизоре», «Петербурге» и, конечно же, в «Гамлете». После «Орестеи» началось целенаправленное разрушение и удушение последнего «относительно свободного» театра, где догорал мистический огонь, зажженный Михаилом Чеховым, который, как свидетельствовал много лет спустя один из его ближайших друзей, будучи увлечен антропософией, оставался и членом ордена.

И вот теперь, добравшись до 1924 года, когда, по свидетельству признавшихся, имело место их вступление или «вовлечение» в орден, мы можем поставить вопрос: где это происходило? И — что происходило? Поскольку одним из центров событий называлась квартира моих родителей, то лучше всего начать с нее, как она предстает в воспоминаниях моей матери.

Вернувшись из Минска, они довольно долго скитались по Москве, пока не «осели» на Арбате в доме № 57, неподалеку от кинотеатра «Аре».

«Этот дом принадлежал теперь уже снесенной церкви (св. Троицы на Арбате. — А. Я.) на углу Арбата и Денежного переулка, теперешней улицы Веснина, — вспоминала мать. — Нас пустил к себе, „самоуплотнившись", инженер Д. А. Ильин, мой сослуживец по Главкустпрому, с сыном которого, Юрием (по делу он проходил как Георгий. — А. К), мы потом очень подружились… Через год или два уехали соседи, и нам удалось сменить нашу маленькую комнатку на большую и светлую в той же квартире. У новой комнаты, кроме больших окон, в которых нам были открыты все закаты, было еще одно важное достоинство — отдельный ход через парадное. До революции квартира принадлежала братьям Лопухиным, они уехали за границу, и теперь мы вселились в кабинет одного из них, где сохранилась почти вся прежняя обстановка: большой старинный письменный стол, диван под красное дерево, обитый оливковым шелком, два глубоких „вольтеровских" кресла, большой шкаф. Постепенно мне удалось создать в комнате тот незабываемый уют, который так привлекал наших многочисленных друзей и сохранялся до 1930 года. По воскресеньям к нам всегда собиралось много гостей, особенно если предстояло что-то интересное: лекция географа Баркова о Карадаге с диапозитивами, устные рассказы Е. Г. Адамовой, стихи Н. Гумилева в исполнении артистки Э. Л. Шиловской, доклад о Врубеле или об Атлантиде. <…> Особенно стало хорошо, когда в 1927 или 1928 году к нам поставила свой рояль моя молоденькая приятельница Ирина, дочь архитектора В. А. Покровского…»

Пианистка И. В. Покровская была первой из тех, кто назвал на допросах людей, посещавших «сборища Никитиных» (определение помощника уполномоченного 1-го Отделения СО ОГПУ А. Н. Кузнецова). Ее показания позволяют представить, как в трудных материальных, а еще больше — политических условиях остатки московской интеллигенции пытались поддержать напряженный ритм своей духовной жизни. Их нельзя назвать доносом, как нельзя винить в доносительстве и Гиршфельда, Поля, Смирнова, Шишко, других, — хотя бы потому, что, как явствует из документов, органам ОГПУ все уже было и без них хорошо известно — через осведомителей, посещавших многолюдные вечера гостеприимного дома на Арбате. Кроме того, следует помнить, что появление самого следственного дела № 103514 было не начальным, а скорее заключительным звеном цепи предшествующих событий. Как отмечали работники прокуратуры при реабилитации, целью арестов была ликвидация групп и изоляция арестованных, а вовсе не установление следственной истины…

Итак, 20 сентября 1930 года Покровская в своих показаниях писала:

"Сборища, происходившие у Никитиных, на которых я присутствовала с 1928 года, носили определенно организованный характер.<…> Программа была следующая. Читали стихи А. Блока, К. Бальмонта, Н. Гумилева, рассказывали легенды и сказки, читали доклады

на разные художественные и мистические темы, как-то: иероглифы в Египте, Врубель и его творчество, портрет и его развитие. С этими докладами выступал Никитин. Были музыкальные номера и чай. Никитин же водил нас в музеи — в Щукинский, Кропоткинский, Моро-зовский, Музей Изящных Искусств. По прочтении докладов бывал обмен мнений. Жена Поля пела следующих композиторов — Глиэра, Рахманинова, Чайковского, Римского-Корсако-ва. Я играла и аккомпанировала…

Окраска вечеров носила характер литературно-художественно-мистический и не соответствовала современности. <…> Если мне встретятся подобного рода группы или контрреволюционеры, то считаю своим долгом в интересах пролетариата принять необходимые меры для ликвидации таковых".

Показания Покровской вместе с показаниями Ф. Ф. Гирш-фельда, А. С. Поля, В. Ф. Шишко позволяют очертить основной — постоянный — крут людей, собиравшихся у Никитиных на Арбате. Это фотограф Г. А. Любицкий, актриса Детского театра Галина Евгеньевна Ивакинская, младший брат матери Юрий и его жена Виктория, ее сестра Елена Григорьевна Самарская, в прошлом — студентка Института востоковедения, где она училась вместе с Н. Р. Лангом, искусствовед, сотрудник Государственной академии художественных наук (ГАХН) Николай

Михайлович Тарабукин, профессор университета и действительный член ГАХН Дмитрий Саввич Недович, молодая художница Татьяна Леонидовна Савранская, дочь известного оперного певца Л. Ф. Савранского, квартира которого располагалась под комнатой Никитиных на первом этаже, экономист Диодор Дмитриевич Дебольский, преподаватель МВТУ имени Баумана Сергей Романович Ляшук, о встречах с которым на Севере пишет О. В. Волков. По воспоминаниям матери, бывали еще артисты М. Ф. Астангов, Р. Н. Симонов, Дмитрий Леопольдович и Мария Николаевна Сулержицкие, художник М. К. Соколов и многие другие…

Однако можно ли всех этих людей считать причастными к ордену? Был свободный обмен мнениями по докладам, разговоры о том, что волновало людей, что интересовало тогда русскую интеллигенцию, которая, как всегда, мучительно искала выход из создавшегося положения и не видела никакого просвета впереди. Не отсюда ли интерес к прошлому — к Египту, Атлантиде, к Востоку? Не потому ли искали ответа на возникающие вопросы у Л. Н. Толстого, О. Шпенглера, А. Бергсона, Н. А. Бердяева, одновременно пытаясь разобраться в Парижской коммуне и крушении попыток анархистов построить «общество равенства и социальной справедливости»? Из этого дома отправлялись в музеи, на лекции, в ГАХН.

Но было и другое. Один из наиболее близких к семье Никитиных человек, А. С. Поль, в одном из своих показаний говорит:

"В 1925 году мне стало известно у Никитиных о существовании «Братства Милосердия», которое было организовано в связи с орденской работой. Никакого участия в Братстве я не принимал, но слышал о нем несколько раз. Оно имело своей задачей: 1) помогать всем нуждающимся, но так, чтобы им не было известно об этом; 2) каждый член Братства, узнав о чьей-либо нужде, должен был прийти на помощь лично или через друзей, в чем бы она ни заключалась, не сообщая, откуда эта помощь исходит.

Членами Братства могли состоять любые лица, оказывать же по просьбе Братства помощь могли также люди, ничего о нем не знающие. Наиболее активную роль в нем играла В. Р. Никитина, затем Корольков, Ивакинская, Шишко, Дебольский и другие, имена которых не помню. Знаю, что медицинскую помощь осуществлял доктор Л. Ф. Лимчер (кажется, врач Кремлевской больницы)…"

По отдельным репликам можно представить, что на собраниях у Никитиных, на музыкальных вечеринках в других местах периодически происходил сбор средств в пользу нуждающихся, а также заключенных анархистов. Средства поступали в «Черный Крест», куда

входили А. А. Солонович, его жена — Агния Анисимовна Солонович, И. Н. Уйттенховен-Иловайская и ряд других анархистов, прямо не соприкасавшихся с кругом посетителей дома на Арбате.

Успех первых шагов в этом направлении, по-видимому, и привел участников собраний к мысли об устройстве специальных благотворительных вечеров, концертов и платных лекций. Об этом, как всегда вскользь, ссылаясь на забывчивость, говорил Ю. А. Завадский, в студии которого был организован вечер в пользу «нуждающихся и недостаточных студентов».

«Собрания были двоякого рода, — свидетельствовал Шишко на допросе 1 октября 1930 года, — 1) собрания, на которых рассказывались легенды, и 2) деловые. Деловые собрания касались вопросов устройства литературно-музыкальных вечеров за небольшую входную плату, сбор с которых поступал в пользу наиболее нуждающихся, не обязательно принадлежащих к рыцарям „Храма Искусств“».

Хотя из поименованных Полем лиц признался в своей причастности к ордену только Шишко, у меня нет никаких сомнений в реальности существования братства: его задачей было служение людям, а это соответствовало задачам ордена.

Сейчас я понимаю, что все они жили по заветам ордена — по тем же заветам, по которым жили и действовали члены московского кружка Новикова и Шварца в конце XVIII века, «работавшие над камнем» — над собственной личностью, чтобы освободить от уз невежества, себялюбия и других пороков ту божественную искру, которая должна указывать каждому дорогу к свету истинного знания и любви, помочь противостоять распаду личности.

Собственно говоря, это и было самым важным в том деле, которое начиналось на «воскресниках» у Никитиных на Арбате разговорами о культурных и духовных ценностях, с катастрофической быстротой выпадавших из крута тогдашней жизни, с ее варварской идеологией «обостряющейся классовой борьбы». На собраниях в кружках не только читали легенды, о которых мы еще будем говорить. Здесь велись беседы о самовоспитании, борьбе с собственными недостатками, о необходимости овладения знаниями и мастерством в избранной сфере деятельности, чтобы через нее преобразовывать к лучшему окружающий мир, воспитывать нравственное чувство.

Характерно, что на вопрос, почему члены этих кружков именуются «рыцарями», мой отец, по свидетельству Е. А. Поль, ответил: члены кружка должны иметь те же качества, что и средневековые рыцари, «с той только разницей,, что тогда эти качества реализовались в плане физическом, тогда как теперь они должны проявляться в плане духовном».

Под знаком ордена

21 сентября 1930 года во время третьего допроса «преподаватель различных вузов Москвы», как его характеризовал следователь Кирре, А. С. Поль в своих показаниях написал:

«Сообщаю, что я состоял в рыцарском „Ордене Света“ приблизительно с осени 1924 и до конца 1927 года, причем я принимал участие в собраниях Ордена, ведя в нем работу. Орден представлял собой мистическую организацию, ставящую своей задачей сообщением легенд способствовать внутреннему перерождению и духовному подъему рыцарей. <…> Он предоставлял самую широкую свободу всем входящим в него членам в смысле их убеждений и жизни, совершенно ее не затрагивая. В него не было входа лишь членам ВКП(б) и членам белогвардейских организаций, равно как и монархистам…»

Несмотря на то что за несколько дней до этого следствие уже получило «откровенные показания» Ф. Ф. Гиршфельда, который тоже признал свое членство в орденской организации, признания Поля были, по-видимому, особенно важны. Во-первых, он

подтверждал предшествующие показания и значительно их расширял, будучи «рыцарем 3-й степени ордена», тогда как Гиршфельд был посвящен только в 1-ю степень. Во-вторых, занимал вполне определенное положение среди московской творческой интеллигенции как активный член и сотрудник Государственной академии художественных наук. Наконец, это были действительно «откровенные показания», которые не так легко получить от арестованных.

Часть из них — А. А. Солонович, Н. И. Преферансов, И. Н. Уйт-тенховен-Иловайская — категорически отказывалась сообщать какие-либо сведения о других людях, кроме себя, и признавать существование ордена и его кружков. Другие, например Е. Г. Адамова, Н. А. Леонтьева, В. Н. Любимова, моя мать и сестра отца, категорически отрицали не только свое участие в ордене, но и то, что когда-либо слышали о нем. Ю. А. Завадский настаивал на том, что никогда организационно не был с ним связан, а если что и слышал, то все давно позабыл, увлеченный непосредственной работой в театре. Мой отец, понимавший, что на нем лежит ответственность за судьбы арестованных, отстаивал преимущественно «игровой момент» по «системе Станиславского», точно так же отказываясь признавать существование каких-либо организационных форм.

В результате только несколько человек — Ф. Ф. Гиршфельд, А. С. Поль и Е. А. Поль, В. Ф. Шишко, Е. Н. Смирнов и К. И. Леонтьев — признали свое участие в орденской организации, именуя ее то «Орденом Света», то «Храмом Искусств». Впрочем, отвечая на вопрос о последнем, Шишко пояснил, что «Храмом Искусств» называлась «ассоциация, в которой члены Ордена могли приложить свои знания и работать по тому или другому отделу искусства».

Стоит отметить, что за исключением Гиршфельда, уже на первом допросе изъявившего готовность подробно рассказать обо всем, что ему известно по поводу «сборищ» и «рыцарских кружков», и И. В. Покровской, которая вообще не была посвящена в орден, остальные, как правило, поначалу отказывались о нем говорить, ссылаясь на свое «незнание». На последующих допросах они уже признавали существование ордена, однако отказывались называть людей и рассказывать о событиях, ссылаясь на данное ими при посвящении слово хранить все в тайне. Но, избрав однажды путь уступок, такие люди в дальнейшем рассказывали все, что им было известно, не отказываясь и от предложения впредь сотрудничать с органами ОГПУ.

Наиболее подробно о своем пути в «рыцарский кружок» рассказал Гиршфельд, человек, как можно судить, чуждый кругу людей, собиравшихся у Никитиных на Арбате, на квартире Леонтьевых или в студии Завадского на Собачьей площадке. Во всех этих местах Гиршфельд бывал благодаря брату моей матери Николаю Робертовичу Лангу. Последнего арестовали как анархиста еще 5 ноября 1929 года, и во время следствия по делу тамплиеров он уже отбывал срок в Верхнеуральском политизоляторе.

Гиршфельд учился с Лангом в гимназии в одном классе. Ланг ввел его и в кружок своих друзей-студентов, которым в то время А. А. Солонович, доцент МВТУ имени Баумана, читал курс лекций по истории философии и общества, противоречащий догмам экономического материализма.

По свидетельству Гиршфельда, на этих лекциях он встречал литератора Э. С. Зеликовича, К. И. Леонтьева и Е. Г. Самарскую, вместе с которой Н. Р. Ланг учился в институте. Прекращение работы кружка (хотя Гиршфельд об этом не пишет) было связано с арестом Солоновича в апреле 1925 года.

Названные люди представляют для нас безусловный интерес: мы можем понять, как отбирали потенциальных членов ордена. Кроме того, подобные свидетельства развеивают миф о конспирации, из-за которой члены «орденских кружков» якобы не знали друг друга. Солонович читал лекции и на квартире своих знакомых, и у себя дома, и в Музее П. А.

Кропоткина. Переходя из одной компании в другую, люди вступали в дружеские, а то и родственные связи. Например, Е. Г. Самарская была не только приятельницей Н. Р. Ланга, но вскоре стала и его свойственницей, поскольку ее сестра, В. Г. Пухович, вышла замуж за его младшего брата Юрия, студента МВТУ.

Можно проследить также контакты преподавателей и студентов МВТУ с творческой интеллигенцией Москвы (актерами, литераторами, художниками) и с анархистами из Музея П. А. Кропоткина, а возможно, и с другими научными и учебными заведениями столицы.

Н. Р. Ланг ввел Гиршфельда еще и в «мистический кружок» (выражение Гиршфельда). В чем заключался этот «мистицизм», Гиршфельд, к сожалению, не говорит, сообщая только, что по сравнению с аудиторией, которой читал Солонович, этот кружок был весьма ограничен. Собирался он в Афанасьевском переулке на квартире «профессора Консерватории Григория Петровича», где кроме хозяина Гиршфельд встречал Н. Р. Ланга, Н. А. Никитину и другого профессора Московской консерватории — В. И. Садовникова. Какие-то занятия в этом кружке вел и мой отец. Осенью 1925 года эти собрания по какой-то причине были перенесены в квартиру Леонтьевых, на улицу Станкевича, 11, где помимо уже перечисленных лиц и хозяев квартиры бывали «небольшого роста, худощавый антропософ А. В. Уйттенховен, какая-то старушка Надежда Николаевна и брат Ланга — Юрий».

Неясно, какие лекции читали на собраниях этих кружков, но можно предположить, что там шла подготовка к посвящению: посещая эти собрания с весны 1925 года, Гиршфельд осенью или в начале зимы получил предложение вступить в орден. Посвящение происходило на квартире Е. Н. Смирнова в Кадашевском переулке. Там в присутствии «старших рыцарей» А. С. Поля, Смышляева, Никитина и «рыцарей» Королькова, Шишко и Леонтьева в орден вместе с Гиршфельдом были приняты артистка Детского театра Г. Е. Ивакинская, актер 2-го МХТа А. И. Благонравов, его жена актриса Л. И. Дейкун и хозяин квартиры Е. Н. Смирнов.

Но прежде чем рассказать о ритуале посвящения, обратимся снова к показаниям А. С. Поля, который прошел этот путь раньше Гиршфельда.

Поль познакомился с моим отцом, как они оба показывают, в 1924 году, во время одной из лекций, которые отец читал в бывшей Щукинской галерее (по-видимому, по курсу истории изобразительных искусств или современного западного искусства).

Вот что по этому поводу сообщал сам Поль.

"Осенью 1924 года я познакомился с Л. А. Никитиным и вскоре стал бывать у него дома. Мы много беседовали на темы об искусстве и вскоре перешли на темы, имеющие связь с мистикой. После ряда разговоров по этим вопросам, а также по вопросам о связи между искусством и мистикой и мистическим воздействием искусства на человеческую психологию Никитин рассказал мне о возможности ближе подойти к работе в этой области. Однажды, взяв с меня слово хранить в тайне все сказанное, он предложил мне вступить в рыцарский «Орден Света», причем указывал на то, что материалы этого Ордена высокой мистической ценности и что они имеют своим источником глубокую древность. При этом он сказал, что ответ, если он будет положительным, я могу дать в следующий раз. Мне было сказано, что Орден ставит своей задачей духовное перерождение человека, который должен стремиться к благородству и бороться с любой ложью. В то же время за мной остается полная свобода в любое время отойти от Ордена с единственным условием сохранения всего мне известного в тайне. Никаких клятв, тем более связанных с какими-то угрозами, от меня никто не требовал, так как это вообще не было в духе Ордена.

При новой встрече я дал свое согласие, поскольку интересовался проблемами мистики. Особенно верующим я никогда не был, но меня привлекала древность мистики, древность тех легенд, которые я должен был услышать…"

Поль рассказывает о своем посвящении, которое, как он утверждает, происходило в квартире моих родителей на Арбате. Судя по последующим показаниям, все это было

выдумано А. С. Полем, чтобы сохранить тайну участия в ордене П. А. Аренского. Отсюда и утверждение Поля, что посвящение он принимал от моего отца в присутствии В. А. Завадской, а «В. Р. Никитина подошла позднее». Больше он не называет никого, хотя отсутствие других лиц противоречит орденскому ритуалу. Это заставляет думать, что в данном случае Поль был не столь искренен, как хотел казаться. По-видимому, он полагал, что мои родители находятся вне поля зрения ОГПУ (на Кавказе), а если это и не так, то они не станут его опровергать. Так и случилось.

Сама церемония посвящения была очень проста. Руководитель рассказывал «легенду о Древнем Египте», после чего обращался к посвящаемому с призывом «быть гордым и смелым», дорожить рыцарской честью, быть мужественным и стойким в борьбе со злом. Затем он слегка ударял посвящаемого правой рукой по плечу, что имитировало традиционный удар плашмя мечом при средневековом рыцарском посвящении, а присутствующие поздравляли нового «рыцаря». Таким же образом происходило посвящение и В. Ф. Шишко, только было оно на квартире Аренского, который его и посвящал в присутствии В. А. Завадской и О. Ф. Смышляевой.

Посвящение В. Ф. Шишко Аренским и Завадской снова возвращает нас к вопросу о дружеских и родственных связях, на основе которых формировались «отряды» ордена.

Как я уже говорил, первым розенкрейцером стал в Минске Аренский. Можно не сомневаться, что по возвращении в Москву именно он был инициатором привлечения к розенкрейцерству Смышляева и М. Чехова. Завадский со своей сестрой присоединился к ним несколько позже, так как осенью 1920 года они находились еще на юге, отрезанные от Москвы фронтом. Но В. А. Завадская была ученицей Шишко по классу фортепьяно в Харькове, поэтому, когда тот приехал в 1924 году в Москву из Харькова, то оказался в доме Аренского и вскоре стал пианистом в Студии Ю. Завадского (до 1928 года).

По словам Шишко, именно В. А. Завадская и предложила ему вступить в орден и объяснила, что задачей его является служение с помощью искусства всем людям, «нуждающимся и отягощенным жизнью и заботами». Перед посвящением «была рассказана легенда о происхождении мира, — показывал 1 октября 1930 года на допросе Шишко. — Самый ритуал посвящения состоял в следующем: тот, кто посвящал, имел в руках белую розу и говорил, чтобы вступающий был мужественен, так как его ожидает на пути много препятствий. Главная же задача — в помощи близким, в совершении добра. Тот, кого посвящали, если он соглашался со всем, что слышал, должен был ответить — „от мрака к свету". Вступающий должен был сохранять в тайне свое посвящение. Нарушивший слово подвергался как бы мистическому отлучению от Ордена, в чем и заключалось его наказание…».

Посвящение Гиршфедьда, Благонравова, Дейкун, Ивакин-ской и Смирнова происходило осенью 1925 года на квартире Смирнова в Кадашевском переулке. Фактически этим посвящением было положено начало кружку, руководителем которого несколько позднее стал А. С. Поль.

Как явствует из показаний, ритуальная сторона «рыцарских собраний» была предельно проста. Приветствуя друг друга, «рыцари» младших степеней (степени первой? — А. Н.) складывали руки на груди крест-накрест; старшие «рыцари» клали руку на пояс или на талию, напоминая тем самым об отсутствующем мече. Знаком «рыцаря» второй и более высоких степеней (всего их предположительно в ордене было семь или восемь) служила белая роза. Рассказывая собравшимся очередную легенду, он держал ее в руке, или же она лежала (стояла) перед ним на столе. Можно предполагать, что эта роза в какой-то мере была связана с символикой розенкрейцерства, хотя прямо утверждать это невозможно, поскольку члены ордена давали ей различное толкование. По словам А. С. Поля, она была «символом любви и бесконечности», а по словам его жены — «символом чистоты».

Определенную роль в ритуале собраний и в орденской практике играло Евангелие, причем особое значение отводилось Евангелию от Иоанна, а также его Откровению (Апокалипсису). Главным для ордена был культ Богоматери и Иисуса Христа — во внедогматическом осмыслении.

Исключительно почиталась членами ордена икона Владимирской Божьей Матери, раскрытая из-под поздних записей реставраторами в 1918 году. Подтверждается это тем, что знаком ордена оказывается не восьмиконечный крест исторических тамплиеров и не «злато-розовый крест» розенкрейцеров, а голубая восьмиконечная звезда. И хотя, по словам Поля, она «символизировала надзвездный мир восьми измерений», в христианской иконографии такой знак напрямую связан с образом Богоматери (например, «Неопалимая Купина») и с Христом («Спас в силах» и пр.).

Это находит подтверждение в показаниях Е. Н. Смирнова, приоткрывшего именно христианскую направленность ордена на допросе 23 ноября 1930 года.

«Цель „Ордена Света‟ чисто эстетического порядка, — писал он, — нравственное самосовершенствование личности через восприятие христианских основ и воспитание в себе рыцарских христианских добродетелей. Рыцарь — понятие этическое, как лицо, совершающее нравственные поступки. Очищение христианских основ от накопившихся столетиями догматов, затушевавших лик Христа-рыцаря [Сравнительно необычное для православной иконографии изображение Христа в рыцарских доспехах на „Четырехчастной‟ иконе XVI века из Благовещенского собора Московского Кремля], а иногда и прямого обмана церкви — вот устремление участников Ордена. Легенды возвышают дух и сердце слушателя и нравственно его питают. Как искусствовед, видящий в искусстве также серьезную пищу для человеческого духа, я высоко ставлю легенды, как моменты высоких образов. Сочетание этического и эстетического момента всегда облагораживает душу. Обрядовая сторона Ордена сопутствовала самосовершенствованию, хотя и имела второстепенное значение: посвящение — как обещание подражать христианским добродетелям, хотя, как христианин, я давно уже посвятил себя Христу…»

Такое «исповедание» сына священника, брошенного в тюрьму в 1924 году только за то, что он пригласил друзей семьи совершить в доме панихиду по умершему отцу, приоткрывает глубоко религиозную направленность ордена, от которой всячески пытались уйти в своих показаниях арестованные «рыцари». В те времена связь с церковью, присутствие на богослужении, признание собственного религиозного чувства и веры в Бога могли привести к самым тяжелым последствиям. Найденные при обыске Библия или Евангелие квалифицировались как «хранение антисоветской литературы и антисоветская пропаганда». Любой интерес к духовности и религии, к идеалистической философии, уже одним своим существованием ставившей под сомнение «абсолютные истины» марксистских догм, представлялся свидетельством заговора против господствующего режима.

Из приведенных примеров видно, как складывались начальные кружки, объединявшие родственников и друзей, затем единомышленников из числа знакомых, позволяя отбирать людей мыслящих, ставящих духовные интересы и моральные принципы выше житейских, а смысл своей жизни полагающих в чем-то большем, чем бытовая обеспеченность и служебное преуспевание. Характерно прорвавшееся уже на втором допросе признание Гиршфельда, которое позволяет думать, что дом на Арбате он покинул потому, что для него «эти собрания перестали быть интересными» и в нем «крепло трезвое материалистическое марксистское мировоззрение».

Видимо, то обстоятельство, что его интересы были «совершенно другого порядка», тут же заметили и соответствующим образом оценили окружающие. По словам Гиршфельда, «они говорили, что я разлагаюсь: что начинаю жиреть, приобретать буржуазные замашки, делать советскую карьеру и т. п. Меня это настолько оскорбило, что я перестал у них совершенно бывать…».

Оно и неудивительно. «Органическое отвращение ко всяким ритуалам» Гиршфельда возбуждалось, как можно предположить, именно христианским и христологическим аспектом орденского учения и символики. Ему, убежденному материалисту, вообще должно было быть не слишком уютно в среде творческой московской интеллигенции, пытавшейся отстоять свой духовный мир от посягательств партийного пролетариата. Поэтому совсем не случайно в его показаниях мы обнаруживаем отзыв о ГАХН, которая, по его словам, «была убежищем для представителей идеалистических течений самых разнообразных толков» и ареной орденской пропаганды, поскольку в Секции живого слова «Смирнов был ответственным секретарем, а Поль — одним из членов Совета». "Насколько мне помнится, — продолжал Гиршфельд, — в этой секции было несколько выступлений Солоновича, одно из них на тему о Бакунине. Были выступления Никитина о египетском искусстве и Смышляева о творчестве актера <…> Нужно сказать, что обстановка на публичных выступлениях в ГАХН носила весьма специфический характер, и зачастую приходилось просто удивляться, что в Советском Союзе могли открыто проводиться ничем не прикрытые антимарксистские и антиматериалистические взгляды. ГАХН до самого последнего времени была оплотом вырождающейся интеллигенции, не сумевшей приложить своих сил в деле социалистического строительства, и только в прошлом году благодаря кампании, поднятой

«Комсомольской правдой», старый состав ГАХН был раскассирован…"

Действительно, в 1929 году Академию разогнали, а большинство ее членов и сотрудников рано или поздно были перемолоты советской репрессивной машиной. Так прекратилась жизнь одного из последних культурных центров России.

Но чем занималась в «рыцарских кружках» эта «вырождающаяся интеллигенция»?

Об одной стороне ее деятельности — благотворительной — я уже говорил. Другая сторона жизни ордена — внутренняя — приоткрывается нам в приведенном показании Смирнова. Об этом свидетельствует и Е. А. Поль, давая понять, что «рыцари» на некоторых заседаниях выступали со своего рода «исповедью», рассказывая о своих поступках, которые затем обсуждались. Наконец шла собственно орденская работа, способствующая развитию и совершенствованию «рыцарей», — изучение легенд, оккультной, духовной и прочей литературы, распространение ее в рукописном и машинописном виде, а также новые переводы по этой тематике с европейских языков. У ордена была и пополняемая «рыцарями» библиотека. Она находилась где-то под Москвой и насчитывала несколько сотен книг. Они были отмечены в рукописных каталогах, которыми могли пользоваться члены ордена. К их услугам была богатая и тоже регулярно пополнявшаяся за счет пожертвований библиотека-читальня при Музее П. А. Кропоткина. Была сделана попытка создавать собственную переплетную мастерскую, которой особенно интересовались следователи ОГПУ.

Но в центре были все-таки легенды, первоначально сообщавшиеся «рыцарям» только устно.

Прослушав цикл из восьми — десяти легенд, «рыцарь» переходил в следующую орденскую степень. Рассказчиками (и комментаторами), как явствует из показаний, выступали обычно Аренский, Смышляев и Никитин, позднее — и А. С. Поль. Все это относится к 1924 — 1926 годам, поскольку к концу этого периода Гиршфельд уже был изгнан из ордена, а Шишко и Поль показывали, что в 1927 году всякая орденская деятельность прекратилась. Однако вряд ли этому можно верить, так как показания И. В. Покровской относятся к периоду после 1928 года, когда происходят благотворительные концерты в Студии Завадского, лекционные выступления в ГАХН и Музее П. А. Кропоткина. Поэтому отсутствие информации за последние годы можно объяснить не бездействием «рыцарей», а изменившейся политической обстановкой в стране и ужесточением политического контроля, что заставило изменить формы организации и работы ордена.

Показания арестованных содержат крайне расплывчатые сведения об орденских легендах. Выбрав на допросах позицию «потери памяти», Завадский писал: «Содержание легенд мне не по силам передать, оно туманно, путано, сложно. Я и тогда их тотчас забывал, а сейчас совершенно не помню. Общий их смысл был обращен к духовному подъему человека…» Сходным образом охарактеризовала их и Е. А. Поль, утверждая, что «легенды, рассказываемые Никитиным, по своему содержанию очень непонятны и запутанны, похожи на фантастическую сказку, почему я думаю, что он их сам сочиняет». Ее муж, неоднократно возвращавшийся в своих показаниях к легендам, напротив, полагал, что они «представляют собой очень древние материалы мистического содержания».

Первая легенда цикла (ее рассказывали при посвящении в 1-ю степень) повествовала о корпорациях жрецов Древнего Египта. Те из них, кто учил народ о переселении душ умерших в других людей или в животных, на самом деле полагали, что души переселяются на другие планеты. Другие же, кому было доступно сокровенное знание, кто прошел все ступени жреческого посвящения, верили, что на самом деле происходят не перевоплощения душ, а их восхождение и нисхождение, в зависимости от предшествующей жизни: вверх, к истинному Свету, или вниз, для новых воплощений, которые помогут разбудить в каждой душе божественные искры, тянущиеся к своему первоисточнику. И задача каждого живого существа, в особенности человека, — способствовать этому процессу.

Другая легенда рассказывала об Атлантиде — гораздо более древней, чем «платоновская», об Атлантиде, населенной атлантами, в которых человеческое начало соединилось с началом ангельским, и этот таинственный союз помогает совершенствоваться другим жителям Земли. Легенды повествовали об устройстве различных «космосов», которые мы, пожалуй, назвали бы сейчас «параллельными мирами»; о сотворении нашей Вселенной; о восстании ангелов против того демиурга, который создал наш мир, допустив в него зло, и попытался обречь человека на рабство незнания. Согласно легендам, часть атлантов спаслась во время гибели своей родины, и их потомки впоследствии жили в Древнем Египте в обширных подземных лабиринтах, передавая сокровенное знание посвященным, в том числе и египетским жрецам, — у них и заимствовали свои предания древние гностики.

Безусловный интерес вызывают легенды, в которых упоминаются Эоны — высочайшие духи, взявшие на себя миссию посредников между космосами духов и миром людей, проводники восхождения душ к Свету. Согласно учению гностиков, Христос был воплощением Эона Любви и принес на Землю учение о том, что зло не существует само по себе, как не существует сама по себе тень. Зло — это результат незнания, подобно тому как и тьма не имеет своей изначальной сущности, указывая только на отсутствие Света, при появлении которого она рассеивается и исчезает.

Учение об Эонах связывалось со средневековой легендой о Граале — чаше, в которую, согласно преданию, была собрана кровь Христа, пролившаяся из Его раны после удара копьем во время распятия. Это уже прямой путь к сюжетам европейского средневековья — эпохи крестовых походов, когда исторические тамплиеры действовали на Ближнем Востоке и в Европе, а затем и к XIX веку, когда возродился интерес к рыцарству и тайнам средневекового оккультизма.

И все же, как единодушно объясняли все допрашиваемые, главным в этих легендах был не сюжет, а его мистическое — таинственное, духовное — переживание слушателями. Здесь не было никаких «установок». Старший «рыцарь», излагавший легенду, даже отвечая на конкретные вопросы, неизменно подчеркивал, что его ответ заключает в себе не истину, а только его личное мнение, и оно ни в коем случае не обязательно для присутствующих, которые сами могут как угодно трактовать услышанное. Общий же смысл обсуждавшихся легенд, по словам Гиршфельда, сводился к тому, «что Земля находится в плену у темных сил и цель каждого рыцаря — борьба с этим злом. При этом указывалось, что торжество светлого

начала над темными силами в пределах человеческой жизни неосуществимо и может разрешиться только в бесконечности».

Откуда пришли эти легенды? Был ли у них автор и кто это был? Созданы ли они в наше время, в пору увлечения экзотическими религиями Востока, или действительно какие-то из них пришли из глубокой древности, хотя, может быть, и не теми путями, о которых рассказывают орденские предания? Мне представляется, что сейчас еще не время ставить эти вопросы из-за отсутствия достаточной информации; я вижу свою задачу в том, чтобы сделать попытку разобраться в фактическом материале следственного дела, отделив вымысел от правды и получив таким образом возможность по-новому взглянуть на события культурной и духовной жизни русской интеллигенции 20-х годов.

И все же, затронув содержание этих легенд, как они рисуются из следственного дела, нельзя не отметить, что некоторые сюжеты и имена поразительно соответствуют сочинениям раннехристианских гностиков, которые совсем недавно, после Второй мировой войны, были найдены археологами в Верхнем Египте, в окрестностях Мертвого моря и ряде других мест.

Одно из таких соответствий обнаруживается даже в обвинительном заключении по делу рыцарей «Ордена Света». Во время обысков у некоторых арестованных, в том числе у А. А. Со-лоновича, были изъяты машинописные экземпляры его сочинения «Бакунин и культ Иальдобаофа». Следователи, по-видимому пользовавшиеся консультациями специалистов, а вместе с тем и своим «революционным чутьем», в общем правильно определили Иальдобаофа в качестве аналога ветхозаветного «врага рода человеческого», то есть сатаны, с которым христианская Церковь еще на заре своей юности вступила в многовековую борьбу, живописуя своего противника и уделив ему едва ли не больше внимания, чем Богу.

Между тем этот древний образ, ставший известным из гностического сочинения, условно называемого «Апокриф Иоанна», открывает перед нами представления гораздо более сложные и глубокие. Будучи рожден «от мира высшего», Иальдобаоф, согласно учению гностиков, не ведал ни своего происхождения, ни существования других божественных сущностей. Почитая себя единственным демиургом, он сотворил весь низший мир, в том числе и человека, отдав ему по неведению частицу своей божественной сущности. Благодаря этому человеку открылся путь в высшие миры, куда хотел не допустить его Иальдоба-оф. Против него и восстает человек, овладевая знанием из источника, указанного Зонами.

Иальдобаоф — это воплощение бездуховности и беспредельного властолюбия, с которым, как писал Солонович, «надо беспощадно бороться, ибо по следам Иальдобаофа ползут лярвы [Так в Европе со времен средневековья назывались низшие, темные сущности невидимого для человека мира]» и «бесовская грязь пакостит души людей и их жизни…»

Солонович не фигурировал в показаниях ни одного из раскаявшихся как «рыцарь» или руководитель кружка с «рыцарской» направленностью. Никто не встречал доцента МВТУ на воскресных «сборищах» у моих родителей, и только однажды о нем упомянул Гиршфельд. Между тем — и здесь можно согласиться со следователями ОГПУ — скорее всего, именно Солонович, о котором они так настойчиво расспрашивали арестованных, оказывается фигурой, объединявшей всех этих людей и дававшей импульс орденскому движению.

В этом убедило признание Леонтьева, которое проливало свет на связь кружков с Солоновичем.

"Кружок мистико-анархического направления, именуемый «Орденом Света», — писал Леонтьев, — ставил своей задачей ознакомление с этикой мистического анархизма. В основе ее лежала христианская этика, очищенная от примесей церковного догматизма. В образе «рыцаря» мыслился человек самоотверженный, осуществляющий любовь и добро в жизни. Одним из основных положений этой этики было то, что как в жизни личной, так и общественной — в политике, цель не может оправдывать средства. Это значит, что как бы ни была высока цель, она не может осуществляться нечистыми средствами, как, например,

ложь, насилие над совестью, спекуляция на народной темноте и дурных человеческих инстинктах.

Занятия кружка и заключались в том, чтобы во время встреч, которые происходили раз или два раза в месяц, разбирались те или иные вопросы этики, возникающие при чтении и рассказывании легенд и лекций А. А. Солоновичем".

Признания Леонтьева в известной мере размыкали замкнутый предшествующими показаниями круг. Остановившись на людях, так или иначе связанных с домом моих родителей, я поначалу упустил из виду факт, который привлек мое внимание, когда я еще знакомился со списком арестованных. Там были названы лица, чьих имен я никогда не слышал. Больше того, читая их показания, я видел, что и они, со своей стороны, не знали ни моих родителей, ни тех людей, которые входили в «отряды рыцарей» ордена. Не знали их и «рыцари» — ни те, кто принимал посвящение, ни те, кто посвящал и руководил кружками. Например, я с удивлением узнал, что А. И. Смоленце-ва, близкая подруга моей матери еще по Беломорканалу, познакомилась с ней даже не в камере, а уже в «пересылке» Бутырской тюрьмы. А знакомство моих родителей с ее мужем, И. Е. Рытавцевым, произошло только во второй половине 30-х годов. По-видимому, также не были они знакомы с Богомоловым, Аскаровым, а возможно, и с Андреевым — анархистами по преимуществу, у которых превалировала политическая сторона дела.

Только позже, анализируя имена, названные в показаниях арестованных, удалось проследить «связь» Смоленцевой и ее мужа — через студента МВТУ Маклецова — с Е. К. Бреневым, к которому тот одно время заходил. Далее нить тянулась к Солоновичу, Бему и Ляшуку, которых Смоленцева тоже не знала. Последние уже напрямую были связаны с анархистами Кропоткинского и Карелинского комитетов и с Музеем Кропоткина, то есть с Андреевым, Аносовым, Богомоловым. Г. Ильин входил в группу Н. Р. Ланга, работавшую в библиотеке-читальне музея. Если же к этому добавить, что Ильин был сыном того самого инженера Ильина, который уступил моим родителям в доме на Арбате одну из своих комнат, то круг знакомств окажется дважды замкнутым.

Иными словами, собранные осенью 1930 года в Бутырской тюрьме люди, с точки зрения органов ОГПУ, представляли собой некое «единство» — хотя и разноликое в политическом отношении, но вписывающееся в представления следствия. Однако действительный интерес вызывает не «поляризация» этих двух все же разнородных групп, а те контакты между ними, которые координировались Никитиным, Завадским, Аренским, Смышляевым. За ними же начинает вырисовываться фигура Аполлона Андреевича Карелина.

С ним были связаны и анархисты старшего поколения. Андреев, попавший в 1919 году в засаду ЧК на квартире Карелина и арестованный, затем являлся членом Секретариата «Черного Креста» и Комитета по увековечению памяти Карелина. То же самое относится и к Аносову, работавшему в Секретариате ВФАК вместе с Богомоловым. У Карелина встречались Бренев, Солонович, Преферансов, Аренский и Смышляев. Завадский же прямо указывал на него как на первоначальный источник легенд.

"Не помню, при каких условиях я познакомился с Карелиным, — писал режиссер, — кто и когда меня к нему привел, знаю только, что он мне представлялся человеком, принятым Советской властью и вполне лояльным. Он жил в 1-м Доме Советов (гостиница «Националь». — А. Н.) и сам мне рассказывал о своих хороших отношениях с А. С. Енукидзе, которому, в свою очередь, я как-то рассказал о своем знакомстве с Карелиным… В те времена, воспитанный моим учителем по театру Е. Б. Вахтанговым в большой мере идеалистически, я интересовался всевозможными философскими и мистическими проблемами. Карелин меня тогда заинтересовал своей философией — я сейчас совершенно не в силах восстановить в памяти (так это для меня далеко сейчас) подробное содержание его взглядов, но помню только, что они были очень отвлеченными и туманными, касались

главным образом проблем подсознательной работы, проблем душевных и духовных сущностей и т. д.

У Карелина я встречал Смышляева, жену Солоновича, мою сестру — В. А. Завадскую, Аренского и ряд лиц, которые, промелькнув, вовсе не остались в моей памяти. Белая роза — его любимый цветок — часто стояла у него на столе. Карелин рассказывал легенды, потом слушатели задавали вопросы и беседовали… Иногда вместо Карелина у него в квартире вел с нами так,ие беседы Солонович…"

И наконец, в показаниях А. С. Поля содержится прямое утверждение, что возникновение «Ордена Света» связано с возвращением из Франции в Россию Карелина, который во время вынужденной эмиграции был посвящен в тайны ордена, достиг известных степеней и принес в Москву его легенды и структуру.

Но кто такой Карелин? Вопрос этот, как мне представляется, занимал тогда многих людей, и в первую очередь следователей ОГПУ, почему-то с особой настойчивостью расспрашивавших, кто присутствовал на похоронах Карелина, какие цветы лежали на его гробе, какая музыка исполнялась и почему пели «не наш гимн» и на каком-то другом языке… Создавалось впечатление, что, по мере того как увеличивалось пространство времени, отделявшее смерть Карелина в марте 1926 года от последующих событий, интерес к этой фигуре у следователей возрастал, причем уже чисто профессиональный, хотя о покойном вожде анархо-коммунистов ничего порочащего вроде бы сказано не было.

Поэтому ответ на вопросы о Карелине приходилось искать в других источниках. На этот раз — у анархистов.

Рыцарь Сантей

История русского анархизма, очень разнообразного по своим лозунгам и целям, вряд ли будет написана в ближайшее время. Препятствием служит как бедность документальных материалов, так и традиционный взгляд на анархизм как на политическое учение. Я полагаю, что это — скорее одно из религиозно-мистических движений нового времени, задрапированное в политические лозунги для оправдания своего крайнего радикализма.

В самом деле, несмотря на ярко выраженную антисоциальную (и даже террористическую) деятельность, на конспирацию, группировки, союзы и прочие признаки политической организации, анархисты — даже их «левое» крыло — не выработали позитивной программы развития общества. Они выступали против всего, что обеспечивает его развитие, — против государственной организации, централизованного управления и прочее. Что же касается их призывов и обещаний, то последние принадлежат скорее области религиозно-этических учений, а не социальных реформ.

Задумаемся над "идеями «безвластия», «экспроприации экспроприаторов», «уничтожения частной собственности», «свободы, равенства, братства и справедливости», несущих в себе несовместимые требования («равенство» исключает «справедливость» и наоборот). За этими идеями — чаяния ранних христиан и наивная вера крестьян и ремесленников средневековья во всеобщую «уравниловку», вековечная мечта о «царствии Божием» на земле.

Фундаментом становилась не борьба за конкретные реформы, а протест против «социальной несправедливости», «абсолютного зла», предстающего в виде «государства», «собственности» или «эксплуатации». Анархисты считали, что действительность — это не результат общественной эволюции, а лишь арена деятельности злоумышленников

(«властников»), которые в ущерб обездоленным и бесправным массам пользуются преступной склонностью людей к богатству.

Знакомство с биографиями рядовых анархистов показывает, что обычно это были люди легко возбудимые, готовые на подвиг во имя «идеи», однако не привыкшие задумываться над последствиями своих поступков. Они происходили чаще всего из малообеспеченных слоев городского и сельского населения: уже в юности они оказывались свидетелями или жертвами социальной несправедливости. Она ассоциировалась в их сознании не столько с конкретными личностями, сколько со всей социально-политической системой общества. Склонные к гипертрофическим обобщениям и болезненной чувствительности, к переоценке собственной личности, анархисты возлагали всю ответственность за происходящее на окружающий мир, обличая его так же страстно, как обвиняли когда-то Рим и Вавилон иудейские пророки и христианские проповедники.

Говорят, что революции делают молодые. Это подходит и к анархистам. Активной политической деятельностью занималась обычно «зеленая» молодежь, которая не успела получить систематического образования и не определила свою дорогу в жизни. Не потому ли с годами революционное движение покидало большинство его участников? Они находили свое место в обществе, оставляя не только свои заблуждения, но и тех соратников, которые не нашли в себе силы принять вызов жизни. За ее бортом оставались люди с неустойчивой психикой, неудачники, а также «профессионалы», которые объявляли свой образ жизни «борьбой за счастье человечества». Впрочем, были и исключения из правила.

По мере того как в анархическом движении прошлого века происходила смена поколений, в нем (и несколько в стороне от него) появлялись фигуры людей зрелых, широко образованных, которые приступали к теоретическому осмыслению анархизма. Как правило, такие люди не запятнали себя кровью жертв террористических актов, не принимали участия в вооруженных конфликтах с правительством. Душевная ранимость, чувство личной ответственности за несовершенство социального устройства, умение сострадать человечеству, стремление к его просвещению и освобождению от бед материальной нужды, сословных и национальных проблем — все это выводило их далеко за пределы анархистского движения. Прежде такие люди обычно становились религиозными реформаторами. Но во второй половине XIX века в России и в Европе все, связанное с церковью, казалось образованному большинству полностью скомпрометированным. Сама мысль о тождестве требований «апостолов анархизма» с идеями христианства казалась молодежи кощунственной.

То, что «программа» анархистского обустройства общества в основном совпадает с евангельскими заветами, открылось много позже. Стало ясно, что идеалы будущего — лишь идеализируемое прошлое. Их творцы были романтиками, а романтический ум склонен искать в прошлом ответы на загадки настоящего. П.-Ж. Прудон, М. Штирнер, П. А. Кропоткин, Л. Н. Толстой, даже М. А. Бакунин, единственный из них практик революции, — все они, в конечном счете, строили свои теории общественного переустройства не на политико-экономических предпосылках, а исключительно на постулатах

Нагорной проповеди. Удачные опыты «натуральной» организации общества они усматривали в «вольных городах» и городских цехах европейского средневековья, в общинах ессеев, в жизни первобытных народов, даже у «общественных насекомых» — пчел, муравьев и термитов. Столь резкий антиисторизм подчеркивает утопичность теоретиков анархизма, чаяния которых были разбиты революцией 1917 года и последующими событиями.

Анархисты оказались полезны для большевиков, когда требовалось экспроприировать и пустить по ветру накопленное предшествующими поколениями, отбиваться от «белой армии». Именно тогда ярко проявилась неспособность анархистов к созидательной деятельности, их нежелание и неумение работать. С этим согласились даже их теоретики, которые поняли бесплодность своего движения в новой жизни.

Совершенно исключительное явление в этом плане представляет собой Аполлон Андреевич Карелин (1863 — 1926). Крупнейший (после М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина) теоретик и организатор анархистского движения, он очень рано понял его сильные и слабые стороны и постарался сориентировать его на формирование новой личности, возвращая человеку, оскопленному примитивным экономическим материализмом, сознание его духовной ценности «в мирах и веках», разрушая при этом догматические барьеры ортодоксальных конфессий.

А. А. Карелин родился в Санкт-Петербурге в семье «свободного художника-фотографа» А. О. Карелина (1837 — 1906), вписавшего одну из самых блестящих страниц в историю отечественной художественной фотографии. Вскоре семья переехала в Нижний Новгород, где поселилась в доме, который занимал раньше Н. Г. Чернышевский. Род Карелиных был достаточно известным и древним, состоял в родстве и свойстве со многими аристократическими семьями России (по женской линии А. А. Карелин был в близком свойстве с М. Ю. Лермонтовым). Однако демократический уклад семьи способствовал раннему приобщению гимназиста к нелегальной литературе (журналы «Набат», «Вперед», народовольческие брошюры). Это наложило резкий отпечаток на его мировоззрение, утвердило в необходимости «служения народу». Известную роль сыграла и более серьезная литература — сочинения Лассаля, Чернышевского, Лаврова, Герцена. Эти книги он получал от знакомых пропагандистов, связанных с М. А. Бакуниным.

Результаты не заставили себя ждать. Впервые Карелин был арестован 7 марта 1881 года по делу «первомартовцев» (убийство Александра II). Был установлен факт его антиправительственной пропаганды среди столяров, и это обошлось ему в полгода тюрьмы. Экзамен на аттестат зрелости Карелину пришлось держать экстерном только в следующем году, после чего он уехал в Казань, где поступил подмастерьем в одну из столярных мастерских. Осенью его опять арестовали, сослали в город Цивильск, откуда Карелин бежал, перейдя на нелегальное положение. Скрываться пришлось недолго: весной 1883 года он попал в Петропавловскую крепость, в которой провел 14 месяцев, после чего был направлен в ссылку под надзор полиции в Семипалатинскую область. Там началась его литературная и научная работа. Свою первую статью — «Об Ульбитской общине» — он послал в «Восточное обозрение» Ядринцева, а в «Юридический вестник» — статью «Отхожие и кабальные рабочие». Так к двадцати одному году у Карелина определился круг интересов на всю последующую жизнь: экономика России и устройство общинной жизни. На этой основе и складывалось его анархическое мировоззрение.

Вернувшись из ссылки в Казань, Карелин стал работать журналистом в газетах «День», «Волжский вестник», «Казанский биржевой листок». В 1888 году он экстерном сдал экзамен (при Казанском университете) на звание кандидата юридических наук, однако в 1890 году был опять арестован. Его вскоре выпустили на свободу, но уже в 1892 году сослали сначала в Яренск, а затем в Вологду, где Карелин прожил до 1898 года. На этот период приходится его интенсивная литературная деятельность. Свои статьи в «Экономическом журнале», «Русской мысли», «Северном вестнике» и других изданиях Карелин печатал под псевдонимами. Известность принесли ему две книги — «Общинное владение в России» (1893) и «Краткое изложение политической экономии» (1894), — которые обеспечили ему место в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона.

После Вологды Карелин переезжает в Юхновский уезд Смоленской губернии, где служит секретарем земской управы, затем — в город Елец Орловской губернии. Одновременно он сотрудничает в местных газетах. В 1900 году Карелин уезжает в Иркутск и вплоть до 1905 года ведет жизнь плодотворного журналиста, выступая также в Иркутском уголовном суде, защищая малоимущих и неимущих. Весь свой гонорар он возвращает подзащитным, «чтобы помочь начать им новую жизнь». Эволюционируют и его политические взгляды. Начав народником, Карелин к началу 900-х годов становится эсером, но в революции 1905 года

принимает участие уже как анархист. Его арестовывают, он получает свободу по октябрьской амнистии, но почему-то вынужден бежать за границу из-за угрозы смертной казни, как сообщали близко знавшие его люди.

Анархические убеждения Карелина формировались в процессе изучения обычного права земельной общины в Сибири и общины старообрядцев «поморского согласия» на Русском Севере, у которых (как я покажу ниже) Карелин нашел воплощение чуть ли не коммунистических идеалов. Очень может быть, что эти его наблюдения возбудили в нем интерес и к первоосновам христианства.

Однако хронологическая канва жизни Карелина оставляет без ответа другие, более важные вопросы. Например, где и когда Карелин был посвящен в орден? В статье Юрия Аникста, направленной против А. А. Солоновича (о нем я буду говорить особо), есть строки, позволяющие думать, что Карелин получил посвящение еще до отъезда в Париж, куда он явился с рекомендательными письмами из России.

В Париже Карелин оказался в центре политической и культурной жизни Европы. Он читает лекции в Высшей школе социальных наук, ведет энергичную работу по объединению разрозненных группировок русских анархистов в «Братство (Федерацию) Вольных Общинников», создает новые журналы и газеты, сотрудничает в уже имеющихся.

Карелин развернул и широкую организационную работу по созданию пропагандистских кружков, изданию книг и брошюр, установлению связи с Россией по суше и через матросов Балтфлота. По аналогии с «Красным Крестом» он создает

«Черный Крест помощи заключенным и нуждающимся анархистам» — организацию, которая сыграла впоследствии огромную роль уже на русской почве. У Карелина хватило энергии начать и в течение ряда лет издавать в США на русском языке газету «Голос труда», которая, по замечанию П. А. Кропоткина, была образцом для такого рода изданий. Наконец, Карелин попытался в 1913 году сначала в Льеже, а потом в Париже провести объединительный съезд всех анархо-коммуни-стов, который был сорван их цюрихской группой, пустившей в ход интриги и клевету, чтобы не потерять влияния на массы.

В политической и общественной деятельности Карелина в Париже нет ничего загадочного. Этого не скажешь о другой стороне его жизни, о том, что стало главным по возвращении в Россию. Но здесь мы вступаем в область предположений и догадок.

Человек энциклопедически образованный, Карелин вращался не только в эмигрантской среде. Свободно владея несколькими европейскими языками, он занимался в научных библиотеках, выступал с публичными лекциями, работал в архивах. Он общался с французской интеллектуальной элитой. Многие ее представители были членами масонских лож и тайных орденов. Интерес этих организаций к распространению своего влияния в России открыл их двери для русских.

То была эпоха растущего интереса к таинственным явлениям, к эзотерическим учениям Востока. Открытия археологов, расшифровка древних текстов (среди которых были и сочинения гностиков), революция в естественных науках — все это, казалось бы, подтверждало идеи оккультистов. В такой обстановке интерес Карелина к этическим проблемам будущего общества, который еще в России приобрел у него религиозный оттенок, получил во Франции развитие на основе европейской орденской мистики.

В Россию Карелин вернулся осенью 1917 года. Широкоплечий, с окладистой бородой и густой гривой волос, он, по свидетельству современника, «походил на могучего викинга или древнего русского богатыря». Это впечатление смягчалось очками с неожиданно маленькими стеклами, за которыми сияли внимательные, располагавшие собеседника к доверию глаза.

Когда П. А. Кропоткин разочаровался в революции и не встретил понимания у своих последователей, он отошел от политической и общественной деятельности, удалился в добровольную ссылку в Дмитров. Карелин же очень скоро завоевал на родине популярность

многочисленными выступлениями, газетными и журнальными статьями, брошюрами. Переехав вслед за правительством из Петрограда в Москву, он вместе с А. Ю. Ге и Р. З. Эрмандом согласился войти в состав ВЦИКа, основав там анархистскую фракцию исключительно на правах наблюдателей (они не принимали участия в решениях, даже воздерживаясь от голосования). Вместе с тем, к негодованию большинства депутатов, Карелин не упустил возможности выступить с протестом против начавшегося «красного террора». Особенно страстно он ратовал за отмену смертной казни, посвятив этому вопросу специальную брошюру, которая была напечатана только после его смерти и — в Америке.

На 1918 год приходится пик организаторской деятельности Карелина — насколько позволяли обстоятельства. Он создал наконец давно задуманную Всероссийскую Федерацию анархистов и анархо-коммунистов (ВФАК), продолжал работу по объединению разрозненных течений и групп, вел обширную переписку с анархистами всей России, издавал газету «Свободная Коммуна», а позднее — журнал «Вольная жизнь». После того как Карелин стал членом Секретариата Московского Союза Анархистов, его силами был создан Клуб Анархистов в Леонтьевском переулке. Когда же с 1921 года анархизм начал испытывать все большее гонение со стороны властей, а анархисты стали пополнять тюрьмы и концлагери, Карелин возобновил в 1924 году издание в США газеты «Рассвет» и способствовал изданию журнала «Пробуждение», который служил до 1931 года органом почти исключительно анархо-мистиков. Именно там печатали статьи по вопросам культуры и искусства московские тамплиеры.

Если судить о Карелине только по статьям и брошюрам, опубликованным в открытой печати в 1917 — 1923 годах («Вольная деревня», «Как жили и будут жить крестьяне», «Что такое анархия», «Россия в 1930 году» и другие), то перед нами предстанет теоретик анархо-коммунизма, выступающий с общинных позиций. Исходя из утверждения, что земля — ничья, поскольку «никем не сделана», Карелин делал вывод, что она и не должна никому принадлежать: право на нее имеет каждый, кто ее обрабатывает (и до тех пор, пока обрабатывает). Земля должна отойти крестьянам бесплатно, никому никаких податей с нее платить не надо, ибо «когда Адам пахал, а Ева пряла, где были дворяне?». Все помещичье имущество должно быть разделено между крестьянами «по едокам»; мебель и одежду следует поделить по домам уравнительно, передав остатки в мирское пользование; сельскохозяйственный инвентарь должен находиться исключительно в общинном владении, чтобы крестьяне могли поочередно работать на плугах, молотилках, веялках. «Ну а потом, — уверял Карелин, — и так устроим, что все равно, что город, что деревня, — как будто одним братством будем жить. Все, что надо в деревне, крестьяне в городе возьмут: все, что надо городу, рабочие в деревне возьмут. Сегодня в деревне, а на зиму в город работать пошел, а летом на сенокос или жатву из города рабочие в деревню придут помочь нам убраться…»

Не только теперь, когда мы пережили опыты построения сельско-городской жизни, но и в те времена, когда писал Карелин, эти идеи вызывали улыбку. Такая идиллия могла иметь место разве что в начале средневековья. А ведь писал это человек широко образованный, хорошо знавший и крестьянский труд, и городскую жизнь. Видимо, он был неисправимым мечтателем-утопистом, который чаял «Царства Божия на земле», а потому жил в двух измерениях сознания — бытовом и фантастическом.

Карелин был одним из тех людей, которыми богата Россия. Он принял на себя миссию учительства и глубоко верил в нее. Человек бесконечной доброты и деликатности, никогда не навязывавший своих взглядов, ограничиваясь их изложением, Карелин вызывал глубокое уважение как у друзей, так и у идейных противников. Когда в 1919 году эсеры организовали суд над известным Я. Блюмкиным по поводу его связей с ВЧК, «председателем суда, — вспоминал Г. Н. Максимов, — был выбран анархо-коммунист Карелин, человек исключительной общественной честности и чистоты своих идей, донесший их до глубокой

старости без изменения… Он был членом ВЦИК и жил со своей женой в гостинице „Националь‟. Заседания суда происходили в его комнате…».

В этом небольшом двухкомнатном номере, заваленном анархистской литературой, проходила большая часть жизни Карелина, особенно после 1923 года, когда обострившаяся болезнь резко ограничила возможности его передвижения. Здесь проходили заседания секретариата ВФАК, «Черного Креста», отсюда велась переписка, рассылалась литература по всей России. Здесь же с раннего утра до позднего вечера толпились рабочие, крестьяне, студенты, профессора, артисты, литераторы, политические деятели — все, кому нужно было излить душу, услышать умное слово. Работавший вместе с Карелиным член Секретариата Федерации И.Хархардин вспоминал «письмо, в котором какой-то крестьянин спрашивал, можно ли ему, анархисту, жениться с исполнением церковного обряда. В другом извещали о падеже коровы и тяжелом житье-бытье русского крестьянина. В третьем — спрашивали, что читать по анархизму, что сейчас делать, можно ли быть анархисту верующим…».

Но каким образом в этом человеке мог уживаться теоретик анархизма и глубокий мистик, каким он предстал перед близкими и посвященными? Член ВЦИКа, секретарь и председатель различных обществ, комитетов, федераций, он в то же время был «рыцарем Сантеем», посланцем древнего ордена тамплиеров, создававшим в России Восточный отряд рыцарей. Одновременно с произведениями анархистского содержания из-под пера Карелина выходили совершенно иные сочинения. Часть из них позднее появилась на страницах газеты «Рассвет», издававшейся в Чикаго, а часть так и осталась потаенной литературой, известной лишь в орденских кружках. Эти произведения, написанные в форме небольших пьес, Карелин называл «диалогами в стиле Платона». Их сценический характер способствовал образному восприятию изложенных идей.

Одни пьесы-диалоги Карелина, печатавшиеся в «Рассвете», связаны с идеей общинного обустройства общества («Сцены из жизни Господина Великого Новгорода», «Поморы», «Анархисты»), другие относятся к эзотерическим легендам христианства и орденской мифологии («Заря христианства», «Он ли это?», «Атлантида»).

Увлечение идеями «северных народоправств» (почерпнутыми Карелиным, скорее всего, у Н. И. Костомарова) получило развитие на основании его собственных наблюдений в среде старообрядцев, полагающих, что «все должны работать, тунеядцев-чиновников быть не должно. Хорошо жить так, чтобы все имущество свое общим сделали. Надо, чтобы у всех всего поровну было, но кто нуждается в большем питании — пусть больше ест, а кому надо благодаря большому росту больше одежды — пусть ее получит больше…». «Значит, коммунизм?» — спрашивает старообрядца собеседник. «Конешно, коммунизм, — отвечает тот. — У нас и киновиарх не имел больших прав: делал то, что собрание выбранных ему указывало делать…»

Совсем иным предстает Карелин в мистико-исторических произведениях. В них раскрывается вся широта и глубина его знаний в области христологической гносеологии. В сценах «Зари христианства» излагаются гностические легенды, история Ни-кодима и тайных учеников Иисуса, учение об Зоне и рассказ о Митре и митраизме. Здесь же Иегошуа, как называет Карелин Иисуса, возвещает, что через много веков придет Параклет (Утешитель). Он «объединит все религии в учении о безграничной свободе и беспредельном сострадании ко всему, что живет и чувствует», показав, что «грешно навязывать ближнему своему веру свою, что грешно судить его за то, что он не верит так, как его ближний верит, что высшая правда в том, чтобы с полной терпимостью относиться к верованиям чужим…».

В серии диалогов «Он ли это?» Карелин развивает идею прихода Утешителя. Учитель добра и равенства, социального переустройства мира встречает духов зла. Их задача — помешать его проповеди, исказить ее, подменив истинное учение ложным. Один из них говорит: «Провозгласим себя и наших истинными последователями Параклета и от его имени будем проповедовать это учение, как некогда инквизиторы и разные попы проповедовали

учение Распятого. Не разберут глупые, где правда, а где ложь. Будем полны гнева против тех, кто якобы искажает учение его. <…> Будем гнать всех тех, кто будет придерживаться светлых сторон учения его. Не пройдет и трех поколений, как от учения Параклета ничего не останется, и наша власть будет господствовать на Земле, и власти этой не будет конца…»

Тема искажения евангельской истины официальной Церковью — характерная для всех религиозных реформаторов — получила развитие в работах ближайшего последователя и преемника А. А. Карелина — А. А. Солоновича. Что же касается самого Карелина, именно эта тема отмечает его переход с позиций политического революционера на стезю возвращения к истокам христианства, строительства «внутреннего человека». Карелин ставит и вопрос о происхождении мира, в котором мы живем. Его космогонические картины заимствованы из орденских легенд:

«Некогда, вернее тогда, когда не было времен, не было измерений, нами, людьми, воспринимаемых, был, не существуя, один только Великий — Не-Сущий. Он захотел (я буду говорить не тонами, но людям свойственными понятиями) и квази-ото-двинулся. Тогда появилась бесконечность бесконечности, назовем ее „арния“, и бесконечное число таких арний появилось. Было создано то, что мы, люди, как пространство воспринимаем. Появилось сверхгигантское абсолютное Ничто, а так как оно было не тем, чем являлся Великий — Не-Сущий, то Ничто гигантское таило в себе начаток зла, ибо все, что с высшей точки зрения всесовершенного несовершенно, является относительным злом. Тогда от Великого хлынул свет, то есть дыхание Его несказанное, хлынул свет несказанный и зазвучал в Ничто Великом. В тот момент, когда свет отошел не менее чем на одну миллиардную долю линии от Великого, свет перестал быть частью Великого, как свет от солнца или свечи горящей не является солнцем или свечой. Свет гнал перед собой мглу сверхгигантского Ничто, Бога лишенного, а в некоторых местах он пронизывал ее, не оставляя следа; в других местах сиял ярким светом, громадные пространства заливал и все дальше и дальше лил поток света ослепительного. Но чем дальше отходил свет от Первоначального, тем менее ярок был свет, все чаще и чаще раздвигавший и отодвигавший мглу небытия, мглу пустоты. В каждом скоплении света множество космосов появилось. И вот далеко-далеко от Него, Первоначального, в последний раз разлился свет Его, как скопления гигантские. В свете этом появились живые существа, ибо жизнь-родящим был этот свет. Часть света рухнула в низы глубокие и там с тьмой и мглой смешалась. Появились хаосы, из которых и наша вселенная, и вселенные, выше расположенные, родились. Но везде, и в верхах, и в низах, как река голубая, шла полоса света, с мглою не смешивающаяся. Сверху донизу имелись зеркала мистические и в них как бы особые космосы, особыми существами населенные, находились. Чем выше расположены космосы, тем большим числом чувств одарены существа, их населяющие, и на каждой ступени далеко не один космос был расположен, а много космосов, причем существа, их населяющие, имели одинаковое количество чувств, но разны были чувства существ в этих космосах, рядом друг с другом лежащих. Такова наша бесконечность, и в ней горят еще гигантские скопления света мистического, слабым отсветом которого наши солнца являются. Иначе сложились другие бесконечности, в нашей бесконечности бесконечностей сущие. А там, высоко в верхах, но далеко от Великого, там, где разлились скопления света гигантского, там находились те, одного из которых мы Элоимом называем и кто богом космосов нашей бесконечности является…»

Об Элоимах Карелин говорит и в «Атлантиде», состоящей из нескольких сцен-диалогов. Они повествуют о соединении атлантов с гиперборейцами, о научных знаниях и верованиях атлантов, о приближении всемирной катастрофы, о выходе на землю атлантов, сотни лет живших под водой, об атлантах в Египте и тайне египетского Лабиринта. Оказывается, что «Эло-имов больше, чем бесконечностей. Те из Них, которые не являются богами бесконечностей, в области Силы пребывают. Бесконечно велики и бесконечно мощны по сравнению с нами Элоимы: мы можем говорить о Них как о всесовершенных, всемогущих,

всеблагих, всезнающих и пр. Мы правы, ставя Их превыше всего нам доступного, нами постигаемого. Но любое из живущих в любом из нас существ — на ионе, вокруг атома вращающемся — так же относится по мощности своей к Элоиму, как Элоим к Великому Богу относится…»

Здесь нашло отражение оригинальное представление о «микрокосмосах» (возможно, его породили знания о сложной структуре атома). «Каждый ион нашего тела, камня, дерева является своеобразной солнечной системой, — писал Карелин, — солнцем, окруженным землями, на которых живут миллиарды мыслящих существ, иногда по своему умственному и нравственному развитию нас превышающих. Важнее сказанного то, что внизу (считая низом малые величины) такая же бездна, как и вверху…»

На двух этих моментах — орденской космогонии и учении о добре, сострадании, протесте против угнетения — концентрировал внимание слушателей и читателей Карелин. Когда он начал свою орденскую проповедь? К сожалению, точно определить это пока не представляется возможным. Среди арестованных ОГПУ в сентябре 1930 года мой отец и Ю. А. Завадский (не считая Солоновича и анархистов) были первыми рыцарями ордена. О времени знакомства с Карелиным они говорили неопределенно («на одной из его публичных лекций», «в тот период моей жизни, когда я <…> обращался к мисти-ко-идеалистической философии»).

В показаниях Ю. А. Завадского о встреченных им у Карелина лицах отсутствуют имена Эйзенштейна и М. А. Чехова, что согласуется с признанием Эйзенштейна в своих воспоминаниях о потере интереса к «розенкрейцерству» и об увлечении Чехова антропософией и Р. Штейнером. Появление же у Карелина Ю. А. Завадского и его сестры объясняется тем, что в начале 20-х годов В. А. Завадская стала женой П. А. Аренского, разделив его увлечение мистикой и заинтересовав ею брата.

Вместе с тем в следственном деле есть показания Н. А. Ладыженского, которые позволяют предположить, что практические шаги по реализации орденской идеи на русской почве были предприняты Карелиным значительно раньше.

Н. А. Ладыженский еще по екатеринбургской гимназии был приятелем Н. К. Богомолова — ближайшего помощника Карелина. (Ладыженского арестовали 7 августа 1930 года в Сочи, по делу сочинской группы анархо-мистиков, там же допросили, а затем доставили в Москву в качестве свидетеля обвинения.) Ладыженский жил в Свердловске (Екатеринбурге), изредка приезжал в Москву, останавливался у Богомолова, и тот, как можно понять, снабжал его оккультной литературой. Интерес к мистике у Ладыженского носил практический характер: он хотел «развить в себе внутренние силы» и «узнать тайные древние знания». Поэтому он не скрывал своего разочарования, когда, встретившись в мае 1930 года с тамплиером Н. И. Проферансо-вым, услышал от него, что подобными знаниями никто из них не обладает: «Мы стараемся перевоспитать человека на принципах первоначального христианства, ты же просишь чуда, а у нас чудес нет».

Обида и разочарование Ладыженского были тем сильнее, что еще в 1926 году Богомолов (категорически это отрицавший) посвятил его «походным порядком» в орден тамплиеров. Рассказ о ритуале посвящения не представляет особого интереса, поскольку резко расходится с тем, что дружно показывали другие арестованные рыцари ордена (к тому же Ладыженский почти ничего не понял и рассказывал весьма путано). Впрочем, принадлежал ли сам Богомолов к ордену? Если «да», то, скорее всего, ни о каком действительном посвящении речи не было. Важно другое. По словам Ладыженского, Богомолов еще весной 1919 года познакомил его с Карелиным. Во время этого свидания (при котором присутствовал и Солонович) Карелин высказал мысль, что при всеобщем упадке нравов «дальнейшую анархистскую работу нужно проводить через какой-либо Орден». Ладыженский сопоставил известные ему факты — слова Карелина, «черный цвет флага тамплиеров, напоминающий анархистский», «сказочки» (легенды), которые ему давал

Богомолов, отсутствие «тайных знаний», — и, передавая следователю содержание своих разговоров с арестованными (в пересыльной камере Бутырской тюрьмы), заключил: «Из разговора с этими лицами я вынес полное убеждение, что организация Ордена тамплиеров является делом рук этих лиц и никакого существенного значения не имеет, кроме как средство для проповеди анархизма среди масс».

Этот неутешительный для искателя чудес итог возвращает нас к вопросу о миссии Карелина. Мне представляется, что он был одинаково искренен и перед анархистами, и перед интеллигенцией. Они требовали разных подходов и столь же разнились в целях и задачах, которые ставили перед собой. Карелину было много проще создать в 1918 году Федерацию, чем начать объединение интеллигенции, которую не устраивали (и не могли устроить!) никакие партии, федерации, союзы и прочие формальные организации. Между тем, в отличие от большинства политиков, Карелин понимал, что развитие и судьба общества зависят именно от интеллигенции, которая, пожалуй, была с середины XIX века главной движущей силой общественного прогресса и единственным залогом его устойчивости.

Трагедия русской революции в том, что интеллигенция, которая ее активно готовила, была отстранена от участия в событиях. На сцену вырвались стихийные силы, подменившие идеи свободы и справедливости физиологией насилия и разрушения. Эти силы слишком долго находились под гнетом социального рабства и невежества, они не успели подняться на должный уровень духовной эволюции. Страна была отброшена на много веков назад — как в хозяйственном, так и в культурном отношении. А теоретики революции, планируя будущее общество, забыли о человеке. События открыли им глаза на трагическую ошибку, но время было упущено.

Касаясь последних лет жизни П. А. Кропоткина в Дмитрове, мне уже приходилось писать и говорить об эволюции взглядов «апостола анархизма» и о причинах, по которым он посвятил эти годы завершению своей «Этики». Будучи — теоретически — сторонником крайней революционности и уравнительного распределения, Кропоткин столкнулся в России с практическим осуществлением своих идей. И — ужаснулся, отказавшись признать в насильниках, грабителях и убийцах своих примерных учеников. Вместо «светлого будущего» потрясенный старец увидел страну, залитую кровью невинных жертв, наполненную злобой, разрухой, освещаемую не электричеством, а пламенем пожаров, уничтожавших культурное наследие веков.

С очень большим запозданием ему (как и многим другим революционерам, большую часть жизни проведшим в казематах или эмиграции) открылась та истина, что, прежде чем разрушать окружающий мир «для всеобщего счастья», надо подготовить к этому счастью человека, спросить, нужно ли ему такое разрушение. Ведь зло, как скоро выяснилось, коренилось не в дворянских усадьбах, не в предметах искусства и библиотеках, а в неразвитости самого человека. Со злом следовало бороться, меняя не мир, а взгляд на этот мир, который гораздо лучше, чем порой представляется нам…

Мысли о том, что «революция пошла не по тому пути, какой мы ей предназначали», что теперь на первый план выступают вопросы нравственности, по-видимому, неоднократно высказывались П. А. Кропоткиным; кое-что было даже записано им самим. Соблазнительно думать, что здесь сказалось влияние Карелина, но такими данными я не располагаю. Более определенно можно говорить о его влиянии на В. Н. Фигнер. Не без его рекомендации она была в 1921 году избрана председателем Комитета по увековечению памяти П. А. Кропоткина. Фигнер выступала против террора, смертной казни, подчеркивала нравственную высоту христианской проповеди и самой личности Христа. В апреле 1925 года, в канун очередного гонения на анархистов, она писала в газете «Рассвет» о необходимости новой революции, которая не должна походить на предыдущие, когда менялись лишь властители, но не система государственного угнетения личности. Надо сначала измениться самим, как

можно скорее «начать серьезную воспитательную работу над собою и звать к ней других». Анархистам предлагалось заняться тем, чем уже занимались рыцари в орденских кружках.

По ступеням Золотой Лестницы

«Карелин рассказывал легенды, а потом слушавшие задавали вопросы и беседовали, — показывал во время одного из допросов Ю. А. Завадский. — Содержание легенд мне не по силам передать, оно туманно, путано, сложно. Их общий смысл был обращен к духовному подъему человека через признание личного достоинства („рыцарства"), признание понятия объективного „добра" и „зла" в человеке. <…> Эти мысли представлялись мне верными и приложимыми в жизни…»

Уверенность в невозможности четко передать содержание орденских легенд характерна для показаний всех тех арестованных, кто хоть в какой-то мере признал свою причастность к ордену. На первый взгляд это кажется попыткой уйти от прямого ответа на поставленный вопрос. Но по мере изучения материала мнение мое менялось. Большинство арестованных действительно было неспособно объяснить то, что не несло определенной «информации». А приведенные выше примеры из «диалогов» А. А. Карелина (основанных на орденских легендах) в самом деле дают представление о символах ярких и красочных, но не наполненных осязаемым содержанием. Это образы-знаки, рассчитанные скорее на эмоциональное, чем логическое восприятие.

«Бесконечности», «космосы», разноцветные «солнца», грандиозная иерархия духов, безграничные пространства времен, а вместе с тем настойчивые попытки воспроизвести картины жизни и даже быта иных миров — все это должно было оставлять в сознании многих неподготовленных слушателей растерянность и смятение, поскольку каждый образ-символ требовал пояснений.

«В ряде бесконечностей имеется одна, представляющая собой более чем гигантский шар, поверхность которого является границей данной бесконечности. Кое-где этот шар почти соприкасается с другими бесконечностями, тоже являющимися в виде шаров, а в местах, где образовались конусообразные пространства между шарообразными бесконечностями, имеются миры, представляющие собой как бы пирамиды или конусы, три стороны которых и основание представляют собой вогнутые поверхности. На одном из таких архигигантских шаров живут высокоодаренные существа, которых вы можете называть людьми, хотя они только отдаленно напоминают людей. Некоторые их жилища напоминают пальмы, другие — гигантские грибы или исполинские цветы, к дверям которых поднимаются на специальных машинах или аэропланах. <…> Встречаются и более странные обители: как будто столб дыма поднимался длинной и широкой спиралью, а в ее пустотах с большим комфортом жили люди. Все они питались разнообразной пищей, приготовленной из неорганических веществ того мира, причем пища легко извлекалась из земли и воздуха и в крайне малых количествах поглощалась ими. Люди одевались в великолепные, приготовляемые из минерала, похожего на горный лед Земли, ткани. Ничего похожего на нужду или бедность они не знали. Эти люди располагали всевозможными машинами, всем сообща принадлежащими, и молодые люди охотно работали на них, изготовляя все нужное или желательное. <…> Все охотно работали, даже пожилые охотно брались за работу по выделке продуктов. Общежитие шло навстречу любому спросу, и на этой гигантской полосе земли не было, кажется, людей, плохо удовлетворяющих свои материальные потребности…»

Комментируя такие легенды, руководители кружков отмечали, что это лишь незначительная часть преданий Атлантиды. Атлантам их рассказали Леги (ангелы — ближайшие к человеку духи, способствующие его развитию и подъему в высшие миры). Со

временем легенды были приспособлены к восприятию атлантов — хоть и осиянных духом, но все же людей. В дальнейшем изложение все более упрощалось, и хотя в нем «что-то еще оставалось от духовного начала, но последнее было подавлено обычным бытийным восприятием человека».

Отсюда следовал вывод: слушатель может воспринять рассказ как «игру художественной фантазии», может попытаться найти в этих образах символы тайных знаний, а может просто взять их за основу для медитации, чтобы из глубин сверхличной памяти вызвать ответный импульс. Каждое восприятие закономерно, ибо зависит от способностей и возможностей человека. Простой толчок к размышлению может открыть путь к глубинным пластам подсознания или помочь прикоснуться к более высоким сферам духа, чтобы познать и себя, и мироздание. I

Как я уже говорил, посвящение сопровождалось изложени-ем легенд о жрецах Древнего Египта, рассказом о сокровенном | знании посвященных, которое было получено от атлантов. Те,; в свою очередь, были обязаны этим знанием Легам, которые искупали на Земле свою вину перед мировым порядком: неког-да они поддержали порыв Сатанаила подняться по ступеням Золотой Лестницы одним своим желанием, а не постепенным совершенствованием. Они нарушили закон жертвенности и взаимной поддержки в развитии всего сущего и теперь, во искупление, поднимали из тьмы к свету людей, которые стояли на более низкой, чем они, ступени Золотой Лестницы.

И все же легенды о Египте и Атлантиде, по-видимому, не были первыми, что узнавал посвящаемый. В «приготовительных» кружках (которые, как показал Ф. Ф. Гиршфельд, вел А. А. Солонович) закладывались основы духовного понимания эволюции общества и формировалась психология будущего рыцаря. В записи одной из бесед есть предупреждение каждому, кто встает на путь познания, о неизбежной встрече с четырьмя врагами. Это наставление может служить напутствием не только последователю любой религии, но и каждому вступающему в жизнь человеку.

Первый враг — страх. Человек, начинающий учиться, не представляет себе трудностей, которые его ожидают. Он больше думает о наградах, чем о препятствиях, а сталкиваясь с ними, склонен их преувеличивать, преуменьшая свои силы. К тому же то, что ему открывается, обычно не соответствует тому, что он представлял раньше. Трудности растут, познание оказывается полем битвы, и познающий натыкается на боязнь непонимания и собственного бессилия.

Однако подлинная опасность — не в самом испуге, а в том, что человек может остановиться. Если он продолжает двигаться вперед, значит, он победил страх, и этот враг уже не властен над ним. Поняв это, он обретает ясность мысли. Это награда, рассеивающая страх, поскольку человек начинает осознавать свои цели и пути к ним. Но вместе с ясностью мысли он обретает нового, более коварного врага: укрепившееся сознание на первых порах рождает не только уверенность, но и самоуверенность. Ему кажется, что все для него ясно, все открыто и однозначно.

Если, уверившись в этом, человек воспользуется ясностью мысли для действий — он навсегда положит предел дальнейшему росту своих внутренних сил. Чтобы преодолеть нового врага, следует научиться воздерживаться от скоропалительных действий, используя ясность мысли для того, чтобы тщательно взвешивать все «за» и «против», прежде чем сделать шаг. Когда человек поймет, что ясность мысли рисует окружающий мир лишь в одной плоскости, он одержит победу над вторым врагом и приобретет подлинное могущество, ибо научится управлять своей волей и своими желаниями.

Но могущество — это и третий враг на пути познания. Сила окажется слабостью, если человек привык уповать только на себя, не догадываясь, что источник силы — вне его. И сила, и ясность мысли, и бесстрашие даются человеку для того, чтобы он использовал их во

благо семье и другим, причем использовал мудро, с величайшей осторожностью. Только в том случае, если человек достигает глубины познания, он может во всеоружии встретить четвертого врага, приходящего вместе с мудростью, — старость.

Победить старость нельзя, однако можно заставить ее отступить на время. Человек уже освободился от страхов, от самоуверенности ясной мысли, научился управлять своей волей — но его преследуют усталость, желание отказаться от дальнейшей работы… Уступив, человек снова превращается в слабое, безвольное существо, не властное над прежними врагами. Но если он и теперь найдет в себе силы победить коварного врага — пусть на краткий миг, чтобы до конца пройти отмеренное судьбой, — в этом случае он станет поистине «человеком знания».

Читая протоколы допросов, я не мог отделаться от ощущения, что следователей меньше всего интересовала эта сторона деятельности анархо-мистиков (для нас, пожалуй, наиболее существенная). Возможно, в распоряжении органов ОГПУ были практически все материалы, которые мы восстанавливаем по крохам и намекам. А может быть, в органах все же понимали, что мировоззрение — не предмет уголовного разбирательства, и им требовалось нечто более осязаемое. С другой стороны, я видел, что легенды и их толкование у большинства анархо-мистиков еще не переплавились в мировоззрение или учение. Однако такие попытки делались и в те годы, и позднее уцелевшими рыцарями ордена. К сожалению, сейчас невозможно определить, что в этом осмыслении принадлежит самому Карелину, а что появилось в процессе передачи привезенных из Франции легенд. Как бы то ни было, сохранившиеся записи представляют собой зародыш учения, которое стремится свести воедино образы и символы гностицизма и данные о мире, которыми оперировала наука первой четверти XX века.

Я постараюсь изложить эти взгляды так, как — вероятно — комментировались легенды в орденских кружках старшими рыцарями.

Учение ордена прежде всего раскрывает беспредельность мироздания, где «конечное» и «бесконечное» не противостоят друг другу, а находятся в диалектической связи, могут характеризовать один и тот же объект — все зависит от точки зрения. В бесконечности можно допустить предельность, а в конечном — найти беспредельное. Бесконечность не является суммой конечных объектов, но включает все их количественное и качественное многообразие. Они непрестанно движутся и развиваются или распадаются в пространстве и времени. Само их взаимодействие является фактором непрестанного движения как одной из форм существования нашего мира четырех измерений, который движется, изменяясь, среди миров иных измерений.

Учение о многомерности миров, как мне кажется, испытало влияние математических открытий XIX века. Пожалуй, наиболее интересным в нем является утверждение о невозможности физического перехода в миры большей или меньшей сложности. Причина — в качественном отличии их структур.

«Особенностью мировой структуры, — писал неизвестный мне комментатор, — является то, что все миры, все космосы, независимо от определяющего их числа „измерений“, находятся в одном и том же месте, как говорится в учении, „применительно к человеческому пониманию и к той же бесконечной замкнутости“. Но между мирами разных измерений существуют преграды, преодолеть которые и, таким образом, приобщиться к жизни иного мира можно, только получив (или выработав) то количество чувств и те качества, которые такому миру свойственны. Поэтому, когда говорится о событиях в мире иного числа измерений, чем наш, не надо представлять себе, что это происходило или происходит в каком-то пространственно далеком месте. На самом деле все происходит здесь же и одновременно, только мы не способны воспринять множественную одновременность. В силу того, что тот или иной мир в своей структуре имеет особенности, не свойственные мирам иных измерений, сущности, населяющие его и обретающиеся в нем, сохраняя присущие им

особенности или не приобретя необходимых новых качеств, не могут входить в общение с сущностями иных миров. Этот закон в учении предстает в образах „стражей порога". Под таким названием можно понимать или свойства структурной особенности космоса, элементы которого отбрасывают все, что ему чуждо, или индивидуальные сущности — кому как больше нравится…»

Обширная цитата раскрывает, мне представляется, один из краеугольных камней мистики вообще — как индивидуального опыта познания. Кроме того, здесь утверждается мысль о бесконечности параллельных миров, сходящихся в одной пространственной точке Вселенной. Переход в другой мир возможен, однако для этого надо переступить порог, который связан с потерей тела данной мерности. Такой переход именуется смертью. Если эманации иных миров попадают в данный мир, то они воспринимаются здесь не в своей истинной сути, а в формах данного мира, которые только и доступны его обитателям.

Значит, чем сложнее структура мира, тем больше шансов для его обитателей отразиться в сознании мира меньшей сложности, тогда как подъем в более высокий мир возможен только в результате долгой духовной эволюции. Вот почему в легендах (и не только орденских) учителями человечества оказываются существа более высокого порядка сложности, которые спускаются для руководства и передачи знаний. Тамплиеры полагали, что над развитием духовной и душевной субстанции человека работает не только он сам (в различных воплощениях), но и космические силы — возвышающие его или тормозящие подъем.

В какой-то мере характер этих сил определяется структурой «космоса». Наиболее совершенны те миры, у которых количество измерений определяется квадратической прогрессией (2x2, 4x4, 16x16, 256x256 и так далее) и у которых их элементы находятся в причинно-следственной связи (это «гармонизированные» миры). Между ними — «промежуточные» миры, которые отличаются неопределенностью, нарушением причинно-следственных связей. В них постоянно происходит то, что обитатели гармоничного мира воспринимают как чудо. Однако для жителей промежуточных миров это крайне неудобно: никогда нельзя достоверно предсказать результат своих действий. Наиболее же упорядочены миры, в которых число измерений кратно четырем.

Что повлияло на эту концепцию? Каббала с ее математической магией, точные науки XX века или математика начала нашего столетия? Возможно, последний фактор сыграл решающую роль при записи и обработке легенд в 20-х годах в России, поскольку в этой работе важное место принадлежит математику А. А. Солоновичу. В любом случае идея эта мне представляется достаточно плодотворной. Если принять постулат о множественности взаимопроникающих миров, то наличие в такой вселенной стабильных, математически однозначно определяемых структур требует допустить существование и менее устойчивых образований.

Располагая космосы в последовательности возрастающего числа измерений, анархо-мистики исходили из образа «Золотой Лестницы» (вспомним библейский «сон Иакова»). В основании Лестницы находится мир людей, а ее ступени — это «гармонизированные» миры. Как пояснял комментатор, в последнем утверждении заложен более глубокий смысл, чем принцип квадратической прогрессии: подъем обитателей низшего космоса в высший не обязательно происходит постепенно (на единицу возрастающей сложности). Если в своем развитии индивидуум получает возможность приобщиться к сложности ближайшего гармонизированного мира, он скачком поднимается на высшую ступень (как электрон на новую орбиту), минуя миры промежуточных измерений. Судьба духовной сущности целиком зависит от ее поступков (карма), которые способствуют или препятствуют ее развитию и восприятию принципиально новых структур более высоких миров. Освободившийся от физического тела сам избирает космос, который соответствует его развитию. Ничто не препятствует восхождению духа, кроме него самого.

Однако идея Золотой Лестницы не ограничивается ее «разверткой по вертикали». Вертикаль определяет только основную тенденцию эволюции. Наряду с космосами Золотой Лестницы существуют «космосы параллельных кругов». Вероятно, не стоит стараться представить это в виде какой-либо однозначной графической проекции. Комментатор писал, что эти космосы «относятся к той же бесконечности, что и соответствующие им ступени Золотой Лестницы, но структурные элементы представлены в них в иных сочетаниях».

Чрезвычайно интересна, на мой взгляд, концепция миров, лежащих ниже нашего четырехмерного мира, на уходящей вниз проекции Золотой Лестницы. Это миры звуков, меняющихся образов, теней, зеркальных отражений. Они одновременно существуют в структуре нашего мира и воспринимаются нашими чувствами. Наоборот, вне всякой связи с Золотой Лестницей находятся «привходящие космосы» — космосы времени, пространства, кармы, безумия, блуждающих духов, темного царства и так далее (на мой взгляд, было бы логичнее их рассматривать вместе с предыдущими — как элементарные космосы, составные части четырехмерного мира). Мы сталкиваемся здесь, с одной стороны, с принципом эволюции духовных сущностей, а с другой — вынуждены признать из-начальность структуры универсума.

Попытка нарисовать картину такого универсума не могла оставить в стороне острый в те годы вопрос о материи и духе. Тамплиеры полагали, что описанная структура космосов «дает представление о беспредельном разнообразии, достигнутом материей в ее непрерывном поступательном развитии и изменении, поскольку основным свойством материи является движение в пространстве и времени, или в пространстве-времени, хотя и эти понятия (пространства и времени. — А. Н.) являются относительными, достигнутыми человеческим сознанием в применении к постигаемому им миру нашего четырехмерного измерения. Было бы ошибкой распространять эти понятия на миры другого количества измерений, где ничего общего с нашим пространством и временем может и не быть, а то, что есть, может быть в корне отлично от того, что нам удалось познать».

"Как бы мы ни называли объективную реальность, — продолжает комментатор, — материей или другим словом, следует признать, что таковая существует как факт, независимо от того, постигаем ли мы ее в какой-то степени нашими ощущениями и нашим сознанием. Известный спор о том, что является первичным, материя или духовное начало, вызван тем, что каждое из этих понятий принимается в ограниченном смысле слова. Назовите эту объективную реальность духом и придайте ему свойство, придаваемое материи в известном движении и развитии, — будет иметь место замена одного термина другим, суть же от этого не изменится. Спор о том, является ли материя первоначальной, а духовное производным от нее, или наоборот, или же они существуют слиянно, но не-созданно, — это спор о словах, то, что может быть названо «магией слов». Суть же того, что в нашем мире четырех измерений называется материей или духовной сущностью, на данной ступени нашего развития недоступна нашему постижению ни в своей основе, ни в конкретной предметности. И то и другое, находясь в непрерывном движении и изменении, выявляет одно, присущее им обоим начало — жизненную силу. Опознать ее — значит найти путь к овладению ею во всем многообразии ее проявления и развития.

Исходя из постигнутой к настоящему времени структуры нашего мира четырех измерений, в основном же — нашей Земли, следует отметить условность противопоставления того, что мы называем «органическим» и «неорганическим», особенно на их ранних стадиях проявления. Поэтому, наблюдая их дальнейшее развитие, можно прийти к заключению, что в этих условиях «материальное» является своего рода основой или оболочкой, «скелетом» для «духовного начала». Формы же проявления жизненной силы и в том и в другом столь же разнообразны и бесконечны, как бесконечны и разнообразны космосы Золотой Лестницы…"

Попытки дальнейшей детализации «видов материи», ее «структур», состоящих из «беспредельного сочетания самых различных частиц», приводят к заключению о

невозможности постижения всего этого человеческим разумом и чувствами. Тогда и сами слова остаются не более чем символами, «которые можно заменить любыми другими, если бы не определенная традиция их использования».

В условиях различных космосов «жизненная сила» проявляется в виде различных «сущностей», как материальных, так и духовных (одухотворенная материя принимает форму, соответствующую законам данного мира). Образы легенд не выходят из круга антропоморфных представлений, запечатленных художниками в известных образах ангелов, химер, «исчадий ада». Современному сознанию, воспитанному изощренной продукцией писателей-фантастов, они кажутся примитивными. Важно другое: утверждение, что в системе мироздания нет миров, совершенно лишенных проявлений «духовной сущности» («жизненной силы»), а если таковые и оказываются, это свидетельствует лишь о том, что жизненное начало исчерпало там все предоставленные ему возможности и покинуло этот мир, поднявшись на более высокую ступень Золотой Лестницы.

Структура Золотой Лестницы в известной степени соответствует небесной иерархии христианства.

Не вызывает сомнения зависимость нарисованной картины мироздания от гностических учений, точно так же, как и их зависимость от представлений древних обитателей Двуречья и Египта. К сожалению, современный исследователь этих — многократно переработанных — текстов не в силах определить, что прошло через века устной (и письменной) передачи, а что было заимствовано позднее (в том числе в новейшее время).

Дуализм, который обнаруживается в этих текстах, несомненно, имеет разные истоки. К древнейшему источнику восходят представления о двух Элоа (Верха и Низа) — творцах нашей бесконечности, о разделенности мужского и женского начала почти у всех обитателей Золотой Лестницы, о светлых и темных духах. Однако было бы ошибкой делать из этого вывод о дуализме тамплиеров. Сохраняя остатки древнего контекста (где полчища разнообразных духов выступают как персонификации стихийных, космических и прочих сил), легенды подчеркивают отсутствие зла — отсутствует его абсолютизация и противопоставление добру. Зло — лишь проявление «неразвитости» и «незнания». Даже «лярвы» (которые в христианской демонологии соответствуют «чертям», «слугам Сатаны») не лишены надежды на подъем в отдаленном будущем, на освобождение от грязи и злобы в результате долгой эволюции под руководством высоких духов.

Единственный абсолютный закон Золотой Лестницы — любовь ко всему сущему. Ее рождению предшествует знание. Путем любви и знания каждая духовная сущность эволюционирует, поднимаясь к Творцу и постигая Его. Высшим же проявлением любви становится самопожертвование для помощи низшим (так поступают Леги, которые ведут людей, и Зоны, несущие учение о совершенной любви). Любовь учит пониманию, милосердию, жертвенности. Эти качества готовят человека к служению остальным и к творчеству, которое рассматривается как борьба со злом, как соучастие в процессе преображения мира.

Легенды о жизни духов, их борьбе со злом в различных его проявлениях (от грозного «ничто» до искаженного сознания обитателей других миров, погрязших во взаимной ненависти, жестокости, невежестве) в известной мере схожи с «космическими одиссеями» современных фантастов, значительно уступая им в сложности сюжета и формальной выдумке. Трудно хотя бы на мгновение поверить в реальность иных миров, описанных в легендах. Такими же предстают и обитающие там существа — не более чем символы или условные знаки. Особенно искусственны сообщения о том, что у обитателей высоких космосов отсутствуют эксплуатация, центральная власть, что там царство ничем не ограниченной свободы, взаимопомощи и благоденствия. Именно так анархисты рисовали счастливое общество «свободных производителей материальных благ». Но означает ли это, что легенды — продукт единоличного творчества А. А. Карелина? Я затрудняюсь ответить на

этот вопрос. В карелинских пьесах-диалогах, статьях и брошюрах можно обнаружить много общего с легендами. Однако для окончательного вывода необходим стилистический анализ, затрудненный тем, что дошедшие до нас списки могли быть отредактированы другими людьми. К тому же вести записи на орденских занятиях было воспрещено. Легенды впервые были записаны, по-видимому, только А. А. Солоновичем после смерти Карелина.

Есть в легендах и еще один пласт идей (возможно, более поздний, чем представления гностиков). Вот что говорит комментатор легенд о взаимоотношении души и тела.

«Тело не облекает на земле душу, но неразрывно с ней сосуществует. Когда умирает тело, отлетает от него душа, а вместе с нею отлетает и то „тело", которое не ощущается обычными человеческими чувствами и называется поэтому „астральным". Оно возникает и крепнет вокруг души в процессе жизни. Как физическое тело растет в связи с физическим питанием, так при наличии духовного питания растет и развивается астральное тело. Оно получает возможность увидеть и познать многое, чего не видит и не знает человек, довольствуясь ощущениями физического тела и доверяя ему. То, что познает астральное тело, часто представляется процессом мышления. Дальнейшую жизнь этому астральному телу дает только дух, если он оказывается в наличии, дух, который только один может после смерти перешагнуть пропасть, разделяющую космосы и их сущности… Но здесь в действие вступает закон кармы».

Как в физическом мире за причиной идет следствие, так и в мире душевном и духовном любой поступок человека влечет за собой определенные последствия. Но в мире физическом действие оставляет след на окружающих предметах, поступок же духовной сущности в первую очередь сказывается на ней самой. Поскольку любая индивидуальность обладает абсолютной свободой выбора, ее решение воздействует на ее структуру. От выбора зависит ее дальнейшая судьба: одними действиями личность способствует своему подъему «в верха», другими отягощает себя, укрепляет связи, которые тормозят развитие, а то и увлекают в низы. Это и есть «закон кармы» — в случае невозможности подъема возникает необходимость пройти новый цикл для совершения необходимой работы над своей духовной сущностью.

«В примитивном человеческом восприятии, — пишет далее комментатор, — закон кармы отразился как идея посмертного суда, то есть возмездия более ужасного, чем ветхозаветное воздаяние „ока за око". На самом деле никакого возмездия нет, есть только задержка подъема, да и то лишь временная, потому что все подчинено единому закону восхождения от низшего к высшему. Зло, пусть даже невольно созданное, отягощает своего создателя. Только там, где духовные сущности настолько высоки, что подъем является естественным условием их жизни, которая сама направлена на содействие подъему более низших существ, там карма, как неизбежная закономерность движения в духовном мире, уступает иному действующему началу, проступающему в виде Зона Любви…»

Обратим внимание на попытку комментатора сформулировать на основе легенд представления о счастье у обитателей разных космосов. Каждому дается то, к чему он стремится, — так можно обобщить эти представления. Обитатели разных миров ищут максимально полного соответствия образа жизни и собственной сути. Вот почему духи стихийных сил видят счастье в обретении мощи и победе над стихиями; духи — «звезды знания» понимают счастье как накопление мудрости, как постижение мира и самих себя; для духов смерти счастье — в переходе из космоса в космос; духи пространства счастливы, преодолевая его.

Сатанаилы, которые ощутили эманации Зона Любви, видят счастье в стремлении к лучшему устройству жизни, а Ара-ны — в освобождении от причинности, от нитей кармы. Но все они соглашаются, что полнота счастья — только в борьбе со злом, которое препятствует обитателям темных земель — людям — начать восхождение по ступеням Золотой Лестницы.

Что мешает, а что способствует подъему? Кто имеет право войти в более высокий космос, а кто должен быть задержан? Обитатели различных космосов дают разные ответы на эти вопросы. Если нужно способствовать подъему низших существ, то не повредит ли обитателям высших космосов, если среди них появятся недостойные этой ступени Золотой Лестницы? Нет, отвечают легенды, это не страшно: для недостаточно подготовленных духов пребывание в таком мире окажется безумно тягостным, и они захотят вернуться назад; к тому же никто из людей и духов не имеет права судить, достоин или не достоин рвущийся в более высокий космос.

Чтобы подъем в верха стал реальностью, а не только иллюзорным ощущением, необходимо на протяжении всей своей жизни в данном космосе так изменить свою духовную сущность, чтобы войти в новый космос подготовленным. Сделать это возможно лишь одним путем: в общении с другими обитателями своего космоса. Поэтому мораль в учении тамплиеров — не просто нормы поведения, установленные для удобства социальной жизни, а путь приуготовления духовной сущности человека к восприятию всеобщего жизненного начала, которое проявляет себя «в мирах и веках». Выполнение этих законов приводит к глубоким и вполне реальным изменениям душевной и духовной сущности живущих, но такие изменения проявляются в полной мере не в данной, а в последующей жизни, и в первую очередь при попытке проникнуть в более высокий мир.

Проповедь Эонов, несущих Божественный Свет обитателям всех космосов, едина в своих основных положениях. Труд должен быть радостным, но не чрезмерным: чрезмерный труд такое же зло, как и праздность. Самое драгоценное благо — свобода, без которой нет жизни, только прозябание и ненависть. Познавать, любить и сострадать может лишь свободный человек, способный помогать всем, никого при этом не ущемляя. Только свободный имеет свободную волю, чувство достоинства и силу, не позволяющие терпеть угнетение слабых. Только он поднимается против любого зла, ибо нет худшего зла, чем то, которое беспрепятственно совершается на глазах людей. Зло же происходит от незнания, которое открывает ложные пути и уводит в трясину гибели. Каждый должен препятствовать злу, помогать добру и спокойно смотреть вперед, ибо все страдания мира в конце концов будут поглощены радостью.

Стоит выделить еще один момент, который позволяет понять и дух орденских легенд, и тот особо подчеркиваемый в них постулат свободы воли, свободы выбора и мысли, который главенствует в учении, — полная свобода как от Церкви, так и от обязательной веры в то, о чем шла речь. Наличие в мире Бога, Демиурга, Первопричины только констатируется. «Познающему» сообщают от этом, но не требуют взамен никакой ответной реакции и вместе с тем дают понять, что все это неизмеримо выше самых высоких ступеней Золотой Лестницы, где уже не может идти речь о каком-то личностном (религиозном) контакте или о необходимости церковного ритуала (хотя молитва «Отче наш» занимает очень важное место в учении ордена).

«Можно верить или не верить в Верховное Существо, — писал комментатор, — в высшую жизненную силу как в Творца Сущего; можно стремиться к познанию этой высшей силы или считать такое стремление бессмысленным — все это никак не скажется на подъеме, не задержит духовного развития личности. Для подъема важно только осознать свое единство, нерасторжимое родство с другими сущностями, положив между собою и ими любовь к равным и сострадание к низшим…»

Милосердие и вера во всеисцеляющее чувство любви и добра способны в будущем преобразить даже лярв — этих, казалось, бы вечных врагов Божественного Света, «животных мира темных», которые проповедуют среди людей вседозволенность, эгоизм и конечность существования.

«Не вечно тело, — учат лярвы, — и если оно развеется сухой пылью, исчезнет возможность получать наслаждение. Поэтому надо торопиться взять от жизни все, что

можешь, — богатство, красоту, любовь, власть. Не останавливайся, если за это надо заплатить страданиями других людей, — ведь сам ты будешь наслаждаться! Какое тебе дело до остальных?..»

Эти идеи находят выражение и в проповеди того духа, который легенды именуют «Черным Христом»: «Блаженны много о себе думающие, ибо они достигнут власти. Блаженны не желающие видеть зла, ибо весело живут они. Блаженны свирепые, ибо они много получат. Блаженны не считающиеся с правдой, ибо они много захватят. Блаженны немилостивые, ибо отделаются они от своих врагов… Уничтожай врагов своих без жалости и сострадания. Заключайте в тюрьму проклинающих вас. Ничто не оскверняет человека — ни убийство, ни кража, ни прелюбодеяние, ни лжесвидетельство: все это можно обратить себе на пользу. Разумно взять от жизни все приятное и больше ни о чем не думать…»

В этой проповеди легко увидеть столь же полную бездуховность знакомого нам «экономического материализма». Уподобление человека «общественному животному», беспредельная ярость при одном упоминании христианских заповедей (не говоря уже о вере в «иной» мир и не «классовые», а обыкновенные человеческие отношения), — весь кошмар воинствующего атеизма приводил к своей противоположности, обращая чувствующих и думающих людей к поискам вечных ценностей, которые поднимают личность над физиологией быта.

В сущности, здесь не было ничего нового. Никому еще не удалось доказать, что действительное зло, приносящее боль и гибель как единицам, так и массам живых существ, может стать стимулом развития социальных институтов и отдельной личности. Зло всегда тупиково — как насильственная смерть, как обрыв нити жизни, как искажение добра и его противоположность. И следователи ОГПУ совершенно справедливо видели в учении о лярвизме отражение своей системы, хотя в легендах все же говорится не об отождествлении людей с лярвами, а об исповедании ими лярвизма.

Лярвы — «животные мира темных» — возникли при сотворении мира «во мгле», причем были подобны Легам, от которых отличаются только изначальным отсутствием искры Божественного Света. Они не столько «темные», сколько «грязные». Подлинные властелины Темного Царства — темные Леги, темные Арлеги и Князья Тьмы — возникли в изначальной тьме там, куда упали семена Логоса. Возникнув, они тотчас начали борьбу с мглой и тьмой, начали подъем в верха. Однако, обладая мощью, они не научились различать добро и зло, неся в себе неизжитые элементы первичного хаоса. Начало власти и подчинения пронизывает все Темное Царство, в орбиту которого попала и наша Земля. Это произошло потому, что Араны не пропускали Темных в верха, предлагая им сначала преобразиться в Светлых. А путь темных духов проходит только через человека, через его подъем в верха, ибо Темные дали власть над людьми лярвам. Вот почему на Земле происходит борьба светлых и темных сил, в которой участвуют люди.

«Почему же Темные, которые тоже стремятся в верха, творят только зло?» — спрашивают легенды и отвечают так: «Не видит Темный, куда и как он идет, потому что злое делать легче, чем доброе. Тот, кто неумен, кто слеп разумом, делает зло, даже когда хочет делать добро, так как часто то, что кажется на первый взгляд добром, по совершении обращается в жестокое зло…»

Для преображения мира нужна неустанная и долгая работа, которой на Земле должны содействовать рыцари «Ордена Света», принимая те же обеты, что возлагали на себя их предшественники — тамплиеры прошлых веков. Однако та вязь образов, которую Карелин разворачивал перед узким кружком учеников, предполагала высокую культуру и длительную подготовку. Для более широкой проповеди орденского учения ее следовало перевести на более понятный язык, поставив и более конкретные задачи.

Выполнить эту миссию должен был ближайший сподвижник Карелина, его преемник на посту руководителя анархо-мистиков — А. А. Солонович.

Трубадур мистического анархизма

20 марта 1926 года на втором этаже первого Дома Советов (ныне гостиница «Националь») в комнате № 219 умер «рыцарь Сантей» — А. А. Карелин. ВФАК была уже распущена, об анархизме можно было говорить только в стенах Кропоткинского музея, но в Чикаго выходила газета «Рассвет», в Детройте вот-вот должен был появиться первый номер журнала «Пробуждение», который был призван сыграть роль легальной трибуны анархо-мистиков, а среди российской интеллигенции уже третий год действовали орденские кружки — не только в Москве, но и далеко за ее пределами.

Гроб с телом Карелина проследовал от Манежа к Кропоткинскому музею, где совершилась гражданская панихида, а оттуда, на следующий день, на плечах анархистов — на кладбище Новодевичьего монастыря. Похороны Карелина стали последним общественным актом анархистов, который был разрешен Советской властью. Конечно, они не могли соперничать с той грандиозной манифестацией, в которую превратились похороны П. А. Кропоткина, — не то было время, да и большинство анархистов находились в заключении и в ссылке. И все же (если судить по сохранившимся фотографиям) возле Кропоткинского музея и на кладбище собралось около полутора тысяч людей.

Карелин был исключительно популярен, он привлекал людей безграничной терпимостью, пониманием, умением выслушать человека. Его одинаково чтили анархисты, эсеры, меньшевики и старые большевики, хотя, как мне кажется, многие из них догадывались о его «розенкрейцерстве». Теперь уже покойный С. В. Шервинский в разговоре со мной упомянул как-то, что видел «похороны одного старого розенкрейцера, связанного с Кропоткинским музеем». Время (середина 20-х годов) и место (Кропоткинский музей) позволяют предположить, что речь шла о Карелине. Певцы и музыканты из орденских кружков исполняли траурный марш Шопена и какое-то произведение на итальянском или немецком языке, что вызвало недоумение у агентов ОГПУ, которые присутствовали на похоронах. Во всяком случае, почти каждого арестованного в 1930 году анархо-мистика спрашивали о том, кто там был, кто приглашал артистов и почему исполняли «не наш гимн».

Все понимали, что со смертью Карелина и в Кропоткинском комитете, и в Музее начнутся дрязги, которые этот человек сдерживал своим авторитетом. Левое анархистское крыло, требовавшее борьбы против Советской власти, ждало удобного момента, чтобы захватить такую «легальную трибуну». Однако и комитет, и Музей представляли собой общественные организации, в которых анархисты отнюдь не должны были составлять большинства. Кроме того, Карелин с самого начала ввел в состав Кропоткинского комитета своих друзей и единомышленников — А. В. Андреева, Н. К. Богомолова, Г. И. Аносова, И. Н. Иловайскую-Уйттенховен, Н. И. Проферансова, Д. А. Бема, В. Н. Фигнер. Многие из них вошли и в образованный теперь комитет по увековечению памяти А. А. Карелина, где главную роль играл А. А. Солонович. В последние годы он был ближайшим помощником «рыцаря Сантея», а теперь стал его духовным наследником.

Фигура Алексея Александровича Солоновича (1887 — 1937) еще во многом загадочна. Это касается и его биографии, и творческого наследия, которое было почти полностью уничтожено в результате арестов анархо-мистиков органами ОГПУ, обысков и конфискаций. (Личность Солоновича нашла отражение только в крайне едком, хотя и талантливом памфлете Юрия Аникста (Юр. А-т) — «Трубадур мистического анархизма». Памфлет сыграл роль политического доноса и во многом определил судьбу как анархо-мистиков, так и самого

Солоновича.) Чтобы как-то восполнить этот пробел, я воспроизвожу мозаику фактов, которые мне удалось собрать из скупых показаний следственного дела, открытой печати тех лет и некоторых других документов.

Биографические сведения о Солоновиче скудны. Для ОГПУ было достаточно, что он «сын полковника, дворянин», родившийся в местечке Казимерж Люблинской губернии. Возможно, кто-то из его родителей происходил из города Карачева Орловской губернии, потому что именно там (как сообщал уездный исправник) в 1905 году Солонович «был замечен в противоправительственной агитации». В 1907 году за какую-то революционную деятельность он даже «подлежал аресту», который не состоялся «за выездом из Москвы» Солоновича. Обыск на его московской квартире «ничего предосудительного не обнаружил». В феврале 1911 года в связи со студенческими беспорядками в Московском университете Солоновича исключили из числа студентов, ему было запрещено проживание в Москве. Восстановить свои права Солонович смог лишь спустя год по ходатайству жены, Агнии Анисимовны Солонович. По-видимому, в 1914 году Солонович закончил физико-математический факультет. Тогда же против него возникло новое судебное дело — в связи с выходом его книги «Скитания духа». Это было произведение мистико-символического содержания, с эротическим оттенком, написанное под явным влиянием «Симфоний» А. Белого.

Несмотря на попытки духовной цензуры обвинить автора в оскорблении религии и нравственности, суд вынес начинающему литератору оправдательный приговор, отказавшись конфисковать книги. Судя по всему, дальнейшая жизнь Солоновича в Москве была относительно спокойной. К 1914 году его первенцу, Сергею (арестованному вместе с отцом в ночь с 11 на 12 сентября 1930 года), исполнилось семь лет; впоследствии родился еще один сын — Алексей и дочь Татьяна. Солонович преподавал математику и механику в гимназиях Москвы, публикуя свои стихи (преимущественно верлибр) в различных изданиях.

Если верить Ю. Аниксту, который ссылался на Агнию Ани-симовну Солонович, «оккультизмом они интересовались еще до революции 1905 года». Интерес Солоновича к мистике и одновременно к революционной деятельности (возможно, созвучный «мистическому анархизму», провозглашенному Г. Чулковым в области творчества) проявился и в событиях 1917 года. Не скрывая ненависти к Солоновичу, Ю. Аникст описывает это саркастически, но явно со знанием характера и взглядов Солоновича: «Революция. Солоновича его приятель тащит на революционную улицу, а Солонович… читает Масперо [Гастон Масперо (1846 — 1916) — знаменитый французский египтолог] и отмахивается: до Р. Х. были революции и после этой будут, а что в них толку? Но неугомонный приятель не отстает, вытаскивает Солоновича на улицу, и, конечно, Солонович превращается в левейшего революционного.деятеля и печатает „Квадригу мировой революции‟ (первое свое анархо-мисти-ческое исповедание)».

Позицию Солоновича после октябрьских событий отражает протокол его допроса от 14.09.30 г.: "После Октябрьской революции моя установка по отношению к советской власти была: принципиально не признал советской власти, как и всякой другой, но фактически считал невозможным и нецелесообразным вести против нее борьбу, так как такая борьба могла бы дать только победу буржуазии, ибо такова была общая ситуация и, в частности, положение самого анархического движения. Однако считал возможным и необходимым вести пропаганду анархических идей в легальных и лойяльных формах. До 1919 г. я входил в Московский Союз Анархистов, а затем во Всероссийскую Федерацию анархистов-коммунистов и анархистов. Состоял членом секретариата (кто входил в секретариат, кроме меня, я принципиально отказываюсь говорить). <…>

После смерти Кропоткина организовался Кропоткинский Комитет, в который я вошел (других членов принципиально отказываюсь называть). Моя работа в Комитете заключалась в музейной деятельности — собирание средств при помощи подписных листов,

пожертвований, выступлений публичных и пр.; в архивной — собирании биографических материалов, писании очерков, библиотечной работе; в организационной — организации анархической секции Комитета, научной секции, социально-экономической и литературной, причем сам я состоял в анархической и научной секциях. Наконец, была пропагандистская работа, которая заключалась в написании статей и в лекциях по различным вопросам, связанным с личностью, мировоззрением и отдельными идеями Кропоткина. <…> Мои лекции, читаемые в музее Кропоткина, дома или по приглашению на какой-либо квартире, стенографировались анархическим кружком и потом давались мною читать желающим. Их задачей было показать, как от любого мировоззрения можно прийти к анархизму. Особенное значение здесь имели религиозно-мистические установки, так как они свойственны очень многим людям, и гораздо целесообразнее не суживать анархизм до одного частного типа мировоззрения, но расширить его, показать его совместимость с любым…"

Одновременно Солонович преподавал в вузах. До конца 20-х годов основной ареной его педагогической деятельности было МВТУ имени Баумана — здесь студенты и преподаватели были особенно заражены идеями анархизма, — а потому и больше страдали от арестов и репрессий.

По свидетельству немногих, кто знал Солоновича и остался в живых, он был блестящим лектором, увлекавшим любую аудиторию полетом мысли, эрудицией, образностью изложения. В то же время многие указывали на «бессистемность» излагаемого, на внешний эффект и ложную глубину. О противоречивости суждений и известной предвзятости Солоновича говорили и арестованные, однако можно ли этому безоговорочно верить? Человек увлекающийся, Солонович обладал огромной энергией, которая уходила не на книги и статьи, а на общение с «публикой», на «массовые» мероприятия, над чем издевался Ю. Аникст:

"Преподаватель Московского Высшего Технического Училища по курсу математических упражнений, наследник покойного А. А. Карелина по «анархическим» и оккультно-политическим делам и организациям, Алексей Александрович Солонович несомненно талантливая и незаурядная личность. Внешнее безобразие придает энергии его внушения особую силу, особенно действующую на восторженных натур и женщин. Громадная активность, пропагандистская и организационная, искупает его организационную бездарность, окружая его постоянно видимостью организационного кипения, вереницей эфемерных организаций. Бесконечные ордена и братства: Света, Духа, Креста и Полумесяца, Сфинкса, Взаимопомощи и т. п., целая иерархия оккультных, политических, «культурных» организаций, посвященных Иалдабаофу [В первоисточниках написания этого слова различаются] и его alter ego — архангелу Михаилу, феерией болотных огней вспыхивают на темных и извилистых тропинках его жизни…

Талант Солоновича своеобразен. Он пишет стихи. Но они никуда не годны по форме и их нельзя понимать: это какой-то набор звонких слов и образов. Он читает лекции и доклады, ошеломляет ими публику до одурения: столь они блестят эффектами остроумия, сравнений, неожиданных «новых» (хотя и вычитанных) взглядов и оборотов. Но как я ни пытался самое позднее на другой день после их произнесения узнать от его слушателей, о чем же говорил в лекции Солоно-вич, ни разу ни один, несмотря на все потуги, не мог ничего, кроме внешних эффектов, припомнить. <…>

Он написал труд «О Христе и христианстве», «Волхвы и их предтечи», «Бакунин-Иальдобаоф» и т. п. — бесконечный ряд трудов, кроме оккультных «Голубых сказок», пьес (подражая Карелину), метидаций и т.п. О «Бакунине-Иальдобаофе» он ухитрился в два года написать шесть громадных томов…"

Памфлет Ю. Аникста опирался на факты, но автор передергивал, подтасовывал и искажал их в нужную ему сторону. Солонович написал не шесть томов, а только три, но напечатаны они были в шести экземплярах для узкого круга единомышленников, что было

отражено и в обвинительном заключении. Исследование Солоновича — «Бакунин и культ Иалдо-баофа» — стало одним из основных пунктов обвинения автора в «антисоветской пропаганде и контрреволюции». Что в действительности представляла собой эта работа — сказать сейчас затруднительно, поскольку органами были изъяты и уничтожены все отпечатанные на машинке экземпляры рукописи. Арестованные оценивали ее по-разному (обычно как «черновой материал»), и их уклончивые ответы ни о чем не говорят. Осталось лишь несколько цитат, приведенных в обвинительном заключении Кирре и предопределивших окончательный приговор как автору, так и его единомышленникам. Эти цитаты настолько интересны и ярки, что заслуживают полного воспроизведения. Хочется верить, что по ним удастся в будущем обнаружить сохранившийся экземпляр (или черновые наброски) этой работы.

«Благодаря союзу рабочих и крестьян с интеллигенцией русская революция победила в Октябре. А затем большевики вогнали клин государства между рабочими и крестьянами, разъединили город и деревню, благодаря мероприятиям эпохи военного коммунизма, и затем в 1920 — 1921 годах подавили революцию, шедшую глубже… Последние всплески революции раскатились громами Кронштадтского восстания, махновщины, крестьянских восстаний и так называемых „голодных бунтов". То, что Носке проделал в 1918 году в Германии, большевики проделали в еще большем масштабе в России. Удушив революцию, погубив революционные элементы крестьянства, они тем самым подготовили себе прочную и бесславную гибель в объятьях буржуазно-мещанского элемента и того же крестьянства, а растоптав все элементы общественной самодеятельности, они отрезали себя и от пролетариата как массы, как революционного класса в городах. Они, таким образом, выделили и обособили сами себя в новый, неслыханно беспощадный и глубоко реакционный отряд иностранных завоевателей» (Т. II. С. 362).

Неожиданность постановки вопроса («подавление революции») объясняется не только разницей понятий, которые мы вкладываем теперь — и какие вкладывали тогда — в одни и те же термины, но и определенным мироощущением людей 20-х годов, для которых революция означала не «переворот» только, но изменение жизни общества, которое должно было вести к духовному и социальному преображению человека и человечества, к раскрытию его сил и способностей одинаково в плане духовном, творческом или хозяйственном. Именно эта главнейшая цель анархо-мистиков рождала представление, что «человек есть „гроб Господень", который надо освободить новыми крестовыми походами, и для этого должно возникнуть новое рыцарство, новые рыцарские ордена — новая интеллигенция, если хотите, которая положит в основу свою непреоборимую волю к действительной свободе, равенству и братству всех в человечестве» (Т. III. С. 10).

Оценивая современную ему (это было написано в 1927 году) ситуацию, Солонович пророчески отмечал, что «империализм московских большевиков пока занят внутренней войной и безнадежным старанием покорить страну. Однако занятость внутренняя может искать себе сил и во внешних завоеваниях. Но не нужно забывать немецко-еврейского происхождения большевизма, остающегося и обреченного всегда оставаться чуждым совокупности народов СССР» (Т. III. С. 358). Большевики, по его мнению, были людьми, одержимыми «демонами власти», поскольку «принцип власти привит человечеству как болезнь, подобная сифилису. От властолюбия надо лечиться, а с его безумством беспощадно бороться, ибо по следам Иалдобаофа ползут лярвы и бесовская грязь пакостит души людей и их жизни… Среди наиболее мощных фанатиков власти, для которых цель оправдывает средства, мы найдем Ивана IV, Филиппа II, Лойолу, Торквемаду, Ленина, Маркса и пр.» (Т. II. С. 22).

Эти цитаты, к которым постоянно возвращался на допросах Кирре, поставили Солоновича в крайне трудное положение. Было ясно, что никакие «объяснения» не будут приниматься во внимание. Похоже, что статью Ю. Аникста он не читал, поэтому на вопросы

об ордене отвечал, что о существовании таковых в наше время не знает. «Возможно, что кто-то, кому, очевидно, это было для чего-то нужно, — показывал Солонович на допросе 26.12.30 г., — распускал про меня совершенно нелепые слухи о моих необыкновенных оккультных способностях, о моей принадлежности ко всевозможным фантастическим орденам и организациям — особенно, как мне говорили, „сатанинским‟, причем передавали даже так, что в Москве-де, существуют две масонских сатанинских ложи — в Кремле и в Кропоткинском музее. Продумывая теперь — откуда и как могли возникнуть такие слухи, думаю, что они черпались из кругов различных оккультистов гешефтмахерского и т. п. типов, так как я, интересуясь всем, интересовался и этими областями, но нашел там такую массу шарлатанов и глупости, что достаточно порвал с этой публикой, — отсюда, из этих кругов могли пойти первоначальные толки…»

О том, как рвались некоторые люди к овладению «тайными силами» для практических и корыстных целей, свидетельствует разочарование Ладыженского, который ничего этого не нашел у московских анархо-мистиков и потому с особым злорадством раскрывал их «самозванство» перед следователями. Что же касается показания Солоновича, стоит отметить упоминание Кремля как места нахождения «сатанинской ложи». Это можно рассматривать как намек Солоновича на «сатанизм» власти коммунистов, однако мне представляется, что за этими словами — намек на реальные обстоятельства.

В опубликованных воспоминаниях С. А. Волкова о последних годах Московской Духовной Академии и о П. А. Флоренском есть любопытный эпизод. Мемуарист объясняет его дружбой между Флоренским и Л. Д. Троцким, которая сохранялась на протяжении 20-х годов. Примерно в середине этого периода — в годы расцвета орденских кружков — Троцкий затребовал из бывшей библиотеки Академии (еще находившейся в Троице-Сергиевой лавре) трактат немецкого автора XVII века об ангелах и их иерархии. О том, что эта книга есть в библиотеке, мог знать только Флоренский; до этого ее никто никогда не спрашивал. Книга была отправлена Троцкому, и через некоторое время он возвратил ее уже переплетенной… Зачем она ему понадобилась? Если вспомнить ходившие в те годы рассказы о напряженном интересе органов ОГПУ к мистике и оккультным наукам (этими вопросами интересовался и Л. П. Берия, консультировавшийся с И. В. Авдиевым и А. С. Сидоровым), то нельзя исключить (как, скажем, в практике «опричнины»), что имели место опыты практического сатанизма, тем более что человеческих жертвоприношений могло быть сколько угодно…

Но вернемся к Солоновичу, роль которого в духовной оппозиции правящей идеологии оказывается гораздо более значительной, чем даже роль Карелина. Сказались не только талант трибуна и оратора, но и работа в высших учебных заведениях, умение привлечь внимание молодежи. Солонович не ограничивался разовыми публичными выступлениями, но охотнее соглашался читать разработанные им циклы лекций по философии, обществоведению и диалектике у кого-либо на квартире или же приглашал молодежь, которая посещала Кропоткинский музей и библиографический кружок анархистской секции, к себе домой.

Об этих занятиях Солоновича показывали Ф. Ф. Гирш-фельд, частично — Г. Д. Ильин, А. С. Поль и В. И. Сно, а еще раньше — арестованные в июне 1930 года Е. Г. Самарская, О. С. Пахомова и Г. А. Любицкий. В этом плане представляет интерес выдержка из памфлета Ю. Аникста, который рисует впечатляющую картину просветительской работы анархо-мистиков.

«Если им (анархо-мистикам. — А. Н.) кажется, что вы податливый человек, вам начинают предлагать переходную литературу: оккультные романы, йогов, каббалистов, теософов и антропософов, Карпентера, Эмерсона, церковных мистиков, Бердяева, Булгакова, литературу по сектантству, индусскую, персидскую и т. п. мистическую литературу, соответственно тому, что окажется подходящее. Вам читают лекции, направленные против материализма, или даже в первое время против наименее удобных форм материализма. Затем вводят в кружок взаимопомощи, изучения Евангелия, изучения философии и т. п.

Затем начинают незаметно прививать свой псев-до-пневматизм, антисемитизм, ненависть к науке и технике и к индустриальной культуре. Прививают любовь к средневековью, к магизму и т. д. …»

В циклах лекций, посвященных истории философии и процессу познания, Солонович показывал ограниченность «экономического материализма», не желающего видеть многообразия жизни и противоречий внутри создаваемой им системы. «Марксизм построил человек из материальных потребностей, — говорил он, — как из атомов, и человечество в его глазах стало походить на громадную машину — потребляющую и выделяющую… Вместо того, чтобы настаивать на необходимости материальных потребностей во имя и ради удовлетворения потребностей высших, марксизм, в сущности, аннулировал все потребности, кроме материальных, объявил их или просто ерундой, как, например, этику, или же превратил их в „надстройку‟. Таким образом, он проповедует не возвышение человеческого общежития, но его принижение, не очеловечение, но оскотинивание. Марксисты обожествляют рабочего как он есть и хотят превратить его в идеальный образ человека, хотят заставить идти жизнь так, как это обычно только у рабочего. Для анархиста же современный рабочий — только искалеченный, несчастный получеловек, и анархист борется за то, чтобы и рабочий стал человеком. Марксист мечтает всех превратить в рабочих, анархист мечтает рабочих превратить в людей». Отсюда Солонович делал логический вывод, что задача экономического, государственного, культурного, строительства — не опускаться до уровня «масс», но поднять каждого индивидуума до личности, до осознания им своей индивидуальности, силы, мудрости, воли. Только тогда «общественное» может раскрыться в своем единственно верном аспекте — аспекте любви. «Учение Христа о соборности и есть учение об истинной общественности, и основой ее является любовь. Только любовью человек поднимается до жертвы, и учение Христа учит Любви и Свободе как единственно возможным устоям настоящей общественности…»

Подойдя к вопросу об осознании личностью себя и мира, Солонович раскрывал свою излюбленную тему — о трех типах людей: гиликах (иначе — физиках), психиках и пневматиках.

Физик — человек инстинкта: все его внимание сконцентрировано на мире вещей и на собственном теле. Он живет так, как жили его предки, как живут вокруг тысячи людей. «Главное в жизни для физика — его комфорт, удобства, в число которых входит и его семья, и инстинктивная любовь к детям. Но реально для него только то, что он сам испытывал или испытывает. Голод другого человека для него не существует, поскольку он знает только один голод, и этот голод — „его голод‟, потому что настоящий, подлинный, а не „голод вообще‟ может испытывать только он сам. Точно так же физическая боль „подлинная‟, лишь когда это „его‟ боль… Для него не существует интересов дальше родного города или деревни. Если сам он живет в Москве, а начальство в Петербурге, то из приличия он признает существование Петербурга, но на самом деле он признает не Петербург, а только начальство, которое там живет».

Психик живет своим сознанием и эмоциями, которые для него более реальны, чем физические ощущения. Явления предстают перед ним не сами по себе, а только в результате их взаимосвязей, которые становятся идеями, более реальными, нежели факты, которые могут быть по-разному истолкованы.

Поэтому и люди для психика гораздо более реальны, чем для физика; психик воспринимает их не только в их единичности, но и в объединяющей идее «всечеловечности», «соборности», которая заставляет предполагать свое с ними родство, что рождает чувство любви и сострадания. Все это ставит перед психиком вопросы о причинах и целях, а стало быть, и о процессах, которые проявляются в причинно-следственных связях всего сущего.

Но есть еще пневматики (люди духа). Они провидят и ощущают силы всемирные, которые вне и выше Земли, которые лишь проявляют себя в земной данности. Подобно

психикам, они не могут найти на протяжении земной жизни смысл страданий и возможность их оправдания, которое они переносят за пределы видимой жизни, полагая, что она — лишь одно из проявлений общемирового процесса. В нем разрешаются все вопросы, ставящие нас здесь в тупик. Это и есть истоки эзотерических учений, которые проникают в общество через пси-хиков и постепенно усваиваются физиками как «элементы быта».

Когда гибнет культура, первыми замолкают пневматики. Затем, теряя духовное питание, психики опускаются до уровня физиков, в руках которых постепенно концентрируется власть, когда во главу угла ставятся вопросы не духа, не этики, а физиологии — голод и пол, и над всем этим водружается знамя «экономического материализма». Солонович утверждал, что в конце 1920-х годов именно это происходило в России. «Большевики являются не более не менее как акционерным обществом жрецов капитала, облеченного в порфиру государственной власти и, как все конкистадоры, увешаны оружием, хвастовством и неизбывным лганьем перед массами… Наша эпоха есть эпоха апофеоза Государства, Капитала и Эксплуатации, когда Москва царей через императорский Петербург, „Третий Рим", подготовила Москву III Интернационала, которая, как паук, раскинула сети над рабочими и крестьянством, чтобы сосать их для себя во имя Маркса. Вот почему вокруг нас отмирает жизнь и глохнут даже те жалкие ростки культуры, которые все же пробивались сквозь ужас частнокапиталистической эксплуатации. Ненависть — плохой советчик: она слепа, она не способна к созиданию и приводит только ко всеобщему озверению людей…»

Когда читаешь эти строки более полувека спустя, поражает, насколько беспощадно и точно анализировал Солонович процессы своего времени и предсказывал направление их развития. В этом плане интересна его постановка вопроса о будущем вообще: каждый, кто смог подняться над обыденностью, обязан подавать людям пример, ведя борьбу против зла во всех его видах.

«Нужно указывать массам пути к светлому настоящему, а вовсе не к светлому будущему, — утверждал Солонович, — ибо если настоящее светло, то будущее также будет светло. Но если говорится о светлом „будущем", то будьте осторожны: не хочет ли проповедник светлого будущего просто закрыть этим будущим позор настоящего. Настоящие поколения людей нисколько не хуже будущих, чтобы их приносить в жертву тем, будущим. У настоящих есть одно крупное преимущество — они уже существуют, чего нельзя сказать с уверенностью о последующих поколениях. Глупо и преступно менять счастье реальных людей на весьма проблематическое счастье людей нереальных. В самом деле, почему отцы не имеют права на счастье? Почему они должны быть навозом для взращивания счастья детей и внуков? Да и захотят ли дети того счастья, которое будет построено на костях их отцов?»

Сейчас, по прошествии полувека, «дети» дали однозначный ответ — тот самый, который предсказывал Солонович… Возвращаясь в своих лекциях к этой мысли, Солонович утверждал, что «менять счастье реальных людей на счастье будущих, приносить в жертву принципам живых людей есть величайшее лицемерие и безумие, а вместе с тем и излюбленное орудие власти». Никакая культура не жила для другой. Жить ради будущего нелепо, ибо это означает никогда не жить.

Солонович не случайно начал этот цикл лекций с диалектики Гегеля, с его концепции проявления и становления Мирового Духа, чьи мысли, обретая бытие, превращали начальный монолог в диалог, который в конечном счете становился синтезом. Рассматривая человека как явление мирового порядка, как феномен, являющийся синтезом трех планов бытия — физического, психического и духовного, — Солонович видел в нем развертывание идеи самопознания мира, в основе которой заложено стремление оброненной божественной искры вернуться к своему первоисточнику, преобразуя себя и окружающий мир. Ошибка Гегеля, по его мнению, заключалась в том, что философ «счел человеческий разум осколком разума вселенского, тогда как он только тень этого разума…».

Человек равным образом принадлежит миру низших сил, миру физическому, который превалирует на Земле, и миру высшему, духовному, к которому он только пытается идти. Отсюда — два потока идей, которые делают человека ареной своей борьбы. Первый, способствуя подъему, пробуждению души и духа, идет из высших миров через пневматиков — посредников между человечеством и миром духов. Второй путь обусловлен мудрствованием людей, озабоченных заботами тела, отягченных ненавистью, страхом и эгоизмом. На этом пути люди создают божков, которые начинают вести между собой войну, втягивая в нее людей, требуя от них полного подчинения, отказа от своей индивидуальности и свободы, наполняя их души ненавистью к близким, завистью и низменными желаниями. «Так, стоя перед толпой, агитатор вызывает низшие страсти, заклинает лярв, притаившихся в глубинах мглы, чтобы они „одержали" людскую толпу, тогда как проповедник любви и свободы призывает светлых духов помочь укрепиться людям в их пробудившемся стремлении в верха…»

Изучая различные силы, действующие в истории общества, Солонович не мог, конечно, обойти вопрос о Церкви — достаточно острый для России 20-х годов. Большевики не просто разрушили российскую Православную Церковь, но и занялись физическим уничтожением людей, так или иначе с ней связанных. Сейчас, когда спала первая волна запоздалого сочувствия, все чаще задаются вопросом: как такое могло произойти? Как могла это допустить сама Церковь, занимавшая, по словам ее апологетов, «стержневое» место в сознании русского народа? Да и общество в целом довольно равнодушно смотрело на гибель национальных святынь. Именно в то трагическое время была заметна явная враждебность широких масс к Церкви; шли поиски новых духовных ценностей. Те же тамплиеры — лишь одно из многих направлений религиозно-мистической жизни общества тех лет (вспомним популярность теософских и антропософских организаций, толстовцев и тому подобных). Пожалуй, это можно назвать поисками новой религии, основанной на постулатах христианства, однако отрицающей его прежнюю организационную структуру.

Не претендуя на исчерпывающее решение этой сложной проблемы, можно сказать, что к началу XX века организация Русской Православной Церкви себя в достаточной степени дискредитировала: подчиненностью бюрократической машине государства, догматизмом, а порой и малой культурой. В отличие от католичества и протестантизма, Православная Церковь оппонировала обществу и науке и в организационном плане действительно была феодальным пережитком.

Для Солоновича церковная иерархия всегда представала «властнической структурой», построенной на подчинении и принуждении. Он резко выступал против той Церкви, которая подменяла учение Христа о любви и терпимости — нетерпимостью к инакомыслящим, то есть несвободой духа. Солоно-вич обращается к проблеме, обсуждавшейся еще на вселенских соборах: возможно ли наличие благодати у человека недостойного только на том основании, что он утвержден вышестоящей церковной инстанцией, когда «избранничество» подменяется «назначением».

Возвращение к принципам раннего христианства, к учению гностиков, переосмысленному в свете новых научных открытий, дает человеку ищущему опору для противостояния развращающему нигилизму и вместе с тем открывает духовные горизонты для выбора собственного пути. Формы новой религии могут быть различны; важно, чтобы в ее основе лежало истинное учение о свете и любви. Она не должна быть массовой: массовым стало учение христианской Церкви, вобравшей в себя не только людей подготовленных, но и тех, которые до сих пор живут по законам тьмы и повинуются лярвам. Массовость рассчитана на низшие уровни сознания, она низводит человека к примитиву. Потому и нужны тайные союзы, ордена (как во времена первых христиан), где собирались бы люди одинаково мыслящие, одинаково готовые на подвиг жизни.

«Темные силы имеют свои тайные братства, образуя то, что может быть названо общим именем сатанизма, — учил Солонович, — не нужно только думать, что сатанизм выявляется в тех грязных и поистине мелких делишках полового разврата, о которых говорят многие. Это пустяки. Сатанизм грозен и могуч, его задачи обширны и глубоки, гораздо глубже, чем могут себе вообразить ученые богословы. Сатанизм проявляет свои силы там, где вопрос идет о судьбе целых народов — когда проповедуется та или другая форма темной мистики, мистики власти, религии, атеистического материализма, когда действия государства производятся его палачами, шпионами, „чрезвычайками‟, подавляя всяческую мысль человеческую; он проявляется в коллективных психозах, в борьбе за власть, называемой „демократией‟, в борьбе всевозможных церквей, в нетерпимости, фанатизме, связанном с ними тупоумии. Словом, сатанизм везде, где нет любви, мудрости, свободы, терпимости, правды, добра…»

Земля становится ареной борьбы светлых и темных сил за человека; однако не следует полагать, что сам человек — всего лишь их игрушка. От осознания им своей роли «в мирах и веках» (а не только в промежуток между рождением и смертью) зависит исход этой битвы, который может ускорить восхождение человечества, а может и замедлить, хотя победа света предрешена. А позиция человека в тот отрезок времени, который он именует своей «жизнью», определяет его вклад во вселенское дело и его судьбу в следующем воплощении.

Человек, таким образом, — не только «ставка» в этой борьбе, но и главное действующее ее лицо, гораздо более сильное, чем влекущие его силы. Солонович утверждал (на основании орденских легенд, а может быть, каббалы или гностических трактатов), что борющиеся за человека силы могут действовать на Земле только в формах нашего мира, а потому они ограничены, может быть, более, чем сам человек, который изначально сроден этому миру. Поэтому «Архангел может оказаться гораздо слабее среднего человека». Сила спустившегося на Землю духа — в другом: став посредником между человеком и высшим миром, он может раскрыть ему сознание, помраченное в земных условиях или не получившее импульс для своего пробуждения и развития.

Заканчивая этот курс (как мне представляется, он предшествовал приглашению слушателей в орден), Солонович подводил итоги учения.

«Человечество есть арена столкновения самых разнообразных влияний, и мистерия его истории, развертываясь на протяжении тысячелетий, подобно ручью вливается в океан Вселенского Человечества… Каждый отдельный человек значит мистически столько же, сколько и любая совокупность людей, ибо индивидуальности несравнимы и каждый может развить ту деятельность, которая приведет его к преображению. Мистика психическая в ее лучшем аспекте приводит к служению людям, а мистика пневматическая — к служению человечеству. В этом заключается единственный и подлинный смысл того, что мы называем альтруизмом, ибо альтруизм есть явление психической сферы, противоположной эгоизму. Отсюда вытекает смысл служения человечеству: слова Христа о том, что надо посещать заключенных, кормить голодных, поить жаждущих, одевать раздетых, помогать больным и так далее, можно понимать в прямом смысле, и этот смысл обязателен для всех. Но, кроме того, нужно понимать эти слова в их более глубоком смысле: как сделать все, что можно сделать, для того, чтобы на земле не было голодных, жаждущих, заключенных в тюрьмах, разутых и раздетых… Добиваясь этой последней цели, мы служим уже всему человечеству. И в этом отношении каждый должен знать, сколь глубоко правильны слова Ибсена, влагаемые им в уста Брандта: „Простится тебе все, чего ты не смог, но не простится то, чего не захотел!‟»

Высокие идеи и образы орденских легенд, которые излагал слушателям Карелин, Солонович использовал для окончательного оформления того учения, которое получило название «анархо-мистицизма». В нем идеи абсолютной духовной свободы человека, эволюции духа и практическое применение христианских заповедей получили свое развитие применительно к «текущему моменту» в России. Легенды были записаны, как я слышал, в

середине 20-х годов, после смерти Карелина (ибо, кроме него, никто не мог запомнить их во всем объеме) и не выходили из круга старших рыцарей. Сочинения же Солоновича и стенограммы его лекционных курсов получили очень широкое распространение. Это были «зерна Логоса», брошенные в хаос и тьму, вскоре ставшую для миллионов людей еще и тьмой смертной.

Армагеддон

История возникновения «Ордена Света» теряется в дымке догадок и предположений; история же его разгрома относительно хорошо документирована, поскольку связана с историей мемориального Музея П. А. Кропоткина в Москве.

Официальной датой открытия музея считают 9 декабря 1923 года, когда для посетителей впервые открылись двери особняка в Кропоткинском (ранее — — Штатном) переулке. Однако начало музею было положено через неделю после смерти П. А. Кропоткина, 15 февраля 1921 года, когда Моссовет принял решение о передаче под мемориальный музей особняка, в котором 27 ноября 1842 года родился «апостол анархизма». Оно и положило начало всей последующей борьбе анархистов вокруг музея, потому что не указывало, кому именно передается здание.

Четыре года спустя анархист А. М. Атабекян пытался убедить общественность, что Моссовет передавал особняк под музей анархистам — и только им, забывая, что власти в то время были озабочены борьбой именно с анархистами. Ими были полны московские тюрьмы. Кронштадское восстание, которое проходило под анархистскими лозунгами, было подавлено с особой жестокостью. И когда Комиссия по организации похорон П. А. Кропоткина, состоявшая из анархистов, которые были в то время на свободе, через два дня после решения Моссовета преобразовала себя в Комитет по увековечению памяти Кропоткина, введя в свой состав его вдову, С. Г. Кропоткину, и родственника Кропоткина, географа Н. К. Лебедева, двое последних решительно отказались в нем участвовать. Они образовали новый, не анархистский, а общественный комитет.

Основания для такой постановки вопроса имелись. П. А. Кропоткин был не только и не столько революционером, сколько общественным деятелем и мыслителем. В науке ценили не «анархиста Кропоткина», а его труды по географии и геологии: за рубежом видели в нем социального мыслителя и реформатора мирового уровня. Вот почему параллельно с московской инициативной группой по увековечению памяти Кропоткина в Петрограде на собрании крупнейших представителей русской науки (среди них были президент Академии наук А. П. Карпинский, Д. И. Мушкетов, председатель Русского технического общества П. А. Пальчинский, Д. С. Зернов, известный шлиссельбуржец М. В. Новорусский) был создан свой, петроградский Комитет.

20 июня 1921 года на совместном заседании представителей московского и петроградского комитетов была образована новая инициативная группа, в которую вошли С. Г. Кропоткина, В. Н. Фигнер, П. А. Пальчинский, Н. К. Лебедев, Н. К. Муравьев,

А. А. Карелин и А. М. Атабекян. Первое организационное собрание Комитета состоялось 18 сентября 1921 года, а 6 ноября того же года было избрано Исполнительное бюро Комитета в следующем составе: С. Г. Кропоткина (почетный председатель),

В. Н. Фигнер (председатель), Н. К. Лебедев (секретарь) и в качестве членов — П. А. Пальчинский, А.А.Карелин и Н. К. Муравьев. В Положении о «Всероссийском общественном комитете по увековечению памяти П. А. Кропоткина» были указаны его задачи (создание музея, проведение лекционной и научной работы по изучению наследия Кропоткина, издание

его трудов) и организационная структура. Было предусмотрено создание четырех секций — анархической, естественно-научной и географической, общественно-экономической, литературно-художественной. На протяжении почти всех 20-х годов работа велась преимущественно в двух секциях — научной и анархической (последнюю поначалу возглавил А. М. Атабекян).

Комитет приступил к организации музея, на что ушло два следующих года. Из дома были переселены жильцы, сделан ремонт. С. Г. Кропоткина перевезла из Англии библиотеку покойного мужа, началась работа над экспозицией. И с первых шагов деятельности общественного комитета среди его членов мы видим А. А. Карелина — единственного анархиста, вошедшего позднее в состав его исполнительного бюро.

Факт этот представляется мне в высшей степени важным: он еще раз напоминает о близости между Кропоткиным и Карелиным в период их эмигрантской жизни между двух революций (1905-го и 1917 гг.) и о влиянии Карелина на дальнейшую судьбу Комитета и Музея. Смерть Кропоткина пришлась на момент крайнего обострения отношений между анархистами и Советской властью. Решение Московского Совета о создании мемориала «опального революционера», да еще анархиста (не имеющее прецедента и последующих аналогий), скорее всего, было принято под давлением ВЦИКа, членом которого был не только Карелин, но и его достаточно близкий и влиятельный знакомый — член Президиума и секретарь ВЦИКа А. С. Енукидзе. Возможно, именно Карелин рекомендовал на пост председателя Комитета В. Н. Фигнер, которая была связана дружескими узами с семьей Кропоткина и, по-видимому, с Карелиным и его последователями.

Такая расстановка сил — Исполнительное бюро Комитета, где анархизм был представлен только Карелиным, и анархистская секция во главе с А. М. Атабекяном — неминуемо должна была разрешиться острым конфликтом.

Скандал разразился в начале марта 1925 года, когда на заседании секции Атабекян прочел оскорбительный реферат по только что выпущенной книге Н. К. Лебедева о Кропоткине. Лебедев был не только членом Исполнительного бюро Комитета, но и родственником Кропоткина. Судя по всему, реферат вызвал гневную отповедь С. Г. Кропоткиной, которая присутствовала на заседании, а 11 марта Атабекян послал ей вызывающее письмо, предложив уйти из Музея и передать его анархистам.

В архиве анархиста А. А. Борового, который входил в научную секцию Кропоткинского Комитета и в конфликте встал на сторону С. Г. Кропоткиной и В. Н. Фигнер, сохранились документы, которые позволяют представить развитие конфликта (их дополняют и материалы газеты «Рассвет»). Речь шла не о частностях, даже не о трактовке Кропоткина как анархиста или ученого, а о стремлении политических анархистов сделать Кропоткинский музей преемником закрытых к тому времени анархистских клубов Москвы, стать центром политической оппозиции. Насколько это было гибельно для Музея, говорить не приходится уже потому, что именно весной 1925 года по стране прокатилась волна массовых арестов анархистов.

Как видно из письма Атабекяна Кропоткиной, она крайне отрицательно относилась к «анархистским сборищам» и требовала не обсуждать на них политические темы, ссылаясь на уже полученные ею предупреждения от органов ОГПУ. Анархисты же считали руководство Музея и Комитета «полупраздными представителями разлагающейся и вырождающейся русской общественности» (как писал Атабекян, «образованными бандитами»). И когда на заседании Комитета в начале апреля было принято решение о закрытии Музея на ремонт и прекращении в связи с этим заседаний анархической секции, последняя категорически отказалась подчиниться Комитету и трижды после этого прорывалась в музей силой. Последний раз это произошло 26 апреля 1925 года — через два дня после того, как ОГПУ арестовало члена Кропоткинского комитета А. А. Со-лоновича и работника музея анархиста С. И. Андина по обвинению в «подпольном анархизме». В этих условиях проведение в здании

музея собраний анархистов могло закончиться арестом всех членов Комитета и закрытием Музея. Чтобы предотвратить это, заведующий музеем М. П. Шебалин с согласия С. Г. Кропоткиной вызвал для выдворения ворвавшихся в музей наряд милиции. Она переписала собравшихся и отпустила их. Никаких репрессий по отношению к выдворенным не было, что наводит на размышления о возможной провокации.

Письма и воззвания Атабекяна, сохранившиеся в архиве Борового, позволяют думать, что в то время анархо-мистики еще не «легализовались» в стенах Кропоткинского музея и не выступали в качестве оппозиции «к мозолистым рукам и честным горячим сердцам истинных тружеников пролетариата», как рекомендовали себя сподвижники Атабекяна и Павлова.

Последующие события, скорее всего, развивались следующим образом. Если, как согласно показывали арестованные рыцари, они впервые услышали об ордене весной 1924 года, то знакомство с Карелиным и Солоновичем старших рыцарей — П. А. Аренского, В. А. Аренской, Ю. А. Завадского, В. С. Смышляева, Л. А. Никитина (посещавших первый Дом Советов) — приходится на конец 1922-го или начало 1923 года. В 1923-м (или 1924-м) году после запрещения и роспуска всех анархических организаций, в том числе ВФАК, Карелин ускорил организацию орденских кружков. К этому времени он уже ввел в Кропоткинский комитет А. А. Солоновича и его жену Агнию Анисимовну, поскольку оба они были в прошлом секретарями ВФАК и членами секретариата «Черного Креста», через который поступала денежная помощь анархистам из-за границы.

В пожертвованиях остро нуждался и Музей, существовавший исключительно на добровольные взносы, — государственных дотаций он не получал. С конца 1924 года в Чикаго (США). начала выходить организованная Карелиным газета «Рассвет», которая способствовала сбору и пересылке в Россию средств в пользу «Черного Креста», а затем и на нужды Кропоткинского музея. Объединение бывшего руководства ВФАК и «Черного Креста» с Кропоткинским комитетом и Музеем представлялось единственно разумным выходом из положения, поскольку прежние руководители ВФАК — Карелин, Солонович, Богомолов, Проферансов — в своей новой деятельности меньше всего стремились к конфронтации с Советской властью, видя перспективу сохранения идей анархизма только в работе на поприще культуры.

Судя по протоколам допросов, неожиданный арест Солоновича в апреле 1925 года приостановил работу кружков. Она возобновилась только осенью, когда (скорее всего, стараниями Карелина и Енукидзе, использовавших официальное ходатайство ректората МВТУ им. Баумана) Солонович был освобожден из суздальского концлагеря и дело на него было прекращено — факт исключительный для той эпохи. Объяснить его, как мне представляется, возможно только провалом широкомасштабной провокации ОГПУ против анархистов, задуманной как раскрытие терактов против правительства (в частности, Зиновьева). Вслед за провокацией должен был начаться широкий процесс над анархическим движением в целом. В этом причина массовых арестов анархистов весной 1925 года. Однако провокация не удалась, а внимание ОГПУ переключилось на «троцкистско-зиновьевскую оппозицию», уничтожение которой заняло три последующих года.

Для анархо-мистиков это было время передышки, время реализации наиболее значительных планов в области организации орденских кружков и в области искусства. Именно тогда, с осени 1925 года, вернувшийся в Москву Солонович становится во главе анархической секции Кропоткинского комитета. Секция почти полностью обновляет свой состав и резко меняет направленность работы. На ее собраниях, конечно, не читают орденских легенд, однако ставят вопросы, связанные с орденским учением.

Об этом свидетельствует «Подробная автобиография Владимира Ивановича Сно», которая находится в следственном деле «Ордена Света», — исповедь молодого человека, случайно оказавшегося в среде анархо-мистиков. Товарищ Н. Р. Ланга по ялтинской гимназии (1918 — 1919), он разыскал его в Москве, приехав туда в 1924 году. Сно полагал себя

анархистом; знакомство с Н. Р. Лангом открыло ему двери дома Никитиных на Арбате. Там он познакомился с А. А. Солоновичем, получил приглашение бывать в Кропоткинском музее на докладах и лекциях, затем напросился к Солоновичам домой… В. И. Сно был вечным неудачником, больным человеком, который искал опеки и руководства. Не складывались в Москве ни его быт, ни служба, ни личная жизнь. В начале 1927 года он уехал в Ялту, окончательно порвав с анархизмом и московскими друзьями. Его свидетельство о заседаниях анархической секции приурочено к 1926 году (когда, по свидетельству большинства арестованных, орденские кружки начали распадаться).

«Посещая собрания (анархической секции. — А. Н.), — писал Сно, — я узнал, что эта группировка анархистов имела чисто мистический характер. Там говорилось о дуализме природы, добре и зле, о том, что добро есть первый стимул жизни и еще добро может победить только в том случае, если оно найдет достаточно своих поборников. Очень сложная философская и мистическая подготовка требуется человеку, чтобы он мог быть его (добра. — А. Н.) насадителем. Конечная идея социологической эволюции анархизма, по мнению этой группы анархистов, есть в беспредельном царстве добра, в победе над мраком, мудрости над невежеством. Все эти постулаты базируются на текучести и однородности всех религий и также всех революционных движений. Так, черпая свою символику из египетских и других религиозных и эзотерических преданий древних религий и культов, анархисты-мистики считали, что религия первоначально есть движение революционное, борющееся всегда за одно и то же, за победу света над мраком, засоренное впоследствии, после своей временной победы над человеческой психикой, официальным или рациональным пониманием. Поэтому они считали, что всеобщее обнародование анархизма, его навязывание приведет к такому же искажению самого анархизма. Чтобы оно удержалось в чистоте, его надо дать только подготовленным, то есть замкнуть в кружки, вроде степеней египетских храмов…»

Если вспомнить, что до осени 1925 года (до возвращения Солоновича) подобные собрания в анархической секции, возглавляемой Атабекяном, были просто невозможны, показания Сно говорят о том, что именно в год смерти Карелина анархо-мистики «вышли из подполья».

Что было сделано ими к этому времени? Мне представляется, что наиболее полно их идеи реализовались на театре и вокруг театра. 1924 — 1925 годы отмечены работой над «Золотым горшком» Э.-Т.-А. Гофмана в инсценировке П. А. Аренского на сцене Второго МХТа. Там же в декабре 1926 года состоялась премьера «Орестеи» Эсхила, поставленной В. С. Смышляевым с Б. М. Афониным. Оформление принадлежало Л. А. Никитину, композитором был молодой, но, по-видимому, уже принятый в орден В. Н. Крюков. Какая-то работа шла в театре им. Е. Вахтангова, но основная деятельность, вероятнее всего, разворачивалась в Белорусской государственной студии, во главе которой стоял В. С. Смышляев, а преподавателями («наставниками») выступали братья по ордену — В. А. Завадская, Л. А. Никитин, П. А. Аренский, Б. М. Афонин, не говоря уже о других педагогах, музыкантах и композиторах и общем патронировании студии Вторым МХТом. Именно в эти годы (1924 — 1926) были поставлены и оформлены спектакли студии, составившие Первую программу второго Белорусского государственного театра в Витебске (так стала называться студия, уехав из Москвы весной 1926 года) — программу, которая вызывала в дальнейшем яростные нападки партийной белорусской прессы на ее «васильковую мистику» и «националистичность».

Забегая вперед, следует сказать, что репрессии, которые обрушились в 30-х годах в Москве на руководителей Белорусской студии, не обошли стороной и бывших студийцев. Я уверен, что белорусские исследователи, добившись открытия следственных дел на репрессированных в начале 30-х годов актеров и режиссеров второго Белорусского государственного драматического театра в Витебске (ныне театр им. Я. Коласа), обнаружат такие же обвинения в анархо-мистицизме, как и в следственном деле «Ордена Света».

Движение быстро разрасталось — потому что не знало жесткой организации. Каждый новый член кружка, каждый рыцарь оказывался своего рода «центром кристаллизации», точкой притяжения единомышленников. Членами Ордена (или близкими к ним) были композиторы, востоковеды, химики, актеры, художники, певцы, архитекторы, историки, искусствоведы, филологи, экономисты, военные. Они работали во Втором МХТе, в театре им. Е. Вахтангова, в Московской консерватории, в ГАХНе, в Музее изящных искусств, в Московском университете, в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), в Центральном детском театре…

Вместе с тем благодаря усилиям Карелина и Солоновича с апреля 1927 года в Детройте начал выходить новый журнал «Пробуждение» — «ежемесячный орган свободной мысли, издаваемый русскими прогрессивными организациями США и Канады». Журнал был тесно связан с «Рассветом»: во главе обоих изданий стоял один и тот же человек (Е. Долинин?). Однако в отличие от «Рассвета», сохранявшего (при максимальном нейтралитете) анархистскую ориентацию, новый журнал предназначался в первую очередь для пропаганды анархо-мисти-ческого направления, которая, впрочем, не вторгалась непосредственно в область мистики. Новый журнал занял резко критическую позицию как в отношении коммунистов, с которыми анархисты все время порывались сотрудничать, так и в отношении анархистов с их бакунинской уверенностью, что «дух разрушающий уже есть дух созидающий».

«Наша задача — собирательно-организационного и воспитательно-просветительного порядка, — говорилось в редакционной статье, которая открывала первый номер журнала. — Вокруг „Пробуждения“ мы хотим сплотить ту часть русской эмиграции, которая отреклась от прошлого — монархизма, и не приемлет настоящего — большевизма, порожденного этим прошлым. Общество в целом только тогда прогрессирует и поднимается на высшую ступень, когда в нем накопляется достаточно энергии, опыта и сил, чтобы сделать шаг вперед от данной формы общежития к высшей, более совершенной. Социальная же революция в лучшем случае является лишь одной из крайних форм стихийного протеста, который в известных случаях может быть и неизбежным, но в то же время не может быть, как правило, признан созидательным процессом. В силу своей стихийности, а следовательно случайности, социальная революция может таить в себе в одно и то же время розы свободы и шипы деспотизма и реакции. На всех бывших в прошлом революциях лежит какая-то роковая печать неудачливости. Почти все они не оправдали надежд, а русская революция, ввергшая страну в какую-то дикую татарщину, являет собой разительный пример того, каковы могут быть последствия социального бунта, стихийно разразившегося в стране культурно отсталой, политически незрелой и поэтому подпавшей под власть политических фразеров и демагогов… Мы хотим не руководить, а будить спящих, открывать глаза невидящим, призывать к активности бездействующих, убеждать сомневающихся в правоте и благородстве нашего идеала».

Эти идеи развивались и в статье Е. Долинина, где, в частности, говорилось, что «многие революционеры, в том числе и анархисты, проповедуют социальную революцию, но очень немногие из них поняли истинную сущность этой великой катастрофы. Немногие из них уразумели и такой вопрос: какими должны быть пути подлинной социальной революции? Одни из них нам говорят, что подлинная революция заключается в полной „экспроприации экспроприаторов“, другие думают, что истинная революция заключается в установлении „диктатуры пролетариата“ и в полном истреблении буржуазии и интеллигенции; третьи же утверждают, что подлинная революция будет происходить тогда, когда она отвергнет всякие моральные и юридические нормы и утвердит один лишь принцип: господство революционных чувств… Финал подобных революций бывает обычно трагическим. Если революция отвергает современное принудительное право, то она может отвергать это право только во имя права лучшего, но не во имя бесправия. Полное бесправие есть, в сущности, самый разнузданный и

дикий деспотизм… Классический образец такого абсолютного беззакония мы видим в начале большевистской революции, когда высшим законом была воля чекиста и грабителя. Без всякого суда и следствия чекисты могли бросить в тюрьму человека, и этот человек нигде не мог найти защиты, <…> если только он не принадлежал к верховной властвующей касте».

Крайне современно звучат слова из статьи Б. Вышеславцева, напечатанной в одном из последующих номеров «Пробуждения» — о «капитало-коммунизме» с его «казарменным социализмом», который есть «самая всеобъемлющая форма властвования и самая совершенная форма эксплуатации». Автор предупреждал: «Когда коммунистическая идеология совершенно выветрится и будет окончательно уничтожена, тогда встанет проблема новой идеологии и новая опасность. Русские западники и западные социалисты скажут: это был ненастоящий социализм, опыт был проведен неправильно, коммунизм совсем не есть социализм. Таким нужно прежде всего напомнить слова Прудона, которые получают теперь совсем особую ценность: „Коммунизм есть фатальный конец социализма"».

Во всех публикациях журнала в первые годы чувствовалась его программа, всесторонне продуманная Карелиным вкупе с Солоновичем и Проферансовым. Они продолжали и после смерти основателя анархо-мистицизма направлять журнал из Москвы, посылая оттуда материалы. Первое место занимал вопрос о сущности человека, его значении в истории. Так были напечатаны работы А. Солоновича, И. Хархардина, А. Пастухова, В. Худолея, Л. Никитина, многие из которых являются текстами докладов, прочитанных на заседаниях анархической и научной секций Кропоткинского комитета в Музее Кропоткина.

В целом можно сказать, что «Пробуждение» воплотило в себе третью легальную сторону деятельности Карелина — его культурно-просветительную работу. Эта работа была одинаково важна и для введения анархизма в новое русло, и для строительства «внутреннего человека», путь к которому пролегал через знания, накопленные человечеством. Символично, что первый номер журнала, вышедший через год после смерти Карелина, открывался воспоминаниями о нем и фотографиями его похорон — похорон земного тела, в то время как его мощный дух начинал новое существование в основанных им печатных органах…

Однако, как я уже говорил, в истории орденского движения 1926-й и 1927 годы были только счастливой случайностью, передышкой. Смерть Карелина, создание Карелинского комитета (по образцу Кропоткинского), куда вошли Солоновичи, Н. К. Богомолов, А. В. Андреев, родственники Карелина — брат, сестра и племянница с мужем, И. Н. Уйттенховен-Ило-вайская, М. М. Брендстед и ряд других лиц, а вместе с тем временное «потепление» в отношении Советской власти к анархистам подали надежду московским сторонникам «практического» анархизма захватить Кропоткинский музей изнутри, войдя в Кропоткинский комитет и составив большинство если не в анархической секции (которую теперь возглавлял Солоно-вич), то в научной, где распоряжался А. А. Боровой, ставший к тому времени заместителем В. Н. Фигнер. Судя по документам, публиковавшимся в журнале «Дело труда» (его издавал в Париже П. Аршинов — бывший личный секретарь Н. И. Махно и историк махновского движения), Боровой и был инициатором этого замысла. Впрочем, мне представляется, что видный анархист стал орудием ловко проведенной интриги.

История трехлетней провокационной кампании, развернувшейся на страницах парижского журнала и расколовшей (к запоздалому стыду наиболее ярых ее участников) русских анархистов за рубежом на два враждующих лагеря, заслуживает специального рассказа. Поэтому я ограничусь общей канвой событий, важной для понимания судьбы «Ордена Света».

Едва замолкли отголоски смерти Карелина, как уже в августовском (1926) номере «Дела труда» поднялись голоса против «Рассвета» и «рассветовцев», в частности редакторов Ру-бежанина и Долинина. Издателей и газету обвиняли в монархизме, фашизме, контрреволюционности, «заигрывании» с русской эмиграцией, в нападках на Советскую

Россию. Вскоре (это стало особенно заметно в 1927 году, когда появились первые номера «Пробуждения») обвинительный арсенал пополнился «мракобесием», «фетишизмом» и «поповщиной».

Особенно бросались в глаза заявления московского анархиста В. Худолея, выделявшиеся как своей оголтелостью (в общем-то для него не свойственной), так и загадочностью. В первом из них было сказано, что он не желает иметь ничего общего с газетой «Рассвет», поскольку она «развращает читателей буржуазной идеологией, солидаризируясь с белой эмиграцией». Худолей признавался, что, «живя в Москве, он не имел возможности получать американские издания» и узнал о том вреде, "который причиняет анархическому движению газета «Рассвет», только по вырезке из журнала «Дело Труда», почему и советовал анархистам «организовать бойкот этой газеты». Но кто и зачем показал ему эту вырезку?

Месяц спустя Худолей попросил редакцию опубликовать значительно более пространное заявление, в котором обрушивался уже и на «Пробуждение», повторяя домыслы аршиновских авторов. Он заявлял: «Живя далеко от Америки, я не могу знать, кто из работников этих изданий повинен в измене <…> Но я твердо убежден, что среди лиц, близко стоящих к „Рассвету‟ и „Пробуждению‟, имеется небольшая, хорошо законспирированная группа фашистов <…> имеющая целью воспитание палачей всякой революции. Очевидно, редакции обоих изданий бессознательно работают на полицию и ку-клукс-клан…»

Чтобы не осталось сомнения в том, кого он имеет в виду, Худолей просил напечатать, в «добавление к своей подписи» под опубликованным в предыдущем номере журнала «Заявлением» группы московских анархистов буквально следующее: «Я не подозреваю Солоновича в провокации, но считаю, что идеология мистических „анархистов‟ не менее, а более вредна для анархического движения, чем полицейская провокация».

В «Заявлении» же, о котором идет речь, содержался прямой донос ряда видных анархистов — Н. Рогдаева, В. Бармаша, А. Борового и других, что «музей анархиста-материалиста и позитивиста Кропоткина стал цитаделью анархо-мистиков», которые «под маской освобождающейся философии распахнули двери самым реакционным формам фетишизма», создав в музее «атмосферу грязного, зловонного болота». Они заявляли, что «в музее, где хранятся памятники революции и анархизма, мистическое ханжество глумится над атеистическим мировоззрением Кропоткина, а Бакунина нимбует под масона-мистика…».

Что же за этим стояло?

Как объяснял в одном из своих заявлений А. А. Боровой, чья подпись стоит первой под указанным «Заявлением», на протяжении всего 1927 года он пытался сколотить группу анархистов-практиков, чтобы ввести ее в Кропоткинский комитет через научную секцию с целью «выявлять и защищать в противовес мистической секции анархизм, очищенный от инородных примесей».

В январе 1928 года Боровому удалось ввести в свою секцию группу из одиннадцати человек — М. Кайданова, В. Котлярев-ского, Н. Рогдаева, З. Гандлевскую, А. Андреева, В. Худолея, Ф. Гецци, А. Фомина, Г. Мудрова, В. Бармаша и С. Фалька — всех тех, кто потом вместе с Боровым подписал заявление в «Дело труда» и впоследствии не раз выступал с новыми заявлениями. Однако первый успех Борового оказался и последним. На ближайшем заседании исполнительного бюро с протестом против приема Н. Рогдаева выступили С. Г. Кропоткина и А. А. Солонович, ссылаясь на резко отрицательные характеристики, которые дали ему Кропоткин и Карелин. Не исключено, что именно Рогдаев в 1913 году сыграл роль провокатора цюрихской группы анархо-коммунистов, сорвав создание федерации, которую готовил Карелин во Франции.

Однако Боровой, будучи заместителем председателя Комитета, на этот раз победил, пригрозив своим выходом из Комитета в случае отказа Рогдаеву. Но уже на следующем заседании бюро против Рогдаева выступил Г, И. Аносов, а затем было зачитано письмо Н. .И.

Проферансова, который, опираясь на мнение ряда членов Комитета, потребовал аннулирования выборов как незаконных: в момент приема указанных одиннадцати анархистов в секции, насчитывающей двенадцать членов, присутствовали лишь четверо, причем одним из них был сам Боровой.

Боровому ничего не оставалось, как уйти. Ушли и одиннадцать не принятых оппозиционеров, а следом за ними комитет покинули еще несколько человек — Н. Отверженный, И. Озеров, Р. Чимбарева, А. Чимбарев, Г. Капусто-Озерова, К. Н. Медынцев и Пиро.

Комично звучали уверения отвергнутых, что никто из вновь вступавших товарищей (в научную секцию. — А. Н.), разумеется, не мыслил себя «ученым» и не предполагал заниматься «наукой», в то время как выгораживавший их Боровой всячески старался доказать их необходимость именно в этом качестве. Ничего не получалось у них и с обвинением Солоновича в проповеди анархо-мистицизма в Музее: как свидетельствовал сам Боровой, разговор об анархо-мистицизме шел лишь однажды — в 1927 году, на устроенном им диспуте с Солоно-вичем, после чего прямые выступления на анархо-мистические сюжеты в стенах музея были запрещены им самим как заместителем председателя Комитета.

Что же было на самом деле? Об этом с обезоруживающей искренностью свидетельствуют сами «потерпевшие», которые признали, что «мистикам-анархистам <…> было важно не пустить в Комитет своих злейших врагов, с приходом которых безграничному хозяйствованию их в секции рано или поздно должен был наступить конец». И столь же наивно заявляли: «Версии <…> о якобы готовящемся со стороны пришельцев (их самих. — А. Н.) разгроме Комитета, о их намерении превратить музей в клуб для анархической агитации и пр. было довольно, чтобы терроризировать безразличных к судьбам анархизма отдельных членов Бюро и заставить их схватиться за любое средство, вплоть до аннулирования выборов, чтобы устранить надвигающуюся угрозу…»

И все же, мне кажется, было бы ошибкой полагать, что за этой вакханалией страстей, выплеснувшейся на страницы парижского журнала, стояло только желание захватить Музей и подчинить себе Комитет, образовав из него политический клуб. Анархисты, скорее всего, этим бы и удовлетворились. Но надо помнить о тех, кто стоял за этими «детьми природы», просчитывая каждый их шаг, подкладывая вырезки из журналов, где уже было сформулировано «их мнение».

Такой анализ публикаций в «Деле труда» представляет безусловный интерес. С одной стороны, этому журналу практически был закрыт свободный доступ в СССР, а с другой — явно существовал какой-то канал, по которому материалы оппозиции незамедлительно поступали из Москвы в Париж. Если же вспомнить о последовавшем несколько лет спустя саморазоблачении П. Аршинова, который признался (к позору его защитников, в том числе Н. И. Махно) в провокационном характере журнальных публикаций «с целью расколоть международное анархическое движение», в своем сотрудничестве с ОГПУ, то все предыдущее предстанет хорошо спланированной акцией со стороны секретного отдела органов. Ее острие было направлено не только против Солоновича, но и против «буржуазных специалистов» — М. П. Шебалина, заведующего музеем, и его заместителя П. А. Пальчинского, который вскоре был арестован и расстрелян в связи с «шахтинским процессом вредителей».

Как можно думать, организаторы провокации рассчитывали не столько на раскол внутри анархистского движения, сколько на получение максимально компрометирующего анархистов материала. Его публикация могла придать готовящемуся процессу над анархистами необходимый резонанс и окончательно опорочить их в глазах международного рабочего движения. Таким образом можно было бросить мрачную тень и на Кропоткинский музей, ограничив его международные связи.

Апофеозом аршиновской травли анархо-мистиков стал уже упоминавшийся мною памфлет Ю. Аникста, посвященный Солоновичу — «Трубадур мистического анархизма», где политический донос получил свое окончательное воплощение.

"Куда политически тянет эта кампания? — патетически вопрошал автор и сам же отвечал: «Из сказанного ясно, что даже не к буржуазно-демократической революции: маска анархизма, идея гегемонии лучших, ненависть к индустриальной культуре (тогда это было равнозначно обвинению во вредительстве. — А. Н.), черносотенная форма мистики — все это говорит, что здесь мы, по-видимому, имеем дело с деформацией дворянско-мистической контрреволюции в условиях современности».

Сказано было непонятно, безграмотно, однако как раз так, как требовалось для советского массового читателя, воспринимавшего уже не смысл, а определенную «знаковую систему» — «дворянство», «мистика», «контра» и тому подобное.

Как курьез можно отметить, что в этом же летнем номере «Дела труда» за 1929 год, в котором напечатана статья Ю. Аник-ста, передовица сообщала о массовых арестах анархистов в СССР с последующей административной (то есть без суда и следствия) высылкой на различные сроки поселения. Первыми жертвами стали те, кто лил потоки брани и грязи на анархо-ми-стиков и Кропоткинский музей. Для большинства арестованных это была смерть от болезней, лишений или, если удалось дожить до конца 30-х годов, от пули НКВД…

Впрочем, дни анархо-мистиков тоже были сочтены. В 1929 году был разгромлен ГАХН, одна за другой закрывались научные и общественные организации. На смену старым «спецам» приходили новоиспеченные «специалисты», готовые переписывать законы природы и до основания разрушать старый мир. Трагизм ситуации, когда безработица достигала астрономической цифры именно среди интеллигенции, очень точно отразил на одном из допросов Н. И. Проферансов (1885 — 1934) — старый революционер, историк, сподвижник Карелина, научный сотрудник Института Маркса — Энгельса по истории социалистических движений, а к моменту ареста — технический редактор в Большой Советской Энциклопедии.

«Советская власть, — констатировал он, — готовит свою новую интеллигенцию. Отсюда — процесс вытеснения старой интеллигенции. Положение этой старой интеллигенции я считаю безнадежным даже в тех случаях, когда эти интеллигенты хотят добросовестно работать с совластью. Те условия, в которых приходится работать интеллигенции в стране, чрезвычайно тяжелые. В той сфере, в которой я работал, становится работы все меньше, так как новое поколение вытесняет старых, беспартийных интеллигентов. Призывы к интеллигенции со стороны правительства ничего не дают. Социальные отношения в стране таковы, что старой интеллигенции все равно приходится уходить…»

Если «анархическая оппозиция» была арестована в мае — июне 1929 года, то первый удар по Кропоткинскому музею и анархо-мистикам был нанесен в начале ноября 1929 года, когда накануне октябрьских торжеств прошли аресты молодежи, занимавшейся в библиографическом кружке анархистской секции.

Наиболее подробные показания об этом кружке дал Г. Д. Ильин — сын соседа Никитиных по квартире. В 1924 году по вечерам он работал над составлением каталога личной библиотеки П. А. Кропоткина, перевезенной С. Г. Кропоткиной из Лондона. Вскоре Ильин уехал в геологическую экспедицию, вернулся в Москву в конце 1925 года, а уже весной 1926 года был арестован и осужден на год тюрьмы по делу скаутов. Окончательно он возвратился в Москву осенью 1928 года и сразу же возобновил работу в Музее. Дежурил в читальне, приводил в порядок библиотеку, посещал лекции и заседания анархической секции, которые, по его словам, были «весьма многолюдны». Здесь, при секции, в 1928 году по инициативе Н. Р. Ланга (1900 — 1962) был создан библиографический кружок, в который

вошли члены секции и некоторые постоянные посетители библиотеки-читальни музея (против чего, кстати сказать, поначалу резко протестовал Солонович).

Н. Р. Ланг был активным анархистом и членом анархической секции Кропоткинского комитета еще в самый ранний период становления Музея, когда учился в Институте востоковедения (1921 — 1925). Он стал организатором одного из первых орденских (или «кандидатских»?) кружков, в котором читали лекции Солонович и А. С. Поль. По окончании института он был откомандирован как экономист на работу в Дальневосточный округ и вернулся в Москву в самом начале 1928 года. В библиографическом кружке он вел фактически две группы, Кропоткинскую и Бакунинскую, хотя формально Бакунинскую возглавлял Д. А. Бем. Выступал Ланг и с докладами на секции — о Кропоткине, Л. Н. Толстом, о Парижской коммуне и о Карелине на вечере его памяти.

«Кружком было решено составить библиографический справочник по Кропоткину, — показывал Ильин на следствии, — для чего члены кружка разобрали ряд брошюр и должны были сделать краткий доклад об их содержании и написать аннотации… Насколько я помню, на первом и втором заседании обсуждались методы работы. На следующем собрании был мой доклад (по брошюре Кропоткина „Анархизм‟), а на четвертом — еще один доклад…»

Возможно, Солонович был прав, протестуя против привлечения не членов секции к работе кружка, но, скорее всего, это уже не имело значения для судьбы Комитета и анархо-мисти-ков. 5 ноября 1929 года у некоторых членов библиографического кружка был произведен обыск с последующим арестом. Трех членов кружка.студентов педагогического факультета, застали в момент, когда они начали писать обращение к рабочим. Все это было похоже на заранее подготовленную провокацию, проведенную через члена кружка Я. Шрайбера, который настаивал на письменном обращении к рабочим по поводу октябрьских праздненств.

Насколько обоснованно такое предположение, можно судить по публикации этого времени в «Рассвете». Там говорится о создании под непосредственным контролем Сталина в системе ОГПУ отдела «контрагитации и дезинформации» — для выявления контрреволюционных элементов, — а также «отдела использования». Задачей первого было «измышление тонких провокационных выступлений, имеющих целью выявлять контрреволюцию во всех ее видах». Второй (именовавшийся также «бюро вырезок») собирал «бесконечные альбомы с вырезками из эмигрантских газет и донесений „сексотов‟ и комментариев к ним». Наконец, среди арестованных только Шрайбер, давший подробные показания о деятельности своих товарищей.был освобожден еще до завершения следствия.

Подобный трюк с листовкой был использован ОГПУ и осенью 1930 года, когда дело дошло до ликвидации «Ордена Света». Следователи не слишком интересовались собственно орденскими делами и легендами, поскольку те не содержали в себе ничего противозаконного. Внимание концентрировалось на «нелегальности сбориц», на «организации», которая характеризовалась антибольшевистскими высказываниями Солоновича в его работе о Бакунине. Главной же уликой стала листовка, обнаруженная при обыске у И. Н. Уйттенховен-Иловай-ской, которая входила в Карелинский комитет. Текст ее не был приобщен к делу, а обвиняемым давали читать только отдельные фразы из нее. Насколько можно понять, она протестовала против насильственной коллективизации. Повторялась прежняя история: И. Н. Уйттенховен отказалась назвать лицо, от которого она получила текст листовки, а следствие было вполне удовлетворено ее признанием в авторстве, хотя другие арестованные (в том числе Солонович) полагали, что составление такой прокламации «никак не вяжется с ее характером». И. Н. Уйттенховен была единственной, кого взяли «с поличным»; она отказалась давать показания по анархистам и ордену, признала свое авторство в составлении антисоветской прокламации — и получила три года политизолятора и трехгодичную высылку в районы Средней Азии.

«Избранные»

Изучая материалы следственного дела анархо-мистиков, я не мог не заметить странного равнодушия следователей к истории возникновения «Ордена Света». Арестованным задавали вопросы о принадлежности к ордену, однако за всеми этими вопросами не ощущалось подлинного интереса к происхождению самой организации. Такое равнодушие в отношении орденских легенд можно было объяснить тем обстоятельством, что следствие располагало полным корпусом этих текстов, полученных, по-видимому, в результате обысков и арестов не только в Москве, но и в других городах. Но почему тогда эти легенды никак не отразились в обвинительном заключении? Не потому ли, что все это противоречило сценарию «контрреволюционного антисоветского подполья», который был разработан в 1928 — 1929 годах?

Между тем само употребление термина «тамплиеры» ставит вопрос, с одной стороны, о связи московских рыцарей с масонством (поскольку в «Древнем шотландском обряде» мастер-тамплиер занимает самую высокую, 30-ю, степень посвящения), а с другой — об исторической преемственности их кружков рыцарско-монашескому ордену средневековья. Сами обвиняемые верили, что являются членами Восточного отряда древнего рыцарского ордена, начало которого восходит к незапамятным временам, а ныне существующая на Западе организация опирается на непрерывную историческую традицию.

Впрочем, и Ю. Аникст, разоблачая Солоновича как создателя «бесконечных орденов и братств», утверждал, что «вся эта иерархия (орденов. — А. Н.) подчинена верховной международной организации, ни имени которой, ни содержания я пока не назову…»

На что намекает Ю. Аникст — неизвестно. Можно, конечно, предположить, что задачей автора было натравить на анар-хо-мистическую интеллигенцию ОГПУ и «простых» анархистов, из рабочих. Однако непонятно, почему ему понадобилось отделять анархо-мистицизм от масонства? Больше того, Аникст, походя рекомендуя Солоновича «отъявленным антисемитом», спешит заявить, что хотя Карелин и ввел его в одну из форм «строгого посвящения», привезенную из Парижа, однако на самом деле это «фальшивая форма строгого посвящения. Так, например, многие идеи и методы (? — А. Н.) абсолютно противоречат документам хотя бы известного Братства Философов Древней Системы».

Конечно, памфлет Аникста являет собой столь невероятный сплав истины и лжи, что, похоже, им отказались воспользоваться даже следователи ОГПУ. Впрочем, их задача была вполне конкретной: ликвидировать очаги духовного свободомыслия и изолировать их членов, не занимаясь историческими разысканиями. Цели эти легко достигались хотя бы с помощью текста воззвания, которое было обнаружено у И. Н. Уйт-тенховен-Иловайской, и соответствующих цитат из работы Солоновича о Бакунине. Между тем для современного исследователя гораздо важнее вопрос: существует ли действительная преемственность (не прерывавшаяся в веках) между рыцарями «Ордена Света» и историческими тамплиерами?

Ответить на такой вопрос нелегко. В русской истории институт рыцарства (тем более в его орденской ипостаси) не получил распространения и не слишком интересовал отечественных исследователей. Определенную роль в этом сыграла и духовная цензура в России, сориентированная на православие. Поэтому в решении данного вопроса приходится опираться на западные публикации и исследования об исторических тамплиерах.

Орден тамплиеров (храмовников) был основан в 1118 году в Иерусалиме девятью французскими рыцарями, во главе которых стояли Гуго де Пайен и Жофруа де Сент-Омер, соратники Готфрида Бульонского. Эти рыцари дали во имя Богоматери обет служить

Спасителю по монашескому уставу, соблюдая целомудрие, послушание и бедность, охраняя пилигримов на их пути в Святую Землю и на ее территории. Болдуин II, король иерусалимский, вскоре отдал в распоряжение ордена часть своего дворца, которая находилась на территории бывшего храма Соломона (отсюда и наименование ордена: temple по-французски «храм»).

Поддержку рыцарям оказал суровый мистик и сторонник иерархической церковной организации Бернар Клервоский, который пользовался огромным авторитетом в Европе. Он сам принял участие в разработке орденского устава, который был утвержден папой Гонорием II на соборе в Труа в 1128 году. Гуго Пайенский стал первым великим магистром ордена.

В уставе были использованы правила, взятые из статутов древних каноников гроба Господня и цистерцианских монахов. Правила регламентировали соблюдение постов, помощь больным и бедным, посещение богослужений. Безусловно новыми следует считать параграфы, определяющие поведение рыцарей в бою: никто под страхом позора и извержения из ордена не смел покинуть поле битвы, пока над ним развевался черно-белый флаг тамплиеров. Члены ордена должны были избегать мирских удовольствий. Статут регламентировал необходимое количество пищи, оружия, одежды и всего прочего, чем должен был довольствоваться рыцарь, который отказывался от какой-либо собственности. Никаких украшений на платье и оружии не полагалось. Женатые тоже могли состоять в ордене, однако не имели права носить его знаки — белый льняной плащ с красным восьмиконечным крестом (символ готовности к мученичеству) и белый полотняный пояс (символ сердечной чистоты).

Вступающий в орден должен был происходить из рыцарского рода и от законного брака, не быть связанным обетами с другими орденами и не быть отлученным от Церкви.

Члены ордена делились на рыцарей, капелланов и служащих; последние включали в себя оруженосцев и ремесленников. Во главе ордена стоял магистр, которого избирали особым комитетом из членов капитула. В свиту магистра входили капеллан, писец-клирик, два служащих брата, рыцарь, исполнявший обязанности ординарца, кузнец, повар и два конюха. В качестве адъютантов при магистре состояло двое рыцарей из благороднейших родов — его совет. Магистра замещал сенешаль, которому прислуживали два оруженосца, капеллан, писец и двое слуг. Войском ордена и всеми рыцарями ведал маршал. Великий прецептор был хранителем казны и заведовал всем имуществом ордена — зданиями, замками, поместьями, кораблями, торговыми складами и прочим. Комтур Иерусалимский с отрядом из десяти рыцарей (не отсюда ли «десятки» орденских кружков?) при развернутом черно-белом знамени сопровождал паломников к святым местам Палестины. Такие же должности были созданы и в провинциях ордена — в Триполи, Антиохии, Франции, Англии, Пуату, Арагоне, Португалии, Апулии и Венгрии.

Слава ордена росла вместе с его численностью, подвигами и могуществом, потому что все перечисленное отвечало идеалу рыцарства и привлекало в ряды тамплиеров представителей самых знаменитых фамилий. Не было ни одной сколько-нибудь знатной семьи в Европе, члены которой не состояли бы в ордене. В его казну стекались пожертвования золотом, драгоценностями, поместьями, замками; ему даровались все новые и новые привилегии. При всех европейских дворах тамплиеры занимали самые почетные должности, а по богатству и могуществу орден мог соперничать со всеми государствами христианского мира, что начинало вызывать опасения монархов.

Наоборот, папы, видевшие в ордене опору своего влияния в Европе, расширяли покровительство рыцарям вплоть до того, что в 1162 году папа Александр III особой буллой освободил орден от подчинения иерусалимскому патриарху (а в Европе — местным духовным владыкам), дозволив иметь собственное духовенство, которое зависело только от папского престола. К этому времени тамплиеры имели собственное войско, собственный суд (независимый от королевского), монастыри и замки — огромные, независимые владения в

каждом европейском государстве. На их территорию от произвола королевских чиновников охотно уходили крестьяне, горожане и даже дворянство, получая надежную защиту. Можно представить, какой грозной силой выглядел орден в глазах европейских монархов. В лице тамплиеров формировалась как бы единая власть, которой оставалось совсем немного, чтобы объединить в своих рядах всю европейскую аристократию и горожан, стать над светской властью и положить конец европейским раздорам и войнам.

Однако к началу XIV века положение изменилось. После того как в 1291 году пала Аккона, последний оплот христиан на Востоке, тамплиеры вынуждены были перебраться на Кипр и во Францию, где находились их основные владения. К этому времени орден переродился. Рыцари утопали в роскоши, с которой познакомились на Востоке, орден занимался торговлей и ростовщичеством и уже не стремился к борьбе с «неверными». Рыцарей гораздо больше занимали европейские дела. В Европе они встретили и своего главного противника — французского короля Филиппа IV Фальшивомонетчика, прозванного так за алчность и порчу серебряных денег.

Здесь не место рассказывать обо всех интригах, благодаря которым 13 октября 1307 года по приказу короля почти все французские тамплиеры вместе с гроссмейстером Жаком де Моле (обманно вызванным с орденскими сокровищами с Кипра под предлогом переговоров о начале нового крестового похода) были арестованы. Несмотря на то что Филипп IV держал в своих руках папу Климента V, потребовалось почти семь лет для завершения процесса над тамплиерами. За это время многие из них погибли под пытками, а другие возвели на себя и на орден чудовищные обвинения, от которых отказывались во время судебного заседания, чтобы «за возврат к заблуждениям» тотчас же попасть на костер.

И все же, когда 10 марта 1314 года парижское судилище приговорило гроссмейстера и четырех других высших должностных лиц ордена к пожизненному заключению, у великого гроссмейстера Жака де Моле и великого прецептора Жофер-руа де Шарне хватило сил и мужества выступить с категорическим протестом против обвинения и с полным отказом от своих показаний под пытками, за что на следующий же день они были сожжены в Париже. Орден был распущен, а все его богатства конфискованы королем.

Обвинение было надуманным. Это видно хотя бы из того, что на заседании 3 апреля 1312 года, когда была оглашена запрещающая орден булла, папа Климент V в присутствии Филиппа IV и множества рыцарей признался, что даже если орден «нельзя уничтожить путями правосудия (поскольку доказательства вины тамплиеров не выдерживали проверки. — А. Я.), то все же он должен быть уничтожен путями благоразумия, дабы не разгневался дорогой сын наш король французский». Стоит заметить, что в Англии, Германии и Португалии королевские суды полностью оправдали тамплиеров от обвинений в противоестественных пороках, богохульстве и сатанизме, так что рыцари там не потеряли своего положения и имущества. Но в целом гибель ордена стала свершившимся фактом уже в силу папской буллы, запрещавшей его существование.

Что вменялось тамплиерам в вину?

Нам, россиянам конца XX века, знающим «механику» сталинских процессов 30-х годов, которые вызывали растерянность и удивление у европейцев (они приходили к выводу, что все так и было, если обвиняемые сами подтверждали выдвинутые против них чудовищные обвинения), намного легче оценить «свидетельства», добытые инквизицией, чем историкам прошлого и начала нынешнего века. Жившие в условиях не снившихся нам демократических свобод, европейцы не понимали, как человек может возвести на себя чудовищную напраслину, которая означает для него позорную смерть. Между тем Сталин и его подручные использовали старый инквизиционный прием — утверждение абсурда. Если человек строил общегосударственную промышленность, его обвиняли именно в ее развале, в саботаже и

вредительстве, если он всеми силами укреплял обороноспособность страны, его обвиняли в подрыве армии и шпионаже.

То же самое произошло и с тамплиерами в средневековье, тем более, что с точки зрения Церкви той эпохи они оказывались повинны в нарушении обетов. Тамплиеры давали обеты почитания Девы Марии и Иисуса? Они носили на себе знак мученического креста? Стало быть, они втайне отрекались от Христа, от Бога, от знака креста и поклонялись дьяволу. Они отправляли публично торжественные богослужения, совершали шествия с почитанием священных реликвий? Стало быть, ь своих неприступных замках они ночью совершали «черную мессу», предавались педерастии, содомии, богохульствам и тому подобному. Никто не может это доказать? Значит, тамплиеры более хитры и лицемерны, чем можно предположить, они запугивают посвященных и уничтожают несогласных.

Сравнивая показания, добытые под пыткой у тамплиеров, с показаниями прочих жертв святейшей инквизиции, обвинявшихся в сатанизме, колдовстве и ересях, мы обнаруживаем одну и ту же систему вопросов и ответов, в результате которых люди возводили на себя поклепы в чудовищных извращениях и преступлениях. Безусловно, среди тамплиеров, как в любых привилегированных организациях закрытого типа, могли иметь место пороки и преступления, однако не они определяли цели и задачи ордена, характер жизни рыцарей, по первому зову магистра готовых жертвовать жизнью во имя высокой идеи.

Суд современных историков, безусловно, оправдал тамплиеров, очистив их от грязных обвинений. Однако было и другое — та «ересь», о которой во всех сохранившихся актах говорилось смутно и неопределенно — как о предмете неизвестном или нежелательном для его вынесения за пределы папской курии.

В известной книге Е. Парнова «Трон Люцифера», где истории падения ордена тамплиеров отведено немало страниц, вопрос этот почти не затронут, поскольку автора интересовало только одно — обвинение тамплиеров в сатанизме на том основании, что во время своих тайных собраний они, по словам инквизиторов, «поклонялись идолу Бафомета», под которым подразумевался Сатана. Любопытно: никто из тамплиеров не описал на допросах этого «идола» в согласии с другими. Один говорил о «мужской голове с длинной бородой», в которой видели голову Иоанна Крестителя, другой — о серебряном изображении такой головы, третий — о женской голове, четвертый — о женской фигуре с козлиной головой, пятый — об «отвратительном черном идоле», шестой — о человеческой фигуре с козлиными ногами и рогами и так далее. До сих пор точно неизвестно, что означает имя Бафомет: одного из демонов преисподней, неизвестное древним гностикам имя демиурга, или же, как буквально переводят некоторые с древнегреческого, «крещение мудростью», то есть «посвящение в знание»?

Ольденбургский библиотекарь Мерцдорф в Галле опубликовал в 1877 году документы, которые, по-видимому, проливают свет на действительное состояние дел внутри ордена. Изучая историю масонства, Мерцдорф обнаружил в архиве главной гамбургской ложи ящик документов, вывезенных в 1860 году из Петербурга вместе с другими документами закрытых в 1822 году русских масонских лож. Среди них оказался список конца XVIII века, сделанный, как значится в заглавии, с документов ватиканского архива, относящихся к тайным тамплиерским уставам (в то время был известен только один из ватиканских подлинников, заключавший в себе устав ордена, принятый на соборе в Труа). Остальные документы содержали два схожих между собой закрытых устава и описание тайных знаков и паролей, при помощи которых посвященные могли узнавать друг друга, обращаться с призывом о помощи и эту помощь получать.

В уставе, извлеченном из XXIV кодекса актов инквизиции, находятся «секретные постановления», которые, как отмечено в конце текста, «переданы братьями Рожером де Монтагю и Робертом де Барри, а переписаны братом Бернардом из Сент-Омера 18 августа 1252 г.».

Устав начинается с заявления, что «теперь настали последние времена, и к тем, которые крещены не водою, а Духом Святым и огнем, приблизилось царство Божие». Обращаясь к начальникам Ордена, составитель (или составители) призывает учреждать «капитулы избранных», в число которых дозволено принимать только самых достойных братьев, причем собираться они должны тайно, ночью, в месте, имеющем тайные выходы и охраняемом стражей. Кроме чистоты жизни, твердости в соблюдении обетов, неустрашимости и благородного происхождения, от кандидатов требовалась высокая образованность, владение языками и научные знания. Кандидата предстояло готовить исподволь, проверяя его качества и стойкость, постепенно открывая ему сомнения в истинности учения и жизни римской Церкви, которая уподоблялась библейскому Вавилону, уклонившемуся с пути истины и праведности.

Примечательно, что подвергались сомнению возможность физического рождения Христа от Девы Марии, обладания Им реальным телом — а в таком случае, и возможность быть положенным в гроб и воскреснуть. Пояснялось, что крещение не ведет к очищению, что в освящении хлеба и вина нет никакого таинства, а значит, во всем, что «проповедуется в синагоге антихриста» (в римско-католической Церкви), нет ни истины, ни спасения.

Когда кандидат усвоит эти истины и согласится с ними, ему можно намекать, что «есть лица, имеющие доступ к ангельским откровениям, привезенным из восточных стран», и что от него самого зависит, получить это знание или нет.

Подготовив таким образом кандидата и получив согласие капитула, назначали место и время для приема неофита. Сама процедура несколько напоминала прием в масонскую ложу, причем было оговорено, что если неофит проявит нерешительность, то весь церемониал следует обратить в шутку с изрядной выпивкой; этого рыцаря запрещалось впоследствии привлекать в члены тайного общества. В случае же его достойного поведения начинался настоящий ритуал.

Когда неофита вводили в комнату, собравшиеся пели псалом. Посвящаемый давал обет молчания, а затем «клялся, что верует в Бога Творца, в его единородного Сына, Вечное Слово (Логос. — А. Н.), которое никогда не рождалось, не страдало, не умирало на кресте и не воскресало из мертвых». Вместе с тем он клялся в ненависти как к мирским тиранам, так и к «синагоге Антихриста, о пришествии которого известил Иоанн». После этой клятвы братья бросали на землю свои кресты и попирали их ногами — факт в высшей степени интересный, поскольку, как известно, не только первые христиане, но и многие сектанты категорически отказывались поклоняться кресту — как орудию мученичества Иисуса, воздвигнутому руками Его палачей.

Вместе с тем специальный параграф, отказывая Христу в физическом существовании среди людей, требовал от посвященных с почтением относиться к «Иисусу, сыну Марии», поскольку последний принадлежал к Его ученикам. Статуты предписывалось читать четыре раза в год: накануне Крещения, Великой пятницы, дня Иоанна Крестителя и архангела Михаила, особо почитавшихся тамплиерами. Тут же указывалось, что члены капитула имеют право их комментировать, пополнять и изменять. Запрещен был только их перевод с латыни на местный язык, чтобы они не попали в руки необразованных людей.

Для нас интересно изложение самого учения «избранных», от которых требуется «оставить мир, воздерживаться от излишнего употребления мяса, преследовать воров, ростовщиков, клеветников, развратников и разбойников, снискивать себе пропитание физическим и умственным трудом, не причинять оскорбления ни одному честному человеку, принимать с любовью всякого, кто выкажет ревность к нашему учению, повиноваться больше Богу, чем людям. Если будут исполнены эти правила, нет нужды в таинствах, которые продаются в синагоге Антихриста; а если они будут нарушены, никакие таинства не доставят спасения. Тут содержится вся сумма нашего оправдания, и в дополнение к ней не требуется установления каких-либо новых церемоний, так как все Евангелие и апостольское Учение

ограничивается тем немногим». Определяя в дальнейших параграфах, как должны себя вести посвященные, чтобы не подавать повода к подозрениям и пересудам со стороны других братьев и мирян, а также со стороны духовенства, авторы статута рассказывают далее об устройстве орденских зданий и помещений для тайного капитула, об участии в выборах на орденские должности и о разрешении «принимать участие в войнах на Востоке и в Испании, но с условием, чтобы они боролись ради освобождения угнетенных, а не из-за славы».

Знаменательно указание, что при каждом орденском доме «следует завести библиотеку, в состав которой, кроме Библии и творений святых отцов, должны входить произведения Иоанна Эриугенны, Ансельма Кентерберийского, Абеляра, собрание канонов Грациана, Петра Ломбардского и, наконец, недавно запрещенные синагогой Антихриста сочинения Ама-лика де Бена и Давида де Динанто».

Третий документ, озаглавленный «Книга утешенных», извлечен был из ватиканского кодекса XXXI и в конце имел помету, что «правила эти собраны магистром Ронцеллином, а переписаны братом Робертом из Самфорда, прокуратором тамплиеров Англии, 28 июня 1240 г.».

В отличие от предыдущего, в своей преамбуле он содержит заявление, что только одним «утешенным» доступен свет Истины, которого не ведают «ни прелаты, ни князья, ни ученые, ни сыны Нового Вавилона». Последним (приверженцам римско-католической Церкви. — А. Н.) следует наиболее осторожно сообщать какие-либо сведения, с осмотрительностью принимать их в число «утешенных». Однако двери тайного братства должны быть открыты всем, невзирая на национальные различия, и в первую очередь тем, «которые в Тулузской провинции называют себя „добрыми людьми‟, в Лионской области — „бедными‟ (речь идет о катарах и альбигойцах. — А. Н.), скрывающимся около Вероны и Бергама, „байолям‟ Галиции и Этрурии, „боргам‟ (богомилам — А. Я.) Болгарии, „друзам‟ на Кипре и в горах Ливана, а также сарацинам в Испании». В последнем случае в пример приводится посвящение Саладдина по рекомендации Энфрида Турского.

«Утешенные» составляли еще более узкий круг, чем «избранные» предыдущего документа. Возрастной ценз не допускал приема людей моложе 36 лет; особенно трудно было проникнуть туда «монахам, клирикам, аббатам, епископам и клерикальным ученым», «потому что они часто поступают коварно, скрывая в сердце измену, или, отказавшись от своих заблуждений, ищут Света только для того, чтобы с большей свободой погрязнуть в пороках».

Строго и уже безо всяких особых испытаний совершался прием в «капитул утешенных».

«Каждый избранный, прежде чем он будет допущен в число утешенных, должен вручить своему учителю письменную, подробную и обстоятельную исповедь во всех своих грехах и проступках, совершенных им по настоящее время: полноту и истину своей исповеди он обязан подтвердить клятвою в присутствии двух свидетелей; эта исповедь должна быть положена на хранение в архив капитула…»

Подробное описание обряда, с чередованием пения антифонов и псалмов, последующих молитв и клятв, свидетельствует о церковном характере «капитула утешенных», противопоставлявших свою «истинную» Церковь «вавилонской блуднице» — Риму, тогда как в «уставе избранных» ощущается гораздо больше свободной духовности и уважения к интеллекту. Интересно, что именно в «капитуле утешенных» мы встречаемся с «идолом Бафомета», которого вынимали из реликвария и, подняв, показывали братии и неофиту со словами: «Народ, ходивший во тьме, увидал великий Свет, который возблистал и для сидящих в стране и сени смертной. Трое суть, которые возвестили миру о Боге, и эти трое — суть одно!»

Что означала эта знаменательная фраза, не совсем понятно, как и последующее указание в ту же или следующую ночь раскрыть неофиту «тайное учение о Боге, о

вочеловечении, об Иисусе, о Новом Вавилоне, о природе вещей и вечной жизни, о тайнах, касающихся человека, о великой философии, Абраке и талисманах». Впрочем, предостережение последующих параграфов «не совершать известных алхимических опытов, простые металлы превращая в золото или серебро» в тех домах, где кроме посвященных проживают и другие братья, а заниматься этим «в отдаленных местах с соблюдением величайшей тайны, на пользу себе и утешенным», совершенно определенно указывает, что рассматриваемое ответвление тайного тамплиерства имело дело не столько с широко распространенными в те времена «ересями», сколько с алхимическим оккультизмом, от которого открывался прямой путь к практической магии и каббалистике.

Ни один из этих тайных статутов не дает основания заподозрить «избранных» или «утешенных» тамплиеров (составлявших, возможно, наряду с другими такими же тайными капитулами со своим уставом орден внутри ордена) в склонности к сатанизму, на чем настаивали их обвинители и клерикальные историки позднейшего времени. Конечно, нельзя поручиться, что при многократной передаче с Востока, откуда берет начало это тайное учение, понятие «крещения мудростью», связанное непосредственно с Иоанном Крестителем, особо почитавшимся у тамплиеров (владевших, возможно, и серебряным изображением его головы), не было позднее истолковано как название «идола». Быть может, в сознании «добрых людей» и «богомилов» он соединился с образом того самого Утешителя-Параклета, приход которого возвещал в своих пьесах-диалогах А. А. Карелин. К слову сказать, у Карелина использован и образ «другого Иисуса, сына Марии», который ничего общего не имел с одноименным ему Учителем, посвященным в таинства жрецами Египта.

Действительно, параллелей и аналогий оказывается весьма много — даже при столь ограниченном материале — для сравнительного изучения тайного тамплиерства и анархо-мистиков.

Упоминание в «Уставе избранных» «Вечного Слова, которое никогда не рождалось, не умирало и не воскресало», равно как и отказ видеть в Христе человека, отделяя Его от «Иисуса, сына Марии», сразу же переносит нас в сферу идей гностиков, которые точно так же отказывались видеть в Искупителе воплощенного Зона, принимая лишь Его духовную сущность и полагая физическое тело не более чем временной, косной оболочкой. Христос, «Зон Любви», мог считаться «Сыном» Высочайшего Бога, потому что был исходящей от Него частью. Однако этот Бог не был непосредственным творцом мира, созданного демиургом, не подозревавшим ни о заложенной в нем самом божественной иск ре Света (ее освобождение должно свершиться через духовное восхождение человека), ни об иных сферах Божественного Мира, которые располагаются по ступеням Золотой Лестницы.

Такое же сходство мы обнаруживаем и в отношении тайных тамплиеров к римско-католической Церкви и к папскому престолу. В этом смысле тамплиеры были единодушны с «еретическими» движениями средневековья, сориентированными на взгляды первых христиан и гностические учения. Даже в кратком изложении параграфов «Устава избранных» открываются совпадения с этической программой ранних христиан (исключая, может быть, обязательное «равенство» и «общность имуществ», которые могли существовать только в социальных низах как один из вожделенных признаков «царствия Божьего»). Вместе с тем в «Уставе» возникает новый, по сравнению с Востоком, этический аспект, игравший в европейской культуре совершенно исключительную роль на протяжении всей ее истории: свобода.

Так, может быть, именно об этих «избранных» писал в своем памфлете Ю. Аникст?

«Избранный», обретая знание «добра и зла», вместе с тем приобретает свободу мысли и поступка — возможность без чьего-либо насилия или понукания избирать в любой ситуации путь борьбы за справедливость, путь помощи страждущему, путь истины и совершенствования.

Мне представляется, что «Книга утешенных», где подчеркивается недоверие к служителям церкви и к «ученым людям» (ориентированная, по-видимому, на менее образованные слои населения, открывающая двери всем, кто выступает против римско-католической Церкви), оказывается в гораздо большей зависимости от церкви — как в силу направленной оппозиционности, так и в силу тех ритуалов, которые она заимствует у противника. Если же вспомнить, что «Книга утешенных» происходит из Англии, где очень рано проявилась оппозиция Риму, завершившаяся в XVII веке английской революцией, то я не вижу ничего противоречащего предположению, что именно здесь, в стране, где тамплиеры были оправданы королевским судом, несмотря на запретительную буллу папы Климента V, эти традиции и установления вполне могли сохраняться до возникновения «правильного масонства».

Впрочем, этот вопрос требует особого рассмотрения. Как осторожно замечали рецензенты труда Мерцдорфа, в то время еще не был найден в ватиканском архиве оригинал, с которого была снята копия рассматриваемого документа.

Обратить внимание следует на другое. Содержание обоих статутов («избранных» и «утешенных»), их безусловная связь с гностическими учениями позволяют сделать попытку определить истоки обвинения тамплиеров в «сатанизме», что, кстати сказать, в те достаточно варварские времена имело совсем иную окраску, чем семь веков спустя.

Гностики полагали, что Зоны сходили дважды на Землю, для того чтобы освободить мир и человека от власти злого и ограниченного демиурга Иальдобаофа, тождественного ветхозаветному Яхве, который по незнанию вложил в человека частицу божественного Света, но позволил пользоваться только ощущениями тела, запретив путь познания. Первым был Зон Мудрости в облике Змия, освободивший человека от незнания и от власти Яхве, дав ему возможность двигаться в высшие миры путем познания, гнозиса. Он спустился, чтобы пробудить заложенные в человеке божественные силы. В отличие от догматического церковного учения, Змий был не «падшим архангелом», не «врагом рода человеческого», не олицетворением зла, а только посланцем высших сил. У манихеев и болгарских богомилов Сатанаил прямо называется «братом» Христа, поскольку в теософии гностиков это имя не ассоциировалось со злом, ибо абсолютного (существующего в качестве оппозиции добру) зла нет, а есть только неведение добра.

Суть заключалась в определении того, что есть добро и зло, имена же не играли роли. Яхве был богом материального мира, богом запретов, ограничений и страданий, богом, создающим несправедливость и умножающим по своей прихоти эти несправедливости, как о том рассказывала Библия. Вместе с тем он требовал поклонения, жертв и сделок между собой и людьми. Можно ли было его считать «богом»? Гностики однозначно отвечали «нет», потому что если он и был богом, то богом зла, а не добра.

Вторым сходил на Землю Эон Любви, известный под именем Христа, чей приход был возвещен Иоанном Предтечей, или Крестителем. Крещение людей водой предшествовало истинному крещению их в духе. К знанию, гнозису, они должны были теперь присоединить любовь ко всему живому, всему сущему в мире — чтобы осознать свою с ним общность. Вот почему мне представляется, что «крещение мудростью» («Бафометом») сопровождалось открытием той истины, что трое — Эон Мудрости, Эон Любви и ожидаемый Параклет («Утешитель») — едины, поскольку являются эманациями Логоса, семенами которого являются и люди, и духи, идущие вверх, к Свету, к Высшему Богу, Сущему и Непостижимому, поскольку несут в себе искры Божественного Света.

Естественно, с точки зрения ортодоксальной Церкви, все это было ересью гораздо худшей, чем идолопоклонство и обращение к силам ада. Учение Церкви (в противоположность проповеди Христа) строилось на изначальном дуализме мира, где идет борьба света и мрака, темных и светлых сил, духов добра и зла. Постоянно указывалось, что «в данный момент» торжествует «враг рода человеческого», которому «дана воля», с тем

чтобы по прошествии неопределенно долгих лет раз и навсегда восторжествовала справедливость. Собственно говоря, Церковь в лице ее иерархов молчаливо соглашалась с тезисом, согласно которому Земля и человечество в их земном существовании отданы во власть зла, поэтому она и сама ведет себя «применительно ко злу», как можно сказать, перефразируя Ф. М. Достоевского.

В какой-то мере церковное учение было учением «о несвободе человека», с которым по самой сути своей не могло примириться рыцарство, возросшее в Европе на противоположных началах — равенства, взаимного уважения, братства и свободного выбора. Не просто столкнувшись на Востоке с миром новых идей и представлений, а глубоко проникнув в него во время долгих перемирий и контактов со своим столь же рыцарственным (но во многих случаях гораздо более просвещенным) противником, тамплиеры не могли пройти мимо тайных учений, которые всегда жили бок о бок, заимствуя друг от друга знания и не обращая внимания на религиозные и национальные барьеры.

Сравнивая результаты такого краткого сопоставительного анализа с тем, что сейчас известно о гностиках, с одной стороны, а с другой — об анархо-мистиках (особенно из их легенд), невольно приходишь к заключению не просто о схожести многих положений и образов, но и об их тождественности.

Но что это дает исследователю? Только убежденность, что общие гносеологические корни исторических тамплиеров и тамплиеров нашего века восходят к одним и тем же источникам. Доказать, что гностические представления были восприняты московскими анархо-мистиками именно через тамплиеров, я полагаю, никогда не удастся (хотя бы потому, что к 20-м годам нашего века достаточно широко и полно были опубликованы и те и другие источники). Нет гарантии, что имела место многовековая передача гностических легенд, а не их заимствование и переработка из новейших публикаций. Желающий воссоздать ритуалы и легенды тамплиеров (как в масонстве XVIII века) легко мог это сделать хотя бы по актам инквизиции, опубликованным уже в XVII веке. С другой стороны, публикации древних гностических текстов в XIX и начале XX века давали пищу тому направлению, которое известно под названием «французского оккультизма». Он был связан с розенкрейцерством, а через него — и с тамплиерством, которое вошло в систему масонских степеней.

Пока я не знаю ни одного факта, который мог бы истолковать иначе, памятуя при этом, сколь обширна была уже к концу XIX века оккультная литература во Франции и Германии. Она питала возрождавшиеся на совершенно иной социальной и культурной почве антиклерикальные (и антиматериалистические) движения. Достаточно припомнить печально известного Лео Таксиля («доктора Батайля» с его «Дьяволом в XIX веке»), обличавшего сатанизм, якобы захвативший весь мир, чтобы понять, насколько тогда эти вопросы были «модными» и с какой осторожностью следует принимать на веру утверждения в древности этих мистерий.

Все темы и сюжеты, затронутые в легендах, — космогония и теогония, история Грааля и копья Лонгина, рыцарские сюжеты и мистичность «гроба Господня» (делавшая напрасными крестовые походы, поскольку нечего освобождать), равно как и крайне общее изображение рыцарства, не сохранившее ни одной детали, которая не была бы известна из других источников, — все это заставляет думать, что тамплиер-ство, укоренявшееся на российской почве Карелиным, имело скорее не исторический, а общекультурный характер.

Такой взгляд подтверждает и рыцарская символика, насколько ее удается восстановить по протоколам следственного дела. Единственной чертой, напоминающей об историческом ордене тамплиеров, оказывается белый холщовый пояс — символ чистоты сердца, — который получали посвящаемые в орден. Знак восьмиконечного красного креста на белом фоне — основной знак исторического ордена тамплиеров (как будто бы позднее замененный знаком "Т" — «тау», «тамплиер») — нигде, насколько я мог выяснить, у анархо-мистиков не

фигурировал. Вместо них были красная и белая розы, хотя символика каждой из них тоже не вполне ясна.

Конечно, можно предположить, опираясь тем более на «Устав избранных», что «в мирах и веках», на протяжении протекших столетий, многие параграфы тайного устава тамплиеров были пересмотрены и изменены до неузнаваемости. Однако можем ли мы в таком случае говорить об ордене тамплиеров, поскольку это понятие заключает в себе совершенно определенное содержание? Ведь и рассматриваемый «Устав» относился не к собственно тамплиерам, а лишь к «избранным», которые, образовав «Орден в Ордене», представляли собой новую духовную организацию, которая должна была когда-то принять иной облик, нежели прежний орден.

Еще больше оснований говорить об этом пути эволюции части ордена дает «Книга утешенных», организация которых развивалась в сходном и все же, как мне кажется, ином направлении, чем братство «избранных».

Безусловно одно: и те и другие могли стать основой для формирования в дальнейшем масонских организаций с их лозунгами «братства, равенства, справедливости и свободы». Однако произошло ли это? Осуществился ли реальный, «физический» перенос через столетия древнего знания или каждый раз при возникновении оппозиции господствующей церкви происходило спонтанное открытие древних истин? Пока я склоняюсь ко второй версии, хотя окончательно можно решить вопрос, только сравнив «Орден Света» с другой организацией, о которой упомянул Ю. Аникст в своем памфлете по поводу А. А. Солоновича, — с масонством.

С тем самым масонством, которым почему-то ни разу не поинтересовались следователи ОГПУ.

Анархо-мистики и масоны

Попытка проследить исторические корни новых тамплиеров оказалась успешной. Конечно, ни о какой тождественности ры-царско-монашеского Ордена средневековья с анархо-мистичес-ким «Орденом Света» и речи быть не могло: историческая реальность XII — XIII веков в первой четверти XX века могла претвориться в жизнь лишь символически. Интересно, что по своим идейным установкам, этическим предписаниям и корням, уходящим в гностицизм, к раннесредневековым христианским ересям, анархо-мистики действительно оказались близки тому идейному «тамплиерству», которое вызвало гонения со стороны церкви в XI веке. Подобные совпадения ставят перед исследователями анархо-мистицизма вопрос об отношении последнего к масонству, поскольку именно масонство в двух главнейших системах — Строгого Шотландского послушания и Шведского Строгого послушания — утверждает свою преемственность от тамплиеров, которые скрылись от преследований в Шотландию, где передали «вольным каменщикам» свои знания.

Если признать подлинной «Книгу утешенных» (1240 года), в которой двери тайного капитула тамплиеров открываются перед гонимыми еретиками (альбигойцами, богомилами и прочими) как раз после окончательного разгрома их на юге Франции (1229), то с исторической точки зрения здесь не окажется никакого противоречия, поскольку, как я отмечал выше, статут этот был переписан именно в Англии, а не на континенте. В обширнейшей литературе, посвященной масонам, связь масонства с тамплиерством в целом не подвергается сомнению. Споры идут о формах передачи традиции, о том, существовали ли «братья-каменщики» в Англии и Шотландии XI века (зарождение масонства в его нынешнем виде обычно относят к XII веку).

Как мне кажется, исследование М. Морамарко «Масонство в прошлом и настоящем» (недавно ставшее доступным для русского читателя) справедливо переводит этот вопрос в иную плоскость, показывая непрерывность существования «строительных братств» (а стало быть, и преемственность передачи строительных секретов и ритуалов) на протяжении всей истории Европы. Вопрос не в том, в какой форме продолжала жить традиция, а кто был заинтересован в ее поддержании. Как мне представляется, никогда не было недостатка в приверженцах восточной и древнехристианской мистики, связанной с ересями, алхимией, каббалой, астрологией, попытками подчинить себе мир духов и стихийных сил. Об этом свидетельствуют и развитие науки в XI — XII веках, и многочисленные инквизиционные процессы.

Но это общие рассуждения. Есть и более конкретные свидетельства. В масонстве уже первый шаг на пути посвящения в степень ученика определяется его «стремлением к Свету». Символикой Божественного Света проникнуто все масонство, и «рыцари Света» уже на основании этого факта могли бы восприниматься как одно из ответвлений всемирного братства, которое выступало под лозунгами свободы и справедливости. И те и другие проявляли особый пиетет к Евангелию от Иоанна, к Апокалипсису и к памяти Иоанна Крестителя (его день для всех масонов является главным праздником).

В Древнем Шотландском обряде, разделенном на 33 степени или «градуса», 17-й градус — Рыцарь Востока и Запада — отмечен «почетным знаком восьмиугольника» (вспомните «голубую восьмиконечную звезду» в ритуале посвящения в «Орден Света»). На лицевой стороне этого восьмиугольника изображали Агнца с книгой Семи Печатей. Они ассоциируются как с Апокалипсисом, так и с «Печатями Мистического Молчания» из орденских легенд. Как пишет о 17-й ступени Морамарко, главное в ее содержании — призыв к соединению духовных учений Востока с рыцарскими идеалами Запада. Это было свойственно и средневековым тамплиерам, и анархо-мистикам.

Столь же любопытен для сравнения оказывается и 18° (18-й градус), вводящий в степень «Князя Розенкрейцера». Согласно масонской легенде, после разрушения орденского храма рыцари Востока и Запада (тамплиеры 17-го градуса) скитались в горах и лесах, скрываясь от гонений, пока их не приняли в свои ряды розенкрейцеры. В символике этой степени гностические идеи сливаются с началами научного мировоззрения. Кроме того, как пишет Морамарко, «обязанностью масона, посвященного в степень розенкрейцера, по крайней мере в итальянской традиции, было вести работу в больницах, общественных и частных организациях, занимающихся благотворительностью, во всех учреждениях — как сказано в уставе, созданных для того, чтобы облегчить страдания человека».

То же самое и у анархо-мистиков — с их благотворительными лекциями и концертами для неимущих, с их «Черным Крестом» и «Братствм Милосердия», которое поставило своей задачей заботу о больных и бедных с использованием всех средств, доступных в России тех лет.

Рассматривая градусы Древнего Шотландского обряда в их символическом значении, нельзя не заметить, что 17-й и 18-й градусы близки «Книге утешенных», что, быть может, и предопределило вхождение этой ветви тайных тамплиеров в орден розенкрейцеров. Для собственно тамплиеров (живших по «Уставу избранных») в Шотландском обряде предусмотрена гораздо более высокая, завершающая масонскую иерархию 30-я степень «Рыцаря Кадоша», то есть «Святого Рыцаря». (Есть три еще более высокие степени, однако они имеют чисто административное значение и не знаменуют духовного восхождения.)

Ритуал возведения Мастера в градус Рыцаря Кадоша символически связан с воспоминаниями о гибели ордена тамплиеров и великого магистра ордена Жака де Моле, который как бы снова возвращается в мир, воплощаясь в новом Рыцаре Кадоше, чтобы восстановить попранную справедливость. Однако отмщение зла есть не совершение нового

зла, а восстановление справедливости через преодоление зла в окружающей жизни. Вот что пишет по этому поводу Морамарко:

«Для Рыцаря Кадоша долг — это „дхарма“, устремленность осуществить смысл своего существования путем реализации всех возможностей своей личности… Рыцарь Кадош должен претворять на практике знания, полученные им в храме. Но каким образом? Никто не в состоянии его научить этому. Секрет инициации остается секретом до самого конца. При этом следует учесть, что масоны обычно гордятся тем фактом, что никогда не подавляют творческую индивидуальность своих адептов, но способствуют „индивидуализации“, то есть стремятся раскрыть в личности человека все то, что в ней отложилось в ходе совершаемого пути, то, что было усвоено в доктринах и символах предыдущих степеней, то, что свидетельствует о развитости духа…»

Последнее замечание чрезвычайно важно. На протяжении всего своего исследования Морамарко подчеркивал ту высочайшую степень духовной свободы и свободы мнений, которая характеризует масонство, требующее от братьев только веры в существование Великого Архитектора Вселенной. При этом предоставляется полная свобода Его восприятия и осмысления, самостоятельность в выборе пути и разрешении встающих вопросов.

С изложенным замечательно совпадают показания двух арестованных, которые отрицали свою причастность «Ордену Света», однако тесно соприкасались с рыцарями.

Первое свидетельство принадлежит Д. А. Бему (который, видимо, все же принадлежал к ордену) — доценту теоретической механики, преподавателю МВТУ имени Баумана и других московских вузов, заместителю заведующего Музеем П. А. Кропоткина. «Анархо-мистицизм я считаю попыткой дать анархизму некоторое философско-идеалистическое толкование, — показывал он на допросе 15.09.30 г., — хотя думаю, что ни анархизм, ни мистика не могут иметь места как явления массовые: они для отдельных индивидуумов. В настоящее время считаю пропаганду анархических идей преждевременной, так как, будучи неправильно поняты, они могут нанести только вред. Усвоение их возможно лишь при очень высоком культурном уровне масс, а для этого необходима интенсивная культурная работа не менее 50 лет. <…> В своей личной жизни я стараюсь избегать всякого насилия над людьми, выработал спокойное отношение к различным взглядам людей и считаю, что каждый человек имеет право иметь свои убеждения и должен при этом считаться с тем, чтобы они не приносили вреда окружающему обществу. За жизнь нужно постараться узнать возможно больше, а при жизни принести окружающим людям наибольшую пользу…»

Другое свидетельство принадлежит В. И. Сно — человеку, случайно попавшему в дом Никитиных, а затем к Солоновичу в Кропоткинский музей. Он не имел ни достаточного образования, ни определенных интересов. Посещая собрания рыцарей, Сно хотел, чтобы его «наполнили содержанием», не замечая, что для этого еще надо иметь «сосуд». Ему надо было бы идти или в церковь, или в комсомол. «Пообдумав над вопросом об анархистах, — писал он в своей „Подробной автобиографии“, — я понял, что мне начинают предъявлять требования в каком-то послушничестве; во-вторых, я не встретил со стороны анархистов ни совета, ни поддержки. У них это не принято, и они ясно дали понять, что обращаться за советами нельзя. Можно говорить только свое мнение и вносить свои предложения…»

Образы, близкие к масонским, можно найти и в других показаниях, например Е. А. Поль. «На этих собраниях говорили о работе над собой (по масонской терминологии это называлось „работать над камнем“. — А. Я.), о воспитании духа, твердой воле, избавлении от имеющихся недостатков, о помощи близким. В области искусства каждый должен был овладеть своей областью, чтобы через нее влиять на людей облагораживающе, так как искусство может смягчать дурные инстинкты и пробуждать лучшие чувства… Кроме того, рассказывали о своих личных хороших поступках…»

И все же, несмотря на определенную схожесть анархо-мис-тиков и масонства, первая же попытка их сравнения производит обескураживающее впечатление. В первую очередь — с точки зрения символики и ритуала.

Масонство ритуально от начала до конца. Каждый жест масона, каждое его слово полно тайного смысла и является символическим. Его невозможно представить без циркуля, угольника, лопатки, молотка, фартука, перевязи, перчаток и всей прочей атрибутики, не говоря уже о паролях и знаках, которыми открывается вход в ложу. Нельзя представить масонство и без ложи (специального помещения, копии масонского храма), где обязательно должны присутствовать перечисленные атрибуты и много других предметов.

У каждой масонской ложи были свои ритуалы, сохранявшиеся в тайне от членов других лож. Структура масонства, несмотря на провозглашаемое в нем (и действительно существующее) равенство, всегда являла строгую иерархичность. В первую очередь это проявлялось в статутах, дипломах и прочих документах, которыми управляли ложи, которыми подтверждалась их «законность», а также статус («градус») того или иного мастера (удостоверявший его принадлежность к определенной ветви братства).

Недавно переизданный двухтомник издательства «Задруга» — «Масонство в его прошлом и настоящем» — позволяет представить чрезвычайную сложность и пышность ритуалов (которые часто оказывались единственным содержанием собраний). Современные авторы подтверждают приверженность к обрядовости и ритуалам у нынешних масонов. При всем желании этого невозможно обнаружить у анархо-мистиков.

Как я писал выше, единственные известные мне знаки, имевшие символическое значение для рыцарей «Ордена Света», — это белая (красная) роза и голубая восьмиконечная звезда. Звезда символизировала мир восьми измерений — мир ангелов, промежуточный между миром людей (4 измерения) и архангелов (16 измерений). Белые розы были знаком чистоты устремлений, знаком принадлежности к ордену. Ни в одном масонском ритуале мы их не находим. Источником восьмиконечной звезды скорее может быть символика Богоматери (практически отсутствующая в масонстве), чем восьмиугольник 18-го градуса Князя Розенкрейцера.

Несколько больше соответствий при желании можно найти в семи степенях Ордена Света (о них говорили некоторые арестованные). Действительными степенями в Шотландском обряде считается тоже семь ступеней: 1) ученик, 2) подмастерье, 3) мастер (общие для всех масонских систем), после чего идет 4) тайный мастер, 5) рыцарь-избранник Девяти (что соответствует 9°), 6) Князь Розенкрейцер (соответствует 18°) и 7) Рыцарь Кадош (соответственно 30°). Впрочем, число 7 священно едва ли не для всех религиозных систем. И в самом масонстве идут вековечные споры о количестве степеней. Большинство склоняется к тому, чтобы признавать только три степени — ученика, подмастерья и мастера; все остальные оказываются «декоративными».

Так, может быть, прав Ю. Аникст, отрицавший подлинность установлений ордена? Похоже, анархо-мистики лишь формально следовали исчислению ступеней Шотландского обряда.

Наиболее подробно рисует картину посвящения в орден Ф. Ф. Гиршфельд. Напомню, в чем состоял ритуал. Проводивший посвящение старший рыцарь с белой розой в руке рассказывал вступавшим в орден легенду о Древнем Египте. К посвящаемому подходили два других старших рыцаря (мужчина и женщина), призывая его быть мужественным, блюсти честь и хранить молчание. Затем принимавший ударял посвящаемого рукой по плечу, имитируя удар плашмя мечом в рыцарском посвящении, и предлагал ему выбрать орденское имя. В разных кружках эти имена начинались с разных букв. При вступлении неофиту сообщалось следующее: орден имеет семь степеней, во главе его стоит командор; рыцари переводятся из степени в степень в зависимости от их деяний (практически это делалось по

прослушивании определенного количества орденских легенд) цель ордена — борьба со злом (которое заключается во всяком проявлении власти и насилия); в орден не принимаются члены политических партий (принадлежность к анархическим группировкам допускается); средства ордена образуются путем ежемесячного отчисления рыцарями одного или полутора процентов их заработка.

В этом нет ни одной черты, роднящей анархо-мистиков с масонами, особенно если вспомнить, что центральной темой масонских обрядов всегда была смерть и победа над ней; важнейшую роль в ритуале играли череп, скелет, гроб и тому подобное. Изображения этих предметов заполняют перевязи и фартуки масонов, их можно видеть на печатях, предметах обихода, переплетах книг, в орнаментике домов и помещений ложи. Ничего этого нет у анархо-мистиков — ни в показаниях, ни в предметах, обнаруженных при обысках (хотя на религиозные символы, кресты, распятия работники ОГПУ обращали особое внимание).

В следственном деле сохранилось показание Е. А. Поль, которая описала рождественскую орденскую трапезу, происходившую, скорее всего, 25 декабря 1924 года.

«Мы сидели за круглым столом, накрытым скатертью, в середине которого стояла чаша с вином, накрытая белым покровом с черным крестом посреди. Сверху лежала какая-то веточка. На столе лежало Евангелие, заложенное голубой лентой. Праздник начался с вопроса младшего (по рыцарским степеням. — А. Н.) из присутствовавших о том, есть ли совершенная красота. Все остальные по очереди отвечали на этот вопрос, после чего можно было приступить к еде. Затем руководитель рассказывал какой-то миф, содержание которого совершенно не помню. Праздник закончился пением хором гимна архангелу Михаилу. Надо прибавить, что на стене висело изображение рыб (христианский символ. — А. Н.), а в руке корифея была небольшая черная палочка, которой давался знак к действию…»

Стоит также напомнить, что масонство было исключительно мужским братством, куда не допускались и не допускаются женщины, в то время как рыцарями «Ордена Света» (и других орденов, о которых упоминает обвинительное заключение) женщины не только могли быть, но их присутствие считалось особо желательным при обряде посвящения. Вместе с тем масонство категорически отмежевывается (во всяком случае теперь) от всякого оккультизма, памятуя о том вреде, который нанес развитию движения в прошлом веке так называемый французский оккультизм с его «практической магией», от которой легко перейти к подлинному «сатанизму». Московские тамплиеры разделяли подобную точку зрения, считая практическую магию (в том числе спиритизм) совершенно недопустимой для человека, идущего к Свету, для человека, чьи действия озаряет только Божественная Искра, которую он смог ощутить в себе и теперь несет столь же трепетно, как сохраняемый в ладонях дрожащий огонек свечи от Светлой Утрени…

Приходится признать, что анархо-мистики не принадлежали ни к одной ветви масонства, хотя какие-то связи А. А. Карелина с «Великим Востоком Франции» (или сходной системой) представляются возможными. Вывод несколько обескураживающий, потому что в 20-х годах в Москве и в Петрограде существовали масонские ложи (о них начинают упоминать в печати), причем ложи именно этического, а не политического направления (которому посвящены книги Б. Николаевского и Н. Берберовой). Интересно признание скрипача Камерного (а затем Большого) театра З. М. Мазеля, близкого друга М. А. Чехова, что в середине 20-х годов он вместе с Чеховым «ходил на заседания масонской ложи в Москве». Поначалу я склонен был относить это к «Ордену Света» или «Храму Искусств».

Что же представляли собой эти организации?

Мне кажется, что понять их возникновение и распад, их характер и место в истории общества могут помочь показания людей, искренне говоривших на следствии о своем мировоззрении. При заполнении «Анкеты арестованного» и в протоколе первого допроса почти каждый из них указал на свое анархическое мировоззрение. Многие не скрывали, что

«к Советской власти относятся, как и ко всякой власти, отрицательно, но считают нужным ее поддерживать за неимением лучшей». И все же это были очень разные люди, путь каждого из них в «Орден Света» был далеко не прост. Были люди верующие (Е. Г. Адамова), сомневающиеся (А. С. Поль), прямые атеисты, как И. Н. Уиттенховен-Иловайская…

Через мистику и толстовство к раннему христианству шел Н. К. Богомолов — один из ближайших сподвижников А. А. Карелина по ВФАК, впоследствии разошедшийся с А. А. Солоно-вичем. 14 сентября 1930 года он писал на допросе: «Еще раньше (до смерти Карелина. — А. Н.) я начал интересоваться учением Л. Н. Толстого. Одного анархо-коммунизма мне казалось мало, казалось необходимым подвести под него более обширные основания идеологического порядка. Толстой связывал свое учение с христианством <…> Так я вошел в число членов-соревнователей Толстовского общества в Москве. Посещал собрания Общества и много думал, какой путь правильный: с применением насилия или без применения насилия? Решение этого вопроса я считал для себя важным. На этом пути мне пришлось обратиться даже к прочтению Евангелия и литературы по истории христианства. Должен оговориться, что я вообще не церковник, не хожу в церковь. К церкви, как властной организации, как к организации принципиально иерархического порядка у меня всегда было ярко отрицательное отношение. Нужно проводить резкую грань между церковью и христианством, беря последнее как одно из учений о нравственности. Прочитавши некоторые источники, я увидел в поучениях церкви, что вопрос об оправдании государства и власти, оправдании насилия является нелогичным, двойственным и явно неверным. Размышления над текущей политической деятельностью как в СССР, так и за границей, привели меня к мысли, что применение насилия и должно становиться все менее действенным для тех, кто его применяет. Насилие не дает тех результатов, которые ожидают от него <…> Ознакомление с мистическими идеями, с учением Христа по Евангелию показало мне и с этой стороны правильность основных установок анархизма, как я их понимал, то есть принципов любви, красоты, безвластия, принципа добра <…> Слова Христа „не убий‟, „взявший меч от меча и погибнет‟ явились для меня определяющими мое личное поведение…»

К слову сказать, о том же говорил и К. И. Леонтьев: «Я исповедую христианские идеи, заключающиеся в той проповеди любви, которая изложена в Евангелии, но не в церковном толковании, а в моем собственном, именно: Церковь истолковывает учение Христа для поддержки власть имущих, а в моем истолковании учение Христа является попыткой построить на земле братство на основах любви и равенства…»

Более подробно, с указанием возможной практической деятельности, писал о своем мировоззрении Н. И. Проферансов.

«Приблизительно с 1910 — 12 гг. я перестал быть материалистом, а когда стал анархистом, то не считал, что для анархиста обязательно быть материалистом. Я считал и считаю, что в социализме и анархизме сущностью их являются требования, которые общи с требованиями первоначального христианства, именно — общечеловеческая солидарность и любовь к каждому человеку. Первоначальное христианство привлекает меня также тем, что отрицает собственность, государственную власть и стоит за экономическое равенство. В связи с этим я стал думать, что задачей анархистов в условиях советской действительности является пересмотр старого отношения к религиозным проблемам и обоснование синтеза анархического мировоззрения и мировоззрения раннего христианства, а также обоснование новой философии анархизма — осуществление в жизни таких учреждений, которые бы вытекали из этого синтеза анархии и религии. Это мне представляется возможным в результате длительной работы над просвещением в этом духе народных масс. Под такими учреждениями я мыслю всякого рода союзы, артели, коммуны, создаваемые на принципах религиозно-философского анархизма… Основываясь на существовании толстовских коммун, я думаю, что в таких коллективах можно вести анархическую и духовно-просветительную работу…»

С иной подготовкой и иными мыслями оказался в ордене А. В. Уйттенховен (1897 — 1966). До конца следствия он категорически отрицал свою причастность к ордену и признавал только факт личного знакомства с Карелиным, Солоновичем и другими анархо-мистиками. Но в данном случае для нас важнее другое: объективный набросок эволюции интересов многогранного и талантливого человека — он был блестящим художником, служил секретарем военного атташе в Риге, блестяще знал несколько языков (в том числе древние), переводил, писал стихи… и провел жизнь по ссылкам и лагерям, скончавшись убежденным анархо-мистиком в инвалидном доме под Архангельском. Вот что он писал о себе 14 октября 1930 года:

«На повторный вопрос об эволюции моего мировоззрения могу сообщить следующее: интерес к вопросам философского характера возник у меня очень рано (мне было тогда лет четырнадцать), и первым был интерес к анархизму, выразившийся в чтении Эльцбахера и Ницше. Чтение Эльцбахера (книга „Анархизм‟, где излагаются разные системы анархизма) привело меня к изучению Льва Толстого и к увлечению его „Евангелием‟, так что в течение нескольких лет (до 1915 — 1916 гг.) я считал себя толстовцем. От этого периода осталась у меня склонность к вегетарианству (мяса я не ем до сих пор, рыбу — изредка) и некоторые взгляды на искусство (например, нелюбовь к Шекспиру). Знакомство с различными религиозными системами (через Толстого) привело к изучению буддизма и теософии. Первое выразилось в том, что в университете я занялся изучением санскрита, прерванным призывом меня на военную службу в мае 1916 г. В университете же прочитал почти все книги по теософии, имевшиеся на русском языке. Пребывание на военной службе до октября 1917 г. (когда я вернулся с Юго-Западного фронта) прервало это изучение, возобновившееся отчасти осенью этого же года. В университете я занятия не возобновлял, т. к. интересующие меня предметы (санскрит и экспериментальная психология) не начинали читаться. В это время я нашел (по объявлению на обложке книги) библиотеку Теософского общества, некоторое время брал там книги и познакомился с некоторыми теософами — председателем московского Общества Герье, библиотекарем Зелениной, Н. А. Смирновой, П. Н. Батюшковым. Из теософской литературы мне больше всего нравились книги Р. Штей-нера, но тогда же я узнал, что Штейнер не теософ, а антропософ. Они привели меня к антропософии, и это увлечение (вытеснив теософию) продолжалось вплоть до осени 1920 г. Попав в это время за границу (в г. Ригу, в качестве секретаря военного атташе), я стал изучать последние работы Штейнера в области социального организма. По возвращении в Москву в 1922 г. я прочел в Антропософском обществе доклад „Очередная утопия‟, в котором резко критиковал идеи Штейнера, после чего всякие связи, кроме личных, с антропософией были прерваны…»

Судя по всему, Уйттенховен познакомился с Карелиным в 1924 году, может быть чуть раньше, и хотя он всячески уходил от ответа на вопрос, когда и при каких обстоятельствах это случилось, можно думать, что знакомство состоялось через В. С. Смышляева или Ю. А. Завадского (Уйттенховен хорошо знал их по театру, как, впрочем, и многих других сотрудников и актеров 2-го МХТа). Столь же вероятно, что знакомство с этим кругом лиц, входивших в «Орден Света», началось у него в Антропософском обществе через М. А. Чехова и А. Белого, о знакомстве с которым еще весной 1917 года он говорит в своих показаниях. Кроме Белого, из антропософов он называет А. С. Петровского, М. П. Столярова, Григорьева и Васильеву. Интересом к «древним легендам» объяснял свое вступление в орден А. С. Поль, знакомством с Карелиным — Ю. А. Завадский и П. А. Аренский. Аренского рука ОГПУ достала только в мае 1937 года, когда уже были забыты анархо-мистики, но продолжался «отлов интеллигенции». По многим показаниям,

В. С. Смышляев, В. А. Завадская и П. А. Аренский проходили как старшие рыцари. К 1930 году В. А. Завадская умерла, Ю. А. Завадский стараниями А. С. Енукидзе и К. С. Станиславского был спасен, а В. С. Смышляев почему-то не тронут. Ему предстояло разделить участь Аренского в 1937 году, но — по счастью! — Смышляев умер 3 октября 1936

года от инфаркта. Аренский был арестован, осужден на пять лет колымских лагерей и умер там при невыясненных обстоятельствах за несколько месяцев до конца срока.

В письме от 18.08.40 г. своей жене, актрисе В. Г. Орловой-Аренской, которая спрашивала его об обстоятельствах дела (она ничего не знала об анархо-мистиках: он не посвящал ее в орденские дела), Аренский писал: «…С Карелиным я был знаком только по одной причине: он обладал древнеегипетскими и средневековыми рыцарскими легендами, которые привлекали меня своей художественностью и в подлинности которых я хотел убедиться. Поэтому и после смерти Карелина продолжал видеться с Солоновичем, который читал мне эти легенды. Соло-нович же — один из последователей Карелина по анархизму. Он передал мне тетрадку с некоторыми древнерыцарскими обрядами, которые мы изучали и даже разыгрывали в кружке знакомых Веры Александровны (Завадской, которая до 1925 года была женой Аренского, а с осени 1928 года — Смышляева. — А. Я.), 5 — 6 человек. Там был и А. С. Поль. Когда я сошелся с тобой, в 1925 — 27 гг., все это мне уже надоело и я перестал видеться с Солоновичем…» Конечно, это было не так, потому что Карелин умер только 20.03.26 г. и «видеться с Солоновичем после смерти Карелина» Аренский мог только в последующие годы, скрывая это от В. Г. Орловой, которая, впрочем, совсем не интересовалась этой стороной жизни.

И все же письмо Аренского заставляет вспомнить о версии, выдвинутой на следствии моим отцом, об игровом характере «Ордена Света». 23.01.31 г., уже после вынесения приговора, на очередном допросе он показывал: «…В период 1924 — 25 годов, увлеченный формами романтического искусства, я близко подошел к представлениям о рыцарстве как универсальной форме романтической культуры <…> Никаких организационных форм, никакой мысли о воссоздании рыцарства в орденском смысле у меня не было, и потому никаких уставов, никаких программ какого-либо действия тоже не предполагалось <…> Лабораторные занятия, требовавшие участия иногда нескольких лиц, породили, по-видимому, у некоторых представление о действительном наличии рыцарской организации, чему могло многое способствовать. Во-первых, наименование работы „Орденом Света" произошло от как бы некоего лозунга или девиза, под которым эта работа проводилась. Дело в том, что, взявшись за идею рыцарства как материала для разработки, я прежде всего постарался отбросить все то историческое и классовое, что было связано с рыцарством Средневековья, взяв здесь рыцарство как бы в некой его абстракции. Таким образом, был поставлен вопрос о вообще „светлом" рыцарстве, понимая под этим отсутствие всякого рода каких-либо иных его определений <…> Наряду с этой основной работой наметилась также возможность идеологической проработки вообще проблем искусства под лозунгом искусства большого стиля в духе мистерии с привлечением соответствующей терминологии вроде „храма искусства". Мистериальная основа такого искусства взята была именно потому, что вообще представляла собой форму синтетического искусства, из которой в дальнейшем развился театр и другие виды искусства. Все это в целом, однако, не ставило никаких политических целей и задач, и те организационные формы, в которые это выливалось, существовали постольку, поскольку какой-то минимум организованности должен был быть для осуществления самой работы…»

Перевод серьезного, мистериального действа в «театр для себя» — не слишком убедительная форма защиты, тем более что, согласно другим показаниям, «романтическое увлечение» продолжалось не только в 1924 — 1925 годах (на чем настаивали мой отец, Аренский и в какой-то степени Завадский), а значительно дольше, вплоть до 1930 года. Быть может, это отражение каких-то неизвестных сейчас обстоятельств тогдашней жизни, в которой эти даты и такая интерпретация событий могли сыграть спасительную роль?

Мне кажется, прежде чем подводить хотя бы предварительные итоги, следует обратить внимание на несколько фактов, о которых шла речь выше. Мои попытки установить сколько-нибудь «правильные» истоки «Ордена Света» (и других аналогичных организаций) не

привели к успеху. «Тамплиерство», занесенное в Москву Карелиным, не имело, по-видимому, никаких аналогий и было явным новообразованием. С одной стороны, это была попытка распространения анархистских идей среди интеллигенции (довольно равнодушной к анархизму с его примитивным экономическим материализмом); с другой — — попытка вывести из тупика сам анархизм, внесением в него этического момента, который еще до Кропоткина начал разрабатывать Л. Н. Толстой, подойдя к проблеме государства и личности с позиций христианства,

Началом всего мне представляется попытка Карелина укоренить «французский оккультизм» на российской почве, заинтересовав интеллигенцию «корпусом легенд», происхождение которых до сих пор остается неясным. Разобраться во всем этом мешает и невозможность реконструировать (хотя бы приблизительно) начало отношений Карелина с Завадским, Аренским и другими. Как бы то ни было, весь этот сплав гностицизма, розенкрейцерства, средневекового рыцарства, теософии и оккультной египтологии отливается в зримые формы не ранее конца 1923-го — начала 1924 года, когда начинается работа над

«Золотым горшком» во 2-м МХТе, а в Белорусской студии — над «Царем Максимилианом», «Апраметной» и другими пьесами.

Ситуация в стране способствовала успеху этого замысла. Церковь еще задолго до революции потеряла паству, вызывая со стороны населения, в первую очередь образованного, неприязнь своим обскурантизмом, сотрудничеством с государством в области запретительной и доносительной, своим сопротивлением давно назревшим внутренним реформам. Она не сумела объединить общество и противопоставила себя науке, которая бурно развивалась в XIX веке. Возникла ситуация, аналогичная той, о которой (применительно к Западу) говорил Дж. Гамберини, некогда Великий Мастер «Великого Востока Италии», отмечая «универсализм» масонства: «Благодаря протестантской реформе, этическое единство западного мира прекратило свое существование в силу распадения христианства. Европейцы доказали, что они могут вполне обходиться без единства веры. Однако они оказались не в состоянии развиваться при отсутствии этического единства, общей нравственной ткани, связующей их воедино. Когда окончательно погибла иллюзия Священной Римской империи, а религиозное единство вступило в полосу трагического кризиса, вот тогда европейцы и обратились к масонству. Оно приняло их в объятия своего конкретного универсализма, который тем прочнее, чем меньше в нем идеологических примесей».

Не так ли было и в нашем случае? Анархо-мистицизм — не религия. Он не давал программы действий, не требовал исполнения устава, не вмешивался в личную и духовную жизнь человека. Анархо-мистицизм пытался убедить своих адептов лишь в том, что данная жизнь, имея физический конец, отнюдь не означает конца для духовной личности, которой не все равно, как будет пройден краткий, но обязательный отрезок земного существования.

В мире распада и разрушения, в мире крушения, казалось бы, всех ценностей эта философия, питаемая достижениями человеческого духа всех времен и всех культур, опиравшаяся на один из наиболее понятных для европейцев идеалов нравственной чистоты — рыцарство, — заинтересовала и увлекла множество людей. Их сознание было не способно смириться с разрушением многовековой культуры, с физическим уничтожением миллионов людей, по большей части не понимавших, что с ними происходит. Те же, которые понимали, видели, что у них отнята не только религия, но и вера. Они не верили существующей Церкви, ибо видели, как она предавала их прежде и предает теперь, пойдя на сотрудничество с убийцами. Они убедились, что пропасть разделяет Церковь (организацию) и Учение, которое служителями Церкви было искажено.

Нужна была новая вера и новая религия. Эту потребность и использовал поток чувственной мистики, оккультизма, интерес к тайным (и не тайным) учениям Востока. Но

новые учения характеризовались либо ярко выраженным «учительством», либо попыткой уловить души обещанием наделить «сверхъестественными» силами. Человек опять оказывался игрушкой в руках посредников, теряя представление о собственном пути и предназначении, о той естественной духовной эволюции, которая раздувает искорку, упавшую от Логоса в косную материю, в пламя, рвущееся к изначальному источнику Света.

Христианская церковь учила человека смирению и выполнению своих обязанностей. Масонство провозгласило необходимость активных действий в круге этических задач. Обращение анархо-мистиков к гносису потребовало от человека не только упражнений в нравственности, но и знаний об окружающем мире (в том числе полученных мистическим путем). Это не обогащало его материально, не наделяло сверхъестественными способностями, однако давало спокойную уверенность в том, что он двигается вперед, в назначенном ему направлении, для дальней, непостижимой, но прекрасной цели. А раз это так, то все, что с ним может здесь произойти — бытовые травмы, арест, заключение, даже смерть, — не может затронуть той его Божественной Сущности, которая двигается «в мирах и веках» раз и навсегда предначертанным путем. Даже если он будет сопротивляться, то и тогда со значительным опозданием, но его «поезд» все равно придет к конечной станции, ибо тьма — не реальность, а всего только отсутствие — незнание Света.

В этой связи я не могу отказать себе в удовольствии процитировать отрывок из обращения другого Великого Мастера, который приведен в книге М. Морамарко, — о важности естественной эволюции: «Чередование времен года дало человеку понимание меры времени: арка, состоящая из 365 дней годового цикла, есть синтез того, чем является его жизнь. Природный порядок вещей переменчив, но его устроение таково, что человек не испытывает при этом страданий. Медленно, но неуклонно день сменяется ночью, из царства дня человек переходит во владения ночи, испытывая наслаждение этой неизреченной гармонией <…> Данный порядок вещей приводит в равновесие миры — мир человека и мир природы. Человечество продвигается вперед только в том случае и тогда, когда перемены совершаются постепенно, путем восхождения с одной ступени на новую, высшую. Так восходит к Свету человек посвященный: медленно, но изо дня в день трудясь над своим внутренним совершенствованием, работая в тайниках своего личного опыта, пользуясь поддержкой символов, он оказывается в силах отказаться от всего, что преходяще и мнимо… Вот почему всякий раз, когда мир потрясает насилие, чинимое во имя перемен, все остается так, как было прежде, или даже хуже, чем прежде…»

Мне остается сказать уже немного. Вероятно, энтузиазм 1924 — 25 годов, когда образовались орденские кружки, на какое-то время спал в связи с арестом Солоновича. Но искра уже разгорелась. Дело было не в организации, не в символах, а в поисках и обращении сохранившейся духовной литературы, в организации новых переводов только что найденных древних текстов, в общении людей друг с другом — во всем том, что подобно электрической искре возбуждает организм, впавший в каталептическое состояние. Люди читали, думали, обменивались мнениями и сами включались в творческую работу. Сейчас можно с уверенностью сказать, что репрессии 1929 — 1930 годов уже не смогли уничтожить само движение. И хотя в 1936 — 1937, а затем в 1941 году изымались те, на кого не пали первые репрессии, повторно арестовывались вышедшие на свободу, тамплиерство продолжало существовать, приобретая новые формы, новые черты. До тех пор, пока жив человек, он будет верить в свое бессмертие и стремиться к познанию, которое и есть путь к Свету. И это единый путь для Человека и Мироздания «в мирах и веках».

ПОТУСТОРОННИЕ ВОЙНЫ

Свято место пусто не бывает. Канули в прошлое «рыцари Света» и масоны, изведенные под корень старательной косилкой ОГПУ. Открытое противостояние Второй мировой сменилось столь же открытой конфронтацией холодной войны. А на смену старым мифам пришли новые, которые с полным правом можно было называть мифами эпохи НТР.

На самом почетном и заслуженном месте среди них находится миф о «летающих тарелках» (они же UFO, они же НЛО), коему в прошлом году сравнялось полвека — отсчет ведется от того дня, когда американский бизнесмен и летчик-любитель Кеннет Арнольд первым ввел в обиход это словосочетание. Это не означа-. ет, впрочем, что загадочные небесные явления не наблюдались ранее — рьяные уфологи находят упоминания о них даже в египетских папирусах.

Уфологическая литература велика и обильна, и даже самый беглый обзор ее не уместился бы не только в очерк, подобный «КГБ против НЛО» Антона Первушина, но и во весь этот том. Однако нас с вами сейчас не интересует ни история вопроса, ни систематизация НЛО. Поговорим же мы о сем предмете лишь с одной точки зрения — применительно к психологии.

Редкий человек не читал в детстве жюль-верновский роман «Двадцать тысяч лье под водой». А помните с чего он начинается? В первой главе приводятся газетные сообщения о встречах различных кораблей и судов со странными светящимися кругами и овалами, а также о столкновениях с каким-то загадочным предметом. Как-то раз я не поленился и проверил — дотошный французский фантаст ничего не выдумал, а лишь процитировал подлинные публикации. Нынешние специалисты по аномальным явлениям (АЯ) говорят по этому поводу: «Типичное гидросферное АЯ». Пусть так. Но интересно, что Жюлю Верну в голову не пришло приписывать природу феномена ни потусторонним силам, ни даже вполне материалистическим космическим пришельцам — он сотворил капитана Немо. Это полностью соответствовало рационалистической психологии второй половины прошлого столетия. Миф не родился — за невостребованностью коллективным бессознательным. Зато неполный век спустя ему оказались и честь, и место.

Но и то, и другое помещалось исключительно в контекст противостояния сверхдержав. Подозревая в загадочном явлении коварные происки потенциального противника, обе стороны подходили к изучению вопроса отнюдь не с академических позиций, вверяя это дело не научным институтам, а спецслужбам. Отсюда и невероятное число легенд, наросших на подлинно рациональное зерно всей этой истории, и густые клубы таинственного тумана, сквозь которые разглядеть реальные контуры практически невозможно. Однако самым любопытным представляется следующее обстоятельство. Если в сознании массовом «летающие тарелки» порождали исключительно любопытство и — чаще — страх, то высокие политики, вслух не признававшие даже самого факта существования проблемы, в душе взирали в небо с ожиданием, исполненным потаенной надежды. Проговорился об этом президент Рональд Рейган, заметивший как-то, что единственным способом установить согласие на Земле было бы вторжение с Марса. Разумеется, Марс упоминался в этом контексте исключительно метафорически, но справедливость самой мысли не подлежит сомнению: общий враг сближает куда больше, чем общий друг.

Но что говорить о «летающих тарелках», если даже исстари привычную чертовщину современное (и, главным образом, советское) общество также передоверило изучать и побеждать исключительно бравым спецслужбам — все исследования на иных уровнях были доморощенными, любительскими и полуподзапретными. Так продолжалась традиция славной «лаборатории оккультизма», Спецотдела при ОГПУ — все теплилась в умах надежда, что и полтергейст, к примеру, можно будет не только понять, но и выдрессировать, а потом напустить на лихого супостата. Если только, конечно, полтергейст этот самый не есть как раз его, супостата, зловредная акция, которую, в таком случае, необходимо показательно пресечь.

Но самый значимый из современных мифов связан все-таки с психотронным оружием. Существует ли подлинно психотронное оружие? Что оно из себя представляет? Вопросы безответны. Но уже сама по себе допускаемая возможность его наличия вызывает серьезные брожения в умах, приводит к полной потере уверенности в себе и в окружающем. Общество,

допускающее мысль, что его поведением можно управлять, уже управляемо; человек, допускающий, что он управляем извне, избавляется от чувства ответственности за собственные поступки. Последствия же подобных метаморфоз и масштабны, и неисчислимы.

Если оставить в стороне магию, то всерьез об идее подобной управляемости начали задумываться в прошлом веке — после открытия месмеровского «животного магнетизма» и гипноза. Идея массового зомбирования издавна соблазняла умы — вспомните интерес Спецотдела при ОГПУ к арктической лихорадке. Однако все это оставалось экспериментами и экзерсисами — гипнотизеры суть товар штучный и серьезной угрозы обществу представлять не могут. Зато создание технологии «промывания мозгов» привело к шоку едва ли не более сильному, чем атомная бомба. А разработка множества разнообразных психотропных химических средств, сведения о которых мало-помалу просачивались-таки в широкую прессу, добавила в огонь целые бочки масла.

Существует или нет психотронное оружие, применялось ли оно на практике или нет, но миф его функционирует исправно. И вот что интересно — а насколько стихийно возникновение самого мифа? Не является ли он, в свою очередь, разновидностью сознательно используемого инструмента воздействия на психику? Ведь самым мощным из таких инструментов — о чем говорится еще в Священном Писании — от сотворения мира (и даже ранее) было Слово…

АНТОН ПЕРВУШИН. ПОЕДИНОК АСТРОЛОГОВ

Любую деятельность, связанную с силовой коррекцией естественных поведенческих реакций человека, я считаю проявлением применения психотронного оружия в самом широком смысле этого термина. То есть система идеологической обработки масс (в том числе религия), школьная программа, да и просто реклама на телевидении или в метро являются своего рода орудием, с помощью которого можно изменить психику и, соответственно, поведение любого индивидуума. Причем сила воли конкретного человека не имеет никакого значения: всегда найдется способ («лазейка») подавить эту волю и навязать свою.

К числу психотронных орудий мы можем смело отнести и различные иррациональные системы, в частности астрологию. Действительно, астрологи берут на себя смелость утверждать, что путем достаточно сложных вычислений они способны угадать «волю звезд» и предсказать таким образом будущее. Вера же отдельных людей в достоверность подобных предсказаний может изменить их поведение, привести к принятию решений, которые при ином подходе могли бы быть совершенно другими.

Наиболее известный пример применения астрологии как оружия относится к кратковременной истории Третьего рейха, идеология которого во многом строилась на базисе оккультных наук. Германия 30-х годов была самой настоящей Меккой астрологов. На регулярных международных астрологических конгрессах немецкими астрологами подавались «научно обоснованные» теории превосходства немецкой расы и «тысячелетнего Рейха».

Авторитетность этих высказываний подкреплялась действительными достижениями немецкой астрологии. В астрологических ложах Бельгии, Голландии, Англии, Франции при анализе грядущей мировой войны астрологи под влиянием коллег, настроенных пронацистски, склонялись к мнению, что победит Германия. Этому способствовали также четверостишия (катрены) Нострадамуса, умело препарированные швейцарским астрологом Карлом Крафтом (1900 — 1945), работавшим в департаменте пропаганды Геббельса. Крафт стал пользоваться особым доверием Гитлера после того, как ему удалось предсказать, что в начале ноября 1939 года фюреру грозит покушение на его жизнь. Действительно, 8 ноября 1939 года в мюнхенском пивном зале «Бюргербраукеллер», где Гитлер произносил речь, взорвалась мощная бомба, но Гитлер закончил свое выступление на десять минут раньше запланированного срока и покинул зал до взрыва.

Сначала, конечно же, за Крафта взялось гестапо, с целью выяснить его причастность к заговору. Ему, однако, удалось доказать свою непричастность к покушению. И через некоторое время Гитлер ставит Крафта во главе группы «придворных астрологов».

В 1940 году под властью немцев оказались Бельгия, Нидерланды и большая часть Франции. Над Англией тоже нависает угроза вторжения. В этой ситуации премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль готов был ухватиться за любую соломинку. Такой соломинкой оказалась астрология. Английская разведка доносила, что Гитлер шагу не делает, не посоветовавшись с астрологами. И Черчиллю пришло на ум узнать, а что именно советуют Гитлеру астрологи.

Для этого он пригласил на службу известного европейского астролога Луи де Воля (1903 — 1961). (Между прочим, швейцарец Карл Крафт и венгр Луи де Воль преподавали астрологию в одном и том же Биорадиологическом институте в Германии.) Рассказывают, что между Черчиллем и де Волем состоялся следующий разговор:

"… — Знаете такого астролога — Крафта? — спрашивает Черчилль.

— Как не знать, — отвечает ему де Воль, — это мой коллега, вместе работали.

— А можно ли средствами астрологии узнать, — гнет свою линию Черчилль, — какие прогнозы Крафт дает Гитлеру?

— Конечно, можно, — отвечает де Воль, — то, что видит один астролог, способен увидеть и другой, иначе астрология не была бы наукой!"

Черчилля очень интересовало, что думают немецкие астрологи о месте возможной высадки англичан на континенте. Астрологическая картина была такова, что наивероятнейшим местом открытия второго фронта представлялись Балканы. Стратегически этот вариант тоже был вполне обоснован: изрезанная береговая линия и близость к жизненно важным центрам врага — румынской нефти и ракетным заводам Южной Германии.

Де Воль сообщил Черчиллю, что астрологи укажут Гитлеру на Грецию. Любопытно, что в это же время английский генеральный штаб разрабатывал именно балканскую версию. Но как только Черчилль узнал, что говорят Гитлеру астрологи, он распорядился начать разработку варианта «Северная Африка — Сицилия — Италия». Одновременно английской контрразведке было дано указание поддерживать Гитлера в его заблуждении. С этой целью «халатно» оставлялись на виду военные карты, распускались среди английского населения слухи об интенсивной подготовке к греческой кампании. А для большей убедительности на голландское побережье был подброшен труп якобы английского морского офицера, в планшете которого находились подробные планы высадки на Балканах. Таким образом, Гитлер получил от шефа немецкой разведки Канариса «объективное» подтверждение мыслям астрологов о готовящейся высадке англичан на Балканах. В результате лучшие из своих незадействованных дивизий Гитлер держал на Балканах, поджидая неприятеля.

Тем временем в Северной Африке развернулись серьезные боевые действия. Немецкими войсками командовал генерал-фельдмаршал Роммель (род. 15.11.1891), а союзными — генерал Монтгомери (род. 17.11.1887). Гороскопы военачальников (оба Скорпионы) были изучены в Англии де Волем, а в Германии — Крафтом, и оба астролога пришли к заключению, что гороскоп Монтгомери сильнее. Однако Крафту не удалось убедить вышестоящее руководство в необходимости замены Роммеля более подходящим генералом. Роммель остался на своем посту и проиграл битву под Эль-Аламейном. В результате весь север Африки оказался свободным от нацистов; союзники высадились в Сицилии, прошли ее церемониальным маршем, перебрались на носок итальянского «сапога» и, не встретив серьезного сопротивления, дошли почти до Рима. В Италии в это время не было ни одной немецкой дивизии! И только когда Гитлер срочно перебросил в Италию несколько десантных частей, фронт удалось удержать.

Вот так окончилась своеобразная астрологическая дуэль Черчилль — Гитлер, несомненно повлияв на ход Второй мировой войны. Крафту этот поединок стоил головы: его обвинили в пособничестве врагу, отправили в Бухенвальд и впоследствии расстреляли. Де Воль, естественно, получил повышение в чине. Роммель оказался замешанным в неудачном антигитлеровском путче и в октябре 1944-го покончил жизнь самоубийством. Монтгомери стал фельдмаршалом и лордом Эль-Аламейнским, активно участвовал в боях во Франции.

Не избегла астрологического влияния и советская Россия. О том, какую роль играли прорицатели у нас, рассказывает Сергей Алексеевич Вронский, президент Межрегиональной федерации астрологов, доктор философии и медицины.

Его отец, Алексей Алексеевич, был царским генералом, начальником шифровального отдела Генерального Штаба, то есть имел непосредственное отношение к спецслужбам. В 1917 году, во время Октябрьской революции, Сергей был совсем маленьким мальчиком. Однако он смутно вспоминает тот день, когда в их дом ворвалась группа вооруженных людей. Его отец, мама, братья и сестры находились в комнате и упаковывали чемоданы для отъезда во Францию. У отца был документ, подписанный Лениным, разрешающий семье выезд за границу. Но даже этот документ не избавил семью от уничтожения. Все его родные были расстреляны. Погиб также сын бонны, которого приняли за Сергея.

В этот момент Сергей находился на улице. Услышав выстрелы, побежал домой, но на полпути во дворе его остановила бонна и отправила к соседям, где мальчик оставался до самых похорон.

Семья Сергея Вронского была очень богата. Детей воспитывали гувернантки — француженка, немка и англичанка. Каждая из них говорила с Сергеем на своем языке, и уже в детстве он владел тремя иностранными языками. Всего в семье было десять детей, но остались в живых только те братья и сестры, которые в то время уже учились во Франции и Германии. Два брата и две сестры погибли.

Интерес к оккультным наукам у Сергея Вронского пробудила бабушка. Она была не только изумительной красавицей, но и совершенно незаурядной женщиной — умной, обаятельной, с высшим образованием, полученным в Германии и во Франции. Она в совершенстве владела оккультными науками — астрологией, хиромантией, магией и многими другими сокровенными знаниями. Бабушка притягивала дюдей своей добротой и бескорыстной помощью. Она — княжна из Черногории — вышла замуж за дедушку Сергея в 16-летнем возрасте. Они оба объехали много стран, пока в конце концов не остановились в Латвии и не выбрали своим постоянным местом жительства Ригу. А выбран этот город был согласно наилучшим показаниям гороскопов обоих. После гражданской войны в России, через общество Международного Красного Креста, когда они узнали о существовании внука Сергея, что он жив, здоров и находится вместе со своей бонной Амелитой во Франции, они вызвали их и поселили у себя.

Бабушка очень полюбила внука и стала передавать ему свои знания. Уже в семилетнем возрасте Сергей умело составлял гороскопы для своих однокашников, учителей и знакомых, начал овладевать гипнозом и психотерапией, магией и спиритизмом. Все события детства, вместе взятые, убедили его в том, что все в жизни человека должно происходить только так, как это указано в гороскопе.

В 1933 году Сергей Вронский уехал в Германию на учебу, а перед самой войной, в 1938 году, его дедушка и бабушка, вместе с прибалтийскими немцами, эмигрировали сначала в Германию, затем — во Францию, а перед оккупацией немцами Парижа — в США. С тех пор связь между ними прервалась.

Во время учебы в Берлине Сергея познакомили с Йоханом Кохом — человеком, которому было суждено сыграть в судьбе Вронского значительную роль. Придя к Коху, Сергей увидел открывшего дверь молодого человека. Тот с минуту непонимающе смотрел на него, хотя и

был предупрежден письмом, а потом вдруг с рыданиями бросился на грудь Сергею. Плача и всхлипывая, повторял: «Сам Господь послал тебя ко мне». Оказалось, что накануне венчания его невеста попала в автокатастрофу и погибла. И удивление было вызвано тем, что Сергей как две капли воды лицом походил на только что преданную земле невесту Йохана. Поэтому понятно чувство, с которым он буквально ухватился за «близнеца» и не отпускал от себя, поселив в своих апартаментах.

Сергей понравился Йохану и аристократическими манерами, и своими душевными качествами. Они сошлись характерами, хорошо понимая друг друга, что еще более сблизило их. Кох представил Сергея своему брату Вальтеру, известному тогда немецкому астрологу, что потом помогло Вронскому при поступлении в Биорадиологический институт. В этом институте серьезно изучали астрологию, а среди преподавателей были тибетские ламы, иглотерапевты из Китая, индусские йоги, знатоки различных видов борьбы из Японии, шаманы из арабских стран.

Выпускники, обладавшие широким спектром нетрадиционных знаний: астрология, экстрасенсорика, магия, гипнология, психотерапия, восточная медицина, шаманство, знахарство, — предназначались для обслуживания элиты Третьего рейха.

После прихода Гитлера к власти Сергей Вронский становится коммунистом и примерно с того же времени начинает работать на советскую разведку. По его словам, он вступил в Компартию Германии 12 сентября 1933 года в небольшом городке Новавес, расположенном на полпути между Берлином и Потсдамом. Здесь, в помещении детсада, на конспиративном собрании местной ячейки компартии его единогласно принимают в ряды КПГ. Свое вступление в партию он аргументирует тремя причинами: во-первых, тем, что является коммунистом по убеждению, во-вторых, тем, что является русским патриотом, и> в-третьих, тем, что Компартия Германии является родственной той партии, которая находится у власти в СССР и, кроме того, она наиболее активно борется с фашизмом. Среди лиц, давших ему рекомендации, Вронский вспоминает латышей Вилиса Лациса, Рубенса Гайлиса и немцев Иоганнеса Коха, Рихарда Зорге, Фрица Петерса. Эти же люди позднее привлекли Сергея Вронского к работе на советскую разведку.

В целом, весьма реалистично выглядит тот факт, что молодой русский эмигрант в начале тридцатых годов перешел на просоветские позиции и начал работать на советские спецслужбы. Кроме того, действительно именно латыши возглавляли в это время нелегальную резидентуру советской военной разведки в Германии. Впрочем, заметим, что о своей разведывательной деятельности Вронский распространяться явно не любит, предпочитая говорить о ней вскользь. Как бы то ни было, в доме у Йохана Коха состоялось знакомство Вронского с Рудольфом Гессом, в будущем — правой рукой Гитлера и одним из главных военных преступников фашистской Германии. Декретом Гитлера от 21 апреля 1933 года Гессу было предоставлено право принимать решения от имени Гитлера по всем вопросам, касающимся руководства партией. За короткий срок Гесс стремительно набрал политический вес: с 1 декабря 1933 года он становится имперским министром по обеспечению сотрудничества партии и штурмовых отрядов, с 4 февраля 1936 года назначается членом тайного совета верхушки, с 30 августа 1939 года уже становится членом совета министров по обороне, а 7 сентября 1939 года Гитлер объявляет Гесса своим преемником, после Геринга.

Вронский и Рудольф Гесс сошлись на увлечении астрологией. Гесс стал первым учеником Сергея и оказался очень способным в познании астрологической науки. Общаясь, Вронский начал по-настоящему испытывать на нем свои способности гипноза и внушения. Задача состояла в том, чтобы добиться полного доверия Гесса. Не сразу, но это удалось сделать.

Разобравшись, кто есть кто, Сергей вошел в круг его друзей и сослуживцев, которые чужих не подпускали на пушечный выстрел. Интуиция помогала ему разгадывать основанные

на корысти и карьере интриги. На основе своих наблюдений и выводов Вронский давал советы Гессу, как с кем себя вести: кого остерегаться, а кого приблизить. «И он все внимательно слушал, потому что не раз убеждался в точности этих советов».

Вронский предсказал Гессу раннюю смерть на виселице и, чтобы избежать трагедии, посоветовал ему скрыться.

Дело происходило в начале 1941 года, когда Германия была на гребне своих успехов, печального конца никто, кроме астрологов, не предвидел. Гесс решил изменить свою судьбу — радикально преобразовать среду обитания в соответствии с рекомендациями астрологии. И вот 10 мая 1941 года, сев в одноместный «Мессершмитт-110», он полетел в Англию. Попал он, правда, в Шотландию, но это не суть важно. Неподалеку от Глазго Гесс выпрыгнул с парашютом и благополучно приземлился в имении герцога Гамильтона, назвав себя капитаном Хорном. Самолет, оставшись без управления, пролетел еще немного и разбился.

Гесс стал военнопленным. Астрология вроде бы сработала: на Нюрнбергском процессе Гессу удалось избежать виселицы, которая была ему заменена пожизненным заключением.

Однажды на вечеринку в дом Йохана Коха Рудольф Гесс привел Еву Браун. Она тогда еще не была знакома с Адольфом Гитлером. Ева сама напросилась в гости к «учителю» астрологии. Познакомившись с Вронским, смеясь, призналась: хотела, чтобы тот «погадал» и рассказал ей дальнейшую судьбу. Взяв все необходимые данные, Вронский составил гороскоп. Потом объявил: «Она будет очень большим человеком». Все рассмеялись, приняв эти слова за комплимент. А Вронский, когда веселье поутихло, конкретизируя, добавил: «Наверняка благодаря удачному замужеству». Тогда этому мало кто придал значение. Но когда Гитлер предложил Еве Браун руку и сердце, Гесс тотчас позвонил и сказал: «Твои слова исполнились». Он был потрясен точным прогнозированием ее судьбы. С этих пор Вронский стал его доверенным лицом.

Тесс лично распорядился выдать ему пропуск в ставку Гитлера. Там Сергей, единственный из студентов Биорадиологического института, был удостоен чести лечить биополем фашистских сановников. Не раз через Гесса его вызывал к себе и Гитлер, страдавший желудочно-кишечными и психическими расстройствами. Надо сказать, что эти недуги были коньком способного студента. Во время процедур Вронский порою слышал то, что было предназначено только для ушей фюрера.

Возвратился Сергей Вронский в СССР не по собственной воле, а по приказу Сталина, который его вызвал якобы для награждения Звездой Героя. Тогда одновременно были отозваны сразу несколько разведчиков, многие годы работавшие на «Центр». Этому обстоятельству Вронский был весьма удивлен. Друзья, заподозрив неладное, отговаривали его возвращаться…

Хорошее же место было ему уготовано в СССР — лагерь с усиленной охраной. После нескольких лет отсидки он понял, что лучше уйти отсюда. Для него это сделать было нетрудно: спокойно вышел из зоны, перешел границу и вновь оказался в Польше.

Два раза в своей жизни Сергей Вронский избегал смерти — в 1943 и 1977 году. И, пройдя через все чистилища ада, он вернулся на Родину. Ныне Сергей Алексеевич живет и работает в России, организована его школа. Он дает астрологические прогнозы для разных сфер общественной жизни: экономические, политические.

Оговорюсь — все вышеизложенное известно только со слов самого Вронского или со слов его учеников и последователей. Никакими независимыми источниками эта информация не подтверждается. Так что возможны, как минимум, два варианта: первый — что все это бред то ли больного, то ли шарлатана; и второй вариант — что в основе своей рассказ Вронского верен, но, учитывая возраст рассказчика и давность происходившего, он, мягко говоря, несколько приукрашен.

Надо сказать, что Сергей Вронский был (если был) не единственным советским разведчиком-оккультистом, действовавшим во время Великой Отечественной войны в тылу врага. Существовали и другие знатоки оккультных наук, о которых мы наверняка знаем, что они работали на советскую разведку.

Например, в знаменитой «Красной капелле» — резидентуре внешней разведки СССР в Германии, известной как группа Шульце-Бойзена — Харнака, увлечение оккультными науками и восточной философией было чрезвычайно распространено. В составе группы действовала даже профессиональная «ясновидящая» — Анна Краус.

Дочь крестьянина, она родилась 27 октября 1884 года в небольшой деревне под Богеном в Восточной Пруссии. Окончила народную школу, затем торговое училище. Получив коммерческое образование, Анна переехала в 1905 году в Берлин, где начала работать по специальности. Довольно поздно, в 1911 году, она вышла замуж. Однако ее супруг погиб в самом начале Первой мировой войны. После Ноябрьской революции 1918 года Анна Краус открыла швейную мастерскую, которой руководила многие годы. В это время в ней пробуждается интерес к оккультным наукам. Она совершает вместе со своим другом путешествие по странам Азии. С 1936 года она является представителем фирмы по оптовой торговле лаками и красками.

Одновременно с интересом к оккультизму Анна Краус проникается симпатией к коммунистическим идеям и к СССР. Этому способствует ее знакомство в 1926 году с журналистом Ионом Грауденцем (1884 — 1942), в 1922 — 1924 годах находившимся в качестве корреспондента информационного агентства «Юнайтед Пресс оф Америка» в Москве.

Накануне войны, при посредничестве того же Иона Грау-денца, Анна Краус вступила в ряды советской разведывательной организации, а конкретно — в группу обер-лейтенанта Харро Шульце-Бойзена. Действуя как тонкий психолог, она умело использовала свой дар предсказывать судьбу, чтобы выведывать у немецких офицеров и государственных служащих, а также иностранных дипломатов, находившихся в Берлине, секретную военную и политическую информацию, одновременно используя свои оккультные способности. Вот что пишет по этому поводу А. С. Бланк в своей книге «В сердце Третьего рейха»:

"Важную информацию поставлял Шульце-Бойзену руководитель третьего отделения (оперативного отдела министерства авиации. — А. П.) полковник Гертс, ведавший хранением секретных и строго секретных документов. Эрвин Гертс не был коммунистом, но являлся яростным противником гитлеровского режима. Человек консервативных убеждений, он приходил в отчаяние, наблюдая за авантюристическими действиями фашистской клики. Запутавшись во внутренних противоречиях, Гертс метался в поисках выхода из создавшегося положения. Шульце-Бойзен осторожно посоветовал Гертсу поведать о своих тревогах знаменитой «ясновидящей» Анне Краус.

Анна Краус была беспартийной, но она искренне ненавидела фашизм и делала все, что было в ее силах, чтобы бороться против него. Краус хранила у себя нелегальные печатные материалы, укрывала от гестаповских ищеек бежавших из концентрационных лагерей антифашистов.

В годы войны эта мужественная, уже немолодая женщина (Анне Краус в 1941 году было 57 лет) взяла на себя особые функции: она использовала свои способности в области психоанализа для нелегальной деятельности и получения важной информации. К числу ее клиентов принадлежали многие высокопоставленные генералы и офицеры, чиновники и дипломаты. Услугами Краус пользовался даже японский посол в Берлине. Во время сеансов «ясновидения», которые Краус проводила с большим мастерством и тонким пониманием психологии клиентов, они делились с ней своими сомнениями, часто выбалтывали строго

охраняемые служебные секреты. И Анна немедленно передавала полученную информацию руководству организации. ,

Благодаря сеансам «астрологии» организации удалось использовать и Эрвина Гертса. Будучи суеверным человеком, он по совету Шульце-Бойзена начал посещать «ясновидящую» фрау Анну, беседовал с ней на личные и даже служебные темы, поверял ей свои тайны.

Анна Краус долго и внимательно беседовала со своим высокопоставленным клиентом. Гертс был предельно откровенен. После таких бесед она вместе с коммунистом-подпольщиком Ионом Грауденцем обрабатывала полученную от Гертса информацию и передавала ее руководству".

14 сентября 1942 года, после провала «Красной капеллы», гестапо схватило Анну Краус. Имперский военный суд в феврале 1943 года приговорил гадалку к смертной казни. Она была казнена на гильотине в берлинской каторжной тюрьме Плетцензее.

Вообще увлечение оккультизмом было весьма характерно как для самого Шульце-Бойзена, так и для группировавшихся вокруг него агентов. Сам Харро Шульце-Бойзен (1909 — 1942) в молодости являлся членом так называемого «Младогерман-ского ордена» — радикально-националистической организации, находившейся под весьма сильным влиянием оккультизма и мистицизма. Позднее, будучи редактором национал-большевистского журнала «Гегнер» («Противник»), он сгруппировал вокруг себя кружок молодых интеллектуалов, наиболее видными из которых были Курт Шумахер (1905 — 1942), скульптор, интересовавшийся мистическими сюжетами; Вальтер Кюхен-майстер (1897 — 1943), журналист и редактор ряда периодических изданий компартии, который, наряду со своей общественной деятельностью, писал серьезные исследования о немецких анабаптистах, а в последние годы жизни занимался биографией великого немецкого резчика по дереву и мистика Тильмана Рименшнайдера. Шульце-Бойзен, Шумахер и Кюхенмайстер и другие авторы «Гегнера» были чрезвычайно увлечены темой немецкого мистицизма, восточными эзотерическими учениями и современной им оккультной практикой. Не случайно позднее к ним примкнули такие близкие им по духу люди, как Филипп Шеффер (1894 — 1943) — крупный синолог, специалист в области восточных языков и философии, а также Ода Шотт-Мюллер (1905 — 1943) — своеобразная «Мата Хари» «Красной капеллы», знаменитая танцовщица, художница и скульптор, увлеченная восточной мистикой.

Так что, как видим, среди астрологов и оккультистов времен Второй мировой войны встречались отнюдь не липовые, а самые что ни на есть настоящие советские разведчики.

Возможно, когда-нибудь мы узнаем больше подробностей о деятельности этих людей, о том, как их предсказания влияли на Большую Политику. Однако я не астролог и предсказывать, когда это произойдет, не возьмусь.

АНТОН ПЕРВУШИН. КГБ ПРОТИВ НЛО

«UFO: Enemy Unknown»

Существует в природе такая забавная компьютерная игра. Называется «UFO: Enemy Unknown», что в переводе с английского означает: «НЛО: враг неизвестен». Суть этой игры заключается в следующем. Некие существа инопланетного происхождения пытаются захватить Землю. С этой целью они проводят разведку с воздуха, похищают людей для изучения их анатомии и физиологии, высаживают небольшие десантные отряды для устрашениянарода. Задача играющего — соорудить на выделяемые встревоженной мировой общественностью деньги военную базу специального назначения, подготовить бойцов, снабдить их всеми видами оружия и защитить Землю от вторжения.

Сюжет, как видите, самый заурядный — примечательно в игре другое. Враги-пришельцы летают не на чем-нибудь, а на дискообразных летательных аппаратах; выглядят они не иначе, как большеголовыми и большеглазыми, с маленьким телом и маленькими конечностями — ничего не напоминает?

Мне напоминает. И любому человеку, хоть раз в жизни читавшему статьи о НЛО, напомнит. Образ пришельца из космоса («зеленого человечка из летающей тарелки») сформирован. Он уже узнаваем. И это скорее образ врага, чем друга.

Неизвестное всегда пугает: так устроен человек и так устроено человечество. При столкновении с неизвестностью здравый смысл обычно пасует и во всю силу заявляет о себе инстинкт самосохранения. Человечеству проще и выгоднее видеть в пришельцах из космоса врагов, супротивников. А там, где есть противник, там идет война: тайная или явная. А в любой войне во все времена участвовали специальные службы. Об участии в войне против пришельцев спецслужб США (Центральное разведывательное управление) и Советского Союза (Комитет государственной безопасности) мы в этом очерке и поговорим.

Начнем мы с ЦРУ, потому что

Соединенные Штаты — страна, где тарелки летают низенько-низенько

Это может показаться странным, но впервые открытое упоминание о НЛО в Советском Союзе прозвучало на самом высоком политическом уровне, хотя и носило несколько анекдотический характер. В торжественной речи одного из тогдашних руководителей страны М. Г. Первухина на не менее торжественном заседании 6 ноября 1952 года было сказано, что американцы «дошли уже до ручки, им уже мерещатся в небе „летающие тарелки“ и „зеленые огненные шары“» (см. газету «Правда» от 7 ноября 1952 года).

В самом деле, в те годы Соединенные Штаты переживали знаменитый бум вокруг темы «летающих тарелок» и «зеленых человечков». Началось же все еще раньше, в годы Второй мировой войны, когда появились средства радиолокации и проблема неопознанных летающих объектов обратила на себя внимание сначала военных, а затем политических кругов.

Перед вами один из документов, который может быть истолкован как свидетельство о наблюдении НЛО над американским городом Лос-Анджелесом.

26 февраля 1942 года

Меморандум для президента

Ниже следует информация, которую мы получили из штаба по вопросу о воздушной тревоге над Лос-Анджелесом, объявленной вчера утром.

По данным, имеющимся в настоящий момент:

1. Не принадлежащие американской армии или ВМС неопознанные самолеты были, вероятно, над Лос-Анджелесом и были обстреляны подразделениями 37-й бригады между 3 часами 12 минутами и 4 часами 15 минутами. Подразделения выпустили 1430 снарядов.

2. В этом инциденте участвовало около 15 самолетов, летевших, по официальным данным, на различных скоростях, от «очень медленно» до 360 км/час, на высоте от 9000 до 18 000 футов.

3. Не было сброшено ни одной бомбы.
4. Среди наших войск потерь нет.
5. Ни один самолет сбит не был.
6. Ни один из самолетов армии или ВМС в воздух не поднимался.
Расследование продолжается. Представляется справедливым сделать вывод о принадлежности неопознанных самолетов, если это были они, к торговому воздушному флоту противника и об использовании их врагом с целью посеять беспокойство, выявить расположение частей нашей противовоздушной обороны…

Подпись: Маршалл
Рассекречено 4 сентября 1974 года.

Из документа видно, что американские военные специалисты уже в 1942 году пытались найти какое-то рациональное объяснение явлениям, связанным с феноменом НЛО. Тогда же впервые прозвучало это определение: «противник». Неопознанные летающие объекты без всяких на то оснований были занесены в категорию потенциальных врагов США. При этом почему-то совершенно упускается из виду, что, будь у любого из настоящих противников США на тот момент подобная техника (5. Ни один самолет сбит не был), война была бы закончена еще в том далеком 42-м году.

Дальше — больше. 14 декабря 1944 года в газете «Нью-Йорк тайме» появилась статья под устрашающим заголовком: «Загадочные летающие шары — новое оружие нацистов». Приведу здесь только один фрагмент из нее:

«Верховный штаб. Объединенные силы. 13 декабря. Сегодня было сообщено о появлении на Западном воздушном фронте нового германского оружия. Пилоты американских ВВС сообщают о встречах в воздухе над германской территорией с серебристыми сферами. Сферы встречались поодиночке и группами. Иногда они полупрозрачны».

Есть от чего прийти в ужас. Немцы же, которые ни сном, ни духом, в свою очередь сделали вывод, что у противника появилось новое секретное оружие, которое следит за запусками их ФАУ-снарядов. С немецкой стороны было отмечено, что «новое оружие» имеет сигарообразную форму, иногда достигает огромных размеров — до 100 метров — и движется со сверхзвуковой скоростью.

Сообщения с обеих сторон участились. В основном они поступали от экипажей самолетов, ведущих военные действия над Европой. Но и наземные войска время от времени «что-то видели».

В июле 1944 года два военнослужащих 175-го американского пехотного полка 29-й пехотной дивизии доложили из Франции (г. Брест), что ночью они наблюдали огромный прямоугольный объект, который пролетел над линией фронта, заслонив на какое-то время Луну. Объект летел бесшумно, и никаких признаков работы двигателей не было замечено.

Кончилась война, нацистов разгромили, и никакого секретного супероружия у них не обнаружилось. Однако количество поступающих сообщений о загадочных летающих объектах не только не сократилось, но даже увеличилось. Эти объекты наблюдались над секретным полигоном Аламогордо, где проводились испытания первой американской атомной бомбы. 23 сентября 1947 года генерал-лейтенантом Натаном Ф. Твинингом был подан рапорт в штаб ВВС США. В этом документе излагается точка зрения по вопросу так называемых «летающих дисков» (пока еще не «летающих тарелок»), которая была сформулирована при встрече представителей Авиационного технологического института, отдела разведки и представителя лаборатории по изучению самолетов и двигателей. Вот, в частности, что в ней говорилось:

"…а) сообщаемые феномены действительны и не являются плодом галлюцинаций;

б) существуют объекты, имеющие примерно форму диска и размеры самолетов, изготовляемых людьми;

в) можно допустить, что некоторые из наблюдавшихся случаев вызваны природными явлениями, в частности метеоритами;

г) отмеченные характеристики: очень быстрый взлет; маневренность;

исчезновение при появлении наблюдателей, при попытках самолетов приблизиться или при засечении радиолокатором позволяет думать, что некоторые из объектов управляются вручную, автоматически или на расстоянии;

д) чаще всего наблюдаются следующие характеристики:

— поверхность металлическая или из материала со слабым отражением;

— отсутствие следа, за исключением редких моментов, совпадающих, вероятно, с маневрами на сверхмощности;

— форма круглая или эллиптическая, дно плоское, вершина в виде купола;

— в основном отсутствие звука, в трех случаях был слышен глухой рокот;

— несколько сообщений о полетах в геометрических формациях, включающих от трех до девяти объектов…"

Поскольку по окончании Второй мировой войны у США появился новый враг в лице Советского Союза, было высказано предположение, что НЛО — это новое секретное оружие СССР (опять попытка рационального объяснения!). На основании этого делался вывод о необходимости увеличения финансирования различного рода военных программ.

Историк ЦРУ Джеральд Хейнс (о его докладе «Роль ЦРУ в изучении НЛО в 1947 — 1990 годах» будет рассказано ниже) пишет: «Хотя первоначальные опасения ВВС, что наблюдаемые объекты могли быть советским секретным оружием, оказались беспочвенными, первая же созданная ЦРУ рабочая группа исходила из возможности использования НЛО Советским Союзом в качестве средства психологической войны. Она также опасалась, что в случае намеренной „перегрузки" американских средств ПВО сообщениями об НЛО Советы могут получить преимущество внезапности при любом ядерном нападении». Параноидальные страхи, по свидетельству Хейнса, подогревались и слухами о якобы работающих над проектами «летающих тарелок» в СССР пленных германских ученых и даже… отсутствием публикаций об НЛО в советской печати. Это воспринималось (и не без оснований) как «намеренное замалчивание темы, продиктованное правительственной политикой».

Практика нагнетания страха перед «новейшим секретным оружием Советов» продолжалась до конца 80-х годов, когда военное ведомство США уламывало Конгресс выделить ассигнования на программу СОИ, оправдывая это тем, что необходимо создать мощное средство защиты от возможного «нападения из космоса».

Но и КГБ не оставалось в долгу. По утверждению известного журналиста Рено Марика, служба дезинформации КГБ СССР в конце 50-х годов начала реализовывать политическую программу по распространению в странах Запада коммунистической пропаганды. Якобы на Землю высадилась группа инопланетян, представителей правительства планеты УММО. Эти «представители» с завидным упорством начали обзванивать и забрасывать письмами видных ученых и политических деятелей стран Запада. При этом им строго конфиденциально сообщалось, что коммунизм является единственно правильным путем развития для всех мыслящих существ и что на УММО эта форма социального устройства уже стала воплощенной реальностью, отчего все (а не только секретари обкомов) чрезвычайно счастливы.

Трудно сказать, насколько эта информация об операции КГБ соответствует действительности, однако если такая операция на самом деле проводилась, то можно только поздравить руководителя отдела дезинформации КГБ генерала И. И. Агаянца с этой остроумной идеей.

Известно, что НЛО проявляли и проявляют повышенный интерес к военным базам, военной инфраструктуре и местам испытания нового оружия. Приведу лишь несколько наиболее показательных примеров из огромного количества подобных случаев. 7 января 1948 года жители трех городов в штате Кентукки заметили в воздухе странный объект диаметром около 80 — 100 м, похожий на «шарик мороженого с красной верхушкой». Поскольку объект летел по направлению к форту Нокс, где в то время хранился весь золотой запас США, по тревоге на перехват НЛО были подняты в воздух три самолета с базы ВВС Нокс-Луисвилль. На высоте 5 км летчики сообщили, что «объект металлический и огромных размеров», «круглый, как слеза, и иногда кажется жидким». Из-за малого запаса кислорода два самолета отказались от преследования. Погоню на самолете Ф-51 продолжил только командир звена пилот национальной гвардии капитан Томас Мантелл.

Сохранились магнитофонные записи его переговоров с землей.

"15.11. Вижу объект — диск ненормальных размеров, метров 70. Купол на верхней части, он быстро вращается вокруг центральной оси. Высота 10 500…

15.14. Еще метров 90, и я его настигну. Вид металлический, отражатели блестящие, стекло в иллюминаторе желто-палевого цвета. Цвет меняется, становится красным, оранжевым…

15.15. Скорость объекта растет. Пытаюсь угнаться. Он поднимается под углом 45 градусов…

15.16. Объект гигантский. Скорость невообразимая. Теперь…".

На этом связь прервалась. К 17 часам поисковой командой на земле были найдены обломки истребителя. Наручные часы капитана Мантелла остановились на 15.18. Он стал одной из первых жертв НЛО.

Понятно, что феномен НЛО не могло обойти вниманием и Центральное разведывательное управление. Пожалуй, самой знаменитой акцией в тайной войне ЦРУ против «летающих тарелок» является «Розуэллский инцидент».

28 августа 1995 года по британскому телевидению был показан документальный ролик, открывший новую страницу в расследовании событий пятидесятилетней давности. Журналист, корреспондент ИТАР-ТАСС, Игорь Польский в своей статье для «Комсомольской правды», присланной из Лондона, очень живо описывает показанные по телевидению кадры:

"…На снимках — существо женского пола, девочка, но с животом, размеры которого говорят о возможной беременности. Она, безусловно, похожа на человека и в то же время необъяснимо «чужая» — гигантская, лишенная волос голова, маленькие узкие глазницы. Огромная рана на левом бедре говорит о существовании мышечной ткани. <…> Под скальпелем плоть рассекается и кровоточит, суставы подвижны, конечности сгибаются. На мгновение хирург останавливается, прежде чем вскрыть череп… «Мозг», если это мозг, даже отдаленно не похож на человеческий: без извилин. «Девичьи» глаза подернуты черной пленкой. Обнажается белое глазное яблоко. Дальше? Скальпель скользит к как бы припухшему животу: в его полости нет кишечника. Да, заметны женские половые органы. Тонкие длинные руки переходят в шестипалые кисти. На каждой из ног также по шесть пальцев. Съемка была сделана в комнате, похожей на операционную.

Второй фильм <…> длится всего три минуты и по логике событий предшествует первому. В палатке, едва освещенной фонарями, мужчина и женщина проводят предварительное обследование загадочного существа, заметно, как они сгибают конечности. Присутствует еще один человек в гражданском. Похоже, что он руководит всем происходящим. «Пациент» большую часть времени остается под покрывалом".

Как в статье утверждается далее, копии этого фильма находятся у Джона Парди из компании «Юнион пикчерс», однако первоначально они были найдены британским

кинематографистом Реем Сантилли, который собирал документальные материалы 1950-х годов о рок-звездах того времени.

Судьба свела его с отставным американским киножурналистом, который решился сделать достоянием гласности часть своего архива, отснятую им в период его работы на ВВС США, а именно — в патологоанатомическом центре Форт-Уорта.

Что же произошло 50 лет назад? Почему подробности «Ро-зуэллского инцидента» до сих пор волнуют публику?

А произошло следующее. 4 июля 1947 года в 23.30 по местному времени в районе базы «Розуэлл» (штат Нью-Мексико) потерпел аварию (или был сбит?) небольшой летательный аппарат неизвестной конструкции. По данным английских источников, первой на месте катастрофы оказалась группа археологов из Техасского университета во главе с доктором Карри Холденом. Они уведомили местного шерифа о том, что видели «потерпевший катастрофу самолет без крыльев, с толстым фюзеляжем». И сообщили также, что видели три тела — два вне летательного аппарата и одно, через пробоину в фюзеляже, внутри. Потом подоспели два случайных прохожих — Джеймс Рагсдейл и Труди Трулав, которые также видели тела размером «самое большее — четыре-пять футов» (120 — 150 см). Рагсдейл больше интересовался необычным материалом, из которого был изготовлен «корабль». По виду — «оловянная фольга, но гораздо более прочная».

И вот тут в действие вступили специальные службы. Сначала появилась военная полиция базы «Розуэлл». База эта известна тем, что в описываемый период она являлась единственным воинским подразделением, обладавшим способностью для нанесения атомного удара (так называемая «Бомбовая группа-509»). Место катастрофы было немедленно оцеплено, гражданские лица удалены.

Позднее представители базы обратились к некоему Глен-ну Дэннису с просьбой предоставить три гроба небольших размеров. Местный пожарный Дэн Двайер был вызван на место происшествия вместе со своей командой. Он собирал там странные металлические обломки и впоследствии рассказал семье, что видел два тела в специальных мешках и еще одно, не лишенное признаков жизни, размером «с десятилетнего ребенка». Местный шериф Джорж Уилкокс утверждал, что ему и его семье пригрозили карой, если они расскажут кому-нибудь о розуэллской катастрофе. Майор Джесси Марсел, офицер из 509-й группы, показал обломки своим детям, и они обнаружили на них незнакомую маркировку, по виду — иероглифы.

Возможно, в этих отрывочных сведениях есть противоречия и недосказанность, однако три года назад ими заинтересовался американский конгрессмен Стивен Шифф, представляющий штат Нью-Мексико. Его активность привела к изменению версии происшедшего, которой американские ВВС придерживались с 1947 года. Первоначально утверждалось, что катастрофу у Розуэлла потерпел «экспериментальный зонд, наблюдавший за изменениями погодных условий на больших высотах». В 94-м году эта «легенда» претерпела существенные изменения: зонд якобы был не метеорологическим, а наблюдавшим за возможными испытаниями советского атомного оружия в рамках операции «Могул». Неудовлетворенный тем, что он назвал «самой необъяснимой секретностью, с которой он только встречался», Шифф продолжил свое расследование, подключив к нему ведомства, наблюдающие за действиями федерального правительства. В частности, он опирался на их помощь в поиске документов, относящихся к событиям в Нью-Мексико в 1947 году. Первичный рапорт представителя ЦРУ своему начальству с места событий уже был однажды опубликован в США, однако эксперты сомневаются в его подлинности.

Дело дошло до того, что ЦРУ было вынуждено выступить летом 96-го года с официальными разъяснениями возможных причин наблюдения НЛО в США. Вот как об этом историческом докладе пишет журналист Андрей Шитов:

"Доклад Хейнса (отставной историк ЦРУ Джеральд Хейнс. — А. П.), озаглавленный «Роль ЦРУ в изучении НЛО в 1947 — 1990 годах», привлек минувшим летом внимание солидных средств массовой информации США прежде всего содержащимся в нем признанием того, что американские правительственные ведомства — разведывательные и военные — в течение многих лет сознательно вводили в заблуждение общественность страны в вопросе об НЛО. Цель обмана, а по сути речь идет именно об этом, — двоякая. Во-первых, не допустить нарастания нездорового ажиотажа вокруг данной темы, что было бы неизбежно в случае признания интереса к ней со стороны властей. А во-вторых, отвлечь внимание от реально существовавших разведывательных программ с использованием самолетов-шпионов U-2 и SR-71. По словам историка из Лэнгли, именно эти машины, обладавшие сверхвысокими по тем временам скоростями и потолком полета, а заодно и соответствующим уровнем секретности, были реальным источником «более половины всех сообщений о появлении НЛО с конца 50-х и на всем протяжении 60-х годов».

В целом, согласно новому докладу, американские правительственные ведомства достаточно быстро утратили интерес к феномену НЛО, поскольку различные комиссии (в одной из них, между прочим, участвовал знаменитый астроном и сторонник поисков внеземных цивилизаций Карл Саган) раз за разом приходили к одному и тому же выводу: «неопознанные объекты» почти наверняка не могли иметь «инопланетного происхождения» и уж точно не представляли угрозы для национальной безопасности США".

Вроде бы вопрос исчерпан. Однако периодически появляются заявления совершенно противоположного толка. Так, в 1987 году уфолог Уильям Мур выступил в американской печати с сенсационным сообщением: «По имеющимся у меня документам, в 1952 году президент Гарри Трумэн создал тайное сообщество „Маджестик-12“, секретную комиссию, состоящую из 12 человек, информированных о существовании внеземной цивилизации. Этим избранным довелось изучать все проблемы, связанные с НЛО: обломки инопланетного корабля в Розуэлле, останки пришельцев. Они знали, что двое инопланетян долгое время продолжали жить в специально созданной для них лабораторной среде и общались с учеными, давая советы и делясь с ними своими знаниями. Все, кто когда-либо вступал с ними в прямой контакт, на всю жизнь оставались „травмированными“».

Другой американский исследователь данной проблемы, Нон Дэвид Мортон, уверен, что инопланетяне не потерпели крушение в Розуэлле, а регулярно наведывались туда, связанные тайным договором с президентом Эйзенхауэром. Президент «позволял» инопланетянам забирать людей в обмен на интересующую его информацию. По утверждению Мортона, инопланетяне прибыли с планеты, находящейся от Земли на расстоянии 37 световых лет в системе С, Reticulum (дзета созвездия Сети, двойная звезда в Южном полушарии). На основании свидетельств очевидцев он так определяет цель визитов пришельцев из космоса на нашу планету: «Инопланетяне нуждаются в генетическом человеческом сырье. Это им необходимо для продления угасающей цивилизации. Похищенные люди признавались, что смутно помнили о проводимых над ними медицинских экспериментах и тестах. Но, к счастью, пришельцы всегда отпускали их обратно на Землю и ко многим из них очень хорошо относились».

В свою очередь, американские военные тщательно допрашивали и исследовали попавших к ним в руки инопланетян. Один анонимный источник так описал ход некоторых подобных допросов, проводившихся сравнительно недавно: «…тщательные интервью начали проводиться в 1989 году с регулярностью два раза в месяц. Они длились по три — пять часов. Особо активно допрашивали существ ученые, которые тем не менее понимали, что существа многое утаивают, рассказывая о принципах устройства своих летающих „тарелок“. Было абсолютно ясно, что они представляли собой высшую расу — высокоинтеллектуальную и совершенную. И понимали, что не имеют права быть предельно откровенными с теми, кто, возможно, еще не был подготовлен к восприятию этого».

Параллельно с допросами оставшихся в живых инопланетян шло тщательное обследование сохранившихся после катастрофы фрагментов их летательного аппарата. Ведущий консультант НАСА и аэрокосмических компаний Дэвид Эдер, один из немногих посвященных, кому был открыт доступ на сверхсекретную американскую военную базу «Ангар-51», вспоминает: "Меня привели в огромную подземную пещеру, где хранились обломки летательного аппарата, внешне похожего на сломанный автобус. У меня нет слов описать это. Центр аппарата был обуглен. Сплав, из которого сделан корпус машины, очень тонкий, почти прозрачный, но очень твердый, не поддавался

трансформации, даже когда его пилили. А когда я касался корпуса руками, он начинал менять цвет. Материал был нежен, как кожа женщины. И когда я гладил его пальцами, то ощущал едва уловимые волны, будто бы тот реагировал на мои движения, вступал со мной во взаимодействие. Мне показалось, что он передает мне тепловые волны. Но потом я понял, что это — телепатический контакт. Скорее всего, корпус был полубиологическим. Возможно, машина управлялась мысленными командами пилота. Я знал, что пришельцы не разбились, а были доставлены в «Ангар» и подверглись допросам".

Понятно, что подобные исследования представляли одну из наиболее охраняемых тайн Соединенных Штатов. Однако вспомним, что в 40-е годы «Манхэттенский проект» также был самой засекреченной американской военной программой, и это не помешало советской разведке выкрасть секрет атомной бомбы.

По некоторым неофициальным сведениям, агентам КГБ все-таки удалось внедриться в сверхсекретный «Ангар-51» еще в начале 70-х годов, то есть до момента доставки на эту базу инопланетян и обломков летающей тарелки. Советским разведчикам удалось завербовать одного из охранников «Ангара» и от него получить информацию о ходе работ по изучению американцами обломков НЛО. Чем тщательней стремились американские военные засекретить свои исследования, тем настойчивей советская разведка пыталась ознакомиться с их результатами. В конечном итоге чекистам удалось склонить к сотрудничеству одного из ученых, работавшего с обломками «летающей тарелки», и с его помощью достать крошечный образец внеземного материала, из которого она была сделана. Образец будто бы благополучно переправили в Москву и отдали на изучение в один из сверхсекретных научно-исследовательских институтов.

ЦРУ сделало все, чтобы не только засекретить проблему НЛО, но и отвлечь от нее внимание широкой публики. Уже в январе 1953 года Центральное разведывательное управление собрало группу ведущих ученых, чтобы обсудить с ними те свидетельства о существовании «летающих тарелок», которые были добыты капитаном Эдвардом Рапнелтом и его подчиненными в ходе выполнения проекта «Голубая книга». Итоговый доклад этой находящейся под покровительством ЦРУ комиссии был засекречен в течение целых тридцати лет и обнародован только в 1986 году. В этом докладе известные ученые, многие из которых впоследствии стали лауреатами Нобелевской премии, заявили:

«…Комиссия считает, что силы и средства, затрачиваемые на проверку и объяснение каждого из тысячи сообщений, приходящих ежегодно по различным каналам, неоправданны. Всегда были и будут наблюдения, для расследования которых из-за недостатка данных приходится затрачивать слишком большие усилия и много времени, что отнюдь не гарантирует получение единственно верного объяснения. Все это практически сводит к нулю любую разведывательную ценность, которую могли бы представлять эти наблюдения. <…> Комиссия единодушно считает, что в перегружающем каналы связи огромном потоке низкопробных сообщений о враждебно настроенных объектах, чье появление ожидается где-то в будущем, содержится мало или не содержится вообще данных, представляющих научную ценность. Более того, достаточно опасно поощрять общественный интерес к подобным вопросам. Поскольку заинтересованное в работе Комиссии ведомство является военным, то суть проблемы сводится к решению вопроса: насколько эти объекты

представляют или будут представлять потенциальную угрозу нашей национальной безопасности? Тем больше причин прекратить официальный ажиотаж вокруг этой проблемы…»

Комиссия предложила программу по развенчанию феномена НЛО и той таинственности, которая окружает эту проблему. «Подобная программа, — отмечалось в докладе Комиссии, — должна быть направлена на понижение легковерности публики, последствием чего станет лучшая сопротивляемость нашего общества ловкой враждебной пропаганде». Во исполнение программы «развенчания» наблюдений НЛО американские ВВС закрыли свои архивы для исследователей и журналистов, а военнослужащим специальной директивой было запрещено обсуждать с гражданскими лицами любые вопросы, хоть как-то относящиеся к «неопознанным объектам».

Однако и факт рассекречивания доклада Комиссии стал одним из этапов по дезинформации общественного мнения. Американский генерал Дуглас Макартур, посвященный по роду своей деятельности во множество тайн и имевший доступ к самой сверхсекретной информации, неоднократно утверждал, что следующий военный конфликт будет межпланетным, в котором Соединенные Штаты Америки, объединив свои усилия с Советским Союзом, вступят в бой со «злыми силами» из другого мира, когда они, «злые силы», вторгнутся на Землю. Видимо, у американской военной элиты имеется достаточно информации для того, чтобы делать подобные прогнозы.

Как мы убедились, спецслужбы США на протяжении шести десятков лет всерьез занимаются проблемой НЛО. При этом информационная открытость американского общества способствовала «утечке» ряда данных, чем и объясняется наличие большого количества публикаций (и мнений) на этот счет в западной прессе.

В СССР же долгое время все представления общественности о феномене НЛО сводились к известной фразе из песни Владимира Высоцкого:

«То тарелками пугают: дескать, подлые, летают…»

По воспоминаниям профессора В. Бурдакова, Генеральный конструктор космических кораблей Сергей Павлович Королев рассказывал о том, что еще в 1947 году его вызвали в Кремль, вручили пачку зарубежных журналов и книг и сказали:

"… — Товарищ Сталин просит вас высказать свое мнение о сообщениях по НЛО.

— Хорошо, чтобы ознакомиться, я возьму материал с собой.

— Этого не следует делать. Вот вам переводчики и помещение для работы. Через три дня вас побеспокоят.

«На третий день меня пригласил к себе лично Сталин, — рассказывает Королев. — Я доложил ему, что явление безусловно интересное. Но, по-видимому, опасности для государства не представляет.»

— Другие ученые, которых я попросил ознакомиться с материалом, того же мнения, что и вы, — закончил беседу Сталин.

«Я думаю, — пояснил Королев, — такими учеными могли быть Келдыш, Курчатов, Топчиев»".

Несколько позже, когда известный писатель-фантаст Александр Казанцев взял на себя смелость утверждать, что Тунгусский метеорит был космическим кораблем, потерпевшим катастрофу над Сибирью, Королев отправил в район Подкаменной Тунгуски экспедицию.

Перед членами экспедиции была поставлена задача найти обломки материала, из которого был сделан корабль инопланетян. Ни грамма этого материала, как, впрочем, и осколков метеорита, экспедиция не обнаружила.

Отсюда вопрос: а занималось ли вообще КГБ проблемой НЛО? Можно пойти по формальному пути и потребовать неопровержимых документальных доказательств наличия у органов госбезопасности интереса к этой проблеме. Однако хорошо известно, как тщательно охраняли советские спецслужбы свои секреты, особенно в отношении таких дел, которые могут их скомпрометировать либо выставить в карикатурном виде. Современные преемники КГБ не являются исключением и ревниво охраняют секреты своих прямых предшественников — и касательно этого деликатного вопроса, в том числе.

Скорее всего, пройдет немало времени, прежде чем мы сможем ознакомиться с документом, аналогичным докладу Джеральда Хейнса или отчету Стивена Шиффа. Поэтому попробуем пойти другим путем. Попытаемся сформулировать вопрос иначе: а могло ли КГБ не заниматься указанной проблемой?

Как известно, по роду своей деятельности это ведомство было обязано курировать любые вопросы, связанные с внутренней и внешней безопасностью Советского Союза. Только в силу одного этого обстоятельства КГБ неизбежно должно было бы столкнуться с проблемой НЛО. Полезно вспомнить хотя бы несколько наиболее крупных событий, наглядно демонстрирующих парадоксальную на первый взгляд, но тесную связь феномена НЛО и безопасности Советского Союза.

Первый инцидент подобного рода произошел сразу после Второй мировой войны, в 1946 году. Все началось 10 июня, когда объект, внешне напоминающий немецкую ракету ФАУ-2, пролетел над Финляндией. В последующие две недели огни типа НЛО, цилиндрические объекты и неопознанные крылатые машины были замечены тысячами людей в Швеции и Норвегии, преимущественно — в северных малонаселенных районах. Вскоре «ракеты-призраки» были замечены южнее, в небе над Грецией и Швейцарией. Скорость этих объектов была измерена и составляла от 400 до 1000 миль в час. Некоторые из объектов, казалось, взрывались в воздухе, некоторые выбрасывали из себя осколки металла. Поднялся довольно громкий международный скандал. Английские и скандинавские газеты открыто обвинили Советский Союз в том, что он проводит в воздушном пространстве Северной Европы секретные испытания новых типов боевых ракет. Кремль категорически отрицал свою причастность к данному факту, но на Западе ему мало кто верил. Чуть позднее к неопознанным летающим объектам присоединились таинственные огненные шары и связанные с ними загадочные взрывы, зафиксированные в некоторых городах Португалии, Норвегии и Англии. Размер феномена потрясал воображение: в одной только Швеции было зарегистрировано более 2000 сообщений о «ракетах-призраках». В Стокгольм для участия в расследовании таинственных объектов вылетел генерал Джеймс Дулитл, и сразу после этого вся информация о происходящем была засекречена.

22 августа 1946 года лондонская газета «Дейли телеграф» сообщила: «Чтобы предотвратить утечку технической информации о запуске ракет, пролетающих над Данией, датское правительство просило корреспондентов не указывать те районы страны, где эти ракеты были замечены…» 31 августа эта же газета информировала своих читателей: «Начиная со среды норвежские газеты прекратили какую-либо дискуссию о полетах ракет над Скандинавией. Сегодня норвежский Генеральный штаб издал меморандум для печати, требуя не помещать в прессе никакой информации о появлении ракет над норвежской территорией и направлять все сообщения на эту тему в Разведывательное управление Генштаба. <…> В Швеции также запрещено упоминать в печати о полетах и взрывах ракет над территорией страны».

Могло ли оставить советское руководство без должного внимания сам по себе удивительный факт появления в непосредственной близости от советских границ

неизвестного оружия; шумную кампанию против СССР, поднятую в связи с этим, и, наконец, засекречивание всей информации об этом феномене по предложению западных военных? Ответ прост: ни Сталин, ни его окружение не могли игнорировать этот факт. А значит, советские спецслужбы должны были получить приказ разобраться в этом деле.

Второй инцидент, чуть не кончившийся гораздо трагичнее, произошел 5 октября 1960 года. В тот день радиолокационная станция дальнего обнаружения в Туле, расположенная в Гренландии, зафиксировала целый строй неопознанных летающих объектов, стремительно движущихся со стороны СССР в направлении США. Немедленно сработала система оповещения, и все американские ядерные силы в считанные минуты были приведены в состояние полной боевой готовности. Были подняты в воздух стратегические бомбардировщики Б-52. Кружась над своими аэродромами, их экипажи с нетерпением ожидали последнего приказа о нанесении ответного ядерного удара по территории Советского Союза. Зафиксировав неожиданную активность американцев, советское командование также стало приводить свои войска в состояние боевой готовности. Штаб Стратегической авиации США настойчиво вызывал базу Туле для получения окончательного подтверждения поступившей информации и принятия судьбоносного решения. Однако персонал базы на связь не выходил.

Минуты шли в нервном ожидании. Единственное, что приходило в голову американским генералам в тот жуткий момент, так это то, что Третья мировая война уже началась и советские военно-воздушные силы уже нанесли удар по Туле. Внезапно неопознанные объекты резко изменили курс и исчезли с экранов станций перехвата. Лишь благодаря счастливой случайности глобальная ядерная война не началась в среду 5 октября 1960 года.

Когда информация об этом инциденте просочилась в печать, американские военные объяснили, что радарами в Туле были перехвачены сигналы, отраженные Луной, а причиной переполоха послужила их неправильная интерпретация. Связь же со стратегической базой в Гренландии прервалась потому, что айсберг перебил подводный кабель. Все представленные объяснения были явно надуманны, однако благодаря вмешательству американского руководства эту историю очень быстро замяли.

Третий случай произошел в феврале 1961 года. Радары вооруженных сил НАТО в Европе засекли несколько летательных аппаратов, приближающихся со стороны Советского Союза. Уже через несколько секунд они вторглись в воздушное пространство Западной Европы. Скорость и маневренность загадочных объектов были ошеломляющими. По тревоге поднялись в воздух истребители. Но в этот момент летательные аппараты пропали с экранов радаров. Командование НАТО проанализировало тактико-технические характеристики объектов и пришло к выводу, что таких летательных аппаратов нет ни у одной современной мировой державы. Поэтому в 1961 году маршал авиации сил НАТО сэр Томас Пайк приказал создать секретную группу для изучения природы НЛО и оценки их потенциальной угрозы.

В мае 1963 года в эту группу пришел профессиональный контрразведчик Боб Дин, до этого служивший в частях специального назначения в Корее и Вьетнаме. Обратиться за помощью к этому специалисту заставила необходимость: пропали ценные документы по проблеме НЛО, двое сотрудников исчезли при невыясненных обстоятельствах, а у оставшихся специалистов было чувство, что они находятся «под колпаком». Был ли этот «колпак» делом рук КГБ или инопланетян — неизвестно до сих пор.

Придя в секретную группу, Боб ознакомился с документом под грифом «Совершенно секретно». По его описанию, это был увесистый том с множеством иллюстраций, графиков и цифр — плод тщательной работы группы за два года. И хотя гриф секретности не снят с этого документа до сих пор, Боб Дин взял на себя смелость нарушить государственную тайну и опубликовать некоторые выдержки из него:

"1. Планета Земля является объектом интенсивного и массированного наблюдения со стороны нескольких инопланетных цивилизаций. Их технологии опережают земные на тысячи лет.

2. Последовательность наблюдений и тот факт, что они ведутся на протяжении нескольких тысячелетий, показывают наличие плана или программы.

3. Данные военной разведки говорят об отсутствии непосредственной угрозы со стороны инопланетных цивилизаций. Однако некоторые факты свидетельствуют об их потенциальной возможности вмешиваться в государственные дела".

Как отмечает Боб Дин, копии этого документа получили в середине 60-х годов все руководители государств — членов НАТО. Однако ему так и осталось неизвестным, что еще одну копию получило руководство Советского Союза: КГБ сделал все, чтобы и Кремль смог ознакомиться с данным сверхсекретным документом.

Мог ли мимо внимания КГБ пройти тот вопиющий факт, что из-за действий НЛО чуть было не вспыхнула Третья мировая война между СССР и США, а вся относящаяся к этому информация упорно скрывается американскими военными? Только после одного этого случая КГБ был обязан начать тщательное расследование проблемы неопознанных летающих объектов, способных своими действиями вольно или невольно спровоцировать войну между сверхдержавами. Прибавим к этому возможность получения новых, совершенно фантастических технологий, дающих полное превосходство над Соединенными Штатами в военной области, а также потенциальную возможность вступить в контакт с инопланетной цивилизацией, и мы поймем, что советское руководство в целом и КГБ в частности просто не могли не заняться феноменом НЛО.

Понятно, что подобные исследования проводились в нашей стране в атмосфере строжайшей секретности. В этом нет ничего удивительного — ведь аналогичные исследования американцев, о которых я писал выше, были также окутаны плотным покровом секретности. Однако там «Голубая книга» в конечном итоге была опубликована, а аналогичные отчеты Советской Армии и спецслужб остались засекреченными, что косвенно свидетельствует о продолжении этих исследований вплоть до последнего времени.

Тем не менее многое тайное в конечном итоге становится явным. Рассмотрим лишь несколько фактов, прямо или косвенно указывающих на то, что Советский Союз вовсе не был исключением из общего правила и над его необъятными просторами тоже время от времени пролетала «тарелка»-другая.

Так, 16 июня 1948 года в районе озера Баскунчак, близ полигона Капустин Яр, летчик-испытатель Апраксин на высоте 10,5 км заметил НЛО «в форме огурца», летевший поперечным курсом со снижением. Назад от него отходили снопы световых лучей. С земли объект был зафиксирован радаром, и летчик получил приказ пойти на перехват. Выполняя приказ, Апраксин пошел на сближение, но на расстоянии 10 км был ослеплен лучами яркого света, которые «веером» были выпущены из НЛО. После этого моментально вышла из строя вся электрическая часть управления самолетом, и летчику с огромным трудом удалось посадить самолет.

В августе 1950 года НЛО неоднократно наблюдались на Дальнем Востоке. Сохранилось донесение флаг-штурмана полярной авиации В. Аккуратова министру гражданской авиации Е. А. Логинову:

"На ваш запрос о встречах и фактах наблюдения за неопознанными летающими объектами (НЛО) в Арктике докладываю:

В 1950 году, базируясь на ледовой разведке в Нижних Крестах (Колыма), в августе мы наблюдали, как над поселком в течение трех суток появлялся диск, напоминающий по цвету Луну, но меньшего размера, на высоте 20 — 25 градусов над горизонтом в южной части неба.

Диск обычно появлялся в 15.30 по местному времени и наблюдался населением всего поселка, вызывая большой интерес, особенно у нас, летного состава.

В этот период над территорией СССР часто летали воздушные шары, запускаемые США, которые мы неоднократно наблюдали и преследовали на самолетах. Этот диск не был похож на воздушный шар ни по скорости движения, ни по цвету.

После нашего сообщения в Москву нам было дано указание как можно ближе подлететь к диску на самолете «Каталина» и подробно изучить это явление. Поднявшись на высоту 7000 м, то есть на предел высотности «Каталины», и сближаясь с диском, мы заметили, что диск в размерах не изменился, движение его с востока на запад было очень медленным. Цвет жемчужный, с пульсирующими краями и без каких-либо антенн или подвесок. В 17.30 диск уходил на запад, резко набирая высоту, пока не исчезал из поля зрения. На третьи сутки диск исчез и больше не появлялся.

По поводу этого явления была большая переписка с Главным управлением Северного морского пути, и весь этот материал хранится в архивах Министерства морского флота".

Итак, из текста доклада следует, что о фактах наблюдения НЛО местные органы немедленно сообщали в Москву. Коли уж подобными явлениями заинтересовался министр гражданской авиации, то представляется абсолютно невероятным, чтобы подобные наблюдения не заинтересовали армию и разведку.

Иногда действия советских летчиков в отношении НЛО не ограничивались простым наблюдением. В сентябре 1950 года в Японском море два советских истребителя атаковали НЛО на виду у экипажа японского торгового судна. Один из истребителей, полностью расстрелявший по «летающей тарелке» свой боезапас, пошел в лобовую атаку, но, не долетев до объекта, неожиданно завибрировал и рассыпался на куски от воздействия «непонятной разрушительной силы».

Сведения о встречах летчиков с НЛО встречаются довольно часто. Вот, например, что рассказала об этом на семинаре по аномальным явлениям, проходившем в 1988 году в Петрозаводске, летчик-испытатель 1-го класса, полковник ВВС Марина Лаврентьевна Попович:

"Я собираю материалы по аномальным явлениям с той поры, как в клинике по реабилитации летчиков встретилась с одним экипажем АН-12. Летчики рассказали, что у них в полете отказали генераторы. Через пятнадцать минут из-за падения напряжения стали отказывать бортовые приборы. С трудом связались с руководителями полетов и запросили посадку на свой аэродром, ибо садиться на неисправной машине в условиях низкой облачности и сильного дождя на незнакомый аэродром рискованно. Аккумулятор окончательно скис при заходе на посадку. Не работали даже бортовые огни. «Шли как в темной бочке!» — так выразился командир. И вдруг сзади появился мощный прожектор, и полоса стала видна как на ладони. Сели удачно. Наземные службы удивились успешной посадке шестидесятитонной машины в подобной ситуации. После посадки экипаж был направлен на обследование в реабилитационный центр, где и состоялась наша встреча.

Мне известны и другие случаи встреч летчиков с НЛО. Учившаяся со мной Люба Овсянникова, летавшая на ТУ-104 в районе Норильска, обнаружила рядом с машиной сигарообразный объект. Видимость была прекрасной. Встречный ЯК-40, шедший на высоте 4000 м, подтвердил, что видит «сигару» рядом с ТУ-104. Я сама, будучи на Памире (Гиссарский хребет, 3500 м), видела странный «спутник», который летел зигзагообразно, затем остановился и осветил нас словно двумя фарами".

Один из наиболее известных случаев подобного рода в Советском Союзе произошел в 1984 году. 7 сентября самолет ТУ-134А выполнял рейс № 8325 по маршруту Тбилиси — Ростов — Таллин. В 4.10 утра на расстоянии 120 км от Минска второй пилот Г. Лазурин заметил немигающую крупную звезду. Присмотревшись, он увидел, что это не звезда, а

желтенькое пятнышко, вытянутое по краям. Из пятнышка возник тонкий луч света, который отвесно упал на землю. Затем луч вдруг раскрылся и превратился в яркий световой конус. Следом за ним возник второй конус, который был шире, но бледнее первого, а чуть позже — третий конус, широкий и совсем светлый.

У летчиков возникло чувство, что неопознанный летающий объект висит над землей в 40 — 50 км от самолета, и Г. Лазурин даже успел его зарисовать. На том участке земли, который освещался конусообразным лучом, были отчетливо видны дома и дороги. Одно это свидетельствует о невероятной мощности необычного прожектора. Затем луч света поднялся с земли и уперся в летящий самолет. Теперь все видели ослепительную белую точку, окруженную концентрическими кругами. Вдруг она вспыхнула, и на том месте возникло зеленое облако.

Командиру экипажа В. Черкашину показалось, что НЛО стал приближаться с огромной скоростью, пересекая курс самолета под острым углом. Командир велел штурману передавать на землю о происходящем, но после этого приказа объект внезапно остановился. Зеленое облако вдруг упало вниз, проскочив высоту, на которой летел самолет, потом вертикально поднялось вверх и, выполнив несколько сложных маневров, зафиксировалось точно напротив самолета. Дальше оно летело за ним как привязанное.

Люди видели, что внутри этого объекта замигали огоньки, вспыхивающие и гаснущие по какой-то системе. Затем по горизонтали «облака» поползли огненные зигзаги. Штурман постоянно сообщал обо всем виденном на землю. Облако продолжало видоизменяться. Из него вырос хвост: широкий вверху, тонкий у земли и похожий на смерч. На какое-то время образовалась гигантская «запятая». Потом хвост стал подниматься, а облако из «запятой» превратилось в четырехугольник.

«Посмотрите, — воскликнул второй пилот, — он нас передразнивает!» Действительно, все образование напоминало остроносый «облачный самолет» без крыльев, со скошенным хвостом. В это время в зону управления минского диспетчера вошел еще один ТУ-134А. Между лайнерами было не более 100 км, однако командир встречного самолета поначалу ничего не видел. Лишь только в километрах 15 до встречи он прозрел и аналогичным образом описал неопознанный летающий объект.

Позднее в своей объяснительной записке пилот встречного самолета Ю. И. Кабачников написал:

"7 сентября 1984 года экипаж самолета ТУ-134А выполнял рейс № 7084 по маршруту Ленинград — Борисполь — Батуми — Тбилиси. Вылетели мы из ленинградского аэропорта в 04.01 утра. Полет проходил на высоте 10 100 м, здесь и выше облачность отсутствовала. После установления связи с минским диспетчером выяснилось, что кроме нас на связи находится встречный «ТУ-134А», следовавший на высоте 10 600 м. Из переговоров я понял, что встречный самолет наблюдает светящийся объект, находящийся выше его высоты полета. Через 1 — 2 минуты я тоже увидел светящийся объект ярко-зеленого цвета, имеющий сигарообразную форму. От него шли три голубовато-белых луча. Одновременно вверх от объекта отходили еще два расширяющихся луча меньшей интенсивности. По указанию диспетчера мы отвернули влево на 20 градусов и пошли на сближение с объектом. Через 2 — 3 минуты он резко развернулся влево и остановился! Передний луч объекта сфокусировался на нашем самолете, осветив его ярким светом. Затем луч резко опустился и быстро вычертил на земной поверхности контур прямоугольника, после чего резкими зигзагообразными движениями осветил всю его площадь.

Наш самолет в это время находился в 70 км от Минска. Спустя несколько секунд объект пошел к земле и занял высоту ниже нашего самолета, одновременно удаляясь от нас. Диспетчер сообщил, что объект наблюдают и наши космонавты с космической орбитальной станции. Около 5 утра объект опять развернулся влево, и мы увидели на его боковой

поверхности бегающие разноцветные огоньки. В течение всего наблюдения объект неоднократно менял свою высоту".

Каким-то чудом (видимо, по недосмотру) репортаж о наблюдении этого НЛО был опубликован в газете «Труд» 30 января 1985 года и вызвал громадный общественный резонанс. После этого историю постарались замять, а в отношении руководства газеты были сделаны соответствующие оргвыводы.

Однако эта встреча с НЛО имела и более трагические последствия: в ноябре 1985 года от миеломной болезни (опухоль кроветворной системы) умер командир тбилисского экипажа В. Гоциридзе, облучившийся неведомым световым лучом в то памятное утро. Пилота Ю. Кабачникова вывели из летного состава вследствие дистрофии миокарда, а стюардесса, вошедшая в кабину экипажа в момент освещения кабины неведомым лучом, получила тяжелое кожное заболевание, вызванное, по мнению медиков, лучевым поражением.

Другой широко известный случай наблюдения НЛО произошел 17 февраля 1985 года под Петрозаводском. На участке железной дороги между этим городом и поселком Суоярви к порожнему грузовому составу весом 1 560 т справа по курсу пристроился огненный шар, летевший перед товарняком на расстоянии 100 — 150 м. При подходе к очередной станции машинист С. Орлов включил систему торможения, но произошло невероятное: вместо того чтобы снизить скорость, поезд ее увеличил! Через полкилометра машинист предпринял попытку второго торможения, но поезд продолжал мчаться с прежней скоростью, будто таинственный шар тянул его за собой. Перед станцией Новые Пески неопознанный летательный объект ушел от поезда, а после прохождения этой станции опять приблизился и резко затормозил движение. После прибытия поезда на станцию Застава шар внезапно скрылся за горизонтом.

Дежурившая на станции Новые Пески 3. Г. Паншукова видела летящий перед поездом НЛО, который, по ее словам, был похож на красный двояковыпуклый диск диаметром около 2,5 м. Вокруг диска дежурная ясно видела светящуюся сферу диаметром, превышающим высоту тепловоза. Последующее изучение ленты скоростемера, проведенное комиссией в депо, подтвердило показания машиниста о странном поведении состава. Одновременно была зафиксирована экономия 300 кг дизельного топлива — примерно столько горючего расходует поезд подобного типа за целый час движения. Это означает, что почти час тяжелый товарный состав несся по железной дороге, не тратя ни капли горючего, под энергетическим воздействием летевшего впереди небольшого диска.

Следует отметить, что это был далеко не первый случай наблюдения НЛО в районе Петрозаводска. Так, в четыре утра 20 сентября 1977 года с космодрома в Плесецке стартовала ракета, выводившая на орбиту искусственный спутник Земли «Космос-955». Через два дня в газете «Социалистическая индустрия» появилось следующее сообщение:

"Жители Петрозаводска явились свидетелями необычного явления природы. 20 сентября около четырех часов утра на темном небосклоне вдруг ярко вспыхнула огромная «звезда», импульсивно посылавшая на землю снопы света. Эта «звезда» медленно двигалась к Петрозаводску и, распластавшись над ним в виде медузы, повисла, осыпая город множеством тончайших лучевых струй, которые производили впечатление проливного дождя. Через некоторое время лучевое свечение кончилось. «Медуза» обернулась ярким полукругом и возобновила движение в сторону Онежского озера, горизонт которого скрывали серые облака. В этой пелене потом образовалась круглая промоина ярко-красного цвета в середине и белая по бокам. Это явление, по свидетельствам очевидцев, продолжалось 10 — 20 минут. Директор Петрозаводской гидрометеорологической обсерватории Ю. Громов сказал корреспонденту ТАСС, что аналогичных явлений в природе работники метеослужбы Карелии ранее не наблюдали. Чем вызвано это явление, какова его природа, остается загадкой, ибо никаких резких отклонений в атмосфере не только за минувшие сутки, но и на подходе к ним не зарегистрировано постами наблюдения за погодой. «Нам также известно, — подчеркнул

Ю. Громов, — что никаких технических экспериментов в наших краях в данное время не проводилось».

Однако отнести все это к разряду миражей тоже нельзя, потому что у этого необычного явления есть много очевидцев, показания которых во многом идентичны, хотя наблюдать за редким явлением, не оставившим о себе вещественных доказательств, им довелось из разных мест города".

Официальные власти постарались объяснить наблюдавшийся феномен запуском «Космоса-955». Однако целый ряд фактов не вписываются в официальную версию. Так, за восемь часов до запуска спутника многие жители Петрозаводска засыпали с предчувствием беды, чего не было ни перед одним из предыдущих запусков.

За три часа до запуска ракеты к пассажирскому самолету, летевшему из Киева в Ленинград, приблизился НЛО и сопровождал его до самого Пулковского аэродрома. Командир экипажа самолета запросил диспетчера о сопровождавшем его объекте, но в ответ услышал, что никаких других самолетов в его воздушном коридоре нет. Директор Главной астрономической обсерватории АН СССР В. Крат следующим образом описал этот странный объект: «Ярко-огненный шар, стремительно прочертивший небо с юга на север, наблюдали и пулковские астрономы. Сейчас пока еще трудно со всей определенностью объяснить его происхождение, так как сведения очевидцев и наблюдателей продолжают поступать и анализироваться». По сообщению корреспондента ЮПИ из Хельсинки, за два часа до запуска «Космоса-955» над финской столицей пронесся яркий огненный шар по направлению с запада на восток, вызвавший интенсивные радиопереговоры на территории Советского Союза в тот период времени, когда в эфире обычно все спокойно.

Позднее было установлено, что в ночь на 20 сентября над северо-западной Европой наблюдалось от 20 до 25 НЛО. Неопознанные летающие объекты видели в районе Петрозаводска 30 сентября, 20 и 28 октября, 4 и 9 ноября. Особый интерес «летающие тарелки» проявляли к советскому космодрому. Вот как описывал один из таких объектов очевидец, ехавший в ночь на 20 сентября 1977 года из Ленинграда в сторону Петрозаводска:

"Я сидел на переднем сиденье и наблюдал за звездным небом. Неожиданно меня охватило беспокойство. Сначала я не понимал, в чем дело, но вдруг сообразил. В юго-восточной части неба среди звезд появилась и стала увеличиваться светящаяся точка. Я принял это явление за падение метеорита, попросил остановить машину, разбудил отца и стал наблюдать. Казалось, что неизвестное светящееся тело входит в плотные слои атмосферы.

Вдруг из него стали выделяться клубы серого дыма. Они выходили порциями, окутывая тело. Его движение заметно замедлилось. Я подумал, что, встретив более плотные слои атмосферы, метеорит стал испаряться. Исчезло яркое свечение в центральной части, вместо него дымное облако прорезали яркие лучи. Объект продолжал двигаться вниз. Облако вытягивалось, приобретая серебристый оттенок. При этом верхние лучи стали бледнее, нижние, опускаясь к земле, светились интенсивнее. Потом облако приняло форму эллипса, верхние лучи исчезли, а нижние протянулись до земли. Свет внутри облака стал красноватым.

Мы находились в 90 — 100 км от Петрозаводска. Прикинув расстояние до объекта наблюдения, мы предположили, что облако висит над Петрозаводском. Все происходящее было видно очень хорошо. Я обернулся, чтобы узнать мнение отца, и вдруг сквозь левое боковое стекло увидел метрах в 30 — 40 от дороги белое сферическое тело, плавно опускавшееся на землю. Если бы не форма тела, то объект можно было принять за парашют. Тело опускалось бесшумно на темные ели, которые исчезали, поглощаемые им. А затем появлялись из сферы, как бы пронизывая ее. Диаметр сферы 15 — 20 м. Опустившись, она

скрылась за деревьями. Спуск наблюдался около минуты. Я хотел бежать туда, но отец отговорил, припугнув возможной радиоактивностью.

Тем временем объект над Петрозаводском еще минут 10 — 15 исторгал лучи. Затем, рассеиваясь, облако разделилось на три части. И тут мы перестали наблюдать и тронулись с места в срочном порядке. Показалось, что кто-то может выйти с обеих сторон дороги. Возникло тревожное чувство, хотя я не из боязливых. То же почувствовал и шофер. Наблюдение заняло около 40 минут".

В нескольких домах Петрозаводска после ночи на 20 сентября обнаружилось, что двойные стекла окон пронизаны оплавленными отверстиями диаметром 5 — 7 мм. Стекла были обследованы в Институте стекла (Москва), где выявилась удивительно правильная структура микротрещин и, что самое удивительное, кристаллическая поверхность среза. То есть в аморфном стекле появились кристаллы!

Не могло КГБ игнорировать и те отдельные случаи, когда неопознанные летающие объекты оказывались предвестниками различных катастроф. Один подобный случай произошел на территории бывшего Советского Союза в 1966 году. Хроника появления НЛО, как впоследствии было установлено, выглядела следующим образом. Примерно в 8.15 вечера в, понедельник, 25 апреля 1966 года ярко сверкающий объект пересек канадскую границу и полетел на юг над северо-восточной территорией Соединенных Штатов. Его видели миллионы жителей Атлантического побережья США, а некоторым наблюдателям из числа фотографов-любителей и астрономов-профессионалов даже удалось заснять его на пленку. Наблюдаемый странный объект светился настолько ярко, что территория, над которой он не торопясь пролетал, освещалась ночью ярким светом. Два человека из штата Нью-Йорк заявили, что после того, как объект пролетел над их владениями, они обнаружили на своих полях камни, которые были теплыми и «выглядели весьма странно». Другой мужчина из штата Нью-Джерси утверждал, что ясно видел голову, высунувшуюся из иллюминатора объекта. На шоссе недалеко от Тованды (штат Пенсильвания) Роберт Матц и его друг заметили объект, кружившийся в небе. Одновременно заглох мотор их автомобиля и выключилось освещение. Оба почувствовали волну горячего воздуха, когда наблюдали «ужасный пылающий объект, освещавший своим заревом огромный район в течение нескольких секунд. Мгновенно объект стал темным. Гигантское зарево исчезло, как будто его выключили рубильником. Некоторое время был виден тусклый свет в четырех иллюминаторах, но затем и он погас. Эта штука находилась от нас примерно в 250 футах и на такой же высоте. Скорость ее была потрясающей». По оценкам специалистов, она составляла примерно 35 миль в секунду. Сбросив странный предмет над Аплендом, объект пересек Каролину и скрылся в сторону Атлантики.

Больше этот объект в Америке не видели, но он был зафиксирован по другую сторону океана — в Советском Союзе. В пять часов утра 26 апреля 1966 года в Ташкенте его увидела Галина Лазаренко. Она была разбужена необычайно ярким потоком света, испускаемым загадочным объектом. Вот как впоследствии она описывала это странное явление: «Весь двор и моя комната были залиты ярким светом. Было так светло, что я ясно видела все предметы, находящиеся в моей комнате». В то же самое время инженер Алексей Мельничук, шедший по одной из улиц Ташкента, услышал грохот и вслед за тем был ослеплен ярким светом. «Казалось, что я буквально окунулся в этот свет, — вспоминал он. — Свет был так ярок, что я закрыл лицо руками. Когда же я отнял руки от лица, свет уже исчез». Через несколько минут началось знаменитое Ташкентское землетрясение, приведшее к многочисленным человеческим жертвам и практически стершее с лица земли этот город. Когда уцелевшие после удара стихии, ошеломленные и потрясенные жители Ташкента метались по заваленным обломками улицам, многие из них заметили странные «пылающие сферы, проплывавшие в небе подобно воздушным шарам». Впоследствии эти свидетельства были собраны у уцелевших таш-кентцев компетентными органами.

Девять часов составляет разница во времени между Атлантическим побережьем США и Ташкентом в Средней Азии, но Ташкент находится на той же широте и долготе, что и северо-восток Соединенных Штатов, но только в другом полушарии. НЛО пролетал над Америкой в то же самое время, в какое вспыхнул ослепительно яркий необъяснимый свет, ставший предвестником страшной катастрофы в советском городе. Наблюдение американцами странного летающего объекта и ташкентское землетрясение произошли одновременно на точно противоположных концах Земли. И это не единичный случай. Пылающие сферы, мощные лучи света и огненные шары неоднократно появлялись во время японских землетрясений либо непосредственно предшествовали им. НЛО наблюдались в разное время во время землетрясений в Алжире и Англии.

Потенциальная возможность НЛО предвидеть будущие события является одним из оснований так называемой пара-физической гипотезы этого феномена, которой придерживаются ряд зарубежных исследователей (уфологов), в том числе из военных и разведчиков. Лучше всего суть этой гипотезы была сформулирована маршалом королевских Военно-воздушных сил сэром Виктором Гедаллом, который принимал более чем активное участие в изучении проблемы НЛО, проводимом английскими военными в 1950 — 1955 годах. 3 мая 1969 года во время своей публичной лекции в Секстон-Холле в Лондоне маршал заявил:

"Конечно, не исключено, что пилоты НЛО могут оказаться обитателями каких-то других планет, хотя никаких логических предпосылок для подобного утверждения нет. Если природа НЛО парафизична (и, как следствие этого, они обычно остаются невидимыми), то они, скорее, могут быть созданиями невидимого мира нашей планеты, нежели существами парафи-зической сферы какой-либо другой планеты Солнечной системы.

Предположим, что НЛО парафизичны, способны отражать свет подобно призракам. Предположим также, основываясь на показаниях многочисленных наблюдателей, что они становятся видимыми, когда со сверхвысокими скоростями перемещаются из одной позиции в другую. Тогда из всего сказанного вытекает, что, оставаясь видимыми в момент перемещения, они не дематериализуются при прекращении перемещения, а просто их масса становится прозрачной из-за своей диффузной природы и эфирной субстанции. <…> Данные наблюдений подтверждают их парафизичность, что повышает вероятность их земного происхождения, а не инопланетного. Астральный мир иллюзий, битком набит склонными к разным проделкам духами. Складывается впечатление, что одни из них горят желанием продемонстрировать нам свою мощь, другие — преподать уроки морали. <…>

Все эти представители астрального мира, весьма вероятно, искренне взывают к человеческому сознанию, преследуя иногда специальные цели, может быть, подгоняя нас по пути технического прогресса, а порой просто изумляют простаков с целью, которая известна лишь дьяволу".

Возможность существования разумного потустороннего мира, более или менее часто контактирующего с нашим обычным физическим миром, и причем не где-нибудь, а в местах секретных военных или научных объектов или будущих катастроф, не могла не попасть в поле зрения Комитета государственной безопасности как источник потенциальной угрозы, либо как средство получения разносторонней ценной информации технического, военного, оккультного или футурологи-ческого характера, либо как то и другое одновременно.

Только это объясняет старание, с каким советские разведчики и военные собирали и изучали фактические данные на местах предполагаемых посадок или крушений НЛО. Так, например, получив от охотника В. М. Бродского сообщение о виденном им 28 апреля 1961 года непонятном явлении на берегу Корб-озера, приведшего к образованию там огромной воронки, военные немедленно снаряжают хорошо подготовленную экспедицию, оснащенную специальным водолазным оборудованием. Возглавил экспедицию майор Пятаев. Тридцать километров участники экспедиции шли по непролазной грязи, таща на себе тяжелый груз.

Вот как описывает место назначения один из участников той секретной военной экспедиции В. Демидов:

«И вот мы наконец тут. Стоим над огромной ямищей, а глаз отмечает все новые и новые подробности. Крутой берег небольшого продолговатого озера. С нашей стороны — старые сероватые строения, не то сарайчики, не то брошенное жилье; с другой — молчаливый, таинственный лес. Прямо напротив одного из строений вырван огромный кусок земли. Будто циклон шарахнул мотыгой. Наибольшая длина ямы вдоль берега — около двадцати семи метров. Ширина — более пятнадцати. Глубина — три. У берега — большая полынья. В ней — редкие взлохмаченные льдины. Дальше — ровный, набухающий лед».

Предполагая, что перед ними место катастрофы «летающей тарелки», военные с помощью специальной аппаратуры и водолазов начали искать на дне таинственной ямы следы металла. Обломки НЛО найти не удалось, но уже при первом погружении водолазы обратили внимание на одну странную особенность, подтверждающую факт происшедшего на этом месте чрезвычайно сильного взрыва: «Дно около ямы покрыто сброшенной землей, глыбами мерзлого дерна. Понятно, почему в полынье мало плавающего льда! Его просто прижало ко дну. Скоротечность катастрофы не позволила льдинам вырваться на поверхность. Вся масса скинутой земли лежит довольно узким и длинным участком. Справа и слева от него — дно чистое и плотное».

После очередного всплытия один из водолазов случайно перевернул плавающую льдинку. В. Демидов следующим образом описывает таинственную находку:

"О, что-то новое! Мы немедленно сбежались к воде. Представьте себе кусок льда сантиметров тридцати толщиной. И вся его нижняя часть, та, что находилась в воде, окрашена в яркий изумрудный цвет.

Нет, «окрашена» — не то слово. Просто половина льдины как бы впитала в себя необычный колер. Перевернули еще одну льдинку, еще одну — то же самое. Выбили кусок ледяного поля — обыкновенный, ничем не выдающийся лед. Ага! Значит, что-то все-таки шлепнулось в воду! Именно здесь шлепнулось и оставило красивый изумрудный цвет. Но что? Непонятно. Ясно лишь, что в воде произошли какие-то процессы, либо окрасившие лед химическим красителем, либо изменившие оптические свойства подводной части льда. Процесс локализованный, быстрый. Ведь монолитный лед озера не изменился, да и тот, что затонул, прижатый грунтом, тоже".

Потом на дне ямы все-таки нашли след, словно от огромной трубы. Рядом находился «валик» в полтора метра высотой. Объяснить всю совокупность загадочных фактов может только одна гипотеза: «нечто» с колоссальной скоростью ударилось о землю, вырвало из берега около тысячи кубов мерзлой земли, проползло по дну примерно двадцать метров, пробило пятиметровую толщу воды и вертикально умчалось в небо, не оставив ни одной отвалившейся детали. Специалисты однозначно заявили, что проделать это не в состоянии ни один земной аппарат. Доставленные в лаборатории образцы зеленого льда также поставили ученых в тупик. Объяснить его природу они оказались не в состоянии.

Бывший командующий войсками ПВО Дальнего Востока, занимающий в настоящее время пост начальника Высшей командной академии войск ПВО им. маршала Жукова генерал-полковник Геннадий Решетников в своем интервью отмечал, что столкнулся с проблемой НЛО где-то в 1976 году:

«Да, особо загадочные явления в процессе военной практики были. Порой появлялись такие цели, на которые поднимались истребители или наводились радарные установки зенитных ракет, но так и не определили, что же это было на самом деле. Бывали случаи, когда цель отвечала на сигнал: „Я свой самолет‟. У нас есть такая практика запроса. Или, наоборот, не отвечала. Мало того, мне известны случаи, когда поднимающиеся в воздух самолеты вначале, включая свои бортовые прицелы, обнаруживали цель, а при приближении

на определенную дальность, когда должна была срабатывать непосредственно система управления оружием на пуск ракет, все исчезало. Или самолет просто проскальзывал это пространство. Проводили повторную атаку. Опять обнаруживали цель, а она снова — раз! — и исчезала с экрана радара».

Сотрудник Центра космической связи генерал-майор авиации В. А. Алексеев подчеркивал схожие свойства неопознанных летающих объектов, неоднократно наблюдаемых советскими военными: "Вот фиксируют объект, с помощью приборов определяют расстояние до него, замеряется угловая скорость перемещения и так далее. Начинают его зондировать локатором. Как только локация коснулась его, объект пропадает, и визуально его видят уже в другом месте. Объект «убегает».

Много таких фактов, которые, с точки зрения современной науки, просто непонятны".

Нет необходимости объяснять, что обладание устройством, делающим летящий объект практически неуязвимым для ракет и радаров противника, дало бы решающий перевес советским военно-воздушным силам над американскими, и уже в силу одного этого разведчики и военные Советского Союза были обязаны хотя бы попытаться разгадать загадку многократно наблюдаемых ими небесных явлений. Однако генерал-полковник Г. Решетников решительно отрицает наличие приказов, предписывающих военным докладывать наверх о случаях наблюдения ими НЛО и соблюдать особую секретность в этом плане:

«Я совершенно точно могу сказать, что секретности, особой требовательности к соблюдению секретности вокруг НЛО у нас нет. Нет ни директивных указаний, ни какой-то сверхработы вокруг НЛО. Информация довольно общая. Она всегда идет по открытым средствам связи. Ничего мы специально не докладываем, за исключением того порядка, который требуется, как во всяком военном ведомстве. И даже сейчас, на этом уровне моего служебного положения, мне ничего подобного не известно».

В другом месте своего интервью генерал-полковник все-таки обмолвился: «Специальный отбор или посылка таких (про НЛО. — А. П.) материалов куда-либо не производились. Только по специальному запросу. Что с ними делалось, как они исследовались, я, например, не знаю». От кого исходил специальный запрос, думаю, можно не пояснять.

На вопрос корреспондента: «Слышали ли вы что-нибудь о том, что кто-то, где-то, какое-нибудь ведомство в Вооруженных Силах проводило подобные исследования?» Г. Решетников категорично заявил: «Ничего подобного за мою службу не было».

Однако это заявление генерал-полковника не соответствует действительности и может быть объяснено либо незнанием Решетникова, либо как раз той самой засекреченностью проблемы НЛО, которую он так упорно отрицал. Ведь уже с 1976 года в Академии наук СССР начинается официальная работа по исследованию загадочного феномена. Подтверждается это следующим официальным документом:

"Выписка из протокола заседания Секции подводных исследований Океанографической комиссии АН СССР от 17 ноября 1976 года.

Присутствовали: Председатель секции П. А. Боровиков, зам. Председателя Океанографической комиссии АН СССР Е. М. Кухарков, ученый секретарь Океанографической комиссии В. А. Ширей, члены бюро секции — 28 человек.

Повестка дня: Подводный аспект проблемы НЛО (неопознанных летающих объектов). Докладчик — зам. Председателя секции В. Г. Ажажа. Слушали: доклад В. Г. Ажажи.

Постановили: принять доклад В. Г. Ажажи к сведению. Включить в план работы секции сбор информации о появлении НЛО над морскими акваториями и на глубинах в гидросфере Земли и последующий ее анализ. Подписи: Председатель П. А. Боровиков. Секретарь Д. А. Аксенов. Печать: Океанографическая комиссия АН СССР".

Второй документ, опубликованный в 1997 году автором этого доклада, имеет уже непосредственное отношение к Вооруженным Силам Советского Союза. Это — письмо на бланке Главного штаба Военно-Морского Флота СССР от 20 января 1978 года №739-105:

"Заместителю Председателя Океанографической комиссии АН СССР.

Главный штаб ВМФ получил разработанный под руководством к. т. н. тов. В. Г. Ажажи «Проект инструкции по наблюдению НЛО» (ваш исх. № 13037-6-СПИ от 15.07.77). Указанный проект использован при организации наблюдения за НЛО кораблями и судами ВМФ. Учитывая актуальность и важность научно-технического решения этой проблемы, выражаю признательность за оказанную помощь и надежду на дальнейшее сотрудничество в этом вопросе. Заместитель начальника Главного штаба ВМФ вице-адмирал Ю. В. Иванов".

Итак, уже в 70-х годах была создана и принята к использованию инструкция по наблюдению неопознанных летающих объектов по всему миру советскими военными моряками. Сам автор инструкции так объясняет причины, толкнувшие высшее советское военное руководство на этот неординарный шаг. К концу 70-х годов в досье разведуправления ВМФ СССР накопилось немало донесений с флотов и флотилий, а также зарубежных данных о наблюдении НЛО. Опасность состояла в том, что неопознанные летающие объекты легко можно было принять за разведывательные или ударные средства потенциального противника и принять ответные меры, способные спровоцировать военный конфликт. Кроме того, некоторые материалы потрясали. Так, например, в донесениях начальника разведки Тихоокеанского флота контр-адмирала В. А. До-мысловского сообщалось о неоднократных наблюдениях гигантского цилиндра, зависшего над поверхностью океана. Из одного его конца, как пчелы из улья, вылетали мелкие НЛО, ныряли в воду, через какое-то время вылетали из-под воды и возвращались в цилиндр-улей. После нескольких таких циклов НЛО загружались в цилиндр, и он уходил за горизонт.

Последней каплей для высшего военно-морского руководства стали наблюдения трех капитанов первого ранга: Королева, Кряжукова и Гусева. Декабрьским утром 1976 года они ехали по Калужскому шоссе в Москву. И обратили внимание, что прямо по курсу их следования, то есть на севере, восходит солнце. Потрясенные до глубины души, офицеры продолжали ехать дальше, ожидая, как повернутся события. В поселке Сосенки НЛО, принятый моряками за солнце, оказался уже справа, зависая над автобусной остановкой. Постепенно неопознанный летающий объект из ярко-солнечного стал матовым. Кто-то из троих наблюдателей различил весьма интересную подробность, а именно — цепь иллюминаторов, расположенных по экватору объекта. Минут через пять НЛО стал подниматься, набирая скорость, и неожиданно исчез.

Заниматься загадкой НЛО поручили заместителю начальника Главного штаба Военно-Морского Флота СССР К. В. Иванову, являвшемуся одновременно начальником разведки всего флота. Проект инструкции был подготовлен В. Г. Ажажей к июлю 1977 года. Результат внедрения и практического использования этой инструкции в военно-морском флоте не заставили себя долго ждать.

20 сентября того же года быстроходная атомная подводная лодка проекта 705 плыла по Белому морю, возвращаясь с заводских испытаний в Северодвинске. Вахтенный офицер в звании инженер-капитана 2-го ранга обратил внимание на быстро перемещающуюся по небу яркую звездочку. Она двигалась с севера, из Арктики, на юг, по направлению к Петрозаводску и Ленинграду. Звездочка удлинялась, превращаясь в длинный светящийся отрезок. Вахтенному показалось, что над ним проходит цилиндр, у одного конца которого симметрия вдруг нарушилась. Из цилиндра внезапно стали вылетать объекты, напоминающие на расстоянии мелкие горошины. Оценить линейные или угловые размеры было трудно. Ощущалась только та громадная высота, на которой двигался НЛО. Горошины двигались за ним не вслед, а разлетались в разные направления. Вахтенный описал в бортовом журнале

подводной лодки необычное явление. Позже выяснилось, что примерно в это же время, а точнее — через час, произошло описанное выше появление НЛО над Петрозаводском.

Следующий случай произошел 7 октября 1977 года в Баренцевом море, где находилась плавучая база подводных лодок «Волга». Внезапно ее командир капитан 3-го ранга Таранкин был срочно приглашен в БИП (боевой информационный пост корабля). Отметка на экране радара показывала, что к плавбазе с расстояния около ста километров приближается воздушная цель. Пока личный состав занимал места по тревоге, радиометристы идентифицировали объект. По силе отражения и характеру сигнала выходило, что с «Волгой» сближается группа вертолетов. Откуда? Удаленность плавбазы от берега физически исключала появление вертолетов аэродромного базирования, а по разведывательным данным, ни своих, ни иностранных вертолетоносцев в Баренцевом море быть не могло. «Неужели разведка прохлопала?» — подумал капитан Таранкин. Он выскочил на мостик. Мощное сияние надвигалось на корабль с северо-востока. Его источники шли в кильватерном строю. Моряки сосчитали — объектов было девять. И командир, и другие наблюдатели постепенно убеждались, что это были не привычные глазу отечественные или зарубежные летательные аппараты, а странные сияющие диски, которые, снизившись до уровня мачт, закрутились вокруг «Волги» в каком-то странном хороводе.

Восемнадцать минут по приказу Таранкина радисты пытались связаться с главной базой Северного флота в Североморске. Но надежная военная радиосистема внезапно отказала, и у корабля не было никакой возможности ни послать, ни принять радиограмму. Однако корабельная радиотрансляция продолжала работать, и не растерявшийся Таранкин отдал неординарную команду: «Всему личному составу. Запоминайте, зарисовывайте, фотографируйте, чтобы, когда мы вернемся на базу, никто не сказал, что ваш командир сошел с ума». На девятнадцатой минуте НЛО освободили воздушное пространство над плавбазой, и тотчас восстановилась прерванная радиосвязь. В штаб полетела радиограмма, но через час, когда главная база прислала самолет-разведчик, разведывать было уже нечего.

Все эти события заставили военных ускорить внедрение «Инструкции о наблюдении НЛО» на флотах и флотилиях.

Внедрение происходило в два этапа: сначала на гидрографических, исследовательских и разведывательных судах, а затем — на всех остальных кораблях. Официально внедрение разработанной В. Г. Ажажей инструкции под длинным названием «Методические указания по организации в ВМФ наблюдений аномальных физических явлений и их воздействия на окружающую среду, живые организмы и технические средства» началось вечером 7 октября 1977 года. На Северном флоте этот документ распространялся за подписью контр-адмирала Марса Искандерова. Через полтора года, 16 января 1979 года, автор инструкции вручил ее текст помощнику Главкома Военно-Воздушных Сил по подготовке космонавтов летчику-космонавту генералу В. А. Шаталову для создания аналогичного пособия по наблюдению НЛО в космосе. Было ли оно создано и использовалось ли советскими космонавтами — неизвестно до сих пор. Однако В. Г. Ажажа смог выступить с лекциями в Институте космических исследований и Центре управления полетами.

Впрочем, даже когда дело было поставлено на столь широкую ногу, не обходилось без накладок.

Сотрудники Московского института физики Земли имени О. Ю. Шмидта при Академии наук СССР проводили экспериментальные работы в районе Каспийского моря. На их глазах неопознанный летающий объект дискообразной формы совершил несколько виражей над морем, затем спустился ниже и медленно, методом «падающего листа» (то есть покачиваясь из стороны в сторону), плавно ушел под воду. И еще одна деталь: в точках изменения траектории объект ярко вспыхивал.

В данном случае следует разочаровать уфологов. Можно почти с полной уверенностью утверждать, что объект, который наблюдали члены экспедиции Института физики Земли, вовсе не НЛО, а так называемый «Каспийский монстр» — созданный в свое время в СССР экспериментальный образец гигантского экранолета, испытания которого проводились в том районе. Экранолет — это аппарат, предназначенный для полета на сверхнизкой высоте над водной поверхностью, он имеет сплющенную форму, способен приводняться. Утверждение же о том, что в конце полета объект не приводнился, а именно «плавно ушел под воду» оставим на совести наблюдателей.

Если учесть, что даже в настоящее время Россия в области разработки экранолетов намного опережает США, то неудивительно, что вся информация, связанная с разработкой и испытаниями «Каспийского монстра», была строжайшим образом засекречена, а случайные наблюдатели испытаний идентифицировали его как НЛО.

Тем временем проблемой неопознанных летающих объектов официально заинтересовались на более высоком академическом уровне, нежели Институт космических исследований: в 1978 году была создана специальная комиссия Академии наук СССР по аномальным явлениям под руководством В. В. Мигулина.

С. А. Черноус, один из членов этой комиссии, отмечает, что она была создана во многом благодаря «петрозаводскому феномену» 1977 года. Комиссия была наделена весьма широкими полномочиями. Она получила возможность анализировать все фотоматериалы и иные вещественные образцы, поступавшие в Отделение общей физики и астрономии Академии наук СССР. Комиссия имела право привлекать к своим исследованиям любых специалистов из ведущих институтов страны, в основном физического профиля. Наконец, комиссия была наделена еще одним исключительным правом: разрешать или запрещать любые публикации на тему НЛО, которые в обязательном порядке проходили предварительную цензуру в кабинетах Мигулина или Платова. Таким образом, все исследования «летающих тарелок» и других загадочных явлений были открыто и официально сосредоточены наконец в одних руках.

К каким выводам пришла комиссия Академии наук СССР, остается тайной до сих пор, однако в своих публичных заявлениях и статьях в прессе члены комиссии пошли по пути американских коллег, сосредоточив все силы на «развенчании» феномена НЛО. В. В. Мигулин и Ю. В. Платов постоянно внушали общественности, что никакой проблемы неопознанных летающих объектов в принципе нет. 98% наблюдений НЛО можно объяснить запусками ракет и прочими вещами, а оставшиеся жалкие два процента принадлежат к «редким и разнообразным явлениям», ничего общего с пресловутыми инопланетянами не имеющим.

Мнение представителей Академии наук СССР, имевших более чем обширные возможности для изучения феномена, вызывает уважение, однако стоит вспомнить, что аналогичная позиция американских академиков была инспирирована ЦРУ, убившим одним выстрелом сразу двух зайцев: с одной стороны, они смогли тщательно и всесторонне исследовать эту загадку с помощью ведущих научных умов; а с другой стороны, авторитет академической науки был использован для «развенчания» феномена НЛО. Поэтому нет ничего удивительного, что Комитет государственной безопасности учел опыт ЦРУ и в схожей ситуации пошел по схожему пути.

Параллельно с «разоблачениями» по линии академической науки расширяются засекреченные исследования НЛО советскими военными специалистами и разведчиками. Они неоднократно замечали, что неопознанные летающие объекты появлялись там, где возникала повышенная военная активность, связанная, например, с транспортировкой «особых» грузов. Исходя из этого, советские военные научились даже создавать ситуации, при которых можно искусственно, по своему желанию вызывать появление НЛО. Для этого

достаточно симулировать или обозначить перевозку «особых» грузов, и почти всегда в этом месте появлялся неопознанный летающий объект.

Сотрудник Центра космической связи генерал-майор авиации В. В. Алексеев в 1997 году сделал одно сенсационное заявление:

«Я знаю, что на некоторых полигонах, я не буду их называть, хотя на сегодняшний день это уже не тайна, научились даже входить в определенный контакт. В чем он заключался. Сначала появление НЛО. Это в большинстве случаев шары, но не только. Путем физического обозначения своего поведения — скажем, разведением рук в разные стороны — подавался сигнал. Шар так же сплющивался в ту же сторону. Если руки поднимали вверх три раза, то НЛО сплющивался в вертикальной плоскости, и тоже три раза. В начале 80-х годов, по решению еще бывшего советского руководства, проводились эксперименты с использованием техники (теодолиты, радиолокационные станции и другие), в результате чего неопознанные объекты регистрировались на конкретных приборах».

Как отмечают специалисты, с мест поступало очень много разной информации. Так, например, сотрудники одного из исследовательских учреждений в Подмосковье вылетели в Новосибирск для расследования авиационной катастрофы. После их прилета ими был написан отчет о том, что имела место встреча с НЛО, который сопровождал их самолет в воздухе. Будучи людьми грамотными и склонными к научному анализу, члены комиссии распределили роли таким образом, чтобы одни из них наблюдали и диктовали, другие рисовали, третьи вели отсчет времени.

Выводы из доклада другой государственной комиссии, работавшей на одном из полигонов Волгоградской области, содержали несколько версий происхождения феномена НЛО. С одной стороны, допускалась возможность неизвестных нам природных явлений. С другой стороны, не исключалась возможность того, что это одна из форм разведывательной деятельности. Наконец, третьей основной версией была версия о возможной принадлежности НЛО к внеземной цивилизации.

В. А. Алексеев так описывает свое участие в работе по изучению «летающих тарелок» в советское время:

«По роду своей деятельности мне приходилось получать информацию из разных воинских частей на территории России, а тогда бывшего Союза. Я знал, что существуют группы, которые занимаются исследованиями, но на то время уровень закрытости этого вопроса ограничивался тем, что происходило получение информации с последующим отправлением ее наверх. Мы люди военные, объяснений каких-либо не было. Вопрос ставился так: нас интересует то-то. Затем показывалась таблица с изображением всех когда-либо зафиксированных форм НЛО — порядка полусотни, начиная от эллипсов, шаров и кончая чем-то, напоминающим космические корабли и так далее. Очевидцам задавался вопрос о том, на что „то‟ было похоже, затем делали привязку к местности и т. д., затем все эти материалы уходили».

Этим авторитетным заявлением полностью опровергается утверждение представителя ПВО генерал-полковника Геннадия Решетникова о том, что в рамках деятельности Вооруженных Сил не было каких-либо специальных исследований проблемы НЛО и засекречивания полученных результатов.

В одном из множества собранных В. А. Алексеевым по долгу службы сообщений есть, например, такое. Два прапорщика, служившие в Подмосковье, почувствовали вдруг внутренний «зов», будто надо куда-то выйти. Руководствуясь этим непо-.нятным внушением, один из прапорщиков вышел непосредственно к месту приземления летательного аппарата. Он телепатически разговаривал с пилотами НЛО, и те пригласили посетить космический корабль, но то ли страх, то ли сугубо личные причины не позволили ему принять приглашение. Позже оба прапорщика написали объяснительные и сделали рисунки НЛО,

которые подтверждались рапортами и рисунками дежурных офицеров, их помощников и целого ряда военнослужащих срочной службы, которые несли службу в карауле. Все рассказы были сопоставимы с одним местом и временем, и много было общего в рисунках инопланетного корабля.

Говоря об уровне изучения НЛО в КГБ, генерал-майор авиации отметил: «Я не думаю, что у спецслужб были худшие ученые и позиции. В основе интереса к НЛО у военных и у спецслужб было желание разобраться в новом явлении, в его сущности».

Интерес зачастую был взаимным. Вот что недавно рассказал Николай Садков, служивший в 70-х годах мотористом на небольшом катере-"торпедолове" Черноморского флота. Обычная задача катера заключалась в следующем: когда где-то происходили учения по отработке стрельб их учебных торпед, то выпущенные в цель торпеды не взрывались, а некоторое время держались на плаву, после чего тонули. Время удержания ракеты на плаву достигало двух суток. Плавая, торпеда подавала радиосигналы, и, ориентируясь по ним, катер выходил в нужный квадрат, поднимал торпеду на борт и возвращался на базу. Во время одного из своих выходов катер, на котором служил Н. Садков, должен был найти проходящую испытания секретную торпеду системы «дельфин». На борту корабля присутствовали представители особого отдела бригады. Судно вышло в море, примерно часа через два запеленговало торпеду и направилось в нужный квадрат. Через час катер был уже у цели. Торпеда едва виднелась из-под воды. Командир стал аккуратно подводить катер к торпеде, а команда палубных матросов приготовилась к подъему ценного груза на борт.

Последовавшие затем события Н. Садков описывает следующим образом:

"И вдруг из-под облаков над торпедой повис огромный космический корабль в форме колокола! Диаметр его достигал 15 — 20 метров. «Колокол» медленно опустился над ней (торпедой) и завис на высоте 5 метров. Откуда-то из-под небес мы услышали голос, который на чистом русском языке произнес: «Мы ничего плохого вам не сделаем. Всем оставаться на местах». Из-под днища космического корабля опустилась круглая площадка, которая медленно притянула к себе как магнитом торпеду. В это время наш акустик выбежал с фотоаппаратом для съемки. Но из корабля появился тонкий ярко-красный лучик и своим концом уперся ему прямо в голову! Акустик упал.

Необычный, повелительный и в то же время ласковый голос, повторил: «Всем оставаться на местах. Мы ничего плохого вам не сделаем». Пришелец из космоса исчез вместе с торпедой так же неожиданно, как и появился. Но я заметил, что он не исчез, а просто с огромной скоростью улетел. Часа через два он опять появился и завис уже над палубой корабля. И мы все видели, как в днище «колокола» открылись люки и торпеда медленно опустилась на нашу палубу. Корабль исчез, а на базе в особом отделе с нас взяли подписку о неразглашении этого события".

КГБ засекретил этот, как и многие десятки других случаев, и на протяжении десятилетий тщательно охранял «государственную тайну». Некоторые очевидцы, пытавшиеся рассказать о необычных случаях, свидетелями которых они были, подвергались нажиму со стороны КГБ, агентам которого путем насилия и угроз удавалось до поры до времени замалчивать информацию, связанную с неопознанными летающими объектами.

Еще об одном необычном случае только недавно смог рассказать Николай Семирек, служивший в 1979 году на полигоне НИИ ВВС имени В. П. Чкалова. Служил он старшим техником на маловысотном посте с радиолокационной станцией кругового обзора и радиовысотомером. Получив от начальника отделения приказ проверить работоспособность радиолокатора, Семирек включил оборудование и на северозападном направлении заметил цель на дальности 350 километров. Отметка была четкой: значит, отраженный сигнал — сильный.

Однако на следующем обороте развертки цель на прежнем месте внезапно пропала. Однако она не исчезла, а неслась по направлению к полигону на бешеной скорости и находилась совсем рядом. Оператор доложил, что она действительно находится в их районе. Военные ждали, что цель пронесется дальше на восток, однако загадочный объект завис над секретным военным полигоном. Зато вместо него на том же курсе и дальности появилась другая цель. С той же скоростью она одолела 350 км за 50 секунд и также «спряталась» где-то над головами у военных. За ней появилась следующая, и так далее. С завидной регулярностью цели одна за одной летели к центру экрана. Потрясенные военные насчитали несколько сотен пикировавших на них загадочных летающих объектов. Вдоволь налюбовавшись неизвестными объектами на экране и на небе, Н. Семирек скорее ради шутки, чем всерьез, нажал кнопку системы опознавания. Каково же было его удивление, когда рядом со штришком цели появилась тонкая отметка «свой»! Ни один из наблюдавших за этим военных не рискнул доложить невероятную информацию своему вышестоящему начальству.

«Через год, — рассказывает Н. Семирек, — поступил приказ начальника Главного штаба ВВС, требующий регистрировать любые аномальные явления. Вслед за этим мои однополчане на оптических станциях совершенно официально занялись астрономическими наблюдениями. На вопрос: „Кого глядим?‟ — они отвечали: „Снимаем тарелочки‟…».

Действительно, 1980 год ознаменовался изданием Министерством обороны Советского Союза Методических указаний, представлявших собой чрезвычайно подробную и серьезную инструкцию по наблюдению НЛО военнослужащими, которые были обязаны самым тщательным образом регистрировать все подобные случаи и направлять собранные материалы по соответствующим адресам. Наблюдения велись в обстановке такой секретности, что о части их результатов узнали быстрее на Западе, чем в Советском Союзе. С. Г. Черноус, член комиссии Академии наук СССР, с горечью вынужден был отметить: «К сожалению, результатов работы военных уфологов мы не знаем. Впервые я с ними познакомился, как и с материалами КГБ, при встрече с американцем Джорджем Кнеппом и немецким уфологом Михаэлем Хесеманном». Между тем Инструкция Министерства обороны продолжала действовать, как минимум, до недавнего времени.

Вот что рассказал один офицер разведки Юрию Строганову, отечественному исследователю аномальных явлений. 15 марта 1994 года) в 14.00, дежурный по отделу на одной из военных баз ПВО доложил дежурному по части, что прямо перед зданием на плацу «сидит» какая-то штуковина, похожая на летающую тарелку. В 14.05 поднятые по тревоге все свободные от боевого дежурства военнослужащие окружили плац. Сам плац имел размеры 200 на 200 м. «Тарелка» сидела в центре плаца на трех опорах, так что все наблюдения велись с расстояния приблизительно 100 — 50 м. По описанию офицера, который также был в оцеплении, НЛО выглядел как диск с куполом вверху, а внизу — три полусферы и три посадочные опоры. Диаметр диска был 23 — 24 м, высота купола 6 — 7 м, полусферы — 4 — 5 м. Центр неопознанного объекта был серебристый, с голубоватым оттенком, способный к зеркальному отражению.

В 14.10 в соответствии с Методическим указанием Министерства обороны СССР от 1980 года дежурный по части сообщил о появлении неопознанного летающего объекта вышестоящему командованию части. Сверху поступил категорический приказ никоим образом не приближаться к НЛО и вообще прекратить какие-либо передвижения как личного состава, так и техники, во избежание непредвиденных действий со стороны НЛО (что также соответствует вышеупомянутой Инструкции Министерства обороны, указывая на то, что некие действия когда-то имели место). Был отдан приказ организовать прием самолета-лаборатории в сопровождении группы военных истребителей.

При подходе к плацу НЛО был сфотографирован и снят на видеопленку этой группой. Затем специально обученные специалисты, разбившись на три группы по пять человек с трех

сторон, в блестящих герметичных костюмах и с какими-то приборами в руках, начали приближаться к «летающей тарелке». Как только им оставалось дойти до неопознанного летающего объекта метров 5 — 6, НЛО (или воздух вокруг него) «покрылся рябью», послышался шипящий свист и началось легкое подрагивание почвы. Вслед за тем объект начал медленно подниматься и одновременно «стягивать» асфальт плаца. «Стягивание» происходило от бордюров к центру, образуя в самом центре, прямо под НЛО, небольшой кратер. Поднявшись на высоту 12 — 15 м, неопознанный летающий объект остановился, убрал опоры и с петлеобразным разворотом исчез во вспышке яркого света. После себя он оставил стянутый к центру плаца асфальт примерно на 0,5 м по всему внешнему периметру и кратер глубиной 0,3 м. Этот плац группа военных специалистов обследовала целые сутки.

Описанная выше группа специалистов, немедленно прибывшая на место посадки неопознанных летающих объектов со специальной одеждой и приборами, вызывает в памяти высказывание крупного американского эксперта по проблеме НЛО Говарда Менжера: «Наша великая страна окружена джунглями лжи. Не знаю, известно вам это или нет, но существуют специальные люди, которые знают, что делать с теми, кто приходит оттуда к нам со злыми намерениями. Эти люди, специально обученные для оказания противодействия пришельцам, возможно, дают нам единственный шанс уцелеть. Так что, пожалуйста, не надо колкостей в адрес ЦРУ».

Поэтому нет ничего невероятного в том, что аналогичные спецподразделения имелись и в структуре советского Комитета государственной безопасности.

Правда, следует отметить, что иногда наши чекисты попадали впросак в связи с темой инопланетян и оставленных ими вещественных следов. При земляных работах в 1975 году на территории Западной Украины экскаваторщик в карьере на глубине около 8 м случайно обнаружил странный шар. Находка переходила из рук в руки, пока не оказалась у сотрудника Института физики Земли АН СССР В. Н. Науменко. Возникла гипотеза об инопланетном происхождении шара, а предварительное его изучение привело исследователей к выводу, что внутри артефакта находится антивещество (!). В научном отчете значилось: «В случае, если расчеты подтвердят предположение об отрицательной плотности ядра шара, необходимо будет незамедлительно изъять его из рук частных лиц, поскольку при неосторожном обращении с ним <…> потенциально возможен взрыв с выделением энергии порядка нескольких мегатонн».

Исходя из опасности колоссального взрыва, Военно-промышленная комиссия в феврале 1981 года незамедлительно обратилась к руководству КГБ с просьбой найти шар, который к тому времени успел пропасть. На поиски были брошены лучшие чекистские силы: «бомбу» любой ценой необходимо было обезвредить не позднее 20 февраля 1981 года, даты открытия XXVI съезда КПСС. Розыск шара поручили сразу нескольким оперативным группам. Когда же одна из них нашла шар и он был доставлен на Лубянку, сотрудники КГБ вздохнули с облегчением. Но 23 февраля Брежневу во время выступления внезапно стало плохо. В кругах госбезопасности родилась версия, что зловредные экстрасенсы с помощью шара уже начали оказывать воздействие на лидера страны. Шар срочно был отдан на дальнейшее исследование, в результате которого выяснилось, что ему несколько сотен лет и является он всего-навсего предметом быта, служившим в качестве утюга для разглаживания рукавов украинских сорочек. Тревога оказалась ложной.

Но подобные неизбежные курьезы ни в коей мере не должны препятствовать серьезному исследованию проблемы. Отечественному журналисту В. Лаговскому удалось расследовать необычный случай контакта наших военных с инопланетянами, имевший место в одной подмосковной части.

Наряд солдат во главе с офицером стоял на посту. Вдруг они увидели необычное сияние, «летающую тарелку» и вышедших из нее пришельцев. Инопланетяне медленно передвигались вдоль стены. На обычное предупреждение: «Стой! Кто идет?» — почему-то не

отреагировали. Тогда недолго думая (а точнее — совсем не думая) офицер открыл огонь и выпустил в одного из пришельцев несколько очередей. Инопланетяне исчезли, но не это поразило военных. Все выпущенные пули, направленные достаточно прицельно, словно растворились в воздухе. Не удалось найти ни одной пули. Более того, в стене не осталось ни одного пулевого отверстия.

В одном из военных рапортов рассказывается, как несколько офицеров-ракетчиков ехали на «точку». Вдруг заглох мотор. Машина по инерции прокатилась еще какое-то расстояние и встала. Когда военные вышли, они увидели, что на высоте примерно 200 м медленно и бесшумно передвигается темный диск, испускающий лучи. Один из лучей шарил по земле около ракетной шахты. Когда у невольных наблюдателей прошел первый шок, они решили посмотреть, что же это все-таки над ними летает. Включили прожектор — горит, направили на объект — тут же погас. Оказалось, перегорела лампа. Ее заменили, снова направили — и снова прожектор моментально погас. Безнадежное дело бросили, лишь израсходовав весь аварийный запас ламп, которые моментально перегорали одна за другой. Объект тем временем улетел. На следующий день история повторилась. С той лишь разницей, что диск прошествовал в обратном направлении, и прожектор больше не зажигали. Сигнализация на секретном военном объекте в обоих случаях так и не сработала.

Другие офицеры рассказывали журналисту, что в разных местах по НЛО пускались ракеты, на перехват поднимались самолеты. Однажды «летающая тарелка» зависла в районе аэропорта «Внуково». На место выезжала милиция, которая подтвердила, что что-то непонятное светится в небе, «похожее на шар с усиками». Позвонили в ПВО. Оперативный дежурный сразу же отрапортовал: «Сообщений не поступало». А потом, помолчав, добавил: «Надоели нам эти „тарелки“. Поднимаем самолеты, а их и след простыл. Только зря горючее жжем…»

Офицеры-ракетчики рассказывали, что как только начинались работы с баллистическими ракетами — неопознанные летающие объекты тут как тут. Зависнут и светят прямо в шахту. Замечали НЛО и работники космодромов.

В конечном итоге в ракетные части и на космодромы было разослано особое распоряжение: на «тарелки» не реагировать. Пусть наблюдают, коли особого вреда от них нет.

Таких фактов наберется еще множество. Однако пора остановиться и подвести некоторые итоги. В частности, ответить на вопрос:

А был ли мальчик?

Один мой хороший знакомый на все эти разговоры о «тарелочках» как-то сказал, что поверит в существование инопланетного разума не в том случае, если сам увидит НЛО, и не в том случае, если живого пришельца покажут по телевизору, а только в том случае, если этот самый пришелец «сформулирует идею, которая не имеет аналогов в земной практике». Свое заявление мой приятель проиллюстрировал двумя примерами. Первый пример связан с известным «принципом кенгуру». Дело в том, что мифология стран Запада и Востока содержит и описывает массу самых причудливых существ, однако при внимательном прочтении исходных текстов можно обнаружить, что все эти существа являются гибридами, комбинацией из тех или иных частей людей и животных. Нет только одного — «сумки» на животе. Австралия была открыта несколько позже того, как сформировались мифологические системы, и человеческий разум не сумел придумать сумчатое животное.

Второй пример посложнее, но еще более нагляден. Когда конкистадоры огнем и мечом «осваивали» Центральную и Южную Америку, они обнаружили там несколько достаточно развитых культур (майя, инки и т. д.), однако ни одна из этих культур не знала колеса. Колесо, простейшее изобретение, оказалось настолько неочевидным открытием, что ни майя, ни инки за всю свою историю (а это несколько тысяч лет!) не удосужились его сделать.

То есть мой знакомый имел в виду следующее: если пришелец из космоса или его доверенное лицо («контактер») предъявит в качестве доказательства своей инопланетности идею, сопоставимую по простоте и неочевидности с идеей «сумки» или колеса, тогда можно с уверенностью говорить: да, перед нами именно пришелец из космоса. Однако до сих пор ни один самый развязный уфолог не может похвастаться тем, что в его руках находится документ, содержащий информацию подобного уровня. Напротив, все факты, имеющиеся в нашем распоряжении, не выходят за рамки (строго научных или научно-фантастических) представлений человека об устройстве Вселенной. «Летающие тарелки», «зеленые человечки», «близкие контакты третьего рода» — слишком все это наше, слишком все это человеческое.

Впрочем, существуют ли инопланетяне или они придуманы фантастами вкупе с уфологами-"контактерами", неважно. Главное, что само по себе явление существует. И значит, кто-то должен этим явлением заниматься. На официальном уровне в том числе. В нашей стране этим явлением занимался Комитет государственной безопасности. О чем и был мой рассказ.

АНТОН ПЕРВУШИН. ПСИХОТЮННЫЕ ДИВЕРСИИ

Крысолов из Гамельна

Самой страшной сказкой моего детства стала сказка о крысолове из Гамельна.

Тем, кто знал, но забыл, напомню вкратце ее сюжет. Случилось это давным-давно, весной 1284 года от Рождества Христова. В городе Гамельне случился голод. Для Европы тех времен это было самое обычное явление: невысокие урожаи, зерно плохо складировано, кошек в Европу еще не завезли, а значит, раздолье крысам. Вот крысы-то и стали для местных властей «врагом номер один». Сами власти справиться с этим бедствием не смогли и наняли профессионального крысолова. Тот справился со своей задачей, но весьма своеобразно: он вышел на центральную улицу Гамельна и заиграл на флейте. Мелодия была такова, что ни одна крыса или мышь не смогла перед ней устоять, и грызуны всем гуртом отправились за крысоловом прочь из города к ближайшему водоему, где и нашли свой конец. Однако городские власти не выполнили своих обязательств, и тогда разозленный крысолов вышел на центральную улицу Гамельна вторично и увел за собой всех городских детей.

Что сталось с этими детьми дальше — загадка. По одной (самой жуткой) версии, он утопил их в той же реке, что и крыс. По другой (более романтической и менее вероятной) — вывел их в иной, более благоустроенный мир. В любом случае сказка о крысолове из Гамельна впервые, видимо, в культурной традиции столь остро поднимает проблему подчинения воли одного земного существа (не бога) воле другого земного существа (не бога).

Понятно, что эту проблему изобрели не в Гамельне. История вопроса, как принято выражаться в научных кругах, насчитывает несколько тысячелетий. В самом деле, древнейшие ритуалы и мистерии являются одной из сторон процесса изменения стандартных поведенческих реакций человека на пути превращения его в адепта какой-то (обычно весьма абстрактной) идеи, то есть подчинения этой идее. При этом ритуалы, скажем, инициации («второго рождения») сопровождаются целым «театральным» представлением, включающим покаяние инициируемого, совместную молитву, клятву и, что характерно, музыкальное

сопровождение. Кстати, об особенностях прямого воздействия музыкальных ритмов на психику и, следовательно, здоровье человека писал еще Пифагор. Ему принадлежит и открытие понятия «музыки сфер» (ритма, которому подчинены все тела в обозримой Вселенной). Кое-каких успехов добились в этой области и древнеегипетские жрецы. Кое-что умеют африканские колдуны.

Этим последним мы обязаны тем, что в наш обиход вошло слово «зомби». Так называют людей, крайне жестко запрограммированных на выполнение определенных действий — фактически живых роботов. Достигается это путем применения сильнейшего нервно-паралитического яда — тетродо-токсина, — выделяемого из рыбы-двузуба (тетродона). Человеку, намеченному стать «зомби», добавляют этот яд в пищу, после чего он перестает дышать, у него стекленеют глаза, синеет кожа. Через некоторое время якобы умершего человека похищают из могилы и путем «особых процедур» оживляют. После этого «зомби» можно использовать в своих целях: он не помнит ни своего имени, ни своего прошлого, не несет в себе никаких морально-нравственных и этических ценностей, а делает только то, что ему говорят.

Еще более жестока и страшна процедура Превращения человека в манкурта, впечатляюще описанная Чингизом Айтматовым в романе «Буранный полустанок».

Однако все вышеперечисленные способы подавления человеческой воли применимы к конкретным индивидуумам или к небольшим группам. Однако в XX веке эти способы становятся нерентабельными, да и требования к эффективности методов изменения психики заметно возросли. Теперь стало нужно, чтобы человек, обладая специальными навыками (имея диплом инженера, врача, физика-атомщика, офицерское звание и т. п.), подчинялся чужим приказам столь же беспрекословно, как и «зомби-манкурт», лишенный знаний по определению. Так появилась идея психотронного оружия.

Психотронное оружие — что это такое?

Пожалуй, наиболее полным и глубоким исследованием на тему психотронного оружия у нас в стране является книга Игоря Винокурова и Георгия Гуртового «Психотронная война: от мифов — к реалиям», изданная впервые в 1993 году Обществом по изучению тайн и загадок Земли. Помимо весьма подробного обзора литературы в книге приведены новые факты и личные впечатления авторов. Дело в том, что оба автора по роду своей деятельности (Винокуров заканчивал биолого-почвенный, а Гуртовой — физический факультет МГУ) были причастны к исследованиям, непосредственно связанным с разработками психотронного оружия в нашей стране. Авторы достаточно здраво смотрят на все, что связано с этими разработками. Личный же опыт позволяет им отсеивать откровенную дезинформацию, попавшую в средства массовой информации либо по недоразумению, либо по определенному расчету.

Об особом мнении Винокурова и Гуртового по вопросу психотронного оружия мы еще поговорим, а пока воспользуемся определением, которое они дают в своей книге этому термину.

«В первые годы формирования психотроники высказывались порою прямо противоположные мнения о предмете ее исследования. Утверждалось, что психотроника — „это коде вое название парапсихологии в Праге‟; что это бионика человека, новая ветвь парапсихологии — биоэнергетика, новая область физического знания и пр. Сейчас принято следующее предложенное 3. Рейдаком (доктор философии Зденек Рей-дак, Чехословакия. — Л. П.) определение психотроники: это междисциплинарная область научных знаний, которая

изучает опосредованные сознанием и процессами восприятия дистантные взаимодействия между живыми организмами и окружающей средой. Психотроника, отмечает 3. Рейдак, исследует энергетические и информационные проявления подобных дистантных взаимодействий».

Более широкое определение трудно придумать. Авторы, правда, тут же оговариваются, разграничивая психотронику и парапсихологию:

«Психотронике свойственно стремление преимущественно к техническим и технологическим подходам и решениям, к разработке технических аналогов изучаемых феноменов, например психотронных генераторов, и следовательно, концентрация больших усилий на работах прикладного характера».

То есть психотронное оружие представляется в виде некоего вполне конкретного объекта — «чемоданчика с кнопкой», — применение которого позволяет подчинить волю большого количества людей воле одного человека, владельца этого самого «чемоданчика». Здесь я поспорил бы с авторами «Психотронной войны». В самом деле, если мы примем за основу вышеприведенную оговорку, за рамками нашего разговора останутся такие средства воздействия на человеческую психику, как гипноз, телепатическое внушение, психотропные препараты типа барбитуратов. Кроме того, к видам психотронного оружия я бы отнес идеологическую обработку (на сегодняшний день — самый эффективный способ влияния) и даже школьную программу, которая в условиях тоталитарного общества «безальтернативна», а потому позволяет государству контролировать на всех уровнях процесс формирования психики своих граждан.

Впрочем, в чем-то Винокуров и Гуртовой правы: государственные службы всегда будут стремиться к тому, чтобы упростить инструмент влияния до предела, до «чемоданчика». Любой другой путь покажется им малоэффективным.

История вопроса: литераторы предполагают, НКВД располагает

Поскольку мой очерк посвящен в первую очередь деятельности российских (советских) спецслужб на ниве психотрони-ки, я не буду (или почти не буду) затрагивать факты истории аналогичных разработок в других странах. Буду отмечать только те сведения, разглашение которых стимулировало наших собственных специалистов идти к решению проблемы тем или иным путем.

А началось все с электроиндукционной гипотезы «проявляющегося в месмеризме взаимодействия организмов», предложенной в 1875 году знаменитым химиком А. М. Бутлеровым. Он, в частности, задумался над тем, не могут ли взаимодействовать «нервные токи организмов» — подобно взаимодействию электрических токов в проводниках. И уже в 1887 году с развернутым обоснованием электроиндукционной гипотезы мысленного внушения выступил профессор философии, психологии и физиологии Львовского университета Юлиан Охорович. Однако электроиндукционная гипотеза объясняла взаимодействие организмов только на близких расстояниях. Это затруднение успешно преодолевала электромагнитная гипотеза телепатии. Она была одновременно высказана тремя независимыми друг от друга исследователями: Э. Фаустоном (доклад 1 марта 1892 года в секции электричества Франклиновского института), Шмидкунцем (книга «Физиология внушения», 1982) и В. Крук-сом (статья «Некоторые возможности применения электричества», 1982). Более подробно свою «радиационную гипотезу» последний из этих авторов, английский физик В. Крукс, изложил в статье «Иной мир — иные существа»,

напечатанной в апрельском номере «Бюллетеня Астрономического общества Франции» за 1898 год; статья тут же была опубликована в русском переводе. Здесь В. Крукс, впервые в истории электромагнитной гипотезы телепатии, обосновал возможную частоту колебаний предполагаемого мозгового излучения — порядка 1018 колебаний в секунду! Излучения с такой частотой колебаний, отмечал В. Крукс, «проникают через наиболее плотные среды, не уменьшаясь, так сказать, в своей интенсивности, и проходят их со скоростью света и почти без преломления и отражения».

«Мне кажется, — писал в заключение В. Крукс, — что подобными лучами возможна передача мысли. С некоторыми допущениями мы найдем здесь ключ ко многим тайнам психологии».

Электромагнитная гипотеза неоднократно рассматривалась и в начале текущего столетия как в России, так и за рубежом, став почти общепринятой. Оставалась самая малость: получить прямые или косвенные доказательства ее истинности.

Приход к власти большевиков не прекратил исследования в этом направлении. Наоборот, правительство Ленина, помешанное на идее «мировой революции», было заинтересовано в получении принципиально нового оружия, с помощью которого можно было бы помочь «братьям по классовой борьбе» в других странах. Тем более что кавалерийский наскок М. Н. Тухачевского на Польшу весной 1920-го провалился под стенами Варшавы. А тут такие возможности открываются, такая силища дается в руки!

Поэтому работы были не только не прекращены, но и регулярно финансировались. Так, академику и директору Ленинградского института по изучению мозга и психической деятельности В. М. Бехтереву удалось с 1919 по 1927 год провести целую серию опытов по изучению феномена телепатии. Сюда же примыкает и проведенная в 1919 — 1926 годах инженером Б. Б. Кажинским серия работ по теоретическому и экспериментальному обоснованию электромагнитной гипотезы телепатии.

Еще в те далекие годы Б. Б. Кажинский пришел к мысли, что «уже одна возможность технического осуществления <…> „регистратора мыслей" должна знаменовать собой эпоху». По его мнению, в случае если бы удалось реализовать «регистратор мысли», можно было бы построить прибор, воспроизводящий технически те же колебания, то есть воспроизводящий мысль. Чем не «чемоданчик с кнопкой»?

Любопытно, что именно Бернард Бернардович Кажинский первым оценил огромную опасность, которую может представлять психотронное оружие. Именно он поделился информацией о проводимых опытах с известными писателями-фантастами того времени. Литераторы не заставили ждать и выполнили столь своеобразный социальный заказ. Вот что писал по этому поводу исследователь истории фантастической литературы, критик А. Ф. Бритиков:

"От Орловского (Орловский (Грушвицкий) В. — писатель-фантаст. — А. П.) идет целая серия романов об электромагнитной природе мышления: «Радио-мозг» (1928) С. Беляева, «Властелин мира» (1929) А. Беляева, «Генератор чудес» (1940) Ю. Долгушина, «Защита 240» (1955) А. Меерова.

В первом своем романе «Машина ужаса» (1925) Орловский рассказывал об установке, выплескивающей в эфир волны эпидемии страха. Машина была построена капиталистами с целью захватить власть над миром. Но она же кладет конец капитализму. Анархия, внушенная людям посредством машины ужаса, перерастает в революционный взрыв. Изобретатель машины, американский архимиллионер, побежден русским ученым.

<…> В беляевском «Властелине мира» впервые были опубликованы радиосхемы инженера Б. Кажинского (в романе — Качинский), уподоблявшие человеческий организм приемопередающему радиоустройству. Кажинский полагал, что при помощи соответствующей аппаратуры можно улавливать и внушать мысли и эмоции.

Впоследствии было доказано, что ряд психических процессов и сама «мыслепередача» не зависят от электричества. Это не умаляет заслуги писателей-фантастов. <…> Эта тема способствовала психологическому углублению научно-фантастического романа".

Как видите, исследования Бернарда Кажинского способствовали не только укреплению обороноспособности страны.

Не откажу себе в удовольствии процитировать и любимого мною Александра Беляева. Его герой, инженер Штирнер, проводит опыт по передаче «мыслеприказа» над своим собственным слугой, Гансом, и, когда опыт удается, записывает в дневнике следующее:

"Опыт удался! А что означает он? То, что я могу повелевать и другими людьми. Я могу заставить их делать все, что мне хочется. Я могу! Я все могу! Разве это не всемогущество?

Захочу, и люди принесут мне свое богатство и сложат у моих ног. Захочу, они выберут меня королем, императором. К черту корону! Захочу, и меня полюбит самая красивая женщина…".

В реальности же наиболее удачные опыты по разработке методики психотронной обработки радиотехническими средствами провел Борис Георгиевич Михайловский. О нем известно, что в конце 20-х годов он был научным сотрудником Рентгеновского института Крымского народного комиссариата здравоохранения, членом Всесоюзного общества хирургов и Всесоюзного общества рентгенологов и радиологов, а также членом Крымской научной ассоциации. Во второй половине 30-х годов он был арестован НКВД, где продолжал исследования в подвалах Лубянки.

На середину 30-х годов приходится открытие Б. Г. Михайловского, установившего, что различные комбинации электромагнитных импульсов длительностью от 20 мсек до 1,25 с, повторяющиеся с частотой 20 — 0,4 Гц и модулируемые на несущей радиочастоте в диапазоне средних и коротких волн, оказывают влияние на отдельные зоны мозга, ответственные как за эмоциональный настрой, так и за работу отдельных функциональных органов. Михайловский предложил применять изобретенный им способ для лечения некоторых болезней. Но уже в тот период, который отмечен массовыми репрессиями и расправой с политическими противниками, в системе НКВД начались пытки с использованием высокочастотного излучения в комбинации с наркотиками.

В июне 1993 года в Академии нового мышления был заслушан доклад кандидата технических наук, бывшего узника № 1А-659 «Речлага МГБ СССР» В. Т. Слепухи. Вот что утверждалось в этом докладе:

«Сходное по своей природе явление, ставшее основой для разработки метода психотронной обработки, — это „эффект радиозвука", реакция человеческого организма на импульсы СВЧ-излучения, выражающаяся в появлении слуховых ощущений самых различных тембровых окрасок, на что обратили внимание члены персонала радиолокационной станции, случайно оказавшиеся в зоне действия излучающей антенны. Позже было установлено, что подобную раскачку отдельных участков мозга могут производить и другие излучения, например лазерное, рентгеновское, подаваемые импульсами, обеспечивающими мгновенное ступенчатое изменение излучаемой мощности».

Гипноз и другие методы воздействия на человеческую психику интересовали советские спецслужбы едва ли не с первых дней их существования.

«У истоков разработки методик „пси"-воздействия в нашей стране, — свидетельствует В. Слепуха далее, — стояли дочь Ф. Дзержинского — Маргарита Тельце и „доцент" Д. Луни. Основной упор делался на применение психотропных средств на основе естественных и синтетических наркотиков. Но уже тогда было подмечено, что эффект деформации психики существенно ускоряется, если подопытный находится в высокочастотном поле».

Сам Сталин лично принимал в Кремле известного гипнотизера Вольфа Мессинга.

В связи с этим интересен следующий отрывок из воспоминаний Варлама Шаламова. В своем рассказе «Букинист» он пытается отыскать мучившую его загадку необъяснимого поведения подсудимых на московских процессах. По его мнению, они находились под воздействием гипноза. Он пишет:

"… — Ты знаешь, какая самая большая тайна нашего времени?

— Какая?

— Процессы тридцатых годов. Как их готовили. Я ведь был в Ленинграде тогда. У Заковского. Подготовка процессов — это химия, медицина, фармакология. Подавление воли химическими средствами. Таких средств — сколько хочешь. И неужели ты думаешь, если средства подавления воли есть — их не будут применять? Женевская конвенция, что ли?

Обладать химическими средствами подавления воли и не применять их на следствии, на «внутреннем фронте» — это уж чересчур человечно. Поверить в сей гуманизм в двадцатом веке невозможно. Здесь и только здесь тайна процессов тридцатых годов, открытых процессов, открытых и иностранным корреспондентам, и любому Фейхтвангеру. На этих процессах не было никаких «двойников». Тайна процессов была тайной фармакологии.

Я лежал на коротких неудобных нарах двухспальной системы в опустевшем курсантском бараке, простреливавшемся лучами солнца насквозь, и слушал эти признания.

Опыты были и раньше — например, во вредительских процессах. Рамзинская же комедия только краем касается фармакологии.

Капля по капле сочился рассказ Флеминга (кличка солагерника Шаламова, бывшего работника НКВД. — А. П.) — собственная ли его кровь капала на обнаженную мою память? Что это были за капли — крови, слез или чернил? Не чернил и не слез.

— Были, конечно, случаи, когда медицина бессильна. Или в приготовлении растворов неверный расчет. Или вредительство. Тогда — двойной страховкой. По правилам.

— Где же теперь эти врачи?

— Кто знает? На Луне, вероятно…

Следственный арсенал — это последнее слово науки, последнее слово фармакологии.

Это был не шкаф "А" — Venena — яды и не шкаф "В" — Heroica — «сильно действующие»… Оказывается, латинское слово «герой» на русский язык переводится как «сильно действующий». А где хранились медикаменты капитана Флеминга? В шкафу "П" — в шкафу преступлений — или в шкафу "Ч"— чудес.

Человек, который распоряжался шкафом "П" и шкафом "Ч" высших достижений науки, только на фельдшерских лагерных курсах узнал, что у человека печень — одна, что печень — не парный орган. Узнал про кровообращение — через триста лет после Гарвея.

Тайна пряталась в лабораториях, подземных кабинетах, вонючихровивариях, где звери пахли точно так же, как арестанты грязной магаданской транзитки в тридцать восьмом году. Бутырская тюрьма по сравнению с этой транзиткой блистала чистотой хирургической, пахла операционной, а не виварием.

Все открытия науки и техники проверяются в первую очередь в их военном значении — военном — даже в будущем, в возможности догадки. И только то, что отсеяно генералами, что не нужно войне, отдается на общее пользование.

Медицина и химия, фармакология давно на военном учете. В институтах мозга во всем мире всегда копился опыт эксперимента, наблюдения. Яды Борджиа всегда были оружием практической политики. Двадцатый век принес необычайный расцвет фармакологических, химических средств, управляющих психикой.

Но если можно уничтожить лекарством страх, то тысячу раз возможно сделать обратное — подавить человеческую волю уколами, чистой фармакологией, химией без всякой

«физики» вроде сокрушения ребер и топтания каблуками, зубодроби-тельства и тушения папирос о тело подследственного.

Химики и физики — так назывались эти две школы следствия. Физики — это те, что во главу угла полагали чисто физическое действие — видя в побоях средство обнажения нравственного начала мира. Обнаженная глубина человеческой сути — и какой же подлой и ничтожной оказывалась эта человеческая суть. Битьем можно было не только добиться любых показаний. Под палкой изобретали, открывали новое в науке, писали стихи, романы. Страх побоев, желудочная шкала пайки творили большие дела.

Битье — достаточно веское психологическое оружие, достаточно эффектное.

Много пользы давал и знаменитый повсеместный «конвейер», когда следователи менялись, а арестанту не давали спать. Семнадцать суток без сна — и человек сходит с ума — не из следственных ли кабинетов почерпнуто это научное наблюдение?

Но и химическая школа не сдавалась.

Физики могли обеспечить материалом «особые совещания», всяческие «тройки», но для открытых процессов школа физического действия не годилась. Школа физического действия (так, кажется, у Станиславского) не смогла бы поставить открытый кровавый театральный спектакль, не могла бы подготовить «открытые процессы», которые привели в трепет все человечество. Химикам подготовка таких зрелищ была по силам.

Через двадцать лет после того разговора я вписываю в рассказ строки газетной статьи:

«Применяя некоторые психофармакологические агенты, можно на определенное время полностью устранить, например, чувство страха у человека. При этом, что особенно важно, нисколько не нарушается ясность его сознания…»

Затем вскрылись еще более неожиданные факты. У людей, у которых «Б-фазы» сна подавлялись длительно, в данном случае на протяжении до семнадцати ночей подряд, начинали возникать различные расстройства психического состояния и поведения".

Что это? Обрывки показаний какого-нибудь бывшего начальника управления НКВД на процессе суда над судьями?.. Предсмертное письмо Вышинского или Рюмина? Нет, это абзацы научной статьи действительного члена Академии наук СССР. Но ведь все это — ив сто раз больше! — известно, испытано и применено в тридцатых годах при подготовке «открытых процессов».

Фармакология была не единственным оружием следственного арсенала этих лет. Флеминг назвал фамилию, которая была мне хорошо известна.

Орнальдо!

Еще бы: Орнальдо был известный гипнотизер, много выступавший в двадцатые годы в московских цирках, да и не только московских. Массовый гипноз — специальность Орнальдо. Есть фотографии его знаменитых гастролей. Иллюстрации в книжках по гипнозу. Орнальдо — это псевдоним, конечно. Настоящее имя его Смирнов Н. А. Это — московский врач. Афиши вокруг всей вертушки — тогда афиши расклеивались на круглых тумбах, фотографии. У Свищева-Паоло фотография была тогда в Столешниковом переулке. В витрине висела огромная фотография человеческих глаз и подпись «Глаза Орнальдо». Я помню эти глаза до сих пор, помню то душевное смятение, в которое приходил я, когда слышал или видел цирковые выступления Орнальдо. Гипнотизер выступал до конца двадцатых годов. Есть бакинские фотографии выступлений Орнальдо 1929 года. Потом он перестал выступать.

— С начала тридцатых годов Орнальдо — на секретной работе в НКВД.

Холодок разгаданной тайны пробежал у меня по спине".

А вот что пишет об Орнальдо в своей книге «Петербургские мистики» М. И. Шахнович:

"А. В. Дубровскому удалось получить адреса бывших петербургских гадалок у известного гипнотизера Орнальдо (Н. А. Смирнова), часто гастролировавшего по стране с публичными

сеансами гипноза. В Ленинграде он на эстраде Таврического сада сразу погружал в сон 30 — 50 зрителей.

Мне очень хотелось познакомиться с Орнальдо, но Дубровский отклонял мою просьбу об этом, а однажды резко сказал, что искать встречи с Орнальдо не следует, а если он сам пожелает ее, то это сулит большие неприятности".

Кстати, уже не является секретом, что дочь знаменитого гипнотизера была женой Абакумова, долгие годы возглавлявшего Министерство государственной безопасности. Существует ли тут какая-нибудь связь — вопрос чисто риторический.

В то же время Наркомат обороны проводил свою серию исследований. Их принято связывать с именем Л. Л. Васильева, с 1932 года возглавившего группу в Ленинградском институте мозга, которой до этого руководил академик В. М. Бехтерев. Теперь уже вполне открытым текстом группе было приказано «начать экспериментальное исследование телепатии с целью, по возможности, выяснить ее физическую природу». Исследования велись в течение почти пяти с половиной лет — с 1932 по 1937 год включительно.

О деятельности группы Леонида Васильева рассказывает журналист Т. Геннадьев в своей статье «Охота за летящими мыслями»:

"Телепатические эксперименты с людьми в Институте мозга начались еще до прихода туда Васильева. Правда, пока робкие, так сказать, «прикидочные». Бехтерев сам проводил сеансы мысленного внушения с девушкой, отличавшейся чрезвычайной чувствительностью. Она легко угадывала задуманный Бехтеревым предмет из десяти, разложенных на столе.

Предметы были самые обычные — зубная щетка, электрическая лампочка, ключ и так далее. Владимир Михайлович (Бехтерев. — А. П.) садился за непрозрачной ширмой. Ему подавали шляпу со свернутыми бумажками, на которых были написаны названия загадываемых предметов. Бехтерев наугад брал одну из записочек и разворачивал ее. Прочитав надпись, начинал мысленное внушение. И почти каждый раз девушка выбирала на столе именно тот предмет, который ей передавался.

Об этих опытах Васильев знал, они его восхищали, но ему хотелось большей научной точности и убедительности. В журнале «Вестник знания» он напечатал тогда статью «Биологические лучи». О возможности телепатических явлений автор писал: «Отвергать такую возможность — значит идти против физического понимания жизни».

Но что же может быть носителем информации, передаваемой от мозга к мозгу? Быть может, радиоволны, электромагнитные излучения?

В 1923 году итальянский профессор Кацамалли начал опыты, целью которых как раз и было обнаружение вокруг головы человека электромагнитных волн. Испытуемый помещался в испытательную металлическую камеру, стенки которой не пропускали радиоизлучения. В камере же находился чувствительный радиоприемник, готовый принимать радиоволны от мозга испытуемого человека. Кацамалли утверждал, что ему удалось обнаружить мозговые радиоизлучения, когда человек напряженно думал. Естественно, возникло желание повторить опыты итальянского профессора. Одними из первых за такую проверку взялись ученые из Института мозга в Петрограде.

Эта кропотливая работа началась при Бехтереве, но в декабре 1927 года великий ученый умер, и опытами начал руководить Васильев. «Под куполом Института мозга, — вспоминал он, — было выделено уединенное помещение для специальной лаборатории, оборудованной необходимой физической и физиологической аппаратурой».

Группа Васильева состояла всего из четырех-пяти научных сотрудников — физиологов, врача-гипнолога да инженера-физика. За рабочую гипотезу решили принять электромагнитную теорию «мозгового радио». Были изготовлены металлические камеры. Испытуемых сначала помещали в эти камеры, потом опыты проводились вне камер. Увы, разницы не было никакой! Явление телепатии проявлялось одинаково в камере и вне ее!

Выходило, что железные стенки камер не являлись препятствием для телепатического излучения? Что же, значит, это не радиоволны, и опыты Кацамалли были ошибочными?

В роли индуктора, то есть человека, посылавшего мысленные задания, нередко выступал сам Леонид Леонидович. Он был отличным индуктором. Прошли даже два успешных опыта из… Севастополя, на расстоянии 1 700 км!

В 1938 году опыты по телепатии были запрещены. Новый директор института ине допускал возможности существования телепатии". А вскоре началась война".

Война с Германией действительно поставила крест на разработках в области психотроники. В ход было пущено совсем другое оружие: танки, самолеты, атомная бомба. И лишь после разгрома нацистов и уже после смерти Сталина о психотронном оружии заговорили вновь. И теперь инициатором этого разговора стал Леонид Васильев.

Холодный мир: Советский Союз как империя психотронного зла

В марте 1958 года в Институте биофизики АН СССР состоялось обсуждение вопросов о биологическом воздействии сверхвысокочастотных электромагнитных колебаний (СВЧ) и о целесообразности возобновления работ по исследованию телепатии. Решения о возобновлении работ по данной проблеме на академическом уровне в результате этого обсуждения принято не было, однако присутствовавший на совещании инженер-полковник, кандидат технических наук И. А. Полетаев сразу же после его окончания подает рапорт вышестоящему начальству. В своем рапорте он подчеркивает важность использования феномена телепатии в вооруженных силах Советского Союза. Рапорт подполковника И. А. Полетаева дошел сначала до Политуправления Вооруженных Сил, а затем и непосредственно до министра обороны СССР маршала Р. Я. Малиновского.

Уже в сентябре 1958 года по приказу Р. Я. Малиновского начальник Главного военно-медицинского управления провел несколько закрытых совещаний с участием профессоров Л. Л. Васильева и П. И. Гуляева. На совещаниях обсуждалась возможность возобновления работ по исследованию феномена телепатии в военном и военно-медицинском аспектах. Однако по ряду причин начало работ откладывалось — положительное решение не было подкреплено соответствующими мероприятиями и, следовательно, не реализовалось.

Независимо от этого в конце 1958 года профессор Б. Р. Ла-заренко (впоследствии — академик Молдавской Академии наук) предложил врачу-психиатру Д. Г. Мирзе, последователю С. Я. Тур-лыгина, возглавить лабораторию, открытую последним в 1955 году и вскоре закрытую в связи с кончиной С. Я. Турлыгина. Дмитрий Георгиевич с радостью принял это предложение.

Как отмечают исследователи, главным стимулом к возобновлению работ в СССР по исследованию феномена телепатии и созданию на его основе психотронного оружия послужила информация об аналогичных исследованиях, проводимых на Западе. В качестве примера можно привести рапорт Игоря Андреевича Поливанова, направленный 26 марта 1960 года министру обороны СССР Маршалу Советского Союза Р. Я. Малиновскому. Текст рапорта подполковника гласил:

"Товарищ Маршал Советского Союза!

В марте 1960 года профессор Л. Л. Васильев (заведующий кафедрой физиологии Ленинградского государственного университета) сообщил о том, что в американских

вооруженных силах принята на вооружение телепатия (передача мыслей на расстояние без помощи технических средств) в качестве средства связи с подводными лодками, находящимися в плавании. В двух французских журналах опубликованы статьи с кратким упоминанием этого факта (переводы статей я прилагаю). Научные исследования телепатии ведутся давно, но начиная с конца 1957 года в работу включились крупные исследовательские организации США: «Ренд корпорейшен», «Вестингауз», «Белл телефон компани» и другие. Работы проводились интенсивно и успешно. В итоге работ был проведен эксперимент передачи информации с помощью телепатической связи с базы на подводную лодку «Наутилус», находившуюся в погруженном состоянии под полярными льдами на расстоянии до 2000 километров от базы. Опыт прошел успешно.

Передача велась в пятизначном алфавите (карты Зенера) и дала 70 % безошибочных знаков. Учитывая, что сегодня могут быть разработаны на основании теории информации самокорректирующиеся коды, которые позволяют исправлять ошибки в канале связи, — результат эксперимента (если о нем сообщают правду) дает уверенность в возможности использования телепатии для установления эффективной связи, в частности — военной.

Следует отметить также, что в условиях эксперимента с «Наутилусом» никакой другой вид связи не мог быть использован. В частности — радиосвязь была невозможна, ибо лодка находилась в погруженном состоянии.

Не вдаваясь в обсуждение вопроса о степени достоверности упомянутых сообщений, следует признать, что опасность в случае использования против СССР нового, неизвестного нам психологического оружия слишком велика, чтобы оставить эти сообщения без внимания.

Считаю своим долгом срочно доложить непосредственно Вам о вышеизложенном".

Далее в рапорте кратко излагалась история ведения телепатических исследований в Советском Союзе. Рапорт И. А. Полетаева заканчивался следующими строками: «В настоящее время основные советские специалисты по телепатии — П. И. Гуляев и Л. Л. Васильев (показавший 25 лет тому назад возможность телепатической связи в условиях экранирования радиоволн) могут и готовы, по их заявлению, продолжить работы по исследованию телепатии».

Информация о подобных исследованиях с целью создания телепатического или психотронного оружия поступала в Советский Союз как из открытых источников (западной прессы), так и из закрытых источников, предоставляемых высшим советским военным и политическим кругам всеведущим Комитетом государственной безопасности страны. Однако даже если рассматривать одни сообщения западных средств массовой информации, то не следует думать, что их не могли направлять и использовать в своих интересах советские чекисты. Рассмотрим упоминавшийся выше случай с «Наутилусом», оказавшим, по мнению авторитетных исследователей, весьма мощное воздействие на начало разработки проектов по созданию психотронного оружия в Советском Союзе.

Американский ученый У. Броуд в своей статье «Говорят, что Пентагон сосредоточивается на военном использовании ЭСП», опубликованной 10 января 1984 года в газете «Нью-Йорк тайме», отмечает, что Советский Союз был подстегнут к действиям в 1960 году сообщениями о телепатическом эксперименте на «Наутилусе». Эти сообщения вызвали целый шквал ответных советских проектов. В отчете Разведывательного управления Министерства обороны США за 1972 год утверждалось, что главный стимул в гонке по использованию телепатической связи, телекинеза и бионики исходит от военных и КГБ.

Самое же интересное состояло в том, что и по сей день никто не может однозначно ответить, проводился ли телепатический эксперимент на американской подводной лодке или нет. Американские официальные лица категорически опровергли опубликованную в французской прессе информацию, но в силу их явной заинтересованности подобными заявлениями можно пренебречь. Через три года независимое расследование этого случая

провел чикагский журнал «Зис Уик». Его журналисты взяли интервью у первого капитана «Наутилуса» Р. Андерсона, который им заявил: «Хотя „Наутилус“ вел активную работу в самых различных областях, опытов по телепатии совершенно определенно не было. Статья Повеля и Бержье целиком ложная. 25 июля 1960 года, в день, когда, по утверждению ее авторов, „Наутилус“ вышел в море, лодка находилась в сухом доке в Портсмуте, в связи с предстоящим капитальным ремонтом».

В 1985 году примерно к такому же выводу пришли исследователи Р. Тарг и К. Харари: «За многие годы нашей интенсивной работы в области пси-исследований как внутри, так и вне правительства США мы не смогли найти никакого доказательства реальности событий, стоящих за этой историей».

В связи с этим неизбежно встают вопросы: кто стоял за всей этой дезинформацией и кому она была выгодна? Какие цели преследовал этот неизвестный? Один из наиболее вероятных ответов на эти вопросы дал в 1983 году Мартин Эбон в своей книге «Парапсихологическая война: угроза или иллюзия?» По его мнению, за всей этой историей с «Наутилусом» стоял Комитет государственной безопасности СССР, выпустивший эту утку из Франции, с тем чтобы мнимая объективность информации создала наиболее убедительную причину для начала советских работ в этой области.

Если это так, то советских разведчиков, проведших блестящую операцию по дезинформации, можно понять. Будучи менее идеологически зашорены, по сравнению с военным и политическим руководством, они, из чисто прагматических соображений, стремились к обладанию новым чудо-оружием. Однако на пути к нему помимо теоретических и технических сложностей стояло главное препятствие — идеологическое. Все, что было связано с телепатией или парапсихологией, долгое время и однозначно подпадало под определение буржуазного «идеализма», несовместимого с духом марксистско-ленинской науки. В силу этого не было не то что подготовленных кадров для работы в этой области, а мало-мальски сносных условий для масштабной работы. Более того, на отдельных любителей и энтузиастов этого дела периодически устраивались настоящие гонения. Занимавшийся этой проблемой профессор В. А. Чудинов отмечал: «Предубеждение против парапсихологии разделяли и военные, воспитанные в том же духе диалектического материализма. Предполагать, что советские военные по собственному почину стали бы проводить парапсихологические исследования — значит очень льстить их свободомыслию. Единственное, что могло подтолкнуть их к развертыванию соответствующих исследований — это информация об успешных разработках за рубежом».

Таким образом, чтобы добиться развития исследований в интересующем их направлении и сломить догматическую косность политической и военной элиты Советского Союза, сотрудники КГБ проводят мастерскую операцию по дезинформации, но не противника, а своего собственного руководства. Необычная и чрезвычайно рискованная операция увенчалась полным успехом.

Объективности ради необходимо отметить, что к точно такому же приему постоянно прибегали и их американские коллеги. Всякий раз, когда надо было выбить из правительства деньги на исследования в той или иной военной области, американские военные и разведчики поднимали страшную шумиху о чудовищном военном превосходстве и катастрофическом отставании Соединенных Штатов от Советского Союза именно в этой области. Так, например, в свое время «Мэнкайнд рисеч», специализирующаяся на секретных военных исследованиях и получающая большую часть средств на их проведение от Военно-морских сил США и Центрального разведывательного управления, подготовила специальный доклад, где среди прочего утверждалось: «СССР имеет более двадцати центров для исследования проблем биокоммуникации (советское название парапсихологии) и родственных явлений с выделением более 12 миллионов рублей (13 миллионов долларов) в 1967 году и свыше 21 миллиона в 1970 году <…>. Эти цифры не эквивалентны затратам на

подобные исследования в США, где на такого же рода работы затрачиваются лишь незначительные суммы».

В самой Америке систематическая государственная поддержка парапсихологическим исследованиям стала оказываться примерно с начала 50-х годов и была обусловлена как очередным обострением «холодной войны» в условиях утраты монополии на атомное оружие, так и непосредственным столкновением с психологическими феноменами во время Корейской войны. Однако финансирование парапсихологии знало на Западе взлеты и спады. Например, с середины 70-х и до конца 80-х финансирование парапсихологических центров урезалось, что привело к закрытию некоторых из них. Сокращение финансирования было обусловлено как отсутствием значительных результатов, так и оппозицией значительной части ученых. К примеру, известный американский физик Мартин Гарднер весьма образно охарактеризовал работы по созданию психотронного оружия, назвав их «черной дырой», в которую плохие исследования навсегда засасывают хорошие деньги.

Естественно, чем меньше денег выделялось на военные парапсихологические исследования в США, тем активнее становилась кампания о советском превосходстве в этой области и о том, что неуместный скептицизм в отношении военного потенциала пси-технологии может привести к национальной катастрофе. В 1980 году «Журнал парапсихологии» утверждал, что ежегодный суммарный бюджет 13 ведущих центров парапсихологических исследований в Соединенных Штатах в период с 1973 по 1978 год составлял всего 552 тысячи долларов. Правда, по данным, опубликованным 5 февраля 1981 года в газете «Вашингтон пост», Пентагон вкладывает в пси-исследования ежегодно около 6 миллионов долларов. Согласно официальному отчету Исследовательской службы Конгресса США, «пси-исследования США довольствуются жалкими 500 тысячами долларов в год — почти все из правительственных источников. Напротив, эти исследования более чем процветают в Советском Союзе, где предположительно на эти работы тратятся десятки миллионов долларов». В ноябре 1984 года журнал «Нью сайнтист» писал, что ежегодным затратам США на пси-исследования в размере полумиллиона долларов в год противостоят 20 миллионов, затрачиваемых Советским Союзом. Другие эксперты оценивали ежегодные затраты СССР на эти цели в 50 — 500 миллионов долларов.

Не отставали от них и американские военные с разведчиками. Для президента Д. Форда Разведывательное управление Министерства обороны США подготовило два отчета о парапсихологическом потенциале СССР и Чехословакии, датированных июлем 1972-го и сентябрем 1975 года. В обоих отчетах утверждалось, что советские исследования в области парапсихологии могут стать серьезной угрозой безопасности Запада: «Достижения „красных“ в этой области настолько поразительны, что если Соединенные Штаты не предпримут серьезных шагов в этом направлении, то через десять лет это может быть уже поздно».

Подчеркивалось, что «взрыв» советских парапсихологичес-ких исследований может позволить русским узнавать содержание сверхсекретных американских документов, передвижение войск и кораблей США, местоположение и характер военных объектов, вызывать мгновенную смерть любого лица на расстоянии, дистантно выводить из строя американское оборудование любого типа, в том числе — космические летательные аппараты. Заканчивался отчет следующим выводом: «Единственный путь узнать больше об этих малопонятных паранормальных процессах — это интенсивные исследования и эксперименты. Ставки выглядят достаточно высокими».

Еще одно основание для беспокойства по этому поводу дало американцам следующее наблюдение. Изданная в 1974 году Большая Советская Энциклопедия в статье «Парапсихология» решительно выступила против гипотезы о существовании паранормальных явлений. Зная, что Советский Союз проводил исследования в этой области, американцы встревожились: «В то время как упрятывание „биокоммуникаций“ в недрах советской централизованной системы научных исследований может отражать советскую концепцию,

что ЭСП слишком близко касается религии, закрытие публичного доступа к исследованиям ЭСП может быть аналогичным тому, что случилось в Соединенных Штатах и в Великобритании в период Второй мировой войны, после того как начались работы над атомной бомбой».

Встревожился и новый американский президент Д. Картер, занявший этот пост в 1977 году и почти сразу приказавший ЦРУ провести тщательный анализ советских усилий в этой области. К 30 марта 1978 года отчет под названием «Варшавский пакт — научно-исследовательские работы в области парафизики (несекретно)» был готов. Согласно данному отчету, никакой реальной парапсихологической угрозы для США со стороны СССР и других стран Варшавского пакта не было. Тем не менее все, что имело отношение к этой области исследований в СССР, оставалось и далее предметом особого интереса спецслужб Соединенных Штатов Америки.

Так, в 1980 году, анализируя добытый материал, подполковник Д. Б. Александер пишет статью «Новое парапсихологическое поле боя», опубликованную в декабрьском номере специализированного журнала армии США «Военное обозрение». В ней он отмечает: "Как правило, считают, что СССР и его союзники в парапсихологических исследованиях идут далеко впереди. <…> Более того, в СССР разработаны методы, позволяющие контролировать и активно использовать на практике знания в области парапсихологии. В Советском Союзе научно подтверждена «передача энергии от одного организма к другому и связанная с этим способность ряда людей дистанционно лечить или же, наоборот, вызывать внезапное заболевание и даже убивать на расстоянии. Такая способность пока продемонстрирована на низших организмах, мухах и лягушках; возможность вызывать смерть человека продолжает обсуждаться».

Д. Б. Александер пришел к выводу, что «СССР и его союзники уже в течение многих лет работают над созданием психотронного оружия. Их убежденность в том, что психотрони-ка имеет военное значение, несомненна. Они продолжают финансировать работы по этой программе, которые ведутся в научно-исследовательских центрах, таких, как новосибирский. Если бы эта область исследований не была перспективной, вряд ли она нашла бы в этих странах финансовое и научное обеспечение. Другой показатель — степень секретности советских парапсихологических исследований. <…> Все это вызывает большую озабоченность по поводу возможного „психического вторжения‟ и обусловливает необходимость начать работы по принятию контрмер, например по конструированию детекторов биоэнергии».

Уже в 1988 году газета «Вашингтон пост», ссылаясь на доклад Разведывательного управления Министерства обороны США, писала: «Вооруженные силы и разведывательные организации беспокоятся, что русские, возможно, идут впереди в развитии экстрасенсорных способностей. Это беспокойство подогревается сообщениями об обширных исследованиях в области парапсихологии, поступающими от советских перебежчиков. Согласно этим сообщениям, русским удается оказывать влияние на поведение других людей, изменять их эмоции и состояние здоровья, заставлять людей терять сознание и даже <…> убивать их при помощи телепатии», «некоторые западные исследователи экстрасенсорных явлений обеспокоены <…> пагубными последствиями методов подсознательного восприятия, направленных против находящихся в ракетных шахтах военнослужащих США и их союзников».

Эти и многие другие публикации добились своей цели. Согласно признаниям самих американцев, их военные занимались парапсихологическими исследованиями из-за опасений в связи с возможными достижениями Советского Союза в этой области. Данные достижения, по мнению аналитиков, могут означать, что в один прекрасный момент американские вооруженные силы могут быть «тихо» выведены из строя. Специалисты даже спрогнозировали примерный сценарий внезапного нападения с использованием

психотронного оружия — от парапсихологического воздействия на цели до посылки сообщений ниже порога их обнаружения и противодействия со стороны потенциального противника.

«Парапсихологическое оружие может сделать устаревшим любое другое», — так сформулировал распространенное мнение части американской военно-политической элиты конгрессмен Чарльз Роуз, демократ из Северной Каролины, член палаты представителей Конгресса Соединенных Штатов Америки, входивший в комиссию этой палаты по делам разведки. Аналогичные же опасения питали и советские военные по другую сторону «железного занавеса». Получался замкнутый круг…

Любой сталкивавшийся с этой проблемой ответственный руководитель, будь то в Советском Союзе или в Соединенных Штатах, немедленно оказывался перед мучительной дилеммой. Если за сверхсекретными разработками психотронного оружия противоборствующей стороны действительно что-то стоит, то тогда необходимо немедленно наверстывать упущенное, бросая на эти проекты огромные материальные и интеллектуальные ресурсы. При этом необходимо было отдавать себе отчет в том, что у подобных проектов, выглядящих на первый взгляд абсолютно безумными и фантастическими, неизбежно было слишком много врагов в политических, военных, научных и финансовых сферах, которые не замедлят воспользоваться любой ошибкой инициатора разработки психотронного оружия, и первый же прокол может стоить руководителю его собственной будущей карьеры. Для любого крупного политического деятеля это был колоссальный риск. С другой стороны, это запросто могло оказаться тщательно разработанной дезинформацией, следующей стратегии учреждения ведущих в тупик теневых программ, предназначенных для отвлечения внимания и ресурсов противника. Американцы отдавали себе отчет и в возможности подобного варианта: «Если окажется, что советские исследования в этой области — мистификация, то отвлечение людских и денежных ресурсов на исследование ЭСП может привести к игнорированию других разработок, а также к бесполезной трате усилий».

Все это умножалось на совершенно фантастические преимущества, которые могло дать монопольное обладание психотронным оружием. Лучше всех эту головоломную проблему, вставшую перед принимающими решения по этому поводу ответственными руководителями, сформулировал в своей статье американский исследователь Р. А. Бьюмонт: «Любая солидная программа, учрежденная в этой области, встретится с рискованными парадоксами. Если будет затрачено слишком много средств, а исходом будет тупик, то политические результаты окажутся смертельными. Но если потенциальные возможности будут проигнорированы, а противник добьется успеха в овладении ЭСП, то результаты будут гораздо хуже».

В результате так до сих пор и остается неясным: либо СССР и США только играли друг с другом, либо действительно в области психотронного оружия есть нечто реально разработанное. В свете этого нельзя исключать и того, что вся шумиха с психотронным оружием есть не что иное, как филигранная игра КГБ, призванная ввести в заблуждение американцев.

Выше мы проследили, как оценивали советский парапсихо-логический потенциал американские разведывательные службы. Теперь попробуем проследить (если в этой области вообще допустимо говорить хотя бы о более или менее объективной оценке) то, что было действительно сделано в Советском Союзе в направлении разработки психотронного оружия.

Достоверно известно весьма немногое. Тем не менее можно совершенно определенно сказать, что 31 января 1974 года Государственный комитет СССР по делам изобретений и открытий зарегистрировал «Способ вызывания искусственного сна на расстоянии с помощью радиоволн». Этот уникальный прибор был изобретен двумя учеными: Иваном Сергеевичем Качалиным, уже умершим, и сотрудником одного из институтов Академии наук СССР — Иваном Антоновичем, предпочитающим в интересах собственной безопасности не разглашать свою фамилию.

Практическую помощь и содействие в оформлении открытия оказывал генерал-полковник авиации Владимир Никитович Абрамов. Курировал сверхсекретные работы дважды Герой Советского Союза маршал авиации Евгений Яковлевич Савицкий. В одной из справок, относящихся к этому изобретению, говорится, что «в лаборатории биоэлектроники ИРЭ АН СССР заслушан доклад авторов изобретения „Воздействие на биологические объекты модулированными электрическими и электромагнитными импульсами“. <…> В 1973 году в войсковой части 71592 города Новосибирска была создана первая установка „Радиосон“ и проведена предварительная апробация. Положительные результаты отражены в акте испытаний войсковой части…» Справка заверена печатью Института радиоэлектроники АН СССР.

В блок-схеме установки «Радиосон», в частности, есть и генератор сверхвысокочастотных электромагнитных колебаний. Аппарат был неоднократно испытан на военных-добровольцах. Расчеты, сделанные в 1974 году, показали, что генератором «Радиосон» можно эффективно «обработать» город площадью около ста квадратных километров, жители которого будут погружены в глубокий сон. В беседе с корреспондентом один из изобретателей заявил: «При нынешнем развитии техники такой излучатель можно поместить на космический спутник и обрабатывать куда большие пространства. Причем воздействие может быть самым разнообразным — от искусственного сна до полного перерождения клеток человеческого организма».

Дальнейшая история установки была весьма странной. Несмотря на успешные испытания, Комитет по делам изобретений и открытий под совершенно неубедительным предлогом отложил рассмотрение заявки, зарегистрированной еще в 1974 году. Изобретатели несколько раз выступали с докладами о своем открытии в различных институтах, в том числе и в Институте радиоэлектроники АН СССР в 1982 году. Благодаря Е. Я. Савицкому удалось встретиться со специалистами одного из военных НИИ — но дальше простого любопытства дело почему-то не пошло.

Изобретатели понимали, что создали устройство, которое можно применять в качестве оружия принципиально нового вида. Однако понимали и то, что научно-технический прогресс необратим. «Не мы, так другие сделали бы это открытие, — делился с корреспондентом своими мыслями один из изобретателей. — Тем более что за рубежом активно велись исследования в том же направлении. Тут проблема в другом — кто и как будет использовать это знание. Ведь один и тот же скальпель в руках хирурга — благо, в руках бандита — зло. А наша установка и ее модификация могли бы лечить людей, передавать информацию прямо в мозг, то есть сделать всех телепатами. Но мы всегда говорили: чтобы все это не было обращено во зло, необходимо открытое международное сотрудничество ученых в этой области знаний, а также нужен закон, запрещающий применение результатов таких исследований во вред людям».

Надо отдать должное изобретателям — они предвидели и предупреждали о возможных страшных последствиях использования их открытия во вред людям. И. С. Качалин подчеркивал: «Угроза контроля над психической деятельностью человека с помощью радиоволн — это страшнее, чем разрушающая энергия атомного ядра».

Иван Антонович, его соизобретатель, утверждал почти то же самое: «Как специалист, скажу, что такое облучение, и не только радиоволнами, можно вести на „уровне шума“, когда его невозможно зафиксировать приборами. А результаты, в зависимости от информационного содержания импульсов, могут быть самыми ужасными».

Однако разработка психотронного оружия в СССР не ограничивалась работой над генератором «Радиосон» — независимо от нее работы над чудо-оружием велись под патронажем КГБ и в некоторых других засекреченных точках бывшего Советского Союза. В августе 1991 года профессор Виктор Александрович Седлецкий, руководитель и главный конструктор центра «Форма» Ассоциации технологов-машиностроителей СССР,

международного консорциума «Экопром» и одновременно по совместительству вице-президент Лиги независимых ученых СССР, выступил с сенсационным заявлением:

«Как специалист и юридическое лицо я утверждаю: в Киеве серийно (что принципиально важно) начато производство психотронных генераторов и их испытание. Я не могу утверждать, что именно киевские генераторы использовались во время путча. Для подобного заявления нужно знать их технические характеристики. Однако сам факт их применения для меня очевиден. <…> О своих соображениях по данному поводу (психотронные биогенераторы — реальность, и возможно их злонамеренное применение) я официально извещал месяц назад государственного министра УССР по вопросам обороны, национальной безопасности и чрезвычайных ситуаций Е. К. Мар-чука. Однако ответа не получил. Почему подвела система в дни государственного переворота? Путчисты, не имея опыта, не знали, что для заданной реакции нельзя допускать слияния „обработанных" солдат с народом на улице».

Впоследствии В. А. Седлецкий сообщил, что в Киеве ведутся работы по дальнейшему развитию и усовершенствованию психотронных генераторов, назвав даже конкретный адрес — Институт проблем материаловедения АН Украины. Проверка, однако, так и не смогла подтвердить проведения работ по созданию психотронного оружия в данном институте.

Большой интерес представляют и выступления в прессе члена-корреспондента Академии наук СССР, заместителя директора Ленинградского государственного оптического института им. С. И. Вавилова Е. Б. Александрова. Были они опубликованы в 1991 году в первом номере авторитетного журнала «Наука и жизнь» и девятом — десятом номерах еженедельника «Поиск». В своих выступлениях академик протестует против того, что «богатые и могущественные ведомства», а именно КГБ, одно из оборонных министерств, «отделы Министерства обороны» и «государственное ведомство по борьбе со шпионажем», тратят огромные средства на поддержку заведомо бессмысленных исследований в области некой «лженауки». Что же, по мнению Е. Б. Александрова, относится к области этой «лженауки»? По его мнению, это парапсихология, биоэнергетика, астрология и ряд других вздорных псевдонаук. По сведениям, которыми располагал академик, все эти «лженауки» исследуют телепатическую связь, внечувственную передачу информации, биополе, телекинез и тому подобные штучки. Для своих вздорных исследований компетентные ведомства привлекают к сотрудничеству экстрасенсов, лозоходцев и всяких прочих шарлатанов.

Можно разделять или не разделять негодование уважаемого академика против «злокачественных форм лженауки», но прислушаться к сообщаемой им информации стоит. Согласно его утверждениям, разные «особые ведомства» на протяжении десятков лет подпитывали «чертову лженауку» и истинные масштабы этой «подпитки» стали известны ему совсем недавно, о чем академик и поспешил известить общественность. В настоящий момент (то есть в 1991 году) продолжается то же самое: «Речь идет о закрытой масштабной программе, проводимой в интересах различных „компетентных" органов. <…> Будучи осведомлен о суммах, — пишет Е. Б. Александров в редакцию еженедельника „Поиск", — считаю своим долгом сделать все для пресечения этого безобразия». Называет член-корреспондент Академии наук СССР и конкретную цифру — 500 миллионов рублей, выделяемых на исследования в области той самой проклятой «лженауки».

Словам академика в том, что касалось фактической их стороны, достаточно быстро нашлось подтверждение. Речь идет о статье О. Волкова «Психическое оружие не найдено. Но 500 миллионов истрачены», опубликованной в «Комсомольской правде» 27 сентября того же 1991 года. По сведениям О. Волкова, в Советском Союзе имеется несколько научных групп, способных создать психотронный генератор для управления психикой и поведением человека на расстоянии. Более того — журналисту удалось найти документ с очень интересным названием: «О порочной практике финансирования псевдонаучных исследований из государственных источников». По своему статусу — это постановление Комитета Верховного

Совета СССР по науке и технологиям, датированное 4 июля 1991 года. Согласно информации, которую удалось раскопать корреспонденту, данное постановление было принято, как говорится, с подачи Отделения общей физики и астрономии Академии наук СССР. В данном постановлении утверждалось, что несколько общесоюзных министерств без должной научной экспертизы затратили полмиллиарда рублей на «лже— и антинаучные разработки» по спинорным (торсионным) и иным, не менее экзотическим полям. Предполагалось, что с помощью генераторов этих полей (психотронных генераторов) можно создать оружие нового поколения, позволяющее на расстоянии управлять поведением человека.

В качестве заказчиков и финансистов этих работ в постановлении Комитета Верховного Совета СССР по науке и технологиям фигурируют, по словам О. Волкова, Министерство обороны Советского Союза, Минатомэнергопром СССР, Комитет государственной безопасности СССР и Военно-промышленная комиссия Кабинета министров СССР. В постановлении был приведен и список из более чем двух десятков разработчиков и исполнителей. Первым в этом списке фигурировал уже упоминавшийся выше Киевский институт проблем материаловедения Академии наук Украины.

В ходе своего журналистского расследования О. Волков обращался за разъяснениями в КГБ и Министерство обороны СССР, но ответа, разумеется, не получил. Все официальные структуры предпочитали отмалчиваться или отправлять назойливых корреспондентов куда подальше.

Между тем редакция «Комсомольской правды», по словам ее журналиста, располагала сведениями, что еще в 1986 году один из научно-исследовательских институтов сообщил в Секцию прикладных проблем о готовности выполнить за счет средств государственного бюджета важную научно-исследовательскую работу под кодовым названием «Обезличивание». В чем состояла суть предлагавшихся к проведению работ, газетчикам узнать так и не удалось. В интересующем нас постановлении Комитета Верховного Совета СССР по науке и технологиям ответственным за разработки в области нетрадиционных физических полей был назван Межотраслевой научно-технический центр «Вент», ранее называвшийся Центром нетрадиционных технологий Государственного комитета СССР по науке и технике. О. Волков привел содержавшиеся в постановлении данные по финансированию этих «нетрадиционных» работ:

«…только по линии Минобороны СССР стоимость проектов составила 23 миллиона рублей. <…> общие ассигнования по совокупности различных каналов, в том числе через Военно-промышленную комиссию при Кабинете министров СССР и КГБ СССР, составляют до 500 миллионов рублей (эти данные относятся к непроверенным)».

С помощью Е. Б. Александрова корреспонденту О. Волкову удалось даже ознакомиться с одним из отчетов вышеупомянутого центра. В разделе «Основные направления исследований» открытым текстом было сказано: дистанционное медико-биологическое и психофизическое воздействие на войска и население торсионными излучениями и защита войск и гражданского населения от подобного рода воздействий.

Необходимо, правда, отметить позицию академика Е. Б. Александрова, являющегося в этом случае выразителем официального мнения Отделения общей физики и астрономии Академии наук СССР. С его точки зрения, подобная аппаратура в принципе не могла быть создана, а сами работы над психотронным оружием и тому подобными штучками следует рассматривать «как рецидив организованной лженауки, имеющей признаки крупной аферы».

По однозначному утверждению Е. Б. Александрова, здесь «имеются и признаки организованного мошенничества: государственными предприятиями изготавливаются и продаются за большие деньги оборонным ведомствам муляжные „генераторы“ несуществующих полей». К тому же, замечает академик, «реклама этих генераторов ведется по принципу „чего изволите“. Представителям КГБ и ГРУ сообщается, что излучение этих

генераторов не слабеет с расстоянием и может быть направлено на заданного человека — для этого надо иметь лишь его фотографию! С помощью лучей можно передать информацию, а можно и убить. А людей из промышленности заверяют в техническом могуществе этих лучей при полной безвредности и быстром ослаблении с расстоянием».

Разумеется, немедленно встает вопрос: прав или не прав академик, существует психотронное оружие или нет? Понятно, что Е. Б. Александров выражает мнение, как минимум, части отечественной официальной науки, у которой в этом до крайности запутанном деле свой собственный интерес — это и вопрос престижа, да и вопрос финансов, поскольку деньги на разработку «лженаучных теорий» можно добыть только одним способом — урезав финансирование официальной науки. Заинтересованность официальной науки в этом вопросе понятна, равно как и сохранившаяся с прежних времен привычка душить любые отклоняющиеся от старых проверенных догм мнения с помощью испытанных административных средств. Столь явная заинтересованность неизбежно снижает доверие к объективности высказанных оценок, однако целый ряд специалистов и наблюдателей, не имеющих в этом деле ровным счетом никакого интереса, приходят к схожим выводам.

Так, например, В. А. Чудинов, проведя свой собственный анализ интересующей нас проблемы, утверждает: «В целом же можно с большой степенью уверенности утверждать, что какие бы то ни было подозрения о наличии в СССР психотронного оружия представляются малообоснованными».

С другой стороны, в списке занимающихся проблемой торсионных полей значатся очень солидные институты и фирмы, в которых работают тоже достаточно крупные ученые, некоторые из которых обладают и академическим званием. Более чем сомнительно и то, что столь многоопытное ведомство, как КГБ, позволяло водить себя за нос каким-то шарлатанам от науки не один десяток лет, не получая хоть какого-то зримого и ощутимого результата. Дело, правда, осложняется тем, что ни разведчики, ни тем более военные не являются специалистами в сфере новейших и сложнейших как в теоретическом, так и в практическом плане физических разработок, но обманывать себя до бесконечности они также не дали. С третьей стороны, все эти утечки информации, опровержения и разоблачения вполне могли быть делом рук самого Комитета государственной безопасности СССР, стремившегося создать видимость активных работ по разработке психотронного оружия, дезинформировать Запад и направить его тем самым по неверному пути.

Названную выше «непроверенную» цифру затрат в полмиллиарда рублей предполагалось уточнить. В указанном постановлении Комитета Верховного Совета СССР по науке и технологиям было записано: "Предложить Государственной комиссии по военно-промышленным вопросам при Кабинете министров СССР, Минобороны СССР, ГКНТ СССР, Миноборонпрому

СССР, Минатомэнергопрому СССР… представить в комитет данные о масштабах и источниках финансирования работ по «спинорным» полям, «микролептонным» полям и связанным с ними вопросам".

Однако распад СССР поставил точку на всех попытках выяснить истину.

Занимавшийся проблемой Игорь Царев вспоминает: «И тщетно мы пытались отыскать хотя бы следы этой организации (Комитета Верховного Совета СССР по науке и технологиям), чтобы узнать: получили там хоть какой-нибудь ответ на свое грозное постановление? Ну, а у спецслужб и военных спрашивать об этом — пустая трата времени…»

Еще один журналист, Д. Фролов, в своей статье «Биоэнергетика под ружьем. Правительство дало добро на разработки в экзотических областях», опубликованной в «Независимой газете» от 19 ноября 1991 года, вскрыл очередной пласт в проблеме психотронного оружия. Корреспондент сообщил о пакете документов под общим названием «О необходимости использования методов биоэнергетики в интересах народного хозяйства и

обороны страны». Данный пакет документов был в 1987 году передан в аппарат Совета Министров СССР генералом Ф. Р. Ханцеверовым, бывшим в то время руководителем Центра космического зондирования и имевшего, по всей видимости, более чем тесные связи с военной разведкой в лице Главного разведывательного управления. Подготовкой необходимой справки для тогдашнего председателя Совета Министров СССР Н. И. Рыжкова занимался сотрудник Совета Министров В. Волков, имевший чин полковника КГБ и руководивший информационно-аналитическим отделом, представлявшим в то время, по словам Д. Фролова, так называемый «активный резерв» работников Комитета госбезопасности.

В пакете документов немалое внимание уделялось «проблемам биоэнергетики в интересах обороны и безопасности страны». В специальном приложении, посвященном этому направлению, шла речь «о возможности разработок систем передачи сверхширокополосной информации, средств обнаружения и контроля, о прикладных исследованиях в области военного транспорта и энергетики, о применении экстрасенсорных возможностей при подготовке военных специалистов, а также об использовании биоэнергетического обмена в системах и средствах дистанционного поражения». В последнем разделе этого приложения постулировалось: «Разработка методов и макетов средств дистанционного управления психофизическим состоянием человека, воздействия на механизм принятия решений. (Срок исполнения — 4 года)». Согласно другим документам, подобные средства предполагалось разрабатывать в целях обеспечения общественного контроля и охраны правопорядка.

По словам В. Волкова, Н. И. Рыжков отнесся к представленному документу серьезно, поручив заняться этой проблемой Военно-промышленной комиссии, Государственному комитету СССР по науке и технике (ГКНТ) и самой Академии наук СССР. Была создана специальная комиссия, предполагалось даже создать межведомственный научный совет, но позиция, занятая представителями Академии наук СССР, на которых полностью ориентировался ГКНТ, привела к тому, что дело едва не заглохло. Серьезное беспокойство членов комиссии вызвало то, что гриф «секретно», который был придан документу еще в аппарате Совета Министров СССР, был быстро заменен на гриф «сов. секретно». Было выдвинуто предложение о структуре, которая позволила бы проводить исследования в рамках общегосударственной программы. И это предложение было направлено Н. И. Рыжкову. Вновь была получена положительная резолюция, но дальше дело, начатое генералом Ф. Р. Ханцеверовым, опять не пошло.

Иной и, по всей видимости, более благоприятной оказалась судьба предложений, предопределивших создание Центра нетрадиционных технологий при Государственном комитете СССР по науке и технике (в последующий период известном под названием МНТЦ «Вент»). По словам одного из руководителей ГКНТ СССР, будущий директор Центра нетрадиционных технологий смог предложить руководству «более широкую программу». По некоторым сведениям, далеко не последнюю роль в утверждении и реализации этой расширенной программы сыграла мощная поддержка со стороны Комитета государственной безопасности. О некоторых предварительных результатах ее реализации поведала 30 декабря 1992 года газета «Правда». В опубликованном в ней интервью директор МНТЦ «Вент» А. Е. Акимов заявил, что для «экспериментальных работ уже налажен выпуск заводских образцов торсионных генераторов».

Еще более близким к завершению считается так называемое сверхвысокочастотное (СВЧ) оружие. Кандидат военных наук Сергей Выборное писал: «Радиочастотные излучения могут нарушать работу головного мозга и центральной нервной системы человека, временно выводить из строя, вызывать ощущение тяжело переносимых шумов и свиста, поражают внутренние органы…». По поводу инфразвукового оружия этот же автор отмечал, что оно «при малом уровне мощности способно вызвать безотчетное чувство страха и создать в

толпе панику… Считается, что инфразвуковое оружие будет эффективно против личного состава, находящегося в убежище».

На нескольких международных конференциях «КГБ: вчера, сегодня, завтра» специалисты, принимавшие участие в их работе, стали свидетелями заявлений сотрудников госбезопасности о проведении спецорганами радиоактивных экспериментов: «Мы ложили, — говорил бывший подполковник КГБ Я. Карпович, — незаметно в карман диссидента радиоактивную монету. Если она была там 24 часа, то на теле оставалось пятно. Это давало возможность следить за человеком с помощью аппаратуры». «Я слышал, что „самиздат“ посыпали радиационной пыльцой, чтобы выяснить круг читающих», — это слова бывшего генерала КГБ О. Калугина. «Сейчас установки СВЧ вывозятся из пределов Москвы», — успокаивал старший аналитик по вопросам военно-экономической безопасности Н. Абросимов.

По данным же открытой печати, стало известно, что в СССР к разработке психотронного оружия могли быть причастны, помимо вышеперечисленных, следующие организации: научно-производственное объединение «Энергия», Научный центр при Госкомитете науки и техники (ныне акционерное общество «Вент», генеральный директор А. Акимов), Институт радиотехники и электроники Российской Академии наук (директор — академик Ю. В. Гуляев), Институт проблем материаловедения (Киев), Московский энергетический институт (МЭИ), Московский институт радиоэлектроники и автоматики (МИРЗА), научно-исследовательский комплекс «Эниотехни-ка», НИИ криобиологии (Харьков) и другие. Производства-изготовители: завод «Октава» (Киев), номерной завод психотронной аппаратуры (зам. генерального директора В. Мартынов), центры «Гиппократ» (руководитель М. Кайман), «Биотехника» (директор Я. Пантюхин), предприятие «Интерлок» (генеральный директор В. Волошенко), НПО «Артемида» (директор Н. Ф. Лаговский) и другие.

Новейшая история: психоз по-зеленоградски

Итак, мы убедились, что послевоенная история разработок в области психотронного оружия и участия в этом деле Комитета государственной безопасности полна неясностей. Однако миф о существовании где-то «психотронного генератора» уже сложился и, как любой миф в любые времена, немедленно оброс слухами, непроверенными свидетельствами, просто анекдотами.

К числу анекдотов я бы отнес историю «психотронного террора» в городе Зеленограде, что под Москвой, происшедшую в памятном 1991 году. Привожу я ее здесь для того, чтобы показать, какие порой удивительные метаморфозы могут претерпеть те скудные факты, которыми мы располагаем, о деятельности российских (советских) спецслужб. К тому же кто-нибудь из читателей может не согласиться с моей трактовкой событий и примет информацию о «психотронном терроре» к сведению.

В десятом (июньском) номере за 1991 год в «Зеленоградской газете» была опубликована полемическая статья «Наука на службе КГБ или бред сумасшедших демократов?». Материалу предшествует редакционная врезка такого содержания:

"Проблема, о которой мы хотим начать разговор, может вызвать у читателей противоречивые отклики. Речь идет о возможном использовании новейших достижений науки для политического терроризма, о применении спецслужбами технических способов обработки инакомыслящих или просто о проведении негласных опытов над людьми. Такова версия авторов публикаций, изредка появляющихся в нашей и зарубежной прессе, таково мнение

авторов писем, приходящих в «ЗГ», которые пытаются понять, что же происходит с ними, вокруг них.

Мы публикуем в порядке постановки проблемы два письма, объединенных означенной выше общей темой. Письма подписаны. Их авторы — реальные люди".

Далее действительно представлены письма, автором первого из которых является Э. С. Чиркова, народный депутат Зеленоградского горсовета, член комиссии по правам человека. Авторы второго письма, озаглавленного «Квартирная экология», — москвички О. Лаврова и Н. Крошкина. Начнем, конечно, с первого.

"Как член комиссии по правам человека Зеленоградского совета, занимающийся расследованием неконтактного террора — одного из видов опасного латентного преступления, — пишет Э. С. Чиркова, — хочу привлечь внимание общественности на продолжении применения органами КГБ методов ежовско-бериевского «гестапо». Но это уже не 37-й год… Это гораздо страшнее. Жертвы «обрабатываются» тайно, прямо на дому, из-за стен соседних комнат и квартир, соседних домов «спецгруппами» КГБ.

Арсенал тайного изощренного оружия КГБ огромен и отработан до такого совершенства, которое способно помрачить человеческий разум. В нем используются новейшие достижения физики, электроники, биологии и других наук.

Цинично-дикий расчет убийц, что в это не будут верить, удался. Для нейтрализации возможных разоблачений садисты подготовили психиатрию и милицию, обеспечив себе безнаказанность произвола.

Могут быть применены:

а) инфразвуковая техника (вибрационная и импульсная). Инфразвуковая волна, направленная мощным импульсом, может создавать подобие толчка или стука, разрушать хрупкие предметы;

б) электронная аппаратура для облучения радиоволнами различной частоты вплоть до СВЧ;

И та, и другая спарены с видеоаппаратурой, дающей возможность просматривать сквозь стены (тепловидение, метод промышленного рентгена и др.);

в) электронная аппаратура, спаренная с компьютерной системой, в сочетании с гипнозом для вторжения в работу мозга;

г) лазерная аппаратура для физических ожоговых поражений.

В порядке дополнительного воздействия используются едкие жидкости и газы, бытовые хулиганские действия.

В список «обрабатываемых» попадают активисты демократического движения, пожилые люди (в большинстве случаев одинокие), психически больные и т. д., то есть ненужные тоталитарной системе (?! — А. П.).

Я держу связь с жертвами из разных регионов Москвы, разных городов Союза (террор принимает всеобъемлющий характер), с Международной организацией по правам человека. У меня уже много заявлений, в том числе 20 — от зеленоград-цев.

Коммунистические правоохранительные органы, отказываясь от расследования, стоят на стороне садистов. С другой стороны — массовый психоз неверия… Неверие людей в этот кошмар, сомнения в психическом здоровье граждан — от их невежественности в этом вопросе.

На самом деле больны садомазохизмом те, которые придумали и запустили в производство этот ад.

Приведу конкретные примеры.

Я, Чиркова Э. С. — депутат <…>, занявшись расследованием заявлений, сама попала под прицельный «огонь» садистов, практически лишена нормальной жизни, условий для депутатской деятельности. С другой стороны, такая «практика» полезна, так как я познаю эту «кухню» не только со слов других жертв, но и на собственной шкуре.

«Профилактика» осуществляется почти наверняка из верхней квартиры (приводится адрес квартиры. — Л. П.): слышно перемещение аппаратуры за движением жертвы днем. Стуку над головой соответствует определенное воздействие (удары в мышцы, судороги ног, пальцев ног, зуд, жжение в подошвах, боль в ушах, онемение рук ночью, удары в носоглотку, вызывающие кашель, насморк, чихание, вызов аритмии сердца, щелчки в голову (в затылок, темя), появление ожоговых пятен на теле). Все эти болевые ощущения проходят при отклонении в сторону от источника воздействия.

Связь с жертвой поддерживается и на улице — время от времени чувствуются удары.

Оперативники КГБ, занимающиеся «обработкой» жертвы вне дома, имеют портативные аппараты размером примерно 12x12 см и 15x15 см, вмещающиеся в карман, имеются приборы и в более миниатюрном исполнении.

Остальные жертвы в Зеленограде — большинство их из общества «Демократические выборы», депутатского блока «Демократическая Россия» — испытывают аналогичные воздействия.

Первым к нам обратился гр. Кириллов Е. В., кандидат технических наук, пенсионер (приводится адрес. — А. П.). К нему применяются, кроме описанных, и дополнительные меры воздействия — посещение квартиры в отсутствие хозяина, хулиганские действия.

Аналогичные воздействия и аномалии здоровья зафиксированы практически во всех микрорайонах Зеленограда.

Если учесть, в чьих руках находится такое оружие и что в преступных целях оно может быть использовано как внутри государства, так и за рубежом, то надо бить в колокола!"

С логикой у этой дамы — проблемы. Впрочем, определенный политический капитал она на этом заработала. Посмотрим теперь второе письмо.

"Среди методов устранения социальных активистов (умышленные наезды автомашин, мнимые самоубийства, отравления, организация травм на производстве, психологические провокации и т.д.) один обладает явными преимуществами — облучение в квартирах (?! — А. П.). Это — тайный и почти непредсказуемый метод. Граждан буквально выкуривают из жилищ при помощи технических средств. Источники облучения могут находиться в смежных комнатах коммунальных квартир, на верхних этажах или в домах напротив. Помещения по соседству занимаются якобы работниками РЭУ или ДЭЗа, верхние этажи арендуются службистами КГБ по договоренности с жильцами, выезжающими в этом случае на длительные сроки. Проникнуть в подобные квартиры невозможно — поселившиеся в них без прописки люди открывают только милиции.

Жертвы подобных действий жалуются на плохое самочувствие, соматические и неврологические недомогания — головные боли, гипертонию, бессонницу или, наоборот, погружение в неестественный сон. Болевые ощущения: ножевого типа колики в области почек, печени, сердца. После ночного сна на коже обнаруживаются кровоточащие дефекты 1 — 2 мм диаметром, ожоговые пятна разного калибра, порезы и царапины. Порезы появляются и днем, иногда их появление можно заметить визуально — на лице, плечах, ногах, порой они плохо заживают, бывают глубокими и кровоточащими.

Во время сна, при фиксированном положении тела, человек оказывается беззащитным. Его тело подвергается глубинным воздействиям на организм, главным образом на сердце, кровеносные сосуды и мочеполовую сферу. Разнообразие физических следов (раны, порезы, ожоги) и ощущений (укалывание, охлаждение, вибрация, акустические удары)

свидетельствуют о применении широкого спектра излучений — УКВ, лазерных, ультразвуковой локации, инфразвука, акустических волн ударного типа.

Физическим воздействиям на жертву предшествует часто шум от перемещения аппаратуры. Днем при передвижении человека шумовое сопровождение следует за ним по квартире. Создаваемые электромагнитные и акустические поля оказывают влияние и на работу бытовых приборов — неравномерная работа холодильников, мигание лампочек накала. Акустические удары вызывают открытие дверей, падение предметов (сходно с явлением полтергейста).

Описанные тайные физические и медицинские эксперименты над людьми, опасные для их здоровья и жизни, проводимые по указаниям КГБ и Министерства обороны, противоречат гуманным принципам ВОЗ и Декларации прав человека.

Необходимо срочно привлечь внимание общественности к данной проблеме, чтобы прекратить «техническое истребление народа!»"

Кроме вступления, «Зеленоградская газета» не снабдила эти два письма какими-нибудь комментариями. Однако журналист Игорь Царев, занимающийся расследованием «психотронных тайн» в рамках инициативы комиссии «Феномен», созданной в 1991 году при газете «Труд», встретился с Э. Чирковой и задал ей несколько вопросов. Его отчет приведен в сборнике «Книга тайн — 4», изданном Обществом по изучению тайн и загадок Земли в 1993 году. Свое интервью И. Царев снабдил весьма любопытными цитатами, которые я тоже здесь привожу:

"Чиркова охотно согласилась встретиться со мной. Я положил перед ней письма людей, утверждающих, что они подвергаются психической обработке: «Можно ли верить рассказам этих людей? Или все это творчество душевнобольных?»

— Можно, — ответила Эмилия Сергеевна. — Говорю так потому, что познала эту «кухню» не только с чужих слов, но и на самой себе. Ощущения следующие: удары в мышцы, судороги ног, жжение, боль в ушах <…>. Считаю, что воздействие на меня осуществляется из верхней квартиры. Болевые ощущения тут же проходят, стоит отойти в сторону. Но потом сверху слышен шум (возможно, это перемещают аппаратуру), и все начинается сначала…

Из официальных источников. «При длительном воздействии электромагнитных полей часто возникают сжимающие боли в области сердца, ощущение песка в глазах, выпадение волос, ломкость ногтей, кровоточивость десен, похудание. Периодически развивается чувство онемения в конечностях, потеря в них чувствительности, похолодание пальцев» (Профессиональные болезни. Томск, 1980).

Не правда ли, очень похоже на то, что испытывали <…> Чиркова, многие другие… Но с другой стороны, их рассказы вписываются и в другой диагноз.

«На ранних этапах больные становятся малоразговорчивыми, необщительными, замыкаются в себе; они теряют интерес к своей работе, учебе… Ими овладевает интерес к таким областям знаний и к таким занятиям, к которым они ранее не испытывали никакого влечения (философия, математика, религия, конструирование, коллекционирование)… Нередко на задаваемые вопросы они отвечают длинными путаными рассуждениями, бесплодным мудрствованием, лишенным конкретности. Один из важнейших симптомов — мания преследования».

Так описывают шизофрению во многих медицинских справочниках".

Что характерно, ни одна из «жертв психотронного террора» не может толком объяснить, какую цель преследуют спецслужбы, наводя на них «порчу». Единственную возможную причину (тоже весьма неправдоподобную, на мой взгляд) называет Э. Чиркова: вот такие они уроды, эти сотрудники спецслужб, вот такие они садисты.

Зная о том, как живучи единожды созданные мифы, И. Винокуров и Г. Гуртовой в своей книге «Психотронная война: От мифов — к реалиям» приводят очень показательные статистические данные. Правда, речь тут идет о «контактерах» (людях, уверяющих, что они вступили в контакт с инопланетным разумом), но эта группа социально подобна группе «жертв».

Специалисты из медико-психологического сектора «Союз-уфоцентра» обследовали 106 «контактеров». Здоровых личностей выявлено не было. Здоровых, но акцентуированных (то есть увлеченных какой-либо одной, но пламенной страстью) — всего 4 человека. Из основной массы «контактеров» (102 человека) были больны шизофренией — 45, страдали различными формами психопатии — 42, органическими поражениями центральной нервной системы — 8, интеллектуальной недостаточностью — 5. У двоих «контактеров» была обнаружена циклотимия (психоз, маниакальная фаза).

Цифры, что называется, говорят сами за себя!

Настоящей проблемой же в данном случае является то, что «жертвы психотронного террора» не просто выступают со статьями или воззваниями — они митингуют, требуют принятия поправок к Конституции и т. д. и т. п.

Я ничего не имею против поправок к Конституции (тем более если указанная поправка восстановит «социальную справедливость» или расширит мои права), однако когда по-настоящему серьезную проблему превращают в фарс… Судите сами. В заключение этой главы я приведу еще один материал, непосредственно связанный с «психозом по-зеленоградски», опубликованный Михаилом Зубовым в газете «Труд» под названием «Нервы у народа стали ни к черту».

"На днях здание Государственной думы пикетировали «жертвы психотронного террора».

Три часа дня. Человек 10 — 15, в основном — старики, суетятся под проливным дождем, развешивая свои плакатики. Худенькая старушка в клеенчатой накидке шлепает разваливающимися кедами по лужам, кидаясь к прохожим за подаянием для жертв психотронного оружия. Плакатов около полусотни. От примитивных: «КПСС и КГБ под суд!» до «А ты уверен, что ты не зомби?»

Мы с фотокорреспондентом приехали сюда, когда демонстранты прятались от дождя под крышей подъезда Думы. Пристраиваемся рядом с супружеской четой. Пенсионеры. Для них все «началось» пять лет назад. Однажды у обоих, говорят они, одновременно пошла горлом кровь. Несколько часов ничего не помогало, но вышли на улицу — как рукой сняло. Заметили, что в моменты приступов температура на комнатном термометре подскакивает… на 15 — 20 градусов. Но им проще, чем многим: их двое, и если одному совсем плохо, то другой выводит на улицу. Одиноким — сложнее.

Позже на одном из плакатов мы увидели длинный перечень фамилий погибших (как утверждалось) в собственных квартирах. В это время весьма респектабельная дама декларирует свое видение происходящего: «На людях проводят эксперименты. Кроме того, запугивают или убивают электронным оружием, особенно неугодных…»

«Ведется крупномасштабная акция по истреблению пенсионеров», — включается в разговор женщина помоложе и «просвещеннее». «90 процентов населения зомбированы, — утверждает категорически старушка в рваных кедах. — А тех, кто пробует бороться, кладут в лечебницы…»

Наконец я слышу обращенный ко мне вопрос: «Вы нам верите?» Ответа не ждет, добавляет: «Никто не верит, пока на себе не испробует. Верят потом, когда уже поздно…»

Разговариваю с бывшим военным инженером Андреем Ивановым, работающим в приемной комиссии Независимого информационного центра по правам человека. «В течение последних нескольких лет, — рассказывает он, — в целях оказания помощи гражданам, жалующимся на облучение в местах проживания, в 94 городах РФ были созданы комитеты

экологии жилища. Людей, которые обращаются с жалобами на психотронное воздействие, десятки тысяч только в Москве».

В последние годы родился новый термин: «психотронный терроризм». Но вот парадокс: даже если факт психотронного террора доказан, возбудить дело по нему существующее законодательство не позволяет.

Практически единственная организация, которая пытается взять на себя защитительные функции, а заодно и «отсев» мнимых жертв, которых абсолютное большинство, от реальных, это группа по борьбе с психотронным терроризмом, которой руководит председатель московского отделения Информационного центра по правам человека Николай Анисимов.

— Один из ваших транспарантов, — говорю ему, — гласит: 90 процентов населения России зомбировано. Можете обосновать?

Кажется, не может, поскольку принимается рассуждать о том, как индифферентен народ к политике, как безмолвно терпит все социальные потрясения, и в итоге: «…не исключаю, что это следствие определенного внушения…»

— Чем же вы можете помочь жертвам этого «террора»?

— У нас на учете более 1000 человек. Тем из них, кто располагает не просто предположениями, а фактами, доказательствами, выдаем соответствующие справки, которые дают определенные гарантии того, что человека не упрячут в психиатрическую лечебницу, окажут медицинскую помощь. Теоретически эта справка может помочь начать расследование, с ней считаются милиция, прокуратура и суд.

— Чего хотите добиться сегодняшним пикетом?

— Введения в Конституцию и уголовное законодательство запрещения применения на территории РФ всех видов психотронного оружия и других средств насильственного воздействия на психику, наказания за это.

— Как относятся к вашим предложениям депутаты Думы?

— В Думе уже поднимался вопрос о психотронном оружии. Более того, некоторые депутаты сами утверждают, что подвергаются «обработке». Парламент не может в самые ответственные моменты набрать кворума. Кто-то неожиданно для себя голосует не так, как собирался. Все это наводит на подозрения. Но многие, в особенности известные люди, боятся заявить о своих предположениях открыто. Недавно погиб известный правозащитник Юрий Киселев, председатель ассоциации защиты прав инвалидов. Мы с ним были давно знакомы. Я рассказывал о проблематике психотронного оружия. Примерно за полтора месяца перед смертью он позвонил: «Что делать? Все, о чем ты рассказывал, теперь происходит со мной». Я предложил обратиться к прессе, но он наотрез отказался: «Не хочу, чтобы меня приняли за сумасшедшего». У него остановилось сердце…

При всем уважении к Н. Анисимову, далеко не все его утверждения кажутся мне достаточно убедительными и взвешенными. Но в одном согласен: если есть опасность (даже пусть гипотетическая) применения психотронного оружия, необходимы законы, которые бы защищали от этой опасности.

За те три часа, что мы простояли возле пикетов, единственным, кто отреагировал на акцию протеста, был Жириновский. Проходя мимо митингующих, выразился кратко: «Опять эти жертвы толпятся! Черт знает что…»".

Значит, это кому-нибудь нужно: доктор Кашпировский и все-все-все

Теперь рассмотрим вопрос разработки психотронных вооружений под совершенно иным, чем в предыдущей главе, углом. Если такие работы до сих пор в нашей стране ведутся, но никаких достаточно достоверных сведений о выпуске «психотронного генератора» в серийное производство нет, так, может быть, изменился сам объект изучения?

В свое время мелькнула в поле зрения и растворилась на лотках и в киосках небольшая брошюрка, озаглавленная очень странно: «Маги, магини». Выпустила ее в 1991 году издательская фирма «Ирина-Ч» (Обнинск), автор — Б. Э. Узунов. В брошюрке на сорока страницах в необычной художественной форме переданы переживания человека, неожиданно ставшего жертвой воздействия психотронного оружия очень своеобразного типа. Этой брошюрой Б. Узунов утверждает: не так давно в нашей стране проводились широкомасштабные учения с применением психотронного оружия, в качестве которого выступила группа специально подготовленных экстрасенсов из города Саратова.

Книге Б, Узунова можно верить, а можно не верить; одно очевидно — если у властей предержащих не получилось создать «чемоданчик с кнопкой», они попробовали другое направление — особые способности отдельных людей, которые тоже, между прочим, являются гражданами, а как граждане обязаны «служить делу укрепления обороноспособности страны». Вспомним Орнальдо.

О такой возможности говорят и Гуртовой с Винокуровым в своей книге «Психотронная война»:

"<…> о проведении каких-либо масштабных секретных парапсихологических исследований в 60 — 70-е годы вряд ли можно говорить. Однако последовавшее несколько позже изменение отношения к экстрасенсам в общественном мнении стало благоприятствовать проведению серьезных пси-исследований.

После создания в ИРЭ АН СССР лаборатории радиоэлектронных методов исследования биологических объектов ее сотрудницей вскоре стала Евгения (Джуна) Ювашевна Давиташвили, которая демонстрировала экстрасенсорные способности иного плана: целительство и прежде всего бесконтактный массаж. Лаборатория и Джуна нашли друг друга: Джуна дала лаборатории возможность применить физические методы исследования разогрева поверхности рук целительницы и ответного нагревания кожи пациентов, то есть изучить вполне привычное тепловое поле; лаборатория позволила снять с представительницы ассирийского народа ореол «знахарки» и «ведьмы» и освоить ее деятельность именем современной науки.

Конечно, и то, и другое весьма условно: разогрев рук целительницы и ответная реакция пациента еще ничего не говорят о механизмах такого явления; зато физическая регистрация этих параметров, во-первых, показывает некие новые, дотоле неизвестные свойства экстрасенсорного воздействия и, во-вторых, эти параметры могут оказаться полезными как некоторые признаки самого воздействия. <…>. С другой стороны, приобщение ценительницы к науке в качестве научного сотрудника одного из ведущих институтов АН СССР, нисколько не меняя ритуал и методику народного целительства, позволило Джуне приступить к широкой лечебной практике, не боясь обвинений в шарлатанстве и ведьмовстве. Покровительство ученых позволило распространить целительскую практику на правительственные круги, что сказалось не только на изменении ее статуса, но и общего отношения верхов к экстрасенсорике.

Таким образом, во многом благодаря деятельности Джуны экстрасенсорика получила поддержку со стороны высокопоставленных пациентов, науки, патентных служб и в прессе. Возникла новая атмосфера отношения к парапсихологии больших масс населения — отношения симпатии и ожидания чуда. К тому же пропаганде экстрасенсорных методов лечения сильно способствовали телевизионные сеансы массового оздоровления, с которыми перед миллионной аудиторией стали выступать журналист Алан Чумак и врач-психотерапевт

Анатолий Кашпировский. Они еще больше подняли спрос на экстрасенсов, и со временем подготовка таких целителей была поставлена на поток. Среди экстрасенсов можно было встретить лиц с исключительно выраженными парапсихологическими способностями, с необычайно развитым даром целительства. Но дар этот не всегда проявлялся «по заказу», по желанию — пациента или целителя. И вновь мысль пошла по уже проторенному пути: нельзя ли заменить целителя техническим устройством?"

Ниже представлен материал, являющийся непосредственным свидетельством человека, участвовавшего в одном из таких проектов. Корреспондент Михаил Буршин рассказывает об этом человеке в статье «Человек — психотронный генератор»:

"Перелистывая книгу (имеется в виду книга И. Винокурова и Г. Гуртового «Психотронная война: От мифов — к реалиям». — А. П.), можно найти фамилии нескольких экстрасенсов, наиболее часто привлекающихся к работам в научных организациях, занимающихся исследованиями, связанными с созданием психотронных генераторов. Таких экстрасенсов, способных воздействовать не только на человека, но даже и на приборы, четверо: В. Авдеев. Е. Дубицкий, М. Перепелицын и А. Чумак.

С одной из таких уникальных личностей — Михаилом Пе-репелицыным удалось встретиться. <…>.

По словам М. Перепелицына, он работал с двумя приборами, оказывающими воздействие на психику людей. Один из них был способен вводить человека в состояние, промежуточное между сном и бодрствованием. Погруженным в такое состояние людям можно было легко внушать любую информацию. Второй прибор работал в двух режимах. В первом режиме он как бы «всасывал» в течение продолжительного времени через экстрасенса биоэнергию и накапливал ее. Во втором режиме в течение нескольких секунд он расходовал ее многократно, увеличивая интенсивность воздействия экстрасенса.

Проводились в закрытых лабораториях и исследования, изучающие возможность воздействия экстрасенсов на аппаратуру. Михаилу удалось проводить частотную перестройку прибора даже через специальную семикратную защиту. Кстати, приезжающие в начале 90-х годов американские специалисты проявляли особое внимание именно к этим способностям российских экстрасенсов. Больше всего их волновал вопрос: могут ли они непосредственно, без всяких программ вносить компьютерные вирусы в электронные системы? По крайней мере, Михаилу Пе-репелицыну дважды делались предложения переехать в США для продолжения исследований в этом направлении. Ведь в последние годы практически все подобные работы в России были прекращены. Правда, возникает вопрос: стоит ли этому радоваться? В других-то странах, особенно в США, они идут полным ходом.

Объяснил Михаил и причину неудач в изготовлении психотронных генераторов, звучащую в книге И. Виноградова и Г. Гуртова. Объяснение принципов воздействия психотронных генераторов, как и защита от них, содержится — что особенно любопытно — в старых русских народных сказках. Например, сказка про Илью Муромца и Соловья-разбойника. Соловей-разбойник воздействовал на людей свистом на инфразвуковых частотах, вызывая в их организме явление резонанса, выводящего из строя психику человека. Но Илья Муромец смог противостоять этому страшному, по существу психотронному, оружию. Как известно из былины, он отказался как от своей «значимости», так и от «привязанности сердца». Именно привязанность и значимость мешают, исходя из восточной философии, слиянию человека с биоэнергетическим полем Вселенной, являющимся абсолютной защитой от всякого экстрасенсорного нападения. Руководители специальных лабораторий находились в своеобразных «физических шорах». Они пытались создать психотронный генератор как какой-то физический прибор, распространяющий во все стороны пока еще до конца не изученные биоэнергетические поля. И чем более мощным будет прибор, тем интенсивнее и на большее расстояние будет он воздействовать на людей. По мнению Перепелицына, экстрасенс, наоборот, не излучает биополе, а «впитывает» его,

входит с его помощью в своеобразный частотный резонанс. В него же он вводит человека или группу людей, на которых хочет оказать воздействие. Расстояние воздействия в этом случае никак не связано с интенсивностью биополя.

Итак, если исходить из разговора с Михаилом Перепелицы-ным, психотронный генератор был создан. Но это не мощная радиостанция, несущая во все стороны таинственное излучение, какой представляется он большинству людей <…>. Нет. Психотронный генератор — это входящий в состояние биологического резонанса экстрасенс, с помощью технических средств способный в течение нескольких часов накапливать энергию, а затем использовать ее для воздействия на окружающих.

Именно такое воздействие могло быть оказано, по мнению Перепелицына, на Хасбулатова и Руцкого во время их столкновения с Ельциным в октябре 1993 года. Оно заставило лидеров парламента принять в самый пик кризиса несколько неоправданных решений, позволивших президентской власти ликвидировать законодательную".

О том же говорит профессор Ю. И. Панюхин, интервью с которым опубликовал в «Комсомольской правде» Михаил Морозов:

"Отдел теоретических проблем при президиуме Академии наук России. Именно здесь изучаются аномальные явления и то, что нельзя объяснить и изучить с помощью традиционной науки. Здесь создают приборы, способные фиксировать и изучать так называемые сверхслабые излучения. Попросту говоря, могут определить, чего стоит любой экстрасенс.

Оказалось, что здесь не только верят в чудеса, по и глубоко изучают их. При институте создана школа психотроники и феноменологии, которую возглавляет профессор Юрий Иванович Панюхин.

Наша беседа началась несколько необычно. Я спросил профессора, может ли он как ученый, занимающийся этими проблемами, подтвердить существование в России психотронного оружия?

— Смотря что под этим понимать. Существует, например, такой вид оружия, как радиогипноз, существуют генераторы микролептонных, торсионных полей. Обычный цветной телевизор также можно отнести к «пси-оружию». Не знаю, как обстоит дело в последние несколько лет, чуть раньше можно было говорить о том, что СССР и Россия обгоняли остальной мир в развитии этой области исследований на 50 лет. Я имею в виду не только «железки» — приборы, которые способны воздействовать на живую силу противника, но широкую сферу теоретических исследований и прикладных работ, связанных с нетрадиционными способами передачи информации. То есть то, на чем основано психотронное оружие, воздействующее на психику человека. Сюда же можно включить и изучение природы паранормальных явлений. Есть данные, что летающие тарелки появились впервые именно у нас.

— Вы верите в их существование?

— Я, как ученый, считаю, что у нас были достаточные теоретические и практические условия для строительства летательных аппаратов, использующих нетрадиционные принципы перемещения в пространстве. Думаю, есть и подводные лодки, двигающиеся под водой значительно быстрее надводных кораблей.

Это как бы положительные примеры прикладного использования исследований в этой области. Но есть и другие проявления. Вспомните, какое приподнятое настроение ощущали люди в праздничные дни, особенно 1 Мая и 7 Ноября. И водки-то не надо было. С утра народ радовался жизни. У меня нет сомнений, что это результат применения аппаратуры, которая вселяла радость в народное сознание. Это, конечно, не исключает того, что люди радовались искренне, что называется, без внешней помощи.

— Насколько этому можно верить?

— Я, конечно, не имел ничего общего с теми организациями, которые связаны с использованием подобной техники. Сужу как человек, знающий эту область. Кое-что мне известно также от людей, непосредственно имевших отношение к этим проблемам.

Я занимаюсь смежными проблемами, в разработке которых лежат одни и те же физические принципы. Передача информации, только несколько нетрадиционными в обычном понимании средствами и способами. Ведь экстрасенс — это тоже приемник информации, которая переносится с помощью определенных изучений. Человек распространяет с поверхности тела излучение, которое проникает через металл, бетон и пластик.

В прошлом году, в апреле, в МВТУ им. Баумана проходила научная конференция. Один из выступавших рассказал об испытании некоего прибора — генератора торсионных полей. Размер этой штуки — не более спичечного коробка. Потребляет энергии во много раз меньше, чем электрическая лампочка. Излучение распространяется на несколько десятков километров и может проникать сквозь твердую породу толщиной более 100 метров. Вероятно, с помощью такого прибора можно воздействовать и на человека.

Есть несколько довольно известных серьезных ученых, которые работали над созданием «пси-генераторов». Однако, как это ни парадоксально, можно говорить о том, что генераторы убивают своих создателей. Некоторые из ученых испытывали воздействие своих детищ и буквально «сходили на нет» в ходе испытаний прибора. Другие попадали в поле зрения спецслужб и в результате «погибали» как исследователи. С третьими происходили странные истории или несчастные случаи.

Вообще-то, в любом государстве подобная сфера исследований должна жестко контролироваться. Раньше за этим следил КГБ и его научные институты.

Еще раз повторяю, я стараюсь быть от всего этого в стороне. И поменьше говорить на эти темы.

— Юрий Иванович, чем же вы сейчас заняты как ученый?

— Веду курс психотроники и феноменологии и занимаюсь исследованиями в области ясновидения и дальновидения. Школа психотроники и феноменологии — это не какой-то абстрактный курс. Мы изучаем реальные проявления феноменальных способностей. Не какую-то мистику, а конкретные вещи, которые можно объяснить научным языком, которым можно научить.

— Факультет экстрасенсов?

— Мы не готовим целителей или колдунов. К нам приходят имеющие способности и некоторый опыт. Задача — объяснить некоторые проявления феноменальных явлений и научить применять эти знания. Есть раздел «техника безопасности» для экстрасенсов: так можно работать, а так — нельзя.

Наибольшее внимание уделяем способности видеть. Видеть сверхслабые излучения. Мне удалось открыть секрет «рентгеновского» видения. На самом деле в человеке это заложено, но, зная явление, можно развить эти способности.

— Возможно ли попытаться объяснить это «на пальцах»?

— «Нормальный» человек не может видеть рентгеновское излучение. Однако выяснилось, что суть в том, что рентгеновские волны не поляризованы, то есть не сориентированы в пространстве. Поэтому мы их и не воспринимаем. А если их сориентировать? Я ввожу человека в определенное состояние, условно «настраиваю» его на определенную длину волны. И человек становится как бы прозрачным. Но это — безопасно.

А теперь свяжите это с действиями экстрасенсов. Известно, что во время работы у них холодеют руки. Они выделяют энергию в пространство. Работают, как генератор, «облучая» объект сверхслабыми волнами. За счет этого можно «видеть».

Дальше я перехожу к теории видения, восприятия. Выясняется, что в ночное время чувствительность глаза возрастает в сотни раз. Плюс в сто раз — за счет сощуривания. В «нормальном» состоянии глаз способен видеть узкую полоску длин волн. Нужно настроить глаз на восприятие необходимой длины волны. Этого я достигаю за счет специальных тренировок по методике, которая одобрена ученым советом Отдела теоретических проблем…

В принципе, я могу научить видеть за 5 минут. Но сначала необходимы 5 — 7 теоретических занятий. Я объясняю людям природу явлений. На что смотреть, как смотреть. Эффект видения достигается в определенном состоянии человека. Это очень сложно. Гораздо сложнее, чем гипноз. Гипноз мы не применяем.

— У вас нет опасений, что то, чему вы учите, может быть использовано во вред человеку?

— Уверен, что нет. В результате моих уроков человек приобретает начальные знания. Вершины мастерства придут в результате длительного совершенствования, а с мастерством придет и понимание невозможности использования его во вред человеку. Искусством восточного единоборства можно овладеть, только перестроив себя, свою психику. Овладев философией. А эта философия запрещает наносить вред невинному.

— Юрий Иванович, к вам как к ясновидящему обращаются за помощью?

— Постоянно. Но я, как правило, отказываюсь. Я могу принести больше пользы в науке, в обучении других. Да и здоровье не позволяет.

Эпизод из моей практики, который я использую как наглядный учебный пример и часто обсуждаю с моими учениками, связан с похищением молодой девушки в Астрахани. Там мы проводили занятия по психотронике. Девушку похитили бандиты. Возили как проститутку, торговали ею. Отец девушки поднял на ноги весь город. Работала милиция, частный сыск. Привлекли массу известных экстрасенсов. То есть работали профессионалы, люди известные. Все «сеансы» показали, что девочка убита, и даже указали место. Мать в это поверила, стала носить туда цветы. А я сказал, что девочка жива. Сидя в аудитории, я вместе с учениками трижды указывал места, где бандиты держали девушку. Милиция и группа захвата, выезжавшие на эти места, убеждались, что бандиты накануне покидали убежище — кто-то их предупреждал. И все же на четвертый раз девушка была освобождена. Но история окончилась трагически. Там, в Астрахани, мы работали вместе с Геннадием Карпенко. Когда девочку освободили и я уехал, бандиты расправились с Карпенко. Он был убит. Мафия отомстила за вмешательство в ее дела. Мне сообщили, что в городе убили двоих мужчин, похожих на меня. Но самое страшное, что спасенная не только не радовалась освобождению, но заявила, что ее напрасно вернули в семью. Вот, если хотите, объяснение, почему наши способности и знания нужно использовать более осмотрительно, по принципу «не навреди».

— Может ли Кашпировский самостоятельно освоить вашу методику?

— Думаю, нет. Кашпировский применяет примитивный грубый гипноз. Для нас это — пещерный метод. Как-то мы с ученицей проводили опыт ясновидения: разыскивали пропавшую. Во время сеанса я заметил, что ученица заволновалась, у нее возникло чувство страха, на ее теле появились следы побоев. Потому что она чувствовала все, что происходило реально с похищенной. В том случае жертву заставили выброситься из окна. Если бы моя помощница испытала все, что выпало на долю несчастной, неизвестно, что бы стало с ее сердцем. Я немедленно прервал опыт. В случае гипноза сделать это быстро невозможно. Если работать как Кашпировский, можно вообще «потерять» человека. Как видите, мое ремесло может разить, как меч, но обязано только защищать, быть щитом от бед и несчастий".

Все вышеприведенные материалы демонстрируют нам, что экстрасенсы, даже не состоящие на службе в КГБ, не слишком-то деликатничают в вопросе влияния на психику и здоровье других людей. Впрочем, мы в этом убедились сами, несколько месяцев наблюдая по

первому телевизионному каналу за пассами доктора Кашпировского. Меня, например, еще тогда насторожил тот факт, что нам представляют исключительно успехи доктора (положительные результаты от всенародных психотерапевтических сеансов), как-то тихо замалчивая провалы (отрицательные результаты). А провалы наверняка были: любой, даже самый традиционный, метод лечения — это палка о двух концах, кого-то лечит, кого-то калечит. В общем, ощущение такое, что над нами провели очередной эксперимент, нанесли, так сказать, «психотронный удар».

Однако происшедшее между нами и доктором Кашпировским действо — еще сравнительно легкий случай. О по-настоящему тяжелых случаях я расскажу в следующей главе.

Секты в России: «Белое братство» на тропе войны

Секты в России были всегда. Пока существуют традиционные конфессии и государственные религии, будут существовать люди, не нашедшие себя в служении официальным богам и поклоняющиеся своим собственным. Почему, в конце концов, нет? И вполне понятно желание сектантов донести свою «особую» веру до широких масс населения. Другой вопрос — как это делается?

История «Белого братства» весьма в этом смысле поучительна. Тем более что она имеет прямое отношение к теме этого очерка.

В ноябре 1993 года внимание всей России и стран СНГ было приковано к происходящим в Киеве страшным и совершенно вроде бы необъяснимым событиям. 14 ноября секта «Белые братья» объявила днем конца света, и ее члены собирались совершить массовое самосожжение на площади у памятника Богдана Хмельницкого.

Что нам известно об этой секте. Посмотрим материалы. Вот что пишет Ирина Николаенко в статье «Осторожно: покушение на будущее!», опубликованной в апреле 1993 года в газете «Советская Башкирия».

"Что может быть страшнее, когда пропадают дети? И не просто исчезают из дома, а оказываются буквально вырубленными из этой жизни, превращаются в самых настоящих «зомби», знакомых нам больше по фильмам-ужастикам. Ребята бросают учебу, родителей, друзей, все свои привязанности, прекращают нормально питаться, когда уходят к «Белым братьям». Они твердят только про конец света, который наступит в ноябре этого года, и про то, как к нему надо готовиться. Идет самая настоящая, но на первый взгляд незаметная война, которая с физиологического уровня поднялась в область сознания и может, в конечном итоге, оказаться гораздо опаснее не только той, на которой стреляют, но даже войны атомной. По крайней мере, так считает представитель научно-методического центра «Сэн-сэко» НИИ психологии Украины, эксперт по науке, профессор экономики А. А. Бухтояров. Вместе с ним в Уфу приехали кандидат психологических наук, доктор психофизики, профессор А. В. Жашков и психолог Т. И. Смирнова. Приезд этот, к сожалению, случайным не был. Нам потребовался их опыт в области реабилитации детей, попавших в это «Великое белое братство». И хотя у нас таких случаев пока единицы, тем не менее настала пора кричать об этой беде во все горло.

Предводитель «Великого белого братства» — кибернетик, кандидат технических наук, автор нескольких книг по йоге и биоэнергетике — Юрий Андреевич Кривоногое вместе со своей третьей женой, бывшим комсомольским работником Мариной Цвигун в 1990 году

основали эту независимую религиозную общину Посвященных. А себя переименовали в Юоанна Свами и Марию Дэви, то есть, другими словами, в Иоанна Крестителя и Деву Марию. Поскольку все священнослужители, считают они, развратились и не могут служить проповедниками Божьих идей, поэтому именно Цвигун и Кривоногое должны предупредить человечество о конце света. Все, кто не вступит в «Братство», станут слугами Сатаны, «биороботами». «Белые братья» должны готовить себя к концу света, неистово молиться, питаться исключительно одной растительной пищей. Нельзя читать газет, смотреть телевизор, ибо в средствах массовой информации царствует Сатана. Нельзя вступать в брак, учиться, работать вне «Белого братства», служить в армии. А также общаться с родственниками.

На самом же деле в «биороботов» превращаются принявшие так называемое крещение «Белого братства» и одновременно ставшие безропотными слугами Кривоногова. Из всех ребят, попавших в эти сети на Украине, 95 % — это дети из благополучных семей, одаренные и способные, с высокими духовными потребностями. Их нечем удовлетворить в том вакууме, который образовался после крушения коммунистических идей. А «Белые братья» предлагают таким ребятам достаточно высокую цель — спасение человечества.

Ученые с Украины не без основания полагают, что здесь имеет место самое настоящее кодирование. Накануне крещения человек целую неделю голодает, и, следовательно, психозащитные функции организма резко снижаются. Крещение происходит «глаза в глаза», вступающего в «Белое братство» усыпляют (предполагают, что тем самым вводят в гипнотический транс) и затем совершают какие-то манипуляции в районе позвоночника. После этого окрещенный выходит на сцену и подвергается еще и массовому психическому воздействию. В результате у подростков резко снижается и способность критически мыслить, и в целом уровень интеллекта. Они работают на плантациях, забирают из дома ценные вещи, ювелирные украшения, продают их и средства в виде денежных пожертвований отправляют «учителю». Ребята ведут очень скудный образ жизни, однообразные молитвы еще более притупляют их интеллект. Полностью опустошается эмоциональная сфера. Подавляются все привязанности и переключаются на любовь к «Матери мира».

Мы видели фотографии украинских ребят, ушедших в «Белое братство». По ним видно, что они не из тех, для кого дурной пример заразителен. Умные, широко раскрытые на мир глаза. Красивые, улыбающиеся лица. Трудно поверить, что таких можно превратить в «биороботов». Они — цвет нации, наш генофонд. Один из них на втором курсе института уже защитил диссертацию.

Александр Александрович Бухтояров рассказывал, как долго и безуспешно пытался он раскодировать одну девочку. Сделать это чрезвычайно трудно. Гипнотический транс, при котором закладывается программа, очень глубокий. Чтобы снять кодирование, человека нужно ввести в еще более глубокий транс. А для этого требуется длительный подготовительный период. Таня казалась совершенно «вырубленной» из этого мира. Все, что не соответствовало теме конца света, ею воспринималось как сатанинское. Измучившись и отчаявшись, Бухтояров вдруг спросил:

— Танечка, а когда ты улыбалась в последний раз?

— Я не помню.

— А давай попробуем улыбнуться вместе.

Девочка попыталась растянуть губы в улыбку, но они не слушались, и получалась какая-то жуткая гримаса. И тут совершенно неожиданно ее «пробило»: она поняла, что совсем разучилась делать такое простое человеческое дело — улыбаться. И разрыдалась. Плакала она навзрыд минут пятнадцать. Успокоившись, произнесла:

— Я никому больше не верю. Таких ребят на Украине около пятисот.

А закона о психологической защите человека в нашем обществе нет. И потому нет оснований для того, чтобы привлечь к уголовной ответственности тех, кто беспощадно грабит детские души. Мы много пеклись о безопасности государства, но так и не поняли, что она будет надежной только при условии безопасности личности, в том числе и психологической. На Украине готовится принятие такого закона, создан комитет спасения детей.

Однако даже если в ближайшее время закон примут, то панацеей от всех бед такого рода он вряд ли сможет стать. Ибо не только доказать, но и определить степень причиненного психологического ущерба весьма сложно. Поскольку до сих пор не было никакой надобности в проведении таких экспертиз, ведь в «зомби» мы никогда всерьез не верили. А пока на Украине прибегли к единственному приемлемому методу: выживанию «Белых братьев» со своей территории. И они, словно перекати-поле, идут по СНГ и ведут за собой чьих-то детей. <…> И поначалу казались довольно безобидными эти проповеди. Но кто знал, что на самом деле скрывается за белыми их одеждами.

Недавно по этому вопросу в МВД республики состоялась пресс-конференция. Она развеяла последние сомнения, и стало ясно: проблема назрела и требует решения. Пора объяснить всем начистоту, что представляет собой это «Великое белое братство». А его в Уфе встретили весьма гостеприимно: предоставили помещение во многих дворцах культуры. А в одном из районов Башкирии даже здание сельсовета в аренду отдали. Похоже, с деньгами основатели «Братства» затруднений не испытывают: «Иоанн Креститель» и «Дева Мария» ездят на «Тойоте», имеют в Киеве огромный дом, построенный руками «белых братьев», окруженный колючей проволокой. Как сообщил на пресс-конференции А. А. Бухтояров, лишь 10 % из заработанных и пожертвованных ребятами денег расходуется на проживание, остальные конвертируются и уходят в одну из скандинавских стран. На Юрия Кривоногова уже заведено три уголовных дела — на Украине, в Беларуси и России. Но для того, чтобы предъявить ему обвинение, его надо сначала найти. А вот с этим как раз самые серьезные проблемы".

О том, что в «Белом братстве» практиковалась психообработка самого высокого уровня свидетельствуют и другие источники. Вот что говорит по этому поводу психиатр Вадим Владиленович Русанов:

"Сообщения о «Белом братстве» пестрят словами «массовый гипноз», «кодирование», «религиозный фанатизм», «психические отклонения». Однако немногие точно знают, что же означают эти термины.

Явление гипноза хорошо известно и давно описано. Безусловно признанными показаниями к применению гипноза являются только два заболевания, рассматриваемые в рамках клиники психиатрии: алкоголизм и истерия. Во всех остальных случаях вопрос о применении гипноза спорен. При ряде психопатий гипноз применяется в наиболее глубокой форме — гипнокатар-сиса, когда гипнотизер полностью меняет ряд структур личности, если она социально опасна. Противопоказанием к применению гипноза является любой психоз: шизофренический; в рамках эпилепсии, других органических заболеваний головного мозга; даже реактивный, то есть представляющий собой реакцию на ситуацию. Второе противопоказание: психотическое состояние пациента в момент гипноза.

Психиатры не рассматривают понятие веры, это вопрос теологов и философов, а не врачей. Однако у нас есть термин, близкий к «вере», — внушаемость, степень внушаемости или степень гипнабельности (что одно и то же). Первая стадия — релаксация, ей подвержены все. Человек испытывает приятную расслабленность и сонливость. Действия свои он контролирует, его воля не подчинена воле гипнотизера. Вторая стадия — гипнотический сон. Ввести в него можно 60 — 70 % населения. Третья — сомнамбулизм. Ей, по разным источникам, подвержены 10 % людей или несколько больше. Если при попытке ввести пациента в гипноз он, пройдя первую и вторую стадии, сразу входит в третью — это

свидетельствует о серьезной патологии мозга на органическом уровне (черепно-мозговая травма в прошлом, обменные нарушения в центральной нервной системе и т. п.).

Кодирование — одна из разновидностей гипноза, их не нужно разделять. Поскольку метод используется при лечении алкоголизма, не стоит, вероятно, останавливаться на подробностях работы гипнотизера.

С точки зрения психиатрии, религиозный фанатизм и фанатизм вообще не может рассматриваться как патология. Вера — качество души, свойственное любому человеку. Большинство людей в наше время — и это общепризнанная точка зрения психиатров, в том числе входящих в ВОЗ, — находится в пограничном состоянии. Особенно у нас — в стране, переживающей сложные перемены. Естественно, что в такой ситуации человек ищет символ веры. Дальнейший его путь зависит не только от яркости этого символа, но и от степени внушаемости самого человека.

По имеющейся у меня информации о «Белом братстве», вряд ли в этой организации кто-то использует конкретные психиатрические методы. Полагаю, что работает механизм, называемый в психиатрии индукцией: верующему человеку кроме символов, атрибутов веры предлагается определенный рисунок поведения. Осуществляя его, индивидуум с высокой степенью внушаемости может сразу оказаться в третьей стадии гипноза.

Кроме индивидуальной работы гипнотизера возможны случаи проведения так называемого массового гипноза. Психиатры им никогда не пользуются, поскольку среди собственно психических заболеваний для этого нет показаний. Однако случаи массового гипноза хорошо известны с древних до новейших времен. Последний наиболее яркий пример — феномен Кашпировского. Собирается достаточно большая аудитория с достаточно высокой степенью внушаемости, и даже случайная фраза, жест могут запустить реакцию, приводящую к возникновению слепой веры. Эта патология описана в психиатрии под названием массового психоза.

Термин «дар гипнотизера» не имеет права на существование. Любого человека можно научить элементарным приемам, для этого, к сожалению, не надо иметь специального образования. Поэтому вызвать массовый психоз при благоприятном стечении обстоятельств может кто угодно.

Полагаю, что в случае «Белого братства» мы имеем дело с сочетанием: воздействие оказывается на подготовленный мозг. Подростков, приехавших в Киев, нельзя, вероятно, назвать ненормальными, но очевидно, что сейчас они психически нездоровы. И им необходима неотложная психиатрическая помощь".

Еще одна статья — «С господом на устах и психотропным генератором за пазухой хозяйничают некоторые проповедники „божьи‟ в нашем мире» — на тему использования сектами более совершенных средств, чем психокодирование. Она опубликована в газете «Киевские ведомости» корреспондентом Валерией Бондаренко.

"… — Вы знаете, что предоставили мне четкие параметры для изготовления психотропного генератора — опаснейшего оружия?

— Да, знаю. Но мы будем использовать его в мирных целях, — заявила Лариса Ивановна, руководительница одной из религиозных сект преподавателю Днепропетровского радиоприборостроительного колледжа Станиславу Галушка (фамилия по его просьбе изменена).

Заказ на изготовление генератора он получил от секты более двух лет назад, а осенью прошлого года преподавателя «за невыполнение» попытались досрочно отправить на тот свет.

В чем же он провинился перед «божьими праведниками»?

Станислав Галушка окончил радиофакультет знаменитого Новосибирского электротехнического института (НЭТИ) по специальности «радиоэлектроника». Семь лет работал в Институте автоматики Академгородка. Занимался разработкой аппаратуры для исследования функций электромагнитных низкочастотных полей. В институте, кстати, изучали и влияние электромагнитного излучения на организм животных. Велись также исследования механизма воздействия различных частот на человеческую психику. Все работы были секретными, и к закрытой документации имели доступ считанные люди.

Овдовев, Галушка переехал в Днепропетровск. Женился, родилась и выросла дочь.

О дальнейших событиях рассказывает сам Станислав Сергеевич. "Все началось с якобы безобидных телепередач. Жена и дочь «сходили с ума» от популярных телеэкстрасенсов. Я пытался объяснить, что все это обыкновенный гипноз, который может иметь необратимые последствия. Но тщетно. Вскоре они уже посещали сеансы всех местных и заезжих экстрасенсов. Я настолько нервничал, что попал с микроинфарктом в больницу. Жена же причитала: мол, «целительница» Лариса Ивановна давно предупреждала ее о моей болезни.

Однажды жена заявила, что спать со мной не будет, поскольку я «грязный», при интимной близости вгоняю в нее чертей и бесов. А «очистить» меня сможет только Лариса Ивановна.

Я понял: жену и дочь необходимо спасать. А чтобы прояснить ситуацию, согласился сходить на «очищение». Вскоре мы всей семьей отправились на Комсомольский остров, где и проходили проповеди «народной целительницы»".

От автора. Экстрасенсы и астролог Глоба утверждают, что Комсомольский остров является местом концентрации сильной космической энергии. Видимо, поэтому тут постоянно пытаются обосноваться всевозможные народные целители и религиозные секты. «Ассоциация духовного возрождения» (так официально называется данная секта) арендует на острове одно из помещений водно-спортивной базы «Машиностроитель „Южмаша“».

"Лариса Ивановна, — продолжил рассказ Станислав Галушка, — г при встрече спросила: «Вы электронщик?» «Провидица» дала мне задание выполнить прибор «для исследования человеческого тела и мозга». Параметры, которые она мне передала, очень походили на параметры психотропного генератора, принцип устройства которого был известен кое-кому из моих новосибирских коллег.

Насколько прибор, который мне предлагали изготовить, влияет на психику, не знаю, но могу с уверенностью сказать: эти параметры не мог дать простой микроэлектронщик. Это дело рук высококлассного специалиста. Чтобы не нарушать покой в семье, я для видимости согласился.

Как-то посетил один из филиалов секты «Обитель», куда теперь ходили жена с дочерью. Войдя в зал бывшего детского садика, где секта арендовала помещение, стал свидетелем безобразного зрелища. На сцене «изгоняли демонов и бесов» из молодой женщины. Она содрогалась, громко стонала. Аудитория завороженно наблюдала за происходящим. Я заподозрил неладное и решил проверить свои опасения. Незаметно специальным прибором измерил параметры электромагнитного поля в зале. Оказалось, в течение полутора часов превышались все допустимые нормы: частота излучения была 32 — 36 Мгц.

1995 год стал для нашей семьи роковым. У нас поселилась незнакомая девушка, сектантка. Стали поговаривать о других подобных «квартирантах». Я заявил, что притона в своем доме не потерплю.

Вечером раздался звонок. На пороге стояла руководительница «Обители» Ирина Семеновна, ее 20-летний сын и еще несколько сектантов с резиновыми дубинками в руках. Били меня профессионально: по пальцам, голове, животу. Я защищался железной трубой,

которую принес с дачи для ремонта квартиры, пока не почувствовал сильный удар в затылок. Повернувшись, увидел разъяренные глаза дочери и жены…"

От автора. Акт медицинского освидетельствования от 11.09.1995:

«Больной Станислав Сергеевич Галушка, 56 лет, находился на стационарном лечении во втором хирургическом отделении „Скорой помощи" КОСМП с 3.09 по 11.09.1995 года. Диагноз: ушиб головы, сотрясение головного мозга, закрытая травма живота».

Выписавшись из больницы, Станислав Сергеевич узнал, что в Кировском райотделе милиции лежит заявление его жены и дочери о принятии к нему за… хулиганство. Галушка, в свою очередь, подал заявление — просьбу о принудительном обследовании жены и дочки.

От автора. Заявление Галушка в милицию до сих пор «висит» между Кировским РОВД и психоневрологическим диспансером. Хотя по его факту (ведь были же побои!) должно быть возбуждено уголовное дело.

Заведующий отделением № 7 областной психиатрической больницы Анатолий Лазаренко при обследовании Станислава Сергеевича установил, что психика у него в полном порядке.

Станислав Сергеевич предоставил специалистам параметры генератора для экспертизы. Исследуя их, те пришли к выводу: неприятные физиологические ощущения он вызывает, хотя действие прибора в целом еще необходимо изучить глубже.

Собирая материал для этой статьи, я встречалась со многими родителями потерпевших от проповедников и экстрасенсов. Некоторые из них утверждают, что на сеансах видели неизвестный прибор.

Заведующий отделом по делам религии Днепропетровского облисполкома Олег Забегайло так прокомментировал ситуацию:

«В данном случае мы поставлены нашим законодательством в тупик. Судите сами: данная организация зарегистрирована в отделе юстиции Днепропетровского горисполкома как общественная, а действует как религиозная. Это нарушение Закона „О свободе совести и религиозных организациях". Но, согласно статье 8 этого же закона, религиозная организация даже не обязана уведомлять государственные органы о своем появлении… Да и наш отдел имеет право только наблюдать и советовать, но никак не контролировать, тем более не привлекать к ответственности. На богослужениях члены этой общины в нашем присутствии ведут себя в рамках закона (они нас знают)».

Пока же государственные и правоохранительные органы не наведут порядок, горожане сами пытаются противостоять влиянию секты. В городе создан целый «отряд сопротивления»: врачи, преподаватели, инженеры. Проводятся специальные лекции о том, как уберечь себя и родных от «целителей» и «проповедников». Но в силах ли они противостоять активной злой силе без поддержки власти и закона?"

Куда же смотрят спецслужбы? А вот куда.

Когда японская секта «Аум синрике» устроила газовую атаку в токийской подземке (20 марта 1995 года), встал вопрос о деятельности этой секты на территории России. В частности, фигурировала версия, что и отравляющие вещества, и оборудование для производства биологического оружия были получены «Аум синрике» от спецслужб России. Вот как прокомментировал эту версию представитель ФСК С. Васильев:

«… — Мы конфессиями не занимаемся. Раньше в КГБ был 4-й отдел. Но, как вы знаете, его разогнали. Что касается непосредственно секты „Аум синрике", мы ею интересовались на предмет экстремистских насильственных действий и на предмет обладания отравляющими веществами. Ни того, ни другого мы не обнаружили».

И вновь начинается бой: история зеленой коробочки

Есть у замечательного российского писателя Виктора Пелевина рассказ под названием «Зеленая коробочка». В присущей Пелевину неповторимой манере стеба, маскирующегося под серьезное исследование, он рассуждает о «ментальном луче смерти», которым может стать самое обыкновенное словосочетание, услышав или прочитав которое человек немедленно погибает. Тем же, кто не верит выкладкам автора или принимает их за шутку, Пелевин предлагает «поставить простой опыт — засечь по часам время и попробовать не думать о зеленой коробочке ровно шестьдесят секунд».

Ситуация с психотронным оружием в постперестроечной России напоминает мне идею этого рассказа. Раз услышав о психотронном оружие, никто уже не может избавиться от мысли о том, как он его, оружие, сам использовал бы, или о том, не находится ли он под его, оружия, воздействием. Мысль о психотронном оружии становится очень сильным оружием!

Несколько лет назад на выставке новых технологий была представлена разработка группы ученых Медицинской академии имени И. М. Сеченова под руководством доктора Игоря Смирнова, названная «Компьютерные психотехники». Работа произвела фурор. Доктора Смирнова пригласили в Америку для чтения лекций, на которых медиков было едва ли не меньше, чем представителей спецслужб. Технологии доктора Смирнова и его коллег включают психозондирование и психокоррекцию. Результат зависит от того, в чьих руках находится методика. К счастью, доктор Смирнов и его коллеги понимают всю меру ответственности. Например, они послали «куда подальше» политиков, предложивших воздействовать… на волю избирателей.

Но так поступает далеко не каждый. Во всем мире, включая Россию, ныне широко распространено психокодирование. В лечении ряда психических и психосоматических заболеваний без него не обойтись. Но ведь кодирование в разных формах применяется самозваными целителями, магами, колдунами в самых разных, порой далеко не благовидных целях. Правительство Москвы сделало верный шаг, запретив массовые сеансы гипноза и полугипноза.

В лечебную практику все шире входит метод нейролингви-стического программирования или гипноза по Милтону Эрик-сону. Он открывает редкую возможность закладывать прямо в подсознание программу на выздоровление. Но ведь вместо нее можно заложить любую установку. Что порой, к сожалению, и делается.

Кстати, в подмосковных санаториях заморскими специалистами были проведены несколько семинаров-практикумов по нейролингвистическому программированию, в которых мог участвовать любой желающий. Судя по сообщениям, там изучались такие темы: «Как изменить сознание», «Как дать клиенту новую установку» и т. д. По итогам семинаров засняты и свободно продаются видеофильмы-наставления.

Специальная ассоциация эриксоновского гипноза выпустила на русском языке серию самоучителей: «Семинар по Милтону Эриксону», «Сам себе родитель», «Как стать счастливым невротиком» и другие.

Или вот метод регрессивного гипноза, который фактически широко применяется в нашей стране приверженцами саентологии.

А совсем недавно российские спецслужбы выступили с обращением к гражданам России, в котором им, гражданам, рекомендовалось не сильно увлекаться иностранными

телесериалами. Дело в том, что объем поступающей из-за границы телепродукции столь велик, что соответствующие подразделения спецслужб не успевают ее обрабатывать на предмет выявления так называемых «спрятанных кадров», то есть кадров, которые не фиксируются глазом, но зато прекрасно усваиваются человеческим подсознанием. И какая информация содержится в этих кадрах, какие установки там заложены — бог весть.

Безответственное использование гипноза, трансмедитативных тренингов и кодирования порождает массу людей со «сдвинутой» психикой, искаженным восприятием мира, внушенными извне целевыми установками. Эта проблема ныне весьма актуальна для России, где люди, находившиеся длительное время под прессингом безусловного подчинения, постепенно приобрели высокий уровень внушаемости.

Появились проходимцы, откровенно наживающиеся на «мифе о психотронном оружии». По этому поводу приведу статью Аллы Малаховой «Кто защитит „зомбированных"?»

«Неизвестно, есть ли психотронный террор, но получить справку о том, что вы его жертва, оказывается, можно».

Может, помните некоего Штирнера — изобретателя из романа Александра Беляева «Властелин мира»? Этот злой гений сконструировал чудо-генератор, воздействующий на психику людей, лишая их способности совершать осмысленные действия. А затем, в идеале, заставляя делать то, что ему — властелину — было нужно.

В нынешней популярной литературе подобный процесс назван «зомбированием». И сотни наших сограждан утверждают, что некие сверхсекретные службы воздействуют на их психику с помощью психотронного («пси») оружия.

…Звонит недавно в редакцию средних лет женщина, назвавшаяся Розой Сергеевной. И требует, чтобы ее немедленно выслушали, иначе она наложит на себя руки. Ничего не остается, как внимать ее долгому, путаному монологу. Улавливаю, однако, что у нее «все болит, жуткая бессонница, а голова — просто неподъемный чугунок». Оказывается, уже несколько лет спецслужбы под видом соседей следят за несчастной и воздействуют на ее мозг посредством СВЧ-генератора, находящегося за стенкой, прямо в изголовье ее кровати.

— Зачем же вы им понадобились? — допытываюсь у жертвы преследования. — Вы — пенсионерка, живущая тихо, скромно, одиноко…

— Но у меня два высших образования! — возмущается собеседница. — Я отношусь к общественной элите! К тому же мои родители были весьма заметные личности. Они оставили мне хорошую квартиру и дачу. И спецслужбы пытаются изгнать меня отовсюду. Они меня измучили, довели до крайности! — кричит она в отчаянии.

Собеседница требует помочь ей добыть справку, удостоверяющую, что она — жертва психотронной атаки. «А то меня в „психушку" пытаются упечь», — заговорщически шепчет Роза Сергеевна.

Заветную справку, «оберегающую от преследований медиков и милиции», добыть, оказалось, можно, и только у председателя «Московского центра по борьбе с психотронным терроризмом» Николая Анисимова. Личность эта популярна в узких кругах «зомбированных». Его с просьбами о помощи атакуют почти ежедневно все новые «жертвы». И «защитник» собрал за несколько лет работы огромный архив о судьбах своих подзащитных.

Знакомлюсь с некоторыми кандидатами в «клиенты» Николая Ивановича.

Его «ограниченный контингент», прямо скажу, более чем специфический. Как правило, это люди с отклонениями в душевном здоровье, почти все состоят на учете в психдиспансерах, многие — бывшие клиенты психиатрических клиник. Один из них — Андриан Васильев, молодой парень.

— Сейчас не работаю, — говорит, — нет сил. «Пси»-оружие не позволяет спать, душит ужасными запахами, заставляет кричать и все время бегать в туалет. Моего папу —

геофизика — «пси» убило в прошлом году. А медики поставили диагноз: «рак внутренних органов». Я пока сопротивляюсь — купил гантели…

Андриан — инвалид 3-й группы. Врачи, по его словам, «твердо считают его чокнутым». А между тем пресловутое «пси» уже нацелено на его маму, брата и обеих сестер. Свои дневниковые записи о наблюдениях за «пси» Андриан засылает в «Новости разведки и контрразведки».

Еще одна претендентка на получение защитной справки — престарелая Декабрина Изотина. Симптомы те же: боль во всем теле, страх преследования спецслужбами.

— Медики сожгли мне все внутренности, — жалуется она, — выбили зубы и разрушили зрение. Каждый день гоняются за мной на «скорой помощи», хотят опять заточить в «дурдом». Я вынуждена скрываться, кочевать по чердакам и подвалам. А не то выкачают, ироды, из меня весь спинной мозг.

В психбольнице № 1 им. Алексеева (бывш. Кащенко), где Изотина находилась на излечении, в ее личной карте записано: «шизофрения с манией преследования». Лет 15 назад Декабрина Ильинична перенесла тяжелейшую черепно-мозговую травму: ее сбил бетоновоз-Вячеслав Светашев, 50-летний рабочий котельной, 10 лет назад, по его словам, «накрыл» группу кагэбэшников… у себя дома, когда они облучали его из-за стенки СВЧ-генератором (он понял это по характерному гудению). Да еще и кричали при этом во всю ивановскую пьяными голосами (для отвода глаз). Вячеслав Александрович не убоялся заявить в КГБ об экспериментах над собой и был немедленно препровожден в «психушку», где ему, по его словам, поставили диагноз «дурака 2-й группы». Бессонницу и жестокие физические страдания выносить было невозможно (эфэсбэшники, преемники кагэбэшников, и там достали), поэтому Светашев проглотил разом 180 таблеток психотропных препаратов. Но чудом уцелел («эфэсбэшники и откачали»). Он еще дважды пытался покончить с собой — неудачно. Ныне Светашев, по его выражению, «продолжает жить и мучиться в психотронной тюрьме».

Надо полагать, с российским «списком Штирнера» более или менее ясно…

Николай Анисимов, защитник всех угнетенных «пси-оружием», охотно идет на контакт с прессой, организует различные уличные шествия и иные броские действа, чтобы привлечь к своей организации, созданной под крышей Информационного центра по правам человека, всеобщее внимание.

О справках — отдельный разговор. Получить справку не так-то просто. Дело в том, что сам Анисимов тоже называет себя «жертвой преследований», скрывается, поэтому на контакт с очередными просителями документа, не проверив, идет крайне неохотно.

Николай Иванович постоянного места жительства не имеет: живет то у одной «жертвы облучения», то у другой. И все время почему-то у женщин (наверное, потому что они более сердобольные и горой стоят за своего опекуна). Попасть к нему «на прием» можно лишь по рекомендации уже знакомых ему «клиентов». Изменив свою внешность (парик, очки), я в один ненастный день вместе с Розой Сергеевной отправилась на встречу к Анисимову.

Дверь в одной из квартир на Сумском проезде была наглухо закрыта, хотя мы точно знали, что Николай Иванович должен быть дома. Долго звонили и стучали, пока наконец мужской голос раздраженно поинтересовался, что нам нужно. Услышав, что речь идет о справках, он сказал, что «порядок выдачи прежний».

«Справкодателю» необходимо было заплатить деньги — 20 тысяч рублей. Для бедных больных людей — сумма немалая. Да еще каждая из клиенток Анисимова, зная, что живет он на правах бомжа по чужим углам, почитает своим долгом принести ему в качестве презента каких-нибудь продуктов. Вот и в тот день Роза Сергеевна захватила с собой «разных овощей, молока да еще приличный кусочек сыра». Оказывается, когда она в предыдущий раз явилась с пустыми руками, справки ей Анисимов не выдал. Кроме всего, у них еще раньше вышел

конфликт из-за того, что «вождю» негде было жить, а Роза Сергеевна, «постеснявшись соседей», отказалась пустить его к себе на постой. И он решил отомстить «жадной женщине» отказом в выдаче справки.

Наконец-то Роза Сергеевна стала обладательницей вожделенного документа: на «фирменном» бланке с двумя печатями — заключение «комиссии» в лице председателя Комитета по защите граждан от психотронного оружия Анисимова Н. И. и председателя Комитета по экологии жилища (на печати значится: «Экологическая и правозащитная общественная организация против психотронного оружия») в лице Чирковой Э. —С. о том, что подзащитная «испытывала на себе воздействие облучения, выражающееся в повышении давления, отеке слизистой рта, першении в горле, спазме мышц». Интересен тот факт, что Анисимов, признавший в справке, что «микроклимат в квартире не пригоден для проживания», сам же потом охотно там проживал.

Розу Сергеевну я осторожно предупредила, чтобы она не относилась с полным доверием к своему постояльцу. У меня были на то основания. Дело в том, что родом Анисимов из Новосибирска, в Москве же проживает без документов и прописки (регистрации). То «служебное удостоверение», которое он сам себе выдал, не в счет. Он сочинил легенду, что паспорт у него похитили (за ним-де тоже охотятся), но восстановить он его не может, так как для этого нужно ехать в Новосибирск. Но тогда… спецслужбы убьют его маму. Такое вот мелодраматическое толкование своего странного бомжевания.

Кстати, насчет загадочного появления Николая Ивановича Анисимова в столице есть один интересный, хотя и требующий проверки, факт. В 1987 году некто инженер-геофизик по фамилии Ключев, будучи в командировке в Новосибирске, остановился в гостинице «Обь», где вместе с ним в номере проживал некий Валентин Родичкин, который представился Ключеву как «эксперт по реабилитации психических больных». На следующий день Родичкин скрылся, прихватив деньги из кармана Ключева и даже зачем-то умыкнув с его пиджака значок «Отличник газовой промышленности».

Ключев обратился в местную милицию, где ему сообщили, что давно наблюдают этого типа, но не могут поймать с поличным. Он же промышляет в городах Омске, Томске, Новосибирске.

Нынешним летом Ключев, чья близкая родственница, живущая в Москве, тоже считает себя жертвой психотронного оружия, мельком познакомился с Анисимовым на квартире у этой самой родственницы. И заметил, что «Анисимов очень напоминает Родичкина. Хотя прошло девять лет, процентов на 70 это тот самый тип»…

Самозванным Остапом Бендером найдена отличная, пока никем не занятая ниша. И человеком, паразитирующим на доверии больных, в основном одиноких людей, до сих пор никто не занялся".

Чрезвычайно интересным (и в каком-то смысле расставляющим точки над і) мне показалось интервью ведущего русского ученого в области аномальных явлений, академика Академии медицинских наук, академика Академии естественных наук и академика Петровской академии В. Казначеева корреспонденту газеты «Советская Россия»:

"Корр. Уважаемый академик, зная ваш характер, могу сказать, что в направленном психическом воздействии на людей с целью достижения заданных целей вы видите не сенсацию, а науку будущего. Как в таком случае оценить сообщения из писем читателей, что кого-то якобы просвечивают лучами, кто-то слышит голоса, которым он не может противиться, кто-то против своей воли делает то, что противоречит его жизненным установкам, и так далее?

В. К. Видите ли, это практика психотроники, а я занимаюсь чистой теорией. Вы помните, несколько лет назад мы беседовали с вами об астрологе Вронском? Тогда важно было

утвердить его школу в науке, а уж совсем не то, как он определял влияние фазы Луны на рост моркови.

Корр. Мы сильно отстали в психотронике?

В. К. Я бы этого не сказал, мы отстали в ее популяризации. Ведь не сомневаются, что для большинства читателей «Советской России» сам термин «психотроника» столь еще туманен, как и другие понятия из области парапсихологии.

Корр. Пользуясь случаем, сообщу, что Ассоциация всемирной психологии, председателем которой является член множества международных академий Эдуард Наумов, выпустила библиографический справочник, тираж которого нелеп до смешного 400 экземпляров. Но еще несколько десятков осталось, и кто интересуется, может позвонить. Однако о психотропных войнах там нет ни слова.

В. К. Разумеется. У нас эта тема семь десятилетий была «закрыта». А вот в отличие от нашей страны на Западе книги на тему о психотронной войне выходят регулярно. Их пишут главным образом специализирующиеся на парапсихологической теме журналисты. В 1984 году была издана книга признанных во всем мире парапсихологов Рассела Тагра и Хита Харари «Гонка умов», в которой они предупреждают мир о гибельности для человека как биологического вида психотронной войны и призывают все мировое человечество отказаться от психического воздействия.

Все методы и средства направленного изменения человеческой психики в определенных целях — начиная от школьного воспитания и до наркотиков, сильного алкоголя, нейролептиков и многочисленных прочих психотропных средств воздействия определенными способами — это лишь часть арсенала психотронной войны. Это и есть психотронное оружие. В истории войн эти силы и средства могут быть основными или просто составлять часть многочисленных методов и технологий «горячих» и «холодных» войн. Психотронное оружие — неотъемлемая, неминуемая часть вооружений любых военных, армейских, бандитских или криминальных формирований.

Корр. Ну как же так: психотропные средства — это лекарства, они изобретены на благо человека. И вдруг они — оружие уничтожения?

В. К. Жизнь такова, что все, сделанное наукой во благо человека, пытаются обратить ему во зло.

Познание механизмов и средств управления поведением человека в необходимых целях неотделимы от возможности их применения силами зла.

Осознать это принципиально важно, так как любые запреты научных исследований или их засекречивание лишают нас новейших средств и методов получения различных благ, новых видов лечения, возможности расширения сферы действия добра.

Человековедение, в частности изучение самого человека и его психики, невозможно засекретить от самого человека. Следовательно, все силы должны быть направлены на исключение, искоренение любых возможностей сил и средств науки действовать во зло. И особенно парапсихологии".

Герострат жив!

Размышляя на темы, связанные с психотронным оружием и возможностями его применения в нашей стране, автор этих строк решился написать в свое время фантастический роман-детектив, в котором рассматривалась ситуация выхода психотронных разработок из-под контроля спецслужб. Недавно роман был опубликован в одном из

московских издательств. Антигерой детектива, принявший псевдоним Герострат, является специалистом в области психотроники, причем психотро-ники на высшем пике своего развития: психотронные генераторы, «зомби» и секты в романе встречаются практически на каждой странице. Пользуясь тем, что разработки по психотро-нике вышли из-под контроля спецслужб и правительства, Герострат использует их, чтобы «разрушить ненавистный ему мир». Только вмешательство Положительного Героя позволяет предотвратить грядущую катастрофу.

Этот роман — выдумка чистейшей воды, но недаром специалисты и журналисты, занимающиеся историей разработок психотронного оружия, предупреждают нас, что в условиях нестабильной государственности и совершенной секретности может произойти утечка специальной информации в криминальные структуры или в страны с тоталитарными режимами и претензиями на мировое господство. Даже если «психотронный генератор» еще не доведен до конца, даже если он нуждается в обслуживании со стороны высококвалифицированного экстрасенса, опасность от этого не становится меньше. Психотронное оружие может оказаться в руках Герострата, и это изменит историю. В не лучшую сторону.

Поэтому я всячески приветствую любые попытки государства и общественности сделать спецслужбы более открытыми, готовыми отвечать на вопросы (в определенных рамках, конечно) и принимать ответственность. В конечном итоге это идет на пользу и самим спецслужбам.

АЛЕКСАНДР БОРИСОВ. ТЕЛЕПАТЫ В ПОГОНАХ

Особое место в магической и сакральной практике отводится именам. Личное имя — безошибочный код человека ли, духа ли, божества. Чтобы не вызвать ненароком недобрый дух, не потревожить грозное и всемогущее божество, существовал запрет на произнесение их имен. Имена эти хранились в тайне, и вместо них использовались разные замещающие слова. Например, слово «Всевышний» употреблялось вместо имени Бога, слова «нечистый», «лукавый» обозначали силы зла.

Любопытно возникновение таких же «магических», замещающих слов в нашей жизни. И здесь такие замещения порождены страхом перед слепой и непонятной силой, страхом, как бы перенесенным из капищ древности в тревожные реалии современности. В свое время, чтобы не произносить аббревиатуры ЧК и НКВД, было придумано иносказательное выражение «куда следует» («Забрали, куда следует», «Сообщил, куда следует»). В соответствии с той же логикой осторожности, еще не так давно в чиновных кругах не принято было упоминать Комитет государственной безопасности. Вместо КГБ обычно употребляли заменяющее слово «соседи». Точно так же в этой среде не принято было говорить «ЦК КПСС» — полагалось произносить магический замещающий термин «директивные органы».

С другой стороны, в сталинские времена, по свидетельству одного из руководителей советской разведки — П. А. Судопла-това, чтобы скрыть имя того или иного высокопоставленного руководителя, принимавшего решения и, естественно, понимавшего, что именно он понесет ответственность за последствия, говорили обобщенно и просто: «инстанция». А время затем «выветривало» не только из человеческой памяти, но даже из архивных документов имена «авторов» роковых для страны и ее народа «законов», «постановлений», «указов» и иных распоряжений. И даже сегодня, в эпоху постсоветской «демократии», порой невозможно определить, кто именно еще вчера написал ту или иную «свежую директиву». Опять — «инстанция»!..

Людей, обладающих способностями вызывать и материализовать духов с помощью магических слов, можно условно разделить на три категории. Большая, традиционная группа известна давно. Это колдуны и шаманы. Такие исключительные их способности, как

ясновидение, целительство, воздействие на расстоянии на людей и животных, в последние годы получили многочисленные научные подтверждения, хотя и не обрели объяснения, что, впрочем, не так уж и волнует носителей этого дара. Благодаря тому что и шаманы, и колдуны живут чаще всего среди тех, кто готов принять все самое что ни на есть необыкновенное, паранормальные потенции имеют возможность максимально проявиться.

В отличие от колдунов и шаманов участь тех, кого называют экстрасенсами, куда труднее и прискорбнее. Они подобны травинкам, которые с трудом пробиваются сквозь бетонную толщу города. Этим самородкам приходится жить в среде, совершенно чуждой как их способностям, так и им самим. Значительная доля усилий экстрасенса уходит на то, чтобы выжить в инородной среде, не жертвуя за это своим даром. И лишь то немногое, что остается у него после этого противостояния, может он посвятить своим несчастным согражданам, тщетно пытающимся понять сквозь шоры навязанных с детства догм и его самого, и все, что он делает.

Третью, совершенно обособленную группу, причастных к этим феноменам составляют святые, люди разных вероисповеданий. Для них возможности аномального не представляют никакого значения и интереса. Понимая, что такие способности никак не связаны с благодатью, они чаще всего пытаются их скрывать или игнорировать, справедливо видя в них лишь помеху на пути духовных свершений.

Как гласит церковное предание, однажды к Авве Сисою пришел мирянин с мертвым сыном на руках. Припав к ногам святого, он положил сына и удалился. Полагая, что ребенок просто замер в пелене, старец сказал:

— Вставай, иди себе.

Отрок встал и вышел из кельи. Когда же потрясенный отец принялся благодарить святого за совершенное чудо, старец опечалился: возвращение к жизни свершилось не по его воле — он не хотел впадать в соблазн чудотворения.

Известно, что многие подвижники и святые намеренно скрывали от современников исключительные свои способности. Подвижники-суфии сравнивают возможности паранормального с занавесом, который лишь отгораживает человека от Бога. И буддизм, и классическая йога, и христианство равно не одобряют стремления к чудотворчеству. Подвижник или святой может оказаться наделенным паранормальными способностями, а может и не иметь их — это никак не соотносится с мерой его святости и совершенства. Точно так же, если живущий в миру человек обладает такими способностями, это отнюдь не свидетельствует о духовных его совершенствах и благодати…

Давайте теперь перенесемся из времен библейских во времена советские. С помощью нашего обыденного воображения представим себе большой чиновничий кабинет той самой «инстанции». Вообразим в этом кабинете ответственное лицо — из тех, на ком завершается дорога «куда следует». Допустим, что это лицо в ранге полковника милиции.

Кроме самого полковника и еще двух его коллег здесь же находятся трое штатских — мужчина средних лет и две женщины. Хотя полковник сидит за своим служебным столом, как бы председательствуя, по тому, как непринужденно расположились в креслах остальные, сразу становится понятно, что это не служебное совещание, а нечто неофициальное. И предмет разговора соответствует явной неофициальности этой встречи — речь идет о последнем событии спортивного сезона, причем говорят о нем столь оживленно, что можно подумать, будто здесь собрались только ради этого. Но мы с вами все-таки дождемся той минуты, когда в дверь проскользнет невидный человек с папочкой и мягким движением положит ее перед шефом. Полковник тотчас же раскроет ее — но вошедшего уже не будет в кабинете. У тех, кто работает в системе, никакая должность не требует такой сноровки и вышко-ленности, как та, что связана с бумагами и начальством.

— Милые дамы, — говорит полковник, вынимая из папки несколько фотографий, — позвольте мне для краткости называть вас так. И вы, — обращается он по имени и отчеству к штатскому. — Мы встречаемся с вами в этих стенах не первый раз. И должен сказать от себя и от руководства, что мы весьма признательны вам за ту помощь, которую время от времени вы оказываете нашему ведомству. Как вы понимаете, мы стараемся обращаться к вам только тогда, когда вопрос достаточно важен, а все другие наши возможности исчерпаны. Эта сумма обстоятельств привела к нашей встрече и на этот раз. Не буду утомлять вас деталями — они нам неизвестны. Единственное, чем мы располагаем, — это фотография, которую я хотел бы вам показать.

С этими словами полковник протянул руку с фотографиями прямо перед собой, и в ту же секунду они были подхвачены его коллегой, бесшумно метнувшимся к столу начальника. Одна из женщин взяла фото, другая, не глядя, положила его перед собой изображением вниз. Мужчина не взял, сделав рукой отвергающий жест.

— Как видите, — продолжал полковник, — перед вами клише для печатания денег. Причем довольно крупных купюр — по пятьдесят и по сто рублей. Это единственная нить, единственный след, который мы имеем. Я знаю, обычно вы не задаете вопросов, но, если бы вы их и задали, повторяю, сегодня я едва ли мог бы сказать вам больше того, что сказал.

Наступила пауза.

— Вижу берег, — произнес вдруг мужчина.

— Зима, — добавила одна из женщин.

Мужчина кивнул. Казалось, сквозь благородные черты его лица смотрела и на этот кабинет, и на полковника под портретами Ленина и Горбачева целая вереница аристократических предков, как и он в эту минуту, знающих и видящих что-то недоступное другим.

Потом заговорили, поправляя друг друга, обе женщины. Затем опять мужчина. Обрастая все новыми деталями, вырисовывалась картина: «Зимний вечер». — «Нет, скорее ночь. Но не поздно еще». — «Да, еще не ночь, но темно, темнеет рано. Уже луна». — «Не вижу луны». — «Я вроде вижу, но не ясно. Вижу скорее свет на снегу. Кажется, лунный». — «Да, именно на снегу». — «Берег пустынный. Дом на косогоре, выше берега». — «Ничего рядом нет, только дом. Дом вижу четко. Деревянный, деревенский, четыре окна. Света в окнах нет». — «Да, света нет. Забор. Скорее штакетник, вероятно новый. Или покрашенный недавно. Цвета не вижу, темно. Но покрашен недавно».

Это напоминало замедленный фильм. Потом они «видели», как из дома вышли двое, мужчина и женщина. Тогда же уточнилось время: между одиннадцатью и двенадцатью ночи. Мужчина и женщина несут тяжелую сумку. С трудом несут. Доходят до берега, идут вдоль него, переходят на лед. Лед не крепкий. Трещит под ногами. В одном месте лед разбит, вода. Бросают туда содержимое сумки. Всплеск. Темная вода. Неглубоко. Идут обратно.

Как выяснилось позднее, все было именно так. Напечатав столько ассигнаций, что их хватило бы «на три жизни», они не поддались искушению многих фальшивомонетчиков продолжать печатать, пока не поймают, и решили бросить ненужные больше клише у глухого берега в воду. Куда уж надежнее можно убрать концы? Это, возможно, никогда бы и не всплыло, потрудись они пройти подальше от берега хотя бы еще на несколько метров. Там же, где бросили они содержимое сумки, летом, когда река обмелела, проступило дно. Досужие ребятишки нашли клише и притащили домой для своих детских нужд. Но вскоре тяжелые свинцовые пластины оказались в сейфе у следователей уголовного розыска, не имевших ни малейшей зацепки, где и кого искать.

Фальшивомонетчики вели себя крайне осмотрительно. Действовали они и вправду только вдвоем, так что утечки информации через других сообщников быть не могло. К тому же, избавившись от клише, они не роскошествовали, старались жить так, чтобы не привлечь

к себе внимания. Огромную сумму денег, которую им удалось напечатать, эта пара постепенно вкладывала в дело, но так, что почти невозможно было найти ни малейшего к ней следа.

Когда розыск зашел в тупик, тогда и пригласили трех ясновидцев в тот неприметный особняк, где уже случалось им бывать по подобным поводам. Как и прежде, кроме нескольких человек, уже с ними работавших, никто не знал, с какой целью эти люди приглашены в кабинет полковника. Даже следователей, непосредственно занимающихся этим делом, не поставят в известность, от кого и каким путем получена подробнейшая информация, которая позволит им выйти на злоумышленников.

Не замеченные ранее ни в чем предосудительном, не значившиеся ни в одной из криминальных картотек, разве могли фальшивомонетчики предположить, что профессиональные охотники за преступниками обратятся на этот раз к ясновидящим?..

…Когда оперативные работники и следователь приехали на место убийства, оказалось, что делать им там практически нечего. Убийцу никто не видел, ни малейших следов, ни отпечатков пальцев он не оставил. Среди немногих предметов, приобщенных к делу, оказался листок бумаги с несколькими словами. Очевидно, обрывок письма. Кому принадлежало написанное — установить не удалось. Маловероятно, но был шанс, что клочок бумаги выпал из кармана убийцы. Хотя, даже если и так, этот след мало что расскажет в руках даже самого опытного криминалиста. Но не ясновидящего.

Сначала «пошла картинка», и ясновидящие увидели этого человека. Дали его словесный портрет. Потом смогли описать квартиру, дом, улицу, на которой он жил. И, наконец, назвали город в Сибири, за тысячи километров от места преступления.

Информация, полученная от ясновидящих, помогла следователям собрать улики, и убийца, который был совершенно уверен, что никто никогда его не найдет, предстал перед судом.

Другой случай. К Людмиле К., наделенной даром «прямого знания», обратились следователи из Смоленска. В Глинковском районе Смоленской области пропали две женщины, бухгалтер и кассир. Пропали после того, как получили в банке значительную сумму наличными, предназначенную для выдачи зарплаты. Стали деньги добычей преступников или сами женщины отправились с ними в бега, у следствия не было ни малейших данных.

«Я попросила показать мне их фотографии, — рассказывала Людмила К. — Что ж? С первого взгляда „увидела", что и та, и другая не живы. Сомнения даже не было. Чтобы найти, где похоронены они или зарыты, я „посмотрела" карту города, райцентра. Там их не было. Тогда мне принесли очень подробную карту окрестностей. Здесь я их и „увидела". Обозначила место на берегу реки, в районе Зеленый Мох. Сказала, что зарыты они неглубоко, не больше метра от поверхности земли. Поисковая группа отправилась на место, которое я указала, и сразу же нашла их. Зарыты были они действительно неглубоко. „Видела" я и человека, который это сделал. Дала его словесный портрет, как говорят в таких случаях. Этот человек, сказала я, обладает властью, ездит на служебной машине. Очень искушен в делах закона и права. Был близок с одной из убитых. С ней и вошел в сговор, чтобы совершить преступление. Но с самого начала задумал убить и ту, и другую. Потом мне позвонили из Смоленска. Убийца был арестован. Им оказался прокурор города. Показания его подтвердили мои слова».

Как-то в Москве из тюрьмы бежал опасный рецидивист. На поиски его были брошены все незадействованные силы. Безрезультатно. Ясно было, что рано или поздно он сам обнаружит себя. Обнаружит через новое преступление. Но это — снова чье-то горе, слезы, возможно, кровь. Нужно было любой ценой опередить такое развитие событий. Тогда снова

пришли к Людмиле К. По фотографии и по карте она определила, где преступник. Он был схвачен в течение нескольких часов в другом городе.

Для обычного человека шпионские истории, погони и перестрелки не более чем захватывающий спектакль, за которым можно пассивно и без малейшего риска следить по экрану телевизора или по печатным страницам. Но есть рядом с нами люди, для которых все это — повседневное бытие. Хотя речь пойдет не о них, а об одной из ситуаций, связанных с их миром.

Какое-то время назад к московскому ясновидящему, просившему не упоминать его имени (надо полагать, не только из скромности), пришли люди, назвавшиеся сотрудниками уголовного розыска. Они принесли три фотографии: молодого человека, его жены и ребенка. Все трое пропали. В субботу отправились на машине в лес и не вернулись. Выяснилось это только в понедельник, когда молодого человека не оказалось на рабочем месте.

По тревоге были подняты все службы, что делается в подобной ситуации только в исключительных случаях. То был именно такой чрезвычайный случай, хотя ясновидящему об этом не сказали. Посетителей волновали два вопроса: «Жив ли молодой человек?» и «Где он?» Ясновидящий ответил только на первый: пропавший жив и телесных повреждений у него нет. Указать же место его пребывания не смог. Сказал только, что «видит» его вне Москвы, в доме, окруженном лесом. С ним два человека. Но это не жена и ребенок.

Человек, которого искали люди, назвавшиеся сотрудниками уголовного розыска, был не кто иной, как шифровальщик учреждения столь закрытого, что ни близкие, ни друзья не знали настоящего места его работы и занятия. Те же, кто сумел это узнать, выследить его и похитить, имели для подобных действий, надо думать, достаточно веские причины…

За несколько дней до XIX партконференции, проходившей, как известно, в Москве, известного экстрасенса В. Балашова пригласили в ту организацию, о которой все знают, но которую до недавних лет упоминать всуе было не принято. Там ему показали фотографии двух самодельных взрывных устройств с часовыми механизмами. И то и другое нашли в метро пассажиры. Заметив кем-то «случайно» забытую сумку, они отнесли ее в милицию. Дежурный милиционер развернул сверток…

Если бы нашедший вынес его из вагона на следующей станции или просто замешкался, мощный фугас мог бы взорваться у него в руках — до взрыва оставалось всего пять минут. В другой бомбе, когда ее вскрыли, запас времени составил около получаса. Страшно представить себе последствия и число человеческих жертв, если бы они взорвались. К счастью, этого не произошло. По чистой случайности эти две бомбы нашли и их удалось обезвредить.

Можно понять ту тревогу, которая охватила службы, отвечающие за безопасность в городе. Тем более накануне политического события, к которому было приковано внимание не только в стране, но и за рубежом. Лучшие эксперты скрупулезно обследовали каждый миллиметр взрывных устройств. Ничего. Ни малейшей информации, ни единой нити, за которую можно было бы ухватиться. Не оказалось даже отпечатков пальцев, что вообще было странно.

В этой исключительной ситуации решено было прибегнуть к неординарному способу поиска террористов — с помощью ясновидящего.

"Прежде всего меня спросили, — вспоминал Виктор Балашов, — могу ли я указать, где были изготовлены бомбы. Я «увидел» как бы сарай из белого кирпича на окраине Москвы. Если ехать по Ярославской дороге, то по правую руку, не доезжая до первой станции. Моих собеседников не менее интересовал вопрос, кто подбросил бомбы, как выглядели террористы. Их я «увидел» тоже без труда. Особого труда в этом деле, собственно говоря, и нет. Картинка либо приходит, либо не приходит. Здесь она пошла, и я смог подробно описать тех, кто подложил бомбы в метро. Оба молодые, но один постарше. Тот, что старше, —

крепкого, спортивного типа парень в куртке. Другой — совсем молоденький, поменьше ростом, круглолицый. Когда я давал их словесные портреты, один из моих собеседников воскликнул: «Так вы же описываете тех, кто принес эти бомбы!» Я возразил: «Вы просили меня назвать тех, кто бомбы подбросил. О них я и говорю». После этого я описал путь каждого: на какой станции вошел в метро, где делал пересадку, в каком вагоне ехал. Тогда принесли фотографии тех пассажиров, которые, как считалось, проявили чуть ли не героизм, нашли и сдали свертки в милицию. Я только взглянул — они! «Бдительные пассажиры» были те самые двое, что вошли с бомбами в метро. Когда у них брали показания, был записан путь, которым ехал каждый: на какой станции вошел, где пересаживался, в каком вагоне ехал и т. д. Оказалось, что их маршруты полностью совпали с теми, которые я воспроизвел.

Как я тогда понял, никакого злодейства не предполагалось. Накануне партконференции кому-то очень было нужно ради каких-то политических игр создать видимость угрозы террористических актов. Многие москвичи помнят, как тогда на всех станциях метро дикторский голос беспрерывно призывал тех, кто в такой-то день во столько-то часов и столько-то минут следовал по такой-то линии и заметил, кто оставил в вагоне сумку с изображенным на ней женским профилем, срочно позвонить по такому-то телефону. Поняли ли мои собеседники, что случившееся если и было террористическим актом, то не столько в прямом, сколько в политическом смысле? Я не уверен. Объяснять очевидное я им не стал…"

Действительно ли озарения, «прямое знание» связаны с неким выходом, мгновенным выпадением из потока времени, или происходит нечто совершенно иное — сказать трудно. Единственное, что можно констатировать: для тех, кто наделен этим даром, нет ни малейшей разницы, относится ли событие к прошлому, настоящему или будущему.

Драматический пример такого прозрения приводит известный бакинский экстрасенс Тофик Дадашев:

"Телефон зазвонил внезапно в четыре утра. В Бакинском аэропорту самолет с пассажирами захвачен террористом. В багажном отделении самолета среди вещей находится радиоуправляемое взрывное устройство с часовым механизмом. У террориста есть в самолете сообщники. Он поставил условие: вручить ему не позднее восьми утра пятьсот тысяч долларов. В противном случае он взорвет самолет вместе с людьми. Жизнь пассажиров нужно было спасать любой ценой, в том числе и той, которую назвал террорист. Но в самом Баку в банке такой суммы не оказалось. Пришлось срочно запрашивать Москву. Инцидент был неприятен еще и потому, что буквально через день Горбачев должен был прилететь в Лондон. Если новость о захвате самолета будет соседствовать в заголовках газет с сообщением о прибытии высокого гостя, это едва ли пойдет на пользу визиту. Так решили в Москве. Вот почему, пока готовили запрошенные деньги, в Баку приземлились два военных самолета с группой захвата. Нужно было выиграть время. Меня попросили уговорить террориста продлить срок выполнения его требования до двенадцати часов. Я дал согласие. После этого звонка спать я не ложился.

В семь утра за мной приезжает машина. Без пятнадцати восемь я уже в аэропорту. Меня встречает заместитель председателя КГБ республики и ведет в штаб, устроенный в здании аэропорта. Там уже находятся прилетевшие из Москвы военные. «Мы вас представим как работника республиканского МИДа», — предлагают мне. Я соглашаюсь. Но спрашиваю: «Вы действительно уверены, что его угрозы серьезны?» Мне отвечают: сомнений нет. На расстоянии .удалось прослушать тиканье часового механизма в багажном отделении. Кроме того, время от времени террорист переговаривается с сообщниками по рации. Говорит, обращаясь куда-то в глубь пиджака: «Толя, следи внимательно за задней дверью». Словом, дает распоряжения в таком духе.

Подвозят меня не к самому трапу: террорист запретил приближаться к самолету на машине. Иду пешком. Дверь открыта, в глубине, не высовываясь, стоит человек. Молодой, усы, борода. Сильно нервничает, я это вижу и, главное, чувствую. Говорю ему, что я —

представитель республиканского МИДа, и объясняю, почему необходимо продлить срок до полудня. Он говорит: «К двенадцати будет поздно». Я объясняю: «Другого выхода нет, вы должны это понять. У нас нет сейчас столько валюты, а к этому времени успеют доставить деньги из Москвы». Он настаивает на одиннадцати. Я еще раз мягко поясняю, что успеть раньше полудня невозможно. В конце концов он соглашается. Тогда я спрашиваю: «Почему вы решили лететь все-таки в Пакистан?» — и давай убеждать его, что для него это не лучший вариант. Немного подумав, он говорит: «Да, лучше в Непал». Это уже более спокойный, не напряженный разговор. Он как бы расслабился, что, собственно говоря, мне и было нужно. В это мгновение я уже «знал», что никакого взрывного устройства у него нет. И сообщников нет. Ничего нет. Все это блеф. И еще я почувствовал, что это человек не совсем здоровый. Психически, я имею в виду. Именно это остановило меня в ту минуту, хотя я мог подойти к нему вплотную, и он ничего бы не взорвал. Нечего было взрывать. Виду я, понятно, не подал.

В штабе мое сообщение выслушали с некоторым недоумением. Они там были настроены совсем иначе. Я сказал: «Понимаю всю мою ответственность, но чувствую именно так: ни сообщников, ни взрывчатки нет». Они посовещались еще. Прошло с полчаса, и в штаб внесли связанного недавнего моего собеседника. Все было так, как я почувствовал…"

Судя по всему, у тех, кто наделен даром прозрения, такое паранормальное знание проявляется сугубо индивидуально. Особенно когда дар такого «видения» обнаруживается впервые. Можно подумать, что речь идет о совершенно различных состояниях. Но речь все о том же. Различны лишь двери, через которые может прийти к человеку этот дар. Вот что рассказывает, как это произошло с ним, экстрасенс Виктор Балашов:

"В тот вечер я вернулся с работы и, как обычно, лег спать. Глаза, помню, еще не закрыл, гляжу на стенку. Темная стена, и вдруг на ее фоне вижу, как возникает роза. Светло-синяя, светящаяся роза. Неземного цвета. Аналогов ей среди цветов, которые я видел, нет. Она начинает как бы вращаться и уходит в сторону. Потом из точки снова как бы возникает этот странный цветок и опять уходит в сторону. Мне стало интересно, я принялся наблюдать за ним. Потом вдруг увидел нечто вроде темно-серого негатива фильма. Какие-то папоротники, растения пошли. Помню, я очень этому удивился. Смотрел-смотрел, и постепенно, незаметно это превратилось в окрашенный вариант. Преобладали цвета голубой, бордо и желтый. Огромные деревья типа пальм, но не пальмы. Все в полутонах, растения красоты необыкновенной. Они колыхались, как бы под ветерком, и не были похожи ни на какие земные. Я думал: что же будет дальше?

А дальше пошла картинка уже настоящая, если можно так сказать. Причем, я заметил, изображение имело ровные и четкие очертания — это был как бы экран. Можно верить или не верить всему, о чем я рассказываю. Я никого ни в чем не убеждаю. Но все это было. Правда, вот я говорю «пошла картинка», а, по сути, сказать так — значит сказать очень упрощенно и грубо о том удивительном, что увидел я в ту ночь. А увидел я освещенный солнцем залив и плывущие по нему корабли. Корабли типа галер. Слева стоят двухэтажные дома под плоскими крышами. Я очень долго смотрел на этот вид, смотрел примерно с уровня человеческого роста. Я разбудил сына, ему было тогда лет шесть, и спал он в той же комнате, рядом: «Витя, проснись! Скажи, ты что-нибудь видишь?» Он посмотрел, куда я указал ему: «Нет, папа, не вижу». Я говорю: «Ты протри глаза!» Он протер: «Нет, ничего не вижу». «Ну, тогда спи».

А «картинка» между тем продолжалась. Я было протер глаза сам. Думал, может, это галлюцинация, может, я с ума сошел. Нет, все видно четко. Уже рассвет начался — светает в конце мая рано. Но в комнате было полутемно: у меня всегда плотные шторы висят. Вдруг пошли странные и очень четкие изображения. Представьте себе нечто вроде ограждения из отлитых из золота воинов. Один, другой, третий и так далее — шеренга, уходящая вдаль.

Каждый — с копьем в руке. Смотрел я на эту, я бы сказал, заставку очень долго. Потом вышел, вернулся — все кончилось. Передо мной была просто стена…"

В такой извечно авторитарной стране, как Россия, где жизнь каждого всецело зависит от произвола правителя любого ранга, естественно, что издавна многие колдовские действия направлены были на то, чтобы снискать его благосклонность и любовь. Когда же такая попытка удавалась, то это было не чем иным, как насилием над этим правителем, над его волей и личностью. Множество сыскных и тайных дел посвящено было раскрытию подобных попыток. Злоумышления такого рода карались особо беспощадно, и те, кто решался обращаться по этому поводу к ведуньям и колдунам, шли на великий риск. Так рисковал жизнью, не только своей, но и своих близких, князь Василий Голицын, попытавшийся посредством чар снискать расположение, любовь и милость царевны Софьи. Когда же колдовство свершилось, князь, желая обезопасить себя — чтобы ведун, помогавший ему в этом, не разгласил тайны, — повелел сжечь его в бане.

На мысль об этом наводит и эпизод, который приводит в своих воспоминаниях Вольф Мессинг: «…со Сталиным я встречался и позже. Вероятно, по его поручению были всесторонне проверены мои способности. Помню такое: мне было дано задание получить сто тысяч рублей в Госбанке по чистой бумажке. Опыт этот чуть не закончился трагически. Я подошел к кассиру, сунул ему вырванный из школьной тетради листок. Раскрыл чемодан, поставил у окошечка на барьер. Пожилой кассир посмотрел на бумагу. Раскрыл кассу. Отсчитал сто тысяч… Закрыв чемодан, я отошел к середине зала. Подошли свидетели, которые должны были подписать акт о проведенном опыте. Когда эта формальность была закончена, с тем же чемоданчиком я вернулся к кассиру. Он взглянул на меня, перевел взгляд на чистый тетрадный листок, насаженный им на гвоздик с погашенными чеками, на чемодан, из которого я начал вынимать тугие нераспечатанные пачки денег. Затем неожиданно откинулся на спинку стула и захрипел. Инфаркт! К счастью, он потом выздоровел».

Скорее всего, если потом у кассира спрашивали, почему он так поступил, он едва ли мог дать этому какое-то объяснение.

Можно ли представить себе, что в наши дни существуют некие лаборатории, сверхсекретные центры каких-то еще более засекреченных ведомств, пытающиеся воздействовать на политических, государственных деятелей в мире, в котором мы живем?

Косвенным свидетельством интереса к этому со стороны спецслужб стало сообщение, появившееся какое-то время назад в зарубежной печати, об американском корреспонденте в Москве Роберте Тосе, проявлявшем повышенную любознательность к работам закрытых советских парапсихологиче-ских центров. Интерес этот привлек внимание КГБ, и корреспондента несколько раз приглашали для собеседования, чтобы выяснить, что именно удалось ему узнать.

Нарождавшиеся службы безопасности молодой Страны Советов проявляли самое серьезное внимание к деятельности оккультистов, что в немалой степени объяснялось некоторым страхом за возможные последствия их странных действий. Об этом свидетельствует, в частности, эпизод, невольным участником, а вернее, жертвой которого едва не стал Александр Леонидович Чижевский (1897 — 1964) — крупнейший советский биолог (любопытно, что он установил зависимость эпидемий, войн и революций от циклов активности Солнца), член многих академий мира.

Послереволюционный Петроград. Первые годы новой власти, от которой никто — даже, наверное, сами носители власти — не знал, чего ждать. В те дни в душах у многих соседствовали самые святые надежды и самое темное отчаяние. Надвигалась холодная и голодная зима. Вечерами улицы погружались во мрак. Трамваи почти не ходили или ходили

очень редко. Последнее обстоятельство и сыграло решающую роль в судьбе Чижевского. Точнее — спасло его.

Накануне один знакомый из философского кружка, где иногда бывал и Чижевский, пригласил его на очень важную, как обещал он, встречу с людьми, у которых якобы есть ответы на мучительные для многих вопросы. Такая достаточно туманная форма приглашения была как бы признаком приближавшихся тяжелых времен; когда осмотрительность и осторожность станут условием выживания. Адрес, записанный на клочке бумаги, являл собой название переулка где-то на окраине города. Эта удаленность, а может, и смутное нежелание отправляться туда — то, что принято называть предчувствием, — внушили было Чижевскому мысль проигнорировать приглашение. Тем более что он и не обещал определенно там быть. Когда уже вечером это необъяснимое чувство внезапно его оставило, Чижевский все-таки заторопился на встречу, жалея лишь, что опоздает.

Ко всему еще долго не было трамвая. Даже в те времена ему обычно не приходилось ждать так долго, как в этот вечер.

Когда наконец он вышел на нужной остановке и направился к указанному на листке переулку, навстречу ему стали попадаться встревоженные кучки людей. Все оборачивались в одну и ту же сторону — как раз куда он шел. Поначалу доносившиеся до Чижевского обрывки разговоров никак не соединялись в его сознании с местом, куда он направлялся.

— Сразу окружили, и все! Чекисты…

— Чекисты. Десять машин…

— Я как услышала, что стреляют…

— Никто не ушел…

Открывшийся ему за поворотом небольшой особняк, стоявший несколько на отшибе, был весь залит ослепительным и непривычным в те годы электрическим светом. Не менее десятка легковых машин, обступивших дом, заливали его ярким светом фар. Какие-то фигуры сновали с носилками между распахнутыми дверями особняка и стоявшим поодаль в тени фургоном.

Не останавливаясь и не замедляя шага, чтобы не обратить на себя внимание, Чижевский продолжил путь и, обойдя оцепление, постарался затеряться на глухих окрестных улицах.

Через пару дней он узнал, что же произошло в доме, куда он так счастливо опоздал к назначенному часу. В тот вечер там условились встретиться самые сильные оккультисты, экстрасенсы и «чернокнижники» Петербурга. Действо, которое они намерены были там сотворить, хорошо известно адептам тайных наук. Исследователи называют это инволютивной магией. Подобный прием един и у русских колдунов, и у колдунов Африки, и у сибирских шаманов или жрецов вуду. Для этого берется изображение конкретного человека, при помощи неких действий оно как бы идентифицируется с оригиналом, после чего все, что проделывается с изображением, должно отразиться на самом человеке.

Кто-то успел донести в ЧК о цели собрания. Дом был бесшумно окружен. Перед тем как с револьверами в руках одновременно ворваться туда через окна и двери, чекисты успели увидеть в небольшом зале человек двадцать, перед которыми стояли портреты вождей революции — Ленина, Троцкого и других. Собравшиеся проделывали с ними непонятные манипуляции. Интересоваться, что именно они сотворяли, у чекистов не было ни времени, ни нужды. Те, кто послал их, наверное, знали это лучше. Они же просто выполняли приказ — не задавая вопросов, не спрашивая имен, открыли стрельбу. Все, кто оказался в зале, были убиты на месте.

Можно составить длинный перечень различных целительств и чудес, совершенных разными оккультистами, магами, святыми. В качестве уникального и бесспорного примера приведу еще одно, более близкое к нам по времени. Это «исцеление по телеграфу» Иоанном

Кронштадтским наследника болгарского престола Бориса, от которого отступились было уже все светила тогдашней медицинской науки. За это Иоанн был награжден болгарским орденом.

Милиция против полтергейста

На протяжении всей истории нашей страны внимание органов безопасности и охраны правопорядка привлекали не только чудеса, производимые конкретными людьми, будь то экстрасенсы, маги, колдуны, святые и прочие чудодеи. Органы сталкивались (и сталкиваются поныне) также и с такими загадочными явлениями, у которых нет определенного, зримого «автора». Однако у этого невидимого «автора» имеется имя. В разных странах его называют «полтергейстом», у нас же чаще — «барабашкой». Известно и его более древнее имя, уходящее в глубь веков, — «домовой».

Вот как, основываясь на поверьях, существовавших в Воронежской губернии царской России, описывает происхождение домовых отечественный историк и этнограф М. Забылин:

"Бог при столпотворении Вавилонском наказал народ, дерзнувший проникнуть в тайну его величия, смешением языков; а главных из них, лишив образа и подобия своего, определил на вечные времена сторожить воды, леса, горы и пр. Кто в момент наказания находился в доме, сделался домовым, в горах — горным духом, в лесу — лесовиком и так далее. Поверье прибавляет, что, несмотря на силу страха, раскаяние может обратить их в первобытное состояние, поэтому народ видит в этих бестелесных существах падших людей и придает им человеческие формы и свойства.

По общим понятиям, домовой представляет собой дух бескрылый, бестелесный и безрогий, который живет в каждом доме, в каждом семействе. От сатаны он отличается тем, что не делает зла, а только шутит иногда, даже оказывает услуги, если любит хозяина или хозяйку. Он перед кончиной кого-нибудь в семействе воет, иногда даже показывается кому-нибудь из семейства, производит стук, хлопанье дверями и пр. По общему поверью, живет он по зимам близ печки или на печи, а если у хозяина есть лошади и конюшня, то помещается близ лошадей. Если лошадь ему нравится, то домовой холит ее, заплетает гриву и хвост, дает ей корма, отчего лошадь добреет, и, напротив, когда ему животное не по нраву, то он ее мучает и часто заколачивает до смерти, подбивает под ясли и пр. От этого мнения многие хозяева покупают лошадей той масти, которая ко двору, то есть любима домовым.

Если домовой полюбил домашних, то он предупреждает о несчастье, караулит дом и двор; в противном же случае он бьет и колотит посуду, кричит, топает и пр.

Тому, кого любит, завивает волосы и бороды в косы, а кого не любит, то ночью щиплет до синяков. По этим синякам судят о какой-нибудь неприятности, особенно если синяк болит. Также наваливается во время ночи на спящего и давит его так, что в это время нельзя ни пошевелиться, ни сказать слова. Обыкновенно эта «стынь» наваливается на того, кто спит на спине; в это время спрашивают: к худу или к добру, а домовой отвечает мрачным голосом — «да» или «нет».

Говорят, что он не любит зеркал, также козлов, а равно тех, кто спит близ порога или под порогом. Иногда слышат, как он, сидя на хозяйском месте, занимается хозяйской работой, между тем как, по-видимому, ничего этого не видно. Особенно любит домовой жить в банях и париться, а также в ригах и в других теплых местах, тоже его слышат и в театрах.

В простом народе к домовому питают уважение, так что мужичок боится его чем-либо оскорбить и даже остерегается произнести его имя без цели. В разговорах не называют его домовым, а «дедушкой», «хозяином», «набольшим» или «самим». При переходе или

переезде из дома в другой непременною обязанностью считают в последнюю ночь, пред выходом из старого дома, с хлебом-солью просить домового на новое место. Хозяйство каждого, по их мнению, находится под влиянием домового. Говорят, что домовой не любит ленивых, особенно ветряные мельницы.

Если домовой не будет любить хозяина, то он начинает проказить; в этом случае пред порогом дома зарывают в землю череп или голову козла. Вотяки называют домового Албаст или Коболт и верят, что домовой живет в старых домах, которые они сжигают".

Как правило, описание домового, или, говоря современным языком — полтергейста, делается со слов случайных свидетелей, соседей или самих жертв его действий. Однако вот случай, который предоставляет редкую возможность ознакомиться с официальным документом. Это рапорт, составленный подполковником милиции А. Шибалко, начальником городского отдела внутренних дел белорусского города Борисова.

Документ этот интересен не только как факт официального признания феномена, но и тем, что дает описание происходившего глазами людей, для которых наблюдательность, умение подмечать детали — профессиональные качества.

"Пятнадцатого июня 1988 года, — гласит рапорт, — в 21 час 5 минут в дежурную часть Борисовского городского отдела внутренних дел поступило сообщение от гражданина Г. Е. Климашон-ка о том, что в доме, где он проживает со своей женой, происходят таинственные явления, связанные с самопроизвольным движением различных предметов, находящихся в квартире. По данному адресу был направлен наряд патрульно-постовой службы. Прибывшим старшему сержанту милиции С. Шуляку и сержанту В. Христолюбову хозяева заявили, что в течение последних дней в доме непонятным образом перемещаются предметы (обувь, кухонная посуда и т. д.), самопроизвольно вывинчиваются пробки из электросчетчика и по прямолинейной траектории с поворотом на 180 градусов вылетают из дома во двор или на улицу; сбрасываются постельные принадлежности с кровати, переворачивается вверх ногами стол, падает, при этом не разбиваясь, трельяж; открываются окна, через которые на улицу вылетают подушки, одеяла, матрац и иные вещи.

В одной из комнат милиционеры обнаружили поваленный на пол зеркалом вниз трельяж, кровать со сброшенным на пол матрацем, одеялами и подушками. Произведя осмотр помещений дома и не обнаружив посторонних лиц, старший сержант милиции С. Шуляк попросил всех выйти из комнаты, уходя последним, обратил внимание на женский зонтик, лежавший на стуле. На веранде милиционеры продолжили беседу с хозяевами и соседями. Через несколько минут соседка неожиданно вскрикнула. Позади нее что-то упало на пол. С. Шуляк, стоявший рядом, обнаружил, что на полу лежит женский зонт, который ранее находился на стуле в комнате. Соседка заявила, что зонтик ударил ее в спину, после чего упал на пол. Момент пролета предмета никто не видел.

Милиционеры поехали в горотдел и доложили дежурному.

По адресу выехал старший оперуполномоченный отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности майор милиции А. Макаревич. Все люди, бывшие в доме, были выведены на улицу. Через некоторое время в помещении неожиданно погас свет и на улицу вылетела предохранительная пробка, которая, отлетев от дома метров на 10 — 15, ударилась в забор. Сотрудники не обнаружили в электросчетчике одной пробки. Хозяева пояснили, что пробки вылетают несколько раз в течение дня, и показали груду — 20 — 30 битых".

Нередко невольными свидетелями событий, связанных с загадочным полтергейстом, становились посторонние люди, соседи. Вот один из эпизодов, рассказанных соседкой Вандой:

"Если бы мне это кто-то рассказал, ни за что не поверила бы — настолько невероятные вещи происходили. Стоим мы с Надеждой Исааковной, к примеру, во дворе возле дома,

разговариваем. Вдруг сзади на цементную дорожку опускается сковорода с блинами, накрытая тарелкой, кастрюля с супом и чайник. Мгновение назад вся посуда вместе с содержимым находилась на газовой плите. Подошли к двери на веранду, а оттуда вылетает табурет, вслед за ним кочан капусты и три ложки…

На следующий день, — продолжает свой рапорт подполковник, — начальник отдела поручил дальнейшую проверку заявления старшему участковому инспектору майору милиции Н. Каршакевичу. По указанному адресу выехала оперативная группа в составе майора милиции Н. Каршакевича, старшего следователя майора милиции П. Можейко, участкового инспектора лейтенанта В. Нечаева. В течение полутора часов, проведенных в доме сотрудниками, ничего подозрительного не произошло, но, когда они направились к машине, в калитку ударилась пробка. Вернувшись, опергруппа обнаружила отсутствие одной пробки в счетчике. Хозяйка дома находилась на веранде и утверждала, что ничего не заметила".

17 июня начальник городского отдела внутренних дел сообщил о происшествиях дежурному Управления внутренних дел Минского облисполкома и председателю Борисовского горисполкома В. Сягровцу.

В тот же день начальник городского отдела внутренних дел, председатель горисполкома вместе с секретарем городского комитета Коммунистической партии Белоруссии и заместителем начальника городского отдела внутренних дел посетили злополучный дом. В их присутствии никаких таинственных явлений не произошло. Однако старший оперуполномоченный уголовного розыска майор милиции Н. Павловец, прибывший на место происшествия ранее, заявил, что пробки, закрученные им лично до упора, за полчаса частично вывернулись. Об этом он узнал, когда погас предварительно включенный на веранде свет.

"Позже по указанному адресу побывали заместитель начальника городского отдела внутренних дел майор милиции Ю. Карташов и старший уполномоченный розыска капитан И. Шило. Во время разговора с жильцами на веранде из двери в комнату, где расположен электросчетчик, неожиданно влетела пробка, перемещавшаяся в пространстве в сторону головы майора Карташова. Не долетев пару метров, она резко упала на пол. Во время движения пробка изменила направление полета, развернувшись влево по отношению к первоначальному направлению. Незадолго до этого Карташов лично с усилием завернул до упора обе пробки.

Осмотр комнаты показал, что в помещении никто не присутствовал. Счетчик укреплен на внутренней стенке, напротив двери. Высота от пола — примерно два с половиной метра. Дотянуться до него взрослый человек может, лишь встав ногами на стул.

18 июня, будучи ответственным по отделу, по указанному адресу выезжал заместитель начальника по политчасти капитан милиции В. Крапивко совместно с участковым инспектором С. Якубовским.

Хозяйка дома Н. Климашонок с внучкой Таней и тремя соседками находилась на улице. Они пояснили, что примерно за двадцать минут до их приезда из дома, где в то время никого не было, вылетели друг за другом две пробки, которые хозяйка подобрала, так как они упали в песок, не разбились и были пригодны для дальнейшего использования.

Соседки подтвердили, что действительно пробки пролетели над их головами и упали неподалеку.

Зайдя в дом, сотрудники милиции обнаружили лежащий на полу зеркалом вниз трельяж, сброшенную на пол постель и отсутствие пробок в счетчике. Восстановив порядок, они произвели с согласия хозяйки тщательный осмотр, но ничего подозрительного не обнаружили. Затем все присутствовавшие вышли на улицу осмотреть сарай, в котором, со слов хозяйки, самопроизвольно открывается запертый на ключ замок, распахиваются двери, и свиньи выходят во двор. Осмотр продолжался недолго, при этом двери в дом находились в

поле зрения, туда никто не входил. Когда же все вернулись в дом, то обнаружили лежащий зеркалом вниз трельяж и сброшенную на пол постель.

Обо всех событиях капитан милиции В. Крапивко сообщил по телефону научному сотруднику Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина. Последний заверил, что непременно сообщит об имеющих место таинственных явлениях в Академию наук Белорусской ССР.

20 июня на место события прибыла заведующая отделом пропаганды и агитации Минского областного комитета Коммунистической партии Белоруссии Л. И. Хохлова вместе с секретарем Борисовского городского комитета Коммунистической партии Белоруссии З. П. Маханек и начальником городского отдела внутренних дел. В течение получаса нахождения по указанному адресу ничего существенного не произошло".

В рапорте подполковника милиции А. Шибалко упоминается его заместитель майор Ю. Карташов. Его рассказ дополняет информацию из официального отчета.

«Когда ехали на место происшествия, — сообщил он, — завернули в магазин, приобрели пару пробок. Хозяева, отчаявшись бесполезно тратить деньги, уже не ставили новых. Привезли, ввернули, зажгли свет. В нашем присутствии никаких подозрительных явлений не наблюдалось. Вместе со старшим оперуполномоченным розыска капитаном И. С. Шило прибыли сюда назавтра. Все жильцы сидели на веранде. Поинтересовались, как дела. „Спасибо, — говорит Надежда Исааковна Климашо-нок, — ничего не летает". Решили заглянуть в помещение, где находится счетчик. Дверь была заперта на ключ. Открыли — трельяж зеркалом вниз. Подняли. Пробки на своем месте. В спальню заглянули — там все постельные принадлежности, как были застелены, только в обратном порядке, лежат на полу. Все вернули в прежнее положение и вышли на веранду. Разговорились. Я стою спиной к дверям из дома — держу в поле зрения прихожую. Беседовал как раз с Надеждой Исааковной, когда заметил, что из комнаты, где счетчик, вылетает пробка, поворачивается по касательной примерно на 90 градусов и летит прямо мне в голову. Мне бы увернуться, но решил выждать. Пролетев на веранду, пробка упала мне под ноги. Тотчас же схватил ее — думал, может, горячая, ведь должно же быть какое-то объяснение этим полетам. Нет, нормальная температура. Вместе с И. С. Шило бросились в помещение — правой пробки нет, вторая вывернута на три-четыре оборота… Надежда Исааковна махнула рукой, мол, не заворачивайте, скоро и эта вылетит».

В рапорте подполковника упоминается, что сообщение о феномене в конце концов передали в Минский университет и в Белорусскую Академию наук. Такая последовательность событий представляется более или менее постоянной: сначала милиция пытается разобраться в происходящем собственными силами, потом, убедившись в своей беспомощности, криминалисты вынуждены обратиться за помощью к науке,.

Как подтверждение этому интересно сопоставить описанные выше события со случившимся в Киеве шестьдесят лет назад, зимой 1926/27 года. Там в подобную же историю также оказалась активно вовлечена милиция. Вот как рассказывалось об этом в статье, опубликованной в киевской «Пролетарской правде» за 2 июня 1927 года:

"Было это вечером 20 ноября 1926 года. В небольшом доме № 24 в Саперной слободке начались чудесные явления. В комнату, где мирно разговаривали хозяйка дома Андрийченко, ее квартирантка Андриевская и гостья Кесесионова, начали летать из кухни, которая находилась рядом, различные предметы. Сначала упало с печи на порог комнаты полено, потом начали летать ступки, сковорода, солонки, бутылки из-под чернил.

Наиболее упрямой оказалась мыльница. Несколько раз ее клали на полку в кухне, а она снова «срывалась» с места и падала под ноги женщинам. Еще раньше, до этого случая, в кухне не раз были слышны какие-то стуки. Хозяйка позвала из другой комнаты своего сына и его друзей. Они внимательно оглядели кухню, посмеялись и вскоре ушли.

А тем временем минут через 20 вещи снова стали делать в комнате «мертвые петли», чем, понятно, навели панику на мирно разговаривающих женщин. Надо было что-то предпринимать. Хозяйка побежала к соседу, начальнику районной милиции т. Лов-линскому, который в это время как раз был дома. Выслушав Андрийченко, он взял наган и пошел к ней. Только он, успокоив женщин, вошел в кухню, как его обрызгало грязной водой. Потом перед его глазами полетела с полки на пол злосчастная мыльница. Начальник района вызвал по телефону милиционеров. Как только милиционеры вместе с т. Ловлинским вошли на кухню, мыльница снова у всех на глазах сорвалась с места. Начальник района выстрелил в стену. Милиция внимательно все осмотрела, сделала обыск во всей комнате, в подвале, на чердаке — и ничего подозрительного не обнаружила. А тем временем на глазах у всех милиционеров начали летать и другие вещи. Тогда вызвали по телефону инспектора уголовного розыска т. Нежданова. Осмотрев дом и решив, что здесь делается что-то непонятное, а виновата в этом Кесесионова, он забрал ее и повез в уголовный розыск, а оттуда отослал в ГПУ. ГПУ освободило Кесесионову, а дело передало старшему следователю Киевского окружного суда. Тот, проведя следствие, переслал его в Институт научно-судебной экспертизы".

«Следует отметить, — продолжает газета, — что вскоре после этого случая в Саперной слободке, который явился причиной удивительных слухов среди людей, Андриевская выехала из Киева. Кесесионова перестала навещать Андрийченко, и вещи больше не летали. Когда же в середине марта этого года Андриевская снова начала заходить к ним, снова у них начались по ночам стуки, начали летать разные вещи, о чем они и уведомили институт. Считая, что институт уже сделал выводы из этой истории, мы обратились к директору института В. И. Фаворовскому и попросили его поделиться с нами своими выводами…».

Газетный отчет упоминает тогдашнего инспектора уголовного розыска Нежданова. Спустя сорок лет после событий исследователям феномена удалось разыскать инспектора. Рассказ его дополняет газетную версию:

"Осенью 1926 года в субботний вечер (около 19 часов) в управление милиции Киева поступило телефонное сообщение от начальника райотдела милиции, что в одном из домов, находящихся в Саперной слободке, происходит что-то непонятное, имеет место самопроизвольное передвижение предметов, и он просит срочного приезда представителей милиции.

Прибыв на место, мы увидели очень большое скопление народа вокруг двора деревянного дома (во двор милиция людей не пускала). Войдя в дом, начальник райотдела милиции доложил, что в его присутствии имело место самопроизвольное передвижение предметов, как, например, чугунков и дров в русской печке, медного кувшина, стоявшего на мраморном умывальнике, и др.

Случай как для меня, так и для других работников милиции был настолько несуразным, что поверить было трудно. Стали тщательно осматривать кухню, комнаты — нет ли каких-нибудь тонких проволочек, которыми можно было бы незаметно передвинуть кастрюли и другие предметы, но ничего не обнаружили. В доме кроме хозяйки квартиры (возраст около 50 лет), ее взрослого сына и квартирантки — жены инженера Андриевского (возраст 30 — 32 года) была еще знакомая хозяйки (возраст более 50 лет). Уже когда я сидел в столовой этой квартиры, продолжал вспоминать инспектор уголовного розыска, при мне слетела на пол медная (из снарядной гильзы) кружка с водой.

Так как мы — представители власти — никак не могли объяснить народу и себе это «происшествие», но боялись, что среди собравшегося населения могут быть серьезные инциденты, поскольку одни считали, что это «чудо», а другие доказывали, что это шарлатанство, я был вынужден пригласить с собой в горми-лицию знакомую хозяйки дома — соседку, которая, как тогда казалось, влияла на всю эту «историю». Тем более что она меня как бы с угрозой предупредила, чтобы я осторожно сидел за столом в столовой, иначе может упасть люстра. В ответ мною ей было заявлено, что люстра не упадет (и не упала).

За ее приглашение в гормилицию я в понедельник получил соответствующий нагоняй от прокурора города Киева.

Но я был удовлетворен тем, что после моего отъезда с этой женщиной в доме в Саперной слободке воцарилось спокойствие. Однако через какой-то промежуток времени при посещении указанной соседкой этого дома и встречи ее с Андриевской опять предметы стали «прыгать». Этим происшествием в городе Киеве, насколько я помню, занимался профессор Фаворовский…"

Рассказ инспектора уголовного розыска любопытен не столько описанием феномена, сколько тем, что против полтергейста применялись методы, посредством которых решались тогда в Советской России все проблемы: милиционеры оцепили дом, устроили в нем обыск; начальник (очевидно, чтобы поразить или напутать невидимого врага) принялся стрелять в стену; и в довершение всего, по сути, первая попавшаяся женщина была арестована, а затем передана в ГПУ.

Безусловно, эта сторона дела характеризует скорее политические нравы эпохи, но главное — тогда, семьдесят лет назад, милиция, исчерпав все свои средства, также сделала единственное, что ей оставалось, — передала непонятное это дело в ведение науки. В данном случае — Институту судебной экспертизы.

Что же касается попыток милиции решить проблему собственными средствами, то делается это по привычной схеме: то есть ставится задача найти виновного и уличить его. Такой обвинительный уклон не должен удивлять, если принять во внимание саму направленность этой организации, а отсюда и неизбежные психологические стереотипы работающих в ней людей.

Такой обвинительный уклон присутствует почти в каждом деле о полтергейсте, когда пострадавшие рискнули пригласить на помощь милицию. Не оказалась исключением и семья Рощиных, живущая в деревне Никитской под Клином, недалеко от Москвы.

Все началось зимой 1986/87 года с того, что нечто странное стало происходить с электричеством. По нескольку раз в день его стали отключать автоматические пробки-предохранители. Иногда это происходило так часто, что Рощины предпочитали обходиться без электричества и проводить вечера при свечах, как их предки. Так было спокойнее. Тем более что временами без всяких причин счетчик начинал вдруг бешено вращаться, насчитывая совершенно необъяснимые, но тем не менее обязательные к уплате суммы. По словам местного прокурора, «за электроэнергию обычно семья Рощиных платит около полутора рублей в месяц. А за февраль, когда выбивало пробки и бешено крутился счетчик, они уплатили сорок три рубля».

Причем раньше, примерно за месяц до февраля, когда полтергейст особенно разбушевался, Рощиным пришлось заплатить за месяц еще больше — 96 рублей.

Но оказалось, все это было только прелюдией. Как и в других подобных ситуациях, в доме сами собой стали передвигаться предметы. С места на место перелетали сковородка, сахарница, электробритва. Потом внезапно начали падать тяжелые предметы: кувырнулся стол, лег на бок холодильник со всем содержимым, сами по себе вдруг сползли и рухнули на пол верхние половины сервантов.

Чтобы уберечь купленный недавно телевизор — цветной, последней марки, — его завернули в одеяло, отнесли подальше от дома и положили на дороге, прямо на снег.

«Кошка ли прыгнет, стукнет где-то — мы уже пугаемся: опять, что ли, все началось? — рассказывал хозяин дома, семидесятилетний Михаил Рощин, в дни временного затишья. — Пока у нас тихо. Тех ужасов, что мы пережили, больше нету. А тогда выбивало пробки. Не раз откручивался водопроводный кран и хлестала вода. Убытков мы не подсчитывали, никто их нам не возмещал. Новые стекла, конечно, вставили. Обои испорченные переклеивали. Были разбитые цветочные горшки, стекла в шкафу, который упал на кухне…»

Решив, очевидно, что пространства дома для него недостаточно, полтергейст стал выбрасывать вещи за его пределы. Из комнаты вылетела сахарница и, миновав кухню, пробила окно и вылетела наружу. Через минуту тем же путем отправился молоток, склянка с синькой.

Когда отчаяние обитателей дома перешло все пределы, жена хозяина Анна Петровна решилась наконец позвонить в милицию. Что еще оставалось им делать, кого было звать на помощь? Дежурный, услышав ее жалобы, расхохотался. Он искренне полагал, что позвонившая старушка решила его разыграть.

«Вам смешно, — расплакалась она. — А мы вещи выносим!»

Убедившись, что с ним не шутят, дежурный тут же по тревоге поднял наряд милиции. При виде патрульной машины, которая, включив сирену, мчалась по проселочной дороге, кому из встречных могло бы прийти в голову, по какому странному вызову спешат эти вооруженные люди в форме. Прибыв на место, группа тут же приступила к делу. Но сколь бы необычной и не похожей на другие ни оказалась эта их операция, сила стереотипов, выработанных многолетней практикой, была сильнее. Вот почему первое, что они сделали, едва войдя в дом, — это тщательно и привычно обыскали его от чердака и до подпола. Искали они, однако, не таинственную силу, которая производила беспорядок в доме и увидеть которую все равно было бы невозможно. Объект их поисков был куда реальнее и прозаичнее — самогонный аппарат. Окажись он в доме — и все происходившее в нем тут же получило бы для стражей порядка полное объяснение. Ясное дело, если есть самогон, значит, хозяева пьют без просыпу и им может показаться, что холодильник не то что падает, а под балалайку пляшет! А если так, то оштрафовать их — и все, чтобы впредь неповадно было!

Однако на этот раз удача обманула милицию. Ни самогона, ни аппарата для его изготовления в доме не оказалось. Тем не менее следователь А. Редькин, которому начальство не иначе как в наказание за что-то поручило это неблагодарное дело, не терял надежды. По опыту он знал: нужно поговорить с людьми, односельчанами, соседями Рощиных. Кто-нибудь да таит на них зло и обиду. Кто-нибудь да даст ему ниточку, потянув за которую можно будет вытянуть все дело. Увы, после многих расспросов Редькин скрепя сердце констатировал в протоколе, что Рощины «не буянят и в пьяном виде по улицам не расхаживают».

Впрочем, у следователя оставалась еще одна карта, которая могла оказаться решающей, — двенадцатилетний внук хозяина Алеша. Не он ли устраивает исподтишка все эти дурацкие игры? Как и по предыдущей версии, никаких особых доказательств здесь и не требовалось. Признается мальчик — сразу все и объяснится, не останется никаких недоумений. Нужно только облегчить ему признание, объяснить, что, если сознается, его не накажут, ничего ему не будет. За годы работы следователь усвоил, что лучше всего «признаются» в милиции. Сама обстановка, надо думать, располагает к «искренности».

При всяком другом раскладе ситуация была бы беспроигрышна. Но здесь в дело действительно, казалось, вмешалась нечистая сила. В поединке с полтергейстом следователю раз за разом не везло. Вместо того чтобы сразу же сознаться, Алеша, даже будучи доставлен в милицию и помещен в детскую комнату, упорно не желал признавать своей вины.

«Ты ведь мальчик смышленый, — примерно так убеждал его следователь. — В школе хорошо учишься. Ты пойми, что все эти безобразия в доме, кроме тебя, делать некому. Если не ты, что же, отец твой устраивает это? Или, может, дед? А ведь именно так и выйдет, если ты будешь отказываться. Дед твой — заслуженный, уважаемый человек. Отец тоже. Неужели ты хочешь, чтобы у отца на работе стало известно, что он посуду по дому швыряет?»

Мальчик плакал, но сознаваться по-прежнему не хотел. Когда же следствие по полтергейсту окончательно зашло в тупик, кому-то явилась спасительная мысль —

препоручить все науке. Ученые — народ любопытный, пусть и занимаются этим делом. Милиция же ни пьянства, ни хулиганства не нашла, значит, это не ее дело. Однако, когда из милиции стали звонить в Академию наук и объяснять, в чем дело, на другом конце провода раздался такой же хохот, каким дежурный милиции ответил когда-то на звонок Анны Петровны.

Почти месяц понадобился милиции, чтобы найти ученых, которые взялись бы за это дело. Хотя нет ничего странного, что администраторы из Академии наук оказались несведущи в том, кто из ученых занимается этой тематикой. Те, кто не один год изучает подобные явления, не афишируют этого, чтобы не вызвать насмешек своих коллег и начальства. По словам доктора биологических наук, профессора Г. Гуртового, научное сознание оказалось совершенно не готово к такого типа феноменам: «Срабатывает стереотип мышления, не принимающего иных объяснений, кроме привычных: либо жулик, либо сумасшедший… И многие боятся к этому прикоснуться — как бы репутация не пострадала».

То, что милиция, занимаясь паранормальным явлением, все усилия прилагает к тому, чтобы обнаружить некого злоумышленника, объясняется не только профессиональной привычкой. Полтергейст сам как бы провоцирует это. Случайно или в этом есть свой скрытый смысл, но почти всякий раз в сфере феномена оказывается так называемый «носитель» эффекта. Обычно им бывает подросток. Большинство происшествий случается в его присутствии, и стоит ему удалиться, как число их падает или они прекращаются вообще. Неудивительно, что связь эта, явная или кажущаяся, бросается в глаза профессиональным сыщикам. Еще менее удивительно, что они пытаются найти этой связи объяснение. Правда, делается это всякий раз сообразно уровню профессиональной квалификации, которая, к сожалению, оказывается прискорбно низкой.

Конечно, противоборство с конкретным, зримым противником куда легче, нежели поединок с собственно полтергейстом, которого и увидеть-то нельзя. Такая удобная для следствия подмена и была сделана в случае с Алешей — вместо полтергейста объектом дознания оказался подросток. По той же схеме развивалось следствие по делу о полтергейсте и в украинском городе Енакиево зимой 1986/87 года.

На сей раз жертвой полтергейста оказалась семья, проживавшая в большом многоквартирном доме. Все началось с появления в оконном стекле круглого отверстия с оплавленными краями размером с пятикопеечную монету. После этого в квартире стали происходить обычные для феномена вещи — передвижение и полет предметов, падение мебели и т. д. Обстоятельством, отличавшим здешний полтергейст от большинства других, были пожары, которые вспыхивали спонтанно, но всякий раз в присутствии тринадцатилетнего Саши К. Внезапно и беспричинно на глазах у всех загорались книги, ковры, одежда, в том числе дорогие и любимые Сашины джинсы. Мать Саши, школьная учительница русского языка, рассказывала:

«Я окончательно перестала что-нибудь понимать после того, как, положив в стиральную машину белье, увидела, что оно стало воспламеняться. У нас в квартире все сгорело. — В глазах женщины стояли слезы. — Живем в непрестанном страхе: если засыпаю, то дежурит муж. Если спят муж и Саша, то не сплю я. Боимся угореть, боимсд сжечь весь многоквартирный дом».

Пожарные приезжали по тревоге в их квартиру девять раз. И несколько раз огонь вспыхивал прямо в присутствии пожарных и милиции. Однажды пламя внезапно появилось в ванной. С полминуты все смотрели на поток огня шириной около полуметра, который с ревом вырывался прямо из стены. Когда огонь прекратился — внезапно, как и начался, — край ванны оказался слегка теплым, однако краска на стене даже не обгорела.

Чтобы сберечь оставшиеся в доме вещи, их пришлось распихать кое-как по ящикам и чемоданам и вынести сначала просто во двор. Потом решено было переехать на время к Сашиной бабушке.

«В тот день, — рассказывала бабушка, — я помыла пол и мокрую тряпку возле стенки расстелила на просушку. И вдруг вижу: моя розовая тряпка чернеет, от нее идет дым».

«И верить не хочется, и не верить нельзя, — комментировал сосед по дому. — Если бы я не знал тех, у кого это происходит, подумал бы, что ради крупной страховки „химичат“. Так у них-то имущество не застраховано, да и люди они честные. Мы тридцать лет в соседстве живем. Все говорят, пацан виноват».

«Пацан виноват» — эту удобную версию безоговорочно приняла и местная милиция, заведя на людей, обратившихся к ним за помощью, уголовное дело.

Вячеслав Чернов, подполковник милиции, начальник городского отдела внутренних дел, высказался по этому поводу так: «Ни в какую мистику наше ведомство, понятно, не верит. Нам нужны мотивы, факты, доказательства. Делом Саши К. у нас занимаются два опытных работника городского отдела милиции — капитан Н. Курдов и старший лейтенант Л. Скурат. Зная, какой огромный интерес среди населения вызывает это дело, наши товарищи подошли к нему с внимательностью: опрошены многие свидетели, собраны различные вещественные доказательства. Есть многое, но нет, пожалуй, главного — признания человека, который-по болезни, из шалости или по каким-то иным причинам организовывал пожары. Установить его личность — наша задача, и мы ее в ближайшее время решим. Сегодня есть только подозреваемый, а этого недостаточно».

Говоря о том, что главное для него — это признание подозреваемого, милицейский начальник не оговорился. Он сказал, что думал, и не имел, очевидно, причин это скрывать. Представление, будто признание подозреваемого — главное и достаточное доказательство его вины, как известно, лежало в основе всей практики сталинского террора. И хотя потом практика эта была многократно осуждена в СССР с высоких трибун и со страниц печати, в сознании аппарата она, как видно, продолжала жить. В данном случае — в сознании довольно большого милицейского чина.

Доказательства, которое так хотел получить подполковник — «признания» подростка, — он все-таки не получил.

«Я так и знала, что вы все свалите на моего сына, — заявила мать Саши следователям. — Я не согласна с этим заключением. Мальчика своего я не разрешу допрашивать».

К счастью, мать-учительница знала законы и оказалась непреклонна. Это избавило мальчика от психической травмы, которой не избежал Сашин сверстник Алеша Рощин из-под Клина.

Впрочем, при желании раздобыть «доказательство», как оказалось, не составило труда. Вскоре подполковник демонстрировал его в своем кабинете. Положив в пепельницу кусок ткани, он сначала смачивал его каким-то реактивом, затем посыпал порошком, после чего лоскут ярко вспыхивал. При этом начальник отдела внутренних дел с победным видом оглядывал присутствующих, с завидным простодушием поясняя, что чудодейственный состав предоставил ему Донецкий институт физико-органической химии Академии наук. Впрочем, подполковнику, возможно, и не стоило обращаться так высоко, в Академию наук: всякий, учившийся в школе, помнит этот опыт по начальным урокам химии.

Конечно, незнание всегда дает некоторое преимущество. Знай енакиевские милиционеры, что случаи «огненного полтергейста» не так уж редки, неизвестно, как бы еще пришлось им «решать» это уголовное дело. И действительно, в том же году подобным феноменом занимались их коллеги на Севере, в городе Сыктывкаре, и на самом юге, в Самарканде. В последнем случае предметы вспыхивали в присутствии десятилетней девочки.

Как бы то ни было, после столь убедительного эксперимента, возведенного в ранг доказательства, двухтомное дело о поджогах в семье К., проживавшей в городе Енакиево, было благополучно завершено. «Объяснение» возгораниям было найдено.

Психологи утверждают: никто не хочет зла, просто представления о добре у всех очень разные. И даже какая-нибудь порча, которую насылали на кого-нибудь во время оно зловредные колдуны, народи зло творилась, а была, скажем, мщением, то есть карой за грех, восстановлением попранной справедливости, а значит, косвенно — добрым делом. Все планы, все уставы всех тайных обществ предусматривали исключительно стремление к благом целям. Всем реформаторам грезился грядущий рай, мир на земле и во человецех благоволение. Все революции совершались во имя всеобщих благоденствия и счастья. Словом, в своем воображении человечество всегда рисовало себе карты Эдемского сада, а если вымощенная благими помыслами и намерениями дорога с достойным лучшего применения постоянством приводила почему-то ко вратам преисподней, то это скорее не вина, а беда.

Беда от того самого извечного нетерпения сердца, о котором у нас сегодня уже шла речь. Беда от того, что мы существуем единовременно в двух мирах — реальном и созданном нами же сотворенными мифами.

Да только иного существования нам не дано. И значит, остается только постигать эти миры и движущие ими законы, чтобы смутные хаотичные движения вокруг постепенно упорядочивались и обретали черты очевидности.

Одну из них и предназначена, на мой взгляд, дать серия «Спецслужбы России». История — а она, как известно, праматерь всех наук — может и должна быть рассмотрена и под таким углом зрения. Потому что только при взгляде со многих точек способна возникнуть подлинно объемная картина, дающая представление не только и не столько о разрозненных фактах и эпизодах, сколько о процессах и их динамике. Становится видно, как сплетаются и пересекаются сюжетные линии, человеческие судьбы, концепции, за утверждение которых проливались то чернила, то кровь (и последней, увы, куда больше).

Конечно, то, о чем мы говорили до сих пор — лишь начало. Взаимоотношения спецслужб (в самом широком понимании этого слова) и чудес, колдовства, оккультизма, мистики — страница интересная, но не самая большая и, может быть, далеко не самая важная. Казалось бы, ее можно вообще пролистнуть. Но нет — именно здесь отчетливее всего проступают, на мой взгляд, те психологические закономерности, что определяют действия организаций и персонажей, о которых повествуется на всех последующих. И прав был составитель, начав серию именно с этих двух томов.

Нам с вами предстоит еще немало встреч и разговоров — о военной разведке и контрразведке, о политическом и уголовном сыске, таможенниках и дипломатах, художниках и ученых — все они вовлечены в орбиту той системы, что получила общее наименование спецслужб. Но без этих — на первый взгляд, необязательных — эпизодов вряд ли можно составить целостную картину. А ведь именно целостностью она и ценна.
